М. Х. ШМИДЕХЕЛЬМ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПЕРИОДА РАЗЛОЖЕНИЯ РОДОВОГО СТРОЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЭСТОНИИ

XIII
В-108
VI

АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

М. Х. ШМИДЕХЕЛЬМ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПЕРИОДА РАЗЛОЖЕНИЯ РОДОВОГО СТРОЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЭСТОНИИ

(V В. ДО Н. Э. — V В. Н. Э.)

ЭСТОНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТАЛЛИН 1955

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
92347

Настоящая работа посвящена анализу археологических памятников северо-восточной части Эстонии, относящихся ко второй половине I тысячелетия до нашей эры и к первой половине I тысячелетия нашей эры. Материалы, послужившие основой для этой работы, хранятся в Институте истории Академии наук Эстонской ССР; бóльшая часть материалов публикуется впервые. Автор ознакомился также с соответствующими археологическими материалами в фондохранилищах Москвы, Ленинграда и Риги. По многим вопросам автор использовал помощь научных работников Института истории материальной культуры Академии наук СССР в Москве и Ленинграде, особенно С. А. Тараканово й, принявшей активное участие в обсуждении работы на заседании сектора археологии Института истории АН ЭССР, а также Я. В. Станкевич. Ряд ценных указаний автор получил от А. Ф. Медведева, произведшего литературную обработку текста.

Работа была обсуждена на заседании Президиума Академии наук Эстонской ССР после того, как она не раз являлась предметом обсуждения в секторе археологии Института истории АН ЭССР.

Неоценимую помощь, особенно в методологическом отношении, автор получал на всем протяжении работы от руководителя ее, заведующего сектором археологии Института истории АН ЭССР проф. Х. А. Моора. В разной мере автор обязан товарищеской помощи всего коллектива Института истории, прежде всего работникам сектора археологии.

По многим вопросам автору приходилось обращаться и к представителям других отраслей науки.

Вопросы лингвистического характера, служащие в значительной мере основой для разрешения проблем этногенеза эстонских племен, разрабатывались в тесном контакте с коллективом Института языка и литературы АН ЭССР, в частности с сотрудниками Института А. Х. Каском и А. Я. Универе. Ряд ценных указаний в этой же области автор получил от действительного члена Академии наук ЭССР проф. П. А. Аристэ.

По вопросам геологии и природных условий рассматриваемой в настоящей работе территории автор консультировался у действительного члена Академии наук ЭССР проф. К. К. Орвику.

Костный материал с городищ и из некоторых могильников был определен профессором Московского университета В. И. Цалкиным и сотрудником Института зоологии и ботаники АН ЭССР К. Л. Паавером.

Рисунки для иллюстраций изготовлены, за небольшими исключениями, художником К. Ю. Мей.

Автор выражает свою глубокую благодарность всем лицам, содействовавшим появлению настоящей работы.

Январь 1955 г. **Автор.**

ВВЕДЕНИЕ

В период времени от середины I тысячелетия до н. э. и до середины I тысячелетия н. э. в общественно-экономической жизни населения территории Эстонии произошли значительные сдвиги. Важнейшим из них являлся постепенный рост значения земледелия в добывании средств к жизни и окончательное превращение земледелия в основу хозяйства в последние века до н. э. Значительную роль в развитии производительных сил в начале описываемого периода сыграло введение в употребление железа. Рост производительных сил вызвал изменение и в общественных отношениях — началось разложение родового строя. За изменениями в базисе последовали изменения в явлениях надстроечного характера, которые отразились также и в археологических памятниках.

Выбор для исследования археологических памятников данного периода именно территории северо-восточной Эстонии, т. е. исторической «земли» Вирума (рис. 1), вызван прежде всего тем, что развитие социально-экономических отношений прослеживается здесь более непрерывно и многосторонне, чем в какой-либо другой части территории Эстонской ССР, благодаря обилию памятников рассматриваемой эпохи, в частности могильников. Этот археологический материал, по сравнению с материалом из других местностей Эстонии, позволяет более точно определить продолжительность рассматриваемого этапа развития и уточнить, таким образом, хронологию древнейшей истории Эстонии. Кроме того, в северо-восточной части Эстонии имеются предпосылки для разрешения некоторых вопросов, связанных с этногенезом эстонского народа.

Имеющийся в нашем распоряжении материал является неравноценным как в отношении применявшейся в различное время методики раскопок, так и степени внимания, которое уделялось различными исследователями тем или другим памятникам.

За исключением некоторых городищ, исследование которых стало возможным только в советский период, наиболее типичными археологическими памятниками на северо-востоке Эстонии являются каменные могильники. Для первой половины рассматриваемого в настоящей работе периода (V в. до н. э. — I в. н. э.) характерны группы небольших каменных курганов с ящиками (табл. I:1—3), а для более позднего времени (I—VI вв. н. э.) — так называемые могильники с оградками, т. е. большие, коллективные могильные сооружения, состоящие из пристроенных одна к другой отдельных четырехугольных частей — «оградок», с невысокими каменными стенками (табл. X). В противоположность каменным курганам с ящиками, которые почти не содержат инвентаря, могильники с оградками богаты различными предметами. Вполне естественно поэтому, что могильники с оградками, раскопки которых давали много вещественного материала, стали привлекать внимание исследователей значительно раньше, чем бедные находками курганы с ящиками.

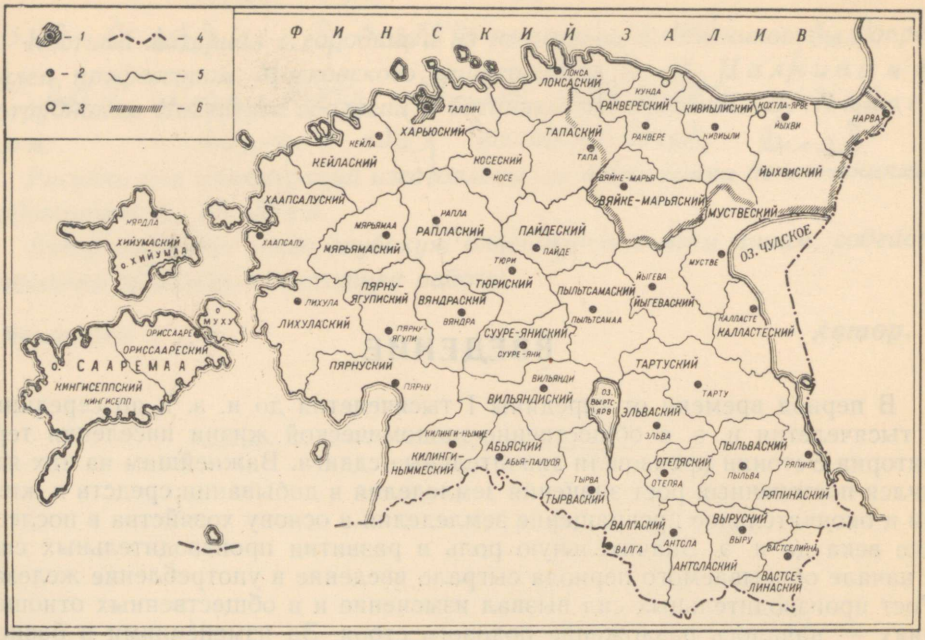


Рис. 1. Карта Эстонской ССР. *1* — столица республики; *2* — районный центр (город, поселок, селение); *3* — город; *4* — граница республики; *5* — граница района; *6* — граница территории, составляющей предмет исследования настоящей работы.

Решающую же роль в выборе объектов раскопок вплоть до 1940 г. играло подчинение всей исследовательской работы антинародным интересам правящих классов, на службу которым, вместе с остальными историческими дисциплинами, была поставлена и археология.

До первой мировой войны археологическое исследование территории Эстонии, как и Латвии, осуществлялось преимущественно прибалтийскими немцами. Несмотря на смену социально-экономической формации в XIX веке, т. е. переход от феодализма к капитализму, идеология прибалтийско-немецких историков сохраняла в значительной мере феодально-сословный характер [1].

Господствующий класс прибалтийско-немецких помещиков стремился найти в прошлом оправдание своему привилегированному положению, доказать свои «исконные права» на Прибалтику. «Если в прибалтийско-немецкой историографии и можно говорить о каких-то этапах развития, — говорит Я. Зутис, — то имея лишь в виду появление новых литературных приемов в деле защиты тех же старинных и новых сословных привилегий»[2]. Для подтверждения своих «прав» на Прибалтику прибалтийские немцы привлекали также и археологию, тенденциозно «доказывая» на археологическом материале, будто бы Прибалтика была исконной германской территорией, принадлежавшей немцам или входившей, по крайней мере в культурном отношении, в сферу влияния германского мира еще задолго до овладения этой территорией в XIII веке немецкими захватчиками-феодалами.

---

[1] Зутис Я., Очерки по историографии Латвии. Часть I. Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949, стр. 238.

[2] Там же, стр. 240.

Большие каменные могильники первой половины I тысячелетия н. э. с их многочисленным и разнообразным инвентарем, свидетельствующим о высоком развитии техники обработки металла, казались подходящими для того, чтобы приписывать их «высшему» — по понятиям прибалтийских немцев — германскому этническому элементу. Эти могильники стали изучаться во второй половине XIX в., и при этом сразу же был поднят вопрос об этнической принадлежности оставившего их населения. В 70-х годах прошлого столетия в северо-западной части Латвии было обнаружено семь ладьевидных каменных могильников с погребениями в урнах, стоявших в маленьких каменных ящиках. Впервые эти могильники опубликовал К. Гревингк (Grewingk, 1819—1887), онемеченный латыш, профессор минералогии Тартуского университета, который наряду со своей специальностью занимался также археологией. На основании сходства этих могильников с известными скандинавскими ладьевидными могильниками I тысячелетия до н. э. он усматривал в них памятники, оставленные каким-то германским племенем, переселившимся на территорию западной Латвии из Скандинавии [1].

Под влиянием ладьевидной формы этих могильников Гревингк и его последователи стали усматривать такую же форму в каменных могильниках с оградками, которые стали раскапываться в северной Латвии и в южной Эстонии [2]. Поперечные стенки этих могильников трактовались как «скамьи для гребцов», а иногда несколько закругленная (вследствие распашки) форма концов могильников давала повод видеть в них нос или корму «каменных ладей». На деле могильники с оградками в Эстонии и северной Латвии не имеют ничего общего с ладьевидными могильниками в Скандинавии и на северо-западном побережье Латвии.

Такое неправильное толкование этих могильников было обусловлено низким в то время уровнем методики раскопок, когда план раскопок рисовался без точных измерений, на глаз, а иногда даже по памяти. Строителями этих «каменных ладей» прибалтийско-немецкие археологи считали готов, якобы прибывших из Скандинавии в Эстонию и северную Латвию морским путем, тогда как «местное население», по концепции Гревингка, жило в то время еще в условиях каменного века [3]. В этом ясно проявляется порочная расистская тенденциозность идеологии К. Гревингка, создателя «теории каменных ладей», и его единомышленников (например, К. ф. Сиверса, археолога-любителя, помещика из прибалтийских немцев, и др.).

Первый отпор теории «каменных ладей» и вместе с тем всей связанной с ней концепции был дан русским профессором Тартуского университета П. С. Висковатовым. Свободный от оков прибалтийско-немецкой идеологии, применяя опыт, усвоенный им при раскопках на побережье Черного моря, он на исследованном им могильнике в Тюрсамяэ впервые обнаружил настоящий характер могильников с оградками, как могильных сооружений, состоящих из нескольких пристроенных друг к другу частей. В то же время он первый связал эти могильники с местным населением [4].

---

[1] Grewingk, C., Die Steinschiffe von Mushing und die Wella-Laiwe oder Teufelsbote Kurlands überhaupt. Verh. GEG IX, Dorpat 1879, стр. 1—48. Описание этих своеобразных, в общем чуждых Прибалтике могильников дает Моора Х. А., Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК XLVIII, М., 1952, стр. 19—20, рис. 8.

[2] Grewingk, указ. раб., стр. 30—31.

[3] Grewingk, C., Das Steinalter der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland und einiger angrenzenden Landstriche. Schriften GEG IV, Dorpat 1865, стр. 108—109.

[4] Труды VII археологического съезда в Ярославле 1887, том II, М. 1891, стр. 131—133.

Антинаучность и тенденциозность концепции К. Гревингка характеризуются, между прочим, тем фактом, что он «исправил» составленный Висковатовым план раскопок в Тюрсамяэ (табл. XIII:2), на котором поперечные стенки показаны не совсем параллельными (как это на деле часто бывает у этих могильников), и опубликовал его, изобразив стенки параллельными («скамьи для гребцов») [1].

Раскопанный П. С. Висковатовым могильник в Тюрсамяэ, расположенный примерно в 25 км западнее Нарвы, является первым научно исследованным могильником с оградками на территории северо-восточной Эстонии. Новое истолкование этих могильников было воспринято также профессором классической археологии Тартуского университета Г. Лёшке (Loeschcke), который даже полемизировал с Висковатовым из-за приоритета этого нового взгляда. По этому поводу стали снова обмерять могильники, считавшиеся достоверно ладьевидными, причем оказалось, что все составленные до этого планы этих могильников были искажены под влиянием теории «каменных ладей».

Разбор этой полемики и связанных с нею работ, а также правильную оценку прогрессивной концепции П. С. Висковатова дает Н. Н. Харузин в составленном им в 1894 г. обзоре археологического изучения Прибалтики, где необоснованность «готской теории» прибалтийско-немецких исследователей выставляется даже более ясно, чем это делал сам Висковатов [2]. Однако взгляды Висковатова и Харузина совершенно игнорировались прибалтийско-немецкими исследователями.

Когда «теория каменных ладей» была опровергнута, прибалтийско-немецкие исследователи были принуждены искать другие пути для подтверждения своей концепции о «культурной миссии» немцев в Прибалтике, пропагандируемой не только в археологии, но и вообще во всей прибалтийско-немецкой историографии. Эта концепция особенно рьяно отстаивалась представителями так называемого апологетического направления, к которым относились Г. фон Бруйнингк и его последователи.

Одним из них был профессор истории Тартуского университета Рихард Гаусман (Hausmann, 1842—1918), который с 90-х годов посвятил себя также и археологии. Если Гревингк, как минералог, занимался преимущественно вопросами каменного века, то Гаусман, как историк, особенно интересовался железным веком. Он произвел целый ряд раскопок могильников первых веков н. э. в южной Эстонии и северной Латвии (Камбья, Саамуэли, Унипиха, Кууде, Ауциемс и др.). На территории северо-восточной Эстонии он раскопал и опубликовал большой могильник с оградками в Ярве (Йыхвиского района). Р. Гаусманом и Б. Кёрбером (Körber) впервые были вскрыты и отдельные каменные курганы на побережье Финского залива, около Вайвара. Планы раскопок, произведенных Гаусманом и его сотрудниками-любителями, довольно несовершенны и дают, в лучшем случае, только общее представление о типе исследованного памятника, без всяких деталей. Вместо употребляемого Гревингком для каменных могильников с оградками названия «каменных ладей», Гаусман вводит название «могильников с каменными рядами» (Steinreihengräber) — термин, вошедший в употребление в прибалтийско-немецкой археологической литературе.

Для археологического изучения Прибалтики решающее значение имел X Археологический съезд в Риге (1896), давший повод подвести итоги

---

[1] Grewingk, C., Der schiffförmige Aschenfriedhof bei Türsel in Estland. Verh. GEG XIII. Dorpat 1888, табл. I B.

[2] Харузин Н. Н., Обзор доисторической археологии в Эстляндской, а также в Лифляндской и Курляндской губерниях по трудам местных исследователей. Временник Эстляндской губернии 1893, I кн., Ревель, 1894, стр. 213—214.

тому, что до этого было сделано в области археологии. В связи с этим съездом на территории Эстонии были произведены исследования московским археологом С. К. Богоявленским, который вскрыл несколько каменных курганов с ящиками на о. Саарема и произвел небольшие раскопки на торфяниковом городище Алулинн в Кивиылиском районе северо-восточной Эстонии [1].

Главным местным организатором X Археологического съезда был Р. Гаусман. Для съезда он составил первую монографию о могильниках с оградками из северо-восточной Эстонии, в которой опубликовал результаты своих раскопок упомянутого выше могильника в Ярве и материалы из некоторых других могильников, обнаруженные случайно или раскопками разведочного характера [2]. В отношении опубликованных материалов до сих пор не утратил своего значения составленный Р. Гаусманом каталог выставки X Археологического съезда, богато иллюстрированный и охватывающий почти весь археологический материал из Прибалтики, известный до 1896 г. [3]. Во введении к этому катологу Гаусман дает сводку важнейших результатов исследований, произведенных до этого времени в Прибалтике.

Ввиду того, что «теория каменных ладей» и, вместе с тем, теория об иммиграции их строителей из Скандинавии были опровергнуты, Гаусман, разделявший целиком взгляды, господствовавшие в то время в Западной Европе, в частности в Германии, обратил свое внимание на связи Прибалтики с северо-восточной Германией, особенно с бывш. Восточной и Западной Пруссией, где вследствие деятельности О. Тишлера (Tischler) и А. Бецценбергера (Bezzenberger) археологическое исследование стояло в конце XIX и начале XX века на сравнительно высоком уровне и где материал имел известные общие черты с материалом из Прибалтики. Бецценбергер, лингвист и археолог, член-корреспондент Российской Академии наук, был до некоторой степени либеральным буржуазным ученым, который в отличие от других немецких исследователей стоял на той точке зрения, что древнее население Восточной Пруссии составляли не германские, а балтийские племена (предшественники древних пруссов). Некоторая умеренность наблюдается и в трудах Гаусмана, в которых он оставляет открытым вопрос об этнической принадлежности племен, населявших Прибалтику в первые века н. э., всячески подчеркивая, однако, «культурное влияние» на Прибалтику населения германских территорий [4].

В начале настоящего века вопросами ранней эпохи железа на территории Эстонии занимался также А. Гакман (Hackman, 1864—1942), по национальности швед, родом из Финляндии. Гакман в общем придерживается в археологии направления Бецценбергера, дополняя господствовавший в то время типологический метод географическим. Исследуя в конкретных природных условиях заселение западной Финляндии в первую половину I тысячелетия н. э., он приходит к выводу, что эта часть Финляндии была заселена с территории Эстонии, где, следовательно, в то время должны были обитать финские племена, предшественники эстов [5].

---

[1] Труды Московского предварительного комитета X Археологического съезда в Риге. М., 1896, стр. 19—20, 23—25.

[2] Hausmann, R., Grabfunde aus Estland. Reval 1896.

[3] Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga 1896. Riga 1896.

[4] Hausmann, R., Übersicht über die archäologische Forschung in den Ostseeprovinzen im letzten Jahrzehnt. Arbeiten des Ersten Baltischen Historikertages zu Riga 1908. Riga 1909, стр. 24.

[5] Hackman, A., Die ältere Eisenzeit in Finnland, Helsingfors 1905, стр. 318—338.

Миграционная теория Гакмана основана на господствовавшем в то время взгляде о «прародине» финно-угорских народов в Поволжье. Нужно отметить, что точка зрения Гакмана, диаметрально противоположная взглядам прибалтийских немцев, не нашла никакого отклика ни в трудах Гаусмана, ни в трудах других прибалтийско-немецких исследователей, хотя она была опубликована уже в 1905 году. Прибалтийско-немецкие археологи просто обходили молчанием эту точку зрения, хотя, с другой стороны, они полностью примыкали к положениям Гакмана относительно германского культурного влияния на племена Прибалтики в первой половине I тысячелетия н. э.

Концепция Гаусмана сложилась в конце XIX и в начале XX веков, когда прибалтийские немцы считали свои позиции еще более или менее устойчивыми под защитой русской царской власти, которой они изъявляли свои верноподданнические чувства, проводя, однако, при этом резкую грань между немецкой и русской нацией и культурой. Но после революции 1905—1907 гг. положение резко изменилось. Революция разоблачила слабость царской власти, что заставило немецкое дворянство и буржуазию искать себе опору извне, ориентируясь еще больше, чем до этого, на Германию [1]. Эта пангерманистская тенденция усилилась особенно после Великой Октябрьской социалистической революции, когда народ, сбросив с себя оковы капитализма, уничтожил феодально-сословные привилегии и ликвидировал землевладение немецких помещиков. Подготовляя путь фашизму, прибалтийские немцы обращают теперь свои взоры к Германии, видя спасение своих классовых интересов от посягательства со стороны эксплуатируемых ими до этого времени народов (эстонцев, латышей) в присоединении Прибалтики к Германии [2]. Поэтому теперь они особенно рьяно пытаются доказывать будто бы исконную принадлежность Прибалтики к германскому миру.

Главным носителем этой послереволюционной идеологии в области археологии был А. Фриденталь (Friedenthal, 1874—1941), прибалтийско-немецкий врач, который получил в Германии некоторую подготовку и по археологии. Он начал свои археологические исследования еще до первой мировой войны и, работая в Таллине на руководящих постах в существовавшем на средства немецких помещиков Эстляндском литературном обществе, уделил особое внимание каменным могильникам северной Эстонии, которые, как сказано выше, казались наиболее подходящими для обоснования утверждений об исконных связях территории Эстонии с германскими землями. Он произвел еще до первой мировой войны ряд раскопок упомянутых выше могильников в северо-восточной части Эстонии (Аарла, Роху, Аркна и др.) и опубликовал монографию о каменных могильниках в Курна, близ Таллина, относящихся отчасти к первой половине I тысячелетия н. э. [3]. Как в этой работе, так и в статье о железном веке в Прибалтике, опубликованной им в «Reallexikon» М. Эберта в 1928 г., он обобщает свои положения. В отличие от Гаусмана, проявившего известную умеренность в разрешении этнических вопросов древнейшей истории Прибалтики, и игнорируя, как уже было сказано, точку зрения как Висковатова и Харузина, так и Гакмана, Фриденталь в решении вопроса об этническом приоритете в Прибалтике исходит из классовых интересов прибалтийских немцев. Для этого он постулирует «иммиграцию» эстов около середины I тысячелетия н. э. и приписывает богатые инвента-

---

[1] Зутис, Очерки историогр. Латвии, стр. 244—245.

[2] Там же, стр. 217—218.

[3] Friedenthal, A., Das Gräberfeld Cournal, Kirchspiel St. Jürgens, Harrien, Estland. Reval 1911.

рем могильники с оградками первой половины I тысячелетия н. э. германцам, проникшим сюда, по его утверждению, уже раньше с юго-запада [1].

Фриденталь производил раскопки каменных могильников в северо-восточной части Эстонии (Ууэкюла, Оявески) также в годы буржуазной диктатуры [2]. С установлением фашистской диктатуры в Германии у него усилился интерес к антропологическому материалу, на основании которого он пытался доказать принадлежность древних обитателей территории Эстонии к «северной», т. е., по его толкованию, германской расе [3]. С целью получения главным образом антропологического материала он вскрыл в северной Эстонии ряд каменных курганов с ящиками, в том числе и несколько курганов в северо-восточной части Эстонии (Напа на реке Пуртсе). Методика его раскопок весьма несовершенна. Интересуясь исключительно этническими вопросами и используя для разрешения их только вещественный и антропологический материал, он раскапывал обычно только центральную часть могильников.

В двадцатых годах настоящего века начали свою деятельность также и эстонские археологи. Еще до этого, в конце прошлого столетия, некоторую работу проделал археолог-любитель, эстонский народный учитель Яан Юнг (Jaan Jung, 1835—1900). Юнг при помощи многочисленных корреспондентов стал собирать сведения об археологических памятниках в пределах бывшей Эстляндской и северной части Лифляндской губерний. Результаты своей работы он представил в 1896 г. X Археологическому съезду в Риге. Один выпуск собранного им материала был опубликован при жизни автора, второй появился в печати уже после его смерти, а часть материалов сохранилась в рукописи [4]. Несмотря на все недостатки этих собранных и без всякого критического подхода опубликованных материалов и несмотря на то, что Юнг, в общем, является представителем реакционной эстонской сельской буржуазии, все же благодаря непосредственному контакту с широкими народными массами ему удалось накопить значительный археологический материал.

Основу буржуазной концепции древнейшей истории Эстонии заложил финский археолог А. М. Тальгрен (Tallgren, 1885—1945), который, занимая в 1920—1923 гг. кафедру археологии в Тартуском университете, положил начало систематическому описанию и изучению археологических памятников Эстонии, а также опубликовал первую крупную обобщающую работу по археологии Эстонии [5]. Эта работа, представлявшая для своего времени значительный шаг вперед в изучении археологии Эстонии, является все же, как и все работы буржуазных археологов, по своему характеру вещеведческой. Она основана на неправильном, идеалистическом понимании истории. Следуя антинаучной теории «культурных кругов», автор ее усматривает причины развития общества не в росте внутренних, производительных сил, а во внешних факторах, во влиянии «более высоких культур» на «более низкие». Опираясь на приведенную выше теорию Гакмана и в согласии со взглядами финских буржуазных лингвистов (Сетяля и др.), Тальгрен пытается доказать на археологическом материале, что эстонские племена проникли на территорию Эстонии около

---

[1] Ebert, M., Reallexikon der Vorgeschichte XIII, Berlin 1928, стр. 28—29.

[2] Beitr. Estl. XV, стр. 201—207; XVIII, стр. 14—24; XX, стр. 1—44, XXI, стр. 27—42.

[3] Ztschr. f. Ethn. 63, 1931, стр. 1—39.

[4] Jung, J., Muinasaja teadus Eestlaste maalt. II. Kohalised muinasaja kirjeldused Liivimaalt, Pernu ja Viljandi maakonnast, Jurjew, 1898. III. Kohalised muinasaja kirjeldused Tallinnamaalt, Tallinn 1910.

[5] Tallgren, A. M., Zur Archäologie Eestis I. Vom Anfang der Besiedelung bis etwa 500 n. Chr. Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis B III 6, Dorpat 1922. II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. Там же, B VIII, 1, Dorpat 1925.

начала нашей эры с востока, с территории распространения дьяковских городищ. При этом он полагает, что иммигрировавшие с востока эстонские племена стояли на низкой ступени культурного развития и только тогда, когда они подверглись здесь сильному влиянию «мощной готской культуры», их культура достигла сразу значительного развития, отражающегося в инвентаре могильников первой половины I тысячелетия н. э. [1]. Это превозношение роли готской культуры исходило из весьма распространенного в свое время, но ничем не обоснованного взгляда, согласно которому экспансия готов распространялась якобы не только на Прибалтику, но также на Приднепровье, и Причерноморье, — взгляда, окончательно опровергнутого советскими учеными [2].

Во время буржуазной диктатуры в Эстонии из учеников Тальгрена периодом раннего железа занимались Х. А. Моора и автор настоящей работы. Первый разрабатывал этот период по преимуществу в связи с соответствующими материалами из Латвии, исследование по которым опубликовано им в обширной монографии [3]. Автором настоящей работы были произведены раскопки некоторого числа каменных могильников с оградками и каменных курганов с ящиками в пределах северо-восточной части Эстонии. Сюда относятся прежде всего рассматриваемые в дальнейшем могильники в Ябара, Пада и др. Но так как формалистическая буржуазная археология не видела в археологических памятниках подлинных источников древнейшей истории народа, то вследствие этого упомянутые раскопки были произведены неудовлетворительно и не соответствуют требованиям, предъявляемым к археологическим раскопкам советской наукой. Наиболее существенными недостатками отчетов об этих раскопках является поверхностное фиксирование конструкции памятников, недостаточное внимание к остеологическому и прочим материалам и другим явлениям, имеющим существенное значение для выяснения характера экономики и общественных отношений рассматриваемой эпохи.

В теоретическом отношении эстонская археология буржуазного периода, следуя А. М. Тальгрену, при истолковании археологических памятников исходила из того же идеалистического миропонимания. Движущая сила развития общества усматривалась во внешних факторах: в разных культурных влияниях, в благоприятных для торговых сношений «конъюнктурах», а также во влиянии природной среды; подлинная движущая сила развития — рост производительных сил — игнорировалась.

Как в других капиталистических странах, так и в буржуазной Эстонии историческая наука служила интересам господствующего эксплуататорского класса, являясь одним из средств для оправдания буржуазной диктатуры. Параллельно с обострением классовой борьбы и углублением кризиса в 1930-х годах все больше выдвигается буржуазно-националистическое понимание истории, которое находит свое отражение и в археологии [4].

Если прибалтийско-немецкие археологи на основании археологического материала пытались доказать «исконные права» немцев на Прибалтику, подготовляя этим немецкую агрессию на идеологическом фронте, то

---

[1] Sb. GEG. 1912—1920, стр. 185—196.

[2] Рыбаков Б. А., Ремесло древней Руси. Изд. АН СССР, 1948, стр. 46—70.

[3] Moora, H., Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. I—II. ÕES Toim. XXV, XXIX. Tartu 1929, 1938.

[4] О том, как историческая наука обслуживала в буржуазной Эстонии господствующий класс, см. Maamägi, V. ja Vassar, A., Kümme aastat ajalooteadust Nõukogude Eestis. Nõukogude teaduse arengust Eesti NSV-s 1940—1950. О развитии советской науки в Эстонской ССР 1940—1950. Tallinn, 1950, стр. 11—42. Маамяги В. А. и Вассар А. К., Десять лет исторических наук в Советской Эстонии. Резюме, стр. 43—51.

эстонские буржуазные ученые стремились прикрыть национальными мотивами подлинный характер своей классовой сущности и доказать приоритет эстонцев на территории Эстонии. В качестве доказательства использовались те же самые каменные могильники с оградками, которые немцы приписывали древнегерманским племенам.

Однако эта противоположность во взглядах прибалтийско-немецких и буржуазных эстонских исследователей была только кажущейся. На это указывает их полное единомыслие в отношении к Советскому Союзу. Эстонская буржуазия, опасаясь крушения капиталистического строя в Эстонии, делала все от нее зависящее, чтобы распространять в широких массах населения антисоветскую пропаганду, в целях которой использовалась и археология. В своих классовых интересах буржуазия опорочивала все, что шло с востока, и восхваляла все западное, расчищая этим дорогу немецкому фашизму. Низкопоклонством перед западной культурой проникнуты не только работы прибалтийских немцев, но и работы эстонских исследователей буржуазного периода. В этих работах подчеркиваются будто бы глубокие корни влияния западной культуры, в которой порочно усматриваются движущие силы культурного развития. Так, например, археологи буржуазной Эстонии пытались связать почти все типы предметов с западными прототипами, подчеркивая близкие «культурные связи» с западными, в частности, германскими территориями. Это было ни что иное, как признание того же немецкого «культуртрегерства» в Прибалтике, которое пропагандировалось самими немецкими буржуазными учеными.

Ни одна работа по археологии, опубликованная в Эстонии во время буржуазной диктатуры, не свободна от западной ориентации. Автор настоящей работы, рассматривая в своих опубликованных в то время статьях вопросы, связанные с памятниками первой половины I тысячелетия н. э., придерживался также этой концепции[1], совершенно не видя дружественных отношений, искони связывавших эстонские племена с их соседними племенами на востоке. В противоположность «западной культуре», к сфере влияния которой причисляли и культуру Прибалтики, эстонские археологи буржуазного периода изображали культуру восточных соседей Прибалтики отсталой, откуда, будто бы, и не могло поэтому проникать никаких культурных влияний. Это означало проведение в классовых интересах эстонской националистической буржуазии резкой грани между Прибалтикой и восточными от нее территориями, отрицание исконных дружественных связей между эстонскими и славянскими племенами.

Если в настоящей работе автор все же ссылается на работы, опубликованные в буржуазной Эстонии, несмотря на их явную тенденциозность, то это делается главным образом лишь из-за опубликованных в этих работах археологических материалов. При критическом подходе могут быть до известной степени использованы и некоторые результаты этих работ, связанные с фактическим материалом, как, например, по вопросам датировки и по статистике распространения отдельных типов предметов. Все сделанные в них выводы теоретического или исторического характера для марксистской науки неприемлемы.

Восстановление советской власти в Эстонии в 1940 г. открыло для научного исследования новые, небывалые возможности, которые, правда, временно были прерваны оккупацией территории прибалтийских республик немецко-фашистскими захватчиками. Вскоре после освобождения

---

[1] Sb. GEG 1922, стр. 76—103; 1925, стр. 130—134. Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae, 19.—23. VIII 1930. Rigae 1931, стр. 395—408.

нашей республики от оккупантов в Эстонии была создана Академия наук, и этим самым была заложена прочная основа и для археологической исследовательской работы.

Эстонские археологи, овладев теорией марксизма-ленинизма, используя передовую методику и богатый опыт советских исследователей, принялись за перестройку своей работы, за переоценку унаследованных от буржуазного периода концепций и составление подлинно научной древнейшей истории Прибалтики. Первые результаты этой работы увидели свет в вышедшей в 1952 г. «Истории Эстонской ССР» [1]. Широкому развертыванию археологической работы в Эстонии содействует и то внимание, которое уделяется археологии прибалтийских республик со стороны Института истории материальной культуры Академии наук СССР, созвавшего уже два пленума, посвященных археологии Советской Прибалтики (в 1949 и 1951 гг.)[2].

Восстановление советской власти в Эстонии создало прочную материальную базу для проведения полевых исследований. Используемый в настоящей работе материал в части, собранной в период буржуазной Эстонии, отличается односторонностью, поскольку он был добыт исключительно из могильников. В Советской Эстонии автору были предоставлены широкие возможности для пополнения этого материала и всестороннего изучения памятников, в частности открылась возможность приступить к исследованию городищ. Так, в 1949—1950 гг. были произведены раскопки на городище Койла (Кивиылиского района), в 1951—1952 гг. на городище Клооди (Раквереского района) и в 1952 г. на городище Пуртсе (Кивиылиского района). Кроме того, материал пополнился вскрытием в 1946—1948 гг. некоторых могильников в районах новостроек республики.

Серьезное изучение трудов классиков марксизма-ленинизма и глубокое ознакомление с результатами работ советских археологов убедили автора в полной порочности его прежних взглядов и методов исследования. Настоящая работа является результатом критической переоценки автором своих прежних работ и попыткой подлинно научного истолкования публикуемых ниже памятников на основе марксистского понимания истории.

Несмотря на значительный прирост археологических материалов за советский период, использованные для настоящей работы материалы все же являются еще недостаточными и дают возможность наметить только главные линии развития, требующие в будущем существенного уточнения. Если автор все же публикует этот материал и некоторые результаты своих исследований, то это вызвано желанием ввести этот материал в научный оборот и сделать его доступным также и для исследователей братских республик.

---

[1] История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Таллин, 1952, стр. 5—29. Moora, H., Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodalā sabiedrība Latvijas PSR territorijā. Rīgā 1952. Краткие обзоры произведенных раскопок: Моора Х. А., Изв. АН ЭССР 1952:I, стр. 117—130; там же, 1953:I, стр. 60—69; Саадре О. В., там же, 1954:3, стр. 367—380; Моора Х. А. в КСИИМК 55, М., 1954, стр. 52—63.

[2] Материалы этих пленумов опубликованы в КСИИМК XLII. Кроме того, в изданиях Института истории материальной культуры и Института этнографии АН СССР опубликовано за последние годы несколько статей, непосредственно относящихся к теме настоящей работы: Моора Х. А., Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. КСИЭ XII, М. 1950, стр. 29—37; его же, Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК XLVIII, М. 1952, стр. 3—24; его же, Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике, КСИИМК 53, М. 1954, стр. 3—22.

I. ПРИРОДНАЯ СРЕДА

«Географическая среда, бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества, — она ускоряет или замедляет ход развития общества. Но ее влияние не является *определяющим* влиянием, так как изменения и развитие общества происходят несравненно быстрее, чем изменения и развитие географической среды» [1].

Рассмотрим ниже кратко, что представляла из себя географическая среда в северо-восточной части Эстонии. В последующих главах покажем, как последовательный рост производительных сил в рассматриваемый период дал возможность населявшему северо-восточную часть Эстонии обществу осваивать и все больше подчинять себе данные природой условия.

Северо-восточная часть территории Эстонской ССР по природным условиям делится на три части, каждая из которых является самостоятельным целым. Эти части следующие: во-первых, северо-эстонское равнинное плато на побережье Финского залива; во-вторых, возвышенность Пандивере на юго-западе и, в-третьих, территория лесов и болот на юго-востоке, являющаяся частью низины Пейпси. Принимая во внимание распространение населения данной территории за период времени, рассматриваемый в настоящей работе, нас интересуют, в первую очередь, два первых района (см. карты, рис. 51, 53).

Как известно, коренные породы севера Эстонии состоят из различных известняков ордовиция и готландия, образующих сравнительно равнинную глинтовую террасу. Последняя обрывается на севере, у Финского залива, высоким и крутым глинтом. В своей верхней части глинт образует обрыв с зазубренным краем, зачастую нависающим над нижележащими слоями. Нижняя часть глинта скрыта мощной осыпью, образованной в предглинтовой полосе из обвалившихся глыб известняка и других продуктов выветривания, покрытых обычно густой лиственной растительностью. Осыпь отделена от моря узкой прибрежной полосой, часто достигающей только нескольких десятков метров ширины и покрытой песком и галькой; местами волны осеннего прибоя достигают осыпи, способствуя преобразованию последней.

Крутой глинтовый уступ тянется от Сака (в 12 км на восток от устья р. Пуртсе) на восток до устья р. Сытке. Береговая линия образует здесь относительно прямую линию. Дальше на восток глинт понижается, становится более пологим и несколько удаляется от моря, простираясь

---

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Госполитиздат, 1954, стр. 113.

более или менее параллельно с береговой линией до Мерикюла, где он делает поворот на восток-юго-восток по направлению к Нарве. Здесь он пересекает р. Нарву и уже на территории Ленинградской области уклоняется опять на север, окаймляя так называемое Ижорское плато.

На западе от Сака глинт становится двухступенчатым. Нижняя часть глинтового уступа простирается здесь более или менее параллельно береговой линии на расстоянии нескольких километров от последней, в то время как верхние известняковые слои составляют второй уступ. Эти уступы имеют значительно меньшую крутизну по сравнению с глинтом, расположенным между Сака и устьем р. Сытке, и их склоны покрыты растительностью. К этому глинту присоединяется широкая, слегка всхолмленная прибрежная или приглинтовая низина, на поверхности которой местами нагромождено большое количество валунов. В границах приглинтовой низины в нескольких местах сохранились «останцы» вышележащих известняков, образующих крутой глинт. К числу их относится так называемая «Хийэмяги» («Священная гора») близ устья р. Пуртсе.

На плато выделяются некоторые возвышенности. Из них можно отметить возвышенность между Кохтла-Ярве, Кукрусе и Йыхви, а также так называемые «Синимяэд» («Синие горы») около Вайвара.

По известняковому плато северо-востока Эстонии протекает с юга на север несколько рек, которые впадают в Финский залив, прорезая в своем нижнем течении глинт. Наиболее крупными из них являются реки Кунда, Пуртсе и Пюхайыги. Они имеют в нижнем течении довольно широкие долины, склоны которых поднимаются покато, за исключением реки Кунда, долина которой, напротив, узка и в месте прорыва через глинт имеет крутые, обрывистые склоны.

Почти вся территория северо-восточной Эстонии покрыта мореной. В пределах плато моренные отложения состоят главным образом из смеси гальки, песка и глины. В большинстве случаев это тонкий слой, мощностью в несколько десятков сантиметров, редко достигающий метра или более. После таяния ледника, в период ледниковых озер, наиболее высокие места, как, например, плато между Кохтла-Ярве—Кукрусе—Йыхви и некоторые другие, возвышались над уровнем воды и виде островов, и их поверхность оставалась непромытой, вследствие чего почва здесь сохранила все свои минеральные вещества. Эти участки принадлежат к плодороднейшим районам севера Эстонии, в то время как почвы, образовавшиеся на отложениях, промытых водами ледниковых озер, содержат мало минеральных питательных веществ. Местами расстилаются типичные альвары, где почвенный покров почти отсутствует.

Если глациальные отложения уже в северной части плато играют некоторую роль, то в южной части данной территории их значение становится решающим. На западе и на юго-западе, в Раквереском и Вяйке-Марьяском районах, тянется возвышенность Пандивере, продолжающаяся дальше на запад, за пределы рассматриваемой здесь территории. Здесь при отступлении ледника текущие воды местами нагромоздили длинные, высокие озы, достигающие десятков километров в длину. Одним из наиболее известных озов является «Валлимяги» у г. Раквере — место расположения древнего городища, позже феодального замка. На юге, в окрестности Симуна и Вяйке-Марья, рельеф становится холмистым. Возвышенность Пандивере большей частью покрыта мореной, вследствие чего почва здесь более плодородна, чем в остальной части северной Эстонии. Ниже мы увидим, что описанная территория, особенно окрестность г. Раквере, принадлежит к числу наиболее густо заселенных в первой половине I тысячелетия н. э., когда основным способом добывания средств к жизни было земледелие.

Третий тип рельефа, распространенный к северу от Чудского озера, в общих чертах представляет собой обширную равнину, которая понижается в сторону Чудского озера и только местами прорезана небольшими возвышенностями. За исключением наиболее высоких мест, вся эта территория сильно перемыта водами Чудского ледникового озера, далеко заходившими на север и северо-запад и оставившими после себя малоплодородные пески. Последние чередуются с обширными болотами, тянущимися с некоторыми перерывами от Чудского озера и почти до линии Тойла—Вайвара. Ряд небольших торфяников имеется также на западе и севере рассматриваемой части Эстонии.

Изучая историю племен, населявших территорию северо-восточной Эстонии во вторую половину I тысячелетия до н. э. и в первую половину I тысячелетия н. э., следует, конечно, учитывать, что природные условия того времени отличались от современных. Методами пыльцевого анализа установлено, что в Эстонии примерно до VIII в. до н. э. господствовал теплый сухой, суббореальный климат, после чего произошло похолодание и повышение влажности. Установившийся с этого периода субатлантический климат является по температуре и количеству осадков близким к современному. Несмотря на это, влажность почвы была в то время значительно больше, чем теперь. Этому содействовали обширные лесные массивы, покрывавшие в то время поверхность земли. Установлено, что лесами были покрыты не только территории с мощным почвенным слоем, но также бесплодные в настоящее время альвары, которые преобразованы в современное состояние именно благодаря деятельности человека (земледелие). Эти первобытные леса способствовали сохранению в почве значительно большего количества влаги, чем в настоящее время. Только пологие склоны речных долин и глинта, а также осыпное подножье последнего имели более редкую растительность. В этих местах влажность почвы способствовала пышному росту трав и кустарников. В дальнейшем мы увидим, что эти места были наиболее благоприятными для существования населения в то время, когда в хозяйстве ведущую роль играло животноводство, тогда как участки, покрытые лесными массивами, стали осваиваться на следующем этапе общественно-экономического развития, когда основным видом хозяйства стало земледелие.

II. КАМЕННЫЕ КУРГАНЫ С ЯЩИКАМИ

Приступая к описанию памятников второй половины I тысячелетия до н. э. в северо-восточной Эстонии, следует отметить, что эта часть территории Эстонской ССР принадлежит к числу наиболее рано заселенных. В пределы ее входят известная мезолитическая стоянка в Кунда и другая в Сивертси близ Нарвы.

Неолитические поселения обнаружены по нижнему течению р. Нарвы, около Рийгикюла, где они исследовались в 1952—1953 гг. Н. Н. Гуриной, а также в самом городе Нарве, где в 1954 г. производил раскопки Л. Ю. Янитс. Верхний горизонт стоянки в Кунда дал также некоторое количество ямочно-гребенчатой керамики.

Поздний неолит представлен четырмя могильниками, содержащими погребения с ладьевидными боевыми топорами, близкие по характеру к фатьяновским, и некоторыми случайными находками таких же боевых топоров [1]. Больше всего захоронений содержал могильник в Сопе, Кивиылиского района, расположенный недалеко от устья р. Пуртсе. Западнее отсюда, также недалеко от побережья, расположены остальные неолитические могильники: Коогу (Кивиылиского района), Кисувере (Раквереского района) и Паювески (Локсаского района). Находки отдельных боевых топоров, которые, по всей вероятности, происходят также по преимуществу из могильников, охватывают в общих чертах ту же самую территорию и, кроме того, концентрируются еще несколько восточнее, на побережье около Вайвара.

В дальнейшем мы увидим, что месторасположение находок и памятников позднего неолита, свидетельствующих о населении, основным способом добывания средств к жизни которого было животноводство [2], в некоторой мере совпадает с месторасположением каменных курганов второй половины I тысячелетия н. э. В частности, территория по нижнему течению р. Пуртсе, в которую входит и упомянутый выше могильник в Сопе, является, как мы увидим, древнейшим племенным центром населения, оставившего эти курганы. Все же недостаточность материала не позволяет пока установить здесь непосредственную преемственную связь между поздненеолитическими памятниками и памятниками второй половины I тысячелетия н. э.

*

Характерными памятниками конца эпохи бронзы и начала эпохи железа в северо-восточной части территории Эстонской ССР, как и в

---

[1] Янитс Л., Поздненеолитические могильники в Эстонской ССР. КСИИМК XLII, М., 1952, стр. 53—54, 63.

[2] Там же, стр. 63—65.

остальной Эстонии, являются каменные курганы с ящиками. Курганы имеют обыкновенно более или менее округлую форму и диаметр чаще всего от 9 до 12 м. Они расположены большей частью группами на возвышенных местах. Покойники захоронены в каменных ящиках, материалом для которых в северо-восточной Эстонии служил имеющийся там в изобилии известняк. Стенки ящиков сооружались или из крупных плит, поставленных на ребро, или же выкладывались из более мелких кусков плитняка. В последнем случае стенки клались таким образом, что внутренняя поверхность каменного ящика получалась более или менее ровной, а внешняя — неровной, так как плиты не подвергались предварительной обработке.

В каменных ящиках встречается как трупоположение, так и трупосожжение. В первом случае кости сохраняются обыкновенно плохо. В курганах встречаются и более поздние захоронения, без ящиков. Кроме того, имеется целый ряд каменных курганов, в которых каменных ящиков вовсе не обнаружено, хотя по своей форме, расположению и по другим признакам они все же настолько близки к курганам с ящиками, что ниже мы их рассматриваем совместно с последними. Каменные курганы с ящиками бедны могильным инвентарем — факт, послуживший причиной того, что датировка этого типа памятников оставалась долгое время весьма затруднительной и неопределенной.

В северо-восточной части территории Эстонской ССР каменные курганы с ящиками сосредоточены наиболее густо по нижнему течению реки Пуртсе, где они расположены группами (рис. 51).

Одна такая группа каменных курганов находится близ мельницы Н а п а, Кивиылиского района, приблизительно в 4 км от берега Финского залива, на краю пологой долины реки Пуртсе, отчасти на пахотном поле, отчасти на покрытом скудной растительностью выгоне. Здесь насчитывается около 15—20 покрытых тонким слоем дерна курганов, из которых А. Фриденталь в 1927 г. раскопал три и в 1928 г. — четыре кургана[1]. Во введении было уже отмечено, что существенным недостатком раскопок Фриденталя является то, что он ограничивал свои исследования обыкновенно центральной частью курганов, вследствие чего его отчеты не дают никаких указаний относительно конструкции краевой части последних (например, о наличии или отсутствии здесь еще других погребений, каменного круга и пр.).

I к у р г а н этой группы имел диаметр 13,5 м, высоту 60—70 см. Раскопан частично, вскрыто лишь 9 кв. м в его западной части. Насыпь кургана состояла в нижней части из редко уложенных валунов и в верхней из известняковой щебенки с землей. В кургане были найдены кости и зубы животных и фрагмент глиняного сосуда без орнамента.

Во II к у р г а н е была заложена лишь небольшая траншея разведочного характера, причем была обнаружена плитняковая стенка, повидимому каменной оградки. Продолговатая форма этого могильника, имеющего длину с запада на восток 20 м и ширину 9 м, говорит также за то, что мы имеем здесь дело с могильником с оградками.

III к у р г а н (табл. I:1) имел диаметр 10—11 м, высоту 70 см. Насыпь кургана состояла из обломков плитняка, среди которых встречались и единичные валуны. Между камнями находился темный культурный слой. В центре кургана, на глубине 15—20 см от его поверхности, были найдены остатки трупоположения и небольшой фрагмент железного предмета. Глубже было обнаружено три каменных ящика в направлении ССЗ-ЮЮВ.

[1] Отчеты о раскопках в ИИ. Могильный инвентарь — в ИМ.

Первый, наиболее восточный ящик был сложен из поставленных на ребро плит толщиной в 12 см, несколько вкопанных нижним краем в материк (табл. I:2). Плиты западной стенки ящика немного наклонились внутрь, южная конечная плита распалась на куски, остальные плиты сохранились хорошо. Дно ящика было устлано плитами известняка, крышка ящика развалилась. Длина ящика 2,85 м, ширина 1,45 м. Ящик содержал остатки трех скелетов. Глубже всех, возле восточной стенки ящика лежал плохо сохранившийся скелет ребенка в возрасте смены зубов, вытянуто на спине, головой на север. Немного выше, примерно в центре ящика, лежал на спине скелет взрослого человека, также головой на север. При нем были найдены: кремневый скребок (рис. 2:7), отщеп кремня возле правой бедренной кости, бронзовое шило (рис. 2:2), зажатое в кисти вытянутой правой руки, и небольшой фрагмент бронзового предмета под скелетом, примерно возле тазовых костей. Третий скелет, принадлежавший взрослому человеку, лежал возле западной стенки ящика, выше других скелетов, на спине, головой на юг, без могильного инвентаря. Под плитами дна каменного ящика, в юго-западной части, культурный слой содержал примесь угля, и здесь же находилась трубчатая кость крупного млекопитающего животного.

К этому ящику с западной стороны примыкал второй каменный ящик со сложенными из плит стенками, ровными с внутренней стороны. Длина ящика 2,8 м, ширина до 65 см. Плиты дна его находились на глубине 70 см от поверхности кургана. В ящике сохранились остатки скелета взрослого человека в вытянутом на спине положении, с черепом, зажатым в юго-восточный угол ящика. В северной части ящика был скелет ребенка. Под плитами дна ящика имелся еще один настил из плит известняка, а под последним редкая кладка из валунов, величиной примерно с кулак. Между этими двумя настилами из плит было много пережженных костей.

Третий каменный ящик находился западнее второго и имел направление с ССЗ на ЮЮВ. Его стенки также были сложены из плитняка, причем возле западной стенки сохранились остатки внутренней облицовки в виде поставленной на ребро плиты. Длина ящика 2,2 м, ширина до 60 см. Крышка ящика обвалилась. В ящике лежал скелет взрослого человека, вытянуто на спине, головой на ССЗ. Рядом с черепом этого скелета был череп грудного младенца, а на груди скелета взрослого — бедренные кости ребенка. Могильного инвентаря при погребенных не было.

IV курган имел диаметр 12 м, высоту 90 см. В центре кургана в направлении с ССЗ на ЮЮВ имелся каменный ящик со стенками, выложенными из плитняка. Длина его 2,25 см, ширина в середине до 85 см, с концов немного уже. На дне ящика, выложенном плитняком, лежало два скелета, головой на ССЗ: около восточной стенки — скелет взрослого человека и около западной стенки — скелет примерно 6—7-летнего ребенка. Череп ребенка лежал на правой плечевой кости скелета взрослого. Недалеко от плеча последнего, немного севернее, была найдена костяная булавка с головкой в виде лопаточки (рис. 2:1). Вне ящика, в 3,5 м к западу от него, между камнями, на глубине 65 см была обнаружена плоская спиралька из бронзы (височное украшение?) (рис. 2:3).

V курган имел диаметр 7—8 м, высоту до 70 см. Южная часть его оказалась разрушенной. В середине кургана имелся ящик, ориентированный почти с севера на юг, выложенные из плитняка стенки которого сохранились лишь в самой нижней его части. Ящик имел длину 1,75 м, ширину 35—50 см. На дне ящика, головой на север, лежал скелет муж-

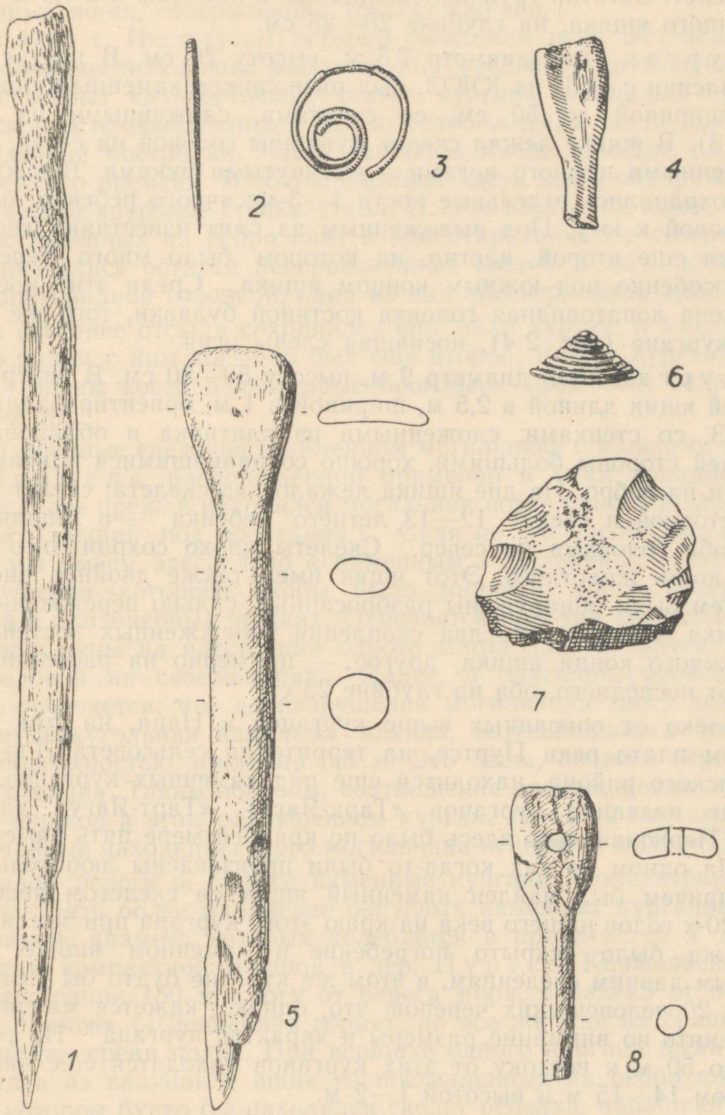


Рис. 2. Вещи из каменных курганов с ящиками. *1, 4* — костяные булавки из курганов IV и VI в Напа; *2, 3* — бронзовое шило и височное кольцо (?) из курганов III и IV в Напа; *5, 6* — костяная булавка и украшение в виде конусообразной спиральки из Люганусе; *7* — кремневый скребок из кургана III в Напа; *8* — костяная булавка из Люганусе. $^3/_4$ нат. вел.

чины с плохо сохранившимся черепом. В южной части ящика был обнаружен небольшой фрагмент керамики.

Кроме того, курган содержал ряд захоронений без ящиков: примерно на расстоянии одного метра к западу от каменного ящика, на глубине 25 см, имелось много пережженных костей и несколько глубже — остатки непережженных костей. Над западной стенкой каменного ящика, на глубине 15—20 см, были обнаружены остатки трупоположения — этим погребением и были повреждены каменный ящик и находившийся

в нем скелет. Остатки трупоположения были найдены и в 1,5 м к востоку от каменного ящика, на глубине 20—25 см.

VI курган имел диаметр 7,5 м, высоту 70 см. В центре кургана, в направлении с ССВ на ЮЮЗ, был расположен каменный ящик длиной 2,3 м, шириной до 50 см, со стенками, сложенными из плитняка (табл. I:3). В ящике лежал скелет мужчины головой на север, на спине, со скорченными немного ногами и вытянутыми руками. В южной части ящика сохранились отдельные кости 1—3-месячного ребенка, похороненного головой к югу. Под выложенным из плит известняка дном ящика находился еще второй настил, на котором было много пережженных костей, особенно под южным концом ящика. Среди этих костей была обнаружена лопатовидная головка костяной булавки, того же типа, что и в IV кургане (рис. 2:*4*), носившая следы огня.

VII курган имел диаметр 9 м, высоту 80—90 см. В центре его был каменный ящик длиной в 2,5 м, шириной в 1 м, ориентированный с ССВ на ЮЮЗ, со стенками, сложенными из плитняка и облицованными с внутренней стороны большими, хорошо сохранившимися плитами, поставленными на ребро. На дне ящика лежало два скелета: скелет взрослого — в восточной и скелет 12—13 летнего ребенка — в западной части ящика, оба головами на север. Скелеты плохо сохранились. Тут же лежала кость животного. Этот ящик имел также двойное дно, причем на нижнем были обнаружены разбросанные, сильно пережженные кости. Вне ящика нашлось еще два скопления пережженных костей, одно — возле южного конца ящика, другое — примерно на расстоянии 1 м к западу от последнего, оба на глубине 25 см.

Недалеко от описанных выше курганов в Напа, на том же левом береговом плато реки Пуртсе, на территории сельсовета Люганусе, Кивиылиского района, находится еще ряд каменных курганов, носящих в народе название курганов «Тарк-Яагу», «Тарт-Яагу» или «Тарк-Яана» [1]. Первоначально здесь было по крайней мере пять каменных курганов. На одном из них когда-то были произведены любительские раскопки, причем был найден каменный ящик со скелетом человека. В начале 20-х годов нашего века на краю этого кургана при земляных работах также было вскрыто погребение в каменном ящике. Согласно некоторым давним сведениям, в этом же кургане будто бы было найдено когда-то 20 человеческих черепов, что, однако, кажется маловероятным, если принять во внимание размеры и характер кургана [2]. На расстоянии примерно 50 м к востоку от этих курганов находятся еще два кургана диаметром 14—15 м и высотой 1—2 м.

На вершине одного из этих курганов, видного на заднем плане рис. 1 на табл. II, имеется яма. Повидимому, здесь были произведены любительские раскопки, вещи из которых до Великой Отечественной войны хранились в краеведческом музее в Пярну. Эти предметы следующие: два фрагмента костяной булавки с лопатовидной головкой, типа рис. 2:*4*; две конусообразные спирали из круглой проволоки (рис. 2:*6*); зуб

---

[1] Согласно записанному на месте народному преданию, Тарк Яан (мудрый Яан) якобы жил в мрачное орденское время и был человеком гордым и смелым, всегда готовым оказать сопротивление немецким господам. Своими замечательными шутками и богатырской силой он обращал на себя внимание всего округа. Место его жилья якобы и находилось на месте курганов Люганусе. Опис. арх. памятн. Люганусе, 1932, стр. 18 и некоторые другие записи (ИИ).

[2] Если эти сведения соответствуют действительности, то мы имеем здесь дело скорее всего с захоронениями позднего времени, каковые обнаружены и в некоторых других каменных могильниках, например в I могильнике в Ярве. Непережженные кости обыкновенно плохо сохраняются в каменных курганах начала нашей эры.

человека и остатки человеческих костей. По имеющимся данным, здесь был каменный ящик, содержавший трупосожжения.

Весной 1954 г. Институтом истории Академии наук Эстонской ССР были произведены небольшие раскопки на соседнем с предыдущим кургане. Был вскрыт юго-восточный сектор кургана площадью примерно 24 м². Раскопки производились с целью освобождения места для расширения колхозной постройки. Часть вскрытой площади была разрушена окопом военного времени. В сохранившейся части были обнаружены две концентрические круговые стенки (табл. II:1) и внутри их ящик, сложенный из поставленных на ребро плит и ориентированный с севера на юг. В ящике оказались остатки непережженных костей и две костяные булавки с лопатовидной головкой, одна из них просверленная (рис. 2:*5*, *8*).

В 20 м севернее отсюда сохранился еще один курган, и имеются сведения, что рядом с ним когда-то был еще второй. В этих курганах будто бы были найдены кости и некоторые бронзовые предметы, участь которых неизвестна.

Неопределенные сведения о каменном могильнике с ящиками имеются из дер. Лиймала, расположенной примерно в 1 км западнее устья реки Пуртсе, где прежде находился могильник возле одного жилого дома, отчасти заходивший под последний [1]. Судя по его размерам (48,25 × × 10 м), мы имеем здесь дело с каменным могильником с оградками, при разрушении которого якобы было найдено много непережженных костей в плитняковых ящиках. Отмечается, что три каменных ящика были расположены на расстоянии одного метра друг от друга; скелеты лежали головой на северо-запад. Далее, в описании, произведенном в 1932 г., отмечается, что до разрушения могильника здесь ясно выделялась четырехугольная каменная кладка, возвышавшаяся над окружающей поверхностью земли на 0,5 м. Это была, по всей вероятности, каменная оградка. Таким образом, соотношение расположения оградок и каменных ящиков в этом разрушенном кургане остается неясным. Некоторые случайные находки из этого могильника относятся к III—VI вв. н. э.

На правом берегу р. Пуртсе каменные курганы сконцентрированы в две группы. Пять более или менее округлых каменных курганов и один продолговатый, диаметр которых колеблется в пределах от 7 до 18 м, расположены компактной группой в дер. Пуртсе, Кивиылиского района, на расстоянии 150 м к югу от берега моря, недалеко от подножья холма «Хийэмяги» («Священная гора»), но все же еще на сравнительно высоком плато, среди полей. При вспашке одного кургана были обнаружены кладка из валунов и ящик из поставленных на ребро плит известняка, в котором будто бы находился скелет ребенка, обращенный головой к западу. О могильном инвентаре сведений не имеется [2].

Сведения о второй группе каменных курганов довольно неопределенны. Эти курганы находились также в Пуртсе, в 150 м южнее шоссе Таллин—Ленинград и примерно на расстоянии 1 км восточнее реки Пуртсе. Ко времени произведенной здесь в 1932 г. археологической разведки они были уже большею частью разрушены. По сохранившимся сведениям, они имели несколько вытянутую с северо-запада на юго-восток форму. При разрушении этих курганов с целью очистки поля от камней в каждом из них якобы были обнаружены каменные ящики, сложенные из валунов и ориентированные с запада на восток. Под ящиками были известняковые плиты (ввалившиеся крышки?), а под этими пли-

---

[1] Опис. арх. памятн. Люганусе, 1932, стр. 32—34.

[2] Там же, стр. 35—38.

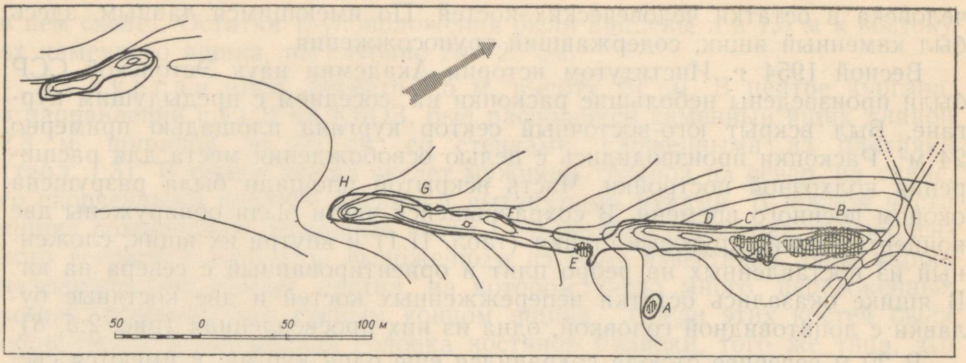


Рис. 3. Могильники в Ябара. Общий план. Раскопанные части заштрихованы. Высотная разница между горизонталями 0,5 м.

тами, в свою очередь, скелеты, обращенные головой на запад. В этих курганах были якобы найдены «наконечники копий, фрагменты цепочек и бронзовые пуговицы», которые, однако, все утеряны; в музей поступили отсюда только железный втульчатый топор, перстень, фрагмент браслета и монета позднего времени [1]. Как видно, сорханившееся описание этих курганов не дает ясного представления об их конструкции. Могильный инвентарь, равно как и продолговатая форма самих курганов (размеры их неизвестны), говорят скорее за могильники с оградками. Поэтому к сведениям о каменных ящиках следует, в данном случае, относиться с некоторой осторожностью.

В Ябара, Кивиылиского района, примерно в 3 км восточнее устья реки Пуртсе, имеется ряд каменных могильников — так называемая «Кэрисмяги» («Гора-каменка»; см. общий план, рис. 3). Они расположены примерно на расстоянии 1,5 км от моря, на небольшом плато. К западу это плато постепенно понижается, превращаясь в болотистый луг, перерезанный ручейком. К морю же глинт спускается в этом месте двумя уступами, образуя террасу шириной примерно в 600 м. У подножья нижнего уступа расстилается песчаная береговая полоса. Каменные могильники тянутся в один ряд длиной почти 300 м с ЗЮЗ на ВСВ вдоль моренной гряды. Только один небольшой курган *A*, который нас здесь и интересует в первую очередь, расположен несколько на юго-восток от этой линии, и один неисследованный могильник лежит немного поодаль на северо-запад от остальных.

Курган *A* был раскопан в 1925 г. (рис. 4)[2]. Курган этот имел почти круглую форму; диаметр его 8—9 м, высота до 75 см. Юго-западный край кургана был ранее распахан, причем там были найдены железный браслет (рис. 5:*3*) и обломок железного меча или кинжала (рис. 6:*2*). Насыпь кургана состояла из битого плитняка с землей. Можно было различить два яруса погребений. Нижний ярус содержал остатки трупоположений. В центре кургана находился в направлении с северо-запада на юго-восток каменный ящик из толстых плит известняка, поставленных на ребро. В ящике сохранилось лишь немного остатков непережженных костей. Юго-восточный конец ящика оказался открытым. К этому ящику с северо-восточной стороны был пристроен другой ящик, от

[1] Там же, стр. 39—41. Инвентарь ИИ 2829:1—2; 3738; 3740.
[2] OES Aastar. 1925, стр. 119—134. Могильный инвентарь ИИ 2570:1—33.

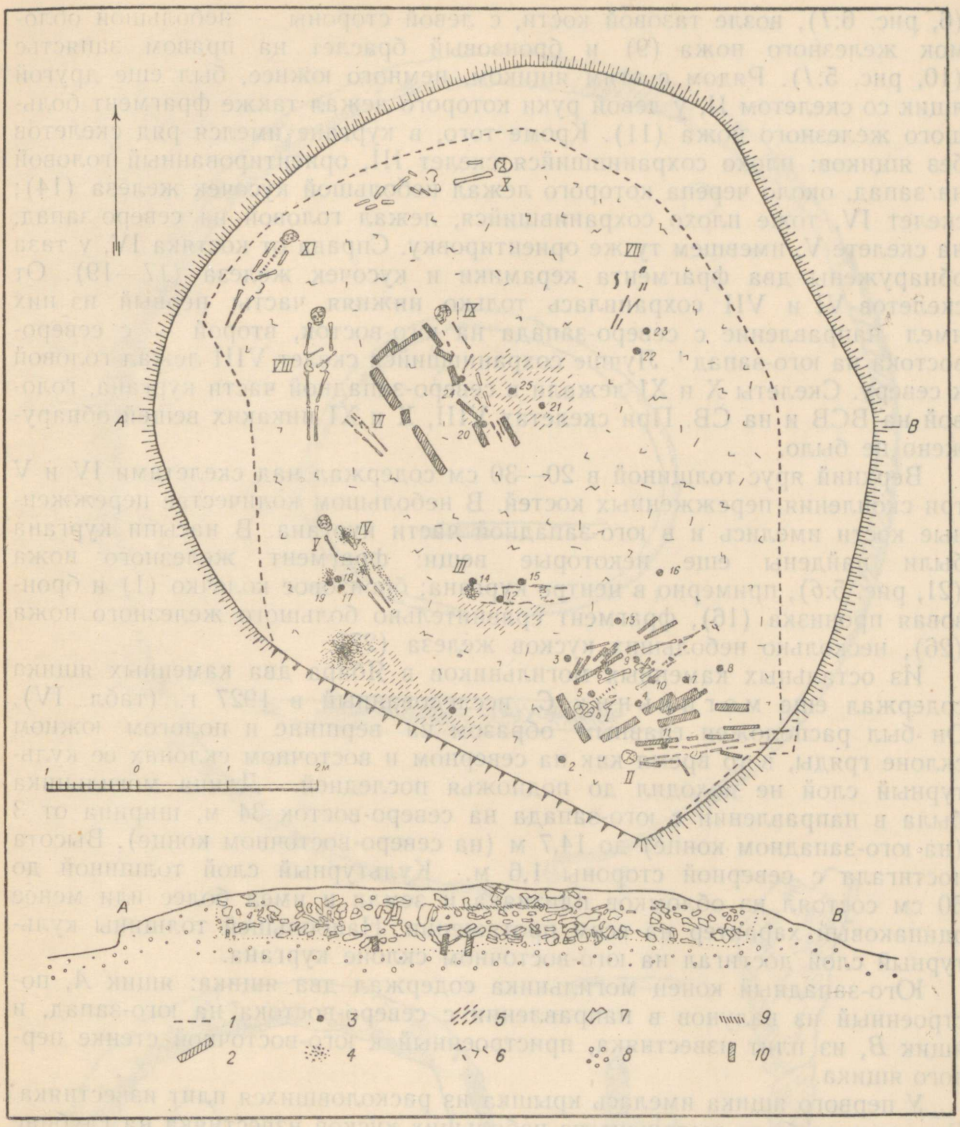


Рис. 4. Курган *А* в Ябара. На плане: *1* — граница раскопанной площади; *2* — плита ящика; *3* — находка; *4* — остатки трупосожжений; *5* — непережженные кости в значительном количестве; *6* — плитняковая щебенка. На разрезе: *7* — плитняк; *8* — материк; *9* — прослойка с содержанием значительного количества остатков трупоположений; *10* — плита ящика.

которого сохранилась лишь одна плита у ног лежащего в ящике скелета IX. У тазовой кости последнего лежало железное шило (24, рис. 5:*5*), а у ног, между плитами днища ящика, — два фрагмента керамики (20). На юго-восточном крае кургана находился ящик в направлении с юго-запада на северо-восток, выстроенный значительно небрежнее, чем предыдущие. При лежавшем в этом ящике скелете I было сравнительно много различных вещей: на шее — бронзовая гривна (5, рис. 5:*2*), рядом с левой плечевой костью — длинный железный нож-секач

(6, рис. 6:*1*), возле тазовой кости, с левой стороны — небольшой обломок железного ножа (9) и бронзовый браслет на правом запястье (10, рис. 5:*1*). Рядом с этим ящиком, немного южнее, был еще другой ящик со скелетом II, у левой руки которого лежал также фрагмент большого железного ножа (11). Кроме того, в кургане имелся ряд скелетов без ящиков: плохо сохранившийся скелет III, ориентированный головой на запад, около черепа которого лежал небольшой кусочек железа (14); скелет IV, тоже плохо сохранившийся, лежал головой на северо-запад, на скелете V, имевшем ту же ориентировку. Справа от костяка IV, у таза обнаружены два фрагмента керамики и кусочек железа (17—19). От скелетов VI и VII сохранилась только нижняя часть; первый из них имел направление с северо-запада на юго-восток, второй — с северо-востока на юго-запад [1]. Лучше сохранившийся скелет VIII лежал головой к северу. Скелеты X и XI лежали в северо-западной части кургана, головой на ВСВ и на СВ. При скелетах VIII, X и XI никаких вещей обнаружено не было.

Верхний ярус толщиной в 20—30 см содержал над скелетами IV и V три скопления пережженных костей. В небольшом количестве пережженные кости имелись и в юго-западной части кургана. В насыпи кургана были найдены еще некоторые вещи: фрагмент железного ножа (21, рис. 5:*6*), примерно в центре кургана; бронзовое колечко (1) и бронзовая пронизка (16), фрагмент сравнительно большого железного ножа (26), несколько небольших кусков железа (27).

Из остальных каменных могильников в Ябара два каменных ящика содержал еще могильник *С*, исследованный в 1927 г. (табл. IV). Он был расположен главным образом на вершине и пологом южном склоне гряды, в то время как на северном и восточном склонах ее культурный слой не доходил до подножья последней. Длина могильника была в направлении с юго-запада на северо-восток 34 м, ширина от 3 (на юго-западном конце) до 14,7 м (на северо-восточном конце). Высота достигала с северной стороны 1,6 м. Культурный слой толщиной до 60 см состоял из обломков плитняка и земли и имел более или менее одинаковый характер на всем протяжении. Наибольшей толщины культурный слой достигал на юго-восточном склоне кургана.

Юго-западный конец могильника содержал два ящика: ящик *А*, построенный из валунов в направлении с северо-востока на юго-запад, и ящик *В*, из плит известняка, пристроенный к юго-восточной стенке первого ящика.

У первого ящика имелась крышка из расколовшихся плит известняка. Дно ящиков было выложено из небольших кусков известняка на глубине 50 см от поверхности могильника. В ящике находились непережженные кости пальцев и фрагмент черепа человека, некоторое количество детских костей и кости какого-то маленького грызуна (мыши?). В углу, между камнями, был найден фрагмент керамики (11). Ящик *В* содержал небольшое количество пережженных костей.

Примерно в 1,5 м северо-восточнее этих ящиков, на глубине 45 см лежал плохо сохранившийся человеческий скелет *М*, ориентированный с юго-востока на северо-запад. Возле левого бока этого скелета лежали два валуна, а с правой стороны несколько поставленных на ребро кусков известняковых плит; над скелетом и под ним лежало без особого порядка также несколько плит. Все это вместе составляло нечто вроде небрежно выстроенного каменного ящика. На правой руке скелета был

[1] Здесь и в дальнейшем при описании ориентировки скелетов на первом месте указывается направление черепа.

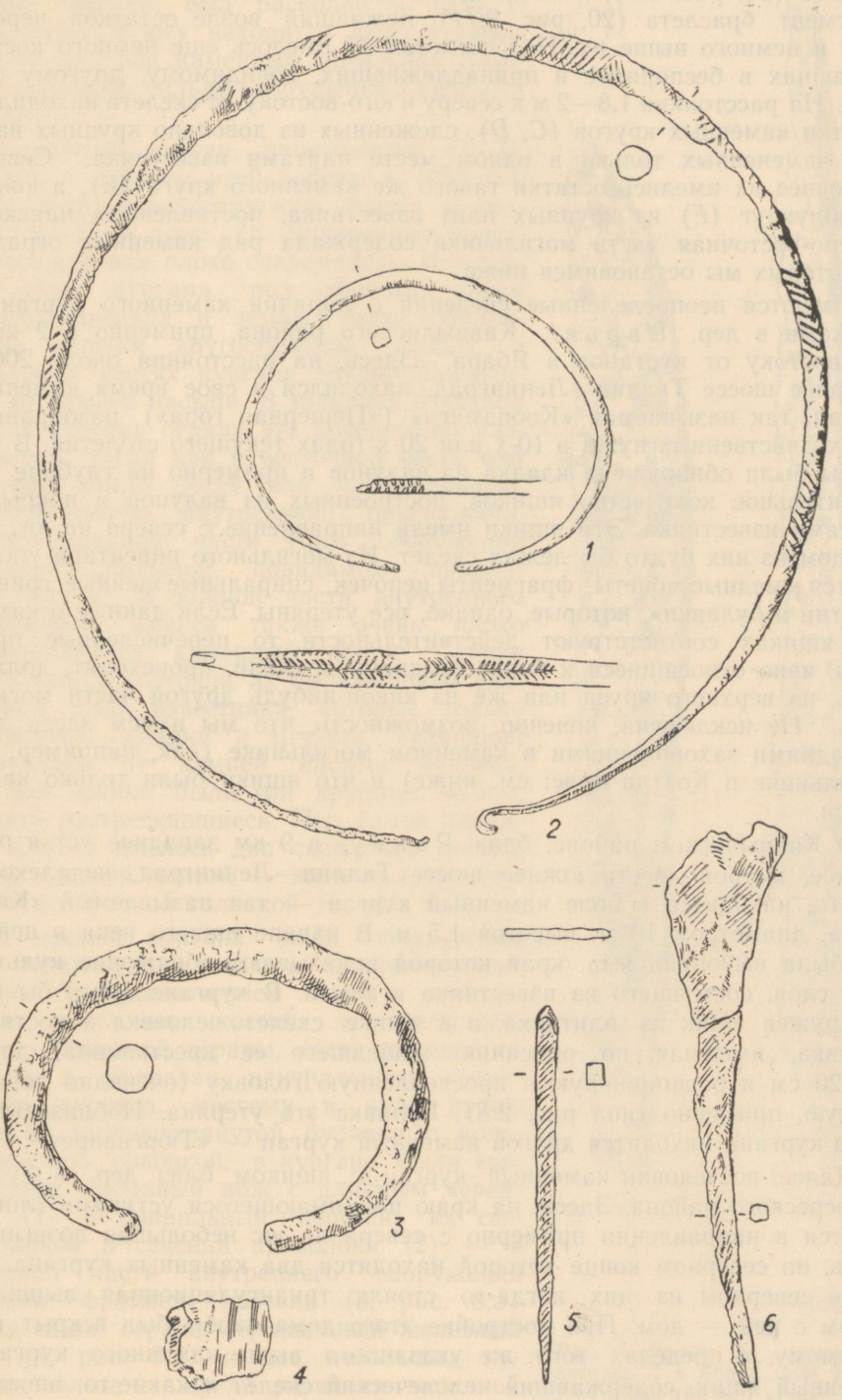


Рис. 5. Вещи из каменного кургана *А* в Ябара (ИИ 2570). *1—2* — браслет (10) и шейная гривна (5) из I ящика; *3* — железный браслет (32); *4* — фрагмент керамики (4); *5* — железное шило (24); *6* — фрагмент железного серповидного ножа (21). $^2/_3$ нат. вел.

браслет (21, рис. 9:*9*); возможно, что к этому скелету относился также фрагмент браслета (20, рис. 9:*11*), лежавший возле остатков черепа, хотя и немного выше их. Под скелетом *M* имелось еще немного костей, лежавших в беспорядке и принадлежавших, повидимому, другому скелету. На расстоянии 1,8—2 м к северу и юго-востоку от скелета находились остатки каменных кругов (*C*, *D*), сложенных из довольно крупных валунов, замененных только в одном месте плитами известняка. Северо-восточнее их имелись остатки такого же каменного круга (*E*), а южнее — полукруг (*F*) из крупных плит известняка, поставленных наискось. Северо-восточная часть могильника содержала ряд каменных оградок, на которых мы остановимся ниже.

Имеются неопределенные сведения о наличии каменного кургана с ящиками в дер. Варья[1], Кивиылиского района, примерно в 2 км к юго-востоку от курганов в Ябара. Здесь, на расстоянии около 200 м севернее шоссе Таллин—Ленинград, находился в свое время каменный курган, так называемая «Коопамяги» («Пещерная гора»), разобранный для хозяйственных нужд в 10-х или 20-х годах текущего столетия. В нем якобы была обнаружена кладка из валунов и примерно на глубине 1 м значительное количество ящиков, построенных из валунов и покрытых плитами известняка. Эти ящики имели направление с севера на юг, и в каждом из них будто бы лежал скелет. Из могильного инвентаря упоминаются «медные монеты, фрагменты цепочек, спиральные шейные гривны, перстни и булавки», которые, однако, все утеряны. Если данные о каменных ящиках соответствуют действительности, то перечисленные предметы, явно относящиеся к более позднему времени, происходят, должно быть, из верхнего яруса или же из какой-нибудь другой части могильника. Не исключена, конечно, возможность, что мы имеем здесь дело с поздними захоронениями в каменном могильнике (как, например, в I могильнике в Кохтла-Ярве; см. ниже) и что ящики были только кажущиеся.

В Кивиылиском районе, близ Ранну, в 9 км западнее устья реки Пуртсе, метров двести южнее шоссе Таллин—Ленинград, недалеко от глинта, находится в поле каменный курган — так называемый «Кадиваре», диаметром 10 м, высотой 1,5 м. В начале нашего века в центре его была выкопана яма, края которой показывают обнажение культурного слоя, состоящего из известняка и земли. В кургане будто бы был обнаружен ящик из плитняка, а в ящике скелет человека и костяная булавка, имевшая, по описанию нашедшего ее крестьянина, длину 15—20 см и расширявшуюся просверленную головку (очевидно лопатовидную, примерно типа рис. 2:*8*). Булавка эта утеряна. Поблизости от этого кургана находится другой каменный курган — «Тюргиваре»[2].

Далее, исследован каменный курган с ящиком близ дер. Куура, Раквереского района. Здесь, на краю поднимающегося уступами глинта, тянется в направлении примерно с севера на юг небольшая возвышенность, на северном конце которой находятся два каменных кургана. На более северном из них когда-то стояла триангуляционная вышка, а рядом с ней — дом. При постройке этого дома якобы был вскрыт (повидимому, в пределах того же указанного выше каменного кургана) каменный ящик, содержавший человеческий скелет и какие-то, впоследствии затерявшиеся «золотые кольца» (?).

---

[1] Опис. арх. памятн. Люганусе, 1932, стр. 59—60.

[2] Опис. арх. памятн. Виру-Нигула, 1932, стр. 43—44, и другие записи в ИИ.

Второй курган, находящийся несколько южнее первого, был раскопан в 1935 г. Еще далее к югу находится неисследованный до сих пор каменный могильник больших размеров, сильно разрушенный разными ямами.

Каменный курган, раскопанный О. В. Саадре и автором этой работы в 1953 г.[1], имел неправильно-округлую форму и диаметр 9—10 м (рис. 7). Внутренняя конструкция кургана плохо сохранилась. В северной части кургана, под обычным слоем битого плитняка и земли, были обнаружены остатки кругообразной ограды, в остальных частях кургана трудно различимой от камней насыпи. В западной и южной частях кургана ограда эта совершенно развалилась, тогда как в восточной части она местами имела более или менее ровную, прямолинейную внутреннюю поверхность. В юго-западной части этого сооружения находился большой, повидимому природный, валун. В южной части внутреннего сооружения имелся также очень плохо сохранившийся каменный ящик. Стенки этого ящика состояли из беспорядочно уложенных плит известняка, которые только плотностью кладки и отчасти величиной отличались от камней насыпи кургана. На дне ящика были три крупные плиты, отчасти растрескавшиеся. Под самой западной плитой имелось два скопления костей, а под средней плитой — железная булавка с кольцеобразной головкой (5, рис. 8:*1*).

В насыпи кургана были обнаружены как пережженные, так и непережженные кости. За исключением одного небольшого скопления костей за восточной частью каменной ограды, кости находились только в пределах центрального сооружения кургана, местами в виде кучек. Помимо вышеупомянутой булавки с кольцеобразной головкой, в кургане были еще найдены: железный нож с длинным черенком (1) и спиральный перстень из сегментарной в сечении проволоки (2) — в северной части внутреннего сооружения кургана; фрагмент кресала (3, рис. 8:*3*) — на самой ограде; серповидный железный нож (4, рис. 8:*2*) и два небольших кусочка железа — среди развалин западной части ограды.

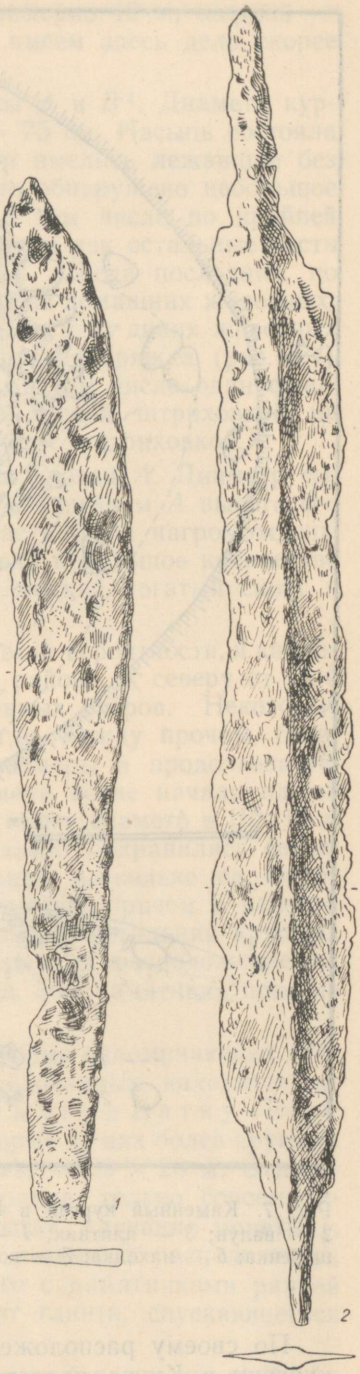


Рис. 6. Вещи из каменного кургана *A* в Ябара (ИИ 2570). *1* — секач (6) из I ящика; *2* — кинжал (?) (33). $^3/_7$ нат. вел.

[1] Отчет о раскопках в ИИ; могильный инвентарь ИИ 3404:1—5.

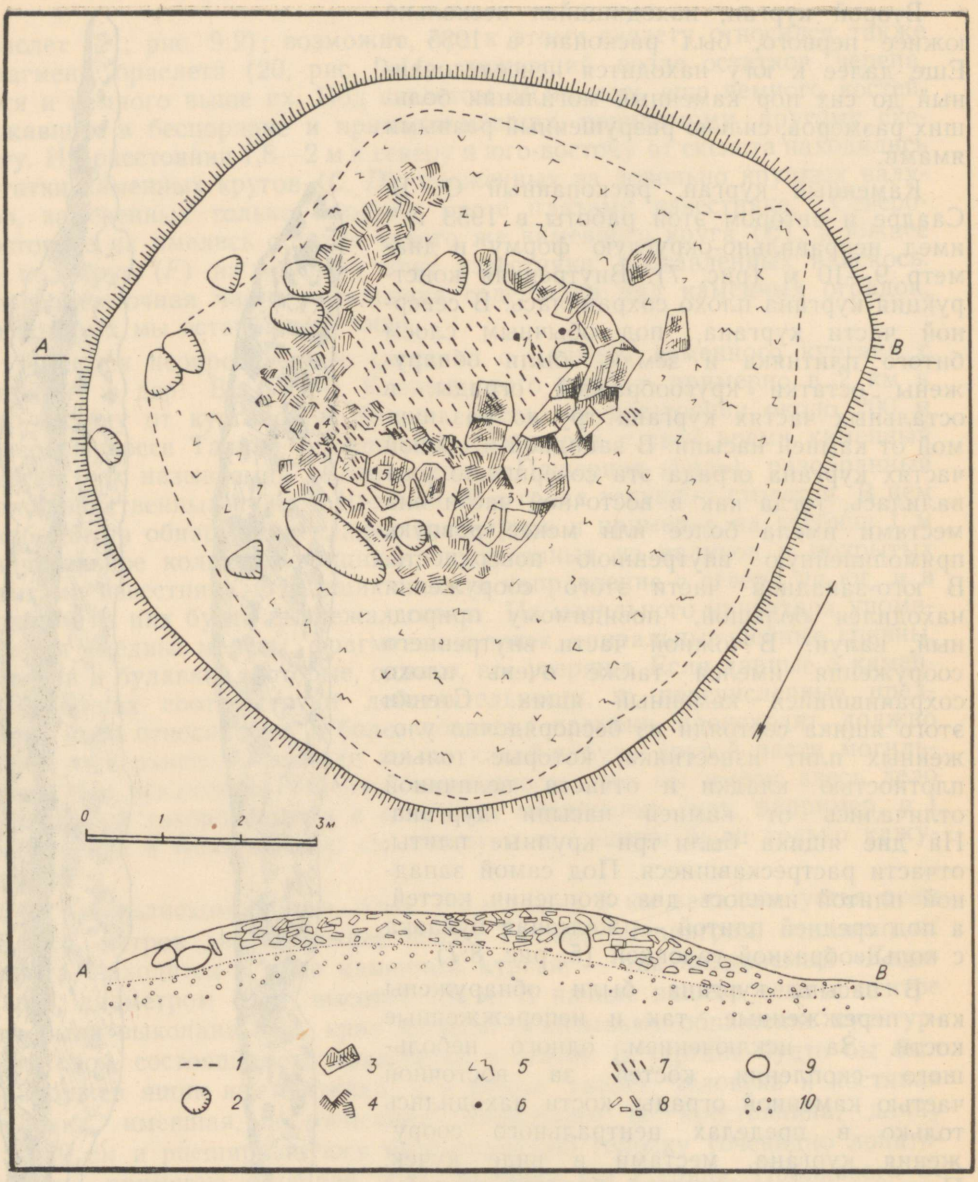


Рис. 7. Каменный курган в Куура. На плане: *1* — граница раскопанной площади; *2* — валун; *3* — плитняк; *4* — развалившаяся плитняковая стенка; *5* — плитняковая щебенка; *6* — находка; *7* — кости. На разрезе: *8* — плитняк; *9* — валун; *10* — материк.

По своему расположению, а может быть, и по времени, близкой к кургану в Куура является группа каменных курганов в Малла (на земле бывш. хутора Келлераугу), Раквереского района, приблизительно на расстоянии 350 м к ЗЮЗ от курганов Куура. Здесь было три каменных могильника, расположенных недалеко друг от друга. Из них два представляли собой небольшие курганы (*A*, *B*) и находились вблизи северного края шоссе Таллин—Ленинград, третий же был расположен среди поля, примерно в 30 м к северо-западу от них. Длина последнего

с юго-запада на северо-восток равняется примерно 12 м, ширина — 5—6 м, так что, судя по внешнему виду, мы имеем здесь дело скорее всего с каменным могильником с оградками.

В 1935 г. частично были раскопаны курганы *A* и *B* [1]. Диаметр кургана *A* равнялся в среднем 8 м, его высота — 75 см. Насыпь состояла из битого плитняка и земли, а на дне насыпи имелись лежавшие без особого порядка валуны. В этом кургане было обнаружено небольшое количество остатков непережженных костей, в том числе по крайней мере один сустав человеческого пальца, в то время как остальные кости в большинстве своем принадлежали животным. Среди последних, по определению В. И. Цалкина, были представлены из домашних животных: крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и свинья, а из диких животных — заяц. В кургане были найдены железная круглая пряжка (рис. 8:*4*) и фрагменты довольно тонкостенной керамики, в том числе один фрагмент сосуда с сетчатым орнаментом на дне и легкой штриховкой на стенке (рис. 8:*5—6*), и еще несколько фрагментов со штриховкой.

Курган *B* имел такую же конструкцию, как курган *A*. Диаметр его равнялся 6—7,5 м, бóльшая же по сравнению с курганом *A* высота его (до 1,1 м) зависела от того, что на него отчасти были нагромождены собранные в поле камни. Здесь было обнаружено небольшое количество непережженных костей животных (крупный и мелкий рогатый скот) и растиральный камень (рис. 8:*7*) [2].

К рассматриваемому периоду относятся, по всей вероятности, и каменные курганы близ дер. К о й л а, Кивиылиского района. К северу от этой деревни имеется среди полей целый ряд каменных бугров. Некоторые из них, так называемые «Сульгери варед» [3], где, между прочим, были найдены и кости, имеют довольно крупные размеры и продолговатую форму и относятся, повидимому, уже ко времени после начала нашей эры. Из числа же остальных бугров целый ряд имеет диаметр в 10—15 м и типичную форму каменных курганов с ящиками. Сохранились сведения, что ряд «каменных бугров», расположенных несколько на юг от дер. Койла, был снесен на рубеже нашего столетия, причем в каждом из них были найдены кости. Среди них был и один могильник крупных размеров. Для всех этих памятников характерно их расположение на краю возвышенного плато близ долины р. Пада. Эти памятники пока не исследованы.

Ряд каменных курганов, по своей внешней форме напоминающих курганы с ящиками, но до сих пор также не исследованных, находится недалеко от бухты Эру, в окрестности В ы х м а, Т ы у г у и В а т к у, Локсаского района, по обеим сторонам шоссе [4]. Некоторые из них более крупных размеров, например «Сеамяги» («Свиная гора»), — 30 × 20 м. Относительно находок из этих курганов имеются, правда, только совсем неопределенные сведения («что-то найдено», «кости», «древние монеты»), однако форма большинства этих курганов, как и само их расположение, говорят за то, что мы имеем дело скорее всего с памятниками ранней эпохи железа. Все они находятся недалеко от глинта, спускающегося здесь к морю широкими террасами.

Много каменных курганов имеется на морском побережье около В а й -

---

[1] Отчет о раскопках в ИИ. Могильный инвентарь ИИ 3405:1—3.

[2] ИИ 3405:B:1.

[3] Опис. арх. памятн. Виру-Нигула, 1932, стр. 50—54 (ИИ).

[4] Опис. арх. памятн. Кадрина, 1922, стр. 8—15. 31. Отчет о разведке 1948 г., стр. 2—4 (ИИ).

в а р а. Из них три кургана были раскопаны уже в 1895 г. Р. Гаусманом и 15 курганов — в 1897 г. Б. Кёрбером [1]. Эти курганы, сосредоточенные в несколько групп, тянутся здесь вдоль побережья на протяжении около 2,5 км. Они отличаются по своему местоположению от всех остальных известных в северо-восточной Эстонии курганов, будучи расположены не на возвышенном плато, а у подножия глинта, на дюнах самой береговой полосы, или же в лесу, либо на заболоченных лугах. Курганы в большинстве случаев покрыты наносным песком.

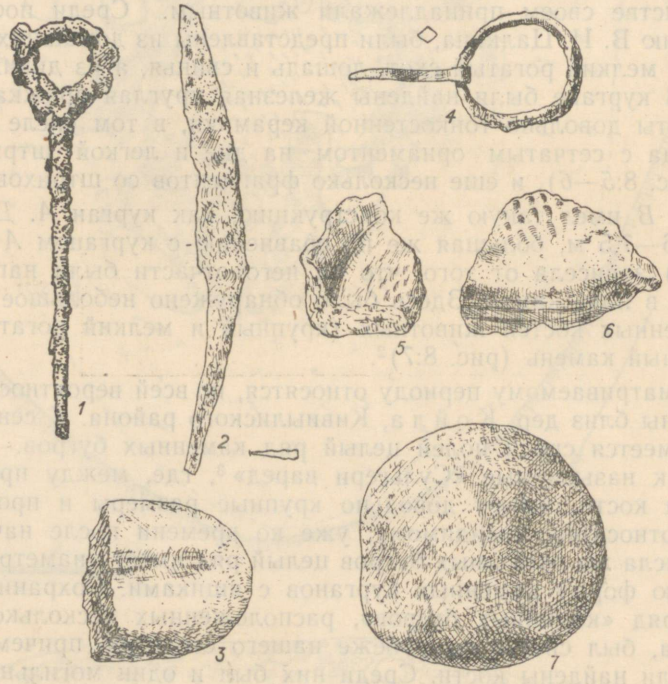
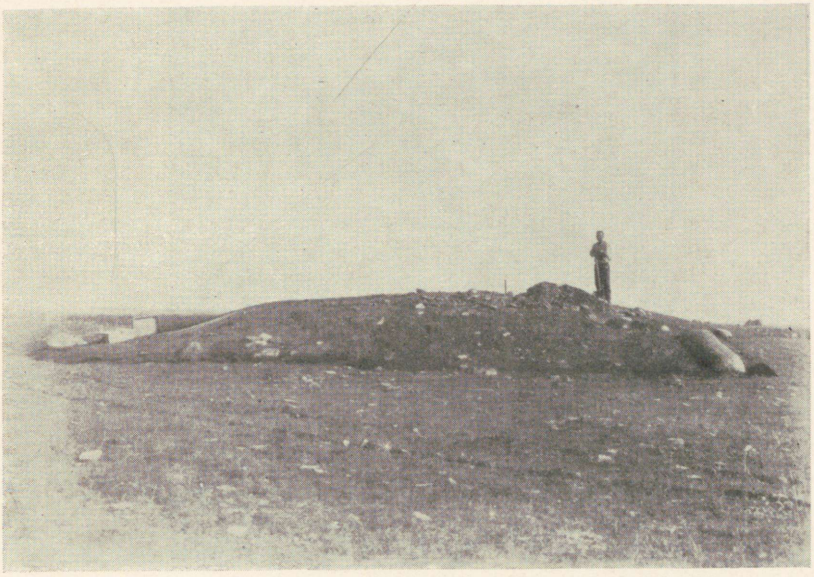


Рис. 8. Вещи из каменных курганов. *1—3* — булавка (3404:5), нож (3404:4) и фрагмент кресала (3404:3) из Куура; *4—7* — пряжка (3405:1), фрагмент керамики (с двух сторон, 3405:2) и растиральный камень (3405:B:1) из Келлераугу *1, 2, 4* — из железа $^1/_2$ нат. вел.

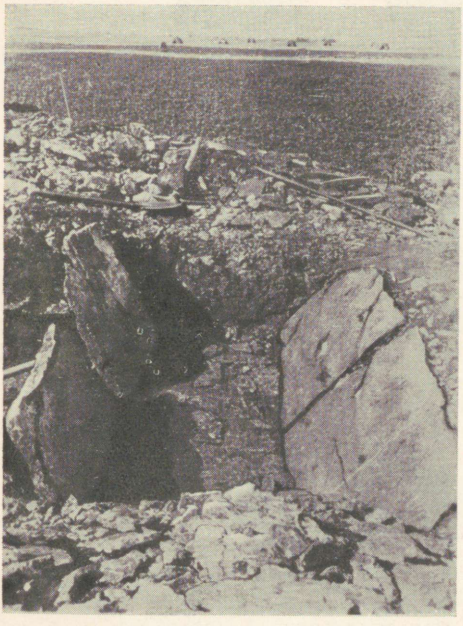
Исследованные в конце прошлого века курганы имели более или менее круглую форму, а некоторые из них и несколько продолговатую. Диаметр их колебался приблизительно от 3,5 до 8 м; очертания некоторых курганов оказались неясными, так как они были занесены песком. Каменная кладка состояла из 2—3 слоев камней, среди которых были и весьма большие, но определенной структуры здесь не наблюдалось. Только в одном кургане удалось констатировать наличие ящика, сложенного из плит известняка [2]. При этом следует, однако, принять во внимание, что каменные ящики, встречающиеся обычно в развалившемся состоянии, могли при тогдашней несовершенной методике и технике раскопок остаться незамеченными, так что число их могло быть на самом деле бóльшим.

[1] Hausmann, R., Steinhügelgräber von Waiwara. Sb. GEG 1895, Dorpat 1896, стр. 88—100. Körber, B., Steinhügelgräber in Waiwara. Sb. GEG 1897, Jurjew 1898, стр. 49—68.

[2] Körber, указ. раб., стр. 58.



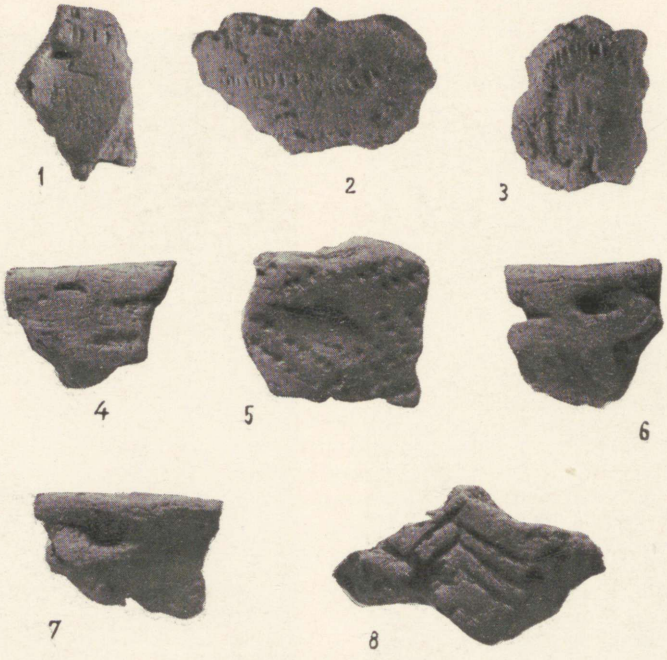
1. Каменный курган III в Напа.



2. Ящик в каменном кургане III в Напа.

3. Ящик в каменном кургане VI в Напа.

1. Каменный курган в Люганусе с двойной круговой стенкой.



2. Керамика из подмогильного слоя могильника в Тойла (ИИ 3952). *1* — 554, *2* — 552, *3* — 555, *4* — 470, *5* — 464, *6* — 555, *7* — 558, *8* — 538. $^{2}/_{3}$ нат. вел.

Погребения в них ориентировались с севера на юг. Сохранность скелетов была плохая. Они находились между камнями и под каменной кладкой в грунте. Встречались и пережженные кости. В большинстве случаев в кургане содержалось несколько погребений. Наряду с костями взрослых имелись и кости детей; одна челюстная кость принадлежала очень старому человеку. В нескольких случаях было замечено, что вокруг скелета лежали мелкие, величиной примерно с орех, камешки, или же дно могилы было усыпано крупнозернистым гравием. Немного поодаль от человеческих костей или выше последних были найдены кости и зубы животных, среди которых удалось определить остатки крупного и мелкого рогатого скота. Из вещей было найдено лишь несколько фрагментов керамики без орнамента и две обработанные кости — одна со сверлиной и другая «со следами обработки ножом» [1].

*

Из вышеизложенного видно, что материал, имеющийся в нашем распоряжении для освещения начального периода железного века на северо-востоке территории Эстонии, является пока еще очень недостаточным. Единственное из исследованных здесь городищ, которое с большой достоверностью можно отнести к этому времени, а именно городище Койла, на котором мы остановимся подробнее ниже, имело очень незначительный культурный слой. Поэтому почти единственными источниками для исследования этого периода являются пока каменные курганы с ящиками. Последние же, как мы видели, также очень бедны инвентарем. К тому же ни одна группа из этих могильных памятников до сих пор не была раскопана полностью.

Скудность материала и была причиной того, что в хронологизации каменных могильников существовали большие расхождения. А. Фриденталь, который, помимо северо-восточной части Эстонии, производил ряд раскопок каменных курганов и около Таллина, датировал эти могильники ранней эпохой бронзы, исходя из чисто формалистического принципа — из нахождения в некоторых из этих могильников предметов из камня [2]. В археологической литературе более общепринятой является датировка этих курганов концом эпохи бронзы и началом эпохи железа, т. е. по преимуществу второй половиной I тысячелетия до н. э., для чего дает основание, в первую очередь, могильный инвентарь кургана *A* в Ябара. Хотя эти могильники и были предметом специальных исследований, из которых особенно следует отметить работу А. К. Вассара о каменных курганах в Муукси [3] и некоторые обобщающие работы Х. А. Моора [4], хронология этих могильников трактовалась до сих пор все же очень суммарно. В то же время более детальная периодизация памятников конца эпохи бронзы и начала эпохи железа является одной из основных задач при освещении вопросов социально-экономического развития и расселения в рассматриваемый период.

В нижеследующем автор делает попытку несколько уточнить хронологию каменных курганов с ящиками, ограничиваясь территорией северо-

---

[1] Из I и II курганов, раскопанных Гаусманом. См. указанную работу, стр. 90, 91. Эти предметы, к сожалению, в музее не сохранились. По Кёрберу, величина этого глиняного сосуда была примерно с голову человека; сосуд имел профилированную наружу шейку и был изготовлен из грубой глины.

[2] Beitr. Estl. XIII, стр. 50. Tallgren, Zur Arch. Eestis I, стр. 76—77.

[3] ÖES Aastar. 1937, I, стр. 304—364.

[4] Moora, EZL, I, стр. 11—15. Там же библиография более ранней литературы по этому вопросу. Моора, Памятн. поздн. неол., стр. 19.

восточной части Эстонской ССР, хотя и здесь скудность материала позволяет делать только самые общие выводы.

Как уже указывалось выше, наилучшую основу для датировки каменных курганов с ящиками дает сравнительно богатый инвентарь I погребения кургана *А* в Ябара. Рассмотрим его.

Шейная гривна (рис. 5:*2*) является уникальной на территории Эстонской ССР; аналогии этой гривне неизвестны и на территории соседних братских республик. Наиболее близкими аналогиями являются две гривны, найденные в Скандинавии, которые там датируются серединой I тысячелетия до н. э.[1]. Нахождение при погребении в Ябара железного ножа-секача крупных размеров (рис. 6:*1*) вызывает, правда, некоторое сомнение в столь ранней датировке этого погребения, хотя, с другой стороны, исследования М. Е. Фосс на Галичском озере показали, что и жители лесной полосы Восточной Европы были знакомы с выплавкой и обработкой железной руды уже в IX—VII веках до н. э.[2].

Рассматриваемая здесь гривна напоминает собой до некоторой степени бронзовую гривну с полуострова Сырве о Саарема, найденную на краю одного из каменных курганов в Кауниспяа вместе с пережженными костями и другими бронзовыми предметами (булавка с кольцеобразной головкой, спиральный браслет, фрагмент височного украшения и пр.). Некоторые из этих курганов содержали каменные ящики. Эта шейная гривна украшена в средней части штриховым орнаментом (насечка), пластинчатые концы ее расширяются и заканчиваются широкими крючками[3]. Аналогии этой гривне известны также из Калининградской области, из Швеции и Финляндии, где они датируются VI—V веками до н. э.[4].

Бронзовый браслет (рис. 5:*1*) из того же I погребения в Ябара напоминает своими несомкнутыми концами и плоско-выпуклым сечением браслеты более позднего времени (ср. рис. 18:*8*), хотя имеет пока еще более узкую форму. Большое сходство с этим браслетом имеет браслет[5] из одного неопубликованного каменного кургана в Уури, Локсаского района, исследованного А. К. Вассаром. Курган этот как по своему строению (окружен тремя каменными кругами), так и по могильному инвентарю (железные браслеты, булавка со спиральной головкой) относится примерно к рубежу н. э.

Автору неизвестны точные аналогии большому железному ножу-секачу (рис. 6:*1*), лежавшему при скелете в могильнике *А* в Ябара. Наиболее близким к нему по форме является секач из Усть-Лабинского могильника на Северном Кавказе[6], хотя трудно сказать, принимая во внимание расстояние, имеется ли непосредственная связь между этими орудиями. Некоторое сходство с ножом-секачем из Ябара имеют и так называемые «ножи с горбатой спинкой», находимые на дьяковских городищах, хотя последние и отличаются меньшими размерами[7].

Железный браслет (рис. 5:*3*), найденный при земледельческих ра-

---

[1] Hansson, H., Gotlands bronsålder. Stockholm 1927, рис. 28; Almgren, O., Die ältere Eisenzeit Gotlands I. Stockholm 1914, рис. 15. Montelius, O., Minnen från vår forntid I. Stockholm 1917, рис. 1467.

[2] Фосс М. Е., Итоги Галичской экспедиции. КСИИМК XXVI, М.—Л., 1949, стр. 38—39.

[3] В ГИМ. Труды Моск. предв. ком. X Арх. съезда, II, стр. 23—24.

[4] OES Aastar. 1932, стр. 270 и рис. 8 : I.

[5] ИИ 3805:66.

[6] Анфимов Н. В., Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Под редакцией Е. И. Крупнова. МИА 23, М.—Л., 1951, стр. 188 и рис. 13:10.

[7] Бадер О. Н., Древние городища на Верхней Волге. Материалы по археологии Верхнего Поволжья. Под редакцией П. Н. Третьякова. МИА 13, М.—Л., 1950, стр. 107—108, рис. 21:8—10.

ботах на юго-западном крае кургана, представляет собой тип браслетов, нередко встречающихся на территории Эстонии. Экземпляры очень похожие на этот браслет, такие же массивные и утолщающиеся посередине, найдены в окрестности г. Таллина, в каменных курганах с ящиками в Раннамыйза (Кейлаского района), в Курна (Харьюского района) и также в Эссу (Раквереского района) [1]. К этой же группе браслетов относятся, повидимому, и некоторые более тонкие экземпляры, найденные А. К. Вассаром в вышеупомянутом каменном кургане в Уури [2]. Прямые параллели этим браслетам с ближайших соседних территорий пока неизвестны. Они, как и костяные булавки с лопатовидной головкой, являются типичными для северной Эстонии предметами периода около рубежа нашей эры [3].

Фрагментарный железный предмет (рис. 6:*2*), найденный также при распашке юго-западного края кургана, был истолкован как меч раннего периода Латена [4]. Все же возникает сомнение, можно ли этому предмету приписывать столь большую древность, особенно если принять во внимание, что он, по имеющимся сведениям, происходит из той же самой части кургана, где был найден и только что описанный железный браслет. Наконец, следует отметить, что из большого количества опубликованных мечей Латена «меч» из Ябара имеет сходство лишь с одним мечом, который, таким образом, отнюдь не является типичным экземпляром. Вероятно, ближе всего к нему стоит все же предмет, найденный в каменном могильнике Пенттала, в западной Финляндии, который А. Гакман считает кинжалом, но который, однако, является уникальным и для самой Финляндии [5]. Судя по остальным вещам из этого могильника, последний относится к рубежу н. э. или к I веку, что гораздо лучше согласуется с датировкой данной части кургана *A* в Ябара. Этот предмет, повидимому, не местного производства, тогда как типичный для северной Эстонии рассмотренный выше железный браслет изготовлен, несомненно, из местной болотной руды.

Найденному при скелете IX железному шилу (рис. 5:*5*) в эстонском материале аналогий пока не имеется, хотя шило является обычным предметом домашнего обихода, встречающимся в могильном инвентаре уже с начального периода железа. Это шило довольно короткое, по сравнению с шильями с длинным стержнем, находимыми в каменных могильниках с оградками первой половины I тысячелетия н. э. (рис. 14:*11*). Короткие железные шилья раннего типа найдены в каменных курганах с ящиками в Муукси [6] и Уури на оз. Кахала, Локсаского района [7], а также в наиболее ранней части могильника с оградками в Ийла, содержавшей вещи I—II вв. [8]. Железные шилья являются обычной находкой на дьяковских городищах [9], а также на городище Бискупине в Польше (где, между прочим, у одного шила сохранилась и костяная ручка) и

---

[1] Beitr. Estl. XI, стр. 34. Friedenthal, Cournal, стр. 1, 62.

[2] ИИ 3805:57, 63—65.

[3] Этот тип браслетов является настолько простым, что едва ли имеется надобность искать для него какую-нибудь исходную форму, как это пытался в свое время сделать автор настоящей работы. ÕES Aastar. 1925, стр. 133.

[4] ÕES Aastar. 1932, стр. 266.

[5] Hackman, A., Die ältesten eisenzeitlichen Funde in Finnland. Mannus V. Würzburg 1913, рис. 47, стр. 291.

[6] ÕES Aastar. 1937, I, стр. 362—363, рис. 23:7.

[7] ИИ 3805:50.

[8] ИИ 3358:203.

[9] Третьяков П. Н., К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА 5, М.—Л., 1941, стр. 46, рис. 35:17—19.

в других местах[1]. На основании приведенного выше сравнительного материала, железное шило из Ябара, вероятнее всего, относится к началу нашей эры, хотя столь простое орудие труда могло, конечно, быть в употреблении и значительно раньше. При том же, IX скелете были еще найдены фрагменты керамики, напоминающие по своему составу керамику из каменных могильников с оградками. Но так как такая керамика встречается иногда и в каменных курганах с ящиками, например в кургане на бывш. хуторе Сепа около Муукси[2], то на основании ее невозможно дать более точную датировку этого погребения.

То же самое приходится сказать и о скелете III, при котором был найден единственный для кургана *A* в Ябара фрагмент керамики, покрытый штриховкой (рис. 5:*4*). На территории Эстонской ССР покрытие штриховкой поверхности сосудов имеет широкое распространение уже начиная с эпохи бронзы и доживает здесь до V—VI вв. н. э. А. К. Вассаром установлено применение различной техники нанесения штриховки для более ранней и для более поздней керамики[3]; судя по технике, фрагмент керамики из Ябара следует отнести к позднему типу, т. е. к керамике с более слабой штриховкой, возникшей около начала нашей эры.

Курган *A* в Ябара использовался как могильник в течение продолжительного времени. По своей структуре этот курган во многих отношениях напоминает курганы с ящиками на бывш. хуторе Тоомани в Муукси, Локсаского района, особенно курган № 33[4]. Поэтому можно полагать, что ряд наблюдений, сделанных А. Вассаром по поводу этих курганов, относится и к нашему кургану. Как в Муукси, так и в Ябара в центре кургана находился ящик, к которому непосредственно был пристроен второй ящик (для скелета IX), для чего была использована одна из боковых стенок центрального ящика. Такое пристраивание ящиков один к другому является весьма обычным в каменных курганах. Оно наблюдается в III кургане в Напа, в западной части кургана *C* в Ябара, в курганах в Лагеди, Харьюского района[5], и др. Можно полагать, что в данном случае, как это было уже высказано и относительно курганов в Муукси, центральный ящик кургана *A* в Ябара был еще виден на поверхности (или по крайней мере его можно было легко обнаружить под тонкой насыпью), когда к нему пристраивали другой ящик. Последний был значительно у́же и сложен из более тонких плит, однако скелет сохранился в нем лучше, чем в монументальном центральном ящике. Почти полное разложение скелета в центральном ящике могло быть вызвано именно тем, что этот ящик пришлось обнажить для пристройки к нему нового ящика, вследствие чего доступ воздуха ускорил разложение. Если даже предположить, что погребение в центральном ящике имело место значительно раньше, чем погребение IX, то промежуток времени между этими двумя погребениями все же не мог быть настолько велик, чтобы он мог отразиться на сохранности этих скелетов.

Остальные погребения расположены, как и в Муукси, вокруг центрального каменного ящика, в разных направлениях, причем крайние из них образуют сравнительно правильный круг, в который не вмещаются только каменные ящики I и II в юго-восточной части кургана. Возникает

---

[1] Kostrzewski, J., Gród prasłowiański w Biskupine w powiecie Znińskim. Poznań 1938, табл. XXXVII:21; LXII:42. Pič. J. L., Le hradischt de Stradonitz en Bohême. Leipzig 1906, табл. XXXVIII, XLII и др.

[2] ÕES Aastar. 1937, I, стр. 358.

[3] Там же, стр. 355—357.

[4] Там же, стр. 308—315.

[5] Spreckelsen, A. Das Gräberfeld Laakt (Lagedi), Kirchspiel St. Jürgens, Harrien, Estland. ÕES Toim., Verh. GEG XXIV. Dorpat 1927, стр. 12, план 3.

вопрос: не был ли и этот курган, подобно курганам в Муукси, также обнесен какой-либо круговой оградой? Раскопка этого кургана производилась в 20-х годах нашего столетия; применявшаяся в то время методика раскопок не дает нам возможности восстановить конструкцию кургана. Раскоп не везде был доведен до самого края насыпи, затронутого к тому же распашкой. Если принять во внимание все эти обстоятельства, то не исключена возможность, что круговая стенка могла остаться незамеченной, особенно в том случае, если она плохо сохранилась.

Труднее объяснить расположение скелетов I и II на юго-восточном крае кургана, вне круга, образованного другими скелетами. Возникает вопрос — не имеем ли мы здесь дело с небольшим самостоятельным курганом, пристроенным к другому, более крупному. Подобного рода пристройки одних курганов к другим наблюдаются в разных местах; так, например, Вассар отмечает в Муукси присоединение кургана № 32 к кургану № 31. Могильник «Сууреваре» («Большой курган») в Карусте (на полуострове Сырве о. Саарема) состоял из одного большого, окруженного каменными кругами кургана, и другого, сросшегося с ним маленького кургана [1].

Насыпь из битого плитняка и земли, покрывавшая ящики, содержала фрагменты керамики из глины с примесью песка, со сглаженной поверхностью и с округлыми очертаниями, наподобие керамики из каменных могильников с оградками. Из металлических вещей в насыпи были найдены два фрагмента железного серповидного ножа I—II вв. н. э. (21, рис. 5:*б*). В насыпи встречались как непережженные, так и пережженные кости, последние гнездами. Непережженные кости были сконцентрированы в трех местах: в центре кургана, т. е. частично над скелетом IX, далее, в южной части кургана — около скелета III, немного выше последнего, и, наконец, на частично распаханном юго-западном крае кургана. Во всех этих местах непережженные и к тому же плохо сохранившиеся кости лежали в беспорядке, так что различить отдельные скелеты не представлялось возможным.

В юго-западной части кургана *С* в Ябара первым был сложен из валунов более северный ящик *А*, к которому затем был пристроен из поставленных на ребро плит известняка ящик *В* (табл. IV). Кроме двух небольших, мало типичных фрагментов керамики, найденных в ящике *А*, датирующих вещей в этих ящиках не было. В них содержалось лишь небольшое количество остатков костей — непережженных в ящике *А* и пережженных в ящике *В*.

Направление этих ящиков с юго-запада на северо-восток является для каменных курганов неожиданным, во всяком случае, если предполагать, что мы имеем здесь дело с центральными ящиками, ориентированными обыкновенно с севера на юг. По своему направлению эти каменные ящики соответствуют ящикам I и II в кургане *А*.

Как уже было указано выше, следы какого-то сооружения, напоминающего каменный ящик, имелись также возле скелета *М*, расположенного примерно в центре каменного круга, от которого сохранились также только остатки.

Могильный инвентарь скелета *М* состоял лишь из одного узкого бронзового браслета, четырехгранного в сечении, с несколько выпуклой внешней поверхностью (21, рис. 9:*9*). Такие браслеты часто надевались по несколько штук сразу. Например, в каменном могильнике в Трийги, Вяйке-Марьяского района, найдены сплавившиеся при сожжении трупа

[1] ÕES Aastar. 1937, I, стр. 317. Отчет о раскопках в Карусте, 1940 г. в ИИ.

фрагменты семи таких браслетов [1], а в Лаздини, в Латвийской ССР, на руке одного скелета был 21 браслет этого типа [2]. Однако браслет, найденный при рассматриваемом здесь скелете *M* в кургане *C* в Ябара, показывает, что браслеты эти носились и по одному. Чаще всего эти браслеты встречаются в могильных комплексах II в., как это мы увидим в дальнейшем при разборе материала из оградок восточной части могильника *C*. Однако инвентарь указанного выше погребения в Лаздини, содержавший, между прочим, и большую булавку с кольцеобразной головкой, соответствующую рассматриваемым ниже булавкам из могильника I в. в Тойла, ранний железный проушной топор и пр., показывает, что такие браслеты были в употреблении и в более раннее время. Рассматриваемое здесь погребение скелета *M* следует, повидимому, также отнести к I веку, особенно если принять во внимание некоторые черты могильного сооружения, близко напоминающие каменный ящик.

Несколько выше скелета *M* был найден фрагмент спирального браслета с немного расширяющимся, свернутым в трубочку концом (20, рис. 9:*11*) и с линейным орнаментом. Спиральный браслет с таким же орнаментом в виде ромбов найден в упомянутом каменном могильнике в Трийги (рис. 43:*3*) и другой браслет со свернутыми трубочкой концами — в каменном кургане с ящиком в Роотси, Харьюского района [3]. Свернутые концы спиральных браслетов имели практическую цель — через них продевалось кольцо, прикреплявшее конец браслета к самому браслету для того, чтобы предотвратить сгибание или поломку конца браслета, порыв одежды и т. п. Два спиральных браслета с сохранившимся колечком, но без орнамента обнаружены П. Висковатовым в каменном могильнике в Тюрсамяэ [4]. Такие браслеты встречаются во всех прибалтийских республиках: Эстонии, Латвии и Литве, а также и в Калининградской области, где они известны с конца бронзового века. На севере эти браслеты распространены вплоть до Финляндии включительно. На основании находок из Трийги, Роотси и пр. эти браслеты датируются I—II веками н. э.

Восточнее скелета *M*, в районе остатков каменных кругов *C*, *D*, *E*, *F*, найден ряд вещей, которые несколько отличаются от обычного инвентаря каменных могильников северо-восточной Эстонии. В первую очередь надо отметить две бронзовые булавки со свернутой в трубочку головкой. Одна из них имеет большие размеры и расширяющуюся пластинчатую головку, верхний край ее свернут трубочкой (58, рис. 9:*1*); другая булавка — маленькая, с узкой головкой (60, рис. 9:*3*). Кроме этих булавок, здесь были найдены еще три булавки с кольцеобразной головкой (35, 41, 68). У двух из них (35, 68, рис. 9:*2*) головка согнута почти под прямым углом к стержню, у третьей же булавки стержень образует типичную так называемую «лебединую шейку» (рис. 9:*4*). Различные булавки с такой шейкой весьма обычны среди могильного инвентаря середины и второй половины I тысячелетия до н. э. в южной Прибалтике, в частности в Польше, по нижнему течению р. Вислы, а также в Калининградской области. С территории последней известен, например, могильный комплекс, в состав которого входят две булавки — одна с широкой и другая с узкой, свернутой в трубочку головкой (последняя особенно близка к булавке из Ябара), и, кроме того, шейная гривна и

---

[1] Hausmann, Grabfunde, табл. IV:17.

[2] Moora, EZL, II, стр. 690—691, 400—403.

[3] В ИМ.

[4] Один в ИИ (2012:II:5) и другой в ГИМ в Москве.

браслет второй половины I тысячелетия до н. э.[1]. На территории Эстонии еще одна булавка со свернутой головкой и «лебединой шейкой» найдена в виде случайной находки на о. Саарема[2]. Можно полагать, что типичный изгиб этих булавок имел практическое значение — это препятствовало выскальзыванию булавки из одежды.

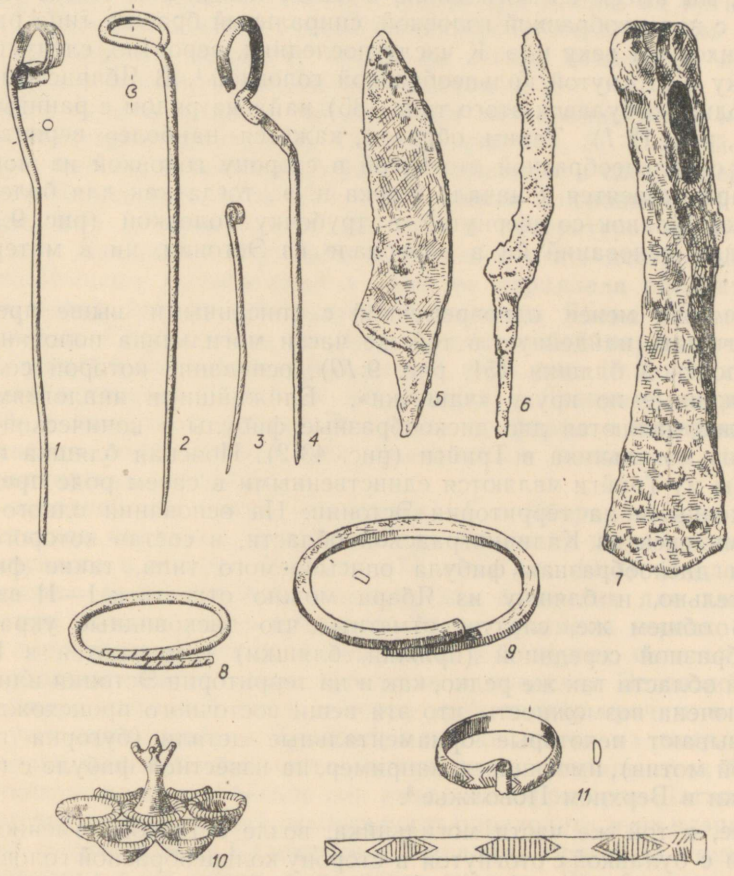


Рис. 9. Вещи из западной части могильника *С* в Ябара (ИИ 2617). *1—4* — булавки (58, 68, 60, 41); *5—6* — ножи (29, 24); *7* — топор (40); *8* — колечко (62); *9* — браслет с руки скелета *М* (21); *10* — поясное украшение (51); *11* — фрагмент спирального браслета (20). *1—4, 8—11* — из бронзы; *5—7* из железа. Примерно $^1/_2$ нат. вел.

На основании приведенных параллелей из более южных районов описанные выше булавки из Ябара датировались до сих пор временем до н. э.[3]. Однако в южной Эстонии, в Тамса, Эльваского района, в могильнике найдена такая же, но железная булавка с отогнутой головкой[4] вместе с большим количеством простых булавок с кольцеобразной головкой (рис. типа 10:*1*, *3—8*) и других предметов I в. н. э. Другая

[1] Bezzenberger, A., Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreussens. Königsberg i. Pr. 1904, рис. 48.

[2] ИИ К29:2.

[3] ÕES Aastar. 1932, стр. 271—272.

[4] ИИ 3669:21.

железная булавка с отогнутой в сторону головкой известна нам из большого каменного могильника с оградками в Леэду, Пайдеского района. К сожалению, данные о произведенных здесь любительских раскопках весьма недостаточны. Во всяком случае, среди находок из этого могильника нет ни одного предмета, относящегося ко времени до н. э. С другой стороны, мы имеем из могильника в Леэду целый ряд вещей (железные булавки с кольцеобразной головкой, спиральный браслет типа рис. 43:*3*), относящихся к I веку н. э. К числу последних, вероятно, следует отнести и булавку с отогнутой кольцеобразной головкой [1]. В Ябараском могильнике *C* одна из булавок этого типа (35) найдена рядом с ранним браслетом (34, рис. 12:*1*). Таким образом, кажется наиболее вероятным, что булавки с кольцеобразной отогнутой в сторону головкой из могильника *C* в Ябара относятся к началу I века н. э., тогда как для более точной датировки булавок со свернутой в трубочку головкой (рис. 9:*1*, *3*) мы не находим оснований ни в материале из Эстонии, ни в материале из Латвии.

Более или менее одновременной с описанными выше предметами можно считать найденную в той же части могильника половинку конической поясной бляшки (51, рис. 9:*10*), основание которой составляют расположенные по кругу «чашечки». Ближайшими аналогиями этому украшению являются две дискообразные фибулы с конической средней частью из могильника в Трийги (рис. 43:*2*). Поясная бляшка из Ябара и фибулы из Трийги являются единственными в своем роде предметами, обнаруженными на территории Эстонии. На основании одного могильного комплекса из Калининградской области, в состав которого входит также и дискообразная фибула описываемого типа, такие фибулы, а следовательно, и бляшку из Ябара можно отнести к I—II вв. нашей эры [2]. В общем же, следует отметить, что дисковидные украшения с конусообразной серединой (пряжки, бляшки) встречаются в Калининградской области так же редко, как и на территории Эстонии или Латвии. Не исключена возможность, что эти вещи восточного происхождения, на что указывают некоторые орнаментальные детали (бугорки по краю, шнуровой мотив), имеющиеся, например, на известной фибуле с городища Березняки в Верхнем Поволжье [3].

Далее, в той же части могильника, возле остатков каменного круга *E*, рядом с булавкой с отогнутой в сторону кольцеобразной головкой (41), был найден сравнительно редкий для Эстонии предмет, а именно узкий проушной топор (40, рис. 9:7). Хотя мы в этой части могильника и не можем выделить отдельных могильных комплексов, все же общий характер найденных здесь вещей дает некоторые основания для их датировки. Поэтому упомянутый топор, как и остальные вещи отсюда, следует отнести примерно к началу нашей эры. На такую датировку указывает и могильный инвентарь из раскопок А. К. Вассара, произведенных в 1940 г. в Карусте, на полуострове Сырве (о. Саарема). Там был каменный курган, окаймленный кругом из валунов и содержавший, между прочим, узкий браслет с четырехгранным сечением (примерно типа рис. 9:*9*), лезвие узкого железного топора и двойную пуговку из янтаря [4]. Последние встречаются в курганах с каменными ящиками на территории Лат-

---

[1] Могильный инвентарь в МПд.

[2] Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Zusammengestellt von Dr. O. Tischler. Herausgegeben von H. Kemke. Königsberg i. Pr. 1902, табл. VIII:4; ÕES Toim. XXX, стр. 451—453.

[3] Третьяков П. Н., Восточнославянские племена. М., 1953, рис. 29.

[4] ИИ 3882:2, 9, 10.

вии [1]. Таким образом, каменный курган в Карусте относится скорее всего к началу н. э. Как уже указывалось выше, раскопки каменного могильника в Лаздини (Латвийской ССР), относящегося к тому же времени, дали также узкий топор, хотя и несколько иной формы, напоминающий, до известной степени, еще форму топоров бронзового века [2]. Большое сходство с топором из Ябара имеют три топора из могильника в Стразде (западная Латвия), одновременного с могильником в Лаздини [3]. Е. И. Горюнова датирует такой же топор, найденный на городище Торфель, в бассейне реки Десны [4], I веком н. э.

Из прочих орудий труда в той же части могильника были найдены два небольших серповидных ножа (24 и 29, рис. 9:*6*, *5*). Первый из них соответствует ножам, найденным в рассматриваемом в следующей главе могильнике в Тойла (рис. 10:*9—11*), относящемся в основном к I в. н. э. Второй (рис. 9:*5*) датировался до сих пор в литературе временем до начала н. э. [5]. Датировку эту, однако, нельзя считать достоверной, так как нож из Польши, приведенный в качестве параллели рассматриваемому здесь ножу, все же отличается от ножа из Ябара своим узким острым лезвием. Скорее всего он представляет собой вариант тех же, только что упомянутых серповидных ножей типа рис. 10:*9*. К этой же группе ножей относится и нож из могильника в Лаздини [6], не раз уже упомянутого в настоящей работе. Эти ножи по форме и по времени их распространения соответствуют так называемым ножам «с горбатой спинкой» дьяковских городищ [7].

В юго-западной же части могильника *С* в Ябара, но уже в стороне от остатков каменных кругов, найден фрагмент широкого тонкого вогнуто-выпуклого в сечении браслета (77, типа рис. 14:*3*). Около места излома, немного расплюснутого, имеются два отверстия для заклепок, сделанные при починке этого предмета. Такие браслеты нередко встречаются на территории Эстонии, в том числе и в других могильниках в Ябара. Наибольшее число таких браслетов в пределах Эстонской ССР найдено в северо-восточной части ее территории, между прочим, в упоминавшемся уже могильнике в Трийги [8]; в то же время из могильников южной Эстонии нам известны лишь единичные экземпляры этих браслетов. Значительное распространение они имели на территории Латвии [9], где археологический материал дает возможность определить и их назначение. В одном из погребений в Салениеки (Латгалия) браслеты этого типа были обнаружены и на руках, и на ногах скелета. Эти браслеты датируются I—II вв. н. э., что вполне согласуется с датировкой остального могильного инвентаря из западной, узкой части могильника *С* в Ябара.

Наконец, следует еще упомянуть о некоторых фрагментах бронзовых колец диаметром в 4—5 см, изготовленных из круглой проволоки толщиной 2—3 мм (53, 62, 64, рис. 9:*8*). Может быть, это были какие-нибудь украшения вроде плоских спиральных колец — должно быть височных — из могильника в Лаздини [10], которым они соответствуют по

---

[1] Moora, EZL I, стр. 8—11.

[2] Там же, II, рис. 74:2.

[3] Могильный инвентарь раскопанного С. В. Богоявленским в 1895 г. могильника в Стразде хранится в ГИМ в Москве.

[4] Горюнова Е. И., Городище Торфель. КСИИМК XXXI, М.—Л., 1950, стр. 156, рис. 54:31.

[5] ÕES Aastar. 1932, стр. 272.

[6] Moora, EZL II, рис 71:2.

[7] Третьяков, Верхнее Поволжье, рис. 15:7.

[8] Hausmann, Grabfunde, табл. IV:9, 11, 12.

[9] Moora, EZL II, стр. 408—414.

[10] Там же, стр. 472—473; рис. 70:2.

диаметру и характеру проволоки, хотя кольца из Ябара были, повидимому, простые, а не спиральные.

Интересно, что юго-западная половина каменного могильника *C* отделяется от северо-восточной половины, содержащей оградки, пространством, почти лишенным находок. По всей вероятности, юго-западная часть в свое время представляла собой отдельный могильник. К сожалению, конструкция последнего не вполне ясна. Впечатление типичного каменного кургана с центральным, ориентированным с СЗ на ЮВ ящиком, производит погребение *M* вместе с остатками каменного круга *C* и *D*. То обстоятельство, что этот круг в свое время целиком не был вскрыт, быть может, зависело от несовершенства техники раскопок. С другой стороны, такой круг должен был бы пересекать на юго-западе каменные ящики *A* и *B*, которые своей монументальностью производят более раннее впечатление, чем небрежно сложенный «ящик» вокруг скелета *M*. Скорее всего можно думать, что мы имеем здесь дело опять-таки с двумя курганами, тесно пристроенными друг к другу или частью даже заходящими один в другой. Более древний из них, содержавший каменные ящики *A* и *B*, по своей конструкции соответствует центральным ящикам кургана *A*, остальная же рассматриваемая здесь юго-западная часть могильника *C* использовалась главным образом около начала нашей эры и в I веке нашей эры.

Таким образом, если каменный курган *A* в Ябара, относящийся к середине I тысячелетия до н. э., принадлежит к числу наиболее ранних каменных курганов с ящиками, обнаруженных до настоящего времени на северо-востоке Эстонии, то юго-западная часть могильника *C* (за исключением каменных ящиков *A* и *B*, которые, вероятно, относятся к значительно более раннему времени) относится к конечному этапу существования каменных курганов с ящиками, характеризующемуся небрежностью постройки как самих ящиков, так и типичных для этого вида курганов каменных кругов. Эта часть могильника показывает, что традиция сооружения каменных ящиков существовала здесь еще и в I в. н. э. Конечно, юго-западная часть могильника *C* в Ябара использовалась как могильник и в более позднее время, на что указывает ряд предметов, обнаруженных здесь и характерных для II в. н. э., как, например, браслеты с шишечками на концах, плоские браслеты с четырехгранным сечением (34, 61, рис. 12:*1*, *5*), браслет с сегментарным сечением и профилировкой на концах (57, рис. 12:7).

Подобно кургану *A* в Ябара, курганы в Напа, по крайней мере частично, также относятся к наиболее ранним каменным курганам с ящиками. Здесь найдены кремневый скребок (рис. 2:7) и отщеп кремня (из III кургана), что, однако, нельзя считать признаком исключительной древности данного кургана, так как мелкие предметы из кремня были в сравнительно широком употреблении до начала нашей эры, когда железные орудия труда окончательно вытеснили их и вошли в общий обиход. Отщепы кремня и кремневые скребки встречаются в Прибалтике на городищах конца бронзового и начала железного века, например на городищах Асва (о. Саарема), Кландюкалнс (на территории Латвийской ССР, примерно в 20 км восточнее Риги), а также в значительном количестве на дьяковских городищах Верхнего Поволжья и бассейна р. Оки [1]. Единичные мелкие изделия из кремня или кварца встречаются и в каменных курганах с ящиками, например в Муукси, Локсаского района [2].

---

[1] Третьяков, Верхнее Поволжье, рис. 10:9—13. Бадер, Древн. городища, стр. 124—125.

[2] OES Aastar. 1937, I, стр. 359, рис. 21 : 1—3.

Типичными для каменных курганов с ящиками предметами являются костяные булавки с лопатовидной головкой (рис. 2:*1, 4, 5, 8*). Две из этих булавок были найдены в IV и VI курганах Напа (см. выше) и три — в «Тарт-Яагу варе», в Люганусе. Возможно, что одна такая же булавка была найдена еще в одном из курганов в Ранна, Кивиылиского района, (см. стр. 28). А. К. Вассар, изучавший эти булавки [1], считает, что они употреблялись как застежки для одежды, для чего, по его мнению, в одежде могли быть сделаны особые петли, чтобы не портить одежду постоянными проколами булавки. Ввиду недостаточности материала, Вассар дает этим булавкам только весьма общую датировку — примерно от начала железного века и до I века н. э. Помимо указанных здесь пяти булавок с лопатовидной головкой из северо-восточной Эстонии, нам известны еще три булавки такого же типа из каменных курганов с ящиками в Харьюском и Локсаском районах. Можно считать, что эти булавки представлены в довольно значительном количестве, особенно если принять во внимание общую скудность могильного инвентаря в курганах этого типа. С другой стороны, отсутствуют данные о нахождении булавок этого типа на соседних территориях. Как это уже отметил А. К. Вассар, хотя булавки с городищ Асва, Кландюкалнс и с городищ дьяковского типа и имеют некоторое сходство с булавками из каменных курганов с ящиками северной Эстонии, все же они носят, в общем, иной характер [2]. Таким образом, мы имеем здесь дело с особым типом костяных булавок, характерных именно для курганов с каменными ящиками северной Эстонии.

В двух курганах вместе с костяными булавками были найдены украшения в виде спиралек из бронзовой проволоки. В IV кургане в Напа такое спиральное колечко было обнаружено на расстоянии 3,5 м от каменного ящика. Оно было согнуто из круглой проволоки таким образом, что центр спирали сместился несколько в сторону (рис. 2:*3*). Две небольшие конические спирали (рис. 2:*6*) обнаружены в «Тарт-Яагу варе», где была найдена и костяная булавка с лопатовидной головкой. Эти спирали являются, вероятнее всего, височными украшениями.

Из металлических предметов в III кургане в Напа найдено еще небольшое бронзовое шило (рис. 2:*2*), лежавшее рядом с кремневым скребком и отщепом кремня. Тупой конец этого шила имеет четырехгранное сечение и украшен на самом конце тонкой линией. Ближе к острию шило имеет круглое сечение, средняя часть шила немного утолщена. Из ближайших соседних территорий бронзовые шилья были найдены в большом кургане эпохи бронзы в Резнес, Латвийской ССР, на правом берегу Западной Двины, примерно в 18 км к востоку от г. Риги [3]. Шилья эти находились там в среднем ярусе, содержавшем каменные ящики конца бронзового века. Вместе с шильями там были найдены и бронзовые пинцетки типа, представленного в одном экземпляре также в Эстонии, а именно в каменном ящике одного каменного кургана в Моэ, Тапаского района [4]. В большом количестве бронзовые шилья известны еще с острова Готланд, где они, между прочим, встречаются в сочетании с такими же пинцетками и относятся примерно к тому же времени, а

---

[1] OES Toim. XXX, стр. 803—815.

[2] Из опубликованных материалов сравнительно большое сходство с булавками из северной Эстонии имеет одна булавка из городища Пекуново (Бадер, Древн. городища, рис. 38:4), хотя она меньше по своим размерам.

[3] Senatne un Māksla, 1936, I, стр. 75, рис. 6 h—i. Ванкина Л. В., Археологические памятники I тысячелетия до нашей эры на территории Латвийской ССР. КСИИМК XLII, М., 1952, стр. 66—67.

[4] Sb. GEG, 1910, стр. 128—129.

именно к середине I тысячелетия н. э.[1]. Конечно, такое простое орудие могло быть в употреблении и значительно позже. Частое нахождение этого предмета в сочетании с туалетной принадлежностью — пинцеткой — позволяет предполагать для шильев назначение, близкое к пинцетке. Высказывалось мнение, что шилья употреблялись для татуировки. Возможно, однако, что они служили орудием для обработки кожи. Во всяком случае интересно отметить, что и в более поздних каменных могильниках встречаются шилья (правда, железные), которые, повидимому, принадлежали к числу вещей, бывших в личном пользовании похороненного.

За исключением небольшого обломка железного предмета, найденного в верхней части III кургана в Напа на глубине 15—20 см и относящегося, по всей вероятности, к какому-нибудь захоронению более позднего времени, никаких других изделий из железа в курганах Напа не обнаружено. Так же и здесь, как и в других местах, в ряде каменных ящиков не было никакого могильного инвентаря. Следует отметить, что исследованию подверглось пока что меньше половины этих курганов, да и те, как мы видели, раскапывались колодцем лишь в центральной своей части. Несомненно, что датировка всей курганной группы в Напа является пока преждевременной, но по общим признакам все же кажется, что по крайней мере часть этих курганов более или менее одновременна с наиболее ранними погребениями в Ябара и относится, таким образом, примерно к середине I тысячелетия до н. э., когда здесь уже жило вполне оседлое население.

В других каменных курганах бассейна р. Пуртсе вещей пока не найдено.

Единственный исследованный курган в Куура дал предметы, позволяющие датировать его не ранее рубежа н. э. или, возможно, даже I веком н. э. Найденная в каменном ящике этого кургана железная булавка с кольцеобразной головкой (рис. 8:*1*) является типичной именно для этого времени и будет рассмотрена ниже, в связи с аналогичным инвентарем каменного могильника в Тойла. Остальные предметы, происходящие из кургана в Куура, находились уже вне каменного ящика, но все же внутри ограды, окаймлявшей курган. Из найденных здесь железных ножей один имеет прямую спинку, примерно как у ножа на рис. 26:*5*, а другой — серповидный (рис. 8:*2*). Ножи, как и булавка, напоминают ножи и булавки, находимые в каменных могильниках с оградками начала нашей эры, например в Тойла (см. ниже).

Предметом, редко встречающимся в могильных памятниках, является каменное кресало (рис. 8:*3*). Как известно, такие кресала встречаются обыкновенно в виде одиночных находок на лесных и болотистых пространствах, почему их и считают по преимуществу принадлежностями охотников, утерянными при охоте[2]. Но иногда каменные кресала находили и в погребениях, например в одном каменном кургане с ящиками в Муукси[3]. Это кресало, правда, имеет только одну плоскую сторону, а другую — выпуклую. Фрагмент кресала из Куура относится скорее всего к тому же времени, что и остальные предметы из этого кургана, т. е. к I в. н. э. С этой сравнительно поздней в отношении каменных курганов с ящиками датировкой хорошо согласуется и общий характер самого кургана в Куура, каменный ящик и кругообразная ограда которого сло-

---

[1] Hansson, Gotlands bronsålder, табл. 37:164; табл. 38:165.

[2] Tallgren, Zur Arch. Eestis, I, стр. 79—81, рис. 15.

[3] ÖES Aastar. 1937, I, стр. 359—360, рис. 22:1. Там же перечисление соответствующих находок из Прибалтики.

жены гораздо небрежнее, чем соответствующие сооружения более ранних курганов.

Приходится сожалеть, что не сохранились бронзовые («золотые») кольца, которые будто бы были найдены в соседнем кургане, так как эти кольца, несомненно, помогли бы нам уточнить датировку рассматриваемой здесь группы курганов. Каменный могильник, расположенный на том же возвышении, к югу от этих курганов, относится, судя по его продолговатой форме и значительно бо́льшим размерам, повидимому, уже к следующему периоду.

В 1951 г. Межрайонным краеведческим музеем г. Раквере под руководством О. В. Саадре были произведены раскопки каменного могильника недалеко от Азери, Кивиылиского района. Оказалось, что здесь мы, вероятно, имеем дело с могильником с оградками, рядом с которыми был, однако, и каменный ящик. В последнем также была найдена железная булавка с кольцеобразной головкой и, кроме того, фрагмент косаря с остатками деревянной рукоятки (рис. 11:*4*, *5*) [1], как и в кургане в Куура.

Железная поясная пряжка (рис. 8:*4*) из курганной группы в Келлераугу, расположенной, как мы видели, недалеко от курганной группы в Куура, представляет собой вещь для ранней эпохи железа довольно редкую на территории Эстонской ССР. Поясные пряжки становятся более частыми только с середины I тысячелетия н. э. Один обломок железной пряжки, хотя и иной формы, чем пряжка из Келлераугу, был обнаружен в одном из каменных курганов в Раннамыйза, Кейлаского района, относящихся главным образом к I веку н. э. [2]. Пряжка из Келлераугу имеет почти кольцеобразную форму и ромбовидное сечение. Такие поясные пряжки характерны, например, для культуры Нижнего Привисленья в I в. н. э. [3].

Растиральные камни типа рис. 8:*7* встречаются в каменных могильниках первой половины I тысячелетия н. э. чаще всего не на территории северо-восточной Эстонии, а несколько юго-западнее, в окрестностях г. Пайде. Однако один такой камень (хотя и более плоский, чем экземпляр из Куура) был найден и в каменном кургане в Муукси, Локсаского района. Кроме того, они имеются в материале с укрепленного поселения Асва на о. Саарема. Эти камни принимались за зернотерки, хотя, с другой стороны, установлено, что они служили и для дробления железной руды при обработке железа [4].

Заслуживает внимания и обнаруженная в Келлераугу керамика, в частности обломок глиняного сосуда со штриховкой на стенках и с сетчатым орнаментом на внешней и на внутренней поверхностях дна (рис. 8:*5*, *6*). Сетчатая керамика, на которой мы подробнее остановимся ниже, обнаружена также в кургане в Муукси [5]; кроме того, она найдена и на территории северо-востока Эстонии в нижнем, датируемом около начала нашей эры слое городища Койла (табл. XVII:*1*—*4*, *9*). В южной же Эстонии эта керамика доживает до IV—V вв. н. э.

В материалах из курганов в Келлераугу бросается в глаза большое

---

[1] В МР.

[2] В ИМ. Beitr. Estl. XI, стр. 23.

[3] Blume, E., Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit. I Teil. Mannus-Bibliothek Nr. 8, Würzburg 1912, стр. 43—44.

[4] ÖES Aastar. 1937, I, стр. 360—361, рис. 22:3, 4. Фосс М. Е., Результаты Галичской экспедиции 1946 г., КСИИМК XX, М.—Л., 1948, стр. 61.

[5] ÖES Aastar. 1937, I, стр. 357, рис. 20:8.

количество костей животных, среди которых удалось определить кости крупного и мелкого рогатого скота [1].

Повидимому, поселение в Келлераугу продолжало существовать еще и в последующие века, на что указывает наличие рядом с курганами большого плоского каменного могильника удлиненной формы, правда, пока еще не исследованного, но, повидимому, типа могильников с оградками.

Несмотря на то, что на побережье Вайвара раскопано довольно большое число курганов, там не обнаружено ни одного предмета, дающего указания для датировки этих памятников. Эти курганы по своей конструкции отличаются от описанных выше курганов, так как здесь, повидимому, имеются грунтовые погребения под каменной кладкой, в противоположность большинству других курганов, в которых погребение, как правило, производилось на горизонте между камнями. Может быть, в обряде этих грунтовых погребений сохранились некоторые весьма древние традиции. Так, например, грунтовые могилы в Кивисааре на северо-восточном берегу оз. Выртсъярв, относящиеся к концу неолита и к началу эпохи бронзы, были также покрыты каменной кладкой. Как уже указывалось выше, в Вайвара удалось обнаружить только один каменный ящик, что, однако, может зависеть от характера техники раскопок. Найденная там керамика, к сожалению, не сохранилась.

Само собой разумеется, мы не можем сказать ничего более определенного и относительно тех памятников, которые мы выше причислили к рассматриваемым здесь каменным курганам с ящиками только на основании их внешнего вида и расположения, как, например, курганы близ городища Койла и группы курганов в окрестности Тыугу и Выхма.

Во введении уже отмечалось, что в прежнее время при раскопках мало внимания уделялось костному материалу, который поэтому в музейных фондах представлен далеко не в достаточной мере. В курганах около Вайвара обнаружены кости и зубы крупного рогатого скота, лошади и овцы. Конечно, мы можем использовать и те данные, которые имеются относительно остеологического материала из каменных курганов с ящиками в других частях Эстонии. Так, например, в каменных курганах в Муукси, Локсаского района, найдены также кости крупного и мелкого рогатого скота и лошади, а кроме того еще кости домашней свиньи, собаки и какой-то птицы из вида куриных, а из диких животных — кости зайца, рыси, тюленя и разных лесных птиц [2].

*

Из рассмотрения каменных курганов с ящиками, служивших в течение нескольких столетий для погребения покойников, явствует, что человеческое общество, пользовавшееся ими, жило совершенно оседло начиная по крайней мере с середины первого тысячелетия до н. э. Преобладание костей домашних животных в этих курганах, равно как и характер расположения самих курганов, говорят за то, что основным способом добывания средств к жизни в рассматриваемую эпоху являлось животноводство, а подсобную роль играли охота, рыболовство и тюлений промысел.

Как мы увидим ниже, в то время, по всей вероятности, было уже известно и примитивное земледелие, должно быть, в его подсечной форме, но последнее еще не имело в экономике основного значения.

---

[1] По определению проф. В. И. Цалкина.

[2] ÕES Aastar. 1937, I, стр. 332.

Экономика населения отражается и в характере его расселения (рис. 51). Население еще не проникло на пространства лесных массивов, покрывавших в то время почти всю территорию северо-восточной Эстонии. Использовались преимущественно только те места, где имелись благоприятные условия для животноводства, т. е. естественные пастбища. Таковыми были, как мы видели, в северо-восточной Эстонии долины некоторых рек и морское побережье в тех местах, где глинт обрывается не круто, а спускается к морю полого или террасами. Лучше всего соответствовала потребности того времени, повидимому, широкая пологая долина р. Пуртсе, по обеим сторонам которой сконцентрировано наибольшее число курганных групп. При этом следует еще отметить, что из рассмотренных в районе этой реки могильников, курганы в Напа, а также курганы в Ябара, находящиеся на расстоянии всего около 2 км от нижнего течения р. Пуртсе, являются, по имеющимся в настоящее время в нашем распоряжении данным, в пределах северо-восточной Эстонии самыми ранними каменными курганами с ящиками, относящимися к середине I тысячелетия до н. э. Возможно, что в Ябара поселение возникло еще раньше, так как самый юго-западный курган этого могильника, к сожалению пока еще не исследованный, производит своей высокой сопкообразной формой впечатление еще большей архаичности, чем, например, плоский курган *А* той же группы.

Выбор места поселения в Ябара был обусловлен, повидимому, прежде всего наличием здесь естественных пастбищ на широкой береговой террасе. Согласно народному преданию, несколько западнее могильника некогда было озеро, от которого в настоящее время сохранилась впадина среди заболоченных лугов. В таком случае побережье этого озера могло также служить пастбищем для скота.

Небольшая община продвинулась, повидимому, от устья р. Пуртсе несколько вверх по течению, в Ребу, где, судя по некоторым весьма неопределенным сведениям, также имелось когда-то несколько каменных курганов с ящиками.

Другой сравнительно заселенной местностью был край равнинного плато на восток от р. Кунда, охватывающий курганные могильники в Келлераугу, Куура, Койла (где имеется также раннее городище), в Азери и Ранна. Могильный инвентарь нескольких исследованных здесь курганов (например, железные булавки с кольцеобразной головкой и серповидные ножи из Куура и Азери) заставляет думать, что соответствующие поселения появились здесь значительно позже, чем на р. Пуртсе или в Ябара, а именно: только в конце I тысячелетия до н. э. или на рубеже н. э. Конечно, не исключена возможность, что в числе многочисленных неисследованных каменных курганов могут оказаться и курганы более раннего времени.

По своему местоположению несколько отличается от прочих курганов многочисленная курганная группа на побережье около Вайвара. Здесь курганы расположены не на краю плато, а у подножья глинта. По данным, полученным от проф. К. К. Орвику, около середины I тысячелетия до н. э. уровень моря был почти на 5 м выше, чем в настоящее время; следовательно, часть этих курганов должна была в свое время находиться в непосредственной близости от береговой линии. Имеются некоторые неопределенные данные, согласно которым на побережье к северу от Хальяла тоже было несколько каменных курганов, расположенных ниже края плато, на болоте Келдаме [1].

Почти полное отсутствие находок в курганах близ Вайвара не позво-

[1] Опис. арх. памятн. Хальяла, 1922, стр. 25 (ИИ).

ляет нам точнее определить характер хозяйственного и общественного развития местного населения, выстроившего эти курганы. Только нахождение в них костей домашних животных показывает, что и в данном случае мы имеем дело с общиной, в хозяйстве которой значительную роль играло животноводство.

Таким образом, в последние века до нашей эры в северо-восточной части территории Эстонии существовало некоторое число поселений, отделенных друг от друга обширными лесными пространствами.

Хотя и не следует забывать, что многие из каменных курганов, расположенных, как правило, среди полей, с течением времени стали жертвой распашки — все же кажется, что эти поселения были сравнительно невелики. Даже на р. Пуртсе, где поселения в рассматриваемый здесь период были наиболее частыми, число курганов в отдельной курганной группе не превышает 15—20 (Напа), обыкновенно же ограничивается 3—6 курганами. Повидимому, такие курганные группы были оставлены семейными общинами. Отдельная курганная группа служила, очевидно, местом погребения членов какой-нибудь одной семейной общины, а каждый курган принадлежал, вероятно, одной малой семье, входящей в состав этой семейной общины. Центральный ящик, ясно различимый в большинстве каменных курганов, служил, должно быть, усыпальницей главы семьи и его ближайших родственников, так как в этих ящиках встречаются обыкновенно кости двух-трех индивидов, в том числе нередко и кости детей (например, в Напа).

На основании степени сохранности скелетов и их расположения удалось установить, что в случае наличия нескольких погребений в одном и том же ящике эти погребения имели место в разное время [1]. Иногда к центральному ящику примыкал непосредственно другой ящик, служивший, повидимому, также для погребения лиц, близко связанных с главой семьи.

В северо-восточной части Эстонии, как мы видели, курганные группы сосредоточены по нижнему течению р. Пуртсе. В число этих курганных групп входят и очень ранние курганы, как, например, курганы в Напа. Если не считать курганов на побережье около Вайвара, время использования которых неизвестно, то можно заключить, что долина р. Пуртсе и является, повидимому, одним из древнейших населенных центров в пределах северо-восточной Эстонии.

---

[1] ÕES Aastar. 1937, I, стр. 329—330.

III. МОГИЛЬНИК С ОГРАДКАМИ В ТОЙЛА

Могильник в Тойла является одним из самых ранних представителей типа так называемых каменных могильников с оградками. В отличие от каменных курганов, эти могильники представляют собой крупные могильные сооружения, состоящие из ряда более или менее прямоугольных клеток («оградок»), обведенных стенками из плитняка или крупных валунов и заполненных плитняковой щебенкой или более мелкими валунами с землей. Эти оградки ориентированы в основном с севера на юг; пристроенные друг к другу своими продольными сторонами, они образуют могильное сооружение, вытянутое с запада на восток. Длина этих могильников может достигать 60—70 м при ширине в среднем 10—12 м. На севере Эстонии, где плитняк имеется в изобилии, весь могильник покрывался насыпью из обломков плитняка и земли. Эта насыпь заходит обыкновенно и за стенки оградок, окружая последние со всех сторон (так называемая краевая насыпь).

Могильники с оградками отличаются от каменных курганов не только структурой и размерами, но также и характером захоронений. Тогда как в каменных курганах с ящиками мы имеем дело с индивидуальными погребениями, могильники с оградками являются усыпальницами коллективного характера. Даже при наличии трупоположения в могильниках с оградками только в единичных случаях удается выделить отдельные погребения и могильные комплексы вещей, так как кости и вещи в большинстве случаев перемешаны и лежат без всякого порядка. Еще труднее это сделать при трупосожжении, которое становится общераспространенным в III—IV вв. н. э.

*

Как уже сказано, один из самых ранних каменных могильников с оградками находится примерно в 300 м на ЮЮЗ от дачного места Тойла, Йыхвиского района, в 250 м к западу от р. Пюхайыги и по прямой линии — в 1,7 км от берега моря. Он расположен на возвышении, тянущемся в направлении примерно с запада на восток, и примыкает непосредственно к восточной ограде современного кладбища, которое занимает западную часть этого же возвышения и, возможно, заходит также на западный конец каменного могильника. С остальных сторон могильник окружен пашнями.

Раскопки могильника в Тойла производились в 1943 и 1947 гг., причем невскрытой осталась его юго-западная часть (табл. III). Во время Великой Отечественной войны могильник был в значительной части разрушен окопами. Только восточная часть его казалась более или менее нетронутой.

Могильный холм поднимался с северной стороны довольно круто до высоты 80 см, южный же склон его был более пологим. Возможно, что сравнительно крутой склон на севере могильника образовался отчасти при распашке этого края, на что указывают следы культурного слоя и находки единичных предметов могильного инвентаря в пахотном слое. Здесь же, на краю могильника, в поле имеется много обломков плитняка, происходящих, повидимому, из его разрушенной части. На южном склоне культурный слой не доходил до подножия возвышения.

Западная часть могильника была настолько разрушена окопами, что оказалось невозможным определить число бывших здесь оградок. Можно полагать, что сохранившаяся на краю западной половины могильника длинная северная стенка, сложенная из ряда больших валунов, принадлежала не одной, а нескольким оградкам. Эта стенка окаймляла с севера IV оградку, от которой сохранилась еще и восточная стенка, сложенная также из валунов, тогда как западная была разрушена, так что ширину этой оградки невозможно было точно установить. Во всяком случае она была значительно шире остальных сохранившихся оградок. Остатками западной стенки этой оградки являются, может быть, несколько больших валунов, расположенных в один ряд немного к ССЗ от отмеченной на плане раскопок находки № 471. В таком случае следующая оградка, примыкавшая к IV оградке с запада, выдавалась бы несколько своим северо-восточным углом, и можно было бы полагать, что IV оградка пристроена к ней с востока.

IV оградка была заполнена в нижнем горизонте небольшими сравнительно валунами, а в верхнем — типичной для каменных могильников северо-восточной Эстонии насыпью из битого плитняка и земли. К IV оградке, шириной, вероятно, около 3,5 м, с востока была пристроена узкая III оградка, с севера, повидимому, открытая, а с юга огражденная только несколькими крупными плитами известняка. Восточная же стенка этой оградки была сложена из валунов. Эта оградка была заполнена в нижней части редкой кладкой из небольших валунов, а в верхней — насыпью из битого плитняка с землей.

К III оградке, в свою очередь, были пристроены с востока еще две оградки, II и I, окаймленные с востока и юга стенками из небольших плит известняка, в то время как на севере они были открытыми, как и III оградка. Конструкция юго-восточного угла III оградки и примыкающей к нему южной стенки II оградки ясно показывает, что здесь мы имеем дело с последовательной пристройкой одной оградки к другой. Сложенные из плитняка стенки I и II оградок были узкие и в верхней части, очевидно, частично разрушились, так как они только под самой вершиной могильного холма сохранились до высоты в 4—5 рядов плитняка, а под северным и южным склонами от стенок осталось большей частью всего два или даже один ряд кладки. I и II оградки были сплошь заполнены битым плитняком с землей, среди которого изредка встречались валуны. К востоку от I оградки была широкая краевая насыпь, состоявшая из редкой кладки известняка, между плитами которого только в одном месте лежал крупный валун. Краевая насыпь сохранилась до некоторой степени и в северной, в частности в северо-западной части могильника, где было нагромождено много известняковых плит, частью в наклонном положении, как бы для того, чтобы подпирать снаружи стенки оградок. Как уже было указано, часть северной краевой насыпи была уничтожена, повидимому, при распашке. Разрушенной оказалась и южная краевая насыпь.

В оградках можно было различить два, а кое-где и три яруса захоронений. В нижнем ярусе культурный слой имел коричневатый цвет и содер-

жал остатки трупоположений. Как исключительное явление в могильниках с оградками здесь удалось определить и положение некоторых скелетов, хотя кости сохранились очень плохо и вследствие повторных захоронений лежали, повидимому, не всегда в первоначальном положении.

Возле западной стенки III оградки, на глубине 50 см находились остатки по крайней мере трех скелетов. Из них скелет *A* был ориентирован головой на ЮЮВ, а находившийся под ним скелет *C* — головой на СЗ. Под позвонками скелета *A* было немного черной земли с остатками угля и в ней обломок пережженной кости. Третий скелет — *B* лежал, судя по направлению бедренных костей, головой примерно на юг и ногами на север. К этому скелету относятся железный нож, лежавший у таза (179, рис. 10:*10*), и два фрагмента несколько более крупного железного ножа, найденные у колена скелета (180). Здесь же были еще остатки черепа, принадлежавшие, повидимому, уже четвертому скелету, положение которого невозможно было определить. Под скелетами была вымостка из небольших валунов и кусков известняковых плит, как это наблюдалось и в других частях могильника.

Большая IV оградка содержала также остатки скелетов. В юго-западной части этой оградки, на глубине 24 см, были обнаружены плохо сохранившаяся тазовая кость, поломанная правая бедренная кость и почти перпендикулярно к ней — берцовая кость. Такое расположение костей создавало впечатление, что погребенный (скелет *D*) лежал со скорченными ногами. Немного к северо-востоку отсюда находились, повидимому, остатки нескольких скелетов (место *E* на плане). Остатки одного черепа лежали к юго-востоку, берцовые кости — к северо-западу, а между ними находились отдельные кости рук и пальцев. Обломки других черепов лежали в двух местах несколько восточнее и недалеко от них — некоторые кости рук и ключевая кость, а между ними много мелких обломков разных костей. С восточной стороны возле этих костей стояло несколько сравнительно больших известняковых плит в наклонном положении, как бы остатки очень небрежно выстроенных каменных ящиков. Повидимому, покойники были похоронены здесь в различных направлениях, причем верхними погребениями были потревожены нижние, вследствие чего кости оказались совершенно перемешанными.

Особого внимания заслуживает нахождение под скелетами *D* и *E* еще другого, более темного слоя с остатками трупосожжения. Таким образом, эти погребения напоминают до некоторой степени те каменные ящики из курганов в Напа, которые имели двойное дно с остатками трупосожжения на нижнем и трупоположения на верхнем дне.

Лучше сохранился в IV оградке скелет *F*, лежавший на глубине 60—62 см вытянуто на спине, повидимому, со сложенными на груди руками; череп был раздавлен, и вообще верхняя часть скелета сохранилась хуже нижней. Из фрагментов черепа некоторые имели черноватую поверхность, как бы от воздействия огня. Скелет был прикрыт несколькими небольшими плитами, на одной из которых лежали черепки небольшого глиняного сосуда (424, рис. 10:*18*), возможно относившегося к данному погребению, хотя с достоверностью утверждать этого нельзя.

В западной части могильника также были найдены остатки трупоположений. Череп *H* лежал под каменной кладкой в песчаном грунте на глубине 80 см от поверхности. Прекрасная сохранность этого черепа, как и нахождение близ него железного гвоздя и медной монеты дают повод полагать, что мы здесь имеем дело, вероятнее всего, с впускным погребением более позднего времени, как это наблюдается и во многих других каменных могильниках северо-восточной Эстонии. В грунтовом же песке, на 18 см глубже горизонта, лежали берцовые кости скелета

ТЛУ Raamatukogu

J в направлении с юго-запада на северо-восток. Верхняя часть этого скелета была, очевидно, выброшена при рытье окопов.

Наконец, имелись остатки трупоположения еще и вне оградок, под краевой насыпью, около северо-восточного угла IV оградки (*G*), также в грунтовом песке, на глубине 48—50 см. От этого погребения сохранились бедренная кость и примерно на расстоянии 30 см на запад от последней фрагмент нижней челюсти, а несколько поодаль еще другой кусок черепа и осколки разных костей.

Кроме этих остатков трупоположений, в нижнем коричневатом культурном слое было еще много разрозненных, большей частью очень плохо сохранившихся, непережженных костей. В IV оградке крупные трубчатые кости лежали обыкновенно в направлении примерно с севера на юг.

Над коричневатым культурным слоем залегал другой, черный слой с обильным содержанием угля. Этот слой имел толщину 20—25 см, он был особенно мощным на перешейке между окопами, где толщина его достигала 65—70 см, и содержал большое количество пережженных костей, иногда располагавшихся гнездами. Слой с остатками трупосожжения имел продолжение и в северной, а также в восточной краевой насыпи. Особенно много пережженных костей было в последней.

Под каменной кладкой, в грунтовом песке обрисовывались во многих местах более темные пятна, повидимому, от кострищ, иногда с вкраплением угля. Эти пятна особенно бросались в глаза под камнями IV оградки, где валуны частью были закопчены с нижней стороны. Следовательно, эти камни были в свое время положены на место, где разводился огонь. Интенсивные темные пятна встречались в грунтовом песке на перешейке между окопами, а некоторые небольшие пятна имелись также под северным склоном могильника.

В грунтовом же песке было найдено некоторое количество фрагментов керамики, резко отличающихся от керамики из могильного слоя. В 25 см на восток от черепка № 538 и на 10—15 см глубже последнего в грунтовом песке было небольшое скопление углей. Фрагменты №№ 552—561 лежали на глубине примерно 80 см в пятнистом, местами довольно темном слое, отделенном от каменной кладки слоем перемешанного песка. Между фрагментами керамики были мелкие осколки костей и вкрапления угля.

*

Как видно из описания, могильник в Тойла является по сравнению с каменными курганами с ящиками новым, более развитым типом могильников, отражающим, повидимому, некоторый сдвиг в общественно-экономических отношениях. Но, с другой стороны, как мы увидим ниже, этот ранний могильник с оградками еще тесно связан с курганами с каменными ящиками.

Во-первых, расположение могильника в Тойла соответствует еще в значительной мере расположению каменных курганов с ящиками. Если мы, например, сравним в этом отношении могильник в Тойла с описанными выше курганами в Напа, то увидим, что в обоих случаях место для поселения было выбрано на краю пологой долины реки, в нескольких километрах от берега моря. Таким образом, место расположения могильника в Тойла было вполне пригодно для поселения уже тогда, когда ведущую роль в хозяйстве еще играло животноводство.

Найденные под могильным слоем, в грунтовом песке черепки глиняной посуды резко отличаются от керамики, находимой в каменных могильниках первых веков н. э. в северо-восточной Эстонии, и указывают

тем самым на то, что окрестность Тойла была в некоторой мере заселена еще до возникновения каменного могильника.

Эти фрагменты [1] грубого состава украшены гребенчатым и линейным орнаментом, а также вдавлениями перевитого шнура (табл. II:2). Гребенчатая керамика найдена уже и раньше на территории Эстонской ССР в могильниках начала железного века, больше всего в Раннамыйза, Кейлаского района [2]. Параллели почти всем описанным здесь фрагментам керамики из подмогильного слоя в Тойла имеются также на дьяковских городищах [3]. Проф. А. Я. Брюсов обратил внимание автора на то обстоятельство, что все эти фрагменты керамики округлены по краям, т. е. лежали, повидимому, в течение продолжительного времени открыто в сыпучем песке, подвергаясь воздействию ветра и атмосферных осадков.

Таким образом, мы имеем здесь дело, по всей вероятности, с остатками небольшого временного поселения, которое по времени совпадает с каменными курганами с ящиками. Несколько позже на месте этого поселения был заложен каменный могильник. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в грунтовом песке, под могильником, обнаружено несколько грунтовых погребений. Повидимому, эти последние были оставлены здесь первоначальной, немногочисленной группой населения.

Раскопки показали, что, помимо этого нижнего яруса грунтовых погребений, сам каменный могильник в Тойла содержит в основном два яруса погребений — верхний с трупосожжением, инвентарь которого относится преимущественно к VI—X вв. (некоторые вещи еще более поздние), и нижний с трупоположениями. Именно с последним и было связано сооружение оградок.

Могильник в Тойла, однако, сохранил еще известные черты, свойственные каменным курганам с ящиками. Как уже отмечалось выше, здесь можно было в нижнем слое отличить ряд индивидуальных погребений, причем у некоторых из них (внутри оградок) были как бы остатки каменных ящиков, правда очень небрежно построенных и в этом отношении уже не сравнимых с ящиками из больших массивных плит в каменных курганах. Остатки каменных ящиков обнаружены и в некоторых других ранних могильниках с оградками, например в раскопанном Р. Гаусманом могильнике в Ярве, Йыхвиского района [4]. Между остатками этих индивидуальных погребений в Тойла находилось большое количество совершенно перемешанных непережженных костей.

Западная часть могильника в Тойла, к сожалению, до того разрушена, что здесь не удалось выделить отдельных оградок. Только начиная с IV оградки, находившейся примерно в середине могильника, можно было установить последовательную пристройку одной оградки к другой по направлению к востоку. IV оградка, выстроенная, таким образом, первой из исследованных четырех оградок, является в то же время в этом могильнике самой широкой и самой монументальной, будучи ограждена большими валунами и заполнена валунами несколько меньших размеров. III оградка имела такую же конструкцию, хотя не достигала такой ширины. Зато II и I оградки были выстроены значительно более легкими — они были ограждены узкими плитняковыми стенками и заполнены битым же плитняком и землей. Расположение костей и

---

[1] №№ 315, 340, 458, 459, 464, 468, 470, 538, 547, 552—561.

[2] Beitr. Estl. XI, стр. 23—24. T a l l g r e n, Zur Arch. Eestis I, табл. 1:6.

[3] С и з о в В. И., Дьяково-городище, близ Москвы. Труды IX археологического съезда, в Вильне 1893 г., том II. М., 1897, табл. XXIVa:13 — черепок с орнаментом, соответствующим орнаменту фрагмента № 538 из Тойла; табл. XXIVa:12, 19 — фрагмент керамики с короткими гребенчатыми вдавлениями, как № 470 из Тойла. Черепок на табл. XXIVa:1 может быть сопоставлен с фрагментами №№ 552—555 из Тойла.

[4] H a u s m a n n, Grabfunde, стр. 5 и план.

могильного инвентаря указывает на особенно интенсивное использование IV оградки.

Среди могильного инвентаря наиболее типичными предметами из могильника в Тойла являются серповидные ножи и железные булавки, головка которых согнута кольцом, причем согнутая часть их обыкновенно заканчивается завитком (рис. 10:*1*, *3—8*) (для краткости мы будем их называть булавками с кольцеобразной головкой). Таких булавок найдено в IV оградке шесть экземпляров (227, 379, 410, 488, 489, 494), в III оградке — три (171, 182, 187), во II оградке — также три (152, 159, 184). В восточной и южной краевых насыпях, а также в западной части могильника найдено по одной такой булавке (103, 377, 540). Кроме того, здесь же найдено несколько обломков железных колец и толстой железной проволоки, которые, может быть, представляют собой также фрагменты булавок с кольцеобразной головкой. Таких фрагментов было больше всего в IV оградке. Ножей в IV оградке было четыре (231, 456, 518, 533) и в III оградке — два (179, 180). Беднее всего могильным инвентарем была самая восточная, I оградка, где из нижнего слоя с трупоположением получено только несколько фрагментов штриховой керамики.

Промежуток времени между сооружением отдельных оградок не может быть особенно велик. Для них всех характерно полное отсутствие тех разнообразных бронзовых украшений, которые, как мы увидим ниже, начинают появляться в каменных могильниках с оградками, начиная со II в. н. э. С другой стороны, железные булавки и серповидные ножи встречались уже и в курганах с каменными ящиками в Куура и Азери (рис. 8:*1—2*; 11:*4*, *5*). Таким образом, могильный инвентарь могильника с оградками в Тойла совпадает еще в значительной мере с могильным инвентарем поздних каменных курганов с ящиками и может быть датирован, по всей вероятности, в основном I столетием н. э. Преемственность в инвентаре этих двух типов могильников указывает, несомненно, и на этническое единство их строителей.

При рассматривании железных булавок с кольцеобразной головкой из Тойла бросается в глаза их сравнительно большое разнообразие. Среди них имеются булавки из тонкой проволоки с большим головным кольцом (379, 488, 540; рис. 10:*1*, *6*), другие булавки значительно массивнее, с утолщением в средней части головного кольца (377, рис. 10:*8*) и, наконец, есть булавки со сравнительно маленькой головкой (187, 159 и др.; рис. 10:*4*, *5*, *7*), хотя в общем все эти булавки отличаются довольно крупными размерами. Булавки с большим, утолщающимся в середине головным кольцом найдены именно в IV оградке, но было бы ошибочно сделать из этого заключение о значительном хронологическом расхождении между этой и пристроенными к ней оградками, так как в той же IV оградке встречаются и булавки с маленькой головкой. Кроме того, нужно отметить, что найденные в каменных ящиках в Куура и в Азери булавки с кольцеобразной головкой (рис. 8:*1*, 11:*4*) принадлежат как раз к числу более маленьких булавок.

Типология булавок с кольцеобразной головкой трактовалась Х. А. Моора в связи с находками их на территории Латвийской ССР [1]. С этого времени материал значительно пополнился. Кроме могильника в Тойла, эти булавки известны из раскопок О. В. Саадре упомянутого выше каменного могильника в Азери. Так как этот могильник был в значительной мере разрушен, то невозможно было выяснить в деталях его конструкцию. Однако удалось установить, что непосредственно возле каменного ящика, содержавшего булавку и нож (рис. 11:*4*, *5*), под общей

[1] Моога, EZL II, стр. 168—176.

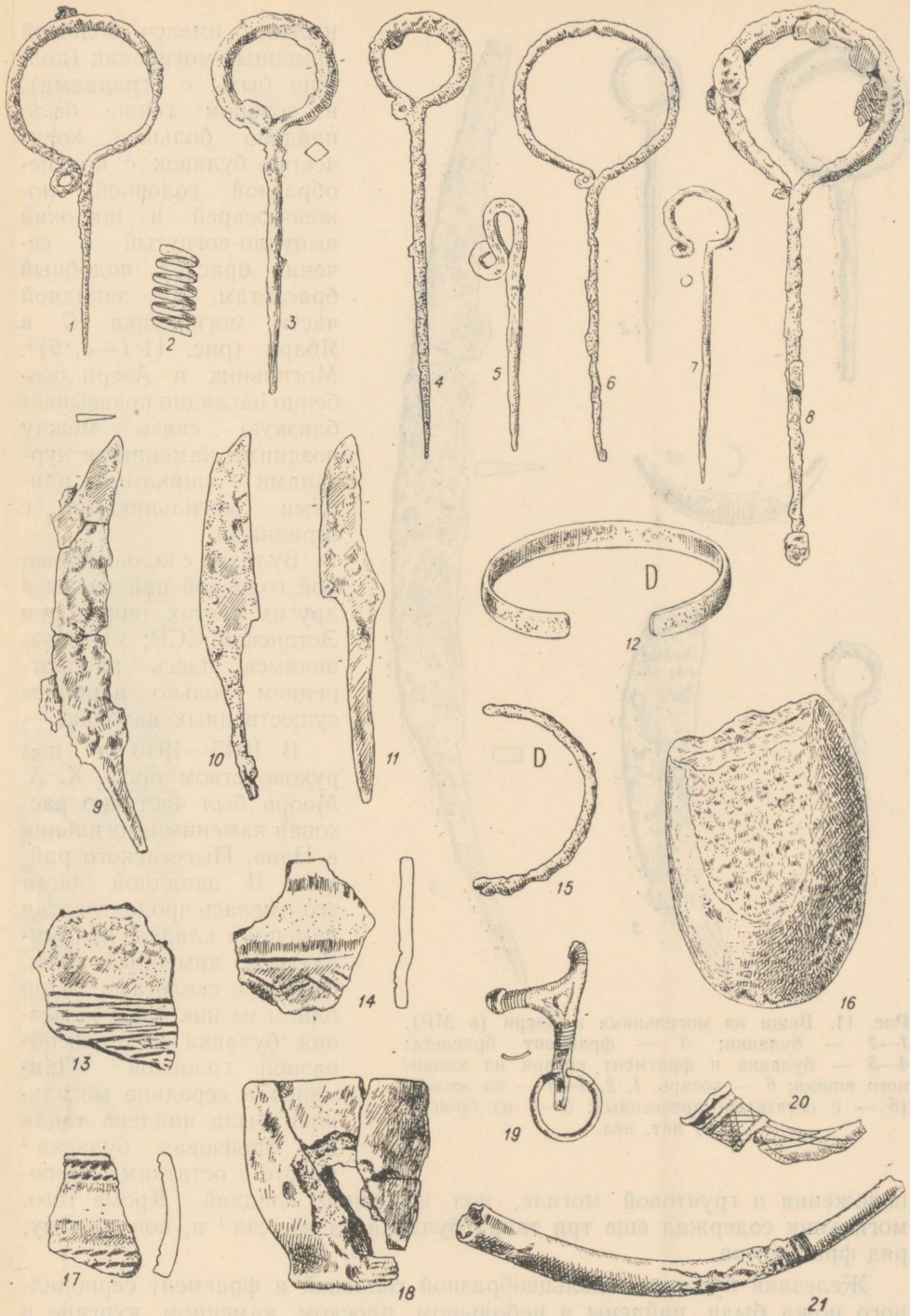


Рис. 10. Вещи из могильника в Тойла (ИИ 3952). *1* — булавка (488); *2* — фрагмент височного украшения (?) (345); *3—8* — булавки (103, 187, 159, 379, 171, 377); *9—11* — ножи (533, 179, 456); *12* — браслет (471); *13—14* — фрагменты керамики (116, 167); *15* — фрагмент браслета (476); *16* — кресало (349); *17—18* — керамика (170, 424); *19* — фрагмент булавки IX в. (299); *20* — фрагмент браслета VIII в. (493); *21* — фрагмент шейной гривны VI в. (385). *1, 3—11, 15* — из железа, *2, 12, 19—21* — из бронзы. $^1/_2$ нат вел.

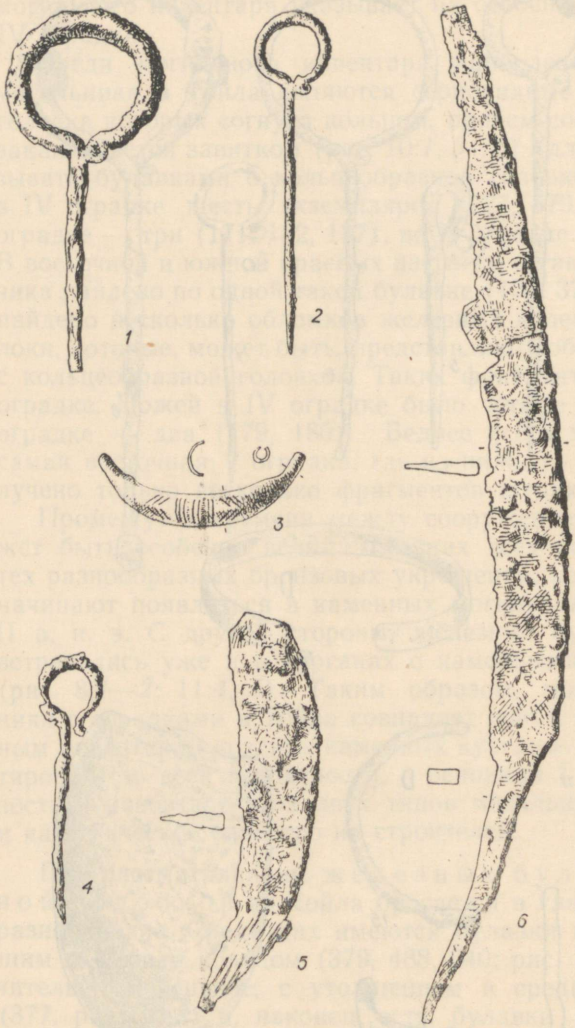


Рис. 11. Вещи из могильника в Азери (в МР). *1—2* — булавки; *3* — фрагмент браслета; *4—5* — булавка и фрагмент косаря из каменного ящика; *6* — косарь. *1, 2, 4—6* — из железа (*5* — с остатками древесины); *3* — из бронзы. $^1/_2$ нат. вел.

насыпью имелся большой каменный могильник (должно быть, с оградками), в котором также было найдено большое количество булавок с кольцеобразной головкой, ножей-косарей и широкий выпукло-вогнутый в сечении браслет, подобный браслетам из западной части могильника *C* в Ябара (рис. 11:*1—3, 6*)[1]. Могильник в Азери особенно наглядно показывает близкую связь между поздними каменными курганами с ящиками и ранними могильниками с оградками.

Булавки с кольцеобразной головкой найдены и в других частях территории Эстонской ССР; мы ограничимся здесь рассмотрением только наиболее существенных находок.

В 1945—1946 гг. под руководством проф. Х. А. Моора был частично раскопан каменный могильник в Нава, Йыгеваского района. В западной части его имелась продолговатая каменная кладка, напоминающая каменный ящик, с двумя скелетами. При одном из них была железная булавка с кольцеобразной головкой[2]. Примерно в середине могильника была найдена такая же бронзовая булавка[3] вместе с остатками трупоположения в грунтовой могиле, под каменной кладкой. Кроме того, могильник содержал еще три таких булавки из железа[4] и, повидимому, ряд фрагментов.

Железная булавка с кольцеобразной головкой и фрагмент серповидного ножа были найдены в небольшом плоском каменном кургане в

---

1 Инвентарь в МР.
2 ИИ 3968:6.
3 ИИ 3968:185.
4 ИИ 3968:82, 103, 117.

Могильник в Тойла. На плане: *1* — валун стенки оградки; *2* — валун; *3* — известняковая плита стенки оградки; *4* — известняковая плита; *5* — известняковая щебенка; *6* — темная прослойка в грунтовом гравии; *7* — скопление углей и остатков трупосожжения; *8* — металлический предмет первых веков н. э.; *9* — металлический предмет VI—X вв.; *10* — керамика. В разрезе: *11* — темный слой с остатками трупосожжения (перерывистой линией отделены перемешанные остатки этого слоя, выброшенные при копании ямы); *12* — светлый слой с остатками трупоположения; *13* — песок, выброшенный из ямы; *14* — материковый песок и гравий; *15* — край ямы.

Рандвере на о. Саарема [1]. Особенно хороший сравнительный материал представляет собой инвентарь могильника, открытого в 1936 г. возле школы в Тамса, Эльваского района [2]. Этот могильник, обследованный Э. А. Аристэ, оказался в значительной степени поврежденным. По всей вероятности, он был грунтовым. Инвентарь его состоял из большого числа разнообразных по величине и форме железных булавок с кольцеобразной головкой, подобных булавкам из Тойла. Кроме того, здесь был найден нож-косарь типа рис. 11:*6*, несколько простых бронзовых браслетов и несколько осколков кремня. Если в музейных фондах Эстонской ССР ранние железные булавки с кольцеобразной головкой еще недавно были представлены единичными, случайными находками, то материал раскопок из Тойла, Азери и из других упомянутых выше мест показал, что здесь мы имеем дело с совершенно определенным, типичным могильным инвентарем, характерным по преимуществу для I века н. э. Правда, бронзовые булавки с кольцеобразной головкой были известны уже в середине I тысячелетия до н. э., как на это указывает инвентарь упомянутого уже каменного кургана в Кауниспяа на о. Саарема [3], но в основном до начала н. э. были в употреблении по преимуществу костяные булавки (например, с лопатовидной головкой в северной Эстонии). Металлические булавки приобрели, повидимому, общее распространение только тогда, когда их стали изготовлять из вырабатываемого на месте железа.

Возможно, что эти булавки, употреблявшиеся в качестве застежек для одежды, для большей прочности скрепления обматывались какой-нибудь веревкой, конец которой мог привязываться к ушку, образуемому завитком на головке булавки.

В могильнике в Тойла было найдено всего шесть серповидных ножей (рис. 10:*9—11*). Для них всех характерна выпуклая спинка, тогда как в остальных деталях они несколько отличаются друг от друга; только ножи №№ 518 и 533 (рис. 10:*9*) из IV оградки почти одинаковы по форме. Фрагмент ножа № 231 относится, очевидно, к тому же типу, что и нож № 179 (рис. 10:*10*), лежавший в III оградке при скелете *B*. От этих экземпляров отличается своим ступенчатым переходом от спинки лезвия к черенку нож № 456 (рис. 10:*11*). Фрагмент № 180, найденный также при скелете *B*, происходит, повидимому, от ножа несколько бóльших размеров, чем остальные, может быть от косаря типа рис. 11:*6*. Хотя ножи служили, несомненно, для различных функций, — как для работ по дереву и коже, так и для резания мяса и пр., — все же нужно отметить, что серповидные ножи с выпуклой спинкой и без резкого перехода от черенка к лезвию (типа рис. 10:*9*, *10*) в значительной мере напоминают находимые в Эстонии и в Латвии ножи-косари, которые имеют лишь еще более выпуклую спинку.

Возможно, что рассматриваемые здесь ножи употреблялись и в качестве серпов [4].

Многие находки показывают, что серповидные ножи стали употребляться, вероятнее всего, на рубеже нашей эры. К таким находкам относятся нож из каменного кургана с ящиком в Куура (рис. 8:*2*) и другой из такого же кургана в Лябара, на полуострове Сырве острова Саарема [5]; такие ножи имеются из упомянутого выше могильника в Ранд-

---

1 ИИ 3894:5,2.
2 ИИ 3669:1—33.
3 OES Aastar. 1932, стр. 270—271, рис. 13.
4 Moora, EZL II, стр. 537—539, рис. 71:2; I, табл. XXXII:4.
5 ИИ 2703:4.

вере (тоже на о. Саарема) и среди вещей из Тамса, где, как мы видели, найдены также булавки с кольцеобразной головкой (см. выше). Наконец, похожий на эти ножи нож-косарь и булавка с большой кольцеобразной головкой входят в состав инвентаря могильника в Лаздини, Латвийской ССР [1], датируемого началом н. э.

Таким образом, серповидные ножи были в употреблении одновременно с булавками с кольцеобразной головкой в первые века нашей эры; наибольшее же распространение они имели преимущественно в I в. н. э. Интересно отметить, что булавки с кольцевидной головкой в сочетании с серповидными ножами и с узколезвийным топором типа рис. 9:7 обнаружены не только на территории Эстонской и Латвийской ССР, но и еще южнее, на городищах юхновской культуры в бассейне р. Десны. Они представлены, например, в верхнем слое городища Торфель, датируемом Е. И. Горюновой на основании найденных там провинциально-римских наконечников стрел I веком н. э. [2]. Эта датировка подтверждает, в свою очередь, данную нами датировку поздних каменных курганов с ящиками и ранних могильников с оградками.

Ножи со ступенчатым переходом от черенка к лезвию относятся, в общем, к более позднему времени, однако, кроме ножа № 456 из Тойла (рис. 10:*11*), эту деталь можно наблюдать еще у одного ножа из каменного кургана в Куура. Этот технический прием давал бóльшую устойчивость рукоятке ножа, изготовлявшейся обычно из дерева или кости [3]. Так как у этих ножей спинка обыкновенно менее выпукла, то ими можно было производить работы, например, по дереву, требующие большего нажима на конец лезвия.

Фрагмент железного кольцеобразного предмета, сегментарного в сечении и суживающегося к концу (476, рис. 10:*15*), является, повидимому, частью браслета. Наиболее близкими параллелями этому браслету являются некоторые из упомянутых уже выше железных браслетов из каменного кургана в Уури, Локсаского района [4], что опять-таки свидетельствует о близкой связи между ранними могильниками с оградками и поздними каменными курганами с ящиками. Как мы видели, железный браслет, правда, значительно более массивный, был найден и в могильнике *A* в Ябара (рис. 5:*3*).

Наконец, заслуживает внимания цилиндрическая бронзовая спиральная пронизка (345, рис. 10:*2*) с поломанными, несколько расплюснутыми концами, которая по своей форме и величине соответствует средней части известных височных украшений, находимых как в Эстонии (преимущественно на о. Саарема), так и в Латвии и Литве и относящихся к началу н. э. [5]. Фрагмент такой же цилиндрической спиральки найден и в вышеназванном могильнике в Нава [6]. Йыгеваского района, с которым, как мы видели, могильник в Тойла связан и другими общими чертами.

Анализ вещей, происходящих из нижнего яруса могильника в Тойла, показывает, что они все относятся более или менее к одному времени, т. е. преимущественно к I веку н. э., и что этот могильник, таким образом, отчасти синхроничен с наиболее поздними каменными курганами с ящиками (или без ящиков).

---

[1] Перечень вещей см. Моога, EZL II, стр. 690—691.

[2] Горюнова, Городище Торфель, рис. 54:31, 32, 33, 35; стр. 153, 156.

[3] Изображения ножей с сохранившимися рукоятками см. Городцов В. А., Старшее Каширское городище. Известия ГАИМК 85, Л., 1934, рис. XIII:6.

[4] ИИ 3805:63—65.

[5] OES Aastar. 1937, I, стр. 372—378, рис. 4—6.

[6] ИИ 3968:61.

Поселившийся здесь впервые небольшой, повидимому, коллектив, от которого сохранились следы стоянки и несколько грунтовых погребений, выбрал себе для поселения место на краю широкой долины реки, исходя в первую очередь из потребностей животноводства, хотя в хозяйстве этого коллектива уже вскоре ведущую роль стало играть земледелие. Можно полагать, что земледелие было прежде всего подсечным.

Подсечное земледелие является, как известно, работой чрезвычайно трудоемкой [1], которая требует для своего выполнения усилий значительного коллектива людей. П. Н. Третьяков показал на примере этнографических параллелей, что таким коллективом обычно была патриархальная семейная община — большая семья [2]. Повидимому, такие семейные общины и находят свое отражение в каменных могильниках с оградками с их правильной внутренней конструкцией и погребениями коллективного характера. По могильнику в Тойла видно, что обитавшая здесь семейная община выстроила себе первоначально коллективную монументальную усыпальницу в виде IV оградки (а может быть и еще какой-нибудь другой оградки, расположенной в западной разрушенной части могильника). По мере разрастания общины к IV оградке были с востока пристроены одна за другой еще три оградки, причем все это имело место в течение I века н. э., а может быть, еще и в начале II века. Судя по незначительному количеству костей в самой восточной, I оградке, последняя не была использована для погребений в такой мере, как остальные.

Материальная культура, находящая себе отражение в ранних могильниках с оградками в Тойла и Азери, еще очень мало отличается от материальной культуры, представленной в каменных курганах с ящиками.

Переход от экономики с преобладанием животноводства к хозяйству, в котором ведущую роль играло земледелие, совершался, повидимому, весьма постепенно. Наряду с подсечным земледелием и животноводство играло еще значительную роль, а в качестве подсобных способов добывания средств к жизни — рыболовство и охота. Была известна выработка железа из местной руды, из которой выделывались как некоторые орудия производства (серповидные ножи, шилья и пр.), так и простые по форме принадлежности одежды и украшения (булавки с кольцеобразной головкой, браслеты).

Наиболее поздней вещью из нижнего яруса погребений с трупоположениями является сегментарный в сечении бронзовый браслет (471, рис. 10:*12*), найденный в западной части могильника, близ северной стенки. Этот браслет соответствует по форме браслетам III—IV вв. (ср. рис. 18:*8*). Возможно, что к этому времени относится еще и фрагмент спирального перстня (355), и некоторые пронизки, хотя все эти вещи могли быть в употреблении уже и раньше. Во всяком случае ясно, что могильник в Тойла в основном перестал использоваться не позже чем в начале II века н. э. и употреблялся для погребений в течение нескольких последующих веков лишь в единичных случаях.

Примерно в 300 м на запад от этого могильника, в поле имеется несколько небольших возвышений, которые, правда, до сих пор не исследованы, но где при вспашке найдены два браслета и дискообразная

---

[1] Третьяков П. Н., Подсечное земледелие в восточной Европе. Известия ГАИМК XIV, I, Л., 1932, стр. 9—13. Греков В. Д., Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. I, М., 1952, стр. 49.

[2] Третьяков, Подсечное земледелие, стр. 4—6.

фибула III—IV вв.[1]. Надо думать, что здесь имеется каменный могильник (или, может быть, 2—3 могильника) III—IV вв. Возможно, что эти могильники были выстроены потомками той же семейной общины, которая в I веке н. э. хоронила своих покойников в описанном выше могильнике, но затем, в поиске новых, пригодных для земледелия участков, продвинулась несколько дальше от речной долины в глубь лесов.

Могильник в Тойла стал снова использоваться более интенсивно начиная с VI—VII столетия. Теперь господствовал обряд трупосожжения, следы которого сохранились в верхнем, черном слое в виде значительного количества пережженных костей. Вещи, найденные в этом слое, большей частью поломаны и отчасти носят следы воздействия огня. К наиболее ранним предметам из этого слоя принадлежит фрагмент шейной гривны с утолщенными концами, примерно VI века (385, рис. 10:*21*). К VIII—IX вв. относятся фрагменты браслетов с расширяющимися, полыми концами, украшенными линейным орнаментом (493, рис. 10:*20*), и фрагмент булавки с треугольной головкой и бугорком посередине (299, рис. 10:*19*). Такие вещи входят в комплекс инвентаря одной грунтовой могилы в Инью, Раквереского района. К еще более позднему времени из найденных в Тойла вещей относятся наконечники дротиков, крестообразная подвеска и фрагменты разных других предметов. Обнаруженная в этом же слое тонкая, изящная керамика, украшенная отчасти шнуровыми и волно- и зигзагообразными мотивами (рис. 10:*14*, *17*), напоминает в значительной мере керамику из верхнего слоя городища Иру (Харьюского района) и с городища Куусалу (Локсаского района), датируемую X—XI веками.

---

[1] ИИ 3953:1—3.

IV. МОГИЛЬНИКИ С ОГРАДКАМИ В ЯБАРА

Из числа могильников в Ябара, помимо описанного выше небольшого каменного кургана с ящиками *A* и могильника *C*, также содержавшего в западной своей части каменные ящики, еще были вскрыты могильник *B* (самый восточный из всех могильников; в 1933—1934 гг.) и небольшой могильник *E* (1926 г.)[1]. Как видно по общему плану (рис. 3), из всей этой группы могильников до настоящего времени раскопана только незначительная часть. Однако эти четыре раскопанных могильника оказались по своей структуре и инвентарю настолько разнообразными и богатыми, что и по ним уже можно составить сравнительно полное представление о развитии материальной культуры в данном районе на протяжении тысячи лет, примерно от 500 г. до н. э. и до 500 г. н. э. В настоящей главе будут рассмотрены исследованные до настоящего времени могильники с оградками в Ябара.

Северо-восточная половина могильника *C* отличалась от описанной выше юго-западной половины того же могильника, на что указывала уже и бóльшая ширина северо-восточной части, где раскопками был обнаружен целый ряд каменных оградок (табл. IV). От самой западной оградки (I) сохранился только ее восточный угол, образованный низкими стенками из плитняка. Южная из этих стенок имела с обеих сторон довольно ровную поверхность, тогда как восточная стенка была ровной только с внешней стороны. Юго-западный конец южной стенки был частично разрушен. Остальные оградки (II—X) располагались в два ряда, вдоль северного и южного краев могильника, так, что между ними оставался промежуток шириной до 3 м, который был пересечен только одной поперечной стенкой, соединяющей III оградку с VII. Все оградки имели одинаковую ориентировку с северо-запада на юго-восток, но разную ширину и были сложены из различного материала. Все они были открыты в сторону края могильника.

II и III оградки образовали одну группу. III оградка была огорожена с трех сторон валунами, которые только в одном месте были заменены плитняком. Стенка из валунов, окаймлявшая оградку с южной узкой стороны, имела несколько дугообразную форму, и параллельно этой стенке тянулся внутри оградки другой такой же несколько дугообразный ряд валунов. На расстоянии 1,2—1,5 м на юго-запад от III оградки была короткая, сложенная из известняковых плит стенка, которая огораживала II оградку с юго-западной стороны.

Северо-восточный угол могильника содержал опять-таки две примы-

---

[1] Отчеты о раскопках в ИИ.

кавшие друг к другу оградки (IV и V). V оградка была окаймлена плитняковыми стенками, ровными с внешней стороны, из которых южная сохранилась только наполовину. Эта стенка подпиралась с юга известняковыми плитами, поставленными наклонно в несколько рядов. К V оградке с юго-запада была пристроена IV оградка, окаймленная рядом больших валунов. Как у III оградки, так и у IV южный конец был пересечен короткой поперечной стенкой из валунов.

В юго-восточной части могильника находились оградки VI—X. Наиболее монументальной из них была VII оградка, огражденная с северо-востока плитняковой стенкой высотой в 15—32 см, ровной с внешней стороны. Эта стенка упиралась своим северо-западным концом в краевые камни III оградки. Стенка, окаймлявшая VII оградку с юго-запада, сохранилась только отчасти. Она служила в то же время северо-восточной стенкой VI оградки, от юго-западной стенки которой удалось обнаружить только часть ее, длиной около 2 м.

Особую группу образовали оградки VIII, IX и X. VIII и X оградки были довольно широкие и имели плитняковые стенки, ровные с наружной стороны. Юго-западная и северо-восточная стенки VIII оградки были узкие и низкие. Зато ширина северо-западной стенки этой оградки достигала 65 см; ее внутренняя сторона была также довольно ровной, хотя не в такой мере, как наружная. Рядом с северо-западной стенкой X оградки шла еще другая низкая (10 см), но широкая стенка. Чрезвычайно узкая IX оградка образовалась между VIII и X оградками путем соединения северных стенок этих оградок новой короткой стенкой.

Начиная примерно от места обнаружения находки № 112 в VI оградке и вплоть до северо-восточной стенки VIII оградки под каменной кладкой, на грунтовом песке, простирался углистый черный слой, местами толщиной до 1—2 см, местами же совсем тонкий.

Возле южного угла IV оградки, под камнями, на грунтовом песке были обнаружены плохо сохранившиеся остатки скелета *N*. Возможно, что к погребальному инвентарю этого скелета принадлежал осколок кремня (162). Примерно на расстоянии 40 см от скелета *N* находились остатки детского черепа, а около южного угла V оградки были найдены остатки еще одного плохо сохранившегося скелета (*P*) и возле них железный нож (204, рис. 12:*10*). Рядом с этими останками стояли ребром две небольшие плиты, однако здесь вряд ли можно предполагать каменный ящик. К сожалению, эти скелеты так плохо сохранились, что невозможно было определить их положение.

Несмотря на то, что восточная часть могильника *C* в Ябара содержала не меньше десяти оградок, инвентарь последних носит однообразный характер. Из найденных здесь орудий производства наиболее характерными являются различные железные серповидные ножи, а из украшений — глазчатые фибулы и тонкие браслеты, а также браслеты с шишечками на концах.

Все обнаруженные в могильнике *C* в Ябара ножи имеют несколько выпуклую спинку[1], плавно переходящую в черенок. Обычно лезвие их бывает несколько вогнутым. Эти ножи еще очень напоминают ножи из каменных курганов с ящиками (Куура, Азери; рис. 8:*2*), а также из раннего могильника в Тойла (рис. 10:*9*, *10*). Употреблялись они, повидимому, для одной и той же работы. Некоторые ножи имеют форму очень маленьких серпов (24, 29, 141). Типичным косарем более крупных размеров является предмет № 39 (рис. 12:*8*), найденный в западной части

[1] №№ 24, 32, 39, 83, 87, 124, 125, 136, 141, 153, 196, 197, 204.

могильника и соответствующий по форме ножам-косарям из Азери (рис. 11:*6*). Ножи №№ 125 и 196 сохранились только в фрагментах. Если судить по ширине их лезвия, то они могут также происходить от ножей-косарей примерно типа рис. 12:*8*. Такие ножи-косари обычны в могильных

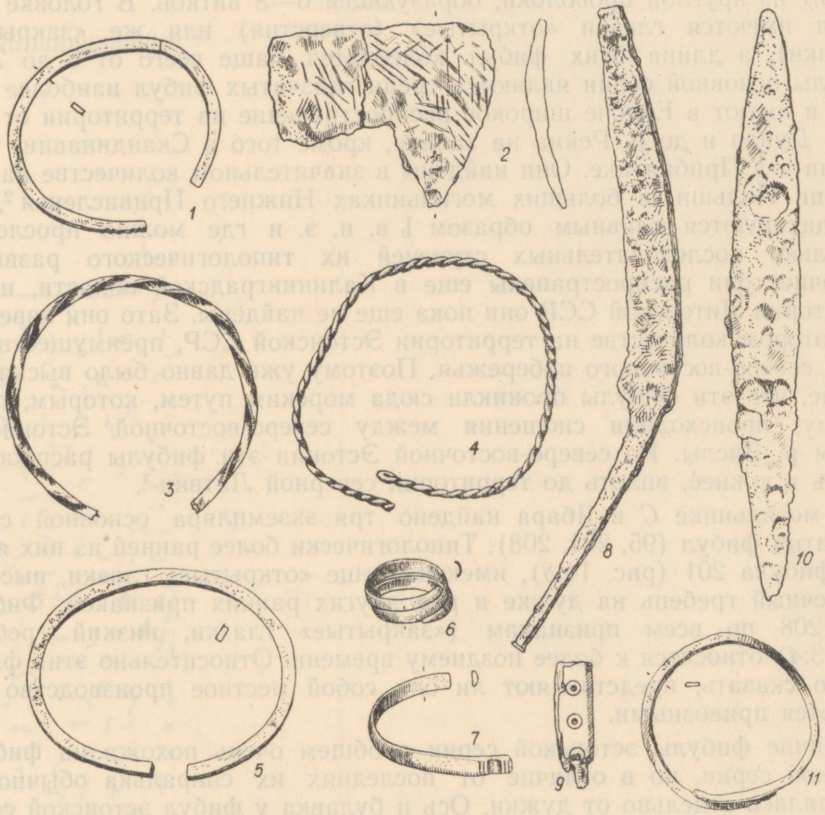


Рис. 12. Вещи из юго-западной части могильника *C* в Ябара (ИИ 2617). *1* — браслет (34); *2* — фрагмент глиняного сосуда со слегка штрихованной поверхностью (72); *3—4* — фрагменты шейных гривен (74, 50); *5* — браслет (61); *6* — перстень (73); *7* — фрагмент браслета (57); *8* — косарь (39); *9* — фрагмент костяного изделия (8); *10* — нож (204, найден при скелете *P* около V оградки); *11* — браслет (43). *1, 3—7, 11* — из бронзы, *8, 10* — из железа. $^1/_2$ нат. вел.

комплексах из каменных оградок II века, как, например, в восточной части могильника Ийла, Кивиылиского района [1], в III оградке могильника в Ярве, Йыхвиского района [2], и др., хотя в единичных случаях они представлены еще и среди инвентаря III века [3]. Из многочисленных обнаруженных в могильнике *C* фрагментов железных вещей большинство относится, должно быть, также к ножам или косарям.

---

1 ИИ 3358 : 51, 222.
2 Hausmann, Grabfunde, табл. 1:41.
3 Hausmann, указ. раб., табл. 1:81.

Глазчатые фибулы по форме можно подразделить на три серии: 1) основную, 2) южнобалтийскую и 3) эстонскую [1].

Типичной особенностью глазчатых фибул основной серии (рис. 13:*4*; 14:*8*) является то, что их спиралька исходит непосредственно из головки фибулы, тогда как у эстонской серии она сделана отдельно. Спиралька состоит из круглой проволоки, образующей 6—8 витков. В головке этих фибул имеются глазки «открытые» (отверстия) или же «закрытые» (ямочки), а длина этих фибул колеблется чаще всего от 5 до 7 см. Фибулы основной серии являются среди глазчатых фибул наиболее ранними и имеют в Европе широкое распространение на территории от бассейна Дуная и до р. Рейна на западе, кроме того в Скандинавии, Финляндии и в Прибалтике. Они найдены в значительном количестве на территории Польши, в больших могильниках Нижнего Привисленья [2], где они датируются главным образом I в. н. э. и где можно проследить несколько последовательных ступеней их типологического развития. Восточнее они распространены еще в Калининградской области, но на территории Литовской ССР они пока еще не найдены. Зато они известны в некотором количестве на территории Эстонской ССР, преимущественно вдоль северо-восточного побережья. Поэтому уже давно было высказано мнение, что эти фибулы проникли сюда морским путем, которым, повидимому, происходили сношения между северо-восточной Эстонией и устьем р. Вислы. Из северо-восточной Эстонии эти фибулы распространились и южнее, вплоть до территории северной Латвии [3].

В могильнике *C* в Ябара найдено три экземпляра основной серии глазчатых фибул (95, 201, 208). Типологически более ранней из них является фибула 201 (рис. 14:*8*), имеющая еще «открытые» глазки, высокий поперечный гребень на дужке и ряд других ранних признаков. Фибулы 95 и 208 по всем признакам («закрытые» глазки, низкий гребень; рис. 13:*4*) относятся к более позднему времени. Относительно этих фибул трудно сказать, представляют ли они собой местное производство или являются привозными.

Ранние фибулы эстонской серии в общем очень похожи на фибулы основной серии, но в отличие от последних их спиралька обычно изготовлялась отдельно от дужки. Ось и булавка у фибул эстонской серии часто делались из железа. В дальнейшем спиралька удлиняется, дужка становится полой с нижней стороны, и вся фибула становится значительно крупнее. Самые поздние, очень большие и совсем тонкие, как из жести, глазчатые фибулы эстонской серии были в обиходе до начала VI в. н. э., на что указывает, например, клад из Пийльси близ Авинурме, Мустверского района, где вместе с поздними глазчатыми фибулами и разными другими предметами украшений была найдена арбалетная фибула V века со звездчатой ножкой [4]. Глазчатые фибулы эстонской серии распространены главным образом на территории северо-восточной Эстонии, где они, повидимому, и получили свое развитие; однако, хотя

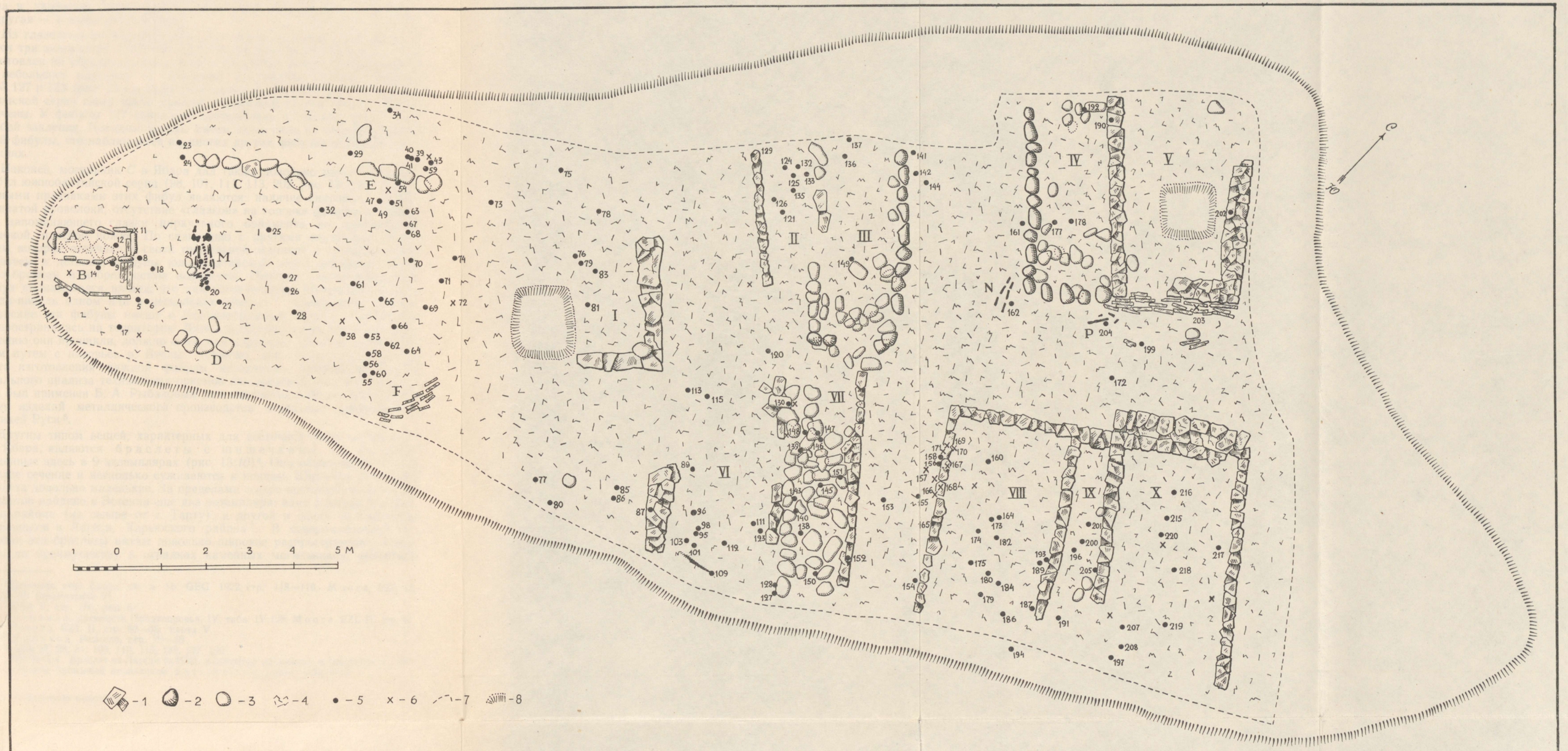
---

[1] Almgren, O., Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten christlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Fibeln. Stockholm 1897, стр. 21—33. «Прусскую серию» Альмгрена мы здесь и в последующем будем называть «южнобалтийской серией», так как это название больше соответствует их действительному распространению.

[2] Anger, S., Das Gräberfeld zu Rondsen im Kreise Graudenz. Graudenz 1890, табл. 12:1, 2. Almgren, Указ. раб., стр. 148; Kostrzewski, J., Wielkopolska w czasach przedhistorycznych. Poznań 1923, стр. 176—178.

[3] На территории Латвии их найдено (до 1938 г.) всего три экземпляра. Moora, EZL II, стр. 57—59. Sb. GEG 1922, стр. 109—110, 117—118.

[4] ÕES Aastar. 1933, стр. 294—295, рис. 6:5; 10:1.



Могильник *C* в Ябара. *1* — известняковые плиты стенок; *2* — валун стенки; *3* — валун; *4* — плитняковая щебенка; *5* — металлический предмет; *6* — керамика; *7* — граница раскопанной площади; *8* — край ямы.

и реже [1], они встречаются и в некоторых других районах Эстонской ССР. Из Латвийской ССР известно 5 экземпляров этих фибул. Путем межплеменного обмена несколько фибул этого типа было завезено и значительно дальше на восток и юго-восток. Одна фибула этого типа найдена в каменном могильнике в Солоницках, Новгородской области [2], и другая — в окрестности Киева [3].

Из глазчатых фибул могильника *С* в Ябара к эстонской серии относятся три экземпляра (127, 128, 147). Последний из них (147, рис. 14:*7*) изготовлен по образцу довольно ранних глазчатых фибул основной серии: он небольших размеров со сквозными дырочками-глазками. Фибулы №№ 127 и 128 (рис. 13:*1* и 14:*6*) отличаются от обычных глазчатых фибул эстонской серии своей узкой дужкой, на которой глазки вообще не обозначены. У фибулы 127 спиралька прикреплена к головке при помощи особой заклепки. Повидимому, мы имеем здесь дело со старой починкой этой фибулы, что наблюдается на многих других фибулах и прочих украшениях.

Наконец, могильник *С* в Ябара дал также довольно много глазчатых фибул южнобалтийской серии (98, 101, 111, 113, 202, рис. 13:*5*, *6*). Характерными признаками этих фибул являются: наличие спирали из пластинчатой проволоки, отсутствие «глазков» на головке фибулы и появление напоминающего глазки циркульного орнамента на сравнительно широкой, плоской ножке. По сравнению с другими глазчатыми фибулами, которые отличаются своей тщательной отделкой и большим разнообразием в деталях, фибулы южнобалтийской серии поражают своим однообразием и небрежностью выработки. Поэтому относительно этих фибул высказывался взгляд, что они изготовлялись преимущественно в каком-нибудь одном или в нескольких центрах [4]. Наибольшее распространение эти фибулы имеют в Калининградской области, откуда они распространились на территорию Литвы и Латвии, тогда как в северную Эстонию они проникли, должно быть, как и фибулы основной серии, морским путем с низовьев р. Вислы. Конечно, для точного установления места изготовления каждой фибулы необходимо применение метода детального анализа технических приемов изготовления этих фибул, который был применен Б. А. Рыбаковым для выяснения районов распространения изделий металлического производства отдельных мастерских в Древней Руси [5].

Другим типом вещей, характерных для восточной части могильника *С* в Ябара, являются браслеты с шишечками на концах, найденные здесь в 9 экземплярах (рис. 13:*10*) [6]. Они обыкновенно имеют круглое сечение и несколько суживаются к концам. Шишечки на концах браслета довольно маленькие. За пределами северо-восточной части таких браслетов найдено в Эстонии еще два экземпляра: один в Кярде, Йыгеваского района (на севере от г. Тарту), и другой в одном из каменных могильников в Лагеди, Харьюского района [7]. В северо-восточной же Эстонии эти браслеты имеют довольно широкое распространение, встречаясь по преимуществу в оградках каменных могильников, инвентарь

---

[1] Перечень этих фибул см. в Sb. GEG 1922, стр. 118—119. Moora, EZL II, стр. 59—60 (примечание 2).

[2] ESA V, стр. 106, рис. 6.

[3] Ханенко, Древности Приднепровья, IV, табл. IV:128. Moora, EZL II, стр. 61.

[4] Moora, EZL II, стр. 63—65, карта V.

[5] Рыбаков, Ремесло, стр. 29—30.

[6] №№ 27, 28, 84, 109, 112, 115, 132, 137, 199.

[7] ИИ 1918:4. Браслет из Лагеди (в ИМ) изготовлен из железа, а шишечки на концах его обвиты бронзовой проволокой. Spreckelsen, Laakt, табл. 1:24.

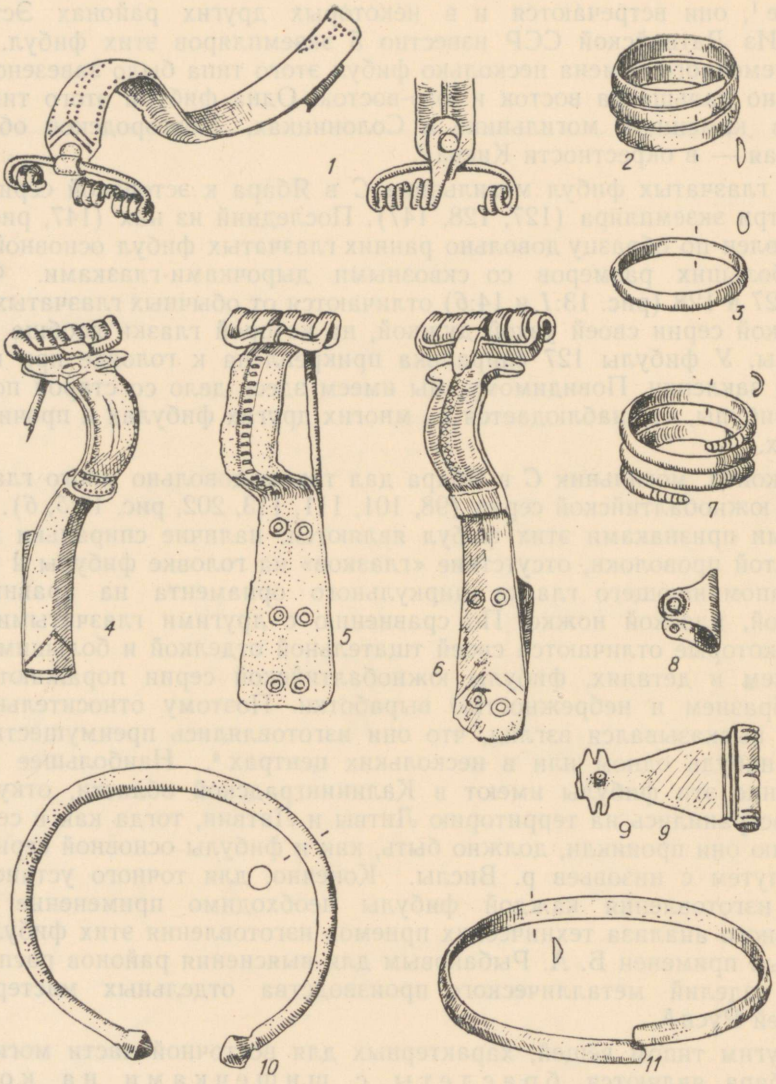


Рис. 13. Вещи из восточной части могильника *C* в Ябара (ИИ 2517). *1* — глазчатая фибула (127); *2—3* — перстни (161, 89); *4—6* — глазчатые фибулы (95, 113, 98); *7* — перстень (123); *8—9* — бляшки (126, 114); *10—11* — браслеты (112, 133). Все вещи из бронзы. *8*, *11* — из II оградки, *2* — из IV оградки, *3*, *4—7*, *9*, *10* — из VI оградки, *1* — из VII оградки. $^3/_4$ нат. вел.

которых датируется II веком н. э.[1]. Один браслет этого типа найден и в северной Латвии в районе распространения каменных могильников; на территории Литовской ССР они пока не обнаружены.

Таким образом, браслеты с шишечками на концах имеют в Эстонии и Латвии примерно такое же распространение, как и глазчатые фибулы основной серии. Дальше на юго-запад они встречаются в сравнительно небольшом количестве в Калининградской области, но очень обычны в могильниках Нижнего Привисленья[2]. Поэтому можно думать, что от-

[1] Moora, EZL II, стр. 388—390.
[2] Blume, German. Stämme, стр. 60—61.

сюда эти браслеты распространились в северо-восточную Эстонию тем же морским путем, как и глазчатые фибулы основной и южнобалтийской серии.

Браслеты с шишечками на концах, найденные в Ябара, сделаны довольно небрежно, шишечки часто не имеют определенной геометрической формы. Эти браслеты представляют собой, повидимому, поздний вариант этого типа браслетов, относящийся примерно ко II в. н. э.; у более раннего варианта браслетов концы стержня иногда четко профилированы, а шишечки имеют шарообразную форму при более тщательной общей отделке [1]. Многие из браслетов в Ябара имеют очень малые размеры. Возможно, что такие браслеты предназначались только для детей. Не исключена также возможность, что эти тонкие, маленькие браслеты изготовлены специально в качестве могильного инвентаря или же имели какое-либо иное назначение.

Браслетов с прямоугольным сечением, носимых группами, по несколько штук, мы коснулись уже выше в связи с браслетом, найденным при скелете *M* (21, рис. 9:*9*). Помимо этого экземпляра, более массивного, чем остальные, в могильнике *C* в Ябара найдено еще 10 таких браслетов, некоторые из них в виде фрагментов (рис. 12:*1*, *5*)[2]. Для браслетов этого типа, найденных в Ябара, характерна та же особенность, которую мы отметили для браслетов с шишечками на концах из того же могильника, т. е. их небольшой диаметр и необычайная тонкость. Некоторые экземпляры имеют профилировку на концах, обыкновенно в виде одного поперечного широкого желобка, окаймленного двумя узкими желобками (рис. 12:*1*). Эти браслеты встречаются еще в некоторых местах в северной и юго-восточной части Эстонии [3]. На территории Латвии они представлены в районе распространения каменных могильников.

Рассмотрим распределение инвентаря по отдельным оградкам. I оградка, от которой сохранился только восточный угол, была бедна инвентарем. К ней относились, повидимому, следующие предметы: нож с выпуклой спинкой (83, типа рис. 9:*6*) и некоторые фрагменты других железных вещей, очевидно, также ножей; фрагменты узких, сегментарных в сечении спиральных браслетов (?) и две маленькие пронизки (76, 78). Из этих вещей нож (83) может быть датирован примерно I—II вв., хотя такие ножи были в употреблении еще и несколько позже. Остальные вещи не поддаются сколько-нибудь точной датировке, но не говорят и против ранней датировки этой оградки. Спиральные браслеты встречаются уже в инвентаре могильников I в., например в Тамса [4]. Малочисленность инвентаря этой оградки говорит также за ее раннюю датировку (I—II вв.), хотя здесь отсутствуют как типичные для I столетия булавки с кольцеобразной головкой, подобные булавкам из Тойла и Азери, так и представленные в других оградках могильника *C* фибулы и браслеты II в. Можно думать, что I оградка могильника *C* в Ябара представляла собой первоначально отдельный могильный холм, так как насыпь на востоке и юго-востоке от этой оградки почти не содержала вещей.

II и III оградки представляли собой одно целое. Из них, как видно, первой была выстроена восточная, III оградка, окаймленная стенкой из

---

[1] Ср. например, браслеты из каменного могильника в Трийги. Hausmann, Grabfunde, табл. IV:7,8.

[2] №№ 34, 43, 44, 61, 65, 67, 69/70 (от одного браслета), 144, 151, 164.

[3] Moora, EZL II, стр. 401, прим. 2 (список).

[4] ИИ 3669:8.

валунов, а затем к ней уже с запада была пристроена II оградка с плитняковой стенкой.

III оградка содержала браслет с шишечками на концах (137, типа рис. 13:*10*), фрагменты спирального браслета (149) и серповидного ножа (136). С этой же оградкой связаны, повидимому, и найденные возле ее внешней стенки вещи: серповидный нож (141, типа рис. 17:*4*), фрагмент шейной гривны с раструбчатыми концами (142, ср. рис. 14:*4*) и плоский браслет прямоугольного сечения (144, типа рис. 12:*1*). Во II оградке было обнаружено несколько фрагментов серповидных ножей (124, 125), браслет с шишечками на концах (132), браслет треугольного сечения (133, рис. 13:*11*), фрагмент спирального браслета сегментарного сечения (122) и две овальные бляшки с округленными концами, украшенными чеканными выпуклинами (126, 135, рис. 13:*8*). Как уже было указано, браслеты с шишечками на концах и плоские браслеты с прямоугольным сечением датируются II в. н. э., а серповидные ножи — I—II вв. н. э. К этому же времени могут относиться и фрагменты спирального и простого браслетов треугольного сечения. В дальнейшем увидим, что и шейные гривны с расширяющимися в виде раструбов концами синхроничны с этими вещами. Датировке II и III оградок II веком не противоречат и упомянутые выше бляшки (126, 135, рис. 13:*8*). Хотя точные аналогии пока неизвестны ни из Эстонии, ни с ближайших соседних территорий, все же техника украшения разных бляшек чеканными выпуклинами является характерной для южной Прибалтики уже в I—II вв. н. э. [1].

Особую группу образуют IV и V оградки (табл. V:2), отделенные от предыдущих насыпью, не содержавшей вещей. Их конструкция показывает, что первой из них была сооружена восточная, т. е. V оградка, стенки которой сложены из плитняка. С запада к ней пристроена огороженная валунами IV оградка. Особенностью V оградки является наличие подпирающих снаружи ее южную стенку плит. V оградка, несмотря на сравнительно большие размеры, содержала очень мало предметов погребального инвентаря. Внутри оградки найдена только одна глазчатая фибула (202, типа рис. 13:*6*), а за южной стенкой этой оградки, между подпирающими ее плитами обнаружено значительное количество фрагментов керамики (203), которые, однако, настолько малы, что не дают представления о форме сосуда. IV оградка была также бедна вещами: кроме фрагмента железного ножа неопределимой формы (192), здесь были найдены фрагменты двух спиральных браслетов (?) сегментарного (177) и треугольного (178) сечения и фрагмент простого браслета (190) сегментарного сечения (на самой стенке между IV и V оградкой). На основании глазчатой фибулы, представляющей собой один из более поздних вариантов глазчатых фибул южнобалтийской серии, можно считать, что V оградка была сооружена и использовалась в конце II века или в начале III века. Примерно к тому же времени относится и IV оградка. В этих оградках, повидимому, было сравнительно мало погребений, судя по скудности могильного инвентаря [2]. Этим объясняется, может быть, и почти полное отсутствие краевой насыпи за восточной стенкой V оградки.

В южной части могильника можно было отличить две группы оградок, из которых западную образуют VI и VII оградки. Судя по устрой-

---

[1] Tischler-Kemke, Ostpreuss. Altertümer, табл. VIII:1—3; X:7.

[2] Остеологический материал из этого могильника погиб во время Великой Отечественной войны. Поэтому мы не имеем возможности делать на основании его выводы о характере и частоте захоронений.

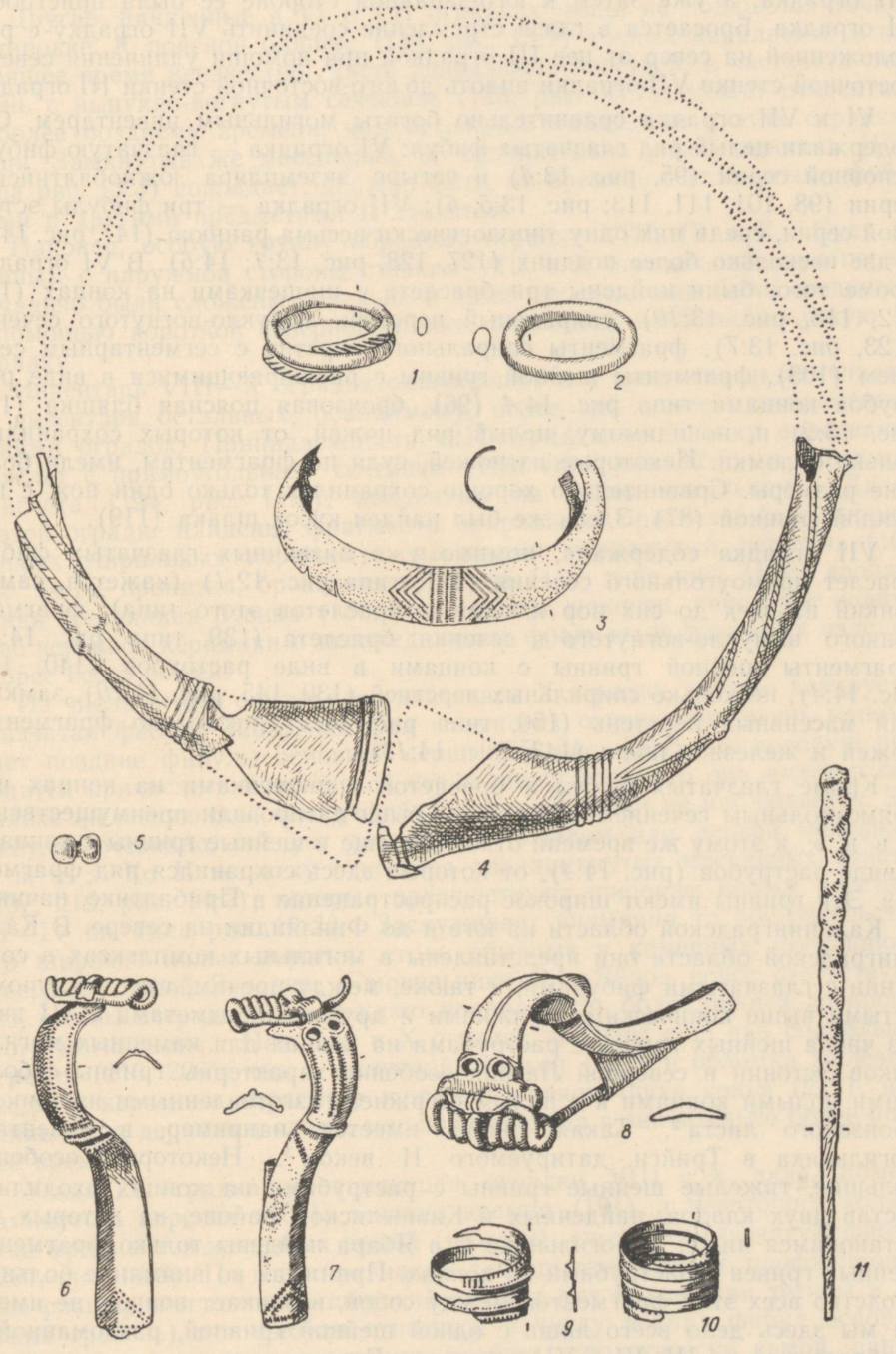


Рис. 14. Вещи из восточной части могильника *С* в Ябара (ИИ 2617): *1—2* — перстни (193, 207); *3* — фрагмент браслета (194); *4* — шейная гривна из двух фрагментов (85, 152); *5* — двойная стеклянная бусина, темносиняя (180); *6—8* — глазчатые фибулы (128, 147, 201); *9—10* — перстни (120, 145); *11* — шило (143). *1—4, 6—10* — из бронзы, *11* — из железа. *4* (часть), *6, 7, 9—11* — из VII оградки, *1, 3, 5* — из VIII оградки, *8* — из IX оградки, *2* — из X оградки, *4* (часть) — из краевой насыпи. $^2/_3$ нат. вел.

ству стенок последних, можно думать, что первой из них была сооружена VII оградка, а уже затем к юго-западной стороне ее была пристроена VI оградка. Бросается в глаза стремление соединить VII оградку с расположенной на север от нее III оградкой при помощи удлинения северо-восточной стенки VII оградки вплоть до юго-восточной стенки III оградки.

VI и VII оградки сравнительно богаты могильным инвентарем. Обе содержали целый ряд глазчатых фибул: VI оградка — глазчатую фибулу основной серии (95, рис. 13:*4*) и четыре экземпляра южнобалтийской серии (98, 101, 111, 113; рис. 13:*5*, *6*); VII оградка — три фибулы эстонской серии, среди них одну типологически весьма раннюю (147, рис. 14:*7*) и две несколько более поздних (127, 128, рис. 13:*1*; 14:*6*). В VI оградке, кроме того, были найдены три браслета с шишечками на концах (109, 112, 115, рис. 13:*10*), спиральный перстень выпукло-вогнутого сечения (123, рис. 13:*7*), фрагменты спирального перстня с сегментарным сечением (103), фрагменты шейной гривны с расширяющимися в виде раструбов концами типа рис. 14:*4* (96), бронзовая поясная бляшка (114, рис. 13:*9*) и, повидимому, целый ряд ножей, от которых сохранились только обломки. Некоторые из ножей, судя по фрагментам, имели большие размеры. Сравнительно хорошо сохранился только один нож с выпуклой спинкой (87). Здесь же был найден кусок шлака (119).

VII оградка содержала, помимо уже названных глазчатых фибул, браслет прямоугольного сечения (151, типа рис. 12:*1*) (кажется, самый тонкий из всех до сих пор известных браслетов этого типа), фрагмент тонкого выпукло-вогнутого в сечении браслета (139, типа рис. 14:*3*), фрагменты шейной гривны с концами в виде раструбов (140, 152, рис. 14:*4*), несколько спиральных перстней (130, 145, рис. 14:*10*), замкнутый массивный перстень (150, типа рис. 14:*2*), несколько фрагментов ножей и железное шило (143, рис. 14:*11*).

Кроме глазчатых фибул и браслетов с шишечками на концах и с прямоугольным сечением, которые мы выше датировали преимущественно II в. н. э., к этому же времени относятся еще и шейные гривны с концами в виде раструбов (рис. 14:*4*), от которых здесь сохранился ряд фрагментов. Эти гривны имеют широкое распространение в Прибалтике, начиная от Калининградской области на юге и до Финляндии на севере. В Калининградской области они представлены в могильных комплексах в сочетании с глазчатыми фибулами, а также, между прочим, вместе с упомянутыми выше коническими пряжками и другими предметами I—II вв. [1]. Из числа шейных гривен с раструбами на концах для каменных могильников Эстонии и северной Латвии особенно характерны гривны с большими полыми концами и с полым стержнем, изготовленными из тонкого бронзового листа [2]. Такая гривна имеется, например, в инвентаре могильника в Трийги, датируемого II веком [3]. Некоторые особенно большие, тяжелые шейные гривны с раструбами на концах входили в состав двух кладов, найденных в Кивиылиском районе, на которых мы остановимся ниже. В могильнике *С* в Ябара найдены только фрагменты шейных гривен с раструбами на концах. Принимая во внимание большое сходство всех этих фрагментов между собой, возникает вопрос, не имеем ли мы здесь дело всего лишь с одной шейной гривной, разломанной и разбросанной по III, VI и VII оградкам. Если это так, то здесь мы сталкиваемся с очень ранним случаем преднамеренного повреждения вещей,

---

[1] Hackman, Ältere Eisenz. in Finnland, стр. 211—213, особенно прим. 2 на стр. 212.

[2] Moora, EZL II, стр. 267.

[3] Hausmann, Grabfunde, табл. IV:15.

т. е. с обычаем, который позже становится очень распространенным в Эстонии.

Другие найденные в VI и VII оградках вещи не поддаются точной датировке. К поясной бляшке (114, рис. 13:*9*) точных параллелей в настоящее время неизвестно. Часть спиральных перстней, в частности перстень с выпукло-вогнутым сечением (123, рис. 13:7), может относиться к более позднему времени, чем остальные найденные в этих оградках вещи. Замкнутый же массивный, но сравнительно узкий перстень (150, типа рис. 13:*3*) совпадает, должно быть, по времени с глазчатыми фибулами и другими предметами II столетия.

Наконец, особую группу образуют оградки VIII, IX и X. Судя по ровным с наружной стороны стенкам VIII и X оградок, обе они первоначально были сложены отдельно и лишь впоследствии были соединены с помощью короткой северной стенки, образовав необычайно узкую IX оградку.

Инвентарь VIII—X оградок однообразен и в сущности не отличается от инвентаря остальных, повидимому, более или менее одновременных с ними оградок. Принадлежность VIII оградки ко II веку определяют браслет с прямоугольным сечением (164, типа рис. 12:*5*) и фрагмент браслета (194, рис. 14:*3*), найденный на краю могильника. Далее, в этой оградке найдены: фрагменты спиральных браслетов (или выпрямленных спиральных перстней)[1], массивный спиральный перстень (193, рис. 14:*1*), пронизка, бронзовая трубочка (189, типа рис. 31:*2*), двойная синяя стеклянная бусина (180, рис. 14:*5*) и, наконец, некоторое количество черепков керамики и неопределимых фрагментов железных изделий, скорее всего ножей.

Из числа вещей могильного инвентаря X оградки хорошо датируется глазчатая фибула (208), которая во многих отношениях очень напоминает поздние фибулы основной серии (95, рис. 13:*4*), но которую приходится причислить к эстонской серии ввиду того, что она имеет в спиральке железную ось, чего у фибул основной серии не наблюдается. Эту фибулу, очевидно, следует датировать началом или первой половиной II в. н. э. Ко II же веку относятся два замкнутых массивных перстня (207, 219, рис. 14:*2*), которые предшествуют широким полым перстням III—IV вв. типа рис. 19:*23*. Заслуживает внимания то обстоятельство, что широкие полые перстни, столь обычные в каменных могильниках северо-восточной Эстонии, в могильнике *С* в Ябара вовсе отсутствуют, что, в свою очередь, подтверждает правильность более ранней датировки этого могильника. Наконец, в X оградке найдены еще два спиральных перстня (215, 220), нож с выпуклой спинкой (197) и обломки железных вещей и керамики. Фрагмент железного наконечника копья (217), найденный под дерновым слоем, мог попасть сюда в значительно более позднее время.

Узкая IX оградка, соединяющая оградки VIII и X, дала, помимо замкнутого перстня (205), осколка кремня (191) и некоторого количества фрагментов железных вещей (ножей?), еще одну глазчатую фибулу (201, рис. 14:*8*). По всем признакам («открытые» глазки, профилированные расширения головки, широкий крючок для поддержки тетивы и высокий гребень) эта фибула относится к числу ранних фибул основной серии и является в то же время вообще типологически самой ранней глазчатой фибулой из могильника *С* в Ябара. Однако из конструкции группы оградок VIII—X вытекает, как мы видели, что IX оградка выстроена, несомненно, после VIII и X оградок. Это обстоятельство пока-

[1] №№ 173—175, 179, 182, 184, 186.

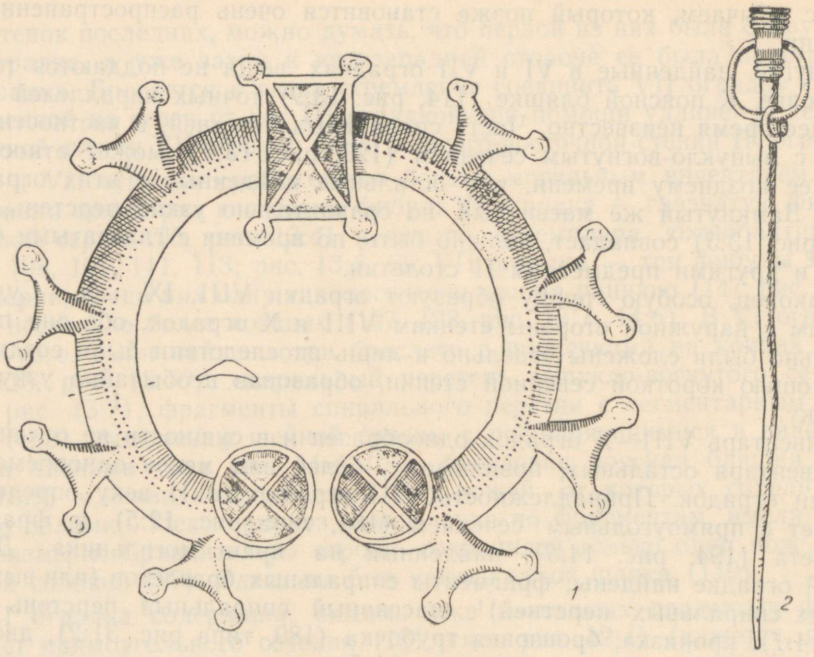


Рис. 15. Подковообразная фибула с эмалью (2617:156) и булавка (2617:158), найденные у юго-западной стенки VIII оградки могильника *С* в Ябара. 2/3 нат. вел.

зывает наглядно, насколько осторожно следует применять типологию вещей для хронологизации памятников.

Следует отметить еще две вещи, найденные с внешней стороны у юго-западной стенки VIII оградки и резко отличающиеся от остального инвентаря этого могильника. Это украшенная цветной эмалью подковообразная фибула (156, рис. 15:*1*) и булавка с конической головкой (158, рис. 15:*2*). Параллелей названной здесь фибуле на территории Эстонии до сих пор не обнаружено. Встречающиеся в каменных могильниках северо-восточной Эстонии в IV—V вв. подковообразные фибулы имеют, как правило, широкую, в сечении слегка сегментарную дугу с дискообразными, украшенными эмалью расширениями на концах и в середине (ср. рис. 28:*1*, *4*). Подковообразные фибулы с треугольными отростками, напоминающие привески, известны пока в трех экземплярах из восточной части территории Литовской ССР, а также из Латгалии, Латвийской ССР, и из Белоруссии [1]. Подковообразная фибула (рис. 15:*1*) из Ябара более всего соответствует из опубликованных фибул одной фибуле, найденной в Ракенай, Литовской ССР, и отличающейся от ябараской только некоторыми несущественными деталями. Эти большие фибулы датируются в Литве и Латвии V в. и отчасти даже VI веком н. э. [2].

Большая булавка с конической головкой (158, рис. 15:*2*) является также формой булавок, обычно не встречающихся на территории Эстонской ССР. Здесь найдены, правда, некоторые булавки с профилирован-

[1] Спицын А., Предметы с выемчатою эмалью. Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества, том V, выпуск I, С-Петербург, 1903, рис. 189, 280. Kulikauskas, Pr., Emailuotiejei dirbinai Lietuvoje. Kaunas, 1941, табл. XI:4,6 и XII:2.

[2] Moora, EZL II, стр. 108—109, рис. 20:2.

ной головкой, несколько напоминающей головку упомянутой булавки из Ябара [1], но все они значительно меньших размеров. Более близкие к экземпляру из Ябара параллели найдены на территории Латвийской ССР, в окрестности Екабпилса, Мадоны и Риги вместе с вещами IV—VI вв. Для этих поздних булавок характерна именно конусообразно утолщающаяся кверху головка [2].

Таким образом, подковообразная фибула, украшенная цветной эмалью, и булавка с конической головкой являются одновременными. Их расположение друг возле друга у наружной стенки оградки дает возможность предполагать, что они были зарыты в одно время. Так как эти вещи относятся к значительно более позднему времени, чем остальные вещи из могильника *С*, и притом носят чуждый характер, возможно, что они являются принесенными сюда в V—VI вв. жертвенными дарами.

Более поздними по сравнению с остальным инвентарем могильника *С* в Ябара являются, вероятно, двойная бусина из синего стекла (180) из VIII оградки и бусина из молочного стекла (195), точное местонахождение которой в могильнике, к сожалению, на плане не отмечено. Стеклянные бусы, происходящие, повидимому, из римских провинций, появляются в каменных могильниках Эстонской и Латвийской ССР начиная с III—IV столетия [3]. Поэтому можно считать, что и в могильник *С* в Ябара они попали несколько позже, чем остальной инвентарь. Конечно, трудно сказать, были ли они захоронены в качестве погребального инвентаря или в качестве жертвенных даров. За первую возможность говорит как будто то обстоятельство, что синяя бусина (180) найдена в культурном слое на сравнительно большой глубине (40 см).

К V веку относится спиральный перстень с пластинчатыми концами (120, рис. 14:*9*) из VII оградки. Как мы увидим в дальнейшем, наличие в каменных могильниках единичных более поздних предметов пред ставляет собой явление очень обычное в северо-восточной Эстонии.

Анализ вещественного материала из оградок восточной части могильника *С* в Ябара показал, что здесь было первоначально 5 отдельных каменных могильников, состоявших из одной-трех оградок. По характеру своего инвентаря все эти оградки очень однородны. Мы имеем здесь дело с очень четким, определенным могильным комплексом, который может служить основой и для датировки других могильников. В этот комплекс входят: глазчатые фибулы, браслеты с шишечками на концах, плоские браслеты с прямоугольным сечением, шейные гривны с концами в виде раструбов, замкнутые узкие массивные перстни, а из орудий труда — серповидные ножи и косари. Хотя среди глазчатых фибул и можно различать более ранние и более поздние типы, было бы ошибочно придавать этому слишком большое значение, так как фибулы разных ступеней развития были, повидимому, в употреблении одновременно.

Конечно, приходится считаться и с тем, что могильники с оградками являются коллективными усыпальницами, где хоронили в течение продолжительного времени. Оградки восточной части могильника *С* в Ябара были, очевидно, все сложены и использовались в течение II в. н. э., а может быть еще и в начале III в. н. э. При наличии в могильном инвентаре предметов, не поддающихся точной датировке (например, спиральные перстни, фрагменты ножей и пр.), конечно, трудно сказать, прекратились ли захоронения в этом могильнике в начале III в. или же позже.

---

[1] Например, из Ярве; см. Hausmann, Grabfunde, табл. I:5.
[2] Moora, EZL II, стр. 194, 196.
[3] Moora, EZL II, стр. 362—364.

Но и в последнем случае эти захоронения носят случайный характер, так как в этом могильнике все-таки совершенно отсутствует типичный для III столетия могильный инвентарь, который, как мы увидим ниже, в изобилии представлен в других Ябараских могильниках.

*

Могильник *B* (табл. V:1) имел длину с юго-запада на северо-восток 43 м, а ширину до 17—18 м. Насыпь состояла, как обычно, из битого плитняка, перемешанного с землей, причем культурный слой имел по краям толщину всего 10—15 см, а в оградках достигал толщины до 50—60 см. Северо-западная часть могильника была в значительной мере разрушена ямой от выемки гравия, так что здесь сохранились только небольшие остатки оградок. Кроме того, здесь были еще две глубокие ямы, прорезавшие насквозь культурный слой (см. план, табл. VII).

На юго-западном конце могильника сохранились остатки широкой краевой насыпи, где куски плитняка по направлению к краю становились все более редкими, и в которой встречались лишь единичные предметы могильного инвентаря. Крайняя с юго-запада, I оградка сохранилась частично. От юго-западной стенки этой оградки осталось только несколько известняковых плит; северо-восточная стенка сохранилась на протяжении около 3 м. Эта стенка имела ровную поверхность с северо-восточной стороны. С юго-запада около этой стенки было несколько валунов, среди них отдельные очень крупные. В I оградке было довольно много разбросанных в беспорядке костей, в том числе небольшое количество пережженных. Эта оградка была богата могильным инвентарем.

С северо-востока к I оградке примыкала II оградка, также разрушенная с северного конца. В юго-западной части II оградки было несколько крупных валунов, которые на расстоянии примерно 2,5 м от северо-восточной стенки I оградки образовали не совсем правильный ряд (в квадратах *C* XV, *D* XV). Трудно сказать, представляет ли этот ряд собой северо-восточную стенку II оградки или же последняя продолжалась вплоть до сохранившейся части плитняковой стенки в квадратах *D* XIII—*D* XIV. Распределение костного материала и находок не дает относительно этого никаких указаний. Как кости, так и различные предметы были разбросаны по всему этому пространству равномерно и, в общем, далеко не так часто, как в I оградке. И здесь преобладали непережженные кости, среди которых встречались только единичные пережженные.

III оградка, обнесенная с юго-запада уже упомянутой плитняковой стенкой (в квадратах *D* XIII—*D* XIV), содержала небольшое количество костей, и только в западной части ее, на площади примерно в 4 м^2, остатки трупоположений лежали чрезвычайно густо. Эта оградка была также бедна могильным инвентарем.

Лучше всего сохранились и, повидимому, тщательнее всего были выстроены IV, V и VI оградки (табл. VI:1). Все они были огорожены стенками, сложенными из известняковых плит. Первой из них была, несомненно, сложена средняя, V оградка, на что указывают ровные с внешней стороны стенки этой оградки и наличие явной скважины между углами этой оградки и пристроенными к ней стенками IV и VI оградок. V оградка была совершенно замкнута и частично заполнена валунами. Возле северо-восточной стенки этой оградки был расположен ряд валунов таким образом, что их внутренняя, т. е. юго-западная, сторона образовала более или менее прямую линию. IV оградка была огорожена на юго-западе широкой стенкой, при сооружении которой, повидимому, имелось в виду придать ей ровную с обеих сторон поверхность. С юго-восточной

стороны эта оградка была не совсем замкнутой. На северо-западе IV оградка, очевидно, заходила немного дальше, чем V оградка, на что указывают некоторые плиты, ограничивающие эту оградку с северо-запада. С северо-востока к V оградке была пристроена VI оградка, замкнутая со всех сторон и отчасти заполненная валунами. Все эти три оградки содержали много непережженных костей и могильного инвентаря.

К VI оградке примыкала с северо-востока VII оградка, конструкция которой, однако, далеко не так ясно выражена. Северо-восточную стенку VII оградки образуют известняковые плиты, уложенные в один ряд, но со значительными промежутками (табл. VI:2). Наличие предметов могильного инвентаря в промежутках между этими плитами указывает, возможно, также на то, что здесь уже строго не придерживались оградочной конструкции. С северо-запада эта оградка была обнесена стенкой длиной в 1,25 м, сложенной под тупым углом к указанному выше ряду плит. VII оградка содержала по преимуществу непережженные кости. Дальше к VII оградке примыкала VIII оградка, окаймленная с северо-востока невысокой, но все же очень четко различимой плитняковой стенкой, возле которой с внутренней стороны был еще и ряд валунов. Эта оградка отличалась своей шириной. С северо-запада она была окаймлена единичными плитами. Она содержала значительное количество пережженных костей и могильного инвентаря.

VII и VIII оградки отличаются от обычного типа оградок тем, что они огорожены с юго-востока не плитняковой стенкой в собственном смысле, а нагромождением необычайно крупных плит, стоявших без всякого порядка ребром или чаще в наклонном положении. Здесь что перед нами не только краевая насыпь, но и сооружение, огораживающее оградку. На это указывает как частая укладка самих плит при почти полном отсутствии земли между ними, так и довольно редкое наличие между ними костей и вещей. С других сторон к могильнику примыкала обычная краевая насыпь, содержавшая местами довольно много вещей.

Если оградки могильника *C* в Ябара были выстроены более или менее одновременно, то в могильнике *B* можно проследить последовательное сооружение оградок одной за другой.

Самые западные оградки этого могильника (I—II) соответствуют по своему инвентарю оградкам могильника *C* и относятся к тому же времени. От юго-западной стенки I оградки сохранилось только несколько плит (на грани квадратов XVIII/XIX—*B*/*C*), не дающих возможности судить о характере этой стенки. Северо-восточная стенка, сохранившаяся в южной своей части, имела ровную поверхность с наружной стороны; следовательно, I оградка была, повидимому, в свое время выстроена отдельно от оградок, расположенных от нее на восток. Не исключена возможность, что с запада к I оградке примыкала еще одна оградка в районе находок №№ 1—6, где встречались и кости.

I оградка вместе с участком на юго-запад от нее содержала: две глазчатые фибулы южнобалтийской серии (7, 23, типа рис. 13:*5*, *6*), два браслета с шишечками на концах (24, 14, рис. 16:*2*), фрагмент широкого выпукло-вогнутого браслета (ножного?) (19, рис. 16:7), три замкнутых массивных перстня (10, 18, 26, рис. 16:*5*), фрагмент железного косаря (20, рис. 16:*3*) и спиральные перстни. Это совершенно такой же могильный комплекс, какой мы видели в оградках могильника *C*, и на основании которого мы можем и I оградку могильника *B* датировать II веком н. э. (преимущественно второй половиной II в.). Кроме того, здесь найден еще небольшой, хорошо сохранившийся железный втульчатый топор (8, рис. 16:*4*). Можно полагать, что железные топоры были в это время

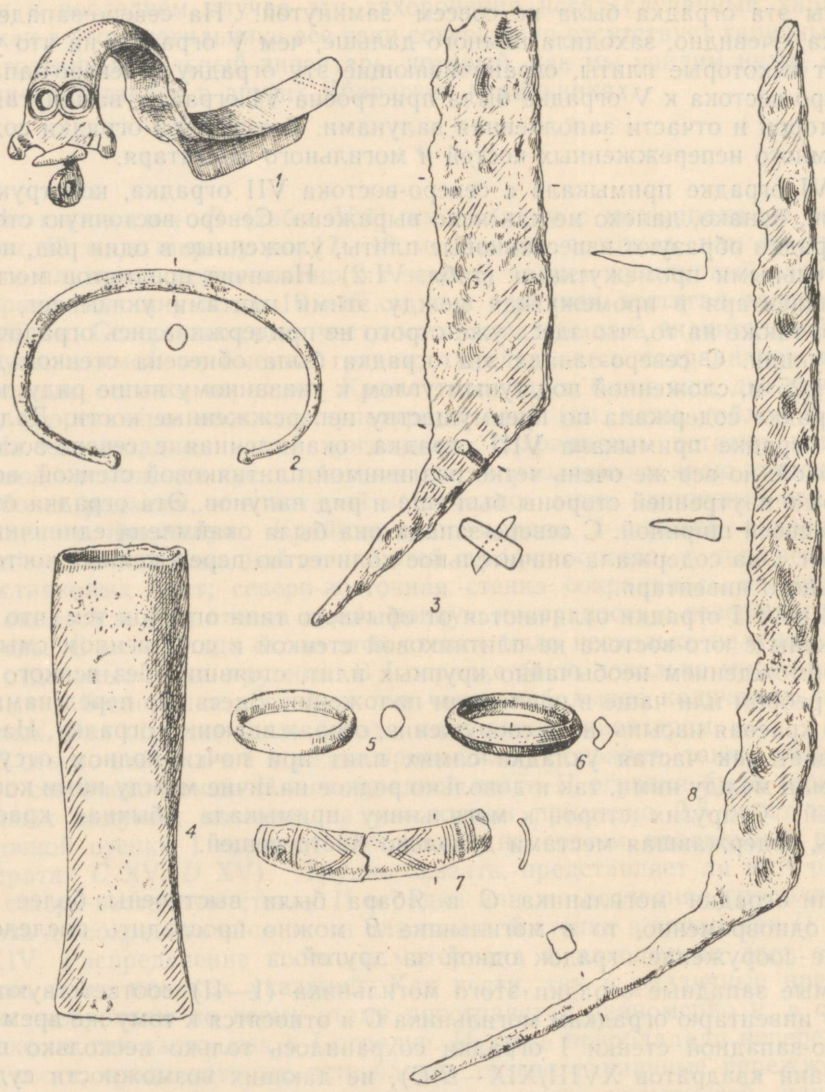


Рис. 16. Вещи из могильника *B* в Ябара (ИИ 3172). *1* — глазчатая фибула (31); *2* — браслет (24); *3* — косарь (20); *4* — втульчатый топор (8); *5—6* — перстни (10, 18); *7* — фрагмент браслета (19); *8* — косарь (34). *1, 2, 5, 6, 7* — из бронзы; *3, 4, 8* — из железа. *2—7* — из I оградки. *1, 8* — из II оградки. $^2/_3$ нат. вел.

уже обычными орудиями труда, но в могилу их клали редко, как и орудия производства вообще. Объяснение этому явлению приходится, можеть быть, видеть в том, что в могилу клали обыкновенно только личные вещи покойного (его украшения, нож, который он носил при себе, и пр.), в то время как более крупные орудия труда, как, например, топоры, являлись еще собственностью семейного коллектива. Однако не исключена возможность, что редкая встречаемость орудий труда в могильниках Эстонии объясняется какими-нибудь особыми представлениями, связанными с ритуалом погребения. Вследствие малочисленности соответствующего материала остается пока открытым и вопрос о том, употреб-

лялись ли одновременно с втульчатыми топорами еще и узкие проушные топоры типа рис. 9:7, которые встречаются обыкновенно в сочетании с несколько более ранними предметами [1], чем ранние втульчатые топоры, включая сюда и топоры со стержнем (рис. 43:*4*). Во всяком случае, ранние втульчатые топоры (которые следует отличать от более крупных топоров асимметричной формы V—VI вв.) встречаются обыкновенно в оградках, давших и другие типичные для II в. н. э. вещи (косари, глазчатые фибулы и пр.)[2].

Среди инвентаря I оградки представляет интерес еще замкнутый перстень (18, рис. 16:*6*), довольно узкий и массивный, но имеющий на внутренней стороне узкий желобок. Повидимому, этот перстень представляет собой вариант массивных перстней, предшествующий полым перстням. Очень характерно, что в I и II оградках, кроме этого, имелись только массивные замкнутые перстни (например, 10, 26, рис. 16:*5*), тогда как полые совершенно не встречались. Последние, по всей вероятности, следует считать более поздними, чем инвентарь I и II оградок.

Могильный комплекс II оградки соответствует комплексу I оградки: две глазчатые фибулы (27, 31, рис. 16:*1*); косари (32, 34, 35, рис. 16:*8*); фрагмент железного шила (40); замкнутый массивный перстень (28). Как непережженных костей, так и могильного инвентаря здесь было меньше, чем в I оградке. Так как II оградка была с обеих продольных сторон огорожена стенками, ровными с внутренней стороны, то можно полагать, что эта оградка возникла путем соединения I и III оградок, подобно тому, как в могильнике С между VIII и X оградками возникла IX оградка. II оградка содержала, помимо глазчатой фибулы южнобалтийской серии (27), глазчатую фибулу основной серии (31, рис. 16:*1*), типологически более раннюю, чем найденные в I оградке фибулы. Наконец, можно еще отметить, что в краевой насыпи возле II оградки найдены некоторые фрагменты глазчатых фибул (29, 30), что указывает на возникновение в данном случае краевой насыпи одновременно с самой оградкой.

III оградка дала материал, необычный для исследованных до сих пор могильников в Ябара, но знакомый нам уже из слоя с трупоположением могильника в Тойла, который был датирован выше I веком или началом II в. н. э. Сюда относится ряд железных булавок с кольцеобразной головкой (42, 45, 47, 49, 60, 61, рис. 17:*1—2*) и несколько ножей с выпуклой спинкой (43, 44, рис. 17:*3—4*). Большинство этих вещей найдено в южной части III оградки, где было много непережженных костей.

Конструкция этой оградки остается несколько загадочной. Юго-западная стенка ее сравнительно коротка, а у северного конца этой стенки, где можно было бы ожидать либо продолжение ее, либо угол, на деле имеется участок с обильным содержанием костей и вещей, продолжающийся к западу вплоть до ямы от выемки гравия. Возникает вопрос, не находился ли здесь до постройки оградок какой-нибудь небольшой, более ранний каменный могильник, форма которого нам неизвестна. В III оградке найдены и некоторые более поздние вещи: бусина с позолотой (57), браслет сегментарного сечения с линейным и точечным орнаментом (56, рис. 17:*6*), пинцетка (59), булавка с розетковидной головкой (55, рис. 17:*7*) и арбалетная фибула (58, рис. 17:*8*).

Особый интерес представляют оба последних предмета. Они дати-

---

[1] См. стр. 40—41.

[2] Например, в могильниках в Ярве и Трийги, см. Hausmann, Grabfunde, табл. I:44; IV:18.

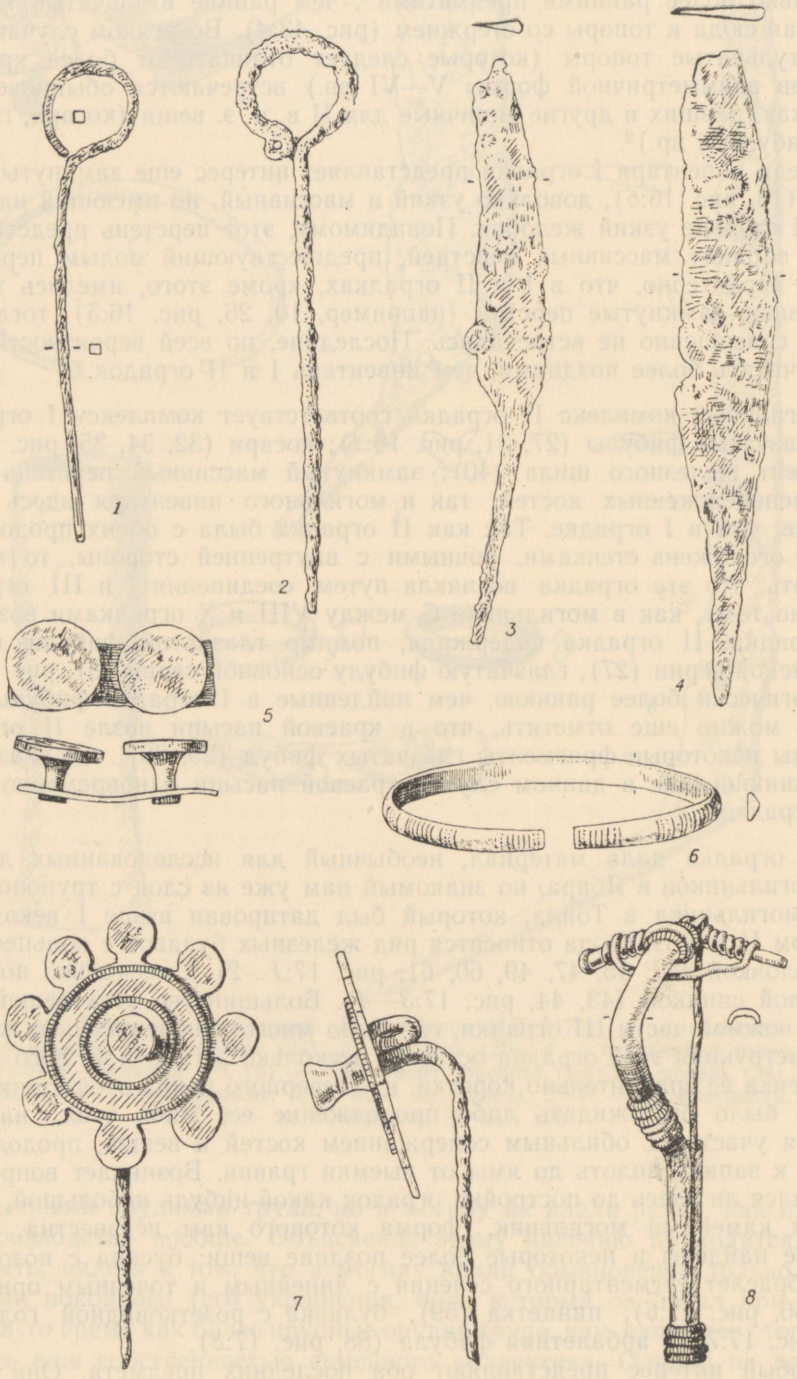


Рис. 17. Вещи из могильника *B* в Ябара (ИИ 3172). *1—2* — булавки (47, 45); *3—4* — ножи (44, 43); *5* — бляшка (51); *6* — браслет (56); *7* — булавка (55); *8* — арбалетная фибула (58). *1, 5, 6, 8* — из бронзы; *7* — из бронзы и железа, *2—4* — из железа. Все из III оградки. $^2/_3$ нат. вел.

руются IV столетием и относятся, следовательно, к значительно более позднему времени, чем остальной инвентарь из III оградки. Как булавка с розетковидной головкой (рис. 17:*7*), так и арбалетная фибула, украшенная колечками из испещренной поперечными желобками проволоки (рис. 17:*8*), являются формами, типичными для западных районов Литовской ССР, а также для юго-западной части Латвийской ССР [1]. Булавка с розетковидной головкой уникальна для территории Эстонской ССР и, несомненно, была завезена сюда с только что упомянутых юго-западных территорий. Арбалетные фибулы типа рис. 17:*8*, правда, встречаются и в некоторых других каменных могильниках Эстонской ССР, но все же они являются весьма редкими по сравнению с другими типами арбалетных фибул. Поэтому скорее всего можно полагать, что и фибула (рис. 17:*8*) попала сюда тем же путем, как и булавка. Оба эти предмета найдены вблизи северо-восточной стенки III оградки, на расстоянии 1,5 м друг от друга. Аналогичный случай захоронения вещей неместного производства возле стенки оградки в более позднее время, чем время использования самой оградки, мы отметили в отношении подковообразной фибулы и булавки (рис. 15:*1*, *2*) из могильника *С*.

Особую группу представляют собой оградки IV—VI. Как показывает характер стенок, первой была построена совершенно замкнутая V оградка, стенки которой хорошо сохранились. К ней пристроена с северо-востока VI оградка, северо-западная и юго-восточная стенки которой являются продолжением соответствующих стенок V оградки. Кажется, будто стенки V и VI оградки были выстроены или по крайней мере запланированы сразу. Юго-западная, IV оградка, несомненно, была пристроена позже. Ее северо-западная стенка не является непосредственным продолжением соответствующей стенки V оградки, но проходит несколько севернее, тогда как юго-восточная стенка IV оградки заходит несколько внутрь по сравнению с той же стенкой V оградки. С юга IV оградка отчасти открыта. Заслуживает внимания широкая западная стенка IV оградки, имеющая ровные поверхности с обеих сторон. Как мы увидим в последующем, такая конструкция стенки встречается и в некоторых других могильниках, например в I могильнике в Кохтла-Ярве (табл. XI), в Оявески (рис. 35) и др. Однако такую стенку получали не путем придания плитам определенной, прямоугольной формы, а ее складывали, как и обыкновенные более узкие стенки, из плит разной формы и разной величины, укладывая их в два ряда, вследствие чего такие стенки и приобретали значительную ширину.

В инвентаре IV—VI оградок уже совершенно отсутствуют описанные выше типичные для оградок II в. вещи, как, например, глазчатые фибулы, браслеты с шишечками на концах, косари (типа рис. 16:*3*, *8*) и пр. Единственными предметами, общими для группы оградок IV—VI и более ранних оградок, являются плоский браслет с прямоугольным сечением (87) типа рис. 12:*5* из IV оградки и несколько массивных замкнутых перстней (141 и 144 из V оградки). Нет сомнения, что эти формы украшений могли бытовать и после II столетия. В IV—VI оградках все же преобладают широкие полые перстни (рис. 19:*23*), развившиеся из узких массивных перстней и вошедшие в обиход на рубеже II и III вв. Эти перстни употреблялись преимущественно в III веке, а особенно широкие экземпляры еще и в IV веке [2].

К числу наиболее ранних вещей из группы оградок IV—VI относится

---

[1] Moora, EZL II, стр. 132—133; 196—200; Gaerte, W., Urgeschichte Ostpreussens, Königsberg i. Pr. 1929, рис. 170.

[2] Moora EZL II, стр. 457.

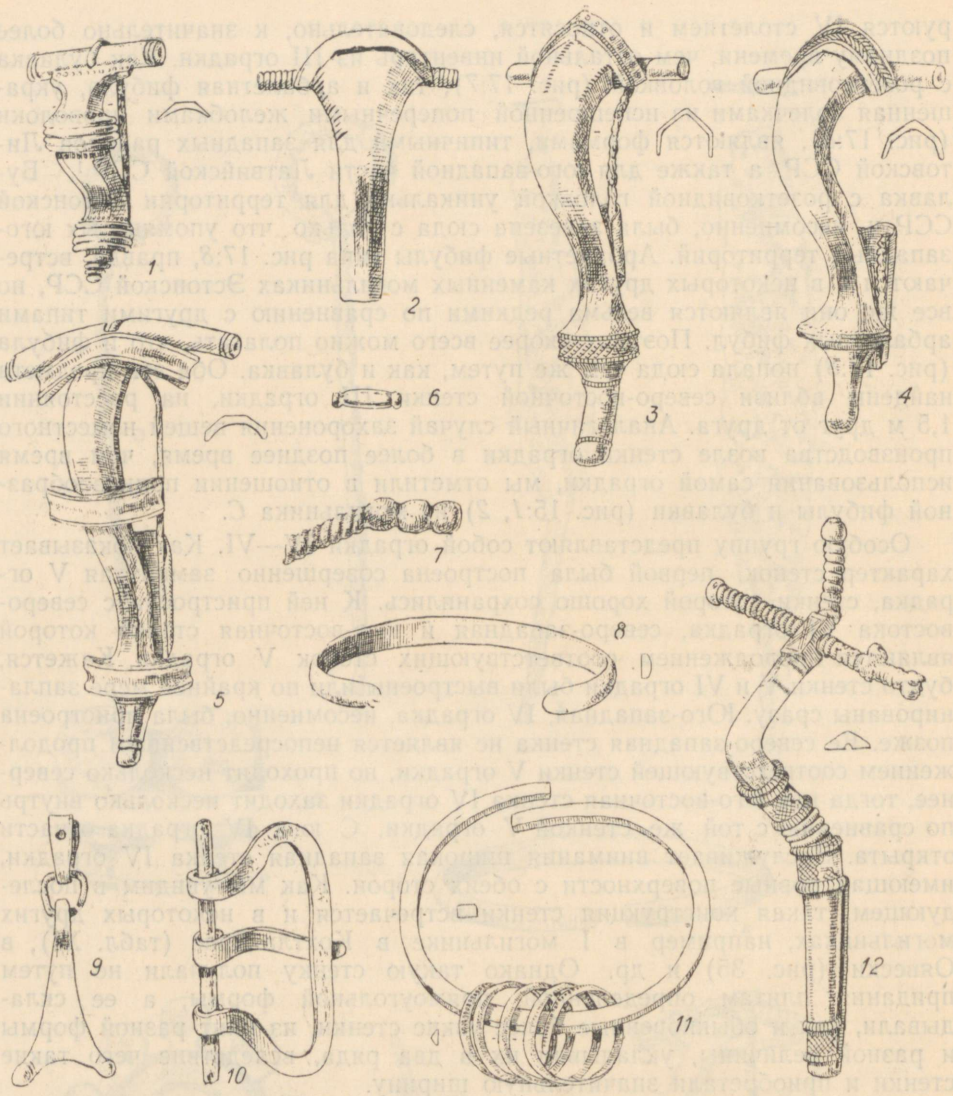


Рис. 18. Вещи из могильника *B* в Ябара (ИИ 3172). *1* — профилированная фибула (211); *2—4* — фибулы с расширенной головкой (205, 130, 164); *5* — перекладчатая фибула (123); *6* — стеклянная бусина с позолотой (113); *7* — фрагмент ожерелья: железная проволока, обмотанная бронзовой, с нанизанными бронзовыми бусинами (151); *8* — браслет (125); *9* — привеска (169); *10* — пряжка (168); *11* — браслет с нанизанным на него перстнем (125); *12* — арбалетная фибула (64). *6* — из IV оградки, *7* — из V оградки, *2* — из VI оградки, *1, 3—5, 8, 11* — из юго-восточной краевой насыпи, *9, 10, 12* — из северо-западной краевой насыпи. $^3/_5$ нат. вел.

небольшая фибула с расширенной головкой (VI оградка), прямой ножкой и граненой дужкой (205, рис. 18:*2*). Этот экземпляр представляет собой раннюю ступень фибул с расширенной головкой и прямой ножкой, которые особенно широко распространены в окрестностях городов Пайде и Тюри, но встречаются также и на территории северо-восточной Эстонии. Наша фибула невелика по размерам и имеет непокрытую спиральку; у более поздних фибул этого типа вместо спиральки появляется трубочка для оси (рис. 18:*3*, *4*). Наша фибула (рис. 18:*2*) может относиться к

1. Могильник *B* в Ябара с северо-запада.

2. Могильник *C* в Ябара. IV оградка с запада. На заднем плане плитняковая стенка между IV и V оградками.

1. Могильник *B* в Ябара. Оградки IV—VI с севера.

2. Профиль культурного слоя в могильнике *B* в Ябара с востока. На первом плане плиты стенки между VII и VIII оградками.

Могильник *B* в Ябара. *1* — плита известняка; *2* — валун; *3* — металлический предмет; *4* — керамика; *5* — край ямы; *6* — известняковая щебенка

рубежу II и III вв. и является одновременной с узкими массивными и, может быть, также с ранними полыми перстнями. Принимая во внимание, что узкие перстни (144, 141) встречаются в V оградке, а в VI оградке найдена только что описанная фибула с расширенной головкой, можно считать, что V и VI оградки возникли более или менее одновременно, а именно в конце II или в самом начале III в. н. э.

Из инвентаря IV оградки ко II—III вв. следует отнести маленькие бляшки-скобочки (116, 101, типа рис. 19:7, 29:2), встреченные также и в более восточных оградках. В Калининградской области такие бляшки обнаружены в могилах II—III вв. в положении, указывающем на их принадлежность к головному убору [1].

Во всех этих трех оградках найдено значительное количество бус с позолотой, как одинарных, величиной с горошину, так и двойных. Только одна бусина с венчиками у отверстий имеет продолговатую форму (113, рис. 18:*6*). Такие бусы встречаются обыкновенно по несколько штук на небольшом расстоянии друг от друга, поэтому можно полагать, что они входили в состав одного и того же ожерелья. Эти бусы изготовлялись в римских провинциях, откуда они попадали к племенам Северной Европы путем межплеменного обмена.

Хотя каменные могильники, характеризующиеся коллективным способом погребения, и не допускают точной датировки инвентаря, все же обращает на себя внимание полное отсутствие таких бус в оградках, содержавших типичный инвентарь II века, как, например, в оградках могильника *С* в Ябара. Зато бусы с позолотой встречаются в северо-восточной Эстонии чаще всего в сочетании с вещами III—IV вв., например, вместе с арбалетными фибулами (в VII и VIII оградках могильника *В*).

В общем же кажется, что у племен северной Эстонии бусы были в обиходе реже, чем у племен южной Эстонии и северной Латвии. Это относится и к бронзовым бусам. Последние носились часто нанизанными на железный обруч, причем такое ожерелье состояло или только из одних бус, или же бусы чередовались со спиральками и различными привесками. В материале, полученном из Эстонии, такого ожерелья целиком не сохранилось, но один прекрасный экземпляр имеется из Смилтене, Латвийской ССР [2]. В могильнике *В* в Ябара найдены фрагменты такого ожерелья, а именно: нанизанные на железную проволоку бронзовые спирали и тройная бусина (151, рис. 18:*7*) из V оградки, а также бусина (73) и спиралька на железной проволоке (94) из IV оградки. На основании латвийского материала эти ожерелья можно датировать III—IV столетием. Интересно отметить, что ожерелья, похожие на только что описанные, встречаются также и в Рязанских могильниках того же времени [3].

В V и VI оградках, кроме того, найдены фрагменты браслетов с сегментарным сечением типа рис. 18:*8*. Такие браслеты, но обыкновенно более узкие, встречаются в единичных случаях уже в более ранних могильниках, например в Тойла, но наиболее типичными они являются для могильников III—IV вв. Упомянутые фрагменты из V и VI оградок (216, 155), ширина которых достигает 8 миллиметров, носят следы преднамеренной порчи: один свернут в кольцо величиной с перстень, а другой

---

[1] Gaerte, Urgesch. Ostpr., рис. 146:b, e.

[2] Katalog der Ausstellung zur Konferenz baltischer Archäologen in Riga 1930. Riga 1930, табл. 14:2. Moora, EZL II, стр. 353—356.

[3] Ефименко П., Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. Материалы по этнографии, т. III, вып. I, Л., 1926, рис. 1:17, стр. 67. Спицын А. А., Древности бассейнов рек Оки и Камы, вып. I, МАР 25, С.-Петербург, 1901, табл. X:5, 7 и др.

согнут вдвое. Обычай преднамеренной поломки и порчи вещей, связанный, повидимому, с какими-то религиозными обрядами, наблюдается часто на могильном инвентаре северо-восточной Эстонии именно в III и IV вв. нашей эры.

Наконец, в V оградке была еще найдена тетива арбалетной фибулы (142, типа рис. 19:*9*). Как мы увидим ниже, такие фибулы датируются периодом не раньше IV века. Таким образом, группа оградок IV—VI использовалась беспрерывно примерно от конца II в. и по крайней мере до конца IV века.

Заслуживают внимания некоторые предметы, обнаруженные в краевой насыпи, примыкающей с юго-востока к IV оградке. Кроме значительного числа бус с позолотой, спиральных перстней и нескольких браслетов, здесь была найдена большая перекладчатая фибула (123, рис. 18:*5*), покрытая красивой блестящей патиной. Такую же патину имеет и найденный рядом с этой фибулой браслет с четырехгранным сечением (125, рис. 18:*11*). Можно полагать, что эти вещи захоронены одновременно. Без химического анализа, однако, невозможно определить, имеем ли мы здесь дело с особым составом металла, или же эта патина зависит от какого-нибудь случайного свойства почвы в этом месте. Указанная перекладчатая фибула (рис. 18:*5*) датируется IV веком [1]. Немного южнее, все у той же IV оградки, найдена большая фибула с расширенной головкой (130, рис. 18:*3*), относящаяся к тому же времени. Эти вещи являются, таким образом, несколько более поздними, чем сама IV оградка, которую мы выше датировали III столетием.

В юго-восточной краевой насыпи против V оградки, помимо полого перстня и бусины с позолотой, типичных для самой оградки, найдена также фибула с расширенной головкой (164, рис. 18:*4*), несколько более раннего типа, чем описанная выше. Здесь краевая насыпь соответствует по времени самой оградке.

Сравнительно ранние вещи дала краевая насыпь возле VI оградки, которую мы датировали III столетием. В юго-восточной краевой насыпи этой оградки найдена ранняя перекладчатая фибула (211, рис. 18:*1*) III века, соответствующая по времени инвентарю самой оградки [2]. Из северо-западной краевой насыпи происходит фрагмент дисковидного ножа (166). На территории северо-восточной Эстонии было найдено всего два экземпляра таких ножей, один в Пуртсе-Матка (рис. 40:*6*), другой в Ярве [3]. Подобные ножи встречаются в большом количестве в Нижнем Привисленье, начиная со времени позднего Латена, а также еще и в первом веке н. э. [4]. Как нож из Ярве, так и экземпляр из Пуртсе были найдены в частях могильников, содержавших типичный инвентарь II века — глазчатые фибулы, браслеты с шишечками на концах и пр. Должно быть и фрагмент ножа из Ябара следует отнести к этому же времени. Во всяком случае он несколько древнее инвентаря VI оградки и по времени соответствует скорее инвентарю I—III оградок. Можно полагать, что эта вещь попала при постройке оградок в краевую насыпь IV оградки из какой-нибудь другой, более ранней части могильника.

---

[1] Moora, EZL II, стр. 88. Фибула изображена там же, рис. 19:8.
[2] Moora, EZL II, стр. 87—88, рис. 19:2.
[3] Hausmann, Grabfunde, табл. 1:42.
[4] Anger, Rondsen, табл. 18:1—3; Kostrzewski, J., Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit I. Mannus-Bibliothek 18, Leipzig 1919, стр. 149. Наличие этих ножей в мужских погребениях дало повод толковать их как бритвы. Однако И. Костржевский указывает тут же на наличие такого ножа в одной женской могиле, что делает это толкование сомнительным.

VII и VIII оградки пристроены одна за другой к VI оградке с северо-востока. По своей структуре они отличаются от предыдущих оградок. В то время как IV—VI оградки, особенно две последние, относятся к числу наиболее тщательно сложенных оградок могильников северо-восточной Эстонии (табл. VI:1), VII и VIII оградки сложены довольно небрежно (табл. VI:2). По площади эти оградки больше, чем оградки V и VI.

Схожие между собой по конструкции оградки VII и VIII все же отличаются друг от друга характером инвентаря.

В инвентаре VII оградки имеется еще много сходных черт с инвентарем IV—VI оградок. Здесь, кроме большого числа спиральных перстней, найдено несколько полых перстней (306, 329), а также узкий довольно массивный перстень с желобком на внутренней стороне (267, типа рис. 16:*6*). Но было бы ошибочно датировать на основании этого перстня возникновение VII оградки II столетием, так как все остальные обнаруженные здесь предметы, как и сама конструкция этой оградки, говорят за более позднее время. К числу редких вещей относится широкий перстень с волнистой поверхностью (263, рис. 19:*24*).

Как в предыдущих оградках, так и здесь было много стеклянных бус с позолотой, кроме того одна граненая бусина из темносинего стекла и целый ряд бронзовых бус [1]. В противоположность бронзовым бусам из предыдущих оградок, в этих бусах нет железной проволоки, поэтому можно полагать, что они носились нанизанными на нитку из органического волокна.

В VII и VIII оградках имеются маленькие бляшки (311, 319, рис. 19:*1*), аналогичные бляшкам из VI оградки. В краевой насыпи здесь найдена большая прямоугольная поясная (?) бляшка, украшенная выпуклым линейным орнаментом и бугорками (346, рис. 20:*1*). Фрагмент такой же бляшки происходит из VIII оградки (422). Наиболее близкая аналогия этим бляшкам имеется из могильника в Тюрсамяэ [2].

Найденные в VII и VIII оградках браслеты принадлежат большей частью к простым типам браслетов с сегментарным или выпукло-вогнутым сечением (рис. 19:*15*, 20:*4*, *5*)[3]. Из них браслет № 269 (рис. 20:*5*) представляет интерес тем, что на него нанизано два перстня: спиральный и с пластинчатыми концами (IV—V вв.), что указывает на сосуществование всех этих предметов. Браслет № 279 относится, судя по его покатой наружной поверхности, к числу браслетов, носимых группами (ср. рис. 23:*5*, *7*), и датируется III—IV вв. Такими браслетами особенно богат могильник *E* в Ябара.

В VII оградке было найдено несколько фрагментов спиралей арбалетных фибул с сохранившимися остатками тетивы. Один такой фрагмент (324) был найден в южной части VII оградки и три (430, 433, 434) — на стенке между VII и VIII оградками. То обстоятельство, что эти фибулы были положены в могильник в виде небольших фрагментов, показывает, что они не могли служить принадлежностью одежды покойника, тем более, что три фрагмента лежали на самой стенке оградок. Таким образом, эти фрагменты, как очевидно и целый ряд других предметов, были положены в могильник независимо от украшений, находившихся при самом покойнике. Кроме фрагментов спиралей арбалетных фибул, датируемых IV веком, VII оградка содержала еще две спирали какого-то иного типа фибул (303, 435), может быть фибул с расширенной головкой.

---

[1] №№ 217, 226, 284, 310, 317.
[2] ИИ 2012:I 74.
[3] №№ 266, 269, 504, 507, 520, 522, 624.

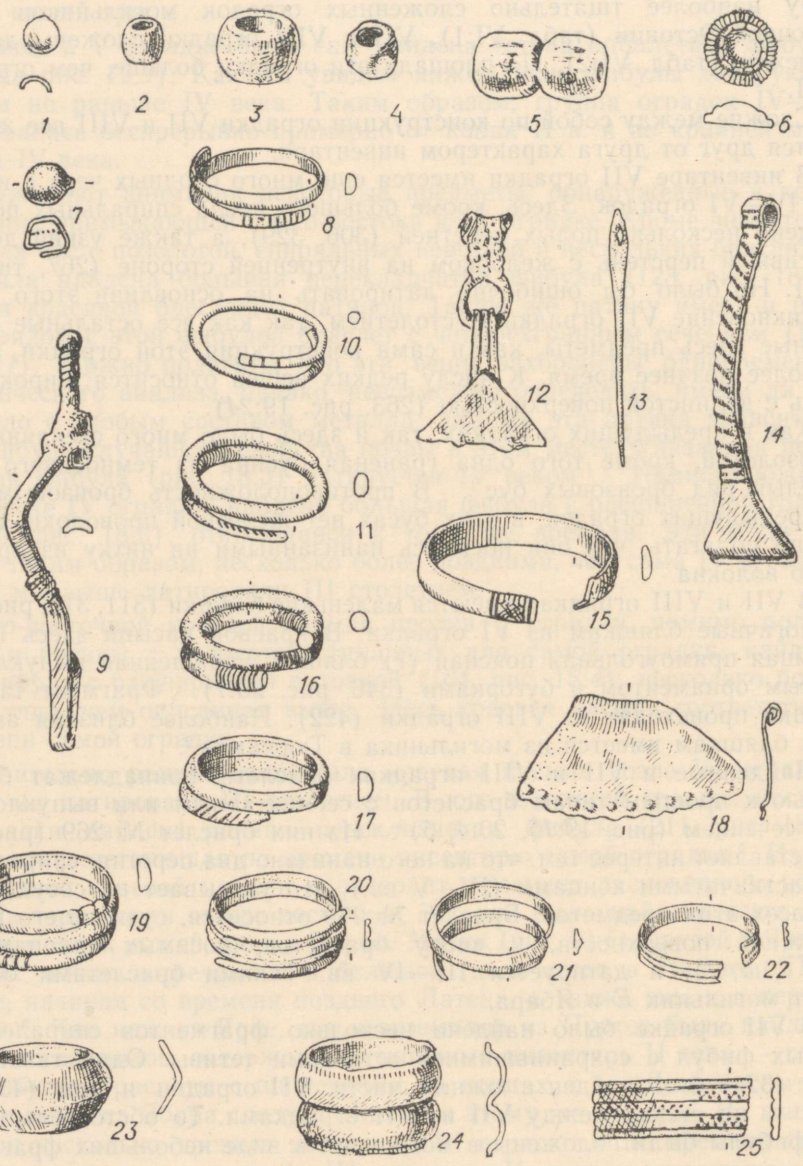


Рис. 19. Вещи из могильника *B* в Ябара (ИИ 3172). *1* — бляшка (319); *2—5* — стеклянные и бронз. бусины (284, 226, 615, 429); *6* — бляшка с глазком из синего стекла (361); *7* — бляшка-скобочка (481); *8* — перстень (622); *9* — дужка арбалетной фибулы (371); *10—11* — перстни (417, 229); *12* — привеска (445); *13* — швейная игла (423); *14* — пинцетка (333); *15* — браслет (520); *16—17* — перстни (407, 234); *18* — бляшка (459); *19—24* — перстни (469, 476, 597, 595, 572, 263); *25* — фрагмент браслета (425). *1—3, 11, 14, 17, 24* — из VII оградки, *4—10, 12, 13, 15, 16, 18, 19, 20, 25* — из VIII оградки, *21—23* — из краевой насыпи. 4/5 нат. вел.

В могильном инвентаре VIII оградки очень часты арбалетные фибулы с обернутой ножкой. Однако ни одна из этих фибул не дошла до нас цельной. В десяти случаях от них сохранилась дужка [1] (рис. 19:*9*), а в пяти случаях — фрагменты спирали или тетивы [2]. Кроме одного экземпляра (451), все эти фибулы имеют на головке длинный обмотанный проволокой шип, заканчивающийся кругловатой пуговкой. Найденные в Ябара (в могильниках *B* и *E*), как и вообще в северо-восточной Эстонии, арбалетные фибулы обыкновенно невелики размерами и очень изящны. Поверхность дужки чаще всего граненая и при переходе к ножке образует четырехугольную площадку. Спираль и тетива сделаны из очень тонкой, в сечении круглой или сегментарной проволоки. Булавка у них, судя по сохранившимся экземплярам, обыкновенно железная, что вообще является типичным для находимых на территории Эстонской ССР фибул первой половины I тысячелетия н. э. Это явление объясняют обыкновенно как древний способ починки фибул. Однако исключительная редкость наличия бронзовых булавок у названных фибул делает это объяснение сомнительным. Изготовление железных булавок из местной руды являлось, может быть, одним из способов сбережения привозной бронзы. Такая же цель, возможно, преследовалась в III—V вв. при изготовлении некоторых других украшений (например, поздних глазчатых фибул), которые отличались тем, что при больших размерах делались очень тонкими (рис. 24:*1*, *5*, *6*).

Арбалетные фибулы с обернутой ножкой и обвитыми проволокой удлинениями спиральки и таким же шипом на головке принадлежат к числу наиболее распространенных фибул в северо-восточной Эстонии, где их, включая фрагменты, найдено примерно в три раза больше, чем по всей остальной Эстонии. В одних только могильниках в Ябара найдено их 32 экземпляра (помимо вышеперечисленных из могильника *B*, еще целый ряд из могильника *E*, см. ниже). За пределами территории Эстонской ССР они представлены в нескольких экземплярах в Финляндии, а также на территории распространения каменных могильников в северной Латвии и, наконец, в ограниченном числе в Калининградской области [3]. В значительном количестве эти фибулы найдены в больших могильниках Привисленья, откуда, повидимому, первые фибулы этого типа были привезены в северо-восточную Эстонию тем же морским путем, каким несколько раньше были завезены и некоторые типы глазчатых фибул [4]. Однако несомненно, что подавляющее большинство находимых на территории Эстонии арбалетных фибул с обмотанными спиралькой шипами изготовлено на месте. Эти фибулы по сравнению с фибулами из Привисленья имеют целый ряд особенностей. Одной из этих особенностей является удвоение тетивы (рис. 22:*6*), наблюдаемое часто на фибулах из северо-восточной части Эстонии, но чуждое фибулам из Привисленья. Последняя особенность свойственна некоторым арбалетным фибулам описанного типа из Приднепровья, например из Черняхова, Киевской области [5], из «городка Николаевки» на нижнем Днепре и т. д. [6], где соответствующие погребения датируются преимущественно III веком [7]. Оттуда этот тип фибул распространился в некоторой мере

---

[1] №№ 371, 389, 438, 446, 450, 451, 487, 500, 618, 623.
[2] №№ 376, 380, 416, 421.
[3] Sb. GEG 1922, стр. 81. Moora, EZL II, стр. 127—132.
[4] Congr. sec., стр. 401—402.
[5] Спицын А. А., Поля погребальных урн. СА X, М.—Л. 1948; стр. 58, рис. 3:1.
[6] Praeh. Ztschr. V, рис. 98a.
[7] Спицын, назв. раб., стр. 67.

в Силезию и в Венгрию. Хотя найденные в Приднепровье фибулы и отличаются своими пропорциями и другими деталями от фибул, типичных для могильников северо-восточной Эстонии, все же не исключена возможность, что последние развились под некоторым влиянием из Приднепровья. Это тем более вероятно, что мы имеем на северо-востоке Эстонии многочисленную и очень характерную группу украшений, указывающую на несомненные связи с Приднепровьем, а именно предметы с цветной выемчатой эмалью, на которых мы подробнее остановимся в дальнейшем.

Помимо спиральных перстней из круглой или сегментарной в сечении проволоки, найденных в большом количестве в VIII оградке, здесь преобладают браслеты. Среди последних имеются браслеты как с сегментарным (рис. 20:*4*)[1], так и с выпукло-вогнутым сечением[2]. Часть их не имеет никакого орнамента, другие же украшены на концах простыми поперечными линиями, а в одном случае также решетчатым орнаментом (520, рис. 19:*15*). Из этих браслетов многие сохранились в виде фрагментов, свернутых в колечки диаметром с перстень или несколько больше.

Далее, в VIII оградке найден фрагмент пластинчатого браслета, украшенного линиями и квадратными ямками (425, рис. 19:*25*). Такие браслеты типичны для курганов южной Латвии и встречаются довольно часто также в Литве, но по направлению к северу (северная Латвия, Эстония) становятся все реже[3]. В пределах Эстонии эти браслеты чаще встречаются в южной части, в то время как из северо-восточной Эстонии их известно всего четыре экземпляра, из них два экземпляра из Ябара (кроме упомянутого здесь фрагмента, еще один из могильника *E*). Фрагмент, найденный в могильнике *B* (рис. 19:*25*), явно относится к тонкому браслету сравнительно позднего типа, датируемого IV веком. Нахождение в могильнике только маленького фрагмента браслета указывает опять-таки на то, что это украшение не входило в состав могильного инвентаря, а положено в могилу в качестве дара покойнику.

Сравнительно редким предметом в северо-восточной Эстонии является найденная в VIII оградке бронзовая круглая бляшка с выпуклым глазком из синего стекла (361, рис. 19:*6*). Такие бляшки со вставками известны в Прибалтике на разных украшениях III—IV веков, как, например, на булавках с розетковидной головкой, на пластинчатых концах известных шейных гривен, иногда даже на фибулах[4]. Этот способ украшения особенно типичен для территории около Клайпеды, в западной Литве, где он сохранился до IX—X вв. н. э. В Эстонии такие бляшки с синим стеклышком найдены в небольшом числе на весьма ограниченной территории, несколько на юго-восток от Таллина, а именно в могильниках в Курна, Саха, Лагеди и Роотси, Харьюского района[5]. Восточнее этого района, помимо экземпляра из могильника *B* в Ябара, найдена еще только одна такая бляшка в могильнике в Оявески, Раквереского района, на крайнем западе северо-восточной Эстонии[6].

Уникальным предметом для Эстонии является тонкая треугольная привеска (445, рис. 19:*12*) с петлей из тройной проволоки. В этой петле

---

[1] №№ 483, 504, 507, 520.
[2] №№ 365, 396, 462, 492.
[3] Moora, EZL II, стр. 375—381.
[4] Gaerte, Urgesch. Ostpr., рис. 170 f.
[5] Friedenthal, Cournal, табл. 1:103—106; Spreckelsen, A., Ausgrabungen in Saage, Kirchsp. Jegelecht, Estland. Beitr. Estl. VI, Reval 1907, табл. II:143; Spreckelsen, Laakt, табл. II:48.
[6] Beitr. Estl. XX, рис. 13:36.

имеется еще другая, состоящая также из трех проволок, украшенных зернью. Техника изготовления бронзовых украшений из проволоки и зерни, чуждая не только на территории Эстонии, но и в Прибалтике вообще, имеет широкое распространение в Рязанских могильниках и на Оке. Особенно характерно здесь изготовление петель из трех рядов проволоки для различных привесок [1]. Можно полагать, что и привеска из Ябара происходит откуда-нибудь из восточной лесной полосы.

В разных частях VIII оградки найдены некоторые вещи, более поздние, чем остальной инвентарь этой оградки. Сюда относятся украшенный колечками конец спирали большой арбалетной фибулы V века (369, типа рис. 32:7) и несколько фрагментов шейной гривны (471, 473, 497, рис. 20:*3*). Последние найдены в юго-восточной части VIII оградки и происходят, должно быть, от одной гривны. Они очень тонкие и плохо сохранились. Повидимому, эта была гривна, замыкавшаяся петлей и крючком, вроде хорошо сохранившейся гривны из могильника в Пада (рис. 30:*3*). Фрагмент шейной гривны, очень похожий на фрагмент из Ябара, найден в качестве случайной находки в северо-западной Финляндии и датируется финскими археологами IV веком [2]. Однако сходство фрагментов гривны из VIII оградки могильника в Ябара с гривной из Пада, которую едва ли можно датировать раньше чем V—VI вв. (см. ниже), заставляет отнести и эти фрагменты по крайней мере к V веку.

Если сравнить инвентарь VIII оградки в целом с инвентарем предыдущих оградок, то бросается в глаза отсутствие здесь более ранних предметов, как, например, всех типичных для II—III вв. фибул (глазчатых, фибул с расширенной головкой), полых широких перстней и т. д. Инвентарь VIII оградки носит весьма однообразный характер. За исключением упомянутых выше уникальных или редких вещей (бляшка со стеклянным глазком, треугольная привеска рис. 19:*12*), он состоит преимущественно из спиральных перстней, большого числа фрагментов железных изделий, очевидно ножей, стеклянных бус с позолотой и арбалетных фибул с обвитым спиралькой шипом на головке. Эти фибулы датировались до сих пор преимущественно концом III в. и IV в. [3]. Но если принять во внимание, что фибулы этого типа обыкновенно не входят в состав могильных комплексов, содержащих типичные для северо-восточной Эстонии большие полые украшения, как поздние глазчатые фибулы и фибулы с расширенной головкой, широкие полые перстни и пр., то возникает сомнение, не следует ли датировать арбалетные фибулы с обмотанным спиралькой шипом в северо-восточной Эстонии несколько более поздним периодом, чем это делалось до сих пор, а именно примерно второй половиной IV века, а может быть еще и началом V века.

На грани III—IV вв. совершилась, повидимому, значительная перемена в погребальных обрядах коллектива, хоронившего своих покойников в могильнике *B* в Ябара, а именно, переход от трупоположения к трупосожжению, которое в оградках предшествующего периода встречалось только спорадически. Все же и в VIII оградке найдено небольшое количество непережженных костей. Далее заслуживает внимания

---

[1] Горюнова Е. И., Итоги работ муромской экспедиции. КСИИМК XXXIII, М.—Л., 1950, стр. 45; Спицын, Древн. басс. р. Оки и Камы, табл. XXIV:8; XXVII:4; Ястребов В. Н., Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. МАР 10, С.-Петербург, 1893, табл. IV:8; VIII:5 и др.; Бадер, Древн. городища, рис. 24.

[2] FM 1920—1921, стр. 38, рис. 10.

[3] Moora, EZL II, стр. 130.

то обстоятельство, что, несмотря на значительное преобладание трупосожжения в этой оградке, найденные здесь вещи не носят никаких следов огня.

В краевой насыпи, или вернее в описанном выше нагромождении больших плит, заменявших южную стенку VII и VIII оградок, найдена, помимо спиральных перстней и некоторых других вещей, арбалетная фибула с обвитым спиралькой шипом (529), которая синхронична с инвентарем самих оградок.

Краевая насыпь на северо-восточном конце могильника представляет по своему инвентарю более пеструю картину. Найденные здесь спиральные и один широкий полый перстни (572, рис. 19:*23*), браслеты с сегментарным сечением (541, 551, 600) и браслеты с покатой внешней поверхностью (537, 545), также как и подковообразное украшение с завернутыми спиралью концами (535, рис. 20:*6*), соответствуют по времени инвентарю восточных оградок могильника.

Однако восточная краевая насыпь дала и ряд вещей более позднего времени, чем типичный для оградок инвентарь. К ним относятся арбалетная фибула со звездчатой ножкой (570, рис. 20:*8*), три пластинчатых браслета с низким ребром посередине (553, 562 и 567, рис. 20:*9*), возможно и большой железный втульчатый топор (538). Арбалетные фибулы со звездчатой или лопатовидной ножкой очень типичны для конца V и начала VI вв. Все эти типы вещей входят в комплекс богатого инвентарем погребения из Киримяэ, Хаапсалуского района (в западной Эстонии)[1]. Это погребение относится к рубежу V—VI вв., так же как, например, и клад из Камбья, содержащий арбалетную фибулу с лопатовидной ножкой[2], и клад из Пийльси, в состав которого входит также арбалетная фибула со звездчатой ножкой[3]. Заслуживает внимания древняя починка арбалетной фибулы со звездчатой ножкой из Ябара (рис. 20:*8*). Поломанная дужка этой фибулы починена при помощи подложенной под нее пластинки. Такой способ починки встречается и у некоторых других вещей этого времени из Эстонии, например, у подковообразной фибулы из только что упомянутого клада из Пийльси[4].

Кроме того, здесь найдена шейная гривна с пластинчатыми концами (602, рис. 20:*7*), датируемая V веком[5].

Наконец, сравнительно поздняя вещь найдена еще и в северной краевой насыпи, около IV оградки, — это большая арбалетная фибула (64, рис. 18:*12*). Судя по ее величине и по способу ее украшения колечками из штрихованной проволоки, промежутки между которыми выложены тонким листом с решетчатым орнаментом, эта фибула относится к V столетию. Ее особенностью являются длинные, обвитые спиралью концы оси и такой же головной шип, необычные для арбалетных фибул, украшенных колечками. Эти детали, характерные для известных маленьких арбалетных фибул (см. рис. 25:*10*), переносились, повидимому, иногда и на фибулы иного типа (ср. также фибулу из Тырма, рис. 37:*8*).

На основании анализа материала из могильника *B* в Ябара можно сказать, что захоронения в оградках этого могильника, имевшие место начиная с I—II вв. н. э., прекратились в основном в конце IV или начале V века. Только южная часть VIII оградки использовалась, может быть, в незначительной мере еще во второй половине V века, хотя и в данном

---

1 SMYA XXXV:1, рис. 1—2, 14, 27—28. Tallgren, Zur Arch. Eestis II, рис. 1—2.
2 ERM Aastar. IX—X, стр. 213, рис. 2:3.
3 ÕES Aastar. 1933, стр. 286—287, рис. 5:3.
4 Там же, рис. 8.
5 Moora, EZL II, стр. 306, рис. 42:6.

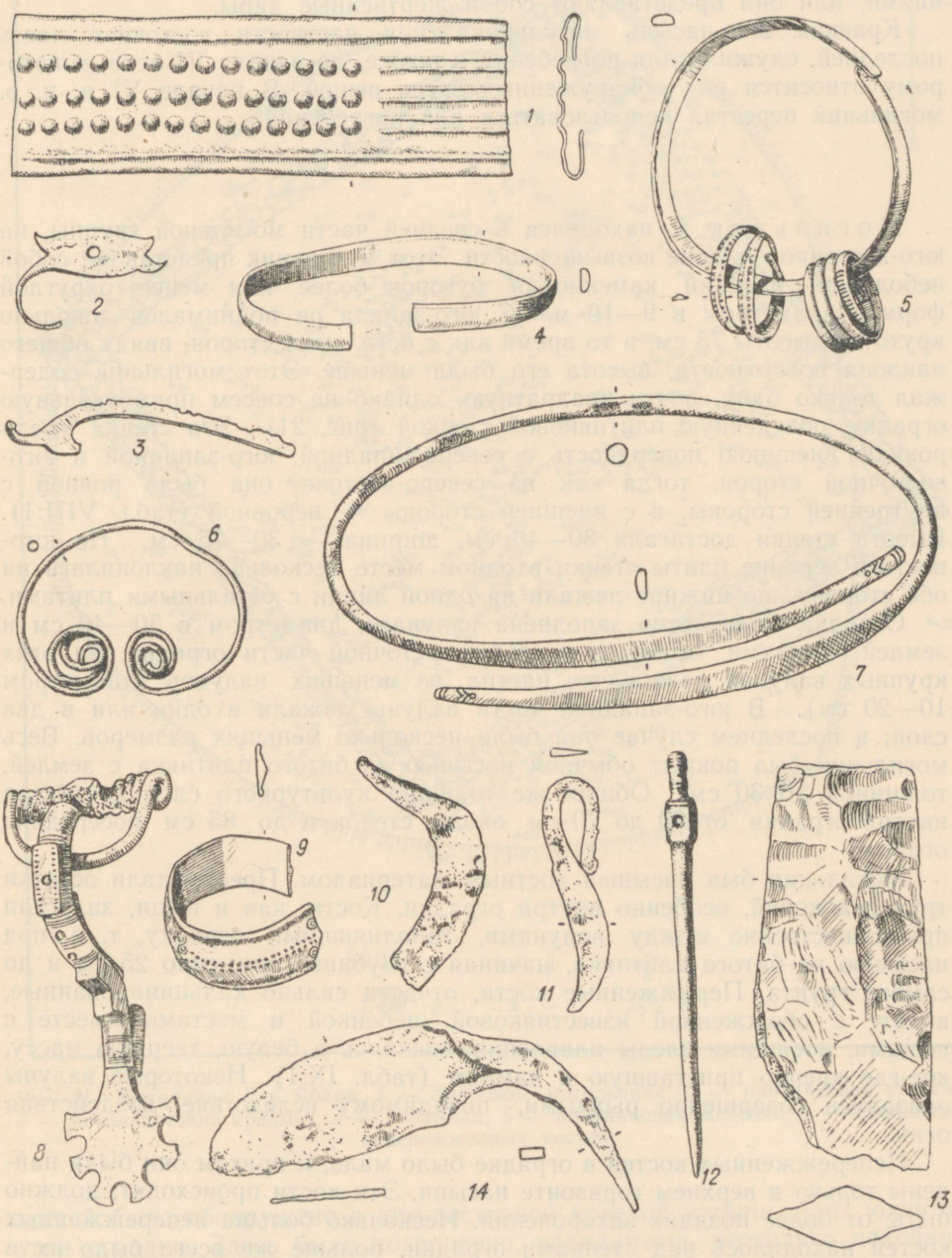


Рис. 20. Вещи из могильника *B* в Ябара (ИИ 3172). *1* — бляшка (346); *2—3* — фрагмент шейной гривны и бляшки (473); *4—5* — браслеты (507, 269); *6* — височное украшение (535); *7* — шейная гривна (602); *8* — арбалетная фибула со звездчатой ножкой (570); *9* — браслет (567); *10—11* — ножи с выпуклым лезвием (540, 512); *12* — булавка (349); *13* — кремневое долото (364); *14* — нож (601). *1—9, 12* — из бронзы; *10, 11, 14* — из железа. *5* — из VII оградки; *2, 3, 4, 11, 13* — из VIII оградки; *1, 6—10, 12, 14* — из краевой насыпи. Примерно $^3/_5$ нат. вел.

случае невозможно сказать, связаны ли найденные здесь фрагменты шейной гривны (рис. 20:*3*) и большой арбалетной фибулы с погребениями, или они представляют собой жертвенные дары.

Краевая же насыпь могильника *B*, в частности восточная часть последней, служила для погребений и позже, до начала VI века, к которому относится ряд обнаруженных здесь вещей. В начале VI в. н. э. могильник перестал использоваться для погребений.

*

Могильник E находился в средней части могильной группы, на юго-восточном склоне возвышенности. Этот могильник представлял собой небольшой плоский каменистый бугорок более или менее округлой формы, диаметром в 9—10 м. С юго-запада он поднимался довольно круто до высоты 75 см, в то время как с остальных сторон, ввиду общего наклона поверхности, высота его была меньше. Этот могильник содержал только одну, почти квадратную, однако не совсем прямоугольную оградку, обведенную плитняковой стенкой (рис. 21)[1]. Эта стенка имела ровную внешнюю поверхность с северо-западной, юго-западной и юго-восточной сторон, тогда как на северо-востоке она была ровной с внутренней стороны, а с внешней стороны — неровной (табл. VIII:1). Высота стенки достигала 30—40 см, ширина — 30—75 см. На юго-востоке верхние плиты стенки в одном месте несколько наклонилась на обе стороны, но нижние лежали на одной линии с остальными плитами.

Оградка была тесно заполнена валунами диаметром в 30—40 см и землей. Местами, особенно в северо-восточной части оградки, на этих крупных валунах лежал еще настил из меньших валунов (диаметром 10—20 см). В юго-западной части валуны лежали в один или в два слоя; в последнем случае они были несколько меньших размеров. Весь могильник был покрыт обычной насыпью из битого плитняка с землей, толщиной до 30 см. Общая же толщина культурного слоя достигала внутри оградки от 60 до 70 см около стенок и до 85 см посередине оградки.

Могильник был насыщен костным материалом. Преобладали остатки трупосожжений, особенно внутри оградки. Кости, как и вещи, залегали преимущественно между валунами, заполнявшими оградку, т. е. под насыпью из битого плитняка, начиная с глубины примерно 25 см и до самого грунта. Пережженные кости, отчасти сильно кальцинированные, вместе с обожженной известняковой щебенкой и местами вместе с вещами, носящими следы плавления, спеклись в белую, твердую массу, кое-где крепко приставшую к камням (табл. IX:1). Некоторые валуны оказались совершенно рыхлыми, повидимому вследствие воздействия огня.

Непережженных костей в оградке было мало, и притом они были найдены только в верхнем горизонте насыпи. Эти кости происходят, должно быть, от более поздних захоронений. Несколько больше непережженных костей находилось над стенками оградки, больше же всего было их в краевой насыпи. На северо-западном краю могильника были обнаружены череп и возле него арбалетная фибула (17), а также остатки нижних конечностей скелета, между которыми лежал браслет (21). Немного северо-восточнее находился другой череп. Несколько скоплений непережженных костей было в юго-западной краевой насыпи, но здесь эти кости лежали в беспорядке. Больше всего остатков непережженных

[1] ESA III, стр. 93—121.

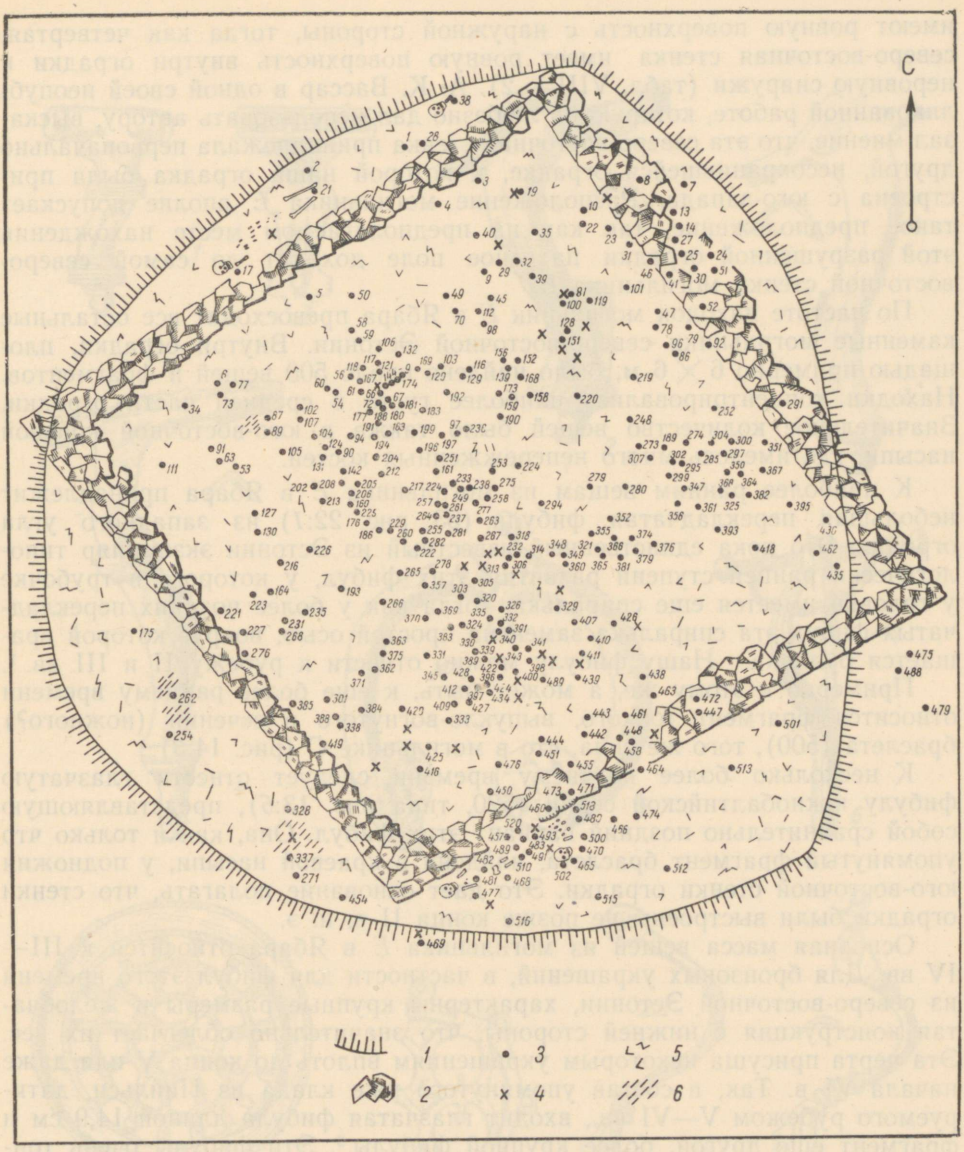


Рис. 21. Могильник *E* в Ябара. *1* — подножие могильника; *2* — плитняковая стенка; *3* — металлический предмет; *4* — керамика; *5* — плитняковая щебенка; *6* — скопление непережженных костей.

костей было обнаружено в юго-восточной краевой насыпи, близ южного угла оградки. Здесь было похоронено, повидимому, несколько покойников (остатки черепов указывали на наличие по крайней мере двух индивидов), но выделить отдельные погребения было невозможно. Непережженные кости встречались в юго-восточной краевой насыпи еще вдоль стенки оградки, по направлению на северо-восток, но реже и только в верхнем горизонте насыпи.

На юго-западном краю могильника были обнаружены кости какого-то животного.

Бросается в глаза конструкция могильника *E*, три стенки которого

имеют ровную поверхность с наружной стороны, тогда как четвертая, северо-восточная стенка имеет ровную поверхность внутри оградки и неровную снаружи (табл. VIII:1, 2). А. К. Вассар в одной своей неопубликованной работе, которую он любезно дал использовать автору, высказал мнение, что эта северо-восточная стенка принадлежала первоначально другой, несохранившейся оградке, к которой наша оградка была пристроена с юго-запада. Расположение могильника *E* вполне допускает такое предположение, так как на предполагаемом месте нахождения этой разрушенной оградки пахотное поле доходит до самой северо-восточной стенки могильника *E*.

По частоте находок могильник *E* в Ябара превосходит все остальные каменные могильники северо-восточной Эстонии. Внутри оградки, площадью примерно 6 × 6 м, было найдено около 500 вещей и фрагментов. Находки концентрировались наиболее густо в средней части оградки. Значительное количество вещей было также в юго-восточной краевой насыпи, где имелось много непережженных костей.

К наиболее ранним вещам из могильника *E* в Ябара принадлежит небольшая перекладчатая фибула (53, рис. 22:*1*) из западного угла оградки. Это пока единственный известный из Эстонии экземпляр типологически ранней ступени развития этих фибул, у которого в трубочке у головки имеется еще спиралька, тогда как у более поздних перекладчатых фибул эта спиралька заменена простой осью, вокруг которой вращается булавка. Нашу фибулу можно отнести к рубежу II и III вв. [1].

Примерно к этому же, а может быть, к еще более раннему времени относится фрагмент тонкого, выпукло-вогнутого в сечении (ножного?) браслета (500), того же типа, что в могильнике *C* (рис. 14:*3*).

К несколько более позднему времени следует отнести глазчатую фибулу южнобалтийской серии (520, типа рис. 13:*6*), представляющую собой сравнительно поздний вариант этих фибул. Она, как и только что упомянутый фрагмент браслета, найдена в краевой насыпи, у подножия юго-восточной стенки оградки. Это дает основание полагать, что стенки оградки были выстроены не позже конца II в. н. э.

Основная масса вещей из могильника *E* в Ябара относится к III—IV вв. Для бронзовых украшений, в частности для фибул этого времени из северо-восточной Эстонии, характерны крупные размеры и желобчатая конструкция с нижней стороны, что значительно облегчает их вес. Эта черта присуща некоторым украшениям вплоть до конца V или даже начала VI в. Так, в состав упомянутого уже клада из Пийльси, датируемого рубежом V—VI вв., входит глазчатая фибула длиной 14,9 см и фрагмент еще другой, более крупной фибулы [2]. Эти фибулы очень тонкие, как бы из жести. В могильнике *E* в Ябара поздние глазчатые фибулы эстонской серии представлены экземпляром № 300 (рис. 24:*2*) и двумя фрагментами, сильно деформированными воздействием огня (159, 204, рис. 24:*1*).

К концу III или началу IV в. относится профилированная фибула (74, рис. 22:*4*), найденная в западном углу оградки. Эта фибула имеет довольно крупные размеры (длина 9,2 см), желобчатую с нижней стороны дужку и железную ось в трубочке. Профилировка ее гребней несложная, и конец ее ножки напоминает ножки обычных для северо-восточной Эстонии фибул с расширенной головкой (ср. рис. 22:*2*, *3*). Все эти признаки дают основание полагать, что рассматриваемая фибула изготовлена на месте, хотя профилированные фибулы встречаются в

[1] Moora, EZL II, стр. 86—87, рис. 18:7.
[2] ÕES Aastar. 1933, стр. 287, 294—295, рис. 6:5, 10:1.

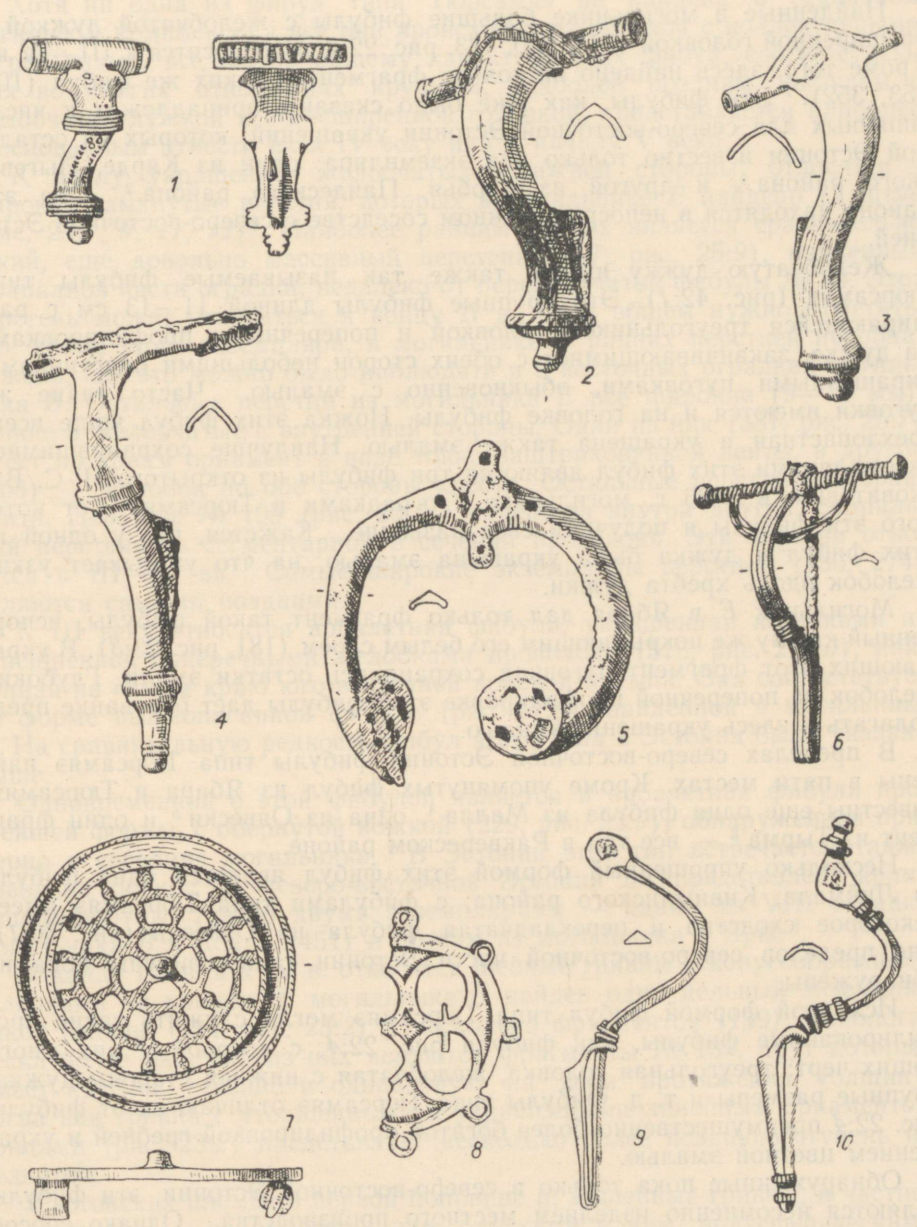


Рис. 22. Вещи из могильника *Е* в Ябара (ИИ 2604). *1* — перекладчатая фибула (53); *2—3* — фибулы с расширенной головкой (423, 350); *4* — профилированная фибула (74); *5* — подковообразная фибула с эмалью (304); *6* — арбалетная фибула (477); *7—8* — дискообразные фибулы (262, 161); *9—10* — арбалетные фибулы (229, 516). Все из бронзы. *6, 7, 10* — из краевой насыпи, остальные из оградки. Примерно $^{5}/_{8}$ нат. вел.

Эстонии сравнительно редко, и, в частности, более или менее точных аналогий нашей фибуле неизвестно ни из Эстонии, ни с ближайших соседних территорий.

Найденные в могильнике большие фибулы с желобчатой дужкой и расширенной головкой (312, 350, 423, рис. 22:*2*, *3*) относятся к III—IV вв. Кроме того, здесь найдено несколько фрагментов таких же фибул (100, 153, 352). Эти фибулы, как уже было сказано, принадлежат к числу типичных для северо-восточной Эстонии украшений, которых из остальной Эстонии известно только два экземпляра: один из Кярде, Йыгеваского района [1], и другой из Тарбья, Пайдеского района [2]. Оба эти района находятся в непосредственном соседстве с северо-восточной Эстонией.

Желобчатую дужку имеют также так называемые фибулы типа Тюрсамяэ (рис. 42:*1*). Это крупные фибулы длиной 11—13 см с расширяющейся треугольником головкой и поперечными профилировками на дужке, заканчивающимися с обеих сторон небольшими пластинками, украшенными пуговками, обыкновенно с эмалью. Часто такие же пуговки имеются и на головке фибулы. Ножка этих фибул чаще всего трехлопастная и украшена также эмалью. Наилучше сохранившимися экземплярами этих фибул являются три фибулы из открытого П. С. Висковатовым в 1896 г. могильника с оградками в Тюрсамяэ [3], от которого эти фибулы и получили свое название. Кажется, что у одной из этих фибул и дужка была украшена эмалью, на что указывает узкий желобок вдоль хребта дужки.

Могильник *E* в Ябара дал только фрагмент такой фибулы, испорченный к тому же покрывающим его белым слоем (181, рис. 23:*3*). В украшающих этот фрагмент пуговках сохранились остатки эмали. Глубокий желобок на поперечной профилировке этой фибулы дает основание предполагать и здесь украшение эмалью.

В пределах северо-восточной Эстонии фибулы типа Тюрсамяэ найдены в пяти местах. Кроме упомянутых фибул из Ябара и Тюрсамяэ, известны еще одна фибула из Малла [4], одна из Оявески [5] и один фрагмент из Тырма [6] — все три в Ракверескоm районе.

Несколько упрощенный формой этих фибул является одна фибула из Лиймала, Кивиылиского района; с фибулами типа Тюрсамяэ имеет некоторое сходство и перекладчатая фибула из Оявески (рис. 36:*1*). Вне пределов северо-восточной части Эстонии такие фибулы пока не обнаружены.

Исходной формой фибул типа Тюрсамяэ могли служить такие профилированные фибулы, как фибула рис. 22:*4*, с которой у них много общих черт: треугольная головка, желобчатая с нижней стороны дужка, крупные размеры и т. д. Фибулы типа Тюрсамяэ отличаются от фибулы рис. 22:*4* преимущественно более богатой профилировкой гребней и украшением цветной эмалью.

Обнаруженные пока только в северо-восточной Эстонии, эти фибулы являются несомненно изделием местного производства. Однако способ украшения их цветной эмалью указывает на связи с Приднепровьем, где для известных предметов украшения, например, для шейных гривен,

---

[1] ИИ 1918:1.
[2] В МПд.
[3] ИИ 2012:1:5—7. Verh. GEG XIII, табл. II:4a—b; RK табл. 5:26; Спицын, Предметы с выемч. эмалью, рис. 174.
[4] В ГИМ. Hausmann, Grabfunde, табл. III:65.
[5] Beitr. Estl. XX, рис. 13:1.
[6] ERM Aastar. II, рис. 147:17.

также применялись орнаментальные пуговки с эмалью, как на описанных фибулах из северо-восточной Эстонии [1].

Хотя ни одна из фибул типа Тюрсамяэ не найдена в отдельном могильном комплексе, а все они происходят из оградок с коллективными погребениями, все же по общему характеру этих фибул, соответствующих во многих отношениях крупным, наиболее поздним фибулам с желобчатой дужкой и с расширенной головкой, представляется наиболее обоснованным отнести их к IV веку или к началу V века.

К числу украшений, желобчатых с нижней стороны, относятся и широкие замкнутые перстни, которых в могильнике *E* найдено 17 штук (рис. 25:*7*, *9*, *11*, *12*)[2]. Наиболее ранним из них является сравнительно узкий, еще довольно массивный перстень (127, рис. 25:*9*), найденный в западной части оградки, недалеко от перекладчатой фибулы № 53. Этот перстень может относиться к концу II в., но в общем нужно отметить, что, кроме этого экземпляра, в могильнике *E* ранних перстней не обнаружено, как это можно было наблюдать и в восточных оградках могильника *B*. Остальные перстни из могильника *E* все широкие (9—15 мм), тонкие и желобчатые с внутренней стороны. Один из них (381, рис. 25:*7*) имеет по краям орнамент в виде тонко заштрихованной ленты, а другой (353) — желобок по обе стороны хребта. Остальные перстни без орнамента. Перстень № 199 (рис. 25:*11*) содержал внутри другой, спиральный перстень из сегментарной в сечении проволоки. Эти перстни относятся к III—IV вв. Самые широкие экземпляры перстней (130, 274) являются самыми поздними.

К III веку относится арбалетная фибула, украшенная колечками из испещренной поперечными желобками проволоки (516, рис. 22:*10*), найденная на самом краю юго-восточной краевой насыпи. Она соответствует по форме вышеописанной фибуле (рис. 17:*8*), найденной в могильнике *B*. На сравнительную редкость фибул этого типа в Эстонии было указано выше.

Одновременной с этой фибулой является и арбалетная фибула простейшей формы, с обернутой ножкой (229, рис. 22:*9*), обнаруженная примерно в середине могильника. В Эстонии этот тип встречается также довольно редко. В северо-восточной Эстонии он представлен, кроме нашей фибулы, только двумя экземплярами — одним из VIII оградки могильника *B* в Ябара (451) и другим из могильника в Ярве [3].

К концу III в. и к IV в. относятся шейные гривны с конусообразными шляпками на концах. В могильнике *E* найден один цельный экземпляр такой гривны (144, рис. 23:*2*) и несколько фрагментов (139). Типологически более ранними из них являются фрагменты № 139, прут которых имеет круглое сечение и одинаковую на всем протяжении толщину, тогда как гривна с утолщенными и украшенными линейным орнаментом концами (рис. 23:*2*) представляет несколько более позднюю ступень их развития.

У эстонских племен в первой половине н. э. шейные гривны, в частности и гривны с коническими или близкими к ним полусферическими (грибовидными) шляпками на концах, были в употреблении значительно реже, чем, например, у соседних латышских племен в тот же период [4].

---

[1] Пуговками украшены шейные гривны из Мощинского клада и из Мазур, родиной которых, несомненно, является Приднепровье. См. Спицын, Предметы с выемч. эмалью, рис. 178, 251.

[2] №№ 78, 110, 114, 116, 127, 130, 152, 199, 210, 225, 235, 274, 321, 353, 366, 369, 381.

[3] Hausmann, Grabfunde, табл. I:17.

[4] Moora, EZL II, стр. 291—294, 297.

Одна из наиболее ранних шейных гривен с полусферическими шляпками на концах найдена в окрестности Киева [1].

Наша гривна (рис. 23:*2*) стоит ближе всего к гривнам, находимым в западной Латвии. В восточной Латвии соответствующие гривны изготовлялись значительно более тяжелыми. Все же нет основания считать гривны из Ябара привозными. Напротив, наряду с гривнами этого типа в северо-восточной Эстонии развивается еще особый тип гривен с более крупными полусферическими шляпками на концах, представленный и в нашем могильнике фрагментом № 98 (рис. 25:*2*). Клад из Пийльси показывает, что такие гривны бытовали в Эстонии до середины I тысячелетия н. э. Ряд шейных гривен с коническими и полусферическими шляпками на концах входит в состав клада разнообразных шейных гривен из Мустмятта, Кивиылиского района (рис. 45:*3—6*). Этот клад, на котором мы ниже остановимся подробнее, относится к III—IV вв.

Инвентарь могильника *E* необычайно богат браслетами, которые, однако, не всегда поддаются сколько-нибудь точной датировке, так как многие формы их бытовали в течение продолжительного времени.

Все же заслуживает внимания то обстоятельство, что более ранние виды браслетов, т. е. браслеты с шишечками на концах (как рис. 16:*2*) и плоские тонкие с четырехугольным сечением (типа рис. 12:*5*), типичные для могильных комплексов II в., в могильнике *E* не встречаются. Зато здесь представлены развившиеся, повидимому, отчасти из плоских, тонких браслетов более широкие, массивные браслеты, носившиеся обыкновенно группами [2]. Только один фрагмент (307) от браслета типа рис. 23:*5* несколько у́же других. Остальные же массивны и имеют четырехгранное сечение или же с внутренней стороны слабо вогнуты при покатой внешней поверхности (рис. 23:*5*, *11*). Последняя объясняется тем, что носимые целыми комплектами браслеты имели различный диаметр, расширяясь от кисти руки по направлению к локтю. Покатая поверхность браслетов придавала такой серии браслетов коническую форму, которая общим своим видом напоминает более ранние спиральные конические браслеты.

Примером ношения этих браслетов целым комплектом является фрагмент № 283, состоящий из сплавленных остатков шести браслетов (рис. 23:*10*). Эти браслеты могли быть или замкнутыми (рис. 23:*11*), или незамкнутыми (рис. 23:*5*, *7*). Крайние браслеты в такой серии иногда шире других, имеют загнутые края и служат как бы опорой для остальных браслетов (132, рис. 24:*6*)[3]. Самые поздние крайние браслеты делались очень широкими, но зато тонкими (рис. 24:*5*).

Браслеты описанных выше форм были в употреблении начиная с III по V—VI вв. На такое позднее бытование указывает упомянутый уже не раз клад начала VI в. из Пийльси, содержавший несколько браслетов типа рис. 24:*5*, правда еще несколько более тонких и широких.

Был поднят вопрос, не требовали ли такие браслеты с тонкими, режущими краями какой-нибудь защиты для руки. На применение в некоторых случаях особой подкладки для браслетов указывает пластин-

---

[1] Ханенко, Древности Приднепровья, V, табл. XXI:416.

[2] О них см. Moora, EZL II, стр. 403—406. К приведенному в этой работе списку браслетов из могильника *E* в Ябара можно причислить и браслеты, имеющие не вполне четырехгранное, а скорее плоско- или вогнуто-выпуклое сечение, но которые все-таки довольно массивны и носились также сериями, например №№ 120 (рис. 23:*7*), 149, 219 (типа рис. 23:*10*) и ряд других.

[3] Целый такой комплект носимых вместе браслетов описываемого здесь типа имеется из северной Латвии (Moora, EZL I, табл. XXIV:6).

1. Восточный угол могильника *E* в Ябара.

2. Южный угол могильника *E* в Ябара.

1. Профиль могильника *E* в Ябара. Видна белая прослойка из спекшихся кальцинированных костей и плитняковой щебенки.

2. Профиль III оградки могильника в Пада.

3. Северо-восточный угол IV оградки могильника в Пада.

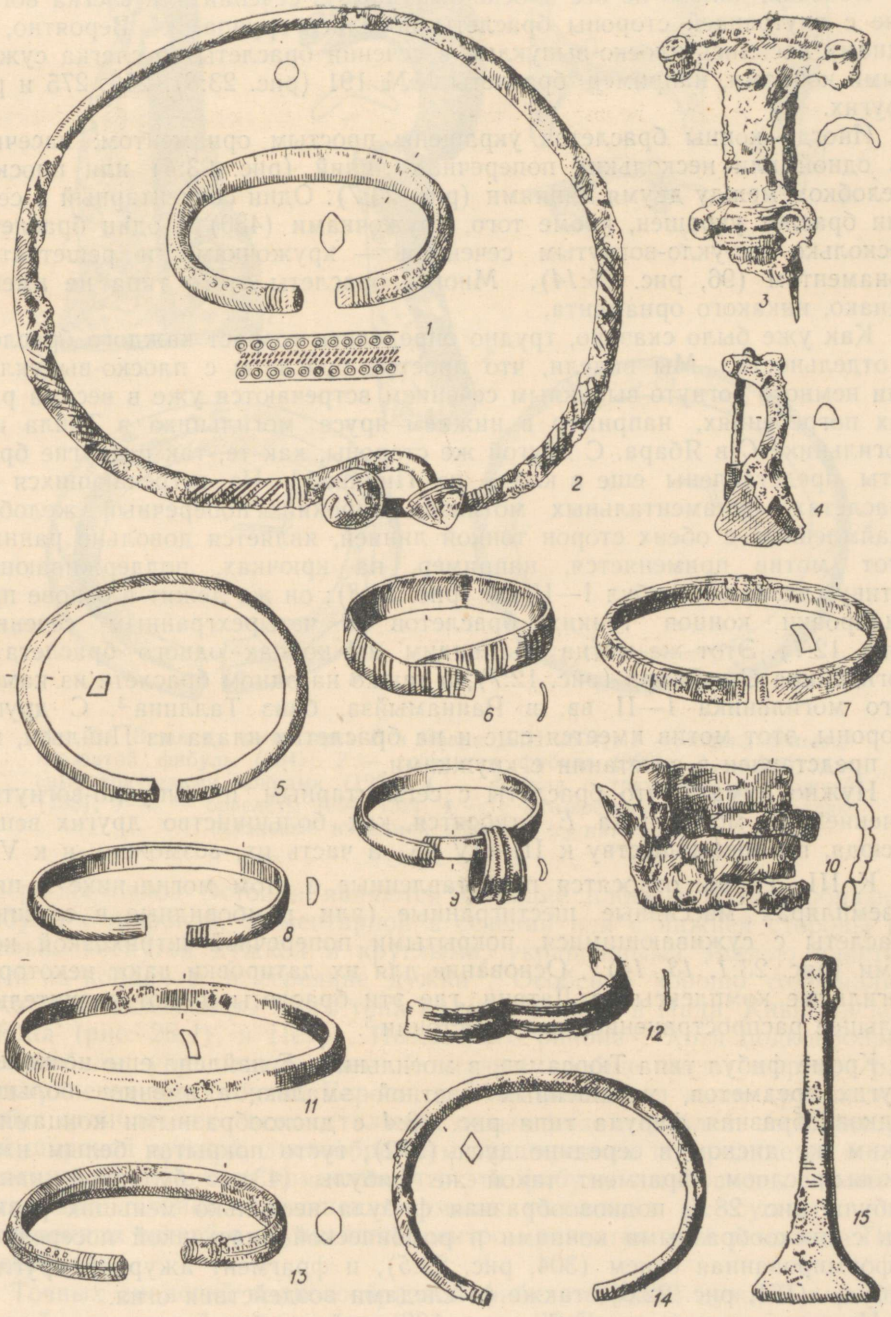


Рис. 23. Вещи из могильника *Е* в Ябара (ИИ 2604). *1* — браслет (58); *2* — шейная гривна (144); *3* — фрагмент фибулы типа Тюрсамяэ (181); *4* — фибула с пластинчатой ножкой (158); *5—14* — браслеты (148, 131, 120, 191, 21, 283, 59, 261, 142, 200); *15* — пинцетка (104). Все из бронзы. *9* — из краевой насыпи, остальные из оградки. $^1/_2$ нат. вел.

чатый браслет № 261 (рис. 23:*12*), к которому с внутренней стороны пристали остатки бересты [1].

Конечно, далеко не все плоско-выпуклые в сечении или слегка вогнутые с внутренней стороны браслеты носились группами. Вероятно, по одному носились плоско-выпуклые в сечении браслеты со слегка суженными концами, например браслеты №№ 191 (рис. 23:*8*), 256, 275 и ряд других.

Иногда концы браслетов украшены простым орнаментом: насечкой из одной или нескольких поперечных линий (рис. 23:*8*) или плоским желобком между двумя линиями (рис. 23:*7*). Один сегментарный в сечении браслет украшен, кроме того, кружочками (480) и один браслет с несколько выпукло-вогнутым сечением — кружочками и решетчатым орнаментом (96, рис. 25:*14*). Многие браслеты этого типа не имеют, однако, никакого орнамента.

Как уже было сказано, трудно определить возраст каждого браслета в отдельности. Мы видели, что простые браслеты с плоско-выпуклым или немного вогнуто-выпуклым сечением встречаются уже в весьма ранних погребениях, например в нижнем ярусе могильника в Тойла и в могильнике *C* в Ябара. С другой же стороны, как те, так и другие браслеты представлены еще в кладе из Пийльси [2]. Из встречающихся на браслетах орнаментальных мотивов, широкий поперечный желобок, окаймленный с обеих сторон тонкой линией, является довольно ранним. Этот мотив применяется, например, на крючках, поддерживающих тетиву глазчатых фибул I—II вв. (рис. 14:*8*); он же лежит в основе профилировки концов тонких браслетов с четырехгранным сечением (рис. 12:*1*). Этот же мотив мы видим на концах одного браслета из могильника *C* в Ябара (рис. 12:*7*), а также на одном браслете из каменного могильника I—II вв. в Раннамыйза, близ Таллина [3]. С другой стороны, этот мотив имеется еще и на браслетах клада из Пийльси, где он представлен в сочетании с кружками.

Нужно думать, что браслеты с сегментарным и выпукло-вогнутым сечением из могильника *E* относятся, как большинство других вещей отсюда, по преимуществу к III—IV вв., а часть их, возможно, и к V в.

К III—IV вв. относятся представленные в этом могильнике в пяти экземплярах массивные шестигранные (или ромбовидные в сечении) браслеты с суживающимися, покрытыми поперечной штриховкой концами (рис. 23:*1*, *13*, *14*) [4]. Основание для их датировки дают некоторые могильные комплексы из Латвии, где эти браслеты имеют значительно большее распространение, чем в Эстонии [5].

Кроме фибул типа Тюрсамяэ, в могильнике *E* найдено еще несколько других предметов, украшенных цветной эмалью, а именно: большая подковообразная фибула типа рис. 28:*4* с дискообразными концами и таким же диском в середине дуги (172), густо покрытая белым известковым слоем; фрагмент такой же фибулы (43) с булавкой, как у фибулы рис. 28:*4*; подковообразная фибула несколько меньших размеров с дискообразными концами и ромбической пластинкой посередине, деформированная огнем (304, рис. 22:*5*), и фрагмент ажурной круглой фибулы (161, рис. 22:*8*), также со следами воздействия огня.

Из украшенных цветной эмалью вещей наиболее типичными для

---

[1] Определил ботаник Я. Порт.
[2] OES Aastar. 1933, стр. 288—290, рис. 10:2—3.
[3] ИИ 2494:42.
[4] №№ 58, 142, 200, 215, 253.
[5] Moora, EZL II, стр. 390—395.

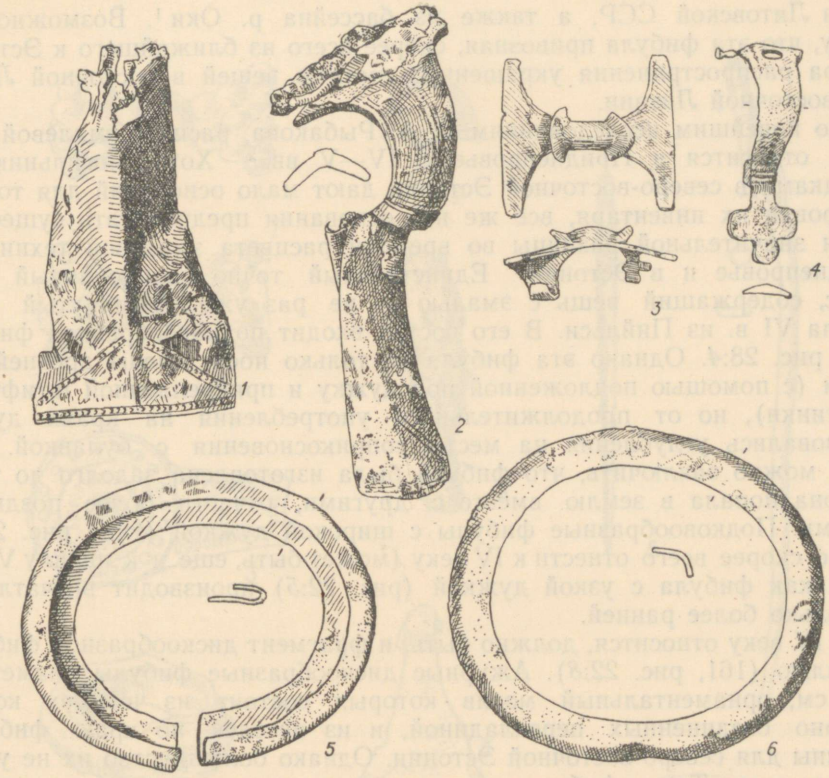


Рис. 24. Вещи из могильника *E* в Ябара (ИИ 2604). *1* — ножка большой глазчатой фибулы (204); *2* — глазчатая фибула (300); *3* — фибула с симметрическими концами (129); *4* — фибула с трехлопастной ножкой (458); *5—6* — браслеты (294, 132). *4* — с юго-восточной стенки оградки, остальные из самой оградки. $^1/_2$ нат. вел.

северо-восточной Эстонии являются большие плоские подковообразные фибулы с широкой, сегментарной в сечении или с нижней стороны несколько вогнутой дужкой и круглыми, украшенными эмалью пластинками на концах и в середине дужки [1]. Особенно хорошо сохранились некоторые экземпляры этого типа из могильников в Пада, Кивиылиского района (рис. 28:*4*), и Пеэри, Йыхвиского района [2]. Хотя подковообразные фибулы, украшенные цветной эмалью, вообще имеют широкое распространение в восточной Европе, все же описанная выше группа этих фибул отличается от всех остальных целым рядом деталей: своей выпуклой широкой дужкой, дискообразным расширением посередине ее и т. д. Поэтому не возникает сомнения, что эти фибулы изготовлены на месте, хотя сама техника применения эмали указывает на существование оживленных связей с крупнейшим центром развития этой техники в Приднепровье.

Точных аналогий подковообразной фибуле с узкой дужкой и ромбической пластинкой посередине (304, рис. 22:*5*) из Эстонии пока неизвестно; наиболее близкими к ней являются некоторые фибулы с терри-

---

[1] Перечень украшенных цветной эмалью вещей с территории Эстонской ССР и остальной Прибалтики см. у Moora, EZL II, стр. 114—118.

[2] Спицын, Предм. с выемч. эмалью, рис. 177; Hausmann, Grabfunde, табл. II:19 или RK, табл. 8:27.

тории Литовской ССР, а также из бассейна р. Оки [1]. Возможно поэтому, что эта фибула привозная, скорее всего из ближайшего к Эстонии центра распространения украшенных эмалью вещей в восточной Литве или восточной Латвии.

По новейшим исследованиям Б. А. Рыбакова, расцвет эмалевой техники относится в Приднепровье к IV—V вв. [2]. Хотя могильники с оградками в северо-восточной Эстонии дают мало оснований для точной датировки их инвентаря, все же нет основания предполагать существования значительной разницы во времени расцвета эмалевой техники в Приднепровье и в Эстонии. Единственный точно датированный комплекс, содержащий вещь с эмалью — не раз уже упомянутый клад начала VI в. из Пийльси. В его состав входит подковообразная фибула типа рис. 28:*4*. Однако эта фибула не только носит следы древней починки (с помощью подложенной под дужку и прикрепленной штифтами пластинки), но от продолжительного употребления на краях дужки образовались углубления на месте соприкосновения с булавкой. Из этого можно заключить, что фибула была изготовлена задолго до того, как она попала в землю вместе с другими, отчасти более поздними вещами. Подковообразные фибулы с широкой дужкой (типа рис. 28:*4*) можно скорее всего отнести к IV веку (может быть, еще и к началу V в.), тогда как фибула с узкой дужкой (рис. 22:*5*) производит впечатление несколько более ранней.

К IV веку относится, должно быть, и фрагмент дискообразной фибулы с эмалью (161, рис. 22:*8*). Ажурные дискообразные фибулы диаметром 4—5 см, орнаментальный мотив которых состоит из четырех колец, попарно соединенных перекладиной, и из петелек по краю фибулы, типичны для северо-восточной Эстонии. Однако большинство их не украшено эмалью. Такая фибула, в остальном очень похожая на наш экземпляр из Ябара, найдена, например, в Пуртсе-Матка, Кивиылиского района [3]. Несколько более позднюю ступень развития этого орнаментального мотива мы находим на фибуле из Тырма, Раквереского района (рис. 37:*2*), сходной с описанными по общему характеру. За пределами северо-восточной Эстонии дискообразных фибул описанного выше типа не найдено.

Фибула № 262 (рис. 22:7) из могильника *E*, представляющая собой ажурный диск, относится, повидимому, к числу наиболее поздних дискообразных фибул. Орнаментальный мотив этой фибулы, отсутствие петелек по ее краю и покрытие поверхности беловатым металлом (оловом), от которого сохранились следы, придают этой фибуле несколько необыкновенный для северо-востока Эстонии характер. Восможно, потому, что эта фибула происходит с территории южной Эстонии или северной Латвии, где этот способ покрытия поверхности украшений имел широкое применение и откуда известны некоторые экземпляры, сходные с ябараской фибулой [4]. Интересно еще отметить, что эта фибула найдена не в самой оградке, а в юго-западной краевой насыпи могильника *E* и относится, очевидно, к погребальному инвентарю одного из сохранившихся здесь скелетов. Это местоположение фибулы за стенками оградки подтверждает, в свою очередь, позднюю датировку нашей фибулы, относящейся, возможно, к V в.

Аналогично восточным оградкам могильника *B*, могильник *E* содер-

---

[1] Спицын, Предм. с выемч. эмалью, рис. 188, 278, 284.
[2] Рыбаков, Ремесло, стр. 56.
[3] ИИ 3735:4.
[4] Moora, EZL I, табл. VII:7; RK, табл. 8:1—2.

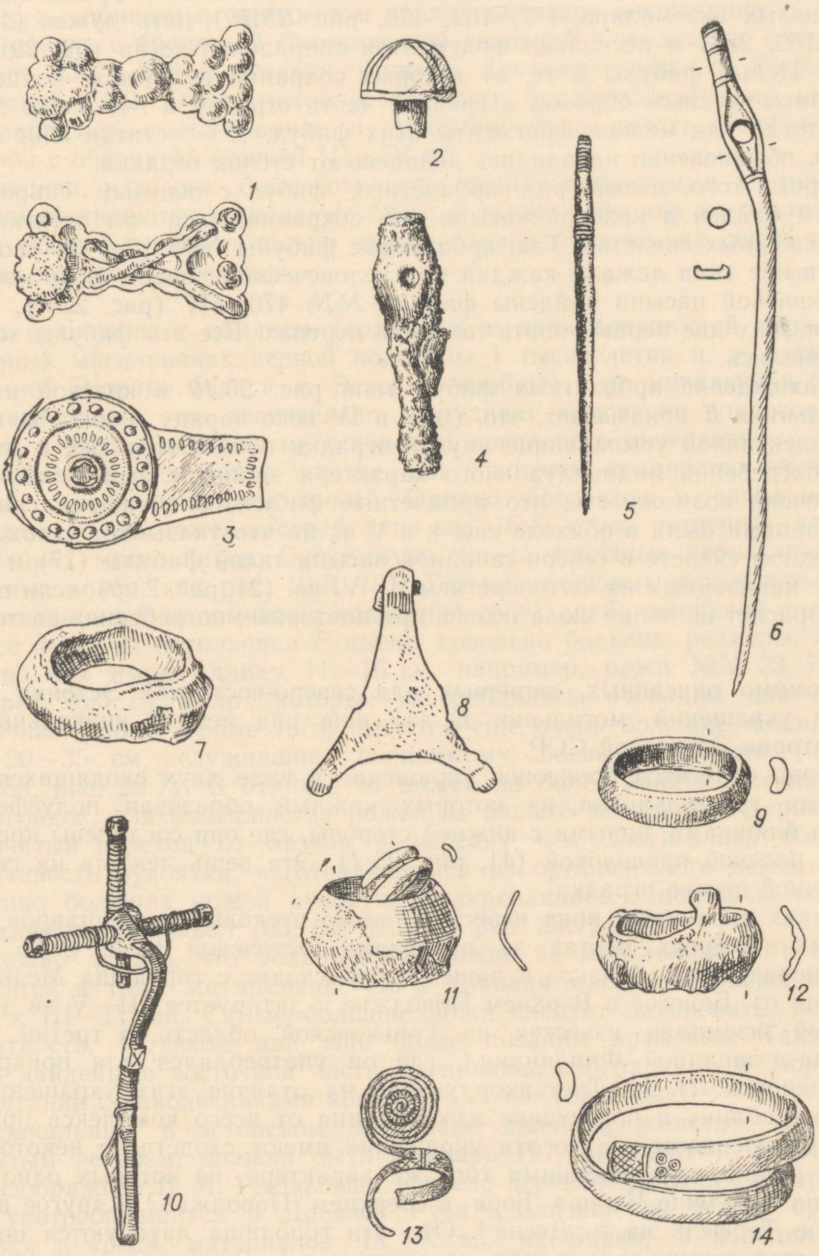


Рис. 25. Вещи из могильника *Е* в Ябара. *1* — бляшка (41); *2* — фрагмент шейной гривны (98); *3* — бляшка (521); *4* — железная булавка с бронзовой головкой (40); *5—6* — булавки (217, 475); *7* — перстень (381); *8* — привеска (384); *9* — перстень (127); *10* — арбалетная фибула (176); *11—13* — перстни (199, 116, 398); *14* — браслет (96). Все из бронзы, за исключением № *4*, *3*, *6* — из краевой насыпи, остальные из оградки. $^4/_5$ нат. вел.

жал также значительное число арбалетных фибул с обвитыми спиралькой шипами на головке и на концах оси. Из них в самой оградке найдено три целых экземпляра (77, 162, 176, рис. 25:*10*), пять дужек (46, 94, 124, 163, 258) и несколько фрагментов спиралек и тетив (62, 291, 343, 399). Целые фибулы и те, от которых сохранились дужки, концентрировались главным образом в средней части оградки и несколько западнее, тогда как мелкие фрагменты этих фибул, т. е. остатки спиралек и тетив, обыкновенно находились недалеко от стенок оградки.

Кроме того, целый ряд арбалетных фибул с обвитым спиралькой шипом найден в краевой насыпи при сохранившихся там остатках непережженных скелетов. Так, арбалетные фибулы №№ 17 и 38 упомянутого выше типа лежали каждая при человеческом черепе. В юго-восточной краевой насыпи найдены фибулы №№ 470, 477 (рис. 22:*6*), 488 и 510, из них две первые опять-таки при черепах. Все эти фибулы хорошо сохранились.

Нахождение арбалетных фибул типа рис. 25:*10* в краевой насыпи могильника *E* показывает, что здесь в IV веке наряду с захоронениями в коллективной усыпальнице внутри оградки появляются уже и отдельные погребения индивидуального характера за пределами оградки. Не исключена возможность, что арбалетные фибулы с обвитыми спиралькой шипами были в обиходе еще и в V в., на что указывает нахождение при одном скелете в северо-западной насыпи такой фибулы (17) и браслета с нанизанным на него перстнем V—VI вв. (21, рис. 23:*9*), если только этот браслет не попал сюда позже, при повторных погребениях на том же месте.

Помимо описанных, типичных для северо-восточной Эстонии предметов украшений, могильник *E* дал еще ряд вещей, уникальных на территории Эстонской ССР.

Сюда относится бронзовое украшение в виде двух сходящихся вершинами треугольников, из которых каждый образован полусферическими бляшками, полыми с нижней стороны, где они соединены крест на крест плоской проволокой (41, рис. 25:*1*). Эта вещь лежала на северо-восточной стенке оградки.

Таких украшений пока известно только несколько экземпляров, найденных в разных местах за пределами Эстонской ССР. Одно такое украшение, очень близкое к нашему, происходит с городища Медведицкого на оз. Бологое в Верхнем Поволжье и датируется III—V вв. н. э.[1]. Другой экземпляр известен из Горьковской области, а третий — из Ускела в западной Финляндии[2], где он употреблялся для прикрепления цепочки. П. Н. Третьяков указал на отличие этих украшений по общему облику и по технике изготовления от всего комплекса прибалтийских древностей. Зато эти украшения имеют сходство с некоторыми более ранними украшениями того же характера, из которых одно найдено на городище Черная Гора в Верхнем Поволжье[3] и другое на городище Торфель на р. Десне[4]. Оба эти городища датируются последними столетиями до н. э. или началом н. э.[5]. Эти ранние украшения, может быть, и являются прототипами таких украшений, как украшение рис. 25:*1* из Ябара. Так как следов более позднего развития этого типа украшений на Десне или в Приднепровье пока не обнаружено, то можно

---

[1] Третьяков, Верхнее Поволжье, рис. 46г и стр. 80.
[2] FM 1916, стр. 55—57.
[3] Третьяков, Указ. раб., рис. 11.
[4] Горюнова, Городище Торфель, рис. 54:37.
[5] Там же, стр. 156.

полагать, что экземпляры, найденные в Ябара и в Финляндии, завезены сюда скорее всего из Верхнего Поволжья.

Другим привозным предметом среди инвентаря могильника *E* является булавка с бронзовой биконической головкой и железным стержнем (40, рис. 25:*4*). Такие булавки типичны для окрестности г. Клайпеды, Литовской ССР. Очень похожий на нашу булавку экземпляр найден там, например, в могильнике в Аукштакиемисе вместе с арбалетной фибулой с обернутой ножкой III—IV вв. [1].

Наконец, как уже было отмечено выше, привозными из римских провинций являются стеклянные бусы, а также и бусина из янтаря, которая указывает, как и только что описанная булавка, на связи с племенами южной Прибалтики.

По сравнению с обилием украшений и принадлежностей одежды в каменных могильниках первой половины I тысячелетия н. э. в северо-восточной Эстонии (как и в Эстонии вообще), эти могильники бедны орудиями труда, что значительно затрудняет выяснение вопросов экономики и быта населения на основании могильного инвентаря.

Могильник *E* в Ябара все же дал некоторое количество железных орудий, главным образом ножей. Однако бросается в глаза полное отсутствие здесь ножей-косарей типа рис. 16:*8*, столь типичных для более ранних могильников. Отсутствуют также типичные небольшие серповидные ножи (как рис. 10:*9*, *10*). Только некоторые небольшие ножи из могильника *E* напоминают последние своей слабо выпуклой спинкой.

Все ножи из могильника *E* имеют довольно большие размеры. Меньшие из них имеют длину 11—16 см, например, ножи №№ 23, 72, 91, 111 (рис. 26:*5*, *6*) и др., которые употреблялись, очевидно, для самых различных работ. Кроме того, имеются еще очень большие ножи, длиной 20—35 см, служившие, повидимому, боевыми ножами (например, 63, рис. 26:*1*). В отличие от ножей из более ранних могильников или оградок, для большинства ножей из нашего могильника характерен уступчатый переход от лезвия к черенку, чем достигалась бо̀льшая устойчивость рукоятки, изготовлявшейся из органического вещества. У особенно больших ножей рукоятка прикреплялась с помощью особого металлического кольца (63, 64, 87, 125, рис. 26:*1*).

Можно думать, что большинство ножей из могильника *E* в Ябара относится к тому же времени, что и главная масса остальных вещей, т. е. к III—IV вв. Самые большие ножи следует датировать, по всей вероятности, V веком или еще более поздним временем. Такие же ножи найдены в восточной части могильника с оградками в Тюрсамяэ в сочетании с наконечниками копий V—VI вв. (см. ниже) [2].

Уникальным в эстонском материале является железное орудие с вогнутым лезвием, должно быть ложкарь (97, рис. 26:*10*). Такое орудие изображено Б. А. Рыбаковым в числе деревообделочных инструментов, употреблявшихся в Древней Руси [3]. Близкий по форме предмет имеется и среди материалов IX—X вв. из Бирка, в Швеции [4]. Но такие орудия труда имели, конечно, значительно большее распространение и были в обиходе гораздо раньше, чем это проявляется в могильном инвентаре. Несколько иной формы ложкари найдены, например, и на датируемом IV—V вв. городище Березняки в Верхнем Поволжье [5].

---

[1] Moora, EZL II, стр. 194—195.
[2] Verh. GEG XIII, табл. IV:29a, 30a, 31a.
[3] Рыбаков, Ремесло, рис. 114.
[4] Montelius, O., Svenska fornsaker II. Jernåldern. Stockholm 1872, рис. 488.
[5] Третьяков, Верхнее Поволжье, рис. 33:9.

К числу вещей, редко встречаемых в каменных могильниках северо-восточной Эстонии, относятся остатки щита, состоящие из железных фрагментов умбона, рукоятки и нескольких кусков оковки края щита (73, рис. 26:*2*, *3*, *9*). Из каменных могильников Эстонии фрагменты

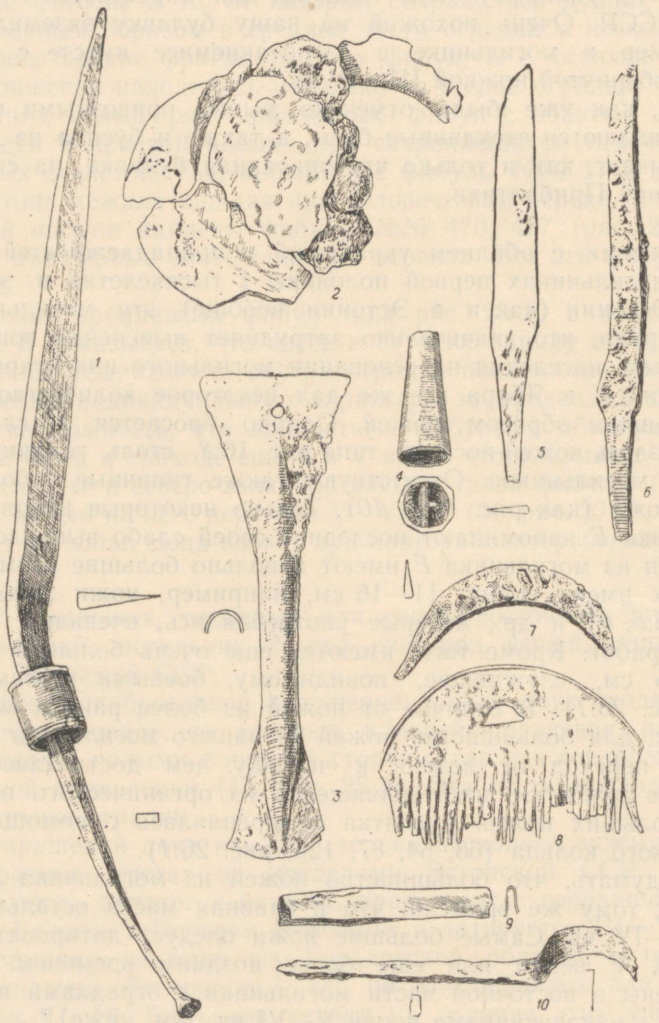


Рис. 26. Вещи из могильника *E* в Ябара (ИИ 2604). *1* — нож (63); *2* — фрагмент умбона (73); *3* — рукоятка щита (73); *4* — фрагмент наконечника рога для питья (232); *5—6* — ножи (91, 23); *7* — нож с выпуклым лезвием (102); *8* — гребень (501); *9* — фрагмент окаймления щита (73); *10* — ложкарь (97). *4* — из бронзы, остальные из железа. *8* — из краевой насыпи, остальные из оградки. $^2/_5$ нат. вел.

умбона найдены еще в могильнике в Пада (рис. 30:*11*, *12*). Кроме того, найден большой гвоздь с полусферической головкой, должно быть от щита, в Лагеди, Харьюского района, и другой такой же в могильнике в Нурмси, Пайдеского района [1]. Остатки щита из могильника *E* в Ябара лежали все вместе в западном углу оградки, на глубине 85 см,

[1] ИИ 2520:27, 2533:1.

рядом с профилированной фибулой № 74 (рис. 22:*4*), которую мы выше датировали рубежом III и IV вв.

Как самый умбон, так и рукоятка щита аналогичны некоторым таким же принадлежностям щитов из Финляндии, где их датируют IV в.[1]. В пределах Эстонской ССР умбон примерно того же типа, как из Ябара, имеется еще в могильном инвентаре начала VI в. из Киримяэ[2].

Уникальным предметом в Эстонии является также фрагмент бронзового наконечника рога для питья (232, рис. 26:*4*). Несколько чаще металлические части таких рогов встречаются в южной Прибалтике начиная с III в.[3]. Они доживают до VI—VII вв., причем некоторые из них, снабженные богато изукрашенными цветной эмалью цепочками, являются явно предметами роскоши.

Кроме описанного выше инвентаря, относящегося преимущественно к III—IV вв. н. э., в могильнике *E* найден еще ряд вещей более позднего времени.

Из числа последних заслуживает внимания большая арбалетная фибула (479), украшенная колечками, похожая на фибулу из краевой насыпи могильника *B* (рис. 18:*12*), которую мы датировали V в. Впечатление довольно поздней производит также фибула с трехлопастной (крестовидной) ножкой (458, рис. 24:*4*), прямых аналогий которой неизвестно. На основании ее плоской тонкой дужки и некоторых других признаков ее едва ли можно датировать раньше, чем V в.

К этому же времени относится браслет № 21 (рис. 23:*9*) с нанизанным на него спиральным перстнем, средняя часть которого расширяется в пластинку, украшенную продольным ребром и зигзагообразным орнаментом по сторонам последнего. Такие перстни типичны для V—VI вв.[4].

Булавка с удлиненной, украшенной поперечными желобками головкой (475, рис. 25:*6*) представляет собой разновидность группы так называемых булавок с конической головкой, возникших в V в. преимущественно на территории земгальских племен в пределах Латвийской ССР.

Из булавок середины I тысячелетия н. э., найденных в Эстонии, булавке из Ябара соответствует булавка с прикрепленной к ней длинной цепочкой и треугольной привеской из разрушенного каменного могильника в Сытке, около ст. Вайвара, которую по характеру цепочки можно датировать V веком (рис. 44:*6*). Несколько фрагментов цепочек найдено и в могильнике *E* (375, 425, 505). Булавка с тонкой конической головкой входит также в состав могильного инвентаря из Киримяэ[5].

К V веку следует, повидимому, отнести и железный гребень (501, рис. 26:*8*), уникальный в Эстонии. Один экземпляр аналогичных железных гребней, только с двумя отверстиями в рукоятке, известен из Калининградской области и другой — из Норвегии[6]. Эти гребни датируются V в.

Если проследить расположение этих поздних предметов в могильнике, то оказывается, что все они найдены не в оградке, а в краевой насыпи. Браслет с нанизанным на него перстнем (21, рис. 23:*9*) находился в северо-западной насыпи и относился, должно быть, к тому же скелету, у черепа которого лежала арбалетная фибула (17, см. выше).

---

[1] Hackman, Ältere Eisenz. in Finnland, табл. 22:1, 5, стр. 276, 279.
[2] SMYA, 35:1, рис. 35.
[3] Moora, EZL II, стр. 481—484.
[4] Moora, EZL II, стр. 422, прим. 3.
[5] SMYA, 35:1, рис. 9.
[6] Rygh, O. Norske Oldsager. Christiania 1885, рис. 160.

Булавка (475, рис. 25:*6*), железный гребень (501, рис. 26:*8*) и большая арбалетная фибула (479) были найдены в восточной (отчасти вспаханной) части юго-восточной краевой насыпи; только фибула с трехлопастной ножкой (458, рис. 24:*4*) находилась на юго-восточной стенке оградки.

Анализ материала из могильника *E* в Ябара показывает, таким образом, что единственная сохранившаяся от этого могильника оградка, которая, может быть, в свое время была пристроена к другой оградке, находившейся за северо-восточной стенкой, стала использоваться не позже рубежа II—III вв. В III—IV вв. захоронение в этой оградке носило чрезвычайно интенсивный характер, на что указывает богатство имеющегося в ней костного и вещевого материала. Какой-либо последовательности в использовании отдельных частей оградки невозможно установить. Можно только сказать, что погребения концентрировались наиболее густо в средней части оградки.

В обычае было трупосожжение. Кости по большей части кальцинированы и, как уже сказано, местами спеклись вместе с известняковой щебенкой в твердую белую массу, залегавшую между камнями прослойкой толщиной до 20 см. Следы разведения огня на самих камнях, заполнявших оградку, наблюдаются только в единичных случаях. Приходится поэтому думать, что покойники сжигались вне могильника, на какой-нибудь вымостке из плитняка и что останки вместе с вещами и с обожженной щебенкой раскладывались в оградке, на заполняющей ее нижней кладке камней и затем сверху покрывались камнями и землей. Под воздействием просачивающейся воды осадков известь гасилась и превращалась в описанный выше конгломерат [1].

Заслуживает внимания то обстоятельство, что вещи, относящиеся к III в., — поскольку могильный инвентарь вообще поддается сколько-нибудь точной датировке, — еще не показывают следов плавления в огне, хотя они нередко находились в упомянутой белой прослойке. Очевидно, они не входили в состав убранства трупа при его сожжении, а были положены в могильник в качестве жертвенных даров, или же сожжение трупов производилось при температуре, не достигавшей температуры плавления бронзы.

Зато вещи, относящиеся к IV в., часто деформированы плавлением, а иногда превращены в аморфные комки расплавленной бронзы. Повидимому, в IV в. стал применяться другой способ сожжения трупов, при котором получалась более высокая температура. Ниже мы увидим, что это развитие прослеживается с еще большей ясностью на могильнике в Пада. Нужно, однако, отметить, что на арбалетных фибулах с обвитыми спиралью шипами, которые мы датировали также преимущественно IV в., ни в Ябара, ни в каком-либо другом могильнике северо-восточной Эстонии не имеется следов плавления, зато они нередко встречаются в поломанном виде или даже только в виде небольших фрагментов.

Наряду с погребениями в оградке, как в коллективной усыпальнице, в IV в. начинают хоронить мертвых и за стенками оградки, в краевой насыпи, индивидуально, причем в обычай входит и трупоположение. Единичные случаи погребения вне оградки имели место, очевидно, уже и раньше, о чем свидетельствует, например, нахождение глазчатой фибулы (520) и фрагмента тонкого выпукло-вогнутого браслета (500) типа рис. 14:*3* у основания юго-восточной стенки оградки, с внешней ее стороны. Переход от погребений коллективного характера к индивиду-

[1] Beitr. Estl. XX, стр. 13.

альным совершался постепенно, как на это указывает, например, наличие арбалетных фибул с обвитыми спиральками шипами как в оградке, так и в погребениях в краевой насыпи. В V в., как правило, покойников хоронили в краевой насыпи, хотя не исключена возможность, что в начале этого века иногда использовали еще и оградку, так как и в ней найдены некоторые вещи, которые мы выше отнесли к этому времени (фрагменты самых поздних глазчатых фибул и пр.). В начале VI в. погребения в могильнике *E* прекращаются.

*

Несмотря на то, что из группы могильников в Ябара до настоящего времени раскопана только небольшая часть, да и та методом, далеко не соответствующим требованиям современной советской археологической науки, все же эти могильники являются пока единственными археологическими памятниками в северо-восточной Эстонии, дающими возможность проследить беспрерывное развитие общественно-экономических отношений в течение примерно тысячелетнего периода, начиная с середины I тысячелетия до н. э.

Как уже было указано выше, в исследованных могильниках в Ябара самым ранним погребением, допускающим более или менее точную датировку, является погребение в каменном ящике I на юго-восточном краю кургана *A*, инвентарь которого (прежде всего шейная гривна; рис. 5:*2*) относится примерно к середине I тысячелетия до н. э. Однако сам курган *A*, в частности его центральный монументальный ящик, заложен, несомненно, еще раньше, чем каменный ящик I, который, может быть, относится к какому-нибудь другому разрушенному кургану, сросшемуся с курганом *A*. К сожалению, этот центральный ящик не содержал никакого инвентаря. Не поддаются датировке ящики на крайнем западном конце могильника *C*, производящие своей монументальной конструкцией впечатление весьма древних. Возможно, что к еще более раннему времени относится самый юго-западный, пока неисследованный курган всей этой могильной группы, выделяющийся среди других курганов своей высокой, сопкообразной формой [1]. Остальные же неисследованные могильники в Ябара своей величиной и формой производят впечатление могильников с оградками.

На основании всего изложенного можно заключить, что община, поселившаяся в Ябара в середине I тысячелетия до н. э., или, вероятно, уже несколько раньше, была сначала невелика. Численностью, повидимому, она была меньше некоторых общин, населявших в то время долину р. Пуртсе, например окрестности Напа. Можно полагать, что поселение в Ябара во второй половине I тысячелетия состояло всего из нескольких коллективов, вероятно больших семей, которые при выборе места поселения руководствовались в первую очередь еще потребностями животноводства, для которого береговые террасы предоставляли благоприятные условия.

Период, охватывающий время около начала н. э. и I в. н. э., отражается в Ябара лучше всего в юго-западной части могильника *C*, за исключением упомянутых выше каменных ящиков на самом юго-западном конце могильника. В то время монументальных ящиков уже не строили, но в обряде погребения все же еще заметны пережитки некоторых традиций, присущих курганам с каменными ящиками, — например остатки

[1] Такой вид имеют, например, курганы конца бронзового века в Калниеши, Латвийской ССР (материалы в Государственном Центральном Историческом Музее в Риге).

каменных кругов, наличие некоторых камней возле погребения М, напоминающих по расположению стенки ящика, и пр.

Одновременной с юго-западной частью могильника *С*, а может быть, и несколько более поздней является III оградка могильника *В*, наиболее ранние вещи из которой (железные булавки с кольцеобразной головкой, серповидные ножи; рис. 17:*1—4*) соответствуют инвентарю могильников в Тойла и Азери. Как мы видели выше, в данном случае было невозможно окончательно выяснить, существовала ли здесь в I в. н. э. уже оградка (как в Тойла и Азери) или же на этом месте был первоначально какой-нибудь небольшой могильник иного типа (курган). Но во всяком случае у нас нет данных для предположения о том, что это был могильник с ящиками.

Кажется, что и в I в. н. э. община, пользовавшаяся могильниками в Ябара, была еще немногочисленна. Эта община выросла, повидимому, из той же небольшой группы по преимуществу животноводческого населения, которое обитало здесь начиная с середины I тысячелетия до н. э.

К концу I или началу II в. н. э. в Ябара уже окончательно вошли в обиход могильники с оградками. Ко II в. относятся оградки в северо-восточной части могильника *С* и самые западные оградки (I—II) могильника *В*, а также наиболее ранние погребения в могильнике *Е*.

Оградки II в. содержат значительно больше могильного инвентаря, чем погребения предыдущего периода, и инвентарь их разнообразнее. Заслуживает, например, внимания тот факт, что булавки, употреблявшиеся для скрепления одежды, сменились теперь фибулами, в первую очередь глазчатыми разных видов (рис. 13:*1*, *4—6*; 14:*6—8*), что было, вероятно, связано с известным изменением и самой одежды.

С другой стороны, количество типов предметов, представленных в могильном инвентаре во II в., все же еще довольно ограничено. В число их входят преимущественно глазчатые фибулы и, может быть, единичные фибулы других видов (рис. 18:*2*; 22:*1*), тонкие плоские браслеты прямоугольного сечения (рис. 12:*1*, *5*), браслеты с шишечками на концах (рис. 13:*10*, 16:*2*), шейные гривны с полыми раструбами на концах (14:*4*) и массивные замкнутые перстни (рис. 13:*3*, 14:*2*), а из орудий производства небольшие серповидные ножи (рис. 17:*3*), ножи-косари, характерные своей коленчатой формой (рис. 16:*3*, *8*), и небольшие втульчатые топоры (рис. 16:*4*).

Само население, использовавшее во II в. могильники в Ябара, значительно разрослось к этому времени. Вместо двух небольших коллективов (хоронивших в I в. своих покойников один в юго-западной части могильника *С*, а другой в III оградке могильника *В*), во II в. в пределах исследованных могильников можно установить несколько коллективов, в соответствии с отдельными группами объединенных между собой оградок. Таких групп, как мы видели, в могильнике *С* было пять (т. е. оградки I, II—III, IV—V, VI—VII и VIII—X), в могильнике *В* — одна (оградки I—II), а в могильнике *Е* наиболее ранние погребения также восходят ко II веку. Поэтому можно полагать, что во II в. исследованными могильниками пользовались примерно семь семейных общин, должно быть связанных между собою родовыми связями.

В III—IV вв. обитавшие в Ябара общины разрослись еще больше, судя по количеству костного материала и могильного инвентаря соответствующих оградок. В это время интенсивно использовались IV—VIII оградки могильника *В* и могильника *Е*, хотя сами оградки были выстроены уже раньше, как на это указывают, например, ранняя фибула с расширенной головкой (рис. 18:*2*), найденная в VI оградке могильника *В*, и некоторые вещи из могильника *Е*, восходящие к концу II в.

Трудно сказать, объясняется ли резкий прирост населения в Ябара во II—III вв. только процессом внутреннего развития производительных сил в связи с внедрением земледелия, как основы хозяйства, или же этому содействовали еще какие-либо другие факторы, например некоторый приток населения извне. Во всяком случае примечательно, что по нижнему течению р. Пуртсе (где, как мы видели, к концу I тысячелетия до н. э. особенно густо концентрировались каменные курганы с ящиками) в первой половине I тысячелетия н. э., судя по распространению могильников этого времени, население особенно не уплотнилось, а на восточном краю долины р. Пуртсе, расположенном от Ябара на расстоянии 2—3 км, стало как будто бы даже несколько более редким. Поэтому напрашивается мысль, не продвинулась ли часть населения правобережья р. Пуртсе в поисках пригодных для земледелия мест примерно в I в. н. э. несколько на восток, на возвышенное плато около Ябара. Это кажется тем более вероятным, что общины, обитавшие в Ябара, повидимому, и в дальнейшем сохраняли связи с низовьем р. Пуртсе, пользуясь устьем этой реки как морским пристанищем. Этим самым отчасти объясняется наличие в Ябара в большем количестве, чем в других могильниках северо-восточной Эстонии, ряда ранних типов вещей, например глазчатых фибул основной серии, указывающих на связи с южной Прибалтикой, поддерживаемые морским путем. Некоторый приток населения с р. Пуртсе в окрестности Ябара мог иметь место еще и после I столетия н. э.

Общественно-экономическое развитие шло в Ябара сравнительно быстро. К IV в. относится самая восточная, т. е. VIII оградка могильника *B*, и в то же самое время продолжаются захоронения и в могильнике *E*. Однако, если сравнить оба эти могильника между собой, то бросается в глаза некоторое превосходство могильника *E* над могильником *B* как в отношении количества костного материала и могильного инвентаря, так и особенно в отношении разнообразия последнего. В то время как VIII оградка могильника *B* содержала почти только арбалетные фибулы, спиральные перстни и бусы, в могильнике *E*, кроме этих вещей, представлены еще разные другие фибулы поздних типов (поздние глазчатые фибулы, фибулы с желобчатой дужкой и расширенной головкой и фибулы типа Тюрсамяэ; рис. 22:*2*, *3*; 23:*3*, *4* и др.), в большом количестве браслеты, вещи, украшенные эмалью и пр.

В этой неравномерности распределения могильного инвентаря в отдельных могильниках выражаются, повидимому, некоторые имущественные различия общин. В данном случае создается впечатление, что община, пользовавшаяся могильником *E*, опередила в экономическом отношении остальные общины, хоронившие своих покойников в Ябараских могильниках, несколько отличаясь от последних и своей внутренней структурой. В то время как остальные могильники расширялись таким путем, что к ним последовательно пристраивались новые оградки, причем более ранние оградки (например, I и II оградки могильника *B*) оставлялись, — в могильнике *E* продолжали хоронить в одной и той же оградке.

Что мы имеем здесь дело не только с несколько бóльшим скоплением имущества в одной общине и что общественное развитие самих общин шло не совсем равномерно, следует, между прочим, из того, что индивидуализация захоронений становится обычной в могильнике *E* несколько раньше, чем в могильнике *B*. Так, в могильнике *E* можно отметить уже довольно много индивидуальных погребений (с арбалетными фибулами типа рис. 25:*10*) в краевой насыпи начиная с IV в., тогда как в могильнике *B* погребения с таким же инвентарем находятся обыкновенно еще в самих оградках, и только изредка в краевой насыпи

попадаются вещи IV в. (например, фибулы рис. 18:*3—5*). В могильнике *В* признаки изменения погребального обряда начинают в IV в. выражаться, в первую очередь, в том, что на устройство самих оградок в последний период их использования уже не обращалось должного внимания, как на это указывают небрежно выстроенные VII и VIII оградки этого могильника.

В общем же распределение находок в оградках Ябараских могильников показывает, что начиная с конца III в. здесь новых оградок больше не строили, а пользовались только ранее сложенными оградками. В этом отражается, повидимому, начало процесса разложения прежних семейных общин. Еще с большей ясностью этот процесс выражается в появлении в IV—V вв. индивидуальных погребений в краевой насыпи могильников взамен погребений в коллективных усыпальницах, оградках. Сравнительная малочисленность этих индивидуальных погребений заставляет думать, что к этому времени большие семейные общины успели в основном уже расчлениться и расселиться врозь, и что в Ябара в V—VI вв. остались только отдельные небольшие части их.

V. МОГИЛЬНИК С ОГРАДКАМИ В ПАДА

Описываемый здесь могильник находится на территории колхоза «Линнусе», Саммаского сельсовета, Кивиылиского района, на расстоянии примерно 2,5 км к юго-востоку от местечка Виру-Нигула и около 600 м к северо-западу от здания начальной школы в Пада. Могильник находится среди полей, широко расстилающихся по равнинной поверхности, прорезанной живописной глубокой долиной р. Пада, протекающей на расстоянии 1,5 км к западу от могильника.

Могильник в Пада был исследован автором этой работы в 1928 и 1929 гг. В 1951 г., при новой разведке в этом месте, на расстоянии 220 м на юго-восток от могильника, в поле, бросился в глаза небольшой бугорок, производящий впечатление разрушенного каменного могильника, тем более, что поверхность здесь несколько поднимается и усеяна обломками плитняка, между которыми было обнаружено небольшое количество пережженных костей. Возможно, что поблизости в свое время были и другие могильники [1]. Остатки каменного могильника сохранились, повидимому, и в 600 м на юго-восток от раскопанного могильника, вблизи вышеупомянутого здания начальной школы, где под пахотным слоем выступает кладка из довольно крупных валунов, между которыми были найдены фрагменты керамики обычного для каменных могильников типа, без орнамента [2]. Необычным, однако, для каменных могильников Эстонии является то обстоятельство, что эти камни покрыты сверху слоем глины толщиной в несколько сантиметров. Возможно, что каменная кладка была когда-то использована в качестве пола какого-нибудь здания и по этому поводу обмазана глиной.

Рассматриваемый могильник представлял собой плоский, низкий бугор в поле, возвышавшийся над поверхностью последнего всего на 10—20 см. На поверхности могильника, под дерновым покровом, выступали единичные валуны. Могильник имел длину с запада на восток 37 м и ширину на западном конце около 5,5 м, расширяясь постепенно на восток до 9 м. Могильник был, в общем, хорошей сохранности, только южный край его был в одном месте разрушен любительскими раскопками, от которых осталась выемка в 3 × 1,5 м. Полученные из этого места вещи поступили в музей уже в 1922—1923 годах [3].

---

[1] Так, например, при раскопках разведочного характера, произведенных в поисках остатков поселения, на расстоянии 230 м на восток и северо-восток от могильника были найдены отдельные обломки костей и керамики.

[2] ИИ 4047:1—3.

[3] ИИ 2470:1—6 и 2493:1—3. Три глазчатые фибулы, из них одна основной, одна эстонской и одна южнобалтийской серии; два браслета с шишечками на концах типа рис. 13:*10*; прекрасно сохранившаяся украшенная цветной эмалью подковообразная фибула рис. 28:*4*; браслет с сегментарным сечением и два полых перстня.

По сведениям, полученным от местного населения, этот могильник прежде был шире, но с течением времени край его постепенно распахивался, особенно с южной стороны. Этим, вероятно, и объясняется почти полное отсутствие краевой насыпи на южном и северном краях могильника. Находимые в пахотном слое вокруг могильника кости говорят также за то, что могильник первоначально имел несколько бóльшие размеры.

Этот типичный для северо-восточной Эстонии могильник состоял по крайней мере из десяти пристроенных одна к другой оградок (табл. X)[1]. Почти весь могильник был, как обычно, покрыт насыпью из битого плитняка и земли. Стенки оградок были сложены из известняковых плит; заполнением же оградок служили по преимуществу валуны. Благодаря этому общая структура могильника была довольно ясной, хотя часть самих плитняковых стенок сохранилась плохо.

Как уже было сказано, краевая насыпь была в значительной степени разрушена. На южном краю могильника она отсутствовала вовсе, тогда как на северном она имела ширину примерно от 20 см до 1 м. На западном конце краевая насыпь из обломков плитняка и земли достигала ширины до 3 м (небольшая часть ее осталась здесь нераскопанной). По направлению к краю насыпи обломки плитняка становились здесь реже и культурный слой светлее. Вещей в этой части краевой насыпи не было.

Боковые стенки I, самой западной оградки сохранились до того плохо, что невозможно было установить (по крайней мере при тогдашней несовершенной технике раскопок), какая сторона у них была ровная. Они сохранились сравнительно хорошо в северной части, южные же концы этих стенок совершенно распались. Обозначенная на плане раскопок часть стенки, состоявшая из одной большой плиты под дерновым покровом, несколько в стороне от места, где можно было бы ожидать южный конец западной стенки I оградки, входила, по всей вероятности, в краевую насыпь могильника. Оградка была заполнена довольно большими валунами, однако, с промежутками. Культурный слой имел толщину до 50 см. Господствовало трупоположение, хотя встречались и пережженные кости.

Северная стенка II оградки также в значительной мере распалась. Зато хорошо сохранилась восточная стенка этой оградки, отделяющая ее от III оградки. Высота этой стенки достигала 30 см, ширина — 40—65 см. Западная сторона ее была ровная, восточная неровная; плиты сохранились в 3—4 слоя. II оградка была заполнена довольно крупными валунами; культурный слой здесь достигал 45—50 см толщины. Между плитами развалившейся северной стенки были вкрапления угля. Оградка содержала крупные обломки непережженных костей, лежавших, как обычно, в беспорядке, а также и пережженные кости. Последние располагались в трех местах гнездами, а на остальной площади залегали между камнями более или менее равномерно.

Стенки III оградки сохранились лучше, чем стенки предыдущих оградок. Их высота достигала 25—30 см, ширина — 30—45 см, причем их внутренняя сторона была неровная, а внешняя более или менее ровная. Оградка была заполнена валунами разной величины (табл. IX:2). Толщина культурного слоя колебалась от 40 до 60 см. Преобладали пережженные кости и виде черных слабообгорелых фрагментов, среди которых были и некоторые кальцинированные. Местами пережженные кости лежали гнездами. Встречались также остатки трупоположений. В северо-западном углу оградки, в грунтовом песке, под плитами развалившейся

[1] Отчет о раскопках в ИИ.

стенки, лежала человеческая бедренная кость от более позднего погребения, при совершении которого стенка, очевидно, и была разрушена в этом месте.

IV оградка с востока и запада была окаймлена стенками, обращенными ровной стороной внутрь этой оградки. Северная стенка, шириной в 30—60 см, отчасти плохо сохранившаяся, имела ровную поверхность с внешней стороны. Стенка между IV и V оградками сохранилась довольно хорошо. Она была сложена из тонких плит, местами в 10 рядов, высотой до 65 см (табл. IX:3). Эта стенка в верхней своей части производила впечатление очень широкой (до 85 см) и ровной с обеих сторон. При разборке ее, однако, оказалось, что она в нижней части была значительно у́же, так как ее верхние плиты отчасти заходили на валуны, заполнявшие оградку. Валуны лежали здесь не так густо, как в предыдущих оградках. Покрывающая эти валуны насыпь содержала, помимо обычных обломков плитняка и земли, также еще некоторое количество небольших валунов. Культурный слой имел мощность в 50—60 см. IV оградка содержала большое количество кальцинированных костей, которые местами спеклись вместе с известняковой щебенкой и деформированными под воздействием огня бронзовыми вещами в твердую белую массу, как это можно было наблюдать и в могильнике *E* в Ябара.

V оградка с востока была окаймлена стенкой, обращенной ровной стороной внутрь этой оградки. В южной части стенка распалась, в северной же сохранились некоторые крупные плиты, диаметр которых достигал здесь местами 1,4 м. Оградка была заполнена валунами, причем более крупные валуны располагались только в южной части оградки и возле ее западной стенки, в общем же преобладали мелкие булыжники, уложенные обыкновенно в два-три слоя. Культурный слой имел толщину 65—70 см. Оградка содержала много пережженных костей того же характера, как и в предыдущей оградке.

Стенки VI оградки большей частью распались. От северной стенки сохранилось только несколько крупных плит: Ширина этой стенки достигала 1,1 м. От стенки, отделяющей VI оградку от VII, сохранилась только незначительная южная часть, на которую было нагромождено несколько валунов. Ввиду плохой сохранности этой стенки невозможно было с достоверностью установить, с какой стороны она имела ровную поверхность. Ровной казалась скорее всего западная сторона. Необычайным было у этой стенки наличие некоторых крупных валунов на месте, где можно было бы ожидать продолжения плитняковой стенки, и также нахождение непережженных костей между плитами. VI оградка была заполнена валунами разной величины. Культурный слой имел толщину 45—55 см. Оградка содержала остатки как трупоположений, так и трупосожжений.

VII оградка отличалась от остальных оградок тем, что она была заполнена не валунами, а сплошь плитняковой щебенкой и землей. Поэтому материал развалившихся стенок был трудно отличим от материала насыпи. Об общем расположении стенок можно было только догадываться по скоплению более крупных плит. В VII оградке встречались остатки как трупоположений, так и трупосожжений.

Северная стенка VIII оградки была в верхней части сильно разрушена, тогда как в нижней части ее сохранилось несколько мощных плит. Восточная стенка оградки обрисовывалась очень отчетливо. Ее ровная сторона была обращена к IX оградке, однако и внутренняя сторона ее была довольно ровной. Для постройки стенки были использованы крупные плиты, диаметром до 1,25 м. Местами стенка сохранилась высотой до 35 см. Заполнением оградки служили по преимуществу валуны. Ме-

стами же насыпь из земли и битого плитняка доходила до самого грунта. В оградке были обнаружены остатки как трупоположения, так и трупосожжения, но, в общем, здесь было меньше костей, чем в предыдущих оградках.

Восточная стенка IX оградки, повидимому, была ровная с внутренней стороны, где по крайней мере несколько плит было сложено так, что их края образовали ровную поверхность. У этой оградки сохранилась и небольшая часть южной стенки. Оградка была заполнена валунами разной величины, лежавшими местами в три слоя, так что они доходили до самого дернового покрова. Обычная насыпь из битого плитняка и земли здесь отсутствовала, за исключением северной части оградки, где она состояла главным образом из земли. Оградка содержала по преимуществу пережженные кости, среди которых встречались и непережженные. Под большим валуном в северо-западной части оградки были обнаружены угли.

X оградка была самой широкой в могильнике. Ее северная стенка сильно развалилась. Насколько позволяла судить сохранность боковых стенок оградки, они имели ровную поверхность с внешней стороны; было приложено старание к тому, чтобы придать и внутренней стороне восточной стенки ровную поверхность. Южный конец этой сложенной из больших плит стенки имел ширину до 1 м. Стенка сохранилась до высоты 45 см. Оградка была заполнена валунами, причем более крупные валуны находились по краям оградки, особенно в ее восточной части, где они в одном месте лежали в ряд непосредственно возле самой стенки. Насыпь X оградки содержала сравнительно мало плитняка, но зато имела некоторое количество мелких валунов (не отмеченных на плане), доходивших до дернового покрова. За исключением отдельных погребений более позднего времени, в этой оградке было обнаружено только трупосожжение. Здесь можно было отметить наличие такой же белой твердой прослойки, как в IV оградке и в могильнике *E* в Ябара. Эта прослойка находилась обыкновенно между двумя ярусами валунов. В нескольких местах наблюдались скопления углей. Между находками №№ 406, 408 и 417 слой состоял из золы, угля и небольших пережженных камней. Камень, на котором лежала вещь № 407, носил следы огня.

Краевая насыпь на востоке могильника также была сложена из крупных валунов, промежутки между которыми были заполнены небольшими валунами. Сверху эта кладка была покрыта такой же насыпью из плитняка и земли, как и насыпь остального могильника. Культурный слой у стенки X оградки имел еще толщину 50 см, а на восточном краю могильника всего 25 см, причем по направлению к краю он становился светлее. Такое постепенное убывание культурного слоя типично именно для краевой насыпи могильников. Восточная краевая насыпь содержала и некоторое количество костей, большой частью непережженных.

*

Сравнивая каменный могильник в Пада с могильниками в Ябара, нужно отметить некоторые существенные черты отличия между ними как в смысле расположения самих могильников, так и в смысле их конструкции. Если при выборе места поселения в Ябара в середине I тысячелетия до н. э. решающую роль играло еще наличие естественных пастбищ, то этого уже нельзя сказать в отношении поселения в Пада. Здесь мы уже не имеем поблизости ни долины реки, ни береговых террас, а обширное плато, покрытое первоначально сплошными лесными массивами.

Могильник в Пада не является составной частью группы могильни-

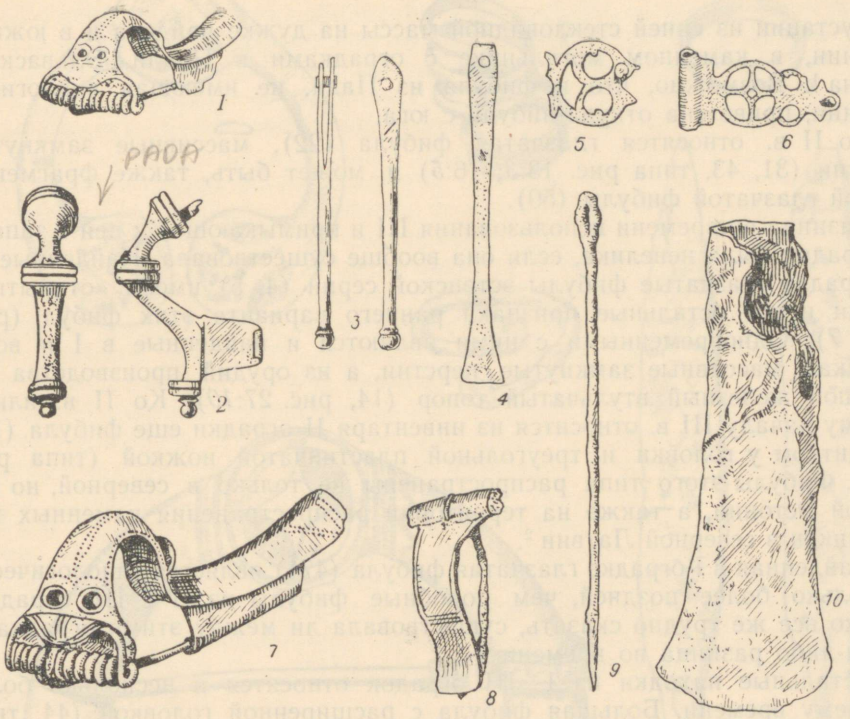


Рис. 27. Вещи из могильника в Пада (ИИ 2655). *1* — глазчатая фибула (5); *2* — профилированная фибула (20); *3—4* — язычки от ремней (28, 8); *5—6* — бляшки от ремней (24, 27); *7* — глазчатая фибула (4); *8* — пластинчатая фибула (32); *9* — швейная игла (47); *10* — втульчатый топор (14). *9, 10* — из железа, остальные из бронзы. *1, 4, 7, 10* — из II оградки. *2, 3, 5, 6, 8, 9* — из III оградки. $^2/_3$ нат. вел.

ков, как, например, могильники в Ябара. Даже если принять во внимание, что вблизи рассматриваемого могильника, должно быть, находились еще один или два могильника, — все же эти могильники не были так непосредственно связаны между собою, как могильники в Ябара. Уже одно это обстоятельство указывает на некоторую разницу в общественной структуре общин, обитавших в Пада и в Ябара.

Могильник в Пада состоял, как мы видели, из десяти оградок, анализ которых дает возможность выделить среди них известные группы. Характер стенок показывает, что в западной части могильника первой была сложена III оградка, стенки которой имеют ровную поверхность с наружной стороны. К этой оградке примыкают с запада II и I оградки. Наиболее ранними предметами в III оградке являются глазчатая фибула южнобалтийской серии (22) и профилированная фибула (20, рис. 27:*2*). Последняя своей непокрытой спиралькой и раструбчатой головкой представляет весьма ранний тип этих фибул, датируемый не позже, чем концом II века н. э.[1]. Особенностью найденной в Пада фибулы является продольный желобок на ее дужке, где сохранились следы какого-то заполнявшего этот желобок вещества, должно быть эмали. Эмаль на фибуле этого типа представляет собой уникальное явление в Прибалтике. Зато она наблюдается иногда на фибулах из римских провинций. Одна такая провинциально-римская фибула со следами

[1] Almgren, Fibelformen, стр. 40, 44—45.

инкрустации из синей стекловидной массы на дужке найдена и в южной Эстонии, в каменном могильнике с оградками в Паали, Эльваского района [1]. Возможно, что и фибула из Пада, не имеющая аналогий в Эстонии, привезена откуда-нибудь с юга.

Ко II в. относятся глазчатая фибула (22), массивные замкнутые перстни (31, 43, типа рис. 13:*3*; 16:*5*) и, может быть, также фрагменты другой глазчатой фибулы (50).

Разница во времени использования III и примыкающей к ней с запада II оградки была невелика, если она вообще существовала. Найденные во II ограде глазчатые фибулы эстонской серии (4, 5) имеют «открытые» глазки и все остальные признаки раннего варианта этих фибул (рис. 27:*1*, *7*). Одновременными с ними являются и найденные в I и во II оградках массивные замкнутые перстни, а из орудий производства небольшой железный втульчатый топор (14, рис. 27:*10*). Ко II в. или к самому началу III в. относится из инвентаря II оградки еще фибула (10) со щитком у головки и треугольной пластинчатой ножкой (типа рис. 40:*3*). Фибулы этого типа распространены не только в северной, но и в южной Эстонии, а также на территории распространения каменных могильников в северной Латвии [2].

Найденная в I оградке глазчатая фибула (471) является типологически несколько более поздней, чем подобные фибулы из II и III оградки; однако все же трудно сказать, существовала ли между этими оградками какая-либо разница во времени.

Остальные находки из I—III оградок относятся к несколько более позднему времени. Большая фибула с расширенной головкой (44, типа рис. 22:*2*) из III оградки представляет собой, как уже было отмечено, одно из самых типичных украшений в северо-восточной Эстонии. Реже встречаются фибулы с пластинчатой дужкой (19), примерно как на рис. 27:*8*, но со щитком у головки, как у фибулы рис. 40:*2*. Уникальной на территории Эстонской ССР является фибула с очень тонкой пластинчатой дужкой (32, рис. 27:*8*), представляющая собой, повидимому, какую-то упрощенную форму фибул, некоторые аналогии которой известны из Калининградской области [3]. Эти фибулы датируются обыкновенно III веком, а наша очень уплощенная фибула может относиться к IV в.

Сравнительно редкими предметами в каменных могильниках первой половины I тысячелетия н. э. являются разные украшения пояса. В III оградке найдены две поясные бляшки с ажурным орнаментом (24, 27, рис. 27:*5*, *6*) и язычок от ремня (28, рис. 27:*3*). Эти вещи были обнаружены в разных частях оградки, поэтому невозможно сказать, принадлежали ли они к одному или к нескольким поясам. Характерными для этих предметов являются их малые размеры и легкость. Если они украшали пояс, а не какие-нибудь ремни другого назначения, то и самые кожаные пояса, должно быть, были узкие и тонкие.

Орнаментальный мотив бляшки № 27 (рис. 27:*6*) — крест в круге — очень обычен для украшений III—IV вв. Разные варианты этого основного мотива можно найти на дискообразных фибулах (рис. 40:*7*, 37:*2*), особенно в южной Эстонии и северной Латвии, на привесках, на щитах больших подковообразных фибул с эмалью (рис. 28:*1*, *4*) и т. д. [4]. Однако точных аналогий этой бляшке, а также бляшке № 24 (рис. 27:*5*)

---

[1] ИИ 3235:208. Эта фибула аналогична фибуле, изображенной в работе Almgren, Fibelformen, рис. 243, см. там же, стр. 109—110.

[2] Moora, EZL II, стр. 70—72.

[3] Довольно похожа на нее фибула, правда с неприкрытой спиралькой, изображенная у Tischler-Kemke, Ostpreuss. Altertümer, табл. I:7—8.

[4] RK, табл. 8:14, 18, 21. Moora, EZL I, табл. VI:13, 14; XXIX:12.

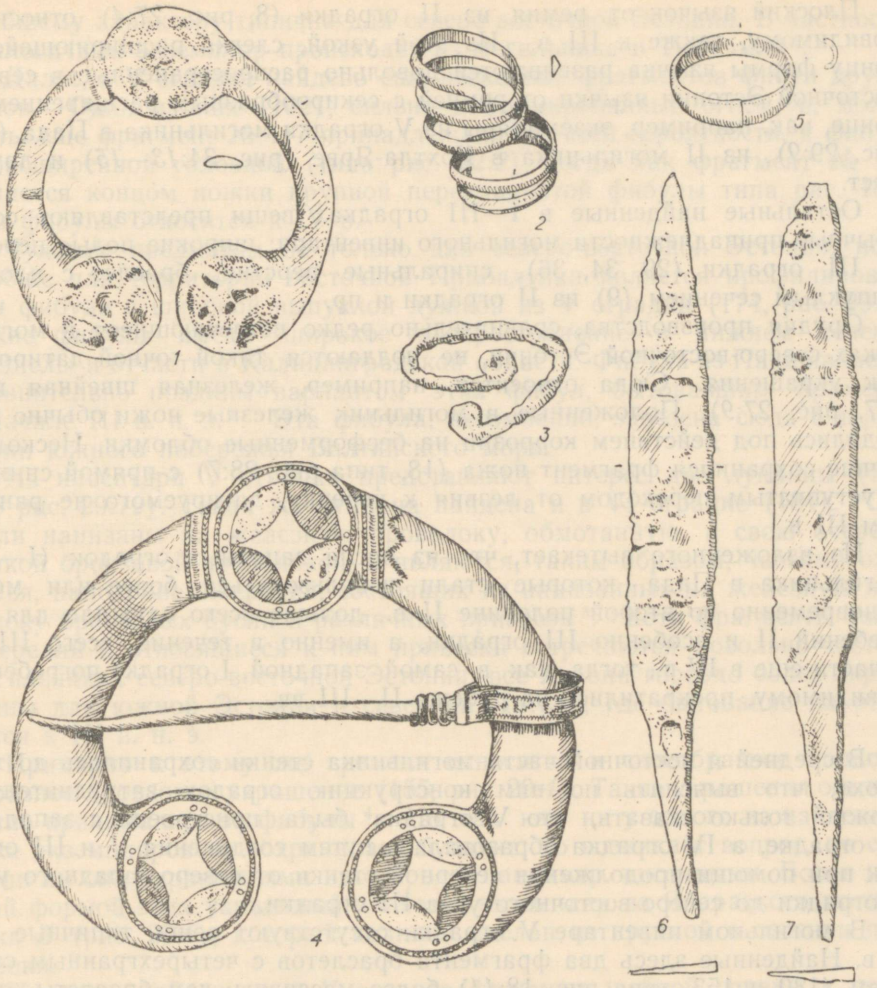


Рис. 28. Вещи из могильника в Пада (ИИ 2655). *1* — подковообразная фибула с эмалью (53); *2* — перстень (85); *3* — колечко (84); *4* — подковообразная фибула с эмалью (ИИ 2493:1); *5* — перстень (77); *6—7* — ножи (90, 94); *3, 6, 7* — из железа, остальные из бронзы. Все из IV оградки. № 4 получен при снесении камней с южного края этой оградки. $^2/_3$ нат. вел.

ни с территории Эстонской ССР, ни с соседних территорий пока неизвестно.

Простые бронзовые язычки от ремней с шишечкой на конце (28, рис. 27:*3*) или с несколько профилированным концом (типа рис. 37:*10*) найдены и в других каменных могильниках Эстонии. Язычку из Пада ближе всего по форме язычок из каменного могильника в Аакре, Эльваского района (в юго-восточной Эстонии), содержавшего главным образом предметы, относящиеся к III в.[1]. В общем, язычков от ремней найдено больше всего в могильниках северо-восточной Эстонии, например в Эссу, Малла[2], Рейнапи (рис. 37:*10*) и др. К сожалению, материал этих могильников не допускает особенно точной датировки.

[1] RK, № 373, табл. 9:17.
[2] В ГИМ. Hausmann, Grabfunde, табл. III:46.

Плоский язычок от ремня из II оградки (8, рис. 27:*4*) относится, повидимому, также к III в. Из этой узкой, слегка расширяющейся к концу формы язычка развиваются довольно распространенные в северо-восточной Эстонии язычки от ремней с секирообразным расширением на конце, как, например, экземпляры из V оградки могильника в Пада (165, рис. 29:*9*), из II могильника в Кохтла-Ярве (рис. 34:*13—15*) и других мест.

Остальные найденные в I—III оградках вещи представляют собой обычные принадлежности могильного инвентаря: широкие полые перстни из III оградки (29, 34, 36), спиральные перстни, браслет с плосковыпуклым сечением (9) из II оградки и пр.

Орудия производства, сравнительно редко встречающиеся в могильниках северо-восточной Эстонии, не поддаются такой точной датировке, как украшения. Сюда относится, например, железная швейная игла (47, рис. 27:*9*). Положенные в могильник железные ножи обычно распадались под действием коррозии на бесформенные обломки. Несколько лучше сохранился фрагмент ножа (18, типа рис. 28:7) с прямой спинкой и уступчатым переходом от лезвия к черенку, датируемого не раньше чем III в.

Из изложенного вытекает, что из числа западных оградок (I—III) могильника в Пада, которые стали использоваться более или менее одновременно во второй половине II в., дольше всего служили для погребений II и особенно III оградки, а именно в течение всего III в., отчасти еще в IV в., тогда как в самой западной, I оградке погребения, повидимому, прекратились на рубеже II—III вв.

В средней и восточной части могильника стенки сохранились до того плохо, что выяснить по ним конструкцию оградок затруднительно. Можно только сказать, что V оградка была пристроена с запада к VI оградке, а IV оградка образовалась путем соединения V и III оградок при помощи продолжения северной стенки от северо-западного угла V оградки до северо-восточного угла III оградки.

В могильном инвентаре V оградки отсутствуют вещи, типичные для II в. Найденные здесь два фрагмента браслетов с четырехгранным сечением (130 и 153, типа рис. 18:*11*) более массивны, чем браслеты этого типа из могильника *C* в Ябара, которые мы отнесли ко II в. К тому же упомянутые браслеты из Пада носят следы плавления, чего на вещах II века, как известно, не наблюдается.

Пластинчатый браслет с цилиндрическими концами из V оградки (111, рис. 29:*11*), так же как и браслет того же типа (191) из VI оградки, не является особенно характерным для могильников северо-восточной Эстонии, хотя и встречается иногда среди могильного инвентаря как в северной, так и в южной Эстонии. Эти браслеты типичны для территории распространения курганов в юго-западной Латвии, где они встречаются уже начиная со II в. н. э. Браслеты из Пада сравнительно широки и относятся, таким образом, к числу более поздних браслетов этого типа, датируемых III—IV вв., как и фрагмент браслета из могильника *B* в Ябара (рис. 19:*25*). К III в. можно отнести и замкнутые полые, а также спиральные перстни, которые обнаружены в значительном количестве в V оградке.

В V оградке найден фрагмент дискообразной ажурной фибулы, орнаментальный мотив которой состоит из четырех кругов (104, рис. 29:*3*). Это, по существу, более простая форма орнаментального мотива, представленного на описанной выше фибуле с эмалью из могильника *E* в Ябара (рис. 22:*8*). Дискообразная фибула из Пада по своей величине

и общему характеру типична для северо-восточной Эстонии. В частности, аналогичный экземпляр происходит из могильника в Тюрсамяэ [1].

Далее, в V оградке найдено еще несколько фрагментов фибул других типов. Один из них (102), сильно деформированный огнем, и, может быть, еще фрагмент № 117 принадлежали, по всей вероятности, к фибуле с расширенной головкой (типа рис. 22:*2*), тогда как фрагмент № 160 является концом ножки крупной перекладчатой фибулы типа рис. 18:*5*. Эти фибулы относятся к IV в.

Чуждым предметом не только для северо-восточной Эстонии, но и вообще для территории восточной Прибалтики является профилированная фибула с широкой выпуклой дужкой из V оградки (174, рис. 29:*6*). Такие фибулы имеют широкое распространение в нижнем течении р. Вислы и отчасти в Калининградской области. Фибула из Пада является сравнительно поздним вариантом этих фибул, бытовавшим примерно в начале III в. н. э. [2]. Эта фибула, несомненно, завезена сюда с территории южного побережья Балтийского моря.

Из инвентаря V оградки представляют интерес две лунницы (177, 178 рис. 29:*12*). Такая же лунница найдена и в VI оградке (184). Они были нанизаны на железную проволоку, обмотанную, в свою очередь, тонкой бронзовой проволокой, и являются, таким образом, частями ожерелья, наподобие ожерелий, состоящих из нанизанных на железную проволоку бронзовых бусин и различных привесок [3]. Хотя фрагменты таких ожерелий и относящиеся к ним привески встречаются довольно часто в могильниках северо-восточной Эстонии, все же они гораздо более характерны для южной Эстонии и северной Латвии, где бытование их относится к III в. н. э.

Примерно к этому же времени относится и своеобразное подковообразное бронзовое украшение (155, рис. 29:*4*). Такие украшения обыкновенно принимались за фибулы [4]. Но так как ни у одного из найденных пока экземпляров не сохранилась булавка, то возникает вопрос, не служили ли они украшениями иного рода, например височными. Более простой формой этих украшений является экземпляр из Ябараского могильника *B* (рис. 20:*6*), который целиком сделан из круглой в сечении проволоки.

Наконец, найденные в V оградке фрагмент шейной гривны с полусферической шляпкой на конце (119, типа рис. 37:*1*) и язычок от ремня с расширяющимся концом (165, рис. 29:*9*) следует отнести к IV в.

Из IV оградки, связывающей III и V оградки, нет ни одной вещи, которую можно было бы датировать раньше, чем началом III века. По существу здесь повторяется уже знакомый нам могильный инвентарь III—IV вв. Это фрагмент ножки большой фибулы, должно быть с расширенной головкой (64), фрагменты браслетов с четырехгранным, сегментарным или выпукло-вогнутым сечением (некоторые из них свернуты наподобие перстня). Среди фрагментов браслетов имеется один с покатой внешней поверхностью (как на рис. 23:*5*). IV оградка была богата также перстнями, особенно спиральными (рис. 28:*2*).

В IV оградке были обнаружены две типичные для северо-восточной Эстонии подковообразные фибулы с эмалью: фибула сравнительно небольшого размера (53, рис. 28:*1*), на которой эмаль несколько распла-

---

[1] RK, табл. 8:9.

[2] Almgren, Fibelformen, табл. VI:127—128; стр. 58—61; относительно их распространения см. там же, стр. 172—178.

[3] Ср. привески RK, табл. 9:1, 3, 5, 9.

[4] Hausmann, Grabfunde, табл. II:20—22, стр. 16.

вилась под воздействием огня, и крупный, прекрасно сохранившийся экземпляр фибулы, найденный на краю могильника при снесении его (рис. 28:*4*). Как уже было отмечено по поводу фибулы из могильника *Е* в Ябара, эти фибулы следует отнести преимущественно к IV в.

Наконец, IV оградка дала два ножа хорошей сохранности (90, 94, рис. 28:*6*, *7*). У одного из них спинка еще немного выпукла, хотя он в общем имеет прямую, не серповидную форму; другой же является типичным ножем III—IV вв. с прямой спинкой и ступенчатым переходом от нее к черенку. Неизвестное назначение имело железное колечко со свернутыми спиральками концами (84, рис. 28:*3*).

В VI оградке самыми ранними вещами являются слегка полый, но в общем еще довольно массивный замкнутый перстень (190) и глазчатые фибулы эстонской серии (194, 182, рис. 29:*10*). Последняя не особенно крупных размеров и весьма массивна, однако имеет уже «закрытые» глазки. В качестве особенности ее можно отметить древнюю починку приемника булавки с помощью двух заклепок. Судя по этой починке, фибула была не совсем новой, когда попала в могильник. По своему типу она относится к концу II в., но захоронена была, возможно, несколько позже.

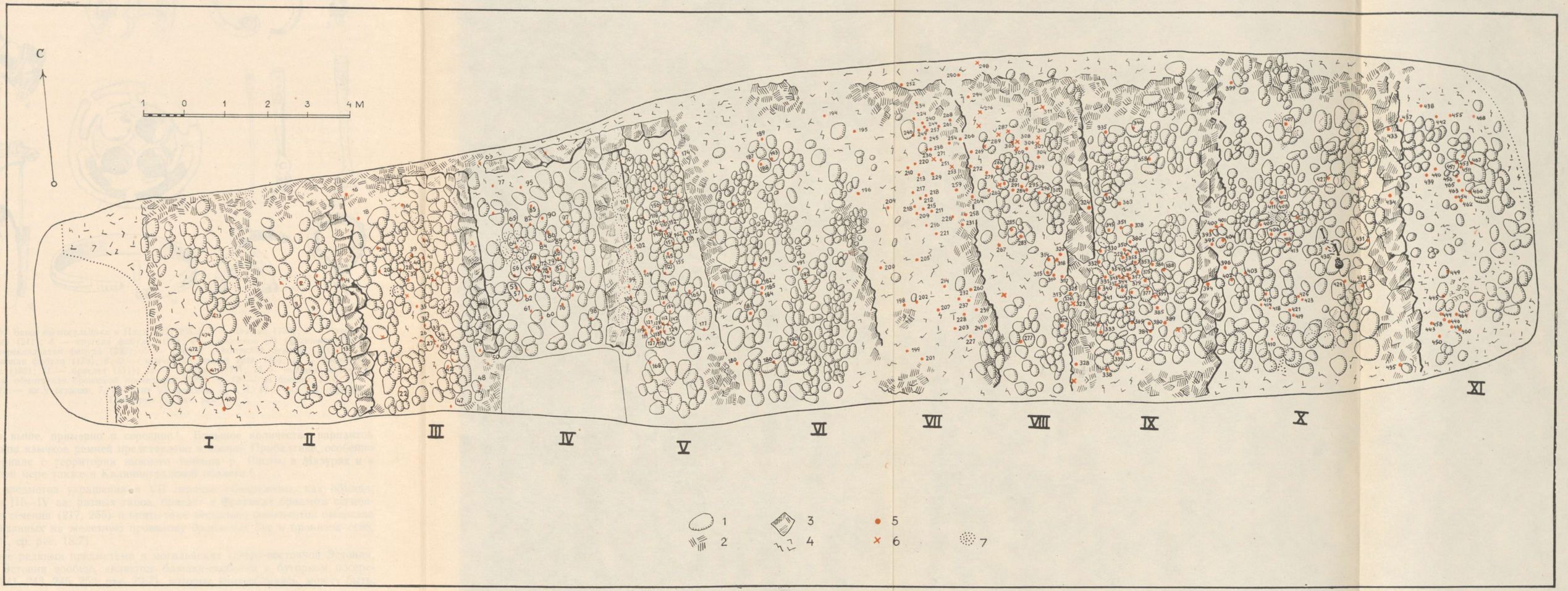
К III в. относятся упомянутый выше пластинчатый браслет с цилиндрическими концами (191), типологически несколько более поздний, чем соответствующий браслет из V оградки, фрагмент браслета сегментарного сечения, поверхность которого заштрихована (180), замкнутые полые, а также спиральные перстни и пр.

Упомянутая уже выше лунница (184) из VI оградки происходит, может быть, от того же самого ожерелья, к которому относились лунница из V оградки (рис. 29:*12*) и лунница, найденная на стенке между V и VI оградками (178). Если это так, то надо думать, что это украшение не входило в убранство покойника, а было разломано на куски и разбросано в разных частях могильника.

Интересна большая дискообразная ажурная фибула из VI оградки (179, рис. 29:*7*). Ее орнаментальный мотив представляет собой, очевидно, дальнейшее развитие отмеченного выше мотива из четырех кружков (ср. рис. 29:*3*), причем выемки между этими кружками заполнены цветной эмалью. Эту фибулу можно датировать примерно IV в. Повидимому, она была положена в могильник завернутой в бересту, о чем свидетельствуют остатки последней, сохранившиеся на нижней стороне фибулы.

Из инвентаря VII оградки наиболее ранним предметом является и замкнутый, немного желобчатый изнутри, но еще довольно массивный перстень (199) типа рис. 16:*6*, датируемый второй половиной II в. или самым началом III в. Остальные найденные в VII оградке перстни, т. е. спиральные и широкие замкнутые, характерны для III—IV вв., представленных здесь еще рядом других украшений.

К III в. или к рубежу III и IV вв. относится небольшая, довольно уплощенная перекладчатая фибула (232, рис. 29:*5*) с узкими перекладинами, украшенными плоским широким желобком. Такие фибулы очень характерны для южной Эстонии и для территории распространения каменных могильников в северной Латвии, тогда как в северной Эстонии их найдено всего несколько экземпляров. Примерно к этому же времени относится и бронзовый язычок от ремня (244, рис. 29:*8*), отличающийся от описанных выше язычков своей кольцеобразно расширяющейся нижней частью. Из язычков ремней, найденных на территории Эстонской ССР, наш язычок напоминает в некоторой мере один язычок из Камбья, Эльваского района, у которого, однако, кольцеобразное расширение на-



Могильник в Пада. *1* — валун; *2* — плохо сохранившиеся стенки оградок; *3* — плита; *4* — плитняковая щебенка; *5* — металлический предмет; *6* — керамика; *7* — скопление остатков трупосожжения и углей.

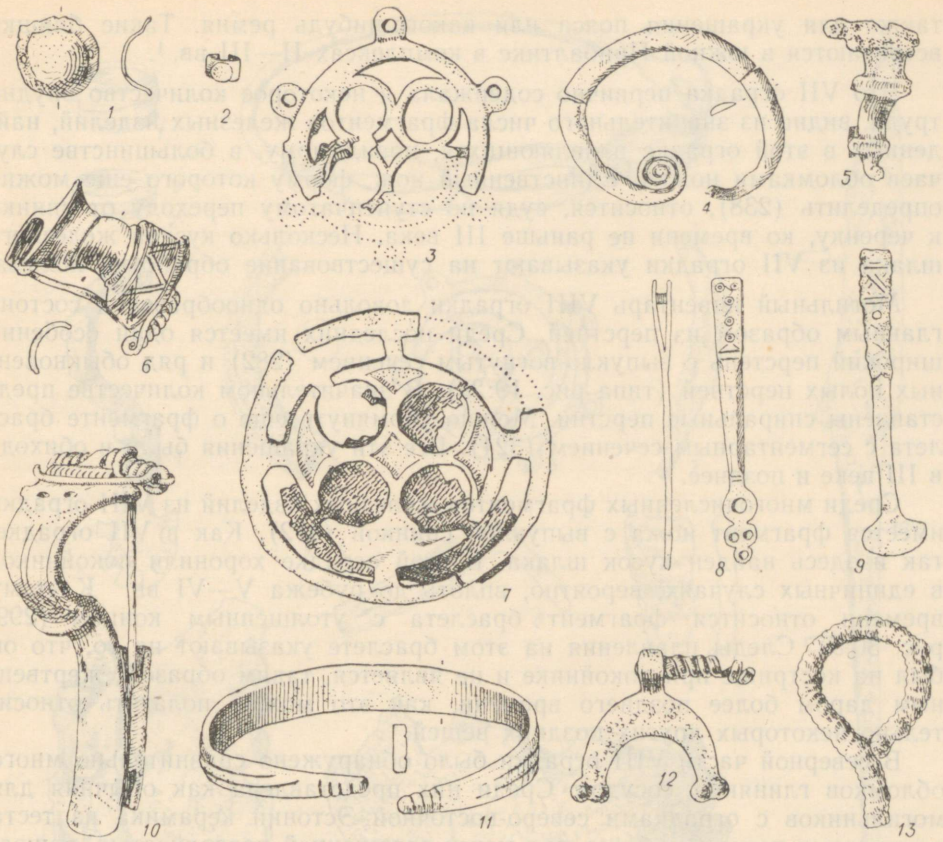


Рис. 29. Вещи из могильника в Пада (ИИ 2655). *1* — бляшка (133); *2* — бляшка-скобочка (241); *3* — круглая фибула (104); *4* — височное (?) украшение (155); *5* — перекладчатая фибула (232); *6* — фибула с выпуклой дужкой (174); *7* — дисковидная фибула (179); *8—9* — язычки от ремней (244, 165); *10* — глазчатая фибула (182); *11* — браслет (111); *12* — лунница (177); *13* — головка железной булавки, обмотанная бронзовой проволокой (209). *1—12* — из бронзы. *1, 3, 4, 6, 9, 11, 12* — из V оградки, *7, 10* — из VI оградки, *2, 5, 8, 13* — из VII оградки. Примерно $^2/_3$ нат. вел.

ходится выше, примерно в середине [1]. Большое количество вариантов этого типа язычков ремней представлено в южной Прибалтике, особенно в материале с территории нижнего течения р. Вислы, в Мазурах и в некоторой мере также в Калининградской области [2].

Из предметов украшения в VII оградке обнаружены, как обычно, перстни III—IV вв. разных типов, браслет и фрагмент браслета сегментарного сечения (217, 255) и опять-таки несколько фрагментов ожерелья из нанизанных на железную проволоку бронзовых бус и пронизок (198, 200, 221, ср. рис. 18:7).

Более редкими предметами в могильниках северо-восточной Эстонии, как и Эстонии вообще, являются бляшки-скобочки с бугорком посередине (241, 243, 245, 252, рис. 29:*2*), которые употреблялись, может быть,

[1] ИИ 1996:74.
[2] Blume, Germ. Stämme, рис. 59—63, b.

также для украшения пояса или какого-нибудь ремня. Такие бляшки встречаются в южной Прибалтике в комплексах II—III вв. [1].

Что VII оградка первично содержала и некоторое количество орудий труда, видно из значительного числа фрагментов железных изделий, найденных в этой оградке и являющихся, повидимому, в большинстве случаев обломками ножей. Единственный нож, форму которого еще можно определить (238), относится, судя по ступенчатому переходу от спинки к черенку, ко времени не раньше III века. Несколько кусков железного шлака из VII оградки указывают на существование обработки железа.

Могильный инвентарь VIII оградки довольно однообразен и состоит главным образом из перстней. Среди последних имеется один особенно широкий перстень с выпукло-вогнутым сечением (282) и ряд обыкновенных полых перстней (типа рис. 19:*23*). В значительном количестве представлены спиральные перстни. Можно упомянуть еще о фрагменте браслета с сегментарным сечением (324). Все эти украшения были в обиходе в III веке и позднее.

Среди многочисленных фрагментов железных изделий из VIII оградки имеется фрагмент ножа с выпуклой спинкой (312). Как в VII оградке, так и здесь найден кусок шлака. В этой оградке хоронили покойников в единичных случаях, вероятно, вплоть до рубежа V—VI вв. К этому времени относится фрагмент браслета с утолщенным концом (299, рис. 30:*5*). Следы плавления на этом браслете указывают на то, что он был на кострище при покойнике и не является, таким образом, жертвенным даром более позднего времени, как это можно полагать относительно некоторых других поздних вещей.

В северной части VIII оградки было обнаружено сравнительно много обломков глиняных сосудов. Среди них представлена как обычная для могильников с оградками северо-восточной Эстонии керамика из теста с примесью песка и с более или менее сглаженной поверхностью, вошедшая в употребление еще до начала н. э., а также тонкостенная, лощеная керамика (рис. 30:*9*). Могильник в Тойла показал, что эта керамика была в обиходе преимущественно во II половине I тысячелетия н. э., но возможно, что она вошла в употребление уже и раньше.

Из IX оградки происходят некоторые орудия труда, которые можно отнести ко II в. Это обломок ножа-косаря (369, рис. 30:*8*), похожий на косари из ранних погребений могильника в Ябара (ср. рис. 16:*3*, *8*), фрагмент втульчатого топора (380) того же типа, что и найденный из II оградки (рис. 27:*10*), возможно также и железное шило (388), аналогия которому имеется в могильном инвентаре из Ябара.

Большинство вещей из этой оградки относится все же только к III—IV вв.

Фрагмент большой глазчатой фибулы эстонской серии (336) с сильными следами плавления едва ли может быть датирован раньше, чем концом III или началом IV в. Два полых перстня (363, 375), из которых первый отличается своей шириной, спиральные перстни, фрагменты браслетов с сегментарным или выпукло-вогнутым сечением, свернутые иногда в виде перстней (335, 343), ажурная дискообразная фибула с орнаментом в виде колеса с загнутыми спицами (так называемое «вертящееся колесо») (358, рис. 30:*6*), фрагменты ожерелья из бронзовых бус на железной проволоке (350, 378, 391) — все это уже известные нам из предыдущего типичные украшения III—IV вв.

[1] Например, в Калининградской области такие бляшки найдены вместе с поздней глазчатой фибулой южнобалтийской серии. См. Tischler-Kemke, Ostpreuss. Altertümer, табл. X:6, 8.

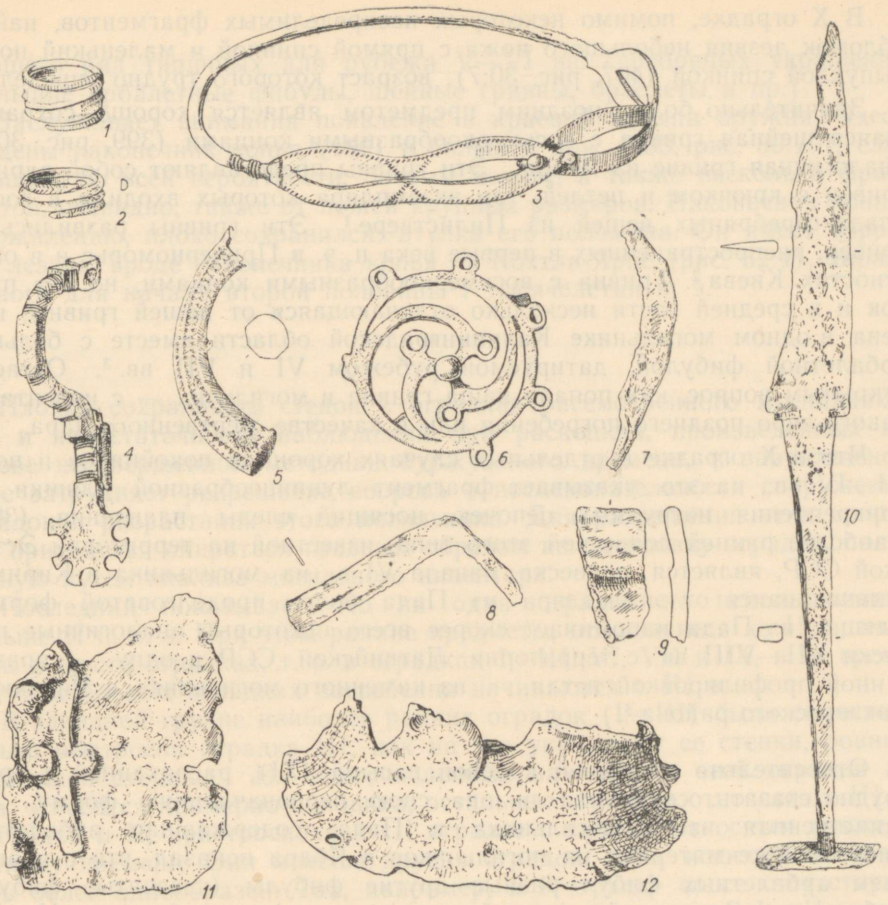


Рис. 30. Вещи из могильника в Пада (ИИ 2655). *1—2* — перстни (443, 379); *3* — шейная гривна (399); *4* — арбалетная фибула со звездчатой ножкой (451); *5* — фрагмент браслета (299); *6* — дисковидная фибула (358); *7—8* — ножи (407, 369); *9* — фрагмент керамики (276); *10* — нож (435); *11—12* — фрагменты умбона (384, 385). *1—6* — из бронзы, *7, 8, 10—12* — из железа. *5—9* — из VIII оградки, *2, 6, 8, 11, 12* — из IX оградки, *3, 7* — из X оградки, *1, 4, 10* — из восточной краевой насыпи. $^1/_2$ нат. вел.

На редкость нахождения в могильниках Эстонии деталей щитов было уже указано при описании могильника *E* в Ябара. Фрагменты умбона (384, 385, рис. 30:*11, 12*) из IX оградки Падаского могильника не дают, к сожалению, сколько-нибудь точного представления о его форме. Кажется, что он имел несколько выпуклую поверхность, подобно умбону из Ябара (рис. 26:*2*).

X оградка не дала ни одной вещи, которая достоверно была бы древнее III в. К III—IV вв. относятся фрагменты обычных браслетов с сегментарным или выпукло-вогнутым сечением, спиральные перстни, бронзовые бусины, фрагменты фибулы типа Тюрсамяэ (404, 408) и дискообразный конец большой подковообразной фибулы (типа рис. 28:*4*), украшенный эмалью (417). Два фрагмента (413) происходят, может быть, от подковообразного височного (?) украшения, подобного украшению из V оградки (рис. 29:*4*).

В X оградке, помимо некоторых неопределимых фрагментов, найден обломок лезвия небольшого ножа с прямой спинкой и маленький нож с выпуклой спинкой (407, рис. 30:*7*), возраст которого трудно определить.

Значительно более поздним предметом является хорошо сохранившаяся шейная гривна с восьмеркообразными концами (399, рис. 30:*3*), аналогичная гривне из Ябара. Эти гривны представляют собой вариант гривен с крючком и петлей, три экземпляра которых входили в состав клада серебряных вещей из Пилиствере[1]. Эти гривны развились из гривен, распространенных в первые века н. э. в Причерноморье и в окрестностях Киева[2]. Гривна с восьмеркообразными концами, но без пуговок и в средней части несколько отличающаяся от нашей гривны, найдена в одном могильнике Калининградской области вместе с большой арбалетной фибулой, датируемой рубежом VI и VII вв.[3]. Остается открытым вопрос, как попала наша гривна в могильник — с инвентарем какого-либо позднего погребения или в качестве жертвенного дара.

Что в X оградке в отдельных случаях хоронили покойников и после III—IV вв., на это указывает фрагмент лунницеобразной бляшки для прикрепления нагрудных цепочек, носящий следы плавления (396). Наиболее ранней подвеской этого типа, известной на территории Эстонской ССР, является подвеска начала VI в. из могильника в Киримяэ, отличающаяся от экземпляра из Пада более продолговатой формой. Бляшка из Пада напоминает скорее всего некоторые аналогичные подвески VII—VIII вв. с территории Латвийской ССР и одну, — правда, с иной профилировкой петли, — из каменного могильника в Ридакюла, Раквереского района[4].

Относительно восточной краевой насыпи (XI), распаханной с краю, трудно сказать, сохранила ли она свою первоначальную форму. Это единственная часть могильника в Пада, содержавшая арбалетные фибулы. Уже материал из могильников в Ябара показал, что с появлением арбалетных фибул разные другие фибулы (глазчатые фибулы, фибулы с расширенной головкой и пр.) исчезают из обихода. Из найденных в Пада арбалетных фибул самой ранней является дужка фибулы IV в. с обмотанным спиралькой шипом (433, типа рис. 19:*9*), лежавшая на стенке могильника. Кроме того, здесь имеется целый ряд фрагментов арбалетных фибул, обычно от их спиралек или тетив[5], происходящих (за исключением № 464) от совсем поздних, больших экземпляров V в. или рубежа V и VI вв. Примерно к этому же времени относится и арбалетная фибула со звездчатой ножкой (451, рис. 30:*4*), очень похожая на фибулу на рис. 20:*8* из северо-восточной краевой насыпи могильника *B* в Ябара.

Широкосерединные спиральные перстни, как перстень № 443 (рис. 30:*1*), были в обиходе также не раньше V—VI вв.[6]. Остальные спиральные перстни, найденные в восточной краевой оградке, не поддаются точной датировке. Такие же по форме перстни обычны в оградках, содержащих вещи III—IV вв., но в то же время у нас есть доказательство их бытования еще и в VI в. Подобный серебряный перстень входит, например, в состав клада из Камбья, Эльваского района, содер-

---

[1] ИИ 2489:2–4.
[2] ОАК 1891, рис. 119.
[3] Sb. Prussia 1886/87, стр. 240 (погребение 45).
[4] ИИ 2510:3; ср. RK, табл. 14:2, 5.
[5] №№ 444, 446, 449, 450, 463, 464, 468.
[6] Moora, EZL II, стр. 462.

жавшего ряд типичных для рубежа V—VI вв. серебряных украшений (большие арбалетные фибулы, шейные гривны, браслеты и пр.).

Заслуживает внимания появление в краевой насыпи оружия. Здесь найдены наконечник копья (466) и большой нож (435, рис. 30:*10*), служивший, по всей вероятности, боевым ножом, а также несколько фрагментов, очевидно, также от ножей крупных размеров. Наконечник копья, к сожалению, плохо сохранился: втулка его поломана. Он имеет короткое лезвие, вроде наконечника копья из Кохтла-Ярве (рис. 32:*4*), характерного для начала второй половины I тысячелетия н. э.

*

Плохая сохранность стенок в оградках рассмотренного могильника, как и недостаточность наблюдений при раскопках, произведенных на основе несовершенной методики буржуазного времени, в значительной мере затрудняет разрешение вопроса о последовательности сооружения оградок и разрастании этого могильника. Для разрешения этих вопросов приходится опираться главным образом на датировку оградок, полученную путем анализа могильного инвентаря.

Последний показывает, что ни одна оградка не использовалась раньше II в. н. э. При этом ранние предметы, относящиеся ко II в., найдены в шести оградках, т. е. в оградках I—III, VI, VII и IX, в то время как в остальных оградках погребения начинаются с III в.

В западной группе наиболее ранних оградок (I—III) была самостоятельно выстроена оградка III, как на это указывают ее стенки, ровные с внешней стороны. Из многочисленных находок из этой оградки ко II в. относится примерно половина, остальные же вещи относятся к III в. I оградка и II, пристроенная к III оградке с запада, относятся также к раннему времени. Они меньше других оградок, и их могильный инвентарь более однообразен. Так, например, в I оградке вовсе отсутствуют такие обычные вещи, как спиральные перстни и браслеты. В I и II оградках значительно преобладают непережженные кости со слабыми следами огня, что является также признаком раннего времени, как мы увидим ниже. Поэтому возникает вопрос, не была ли на западном конце могильника первой заложена I оградка и уже несколько позже, но также в течение II века, III оградка, а затем эти оградки были соединены с помощью II оградки.

VI и VII оградки имели более или менее одинаковый характер как в смысле сохранившегося в них костного материала, так и могильного инвентаря. VII оградка отличалась от всех остальных только своим заполнением не валунами, а плитняковой щебенкой.

Оградки VI и VII возникли, повидимому, более или менее одновременно во II в. Эта группа оградок в течение III в. была расширена на западе пристройкой V оградки и, наконец, соединена с помощью IV оградки с предыдущей группой, состоящей из оградок I—III. В IV и V оградках захоронения были обычны еще в IV в., тогда как в более ранних оградках VI и VII в IV в. хоронили уже несколько реже.

Труднее найти объяснение появлению вещей II века (ранний втульчатый топор, косарь) в IX оградке, так как некоторые наблюдения, сделанные при раскопках, указывают на то, что пристроенная к ней с восточной стороны оградка имела ровную внешнюю стенку не только со стороны восточной краевой насыпи, что естественно, но также и с запада, со стороны IX оградки, и была, таким образом, в свое время выстроена самостоятельно. В таком случае IX оградка должна была быть пристроена к VIII или к X оградке, в которых, однако, судя по

характеру могильного инвентаря, хоронили умерших не раньше III в. К тому же можно отметить, что все остальные находки из IX оградки не старше III—IV вв. Преобладание пережженных костей в этой оградке, деформация бронзовых предметов под влиянием огня — все эти черты, характерные для более поздних оградок этого могильника. Поэтому представляется наиболее вероятным, что IX оградка возникла все-таки не раньше III в. и что мы имеем здесь дело с единичным случаем находки ножа-косаря и раннего втульчатого топора в погребальном инвентаре III в.

Как было отмечено выше, могильник в Пада дает некоторые материалы для выяснения развития обряда погребения. Нет сомнения, что при правильной постановке этого вопроса при раскопках можно было бы извлечь гораздо больше данных, чем это было сделано на самом деле.

Во всяком случае удалось установить, что все оградки, восходящие ко II в., содержали известное количество непережженных костей. В I и II, а также в VI и VII оградках их было значительно больше, чем пережженных. Однако нет ни одной оградки, в которой бы остатки трупосожжения вовсе отсутствовали. Зато характер их меняется в зависимости от времени использования отдельных оградок. В ранних оградках (I—II, VI—VII), где преобладают остатки трупоположений, рассеянные между последними пережженные кости имеют обыкновенно черноватую, как бы закоптелую поверхность. При этом бросается в глаза, что эти кости являются обычно фрагментами черепов и что они иногда закопчены только с одной стороны. Однако наряду с ними имеются также фрагменты черепов без всяких следов воздействия огня. На основании этого можно полагать, что в обычае было как трупоположение, так и трупосожжение. Однако сожжение трупов производилось в это время, очевидно, при слабом огне, так что часть костей, — именно в тех частях тела, где они покрыты более толстым слоем мышц, — оставалась совершенно нетронутой пламенем. В III оградке процент обожженных костей уже больше и рядом со слабо обожженными костями здесь встречаются и беловатые, кальцинированные кости. В тех же оградках, могильный инвентарь которых не древнее III—IV вв. (IV, V, X), найдены только обожженные кости, если не считать некоторых впускных погребений значительно более позднего времени. Эти кости совершенно кальцинированы, что указывает на высокую температуру при сожжении. Под влиянием высокой температуры деформировалась и расплавилась часть бронзовых вещей; это явление наблюдается именно в тех оградках, где имеются сильно кальцинированные кости.

Таким образом, костный материал из могильника в Пада показывает, что развитие погребального обряда прошло от трупоположения через слабое обжигание трупов, при котором часть костей оставалась вовсе нетронутой огнем (II—III вв.), к сжиганию трупов при высокой температуре в III—IV вв. В V—VI же веках в обычай снова начинает входить трупоположение, чем и объясняется наличие в восточной краевой насыпи непережженных костей наряду с пережженными.

В результате анализа могильника в Пада можно сказать, что этот могильник был заложен во II в., скорее всего в середине последнего. От более раннего поселения в ближайшей окрестности не сохранилось следов, что является вполне естественным, так как это место не предоставляло особенно благоприятных условий для существования в то время, когда основным видом хозяйства было еще животноводство. Нет сомнения, что община, оставившая могильник в Пада, поселилась здесь

в поисках пригодных для земледелия участков, каковым могло служить здешнее плато со сравнительно мощным почвенным слоем.

Структура могильника и характер найденных здесь вещей показывают, что население, заложившее в Пада описанный выше могильник, состояло из трех коллективов, возможно малых семей (соответственно оградкам I, III и VI—VII), пришедших сюда, может быть, из какого-нибудь более раннего центра поселения (например, с низовьев р. Пада, где около Койла концентрируется группа каменных курганов). При разрастании коллектива могильник постепенно расширялся, так что, наконец, оградки срослись в один вытянутый могильник. Повидимому, это срастание оградок имелось в виду уже при их закладывании, так как и самые ранние оградки были уже выстроены в один ряд.

В I оградке захоронения имели место преимущественно в течение II в. и прекращаются на рубеже II и III вв. Конечно, невозможно сказать, прекратились ли здесь погребения вследствие вымирания самой общины или семьи, использовавшей эту оградку, или та же семья выстроила себе в начале III в. новую оградку. В остальных заложенных во II в. оградках хоронили умерших и в продолжение III в., а также в некоторой мере еще в IV в. В это же самое время, т. е. в III в., возникает ряд новых оградок (IV, V, VIII, X), которые служат для погребений и в IV в., когда самые ранние оградки уже не употреблялись. Исходя из этого, мы имеем право заключить, что строителями этих поздних оградок были потомки тех же самых семей, которыми в свое время были заложены более ранние оградки, оставленные в III в. К постройке новых оградок побуждал, может быть, окончательный переход от трупоположения к трупосожжению.

Как в Ябара, так и в Пада можно отметить для III—IV вв. заметный подъем материальной культуры, который находит свое отражение в широком употреблении предметов роскоши, например украшенных эмалью фибул и пр. Но при этом на материале из Пада еще не заметно тех признаков имущественной дифференциации, которые мы могли отметить в отношении могильников в Ябара, если не считать принадлежностей щита, который, может быть, входил в состав вооружения представителей родовой знати.

Процесс выделения малых семей, отражающийся в появлении индивидуальных погребений в краевой насыпи, начинается в Пада, как и в Ябара, с IV в. В V—VI вв. захоронения производятся, как правило, в краевой насыпи и только в единичных случаях еще в оградках. Однако по количеству эти поздние погребения значительно уступают погребениям II—IV вв. в оградках, на основании чего опять-таки можно заключить, что община уже распалась на отдельные коллективы, часть которых, повидимому, расселилась в другие места.

Как многие другие каменные могильники северо-восточной Эстонии, так и могильник в Пада был снова использован для погребений в значительно более позднее время, а именно в XVII—XVIII вв. Предметы могильного инвентаря этого времени — гвозди от гробов, крестик (60), два пластинчатых браслета (161, 474), пластинчатый перстень, бронзовая поясная пряжка (262) — были обнаружены в разных местах могильника.

VI. МОГИЛЬНИКИ В КОХТЛА-ЯРВЕ

Ряд каменных могильников концентрируется на возвышенном плато между Кохтла-Ярве, Кукрусе и Йыхви. Могильники расположены здесь преимущественно вдоль шоссейной дороги Таллин—Ленинград, тянущейся почти параллельно северному краю плато. Некоторые из этих могильников были исследованы уже в конце прошлого столетия [1], из других имеются лишь случайные находки.

В настоящей главе мы остановимся на двух могильниках, раскопанных в 1946 и 1947 гг. Эти могильники находились в 2—2,5 км на северо-восток от центра г. Кохтла-Ярве, в пределах заложенного недавно жилого квартала. Бурное строительство, развертывающееся здесь в связи с грандиозным развитием сланцевой промышленности, дало толчок для исследования этих могильников, расположенных на участке, отведенном под новостройки.

Из описываемых могильников один находился примерно в 400 м на восток от здания начальной школы в бывш. дер. Ярве, примыкая непосредственно к северному краю шоссейной дороги и, повидимому, заходя даже под нее. Другой могильник был расположен несколько северо-западнее, а именно: в 150 м на север от северного конца того же школьного здания.

В 350 м на юго-восток от первого могильника, по другую сторону шоссейной дороги, в 170 м к югу от нее, расположен третий, небольшой, четырехугольный, еще неисследованный каменный могильник, частично разрушенный с краю, причем там будто бы были найдены какие-то железные изделия («копья») [2]. На краю могильника, между камнями, выступают и теперь непережженные кости.

Недалеко отсюда, в поле, еще в 1937 г. были видны остатки каменного могильника в виде каменной вымостки площадью 88 м², окончательно разрушенной во время Великой Отечественной войны. Кроме того, имеются неопределенные сведения о существовавших когда-то поблизости от I и II могильников еще нескольких могильников и одного каменного могильника, обнаруженного при постройке жилого квартала недалеко от центра г. Кохтла-Ярве, по южную сторону шоссейной дороги.

*

---

[1] Могильники в Ярве, Пеэри, Эдисе и др. Hausmann, Grabfunde, стр. 3—17 RK, 389, 390. Beitr. Estl. V, стр. 107.

[2] Отчет о разведке 1937 г. в ИИ.

I могильник в Кохтла-Ярве, из которого еще до раскопок в музей поступили 2 спиральных перстня и 4 бусины [1], был раскопан в 1946 г. под руководством Э. А. Аристэ и автора настоящей работы [2].

Могильник обрисовывался в поле в виде низкого, плоского всхолмления, которое на северо-востоке незаметно сливалось с полем, а на юго-западе, западе и северо-западе понижалось на 30—50 см. Здесь постепенное понижение поверхности продолжается также и за пределами могильника, так что на северо-западе, за полем, начинается уже низина, отчасти заболоченная. Могильник уже издавна подвергался распашке, разрушившей верхний слой его насыпи. Поэтому поверхность могильника отличалась от поверхности окружающего поля только наличием кусков плитняка, которых в остальном пахотном слое почти не встречалось.

Раскопки показали, что мы имеем дело с остатками типичного каменного могильника с оградками, структура которого, однако, была нарушена не только вспашкой, но и еще в более раннее время (табл. XI). А именно, этот каменный могильник первой половины I тысячелетия н. э. стал снова использоваться в XVII—XVIII вв., когда в него было впущено большое число грунтовых погребений. При этом использовались не только края древнего могильника, — как это часто делалось и в других местах, — но и его центральная часть. Поздними захоронениями были разрушены стенки оградок, перемещен культурный слой и, повидимому, частично выбраны камни, так что от первоначальной кладки сохранились в более или менее нетронутом виде лишь небольшие участки.

На юго-восточном краю раскопок был обнаружен ряд крупных валунов, идущий с юго-юго-запада на северо-северо-восток, в одном месте все же нарушенный погребением ребенка. От юго-юго-западного конца этой «стенки» по направлению на запад-северо-запад, почти под прямым углом к первому ряду шел другой ряд из нескольких крупных валунов. Повидимому, здесь был угол оградки, причем окаймлявшие ее камни были уложены таким образом, что их внешняя сторона образовала более или менее ровную поверхность. Остальные стенки этой оградки были разрушены поздними погребениями.

Оградка была в свое время заполнена небольшими валунами. Возле самой стенки сохранилась частично нетронутая кладка из уложенных небольших валунов, между которыми было сравнительно много находок.

К этой оградке, обложенной крупными валунами, с юго-запада примыкала другая оградка, огороженная с юго-запада и юго-востока плитняковыми стенками. Последние сохранились также только отчасти, но их структура вполне ясна. Юго-восточная стенка имела ширину 90 см, причем плиты ее были уложены в два ряда, образуя ровную поверхность как с внешней, так и с внутренней стороны. Юго-западная стенка была уже и имела ровную поверхность только с внешней стороны. Эта оградка была также заполнена валунами, среди которых встречались и весьма крупные.

Далее, на юго-западе встречалось еще несколько скоплений камней, повидимому остатков каменной кладки. Наличие между ними некоторых вещей первой половины I тысячелетия н. э. заставляет думать, что и здесь, может быть, в свое время была еще одна оградка, впоследствии совершенно разрушенная поздними погребениями. Но, с другой

[1] ИИ 3596:1—6. Среди бусин имеются: одна синяя стеклянная, одна millefiori, одна двойная с позолотой и фрагмент бусины из янтаря.

[2] Отчет о раскопках в ИИ.

стороны, эти вещи могли находиться также и в краевой насыпи могильника.

Некоторое представление о протяжении могильника в северном направлении дает распространение обломков плитняка, прикрывавших первоначально весь могильник. Плитняк был нагроможден особенно густо у юго-восточного края раскопа, т. е. в юго-восточной краевой насыпи могильника, которую удалось обследовать только отчасти, так как она, очевидно, уходила под шоссейную дорогу.

Мощность культурного слоя колебалась в зависимости от степени разрушенности могильника как поздними погребениями, так и вспашкой. Под широкой плитняковой стенкой можно было установить, как и в Пада, следы разведения очистительных огней, о чем свидетельствуют темные пятна с вкраплением угля в грунтовом гравии.

В этом могильнике было найдено чрезвычайно мало костного материала, если не считать поздних погребений. Ко времени первичного использования могильника восходят только некоторые осколки пережженных костей.

Скелетов от более поздних погребений было обнаружено здесь свыше 140. Кроме того, культурный слой содержал много непережженных костей, разбросанных беспорядочно, так что общее число захоронений было, несомненно, еще больше. На севере грунтовые могилы, вероятно, продолжались за пределы раскопа. Костяки лежали на различной глубине и имели самую различную ориентировку. Иногда они залегали один под другим. Часть покойников была похоронена в деревянных гробах или на подстилке из досок, о чем свидетельствовали остатки древесины под скелетами, а также наличие большого числа железных гвоздей. Найденные у ряда покойников монеты относятся большей частью к XVII в.

Приступая к анализу материалов из I Кохтла-Ярвеского могильника, нужно прежде всего отметить плохую сохранность этого могильного памятника. Можно было наблюдать, что вещей, относящихся к первой половине I тысячелетия н. э., было обычное количество только в тех местах, где каменная кладка сохранилась более или менее нетронутой, тогда как в местах, разрушенных более поздними погребениями, вещей было мало. Поэтому создается впечатление, что при поздних погребениях вместе с камнями была удалена и часть первоначального могильного инвентаря. Почти полное отсутствие костного материала раннего периода существования могильника может найти себе объяснение, если предположить, что здесь преобладало трупоположение, и что кости, подвергнувшись действию воздуха при рытье могил в более позднее время, совершенно истлели. Отсутствие следов огня на большинстве металлических вещей может в некоторой степени служить подтверждением этого предположения, хотя, с другой стороны, найденные здесь (правда, в очень ограниченном количестве) пережженные кости и сплавившийся в бесформенный комок бронзовый предмет (202) говорят за то, что здесь было в обиходе и трупосожжение.

Самой ранней находкой из рассматриваемого могильника является фрагмент керамики с имитацией сетчатого орнамента и с отверстиями (151, рис. 31:*21*), найденный в северо-западной краевой насыпи на глубине 50 см. Так как в могильниках северо-восточной Эстонии сетчатая керамика обыкновенно не встречается, то можно предположить, что этот фрагмент происходит из какого-то более раннего культурного слоя, что наблюдалось уже в Ябара и Тойла, где на соответствующих горизонтах также была собрана керамика, резко отличающаяся от кера-

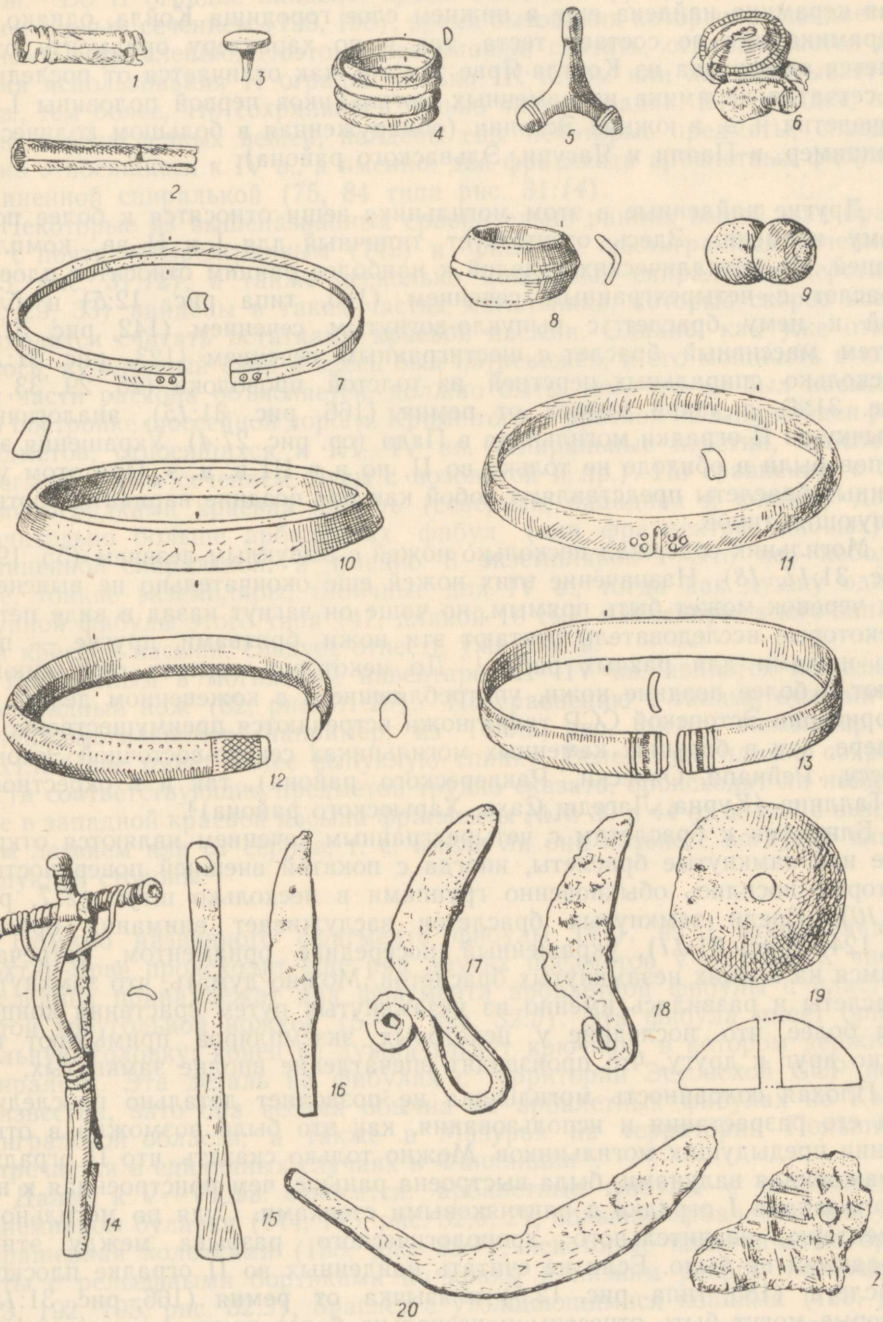


Рис. 31. Вещи из I могильника в Кохтла-Ярве (ИИ 3975). *1—2* бронзовые трубочки (38, 35); *3* — заклепка (14); *4* — перстень (86); *5* — привеска (150); *6* — фрагмент какой-то фибулы (80); *7* — браслет (142); *8* — перстень (78); *9* — бронзовая бусина на железной проволоке (89); *10—13* — браслеты (217, 124, 123, 114); *14* — арбалетная фибула (179); *15* — язычок от ремня (166); *16* — нож (152); *17, 18* — ножи с выпуклым лезвием (55, 193а); *19* — костяное пряслице (42); *20* — серповидный нож (82); *21* — фрагмент керамики (151). *1—15* из бронзы, *16—18, 20* — из железа. $^2/_3$ нат. вел.

мики самого каменного могильника. В северо-восточной Эстонии сетчатая керамика найдена еще в нижнем слое городища Койла, однако эта керамика как по составу теста, так и по характеру орнамента отличается от черепка из Кохтла-Ярве так же, как отличается от последнего и сетчатая керамика из каменных могильников первой половины I тысячелетия н. э. в южной Эстонии (обнаруженная в большом количестве, например, в Паали и Яагупи, Эльваского района).

Другие найденные в этом могильнике вещи относятся к более позднему времени. Здесь отсутствует типичный для I и II вв. комплекс вещей. Из металлических изделий к наиболее ранним относится плоский браслет с четырехгранным сечением (185, типа рис. 12:*5*) и близкий к нему браслет с выпукло-вогнутым сечением (142, рис. 31:*7*), затем массивный браслет с шестигранным сечением (123, рис. 31:*12*), несколько спиральных перстней из толстой проволоки (25, 29, 33, 86, рис. 31:*4*) и узкий язычок от ремня (166, рис. 31:*15*), аналогичный язычку из II оградки могильника в Пада (ср. рис. 27:*4*). Украшения этих типов были в обиходе не только во II, но и в III в. н. э. При этом указанные браслеты представляют собой как раз поздние варианты соответствующих типов.

Могильник содержал несколько ножей с выпуклым лезвием (55, 193а, рис. 31:*17, 18*). Назначение этих ножей еще окончательно не выяснено. Их черенок может быть прямым, но чаще он загнут назад в виде петли. Некоторые исследователи считают эти ножи бритвами, другие — просто ножами для разных работ[1]. До некоторой степени они напоминают и более поздние ножи, употреблявшиеся в кожевенном деле[2]. На территории Эстонской ССР такие ножи встречаются преимущественно на севере, как в больших каменных могильниках северо-восточной Эстонии (Эссу, Рейнапи, Оявески, Раквереского района), так и в окрестности г. Таллина (Курна, Лагеди, Саха, Харьюского района)[3].

Близкими к браслетам с четырехгранным сечением являются открытые или замкнутые браслеты, иногда с покатой внешней поверхностью, которые носились обыкновенно группами в несколько штук (217, рис. 31:*10*). Среди замкнутых браслетов заслуживает внимания браслет № 124 (рис. 31:*11*), украшенный посередине орнаментом, встречающимся на концах незамкнутых браслетов. Можно думать, что замкнутые браслеты и развились именно из незамкнутых путем срастания концов, тем более, что последние у некоторых экземпляров примыкают так тесно друг к другу, что производят впечатление вполне замкнутых.

Плохая сохранность могильника не позволяет детально проследить ход его разрастания и использования, как это было возможно в отношении предыдущих могильников. Можно только сказать, что II оградка, огражденная валунами, была выстроена раньше, чем пристроенная к ней с юго-запада I оградка с плитняковыми стенками. Судя по могильному инвентарю, значительного хронологического разрыва между этими оградками не было. Если не считать найденных во II оградке плоского браслета (185, типа рис. 12:*5*) и язычка от ремня (166, рис. 31:*15*), которые могут быть отнесены к несколько более раннему времени, чем другие вещи, то могильный инвентарь I и II оградок довольно однороден: в обеих найдено по широкому полому перстню (№ 167 во II оградке и № 78 в I оградке; рис. 31:*8*), спиральные перстни и бусины с позо-

[1] Hackman, Ältere Eisenz. in Finnland, стр. 236.

[2] История культуры древней Руси. Под общей редакцией академика Б. Д. Грекова и проф. М. И. Артаманова. 1, М., 1948, рис. 103.

[3] Beitr. Estl. XX, стр. 41.

лотой. Во II оградке найдено, кроме того, два фрагмента браслетов с сегментарным сечением (196, 198), время бытования которых не поддается точному определению. Поэтому невозможно сказать, ограничивается ли время использования II оградки только III веком или же охватывает и IV в., тем более, что сохранилась только часть оградки. В I оградке, помимо перечисленных вещей, найдены еще некоторые предметы, определенно относящиеся к IV в., а именно: два фрагмента арбалетных фибул с удлиненной спиралькой (75, 84 типа рис. 31:*14*).

Некоторые из вышеназванных сравнительно ранних вещей, как браслет с почти четырехгранным (142) и браслет с шестигранным сечением (123, рис. 31:*12*), а также несколько массивных спиральных перстней (25, 29, 33) найдены в таких частях могильника, которые скорее всего приходится считать остатками краевой насыпи. Однако, как уже отмечалось, культурный слой и здесь был потревожен, и его мощность в южной части раскопа объясняется, должно быть, тем, что он был насыпан при постройке шоссейной дороги. Кроме того, в краевой насыпи найден ряд предметов, относящихся к III—IV вв. (спиральные перстни, браслеты с сегментарным сечением, бусы с позолотой и пр.). По сравнению с самими оградками краевая насыпь (северная, западная и южная) дала значительно больше арбалетных фибул (или фрагментов таковых) с удлиненной спиралькой, а именно 8 экземпляров [1]. Это все небольшие, тонкие экземпляры, типичные для IV в., тогда как дужку одной крупной фибулы этого типа (47, длиной 10 см), найденную в юго-западной краевой насыпи, следует отнести уже к V в.

Редкостным в могильном инвентаре III—IV вв. является железный серповидный нож (82, рис. 31:*20*). По сравнению с такими ножами из ранних могильников (например, из Тойла; рис. 10:*10*) экземпляр из Кохтла-Ярве имеет более выпуклую спинку. Вследствие плохой сохранности соответствующих предметов трудно сказать, происходят ли найденные в западной краевой насыпи фрагменты №№ 30 и 44 от ножей с выпуклым лезвием или от серпов, т. е. имели ли они лезвие с вогнутой или с выпуклой стороны.

Помимо названного фрагмента фибулы (47), из I могильника в Кохтла-Ярве происходит еще ряд других предметов V—VI вв. К числу последних принадлежат два фрагмента арбалетной фибулы с пластинчатой треугольной ножкой (5—6, рис. 32:*5*). Эта фибула имеет оригинальную головку: конец ее дужки загнут крючком, в котором держится спиралька. Эта деталь на фибулах с территории Эстонской ССР пока неизвестна, зато она весьма обычна на арбалетных фибулах из Калининградской области, а также в Мазурах на территории Польши и встречается в единичных случаях в Финляндии [2].

Далее, к V—VI вв. относятся: арбалетные фибулы с цельнолитым приемником булавки (144, 145, рис. 32:*6*, *2*), большая арбалетная фибула, украшенная колечками (138, рис. 32:*7*), некоторые пластинчатые браслеты с рельефными бортиками по краям и низким ребром посередине (23, 192, 195, рис. 32:*9*), браслет с утолщающимися концами (129, рис. 32:*8*), наконечник копья (19, рис. 32:*4*). Аналогии этим предметам имеются как в кладах рубежа V—VI вв., так и в упомянутом уже не раз могильном комплексе того же времени из Киримяэ [3]. Примерно к V в. относится большая фибула с симметричными концами (153, рис.

---

[1] №№ 8, 22, 68, 122, 140, 146, 147, 179.
[2] Hackman, Ältere Eisenz. in Finnland, табл. 1:4, 5.
[3] SMYA XXXV:I, рис. 3—5, 11, 14.

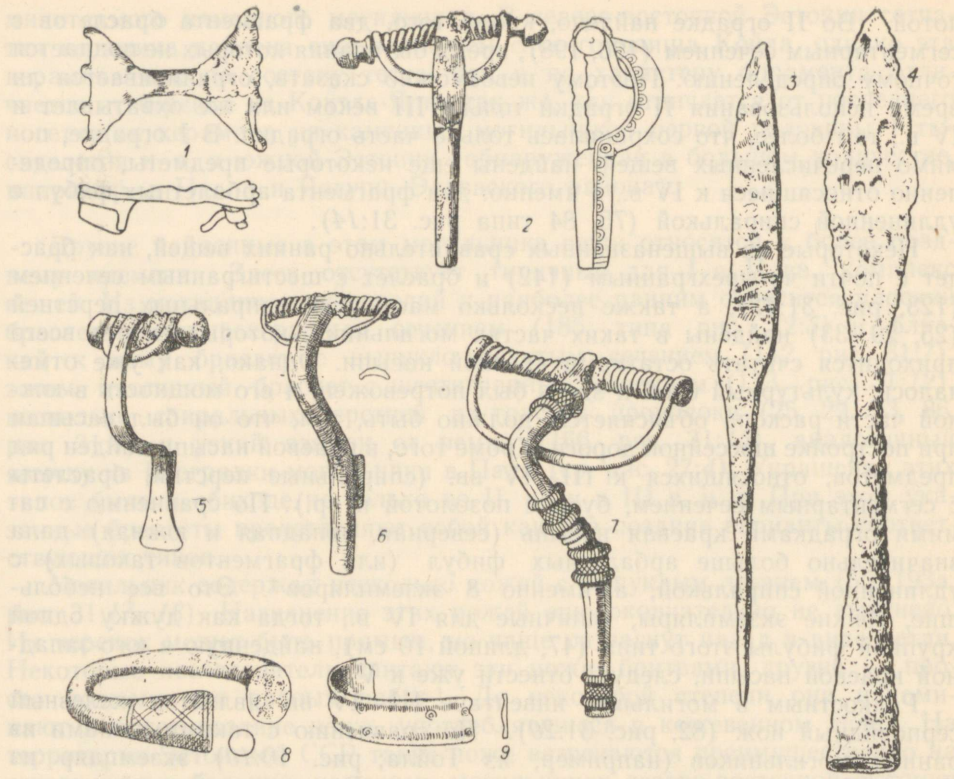


Рис. 32. Вещи из I могильника в Кохтла-Ярве (ИИ 3975). *1* — фибула с симметричными концами (153); *2* — арбалетная фибула (145); *3* — нож (126); *4* — наконечник копья (19); *5—7* — арбалетные фибулы (5, 144, 138); *8—9* — браслеты (129, 195). *1—2, 5—9* — из бронзы, *3—4* — из железа $^1/_2$ нат. вел.

32:*1*), которая по типу является только немногим более ранней, чем экземпляр из Сайкла, Ориссаареского района, на о. Саарема, датируемый V в. [1], и, наконец, небольшая трехконечная привеска (150, рис. 31:*5*), напоминающая головки известных булавок V—VI вв. [2]. Из подобных привесок, найденных в Эстонии, можно назвать привеску из Сытке (рис. 44:*6*), прикрепленную с помощью цепочки к булавке конца V или начала VI в.

Расположение в могильнике перечисленных вещей V—VI вв. дает основание думать, что все они происходят из краевой насыпи: арбалетная фибула с пластинчатой ножкой (5—6, рис. 32:*5*) и пуговка арбалетной фибулы (32) из юго-западной краевой насыпи; арбалетные фибулы (138, 144, 145, рис. 32:*2*, *6*, *7*) и браслет с утолщающимися концами (129, рис. 32:*8*) из юго-восточной краевой насыпи; фибула с симметричными концами и трехконечная привеска (153, 150, рис. 32:*1*; 31:*5*) из северной части краевой насыпи; наконечник копья (19, рис. 32:*4*), браслет (23) и фрагмент арбалетной фибулы (22) из юго-западной краевой на-

---

[1] ИИ К 37:1. Моога, EZL II, стр. 81.

[2] С нашей привеской сравнима, например, одна булавка из Эссу, Раквереского района (в ИМ), которая, правда, значительно больше по размеру и может относиться к VII—VIII вв.

сыпи. Только два из пластинчатых браслетов (192, 195, рис. 32:9) были найдены в самой II оградке и на ее стенке.

Таким образом, здесь повторяется явление, наблюдавшееся в могильниках в Ябара и Пада. Оградки использовались для погребений в III в. и отчасти в IV в., на что указывает нахождение в них арбалетных фибул с удлиненной спиралькой. Но так как большинство этих фибул было найдено вне оградок, то из этого можно заключить, что и на Кохтла-Ярвеском могильнике в IV в. начинает отражаться процесс разложения семейных общин. Если в IV в. покойников хоронили и в оградках, и в краевой насыпи, то в V—VI вв. для погребении использовались только периферийные части могильника, т. е. краевая насыпь. В начале VI в. могильник перестает существовать и в течение последующих столетий не используется. Но, повидимому, воспоминания об этом священном месте не погасли, так как только этим и можно объяснить то, что тут снова возникает кладбище в XVII—XVIII в.

*

II могильник в Кохтла-Ярве, исследованный в 1947 г., находился недалеко от северо-западного края того же плато, что и I могильник. Примерно на расстоянии 100 м от могильника на север и на северо-запад имеется спуск к небольшой террасе, за которой расположен торфяник, поросший лесом.

Сведения об этом могильнике, как и о предыдущем, были получены в 1937 г.[1]. Тогда же там были найдены фрагмент браслета, свернутый в виде перстня, и широкий полый перстень[2].

Поверхность могильника уже издавна распахивалась, поэтому внешне он выделялся в поле только в виде незначительного бугорка, усеянного обломками плитняка.

Это типичный могильник с четырьмя оградками (табл. XII, XIII:1), расположенный на небольшом всхолмлении, имевшем наклон к югу. Первоначально, повидимому, и поверхность самого могильника имела слабый наклон в том же направлении, выровненный впоследствии вспашкой. Это явствует из того, что в северной части могильника верхний горизонт культурного слоя вместе с верхними частями стенок могильного сооружения был снесен, а у южного подножия могильника можно было наблюдать более мощное скопление перепаханного культурного слоя над остатками краевой насыпи.

Благодаря этому культурный слой в северной части могильника достигал 20—25 см толщины, а в южной — 35—45 см.

Все оградки были совершенно замкнуты и ограждены стенками, сложенными из плитняка. Как уже было сказано, эти стенки сохранились в северной части могильника хуже, чем в южной; так, например, от стенок I оградки в северной части сохранился только нижний ряд кладки. Повидимому, первоначально стенки были сложены из довольно больших плит, которые, однако, в верхних рядах кладки раскололись.

Первой явно была выстроена III оградка, самая широкая и расположенная на самой верхушке естественного всхолмления. Все стенки ее имели ровную поверхность снаружи, а изнутри — неровную. Южная стенка немного наклонилась. Оградка была заполнена валунами, а промежутки между последними — обычной плитняковой щебенкой и зем-

[1] Отчет о разведке 1937 г. в ИИ.
[2] ИИ 3608:1—2.

лей. Валуны располагались группами; больше всего их было в южной части оградки, где на крупных валунах лежали еще и мелкие, частью не зарисованные на плане. III оградка была богаче остальных находками и костным материалом. Преобладали непережженные кости, которых было больше всего в квадрате *j* 13 и в прилегающих к нему квадратах. Незначительное количество костей было обнаружено и в северной части III оградки, а также возле западной и восточной стенок (квадраты *h* 15, *h* 14, *i* 15). В квадратах *h* 12—*h* 11 было погребение, очевидно, более позднего времени, при совершении которого в одном месте была разрушена стенка между III и II оградками.

Конструкция стенок и углов оградок показывает, что к III оградке последовательно были пристроены с востока II и I оградки.

II оградка была заполнена валунами, плитняковой щебенкой и землей. В южной части этой оградки было довольно много непережженных костей, особенно возле находившегося здесь крупного валуна. В северной части оградки было также много костей (в квадрате *e* 11), в остальных же квадратах были обнаружены только единичные человеческие зубы и небольшие обломки костей.

I оградка содержала очень мало валунов. Заполнявшая эту оградку плитняковая щебенка залегала тонким слоем в северной части оградки (диаметр осколков обыкновенно не больше 10 см). Культурный слой имел здесь светлую окраску и почти не содержал костей. В южной части I оградки куски плитняка были крупнее и культурный слой толще, однако все же светлее, чем в остальных оградках. Здесь, в частности возле южной половины западной стенки, было также больше костей. Среди непережженных костей встречались и единичные пережженные. Остатки трупоположения и трупосожжения имелись еще в юго-восточном углу I оградки. Кости были обожжены слабо, некоторые только частично. Среди пережженных костей преобладали фрагменты черепов. В общем же I оградка содержала костей меньше, чем предыдущие оградки.

С запада к III оградке была пристроена IV оградка, заполненная по преимуществу валунами. Здесь было также мало находок. Остатки трупоположений концентрировались в одном месте возле восточной стенки, на остальной площади костей почти не было.

Краевая насыпь была, повидимому, местами снесена плугом. На востоке краевая насыпь имела значительную ширину, но небольшую толщину и состояла из мелких обломков плитняка, частота которых к краю уменьшалась. От северной краевой насыпи сохранились лишь незначительные остатки, тогда как южная краевая насыпь имела значительную мощность. Ее ширина превышала местами 2 м, и насыпь состояла из крупных, тесно нагроможденных плит. Культурный слой достигал здесь толщины 35—42 см, причем верхний горизонт его (толщиной в 20—30 см) состоял, очевидно, из нанесенной плугом пахотной земли, под которой залегали камни.

Краевая насыпь содержала, в общем, мало костей, немного больше их было в южной части. По сравнению с оградками здесь было больше остатков трупосожжений, не только в южной, но и в восточной краевой насыпи.

Во многих местах были обнаружены следы «очистительного» выжигания площади под могильник. Под стенками III и IV оградок находилась тонкая прослойка с вкраплением углей, и нижние плиты этих стенок были покрыты копотью с нижней стороны. В некоторых местах в грунтовом песке выделялись темные пятна, вероятно, от кострищ. В квадрате *e* 8 в материке была ямка глубиной до 70 см от поверхности могильника и диаметром 40 см, заполненная валунами и небольшими

I могильник в Кохтла-Ярве. *1* — плиты и валун стенок; *2* — валуны; *3* — плитняковая щебенка; *4* — металлический предмет; *5* — керамика. Схематично зарисованные скелеты относятся в XVII—XVIII вв.

II могильник в Кохтла-Ярве. *1* — плиты стенок; *2* — валуны; *3* — плитняковая щебенка; *4* — металлический предмет; *5* — керамика; *6* — уголь; *7* — скопление пережженных костей; *8* — более крупные плиты среди плитняковой щебенки.

обломками плитняка. Небольшие скопления, а также отдельные вкрапления углей были обнаружены во многих местах как в самом культурном слое, так и в материке.

Создается впечатление, что II могильник в Кохтла-Ярве был сооружен над каким-то более ранним слоем, с которым связаны, должно быть, и два фрагмента керамики: один с шнуровым, другой с гребенчатым орнаментом (69 и 94, рис. 33:*8*, *9*). Оба были обнаружены в грунтовом песке. В северо-западной Эстонии оба названных вида орнамента встречаются на глиняных сосудах еще в I в. н. э. Так, например, керамика этих обоих типов найдена в каменном могильнике I в. в Раннамыйза, Кейлаского района [1], а шнуровая керамика — в каменном могильнике в Адила, Раплаского района. Из могильников северо-восточной Эстонии только могильник в Тойла содержал в грунтовом песке несколько фрагментов гребенчатой керамики, которые и там происходили из нижнего, подмогильного горизонта.

Больше всего костей и вещей содержала III оградка, выстроенная, как уже было указано, раньше других. Здесь найдены наиболее ранние вещи из этого могильника, а именно: узкий массивный перстень II или начала III в. (140, рис. 34:*1*), аналогичный некоторым перстням из могильника *C* в Ябара (рис. 13:*3*), и спиральные перстни из толстой круглой в сечении проволоки [2], каковых в других оградках этого могильника не обнаружено.

Остальные металлические вещи из III оградки относятся к III и IV вв. Можно назвать целый ряд замкнутых полых перстней, среди которых заслуживают внимания особенно широкие экземпляры (109, 137, рис. 34:*2*, *3*), а также перстень с раздвоенными и завернутыми спиралью концами (142, рис. 34:*10*). Один из широких полых перстней (рис. 34:*3*) украшен редким для перстней орнаментом. Для большего удобства ношения его внутренняя сторона сделана немного у́же, чем лицевая, что наблюдается и на некоторых других поздних перстнях этого типа.

К числу других, обычных для III—IV вв. предметов могильного инвентаря принадлежат фрагменты спирального перстня (132), фрагмент браслета, плоско-выпуклого в сечении (107), а также целый ряд стеклянных бус с позолотой. Среди последних преобладают двойные, но имеются также тройные и даже четверные; последние имеют очень небольшой диаметр (162). Кроме того, здесь представлены и некоторые виды бус, более редкие в Эстонии: две маленькие бусины из янтаря (113, 117), должно быть привозные откуда-нибудь с южного или юго-восточного побережья Балтийского моря, маленькая круглая бусинка из синего стекла, черная стеклянная бусина и фрагменты двух узорчатых бусин из цветной эмали (127, 136).

II могильник в Кохтла-Ярве является, таким образом, в пределах северо-восточной Эстонии одним из наиболее богатых бусами и в этом отношении может быть сопоставлен с поздними оградками (VII—VIII) могильника *B* в Ябара. Из украшений пояса в III оградке этого могильника найдены три язычка с расширяющимися секирообразными концами (104, 160, 190, рис. 34:*13—15*), аналогичные язычкам из Пада (рис. 29:*9*) и относящиеся, повидимому, также к IV в. Украшением пояса или какой-либо другой принадлежностью одежды была и ажурная бляшка (118, рис. 34:*9*), по своей форме напоминающая бляшки из могильников

---

[1] Beitr. Estl. XI, стр. 23—24, 35; T a l l g r e n, Zur Arch. Eestis I, стр. 67, 69—70; табл. I.

[2] №№ 126, 127, 130, 146, 173, 176.

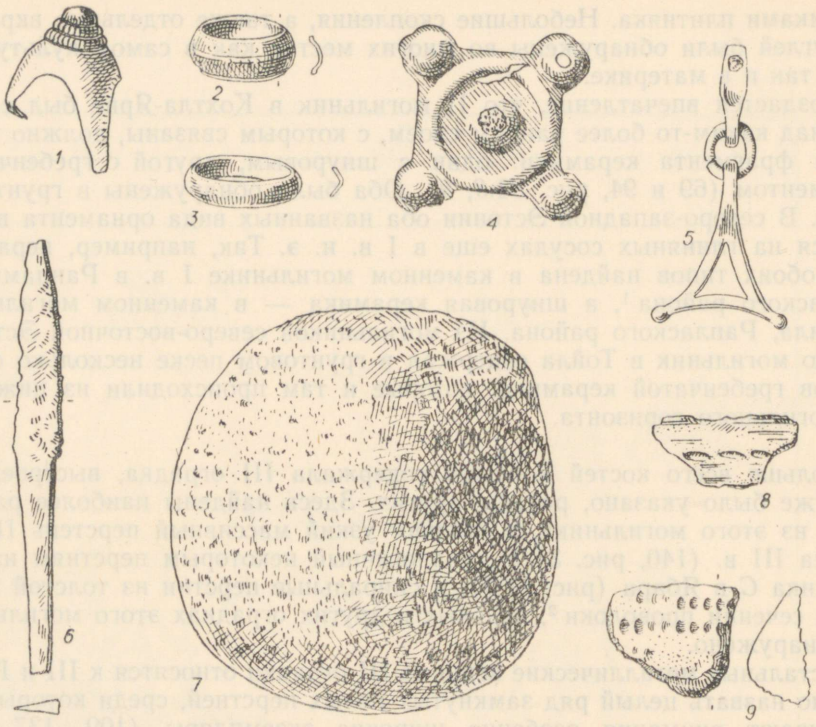


Рис. 33. Вещи из II могильника в Кохтла-Ярве (ИИ 3982). *1* — конусообразная бляшка (38); *2—3* — перстни (26, 7); *4* — бляшка (82); *5* — привеска (70); *6* — нож (40); *7* — растиральный камень (197); *8—9* — фрагменты керамики (69, 94). *1—5* — из бронзы, *6* — из железа. *1, 2* — из I оградки, *4, 5* — из II оградки, *7* — из IV оградки, *3, 6* — из краевой насыпи, *8—9* — из грунтового песка. $^2/_3$ нат. вел.

в Пада и Рейнапи (рис. 27:*6*), но резко отличающаяся от этих тонких, изящных бляшек своей массивностью. На нашей бляшке сохранились следы покрывавшего ее поверхность серебристого слоя (олова?). В северо-восточной Эстонии этот прием украшения поверхности бронзовых вещей встречается сравнительно редко, зато он имел широкое распространение у населения окрестности г. Пайде и в южной Эстонии, где таким способом украшались круглые фибулы, привески, бронзовые бусы, некоторые фибулы с расширенной головкой и пр.[1].

Своим сравнительно маловыразительным орнаментом и небрежной выделкой бляшка из Кохтла-Ярве напоминает некоторые поздние круглые фибулы[2] и относится, вероятно, как и последние, ко времени не раньше IV в., хотя точных аналогий этой бляшке неизвестно.

Миниатюрные четырехугольные бляшки-скобочки с бугорком посередине (121, 144, 219, рис. 34:*7, 8*) встречаются редко в инвентаре каменных могильников Эстонии. Зато они довольно обычны в длинных курганах кривичей[3]. Недоумение вызывает нахождение вместе с одной

---

[1] Ср. RK, табл. 4:9, 11.

[2] Ср. RK, табл. 8:2.

[3] Чернягин Н. Н., Длинные курганы и сопки. МИА VI, М.—Л., 1941, табл. I:3, II:3, 6. Тараканова С. А., Длинные и удлиненные курганы. СА XIX, М., 1954, рис. 6 в.

такой скобочкой (121) конической бляшки из олова, которую едва ли можно датировать раньше, чем XIV—XV вв.

II оградка содержала меньше костного материала и меньше вещей, чем III оградка. По времени она относится к III—IV вв. Здесь также найдено несколько замкнутых, широких полых перстней (76, 86, 87), бронзовая тонкая бляшка с выпуклым орнаментом в виде кружка и бугорков (82, рис. 33:*4*), для датировки которой у нас не имеется достаточно сравнительного материала, фрагмент спиральки и тетивы арбалетной фибулы IV в. — единственной в настоящем могильнике — и треугольная ажурная привеска (70, рис. 33:*5*) южноэстонского типа.

Инвентарь I оградки состоял преимущественно из перстней, среди которых имеются некоторые спиральные и два широких, замкнутых, полых перстня (26, 36, рис. 33:*2*). Уникальным предметом является происходящая из этой оградки конусообразная, довольно массивная бронзовая бляшка (38, рис. 33:*1*), аналогии которой автору неизвестны.

Предполагать значительную разницу во времени использования I и II оградки нет основания.

IV оградка, пристроенная с запада к III оградке, еще беднее находками, причем последние не дают опоры для точной датировки этой оградки. Здесь были найдены только один граненый растиральный камень (197, рис. 33:7), два черепка глиняного сосуда, неопределимый фрагмент железного предмета (ножа?) и железная оковка от ножен ножа, должно быть значительно более позднего времени. Другой фрагмент этого же предмета был найден на самой поверхности могильника.

В краевой насыпи найдены, в общем, такие же вещи, как в самих оградках. В юго-восточном углу краевой насыпи был найден узкий перстень (7, рис. 33:*3*) начала III в. В южной краевой насыпи были обнаружены бусины (122, 226), спиральный перстень (222), несколько фрагментов перстней или браслетов, небольшой нож с прямой спинкой (40, рис. 33:*6*) и растиральный камень (58, типа рис. 33:7). В могильниках северо-восточной Эстонии такие камни встречаются редко, зато они довольно обычны в могильниках в окрестности г. Пайде, где их найдено, например, несколько десятков штук в большом могильнике с оградками в Нурмси. В значительном числе они представлены также в могильнике Вереви, Эльваского района, на северо-восточном берегу оз. Выртсъярв.

Несмотря на то, что II могильник в Кохтла-Ярве дал мало точно датируемых вещей, все же можно заключить, что он был заложен не позже рубежа II—III вв. Основная масса погребений в нем относится к III в. н. э., тогда как в IV в. количество захоронений убывает.

Размеры III оградки, выстроенной раньше других, заставляют думать, что она принадлежала сравнительно большой общине. Повидимому, с ростом этой общины было связано и расширение могильника путем последовательной пристройки трех более узких оградок. С другой стороны, малочисленность костей и могильного инвентаря в этом могильнике свидетельствует о том, что оградки, особенно крайние из них (т. е. I и IV оградки), не были в полной мере использованы и что в течение IV в. захоронения становятся уже редкими и, наконец, совсем прекращаются. Бросается также в глаза то обстоятельство, что краевая насыпь могильника не содержала более поздних вещей.

Из всего этого можно заключить, что значительная часть общины, пользовавшейся этим могильником, — в случае если не предполагать ее истребления в результате какой-либо катастрофы (эпидемия или пр.), — уже в начале IV в. выделилась и продвинулась в поисках новых уча-

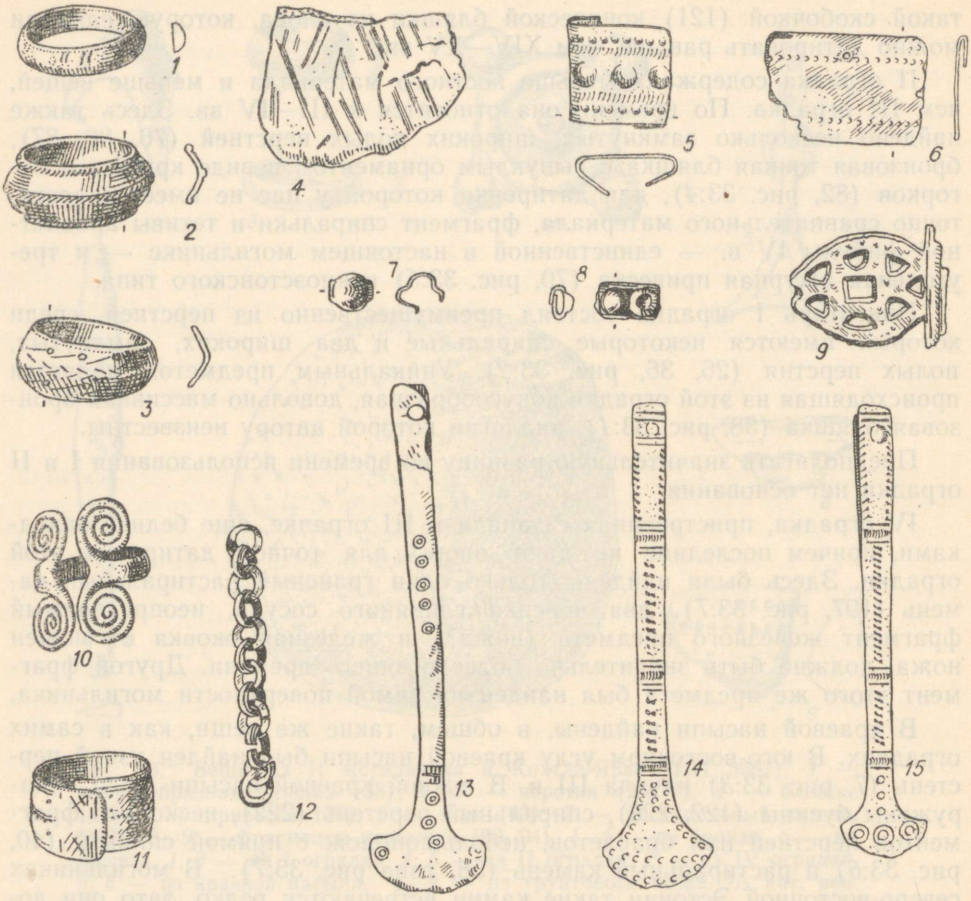


Рис. 34. Вещи из II могильника в Кохтла-Ярве (ИИ 3982). *1—3* — перстни (140, 137, 109); *4* — фрагмент керамики (215); *5—9* — бляшки (167, 148, 121, 118); *10* — перстень (142); *11* — фрагмент браслета (203); *12* — цепочка (143), *13—15* — язычки от ремней (104, 190, 160), *1—3*, *5—15* — из бронзы. Все из III оградки. $^3/_4$ нат. вел.

стков для земледелия в какие-нибудь другие места, причем на старом месте осталась, повидимому, только незначительная часть ее.

Если сравнить могильники в Кохтла-Ярве с могильниками в Ябара и Пада или с другими могильниками северо-восточной Эстонии, например с исследованными Р. Гаусманом могильниками в Ярве и Пеэри [1], расположенными недалеко от Кохтла-Ярве, то оказывается, что могильники в Кохтла-Ярве образуют особую группу, к которой относятся, вероятно, неисследованный могильник по другую сторону шоссейной дороги и вышеупомянутые разрушенные могильники в ближайшей окрестности. Если даже допустить, что значительная часть инвентаря описанных выше I и II могильников могла вследствие поздних захоронений и вспашки растеряться, все же инвентарь этих могильников, особенно второго, выделяется своим единообразием и, можно сказать, примитивностью. Здесь, например, совершенно отсутствуют фибулы (за исключением нескольких арбалетных в I могильнике), вещи с эмалью и пр.

В то же время II могильник в Кохтла-Ярве относится к числу могиль-

[1] Hausmann, Grabfunde, стр. 3—17.

ников с наиболее правильной конструкцией из известных в северо-восточной Эстонии. В обряде погребения здесь преобладает трупоположение, а трупосожжение носит еще ранний характер сожжения на слабом огне. Только те немногочисленные обожженные кости, которые найдены в I могильнике, кальцинированы.

Преобладание трупоположения и скудность могильного инвентаря — сравнительно ранние черты. Бытование этих особенностей в период до IV в. находит себе объяснение, может быть, в том, что мы имеем здесь дело, до некоторой степени, с периферийной территорией, которая была заселена позже, чем, например, окрестности Ябара. Повидимому, население проникло сюда небольшими общинами, которые выделились из какого-нибудь более крупного населенного центра и, по всей вероятности, были связаны между собою родовыми связями. Этим скорее всего и объясняется расположение на сравнительно небольшой территории ряда небольших могильников, которые, однако, все же не так тесно связаны между собою, как группа могильников в Ябара.

VII. ДРУГИЕ МОГИЛЬНИКИ И КЛАДЫ

В предыдущих главах были проанализированы материалы раскопок важнейших систематически исследованных могильников северо-востока Эстонии. В последующем мы дадим краткое описание нескольких других могильников, исследованных настолько, что они дают возможность сделать некоторые выводы о характере их развития. Некоторые из этих могильников раскопаны уже давно, на других были произведены раскопки только разведочного характера.

Наконец, имеется целый ряд еще не исследованных каменных могильников, которые причислены к могильникам первой половины I тысячелетия н. э. или только по внешним признакам, или по случайным находкам. Эти могильники нанесены на карту распространения памятников указанного периода (рис. 53), но описание их здесь не приводится.

Могильник в Оявески, Раквереского района, расположенный в 4 км на север от местечка Кадрина, был вскрыт в 1932—1933 гг.[1]. Он находится на небольшом возвышении среди полей, между р. Лообу и впадающим в нее ручейком. Примерно в 100 м на восток от этого могильника имеется другой, еще не исследованный могильник.

Раскопанный каменный могильник имел длину с запада на восток 25 м и ширину до 11 м. Составленный А. Фриденталем план раскопок весьма схематичен (рис. 35) и не дает детального представления о структуре стенок. Из находок только часть отмечена на плане номерами. По своему обыкновению, А. Фриденталь оставил и здесь нераскопанной значительную часть краевой насыпи, а может быть даже целую оградку.

Могильник состоял из четырех частей. Восточный конец могильника (IV) был еще до раскопок частично снесен. В остальном эта часть могильника с южной, восточной и северной сторон была обложена крупными валунами, расставленными довольно редко и несколько дугой. Повидимому, эта часть образовала большую оградку. По описанию, она была заполнена также валунами, расположенными в восточной половине в два яруса, а в западной половине в один ярус, «рядами», ориентированными с севера на юг. В опубликованной реконструкции могильника[2] эти «ряды» имеют довольно неправильный вид и представляют собой, повидимому, обычное заполнение оградки.

Западнее находились две оградки (II, III), огороженные плитняковыми стенками и заполненные валунами. Стенка между II и III оградкой достигала необычайной ширины (2 м) и имела с обеих сторон ров-

[1] Beitr. Estl. XX, стр. 1—44. Вещи хранятся в ИМ.
[2] Там же, рис. 4.

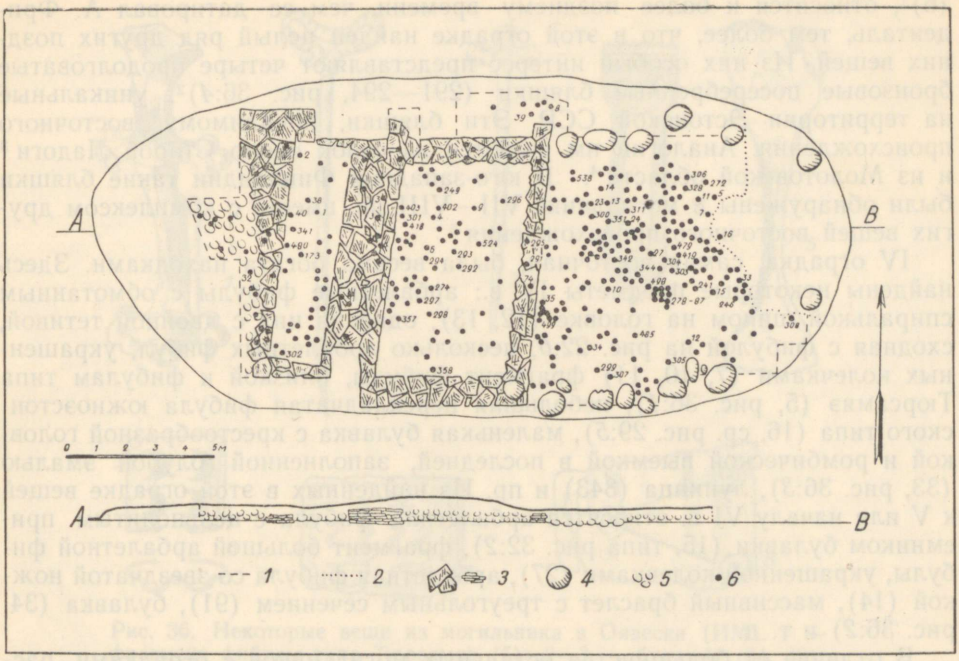


Рис. 35. Могильник в Оявески, Раквереского раойна. *1* — граница раскопанной площади; *2* — край разрушенной части; *3* — плитняковая стенка; *4* — валун; *5* — валуны (схематически); *6* — находка. Оградки I—IV считать с запада на восток. I оградка раскопана частично.

ную поверхность. Судя по структуре остальных стенок, III оградка, более широкая, была пристроена к более узкой, II оградке.

На западном конце могильника была раскопана лишь небольшая площадь (I), выложенная валунами. Возможно, что здесь имелась еще одна оградка.

В IV оградке преобладало трупоположение, хотя в некоторых местах под ярусом с трупоположением были обнаружены гнездами и остатки трупосожжений. Во II и III оградках преобладало трупосожжение, но встречались и единичные непережженные кости. Обычно пережженные кости спекались здесь вместе с вещами и известняковой щебенкой в твердый белый конгломерат, как это наблюдалось и в могильнике *E* в Ябара и в Пада.

Наиболее ранними предметами из могильника в Оявески являются два фрагмента глазчатых фибул, повидимому, эстонской серии (№№ 1—2)[1], найденные во II оградке. Эта оградка содержала также фрагмент шейной гривны III в. с конусообразными концами (38, типа рис. 42:*5*) и некоторые более поздние вещи, между прочим фрагмент шейной гривны с утолщенными концами (40) рубежа V—VI вв.

В III оградке были найдены фибулы — одна типа Тюрсамяэ (4), похожая на изображенную на рис. 42:1, но более грубой выделки, и другая — арбалетная, украшенная колечками (9). Эти фибулы типичны для IV в. Видимо, к III в. относятся небольшие ножи с выпуклым лезвием и загнутой петлей или спиралью ручкой, типа рис. 31:*17*, *18*. Симметричная фибула с трехлопастными концами, украшенными эмалью

[1] Номера вещей приведены по опубликованному в Beitr. Estl. XX, стр. 17—34, списку.

(6)[1], относится к более позднему времени, чем ее датировал А. Фриденталь, тем более, что в этой оградке найден целый ряд других поздних вещей. Из них особый интерес представляют четыре продолговатые бронзовые посеребренные бляшки (291—294, рис. 36:*4*)[2], уникальные на территории Эстонской ССР. Эти бляшки, повидимому, восточного происхождения. Аналогии им имеются из сопок около Старой Ладоги[3] и из Молотовской области[4]. В юго-западной Финляндии такие бляшки были обнаружены в могильнике VII—VIII вв. вместе с комплексом других вещей восточного происхождения[5].

IV оградка, самая восточная, была весьма богата находками. Здесь найдены некоторые предметы IV в.: арбалетные фибулы с обмотанным спиралькой шипом на головке (12, 13), одна из них с двойной тетивой, сходная с фибулой на рис. 22:*6*, несколько арбалетных фибул, украшенных колечками (7, 10, 11) фрагмент фибулы, близкой к фибулам типа Тюрсамяэ (5, рис. 36:*1*), небольшая перекладчатая фибула южноэстонского типа (16, ср. рис. 29:*5*), маленькая булавка с крестообразной головкой и ромбической выемкой в последней, заполненной голубой эмалью (33, рис. 36:*3*), лунница (343) и пр. Из найденных в этой оградке вещей к V или началу VI в. относятся арбалетная фибула с цельнолитым приемником булавки (15, типа рис. 32:*2*), фрагмент большой арбалетной фибулы, украшенной колечками (27), арбалетная фибула со звездчатой ножкой (14), массивный браслет с треугольным сечением (91), булавка (34, рис. 36:*2*) и т. д.

В отличие от большинства остальных могильников с оградками, расположенных в северо-восточной Эстонии, в Оявески VII и VIII вв. представлены еще целым рядом вещей могильного инвентаря, причем здесь бросается в глаза необычное количество предметов из драгоценного металла. В IV оградке был обнаружен целый ряд тонких серебряных поясных (?) бляшек с выпуклым орнаментом в виде кружков, бугорков и спиралек (299, 300, 306, 351, рис. 36:*6*, *8*), а также три экземпляра таких же бляшек с изображениями птиц (303—305, рис. 36:*7*), два серебряных спиральных перстня (242, 246) и золотой спиральный перстень с расширяющейся пластинчатой средней частью и крученными концами (90). Этот перстень был найден при сносе восточного конца могильника[6]. Уникальной для Эстонии является найденная в IV оградке серебряная позолоченая поясная бляшка VII—VIII вв. с антропоморфными изображениями (345)[7], скандинавского происхождения.

К VIII—IX вв. относится булавка с треугольной головкой из IV оградки (35)[8]. Поврежденную огнем головку такой же булавки мы отметили выше в верхнем ярусе могильника в Тойла (рис. 10:*19*). Помимо северо-востока Эстонии, булавки этого типа известны еще и с островов Саарема и Муху, а также с городища Рыуге на юго-востоке Эстонии.

В могильнике в Оявески наиболее ранней является II оградка, которая стала использоваться на рубеже II—III вв. Одновременно со II оградкой, очевидно, была выстроена и III оградка, на что указывает широкая, тщательно сложенная и хорошо сохранившаяся стенка между

---

[1] Там же, рис. 13:4.
[2] Там же, рис. 13:25.
[3] Чернягин, Длинные курганы, табл. XI:2.
[4] Beitr. Estl. XX, стр. 38—39; OAK 1898, рис. 93.
[5] SMYA XLI, рис. 58.
[6] Фриденталь (Beitr. Estl. XX, стр. 36—37) считает этот предмет браслетом, что едва ли соответствует действительности. Это скорее всего развернутый спиральный перстень, которому точных аналогий, однако, неизвестно.
[7] Beitr. Estl. XX, рис. 17.
[8] Там же, рис. 13:13.

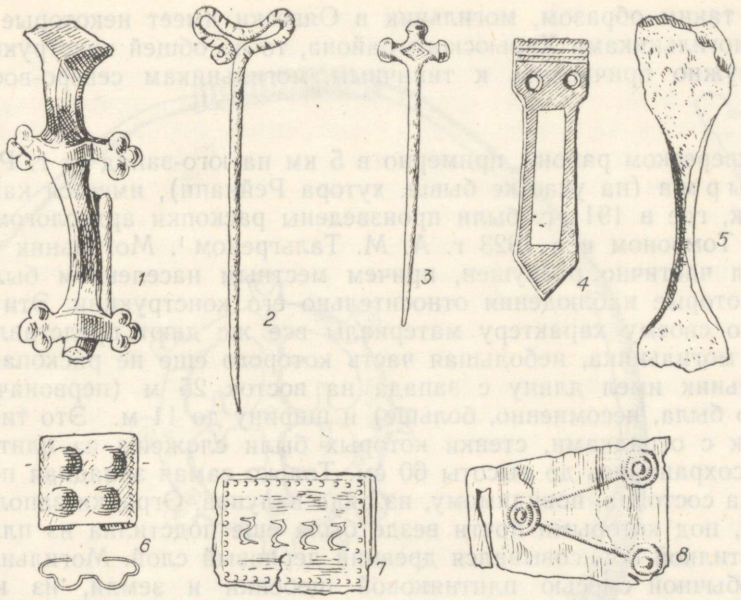


Рис. 36. Некоторые вещи из могильника в Оявески (ИМ). *1* — фрагмент фибулы типа Тюрсамяэ (5); *2—3* — булавки (34, 33); *4—8* — бляшки (294, 302, 286, 304, 307). *1—4, 8* — из бронзы. *5* — из железа. *6—7* — из серебра. Примерно $^2/_3$ нат. вел.

этими оградками. Наиболее интенсивно могильник использовался в IV в., когда стали хоронить и в его крайних оградках.

Следовательно, этот могильник был заложен несколько позднее, чем, например, могильник в Пада. Использовавшая его община состояла сначала, повидимому, из двух ветвей, соответственно II и III оградкам, но затем быстро разрослась, как это видно из пристройки I и IV оградок. Последняя из них показывает уже некоторые черты отхода от правильной оградочной конструкции, как это можно было наблюдать и у самой восточной оградки могильника *B* в Ябара.

С другой же стороны, в пределах северо-восточной Эстонии этот могильник представляет собой исключительное явление в том смысле, что здесь продолжали хоронить в оградках еще вплоть до VIII—IX вв., тогда как в остальных могильниках захоронения в оградках прекращаются на рубеже IV—V вв., после чего для погребений использовалась только краевая насыпь. В этом отношении указанный могильник представляет некоторую аналогию могильникам в Курна, Харьюского района (близ Таллина) [1], где также в самих оградках найдено сравнительно большое число вещей, датируемых VI—IX вв. Можно еще добавить, что могильник в Оявески содержал и некоторые вещи, аналогии которым имеются именно в Курна и некоторых других могильниках, расположенных в той же части Харьюского района, несколько на юго-восток от Таллина. Это, прежде всего, железные язычки от ремней (рис. 36:*5*), найденные в большом числе в Курна [2], и круглые бляшки, украшенные «глазком» из синего стекла (типа рис. 19:*6*), находки которых, как уже указывалось выше (стр. 86), сосредоточены именно в могильнике в Курна и окружающей его местности.

[1] Friedenthal, Cournal, планы I—II и табл. I—IV.
[2] Там же, табл. I:88—94.

Если, таким образом, могильник в Оявески имеет некоторые общие черты с могильниками Харьюского района, то по общей конструкции его все же нужно причислить к типичным могильникам северо-восточной Эстонии.

В Раквереском районе, примерно в 5 км на юго-запад от г. Раквере, в дер. Тырма (на участке бывш. хутора Рейнапи), имеется каменный могильник, где в 1911 г. были произведены раскопки археологом-любителем А. Томсоном и в 1923 г. А. М. Тальгреном [1]. Могильник еще до этого был частично разрушен, причем местным населением были сделаны некоторые наблюдения относительно его конструкции. Эти разноценные по своему характеру материалы все же дают представление о строении могильника, небольшая часть которого еще не раскопана.

Могильник имел длину с запада на восток 25 м (первоначальная длина его была, несомненно, больше) и ширину до 11 м. Это типичный могильник с оградками, стенки которых были сложены из плитняка и местами сохранились до высоты 60 см. Только самая западная поперечная стенка состояла, повидимому, из ряда валунов. Оградки заполнялись валунами, под которыми почти везде была еще подстилка из плитняка. Под подстилкой обрисовывался древний дерновый слой. Могильник был покрыт обычной смесью плитняковой щебенки и земли, из которой состояла и краевая насыпь.

Могильник содержал остатки как трупоположений, так и трупосожжений; последние часто в виде спекшегося с известняковой щебенкой белого слоя. В самой западной оградке под валунами будто бы лежал хорошо сохранившийся скелет, ориентированный головой на север; при нем были железный нож, шейная гривна (рис. 37:*1*) и два перстня на пальцах одной руки.

Большинство вещей из этого могильника получено при более ранних любительских раскопках или при выборке камней. Распределение этих вещей в могильнике можно установить поэтому только в самых общих чертах. Лишь сравнительно небольшая часть могильного инвентаря происходит из раскопок А. М. Тальгрена и точно зафиксирована на плане раскопок.

В общем, инвентарь могильника в Тырма датируется временем от II в. до начала VI в. [2].

Ко II в. относится несколько глазчатых фибул основной серии, среди которых имеются довольно ранние экземпляры (примерно типа рис. 14:*8*), далее браслет с шишечками на концах (типа рис. 13:*10*), массивные замкнутые перстни, втульчатый топор и, возможно, также некоторые серповидные ножи (рис. 37:*3*). Это тот же комплекс вещей, который мы отметили выше для восточных оградок могильника *С* в Ябара.

III век также представлен в этом могильнике рядом типичных вещей. Это глазчатые фибулы эстонской серии средних размеров, далее значительное число браслетов с сегментарным или выпукло-вогнутым сечением, перстни спиральные и широкие полые, упомянутая выше шейная гривна с полусферическими концами (рис. 37:*1*) и, по всей вероятности, несколько язычков от ремней с профилированными концами (рис. 37:*10*) и пр.

К IV в. относятся фибулы с расширенной головкой, фрагмент фибулы типа Тюрсамяэ, круглая фибула (рис. 37:*2*), фрагмент булавки со сквоз-

---

[1] ERM Aastar. II, стр. 187—200. Отчет о раскопках в ИИ.

[2] Вещи, поступившие в музей в разное время, хранятся в ИИ под номерами 2308:1—2; 2485:10, 11, 16, 17; 2488:1—186; 2496:1—83; 2521:1—4; 2553:1—9. Несколько вещей хранится в МР.

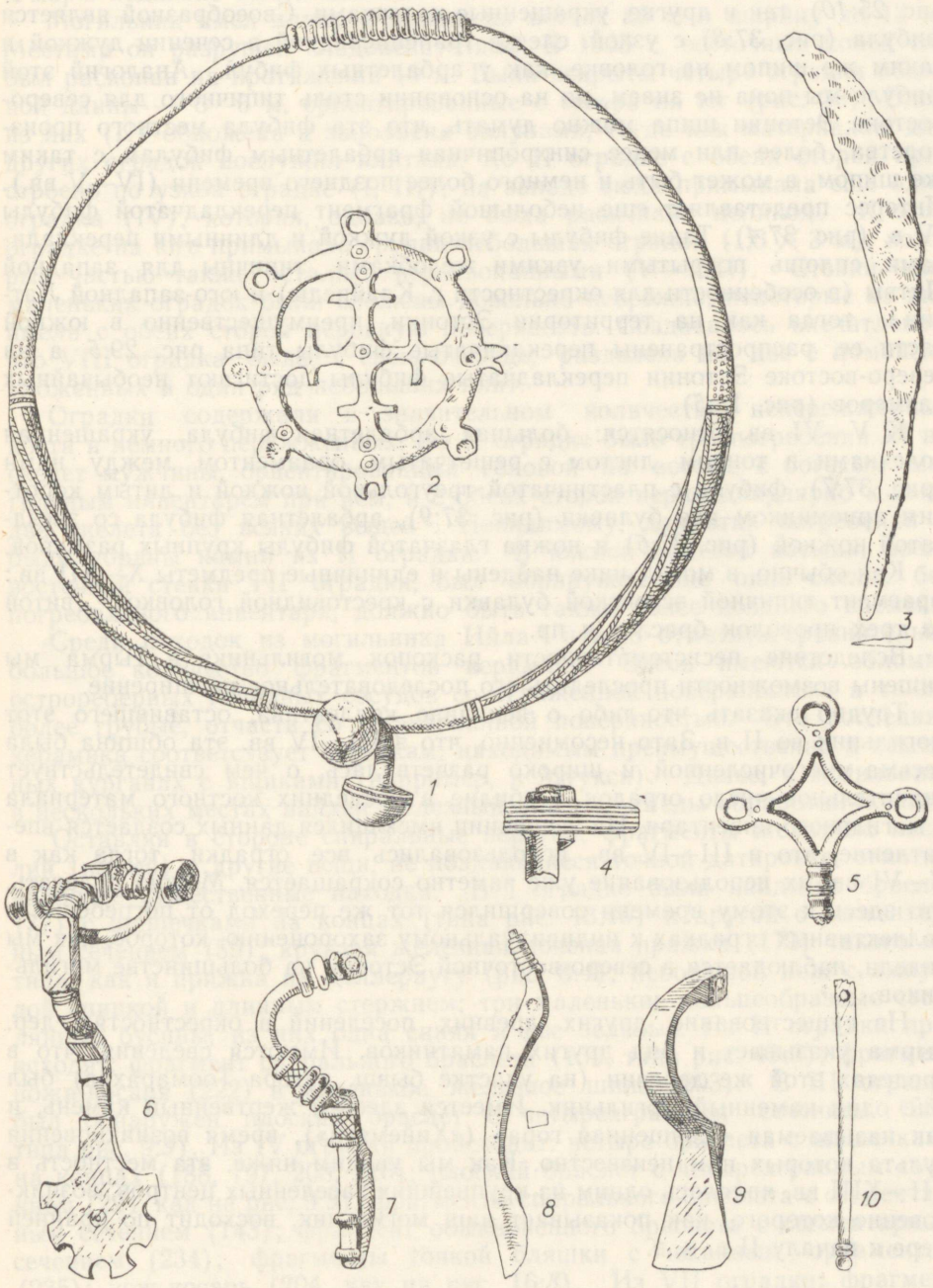


Рис. 37. Некоторые вещи из могильника в Тырма, Раквереского района. *1* — шейная гривна (ИИ 2488:11); *2* — дискообразная фибула (ИИ 2488:9); *3* — серповидный нож (ИИ 2496:81); *4* — фрагмент перекладчатой фибулы (ИИ 2488:52); *5* — головка булавки (ИИ 2488:34); *6—9* — разные арбалетные фибулы (ИИ 2488:8, 7, 51, 3); *10* — язычок от ремня (ИИ 2488:46). *3* — из железа, остальные из бронзы. Примерно $^{5}/_{8}$ нат. вел.

ной головкой (рис. 37:*5*), арбалетные фибулы, как обычного для северо-востока Эстонии типа (с обмотанным спиралькой шипом на головке; ср. рис. 25:*10*), так и другие, украшенные колечками. Своеобразной является фибула (рис. 37:*8*) с узкой, слегка трапециевидной в сечении дужкой и таким же шипом на головке, как у арбалетных фибул. Аналогий этой фибуле мы пока не знаем, но на основании столь типичного для северо-востока Эстонии шипа можно думать, что эта фибула местного производства, более или менее синхроничная арбалетным фибулам с таким же шипом, а может быть и немного более позднего времени (IV—V вв.). Интерес представляет еще небольшой фрагмент перекладчатой фибулы IV в. (рис. 37:*4*). Такие фибулы с узкой дужкой и длинными перекладинами, сплошь покрытыми узкими желобками, типичны для западной Литвы (в особенности для окрестности г. Клайпеды) и юго-западной Латвии [1], тогда как на территории Эстонии, преимущественно в южной части ее, распространены перекладчатые фибулы типа рис. 29:*5*, а на северо-востоке Эстонии перекладчатые фибулы достигают необычайных размеров (рис. 18:*5*).

К V—VI вв. относятся: большая арбалетная фибула, украшенная колечками и тонким листом с решетчатым орнаментом между ними (рис. 37:*7*), фибула с пластинчатой треугольной ножкой и литым коротким приемником для булавки (рис. 37:*9*), арбалетная фибула со звездчатой ножкой (рис. 37:*6*) и ножка глазчатой фибулы крупных размеров.

Как обычно, в могильнике найдены и единичные предметы X—XII вв.: фрагмент типичной эстонской булавки с крестовидной головкой [2], витой из трех проволок браслет и пр.

Вследствие несистематичности раскопок могильника в Тырма мы лишены возможности проследить его последовательное расширение.

Трудно сказать что-либо о величине коллектива, оставившего этот могильник во II в. Зато несомненно, что в III—IV вв. эта община была весьма многочисленной и широко разветвилась, о чем свидетельствует значительное число оградок и обилие в последних костного материала и могильного инвентаря. На основании имеющихся данных создается впечатление, что в III—IV вв. использовались все оградки, тогда как в V—VI вв. их использование уже заметно сокращается. Можно полагать, что здесь к этому времени совершился тот же переход от погребения в коллективных оградках к индивидуальному захоронению, которое, как мы видели, наблюдается в северо-восточной Эстонии на большинстве могильников.

На существование других древних поселений в окрестностях дер. Тырма указывает и ряд других памятников. Имеются сведения, что в пределах этой же деревни (на участке бывш. хутора Тоомарахва) был еще один каменный могильник. Имеется здесь и жертвенный камень, и так называемая «Священная гора» («Хийемяги»), время возникновения культа которых нам неизвестно. Как мы увидим ниже, эта местность в XII—XIII вв. являлась одним из крупнейших заселенных центров, возникновение которого, как показывает наш могильник, восходит по крайней мере к началу II в. н. э.

Большой каменный могильник с оградками находится около дер. Ийла, Кивиылиского района, в 6 км на восток от г. Кунда. Он примыкает с севера непосредственно к шоссейной дороге Таллин—Ленинград,

---

[1] Моога, EZL I, табл. VI:12; II, стр. 94—97. Моора, Арх. памятн. I—IV вв., рис. 2:4.

[2] Типа RK, табл. 13:23.

идущей параллельно краю силурийского плато, начинающего понижаться к морю недалеко от могильника.

Могильник имел длину с запада на восток 68 м и ширину до 13 м. Местами он разрушен кладоискателями. В 1935 г. восточный конец его был раскопан на протяжении 10 м. Были вскрыты четыре оградки обычной длины — 5—6 м, ориентированные с севера на юг (рис. 38). Одна из них (II) обложена и заполнена валунами, тогда как материалом для других оградок послужил плитняк. Ко II оградке с обеих сторон пристроено по узкой оградке (I, III); на западе сюда примыкала еще одна оградка (IV), которая, однако, не была раскопана целиком. К этой оградке на юге примыкала группа небольших оградок (1,5 × 3 м), которые частью также остались нераскопанными (V—VIII). Стенки этих маленьких оградок были сложены довольно небрежно, некоторые из них имели с обеих сторон неровную поверхность. Создавалось впечатление, что VIII оградка была, в свою очередь, разделена на две с помощью уложенных в один ряд небольших плит.

Оградки содержали в значительном количестве непережженные кости и немного пережженных. Во II оградке было три погребения XI в.: скелет мужчины, ориентированный головой на восток, с богатым могильным инвентарем при нем, и с обеих сторон перпендикулярно к нему два скелета без всяких вещей [1]. Повидимому, для этих погребений и были убраны камни из II оградки. В южной краевой насыпи, возле восточной стенки VII оградки, был обнаружен еще один скелет без погребального инвентаря, должно быть также более позднего времени.

Среди находок из могильника Ийла [2] нужно отметить сравнительно большое количество фрагментов керамики. Здесь имеются обломки остроребериых глиняных сосудов со сглаженной поверхностью, а также более грубые, отчасти со штрихованной поверхностью. Эта последняя керамика соответствует черепкам, находимым преимущественно в каменных курганах с ящиками (например, в Муукси). Далее, в могильнике в нескольких местах найден железный шлак — следы обработки железа.

Оставляя в стороне спиральные перстни, фрагменты железных изделий (ножей) и другие вещи, не поддающиеся точной датировке, отметим наиболее существенные находки. В I оградке были найдены: браслет (77) с шишечками на концах (типа рис. 13:*10*) и другой с сегментарным сечением (59); круглая железная поясная пряжка (179) такого же типа, как и пряжка из Келлераугу (рис. 8:*4*); небольшой нож с выпуклой спинкой и длинным стержнем; три маленькие кольцеобразные стеклянные бусины, из них одна синяя и две зеленые. Из II оградки происходят: фрагмент спирального браслета (159, типа рис. 43:*3*); фрагмент ножа-косаря (222) и маленькое железное шило (203). В III оградке был обнаружен плоский браслет с четырехгранным сечением (286, типа рис. 9:*9*). Из IV оградки происходят: четыре браслета с шишечками на концах (188, 197, 208, 216); плоский браслет с четырехгранным сечением (224, как на рис. 9:*9*); фрагменты спирального браслета с сегментарным сечением (143); фрагмент обыкновенного браслета с сегментарным сечением (234); фрагменты тонкой бляшки с чеканным орнаментом (235); нож-косарь (204, как на рис. 16:*3*). Из VII оградки: фрагмент такой же бляшки, как из IV оградки; ранняя глазчатая фибула основной серии (251); глазчатая фибула южнобалтийской серии (264) и дужка арбалетной фибулы с обмотанным спиралькой шипом (258, типа рис. 31:*14*) — единственный экземпляр этих фибул в раскопанной части

[1] OES Toim. XXX, стр. 633—639.

[2] ИИ 2470:5—6 (подъемный материал); 3358:1—327 (из раскопок).

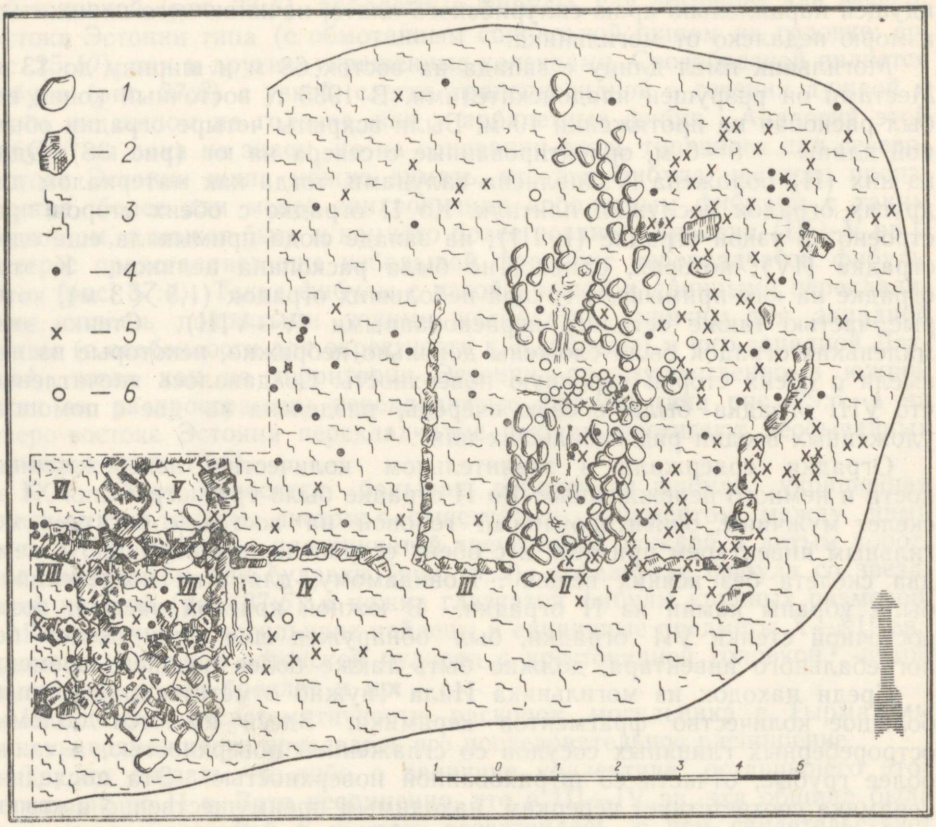


Рис. 38. Могильник в Ийла, Кивиылиского района. *1* — валун; *2* — плита стенки; *3* — плитняковая щебенка; *4* — металлический предмет; *5* — керамика; *6* — предмет X—XII вв.

данного могильника. Из VIII оградки: фрагмент спирального браслета, сегментарный в сечении (293). В восточной краевой насыпи найден фрагмент браслета с шишечками на концах, фрагменты серповидного ножа и маленького ножа с выпуклой спинкой (52). Помимо могильного инвентаря упомянутого выше погребения XI в., обнаруженного во II оградке, и в нескольких других местах были найдены вещи XI—XII вв.

Как видно, материал из исследованной восточной части могильника в Ийла довольно однообразен и представляет собой в основном типичный комплекс вещей II в. н. э.

Восточная часть могильника в Ийла отличается от всех остальных известных до настоящего времени могильников этого типа своими маленькими, пристроенными с южной стороны оградками. Эти оградки не только значительно меньше обычных, но и их расположение тесной группой за южной стенкой других, обычных по размерам оградок представляет собой явление, с которым мы сталкиваемся впервые.

Структура раскопанных оградок показывает, что первой из них была выстроена окаймленная валунами оградка II, к которой почти одновременно были пристроены с востока I оградка, а с запада последовательно III и IV оградки. Повидимому, почти в это же самое время были сооружены и небольшие оградки на южном краю могильника. На основании этого можно заключить, что община, заложившая этот могильник не позже начала II в., разрасталась довольно быстро.

Так как бóльшая часть этого интересного могильника, содержащего, судя по его длине, значительное число оградок, пока не исследована, то мы должны ограничиться указанием на то, что погребения в восточных оградках этого могильника прекращаются в основном в начале III в., как это можно было наблюдать и на примере ранних оградок могильников в Ябара и Пада.

В 1927—1933 гг. А. Фриденталем была исследована группа каменных могильников около дер. Пуртсе-Матка, Кивиылиского района (на земле бывш. хутора Ууэкюла) [1], недалеко от западного края долины р. Пуртсе.

I могильник, частично разрушенный, имел округлые очертания, его диаметр примерно 6,5 м. Могильник был сложен из валунов и покрыт обычной насыпью из плитняковой щебенки с землей. В могильнике преобладало трупоположение, и только в двух местах было обнаружено немного пережженных костей. Анализ костного материала показал, что здесь было похоронено не меньше 12 человек взрослых и двух детей.

В этом могильнике найден ряд ранних вещей: глазчатые фибулы (основной, эстонской и южнобалтийской серий), фрагмент спирального браслета типа рис. 43:*3*, браслеты с сегментарным сечением, замкнутые массивные и полые перстни, ножи, в том числе и дискообразный (рис. 40:*6*). Как уже было упомянуто, такие ножи, относящиеся к I—II вв. н. э., имеются в Эстонии только еще в двух экземплярах — из могильника *B* в Ябара (см. стр. 82) и из Ярве [2].

Заслуживает внимания уникальная не только для Эстонии, но и для остальных прибалтийских республик фибула с тонкой, ромбовидной в сечении дужкой (рис. 40:*4*). Центр распространения этих фибул находится в Западной Европе, в бассейне р. Рейна, где их датируют I—II вв.

I могильник, судя по материалу, был заложен в конце I в. и использовался по меньшей мере в течение всего II в. Наиболее поздними предметами инвентаря этого могильника являются широкие полые перстни (III в.).

II могильник имел более или менее четырехугольную форму и площадь 7,5 (С-Ю) × 2—2,5 (З-В) м. Он был сложен, как и предыдущий, из валунов, покрытых насыпью из известняковой щебенки с землей. Повидимому, он состоял из одной оградки, стенки которой были снесены при полевых работах. Этим и объясняется его вытянутая с севера на юг форма. Захоронения совершались исключительно по обряду трупоположения, причем в некоторых случаях удалось установить и ориентацию покойников с юга на север.

Из могильного инвентаря можно отметить арбалетную фибулу типа рис. 25:*10*, на булавку которой нанизано два спиральных перстня, массивный шестигранный браслет типа рис. 23:*13*, браслеты с четырехгранным и сегментарным сечением, перстни и пр., т. е. вещи, относящиеся в основном к III—IV вв.

III могильник имел обычную для могильников с оградками вытянутую форму, при длине с запада на восток 18 м и ширине до 12 м. План раскопок (рис. 39) дает, к сожалению, только самое общее представление о конструкции могильника. Повидимому, он состоял из четырех оградок, из которых две были огорожены сложенными из плитняка стенками. Недоумение вызывает утверждение А. Фриденталя, будто бы

---

[1] Beitr. Estl. XV, стр. 201—207; XVIII, стр. 14—24; 21, стр. 27—42. Вещи в ИМ.
[2] Hausmann, Grabfunde, табл. I:42.

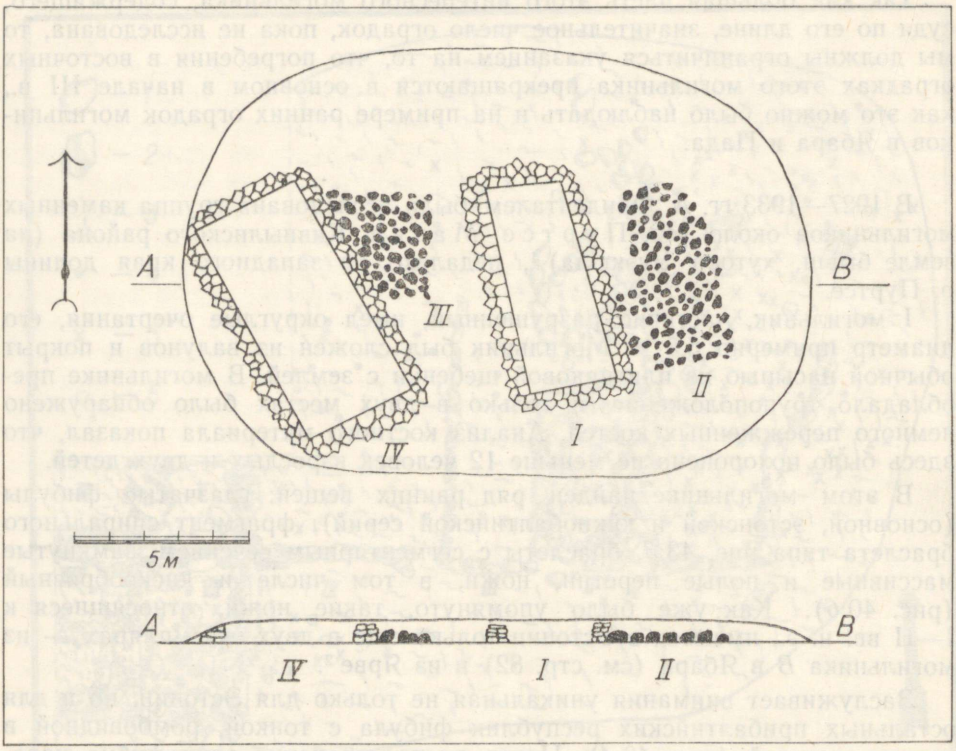


Рис. 39. Могильник в Пуртсе-Матка, Кивиылиского района.

стенки обеих этих оградок имели ровную поверхность с внутренней стороны. Как мы могли убедиться на анализе структуры других могильников, ровной делалась всегда внешняя сторона стенок, и только в случае пристраивания одной оградки к другой, ровная внешняя сторона стенки предыдущей оградки служила в то же время внутренней стороной последующей оградки.

Оградки I и IV не параллельны друг другу. Из этого можно заключить, что они были первоначально выстроены раздельно и только впоследствии соединены III оградкой (раскопанной только частично). К I оградке примыкает с востока II оградка, часть которой осталась нераскопанной, так же как и краевая насыпь.

Оградки были заполнены валунами. Они содержали преимущественно остатки трупоположений, причем по фрагментам черепов удалось установить, что в первой оградке было похоронено по крайней мере 14 человек, среди них двое детей. Только в самой восточной (II) оградке находилось довольно много остатков трупосожжений, расположенных «гнездами» разной величины. Последние находились главным образом в нижнем горизонте могильника.

Наиболее интересными находками из этого могильника являются: из I оградки — булавка с замкнутой кольцеобразной головкой [1], браслет с четырехгранным сечением типа рис. 18:*11*, фрагмент ожерелья южноэстонского типа, состоящего из нанизанных на железную проволоку бронзовых пронизок и лунниц, браслеты с выпукло-вогнутым сечением,

[1] Beitr. Estl. XVIII, стр. 23, рис. 1.

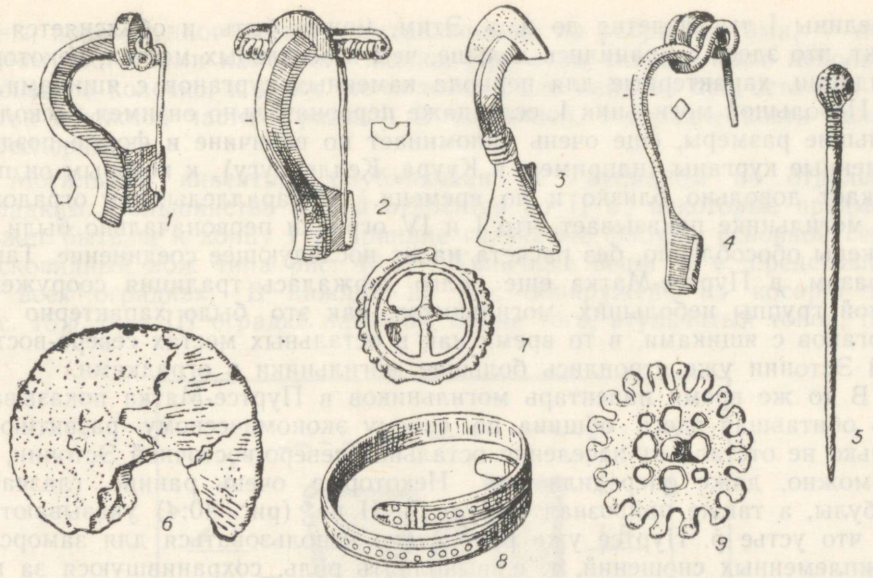


Рис. 40. Некоторые вещи из могильника в Пуртсе-Матка (ИМ). *1—3* — фибулы со щитком у головки; *4* — фибула с тонкой дужкой; *5* — булавка; *6* — дискообразный нож; *7* — дискообразная фибула; *8* — браслет; *9* — дискообразная фибула. *6* — из железа, остальные из бронзы. $^3/_4$ нат. вел.

бусина из янтаря; из II оградки — глазчатая фибула южнобалтийской серии; фибула с головным щитком и треугольной ножкой (рис. 40:*3*); две фибулы с головным щитком и прямой ножкой (рис. 40:*1—2*), на булавку одной из которых был нанизан замкнутый массивный перстень; круглая фибула с ажурным орнаментом (рис. 40:*9*), отличающаяся своей массивностью от остальных фибул из могильников северо-восточной Эстонии; пластинчатый браслет с заходящими один на другой утолщающимися концами, напоминающими змеиные головки (рис. 40:*8*); булавка с шаровидной головкой (рис. 40:*5*); полые и спиральные перстни; граненые бусы из темносинего стекла; двойная бусина с позолотой; пинцетка; железное шило и пр. Из III оградки — спиральные и замкнутые полые перстни, бляшки-скобочки, типа рис. 34:*7*, фрагмент глазчатой фибулы. Из IV оградки — фрагменты арбалетных фибул с обмотанным спиралькой шипом, маленькая круглая фибула южноэстонского или северолатвийского типа (рис. 40:*7*), фибула с расширенной головкой, типа рис. 18:*4*, большая серебряная арбалетная фибула, украшенная колечками (типа рис. 32:*7*), массивный браслет V—VI вв. с трехгранным сечением, пинцетка, разные бусы, перстни и пр.

Как видно, инвентарь III могильника в Пуртсе-Матка относится ко времени от II до VI вв. Вещи, датируемые II в. (глазчатая фибула, массивные замкнутые перстни), находились преимущественно во II оградке, а может быть также в I (браслет типа рис. 31:*7*, который, однако, может относиться и к III в.) и в III оградках (фрагмент глазчатой фибулы). Наиболее интенсивно все оградки использовались в III в., а IV оградка в значительной мере и в IV в. (арбалетные фибулы с обмотанным спиралькой шипом на головке).

Могильники в Пуртсе-Матка расположены в пределах исконной территории распространения каменных курганов с ящиками, свидетельствующих об оседлом образе жизни населения этой местности по крайней мере с

середины I тысячелетия до н. э. Этим, может быть, и объясняется тот факт, что здесь сохранились дольше, чем в остальных местах, некоторые традиции, характерные для периода каменных курганов с ящиками.

Небольшой могильник I, если даже первоначально он имел несколько бóльшие размеры, еще очень напоминает по величине и форме поздние каменные курганы (например, в Куура, Келлераугу), к которым он примыкает довольно близко и по времени. Непараллельность оградок в III могильнике показывает, что I и IV оградки первоначально были заложены обособленно, без расчета на их последующее соединение. Таким образом, в Пуртсе-Матка еще долго держалась традиция сооружения целой группы небольших могильников, как это было характерно для курганов с ящиками, в то время как в остальных местах северо-восточной Эстонии уже строились большие могильники с оградками.

В то же время инвентарь могильников в Пуртсе-Матка показывает, что обитавшая здесь община по своему экономическому развитию не только не отстала от населения остальной северо-восточной Эстонии, но, возможно, даже опередила его. Некоторые очень ранние глазчатые фибулы, а также привозная фибула I—II вв. (рис. 40:*4*) указывают на то, что устье р. Пуртсе уже рано стало использоваться для заморских межплеменных сношений, т. е. выполнять роль, сохранившуюся за ним еще надолго.

С другой стороны, могильники в Пуртсе-Матка дали ряд вещей (например, круглая фибула рис. 40:*7* и лунницы), свидетельствующих об оживленных связях между населением северо-востока Эстонии и племенами южной Эстонии или северной Латвии, а также племенами южной и юго-восточной Прибалтики, откуда происходят булавки с шаровидной (рис. 40:*5*) и с замкнутой кольцеобразной головками, бусина из янтаря и дисковидный нож. Все это говорит о том, что общины, населявшие нижнее течение р. Пуртсе, находились в постоянных сношениях с другими племенами.

В Ярве, Йыхвиского района, в 8 км на северо-запад от г. Йыхви, по направлению к Кохтла-Ярве в 1895 г. был вскрыт Р. Гаусманом могильник с оградками. Могильник был расположен на небольшом возвышении среди пахотного поля, примыкая почти непосредственно к северному краю шоссейной дороги Таллин—Ленинград. Могильник имел длину с запада на восток 36 м и ширину 10 м. Опубликованный Гаусманом отчет о раскопках и план, хотя и очень схематичный, все же дают некоторое представление о конструкции этого интересного памятника (рис. 41) [1].

Могильник состоял из трех оградок, обнесенных плитняковыми стенками. Самая восточная из них (I) имела форму параллелограмма; средняя оградка (II) была очень узка и имела неправильную форму, а самая западная (III) в плане была трапециевидной. Оградки были заполнены валунами.

Могильник содержал по преимуществу непережженные кости, причем, помимо разбросанных костей, удалось установить и несколько более или менее сохранившихся скелетов. В западной (III) оградке лежал скелет, примерно двадцатилетнего мужчины, ориентированный с юга на север, и рядом с ним остатки скелета маленького ребенка. II оградка была особенно богата костным материалом; в южной части ее можно было констатировать наличие фрагментов по крайней мере 7 черепов. В северной части этой же оградки был обнаружен скелет примерно 30-летнего муж-

[1] Hausmann, Grabfunde, стр. 3—12, табл. I и план. Вещи в ИМ.

чины, похороненного между поставленными на ребро плитами, — повидимому остатками каменного ящика. При этом скелете было небольшое бронзовое колечко, и такое же колечко было найдено при остатках скелетов в южной части оградки [1]. В восточной, I оградке кости лежали в беспорядке.

Могильный инвентарь опубликован Р. Гаусманом по отдельным оградкам. Большинство вещей относится ко II в., некоторые предметы, может быть, и к концу I в. (ранние глазчатые фибулы основной серии, дисковидный нож типа рис. 40:*6*)[2]. Типичные вещи II в. представлены во всех оградках. В каждой из них обнаружено по косарю типа рис. 16:*3*, *8*; в III оградке найдены, кроме того, втульчатый топор, глаз-

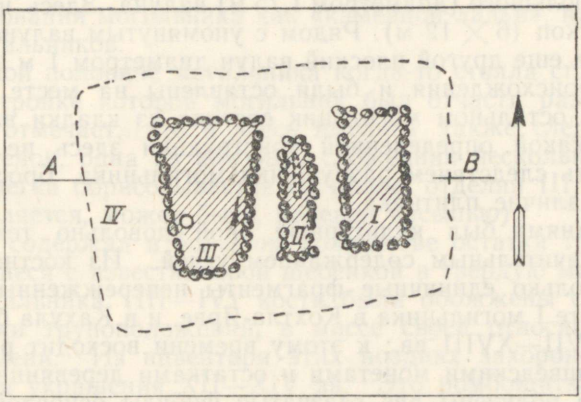


Рис. 41. Могильник в Ярве, Ыыхвиского района (по Гаусману).

чатые фибулы основной и южнобалтийской серий, браслет с шишечками на концах; западная краевая насыпь (на плане IV) содержала также две глазчатые фибулы основной серии.

Однако в могильнике имелись и глазчатые фибулы эстонской серии, полые широкие перстни, фибула с головным щитком и треугольной ножкой (типа рис. 40:*3*), круглая фибула, подковообразная фибула типа фибул, обыкновенно украшенных эмалью, однако в данном случае без эмали, стеклянные бусы с позолотой, арбалетные фибулы с обвитым спиралькой шипом и более простого типа, без шипа. Во II и в III оградках встречались только единичные предметы III—IV вв., тогда как главная масса их происходит из I оградки, которая, судя по этому, использовалась в III—IV вв. более интенсивно, чем во II в.

Древним пережитком в этом могильнике является наличие остатков каменного ящика во II оградке; не исключена возможность, что оградки могильника были выстроены непосредственно возле остатков какого-то каменного кургана с ящиками. Во всех оградках хоронили еще и в III—IV вв., однако инвентарь этого времени, обнаруженный в могильнике, довольно однообразен. Поэтому создается впечатление, что община, использовавшая могильник, не только не разрослась к III—IV вв., но скорее даже несколько уменьшилась. В могильнике было обнаружено несколько вещей конца IV или V века: арбалетная фибула с треуголь-

[1] Там же, табл. I:49, 52.
[2] Там же, табл. I:1, 2, 42.

ной ножкой из I оградки, фибула с симметричными концами и наконечник копья из западной краевой насыпи [1].

Как во многих других могильниках, так и в могильнике в Ярве захоронения прекращаются примерно в конце V в.

В 1948 г. были произведены раскопки разведочного характера на каменном могильнике в Кахула, Йыхвиского района, в 5 км на юго-запад от г. Йыхви [2]. Могильник подвергался уже издавна распашке. В поле сохранились от него два бугорка общей длиной 32 м (ЗЮЗ-ВСВ) и шириной 13,5—15 м. Возможно, что здесь было первоначально два могильника, почти непосредственно примыкавших друг к другу.

Дерновой слой сохранился только на верхушке западного бугорка, вокруг очень большого (диаметром 1,75 м) валуна. Здесь и был заложен небольшой раскоп (6 × 12 м). Рядом с упомянутым валуном, под пахотным слоем был еще другой плоский валун диаметром 1 м. Оба валуна — природного происхождения и были оставлены на месте при закладке могильника. В остальном могильник состоял из кладки валунов разной величины. Никакой определенной конструкции здесь не наблюдалось, что могло быть следствием разрушения могильника. Бросалось в глаза очень малое наличие плитняка.

Между камнями был культурный слой довольно темной окраски, местами со значительным содержанием углей. Из костного материала сохранились только единичные фрагменты непережженных костей. Так же как на месте I могильника в Кохтла-Ярве, и в Кахула было заложено кладбище в XVII—XVIII вв.; к этому времени восходит ряд погребений с русскими и шведскими монетами и остатками деревянных гробов.

Из раскопа получены две глазчатые фибулы основной серии и две фибулы южнобалтийской серии, нож с выпуклой спинкой типа рис. 12:*10*, ряд массивных замкнутых перстней и фрагменты керамики, в том числе штриховой, т. е. типичные вещи II в.

Кроме того, был заложен небольшой пробный шурф для определения границы могильника на восточном конце его. И здесь под пахотным слоем оказалась кладка камней. Были обнаружены в значительном количестве пережженные кости и несколько спиральных перстней. Повидимому, восточный конец могильника более позднего происхождения, чем западный, и относится, должно быть, к III—IV вв. На этом могильнике повторяется уже известный нам факт, что более ранняя часть могильника (западная), служившая для погребений с трупоположениями во II в., в III в. уже не использовалась, а могильник был расширен в восточном направлении.

Могильник в Кахула показывает, что и в восточной части северо-восточного побережья Эстонской ССР население проникло во II в. уже довольно далеко от побережья и края силурийского плато на юг, в лесную чащу, как это наблюдается в западной части рассматриваемой территории уже начиная с I в. (в окрестностях г. Раквере и Вяйке-Марья; см. карту на рис. 53).

Могильник в Тюрсамяэ (на территории Нарвского горсовета) находится недалеко от спускающегося к морю глинта и несколько на восток от впадающей здесь же в море речки.

Могильник был раскопан в 1886—1887 гг. П. Н. Висковатовым и является первым научно исследованным могильником с оградками в

---

[1] Там же, табл. I:3, 10, 54.

[2] Отчет о раскопках в ИИ; инвентарь ИИ 3990:1—76.

районе северо-восточной Эстонии [1]. О решающем значении, которое имели сделанные на основании этих раскопок П. С. Висковатовым выводы для опровержения так называемой «теории ладьей» прибалтийско-немецких археологов, говорилось уже во введении.

Могильник имел длину 20 м и ширину 6 м и состоял из четырех оградок, крайние из которых были частично разрушены. На зарисованном П. С. Висковатовым плане (табл. XIII:2) можно ясно отличить стенку из валунов в западной части могильника (между I и II оградками) и стенку, сложенную из плитняка, между II и III оградками. Кроме того, отмечается, что весь могильник был обведен плитняковой стенкой. План точно передает непараллельность стенок (что, как мы видели, довольно обычное явление), которая, как уже было упомянуто выше, при первой публикации этого могильника была «исправлена» К. Гревингком в интересах его толкования могильника как «каменной ладьи», наподобие скандинавских могильников.

На восточной половине могильника когда-то стояла сгоревшая потом баня, при постройке которой могильник был отчасти разрушен. Висковатов все же отмечает, что и здесь имелись также следы одной-двух поперечных стенок, одна из которых, сложенная несколько дугообразно из валунов, слегка обрисовывается на плане, отделяя III оградку от IV (последняя является, может быть, краевой насыпью).

Могильник содержал в большом количестве остатки трупосожжений, отчасти спекшиеся с известняковой щебенкой в твердую массу. В восточной части могильника (III—IV) кости были обожжены слабее. Тут же были и остатки трупоположений, в массе своей относящиеся к более позднему времени. Из инвентаря этих поздних захоронений заслуживают внимания украшения XII—XIV вв. Это ромбощитковые височные кольца новгородского типа, решетчатые привески, витые браслеты и пр. Кроме того, и в поле, окружающем могильник, найдено значительное количество человеческих костей, должно быть от поздних погребений, что наблюдалось и в Кохтла-Ярве.

Могильник был богат инвентарем, большинство которого сильно деформировано огнем [2].

Наиболее ранним предметом могильника в Тюрсамяэ является фрагмент железной булавки с кольцеобразной головкой, напоминающей булавку на рис. 10:*3* и относящейся по типу примерно к I в. н. э. Но так как остальные вещи этого могильника не древнее рубежа II и III вв., то мы здесь имеем дело, видимо, со случайным доживанием этих булавок еще во II—III вв., тем более, что в ранних могильниках, как, например, в Тойла и Азери, такие булавки обыкновенно представлены не единичными экземплярами, а в значительном количестве. Можно еще отметить, что в каменных могильниках южной Эстонии и северной Латвии небольшие булавки с кольцеобразной головкой такого же типа, иногда железные, но чаще из бронзы, доживают до III—IV вв. [3].

В отчете о раскопках распределение вещей в могильнике зафиксировано только по раскопкам отдельных лет (I—II оградки раскопаны в

---

[1] Труды VII Археол. съезда II, стр. 199—207. Wiskowatow, P., Bericht über die Aufdeckung einer schifförmigen Steinsetzung bei Türsel in Estland. Verh. GEG XIII, Dorpat 1888, стр, 1—4; Wiskowatow, P., Nachtrag zum Bericht über die Aufdeckung der Steinsetzung zu Türsel. Там же, стр, 71—79. Grewingk, Aschenfriedhof b. Türsel. RK, 391—392.

[2] Вещи хранятся в ИИ (2012:I:1—96; II:1—40; III:1—5; IV:1—35) и в ГИМ. Утверждение Висковатова, что вещи якобы подверглись вторичному плавлению при пожаре бани, стоявшей на могильнике, едва ли соответствует действительности, так как деформация вещей обычное явление в могильниках северо-восточной Эстонии. Происхождение некоторых предметов (IV:20—33) из Тюрсамяэ не совсем достоверно.

[3] Моога, EZL II, стр, 175.

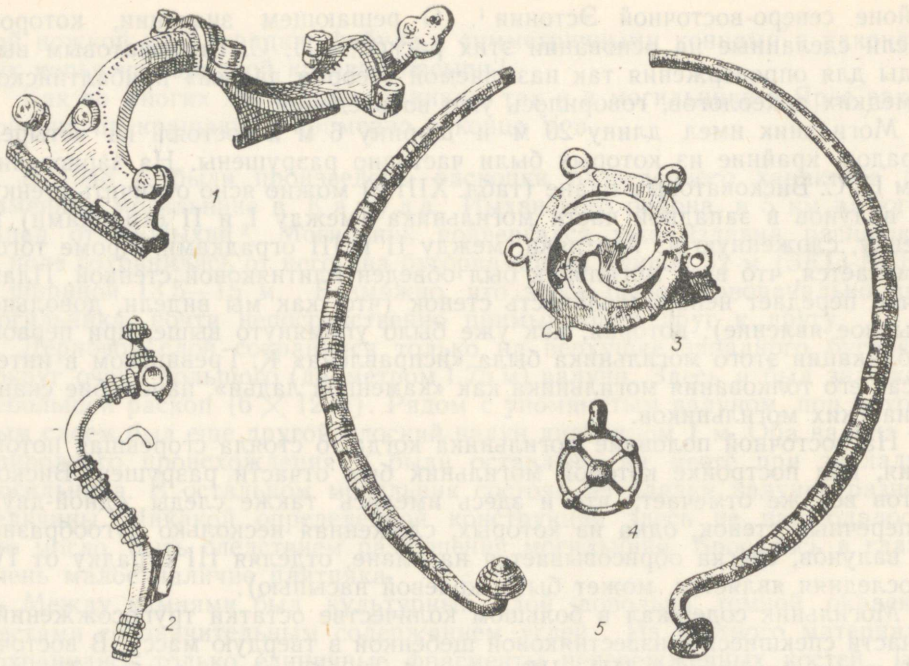


Рис. 42. Некоторые вещи из могильника в Тюрсамяэ. *1* — фибула типа Тюрсамяэ (ИИ 2012:I:6); *2* — арбалетная фибула (ИИ 2012:II:20); *3* — дискообразная фибула (ИИ 2012:I:13); *4* — привеска (ИИ 2012:II:12); *5* — шейная гривна (ИИ 2012:I:33). Все из бронзы. 1/2 нат. вел.

1886 г., III—IV — в 1887 г.). На основании костного материала, который в восточной половине могильника носит более слабые следы пребывания в огне, чем в западной, можно думать, что восточная половина, т. е. скорее всего III оградка, является более ранней, чем западная половина. Судя по могильному инвентарю, здесь существенной разницы во времени не могло быть, так как в западной и восточной половинах вещи представлены довольно равномерно начиная с III в. К этому времени относятся широкие полые перстни, три шейные гривны с коническими шляпками на отогнутых концах (рис. 42:*5*), фрагмент шейной гривны с массивными концами в виде раструбов, подковообразное украшение, браслеты с четырехгранным сечением и варианты последних (типа рис. 31:*10*, 23:*5*, *7*), некоторые массивные браслеты с шестигранным сечением (типа рис. 23:*13*), пять круглых фибул (три типа рис. 42:*3* и две типа рис. 29:*3*) [1], арбалетная фибула, украшенная колечками (рис. 42:*2*), подвеска с крестообразным мотивом и шишечками, южно-эстонского или северо-латвийского типа (рис. 42:*4*) и пр.

Могильник в Тюрсамяэ дал также целый ряд типичных для северо-востока Эстонии крупных, полых украшений IV в. По этому могильнику и получили свое название фибулы типа Тюрсамяэ (рис. 42:*1*), представленные здесь в четырех экземплярах, из которых два с эмалью. Сюда же относятся некоторые крупные фибулы с расширенной головкой (типа рис. 22:*2*, *3*) [2], некоторые поздние глазчатые фибулы эстонской

[1] RK, табл. 8:9.
[2] RK, табл. 4:15, 16.

серии, три подковообразные фибулы, украшенные эмалью, ряд очень широких полых перстней, среди них один с орнаментом (как на рис. 34:*3*) и дужка арбалетной фибулы типа рис. 25:*10*.

Кроме того, в восточной части могильника были обнаружены и некоторые вещи V—VI вв.: фрагменты двух очень больших глазчатых фибул, поздняя арбалетная фибула [1], несколько больших ножей типа рис. 26:*1*, наконечник копья. По характеру этих вещей можно скорее всего полагать, что они были найдены в краевой насыпи.

Община, пользовавшаяся могильником в Тюрсамяэ, была, повидимому, весьма многочисленна, судя по количеству костей и разнообразию могильного инвентаря. В этом отношении могильник в Тюрсамяэ может быть сопоставлен с могильником *E* в Ябара. Непараллельность стенок могильника указывает на то, что I и III оградки были в свое время выстроены раздельно и уже потом соединены при помощи II оградки. Характер вещей, однако, показывает, что все эти оградки стали использоваться почти одновременно, а именно в III в. В оградках хоронили покойников и в IV в., а вышеперечисленные предметы V—VI вв. найдены, по всей вероятности, в краевой насыпи. Не исключена возможность, что в Тюрсамяэ, как в более отдаленном от центра месте, переход от коллективного способа погребения к индивидуальному совершился несколько позднее, чем, например, в Ябара.

*

Помимо описанных выше могильников, исследованных раскопками, произведенными, правда, в различное время и очень различной по качеству методикой, отметим еще некоторые наиболее крупные комплексы могильного инвентаря, полученные или из любительских раскопок, или при сноске каменных могильников, о конструкции которых не сохранилось, к сожалению, никаких сведений. В общем, инвентарь этих могильников повторяет известные нам уже формы и может быть использован преимущественно для пополнения типологии форм предметов и статистики их распространения.

Три каменных могильника были вскрыты археологами-любителями в 1903 и 1905 гг. в Эссу, Раквереского района [2]. Один из них имел овальную форму и диаметры 26 и 14 м и состоял якобы в верхнем ярусе из валунов, под которыми была плитняковая подстилка. В этом могильнике были обнаружены пережженные и непережженные кости. Дошедший до нас план раскопок, к сожалению, не дает никакого представления о внутренней конструкции этого могильника, особенно интересного в том отношении, что его богатый инвентарь свидетельствует о беспрерывном использовании могильника с I в. н. э. до XII—XIII вв. Можно отметить железные булавки с кольцеобразной головкой начала н. э. (типа рис. 10:*1*, *3*, *4*); ряд глазчатых и арбалетных фибул, браслетов, перстней, а также несколько шейных гривен, язычки от ремней и прочие предметы II—IV вв.; две арбалетные фибулы, булавку с треугольной головкой, серп и другие вещи V—VII вв.; наконечники копий, меч и разные украшения VIII—XIII вв. В остальных двух могильниках было совсем незначительное число вещей, которые в музее смешались с инвентарем описанного выше могильника.

Далее, заслуживает внимания коллекция вещей из Малла, Раквереского района, хранящаяся в Государственном историческом музее в

---

[1] Moora, EZL II, рис. 22:2.

[2] Sb. GEG. 1903, стр. XV; 1905, стр. XXVI. План раскопок в ИИ. Вещи в ИМ.

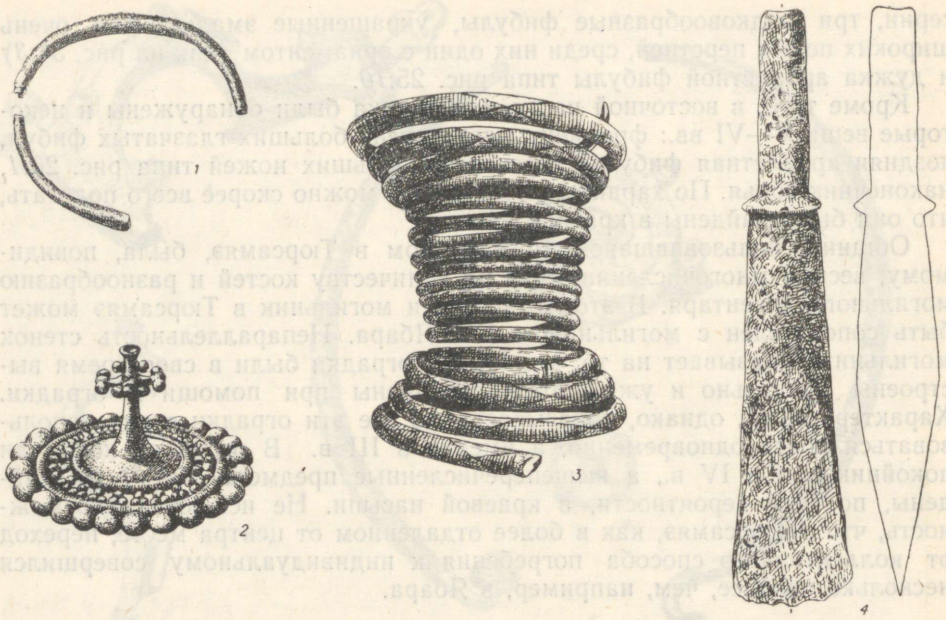


Рис. 43. Некоторые вещи из могильника в Трийги, Вяйке-Марьяского района (ИИ 2013). *1* — браслет (13); *2* — дискообразная фибула (4); *3* — спиральный браслет из двух фрагментов (1, 2); *4* — топор со стержнем (18). 4 из железа, остальные из бронзы. $^2/_5$ нат. вел.

Москве, и другая — из Пеэри, Йыхвиского района. Обе коллекции опубликованы Р. Гаусманом [1]. Особенно интересны вещи из Трийги, Вяйке-Марьяского района, опубликованные Гаусманом в той же монографии. Они были найдены «под грудой камней», т. е., повидимому, также в каменном могильнике [2]. Здесь мы имеем интересный комплекс вещей II в., в число которых входят из обычных типов предметов этого времени ряд тонких плоских браслетов с четырехгранным сечением (типа рис. 12:*5*), два браслета с шишечками на концах, половина шейной гривны с большими полыми концами в виде раструбов (типа рис. 14:*4*), большой биконический спиральный браслет, состоящий из двух фрагментов (рис. 43:*3*), железный топор со стержнем (рис. 43:*4*). Уникальными в этом могильнике являются браслет с утолщенной серединой и четырехгранными концами (рис. 43:*1*) и две конусообразные фибулы (рис. 43:*3*). Эти вещи указывают на связи с южной Прибалтикой. Браслеты указанного типа встречаются в юго-западной Латвии, между прочим в могильнике I—II вв. в Лаздини [3], а аналогии фибулам имеются в Калининградской области, как указывалось выше (стр. 40). Разнообразием своего инвентаря и отражающихся в нем меновых сношений этот могильник показывает, что и в отдаленной от побережья юго-западной части северо-восточной Эстонии общественно-экономическое развитие достигло во II в. значительной ступени, чему, повидимому, содействовали благоприятные в этой возвышенной части Эстонии условия для земледелия.

Не останавливаясь на остальных могильниках, случайно полученный из которых материал добавляет мало нового, мы приводим на рис. 44

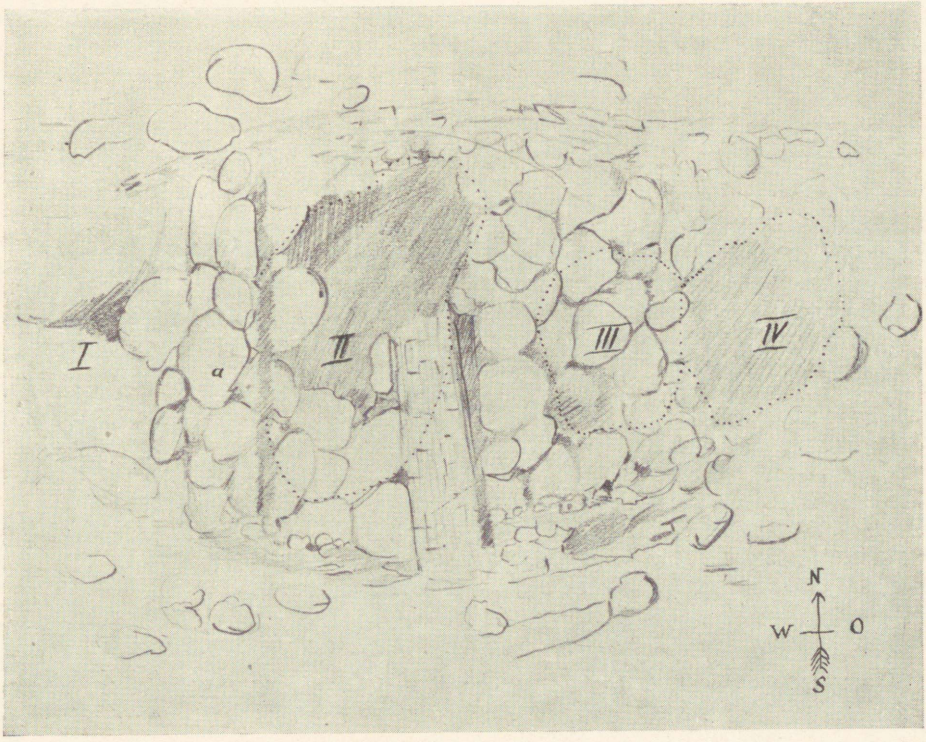
---

[1] Hausmann, Grabfunde, стр. 12—17, табл. II и стр. 18—21, табл. III. Вещи из Пеэри в ИМ.

[2] Там же, стр. 49—54 и табл. IV.

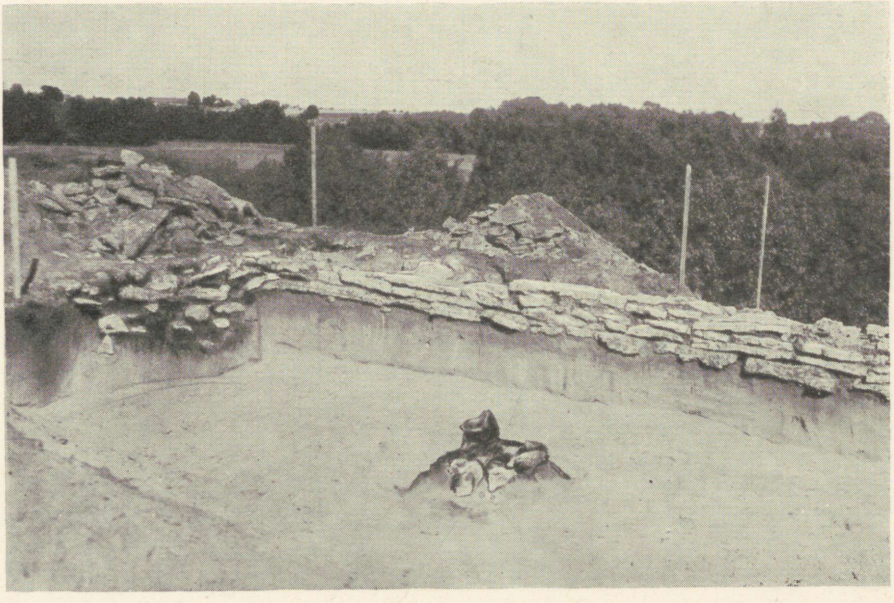
[3] Moora, EZL II, стр. 437—438.

1. I и II оградки II могильника в Кохтла-Ярве с юго-востока.



2. Могильник в Тюрсамяэ (по плану П. С. Висковатова).

1. Городище Койла. Северный вал.



2. Городище Койла. Плитняковая стенка и очаги под валом на восточном краю городища.

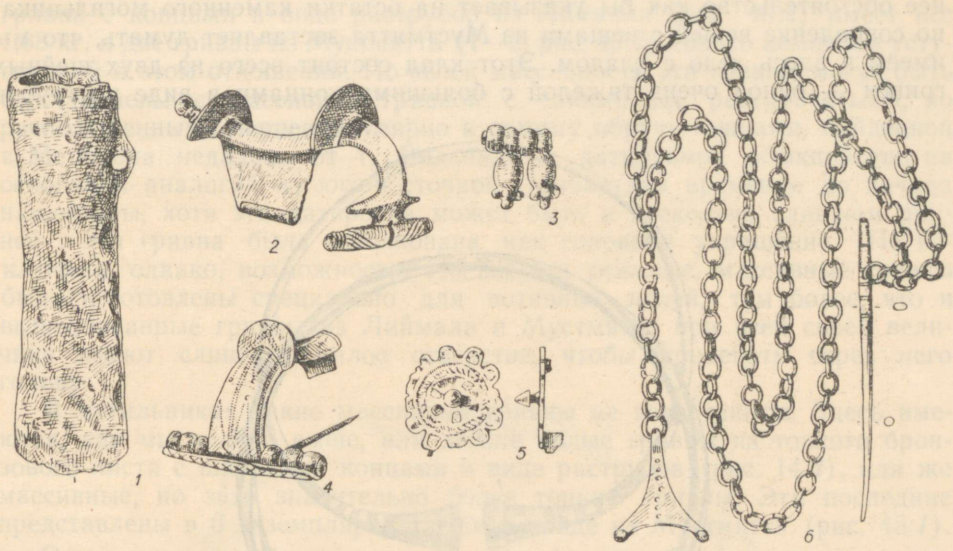


Рис. 44. Вещи из разных могильников северо-восточной Эстонии. *1* — втульчатый топор из Пуртсе (ИИ 2829:1); *2* — профилированная фибула неизвестного происхождения (ИИ 2712:141); *3* — привеска из Кохтла (ИИ 3905:25); *4* — профилированная фибула из Аа (ИИ 2662:1); *5* — провинциально-римская фибула с эмалью из Кюннапыхья (ИИ 3791:3); *6* — булавка с цепочкой и привеской из Ууэ-Сытке (ИИ 2558:1). *1* — из железа, остальные из бронзы. $^1/_2$ нат. вел.

лишь некоторые наиболее интересные предметы, найденные в разных местах северо-восточной Эстонии.

*

Наконец, следует остановиться еще на двух кладах, обнаруженных при земледельческих работах.

Один из них, найденный в 1940 г. в Мустмятта, Кивиылиского района, примерно в 1,5 км на запад от р. Пуртсе, содержал 16 бронзовых шейных гривен (или фрагментов таковых) разных типов [1]. Из них: две тяжелые гривны с толстым массивным стержнем и большими полыми концами в виде раструбов, диаметром до 5,3 см, скрепленными с помощью длинного железного штифта; гривны украшены линейным орнаментом и четырмя шишечками близ каждого конца (рис. 45:*2*). Три шейные гривны с тонкими раструбчатыми концами, сплошь массивные, украшенные линейным орнаментом, каждая несколько по особому (рис. 45:*1*). Три гривны, подобные предыдущим, но еще более тонкие, поверхность которых сильно окислилась, так что орнамента не видно. Пять шейных гривен с большими полусферическими (или почти сферическими) концами, украшенные каждая несколько отличным от других орнаментом (рис. 45:*3*, *4*). Два фрагмента шейной гривны с небольшими коническими шляпками на концах, может быть, в свое время соединенные штифтиком (рис. 45:*5*). Четыре фрагмента тонкой шейной гривны, похожей на предыдущую (рис. 45:*6*). Большая шейная гривна, витая из трех толстых проволок с петлями на концах (типа рис. 46:*1*).

Другой клад найден в 1938 г. по другую сторону р. Пуртсе, примерно в 0,5 км на юг от дер. Лиймала, в поле, где имелись и камни. Послед-

[1] ИИ 3890:1—16.

нее обстоятельство как бы указывает на остатки каменного могильника; но совпадение вещей с вещами из Мустмятта заставляет думать, что мы имеем и здесь дело с кладом. Этот клад состоит всего из двух шейных гривен — одной очень тяжелой с большими концами в виде раструбов

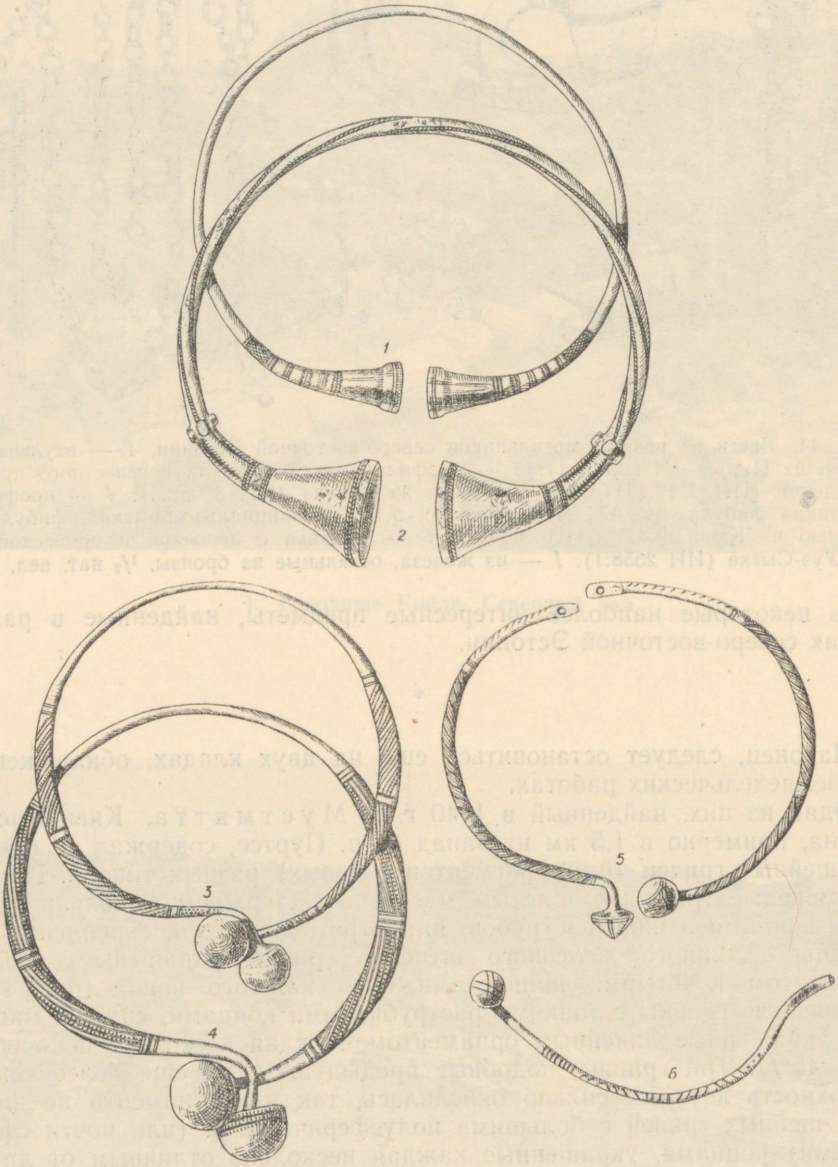


Рис. 45. Шейные гривны из клада в Мустмятта, Кивиылиского района (ИИ 3890:4, 1, 12, 9, 14, 15). Примерно $^2/_5$ нат. вел.

и другой витой из двух толстых проволок с петлями на концах (рис. 46:*1—2*)[1].

Характерной чертой большинства гривен, входящих в состав описанных кладов, является их значительный размер, массивность. Так,

[1] ИИ 3774:1—2.

гривна с концами в виде раструбов из Лиймала (рис. 46:*2*) имеет вес 1,88 кг, и две гривны из Мустмятта (1—2, рис. 45:*2*) только немногим уступают ей в этом отношений. По своей массивности эти гривны могут быть сопоставлены с массивной гривной с такими же раструбчатыми, но расположенными перпендикулярно к самому обручу концами, найденной в Метскюла недалеко от г. Вильянди и датируемой обыкновенно на основании аналогий из юго-восточной Прибалтики временем до начала нашей эры, хотя эта датировка может быть и несколько слишком ранней [1]. Эта гривна была истолкована как головное украшение. Не исключена, однако, возможность, что все эти тяжелые, массивные гривны были изготовлены специально для вотивных целей, тем более, что и вышеописанные гривны из Лиймала и Мустмятта при всей своей величине имеют слишком малое отверстие, чтобы продевать через него голову.

В могильниках такие массивные гривны не встречаются. Здесь имеются, как мы видели выше, или легкие полые гривны из тонкого бронзового листа с широкими концами в виде раструбов (рис. 14:*4*), или же массивные, но зато значительно более тонкие гривны. Эти последние представлены в 6 экземплярах также в кладе из Мустмятта (рис. 45:*1*).

Относительно шейных гривен с полусферическими или коническими шляпками на концах можно также отметить, что в могильниках обнаружены пока только гривны меньших размеров и с концами несколько иных пропорций (ср. рис. 23:*2*, 37:*1*).

Витые шейные гривны с петлями на концах найдены в нескольких экземплярах и в могильниках северо-восточной Эстонии. Одна очень тонкая гривна этого типа с петлей, образованной одной только проволокой, происходит уже из западной части могильника *C* в Ябара (рис. 12:*4*), остальные вещи которой восходят преимущественно к I в. н. э. Фрагмент гривны, витой из более толстых проволок, найден в Ябара же, в могильнике *E*. Более широкое распространение такие гривны имеют в северной Латвии [2]. Они встречаются еще южнее (в южной Латвии и Литве) и представлены также в известных кладах из Межигорья и Мощина [3], в Рязанских могильниках [4] и некоторых других местах Восточной Европы.

В могильниках северо-востока Эстонии шейные гривны (легкие) с широкими концами в виде раструбов (как на рис. 14:*4*) встречаются, как мы видели, обыкновенно в сочетании с глазчатыми фибулами и другими украшениями II в. (или рубежа II—III вв.). Гривны же с полусферическими или коническими шляпками на концах, а также гривны с тонкими раструбчатыми концами (как на рис. 45:*1*) — типичны для III—IV вв. Повидимому, и вышеописанные клады из Мустмятта и Лиймала следует отнести к концу III или началу IV в., причем можно предполагать, что в известных случаях и гривны с широкими концами в виде раструбов доживали до этого времени.

Эта датировка кладов подтверждается, между прочим, одной богатой могильной находкой из Вершвай близ Каунаса в Литовской ССР,

---

[1] Балтийский сборник исследований по археологии и истории. Труды Балтийского предварительного комитета по устройству XVI Археологического съезда во Пскове, 1914 г. Берлин, 1914, стр. 45—47, табл. VII.

[2] Moora, EZL II, стр. 273—277.

[3] Boulitchov, N. de, Fouilles de la Russie Centrale. Kourgans et gorodietz. Recherches archéologiques sur la ligne de partage des eaux de la Volga et du Dniéper. M., 1900, табл. VIII:3. Спицын, Предметы с выемч. эмалью, рис. 242, табл. XXXII:852, 853.

[4] Спицын, Древн. басс. р. Оки и Камы, табл. XVIII:6.

где в грунтовой могиле было найдено двойное погребение — мужчины и женщины. При женском костяке, кроме украшений, в изголовье были положены римский бронзовый кувшин начала IV в., ожерелье из бронзовых спиралек с привесками, несколько браслетов и четыре шейные гривны, из них одна витая из трех проволок, напоминающая гривну на рис. 46:*1*, одна с коническими шляпками на концах, типа рис. 45:*5*, одна с концами в виде раструбов (как на рис. 45:*1*) и одна с обмотанными концами [1].

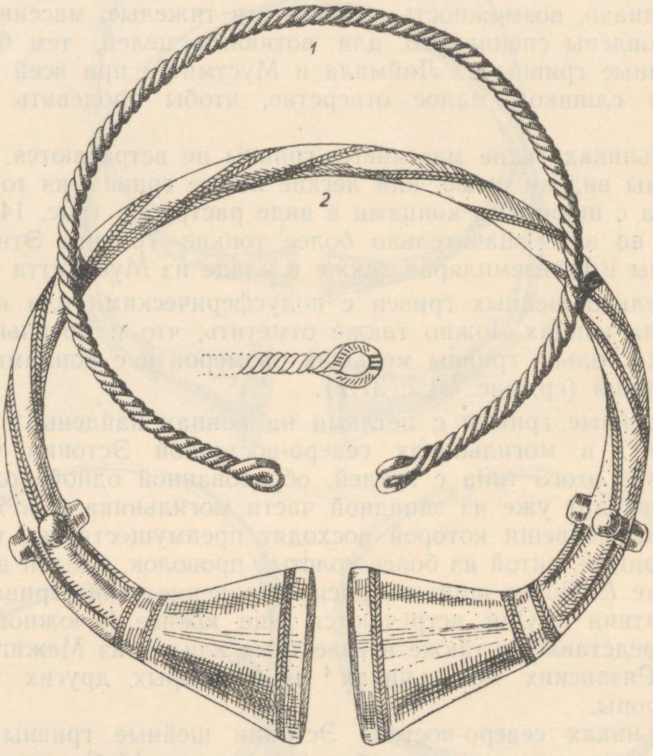


Рис. 46. Шейные гривны из клада в Лиймала (ИИ 3774:2, 1). ½ нат. вел.

Этот комплекс вещей, не связанный непосредственно с убранством покойника, а положенный в могилу в качестве жертвенного дара, указывает на то, что и в данном случае шейные гривны имели какое-то особое значение, связанное с культом. Такую же роль играли, повидимому, и гривны из наших кладов, тем более, что они по своей тяжести и форме едва ли могли быть практически применимы в качестве украшений.

По времени эти клады совпадают с могильниками или оградками могильников, отражающими наивысшую ступень развития материальной культуры, которая была достигнута при подсечном земледелии, основанном на коллективном труде семейных общин. Однако наличие в то время уже известной имущественной дифференциации, которую мы

[1] Моора, Арх. памятн. I—IV вв., стр. 7, рис. 4, 5 а, 5 б.

могли наблюдать, например, на могильниках в Ябара, указывает на выделение родовой знати. Можно поэтому думать, что именно этой родовой знати и принадлежали вещи описанных кладов, представлявшие собой по тому времени немалую материальную ценность.

Можно еще подчеркнуть, что оба клада найдены в бассейне р. Пуртсе, т. е. в древнейшем населенном центре территории северо-восточной Эстонии. Кажется естественным, что именно здесь, близ родового центра, и могла скорее всего выделиться родовая знать. В то же время здесь же могли дольше всего сохраняться родовые святилища и совершаться родовые культовые обряды и жертвоприношения, с которыми эти клады, повидимому, и связаны.

VIII. ГОРОДИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ

В связи с настоящей работой в 1949—1952 гг. были обследованы и некоторые городища. На городищах Койла и Клооди были произведены раскопки несколько бóльших размеров, тогда как раскопки на городище Пуртсе носили только разведочный характер.

Городище К о й л а (рис. 47) расположено на территории колхоза того же названия в сельсовете Виру-Нигула, Кивиылиского района, в 8 км от берега моря. Для городища, площадь которого составляет примерно 4000 м², был использован южный конец тянущейся с севера на юг песчаной гряды. С западной стороны городище окаймлено глубоким оврагом, на северном конце которого из известняковых пород вытекает источник, носящий по народной традиции имя «священного» («Хийэалликас») и считавшийся еще сравнительно недавно целебным, главным образом против глазных болезней, откуда и другое его название — «Сильмаалликас» («Глазной источник»). Ручей, вытекающий из источника, огибает стрелку городища и вливается тут же в р. Пада, протекающую на расстоянии 60 м от городища. Пойма этой реки, покрытая лугами, окаймляет городище на юге и на востоке.

С северной, напольной стороны городище защищено рвом и валом высотой до 4 м, считая со дна рва, и 1—1,5 м — со стороны плато. Низкий, местами едва заметный на поверхности вал окружает площадь городища и с остальных сторон, имеющих крутые, правильной формы склоны, покрытые обломками плитняка, повидимому, от развалившегося вала.

Вал был в значительной мере разрушен кладоискательскими и разными другими ямами. В начале текущего столетия при снесении части вала для постройки погреба на его северо-западном конце были обнаружены человеческие кости.

Раскопки производились на городище в двух местах: в 1949 г. на восточном краю его и в 1950 г. на северном конце. В обоих случаях была прорыта траншея также и через вал. В общем была вскрыта площадь в 224 м².

Стратиграфия городища проявлялась яснее всего в северном раскопе. На плато, отчасти заходя под самый вал, на глубине 55—60 см от поверхности, на материковом песке обрисовывались очертания четырехугольной сгоревшей деревянной постройки, повидимому сруба, размерами 5,5 × 6 м. От нее сохранились лишь черные полосы со значительным содержанием угля (рис. 48). Внутренняя площадь этой постройки углей почти не содержала. Здесь имелось несколько небольших очагов из камней, заходящих на 20—30 см в материковый песок. В восточной и северо-восточной частях этой постройки был обнаружен ряд неболь-

ших ямок от столбов (должно быть, подпиравших крышу), заполненных землей и камнями. Одна такая ямка находилась и с наружной стороны постройки, у ее юго-восточного угла. В одной из этих ямок (западной в квадрате *е*7) сохранились небольшие остатки древесины.

Параллельно очертанию этой постройки, на южной стороне, в песке обрисовывалась еще другая темная полоса, содержавшая, однако, значительно меньше углей.

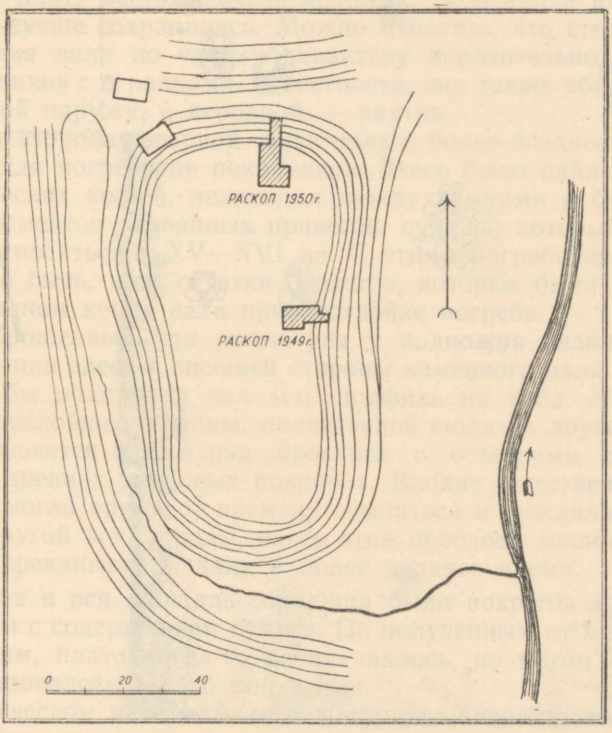


Рис. 47. Городище Койла, Кивиылиского района. Схематический план.

Из вещей в этом горизонте было найдено всего два небольших необработанных куска кварца в юго-западном углу постройки и кусок камня со следами шлифовки с одной стороны в северо-восточном углу, не дающие, к сожалению, основания для датировки этого слоя. Из остеологического материала здесь, в северо-восточной ямке квадрата *е*7, была найдена всего одна кость животного.

Выше следовал темный культурный слой, причем между этим слоем и предыдущим вклинивалась прослойка песка толщиной в южной части до 12 см. К северу эта прослойка становилась тоньше и, наконец, совершенно исчезла под валом, где оба культурных слоя слились так, что северной границы остатков постройки невозможно было определить.

Темный, местами совсем черный жирный слой со значительным содержанием углей покрывал, повидимому, бóльшую часть площади городища (табл. XV). Только к середине плато, как это видно по профилю восточного раскопа (табл. XVI), этот слой становился тоньше, светлее и местами даже вовсе исчезал. Вблизи вала толщина темного культурного слоя составляла 20—25 см, причем наибольшей толщины и насыщенности углями слой достигал под северной частью вала. Это дает

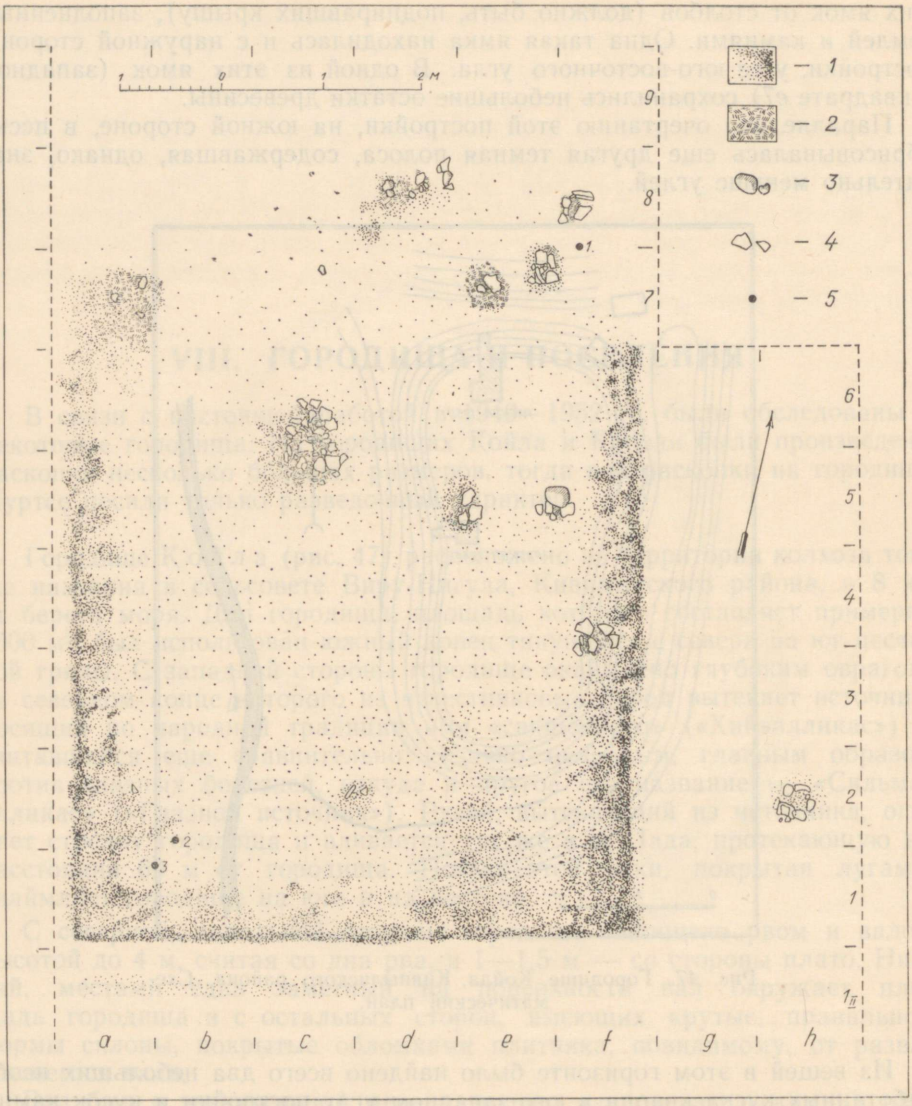


Рис. 48. Следы четырехугольной постройки в нижнем слое северного раскопа на городище Койла. *1* — уголь; *2* — коричневатая земля; *3* — валуны; *4* — плиты известняка; *5* — находки (*1* — булыжник со следами шлифовки; *2, 3* — куски кварца).

основание полагать, что до постройки мощного каменного вала городище было защищено с напольной стороны (а может быть, в некоторой мере и с боков) деревянным тыном, выстроенным на невысоком валу из песка и земли и сгоревшим при пожаре, который, повидимому, охватил все городище.

С этим темным слоем пожарища связан и целый ряд очагов, из которых некоторые также заходят под каменный вал. Очагов было больше всего в восточном раскопе. Этот же слой содержал и бóльшую часть в общем незначительного костного материала и остальных находок, главным образом керамики.

Все участки вала имеют в основном одинаковую конструкцию, но от-

личаются по высоте и мощности. Основу вала составляют в обоих случаях две низкие параллельные каменные стенки, расстояние между которыми на напольной стороне равняется 4 м, а на боковой — 2,5 м (табл. XIV:1, 2). Это сооружение завалено камнями, отчасти сползшими по склонам и по плато городища. Для сооружения вала, огораживавшего городище с напольной стороны, были использованы в основном валуны и в меньшем количестве плитняк, а сбоку вал состоял только из известняковых плит, местами очень крупных, особенно в нижней части вала, где они лучше сохранились. Можно отметить, что стенки внутреннего сооружения вала по своему характеру поразительно напоминают стенки могильников с оградками. В частности, они также обращены своей ровной стороной наружу, а неровной — внутрь.

Внутренняя сторона северной части вала в более позднее время была использована для погребения покойников. Здесь было найдено довольно много человеческих костей, лежавших между камнями в беспорядке, и несколько фрагментов оловянных привесок, судя по которым эти погребения могут относиться к XV—XVI вв. С этими погребениями одновременны, должно быть, и те остатки скелетов, которые были обнаружены на северо-западном конце вала при постройке погреба.

Песок, выброшенный при рытье рва у подножия главного участка вала, был насыпан здесь с внешней стороны каменного вала. Эта насыпь из песка как бы подпирала вал (см. профиль на табл. XV). В песке встречались прослойки из глины, принесенной сюда из другого места. В песке обрисовывается также ряд прослоек с остатками сожжения и, должно быть, древних дерновых покровов. Вполне естественно, что песчаная насыпь могла время от времени осыпаться и нуждалась в восстановлении. С другой же стороны, часть этих прослоек возникла, должно быть, и при перекапывании вала в более позднее время.

Как вал, так и вся площадь городища были покрыты коричневатым песчаным слоем с содержанием гумуса. По полученным от местного населения сведениям, плато когда-то распахивалось, но потом было заброшено и использовалось только под выгон.

В остеологическом материале из культурного слоя городища имеются кости и домашних животных (лошади, крупного рогатого скота, свиньи), и диких животных (лисицы, водяной крысы, зайца-беляка)[1].

Вещественный материал с городища[2] в общем представлен бедно. Вся раскопанная площадь дала всего только 251 находку, главным образом фрагментов керамики. Всю керамику можно разделить на два вида. К первому виду относятся черепки грубой толстостенной лепной посуды (толщина стенок до 1,4 см) с примесью крупной дресвы в тесте. Эти черепки покрыты с внешней стороны, а иногда и с внутренней, сетчатым узором разной отчетливости (табл. XVII:*1—4*, *9*). Часть фрагментов керамики из теста такого же состава не имеет никакого орнамента, а несколько черепков имеют штрихованную поверхность (табл. XVII:*5—7*, *10*). Эта грубая керамика встречалась только в черном слое пожарища как на плато, так и под валом, за исключением одного фрагмента, находившегося в верхнем, коричневатом слое. К сожалению, все эти черепки настолько малы, что не дают представления о форме сосудов.

Ко второму виду керамики относятся черепки тоже лепной посуды, но значительно более тонкой, со сглаженной поверхностью, из мелко-

---

[1] Кости были определены профессором В. И. Цалкиным и сотрудником Института зоологии и ботаники АН ЭССР К. Л. Паавером.

[2] ИИ 4009:1—141; 4034:1—110.

зернистого теста, смешанного с песком. Среди них имеется несколько обломков венчиков сосудов с округлым профилем (табл. XVII:*11*). Эта керамика происходит преимущественно также из нижнего, черного слоя, но она встречалась и в верхнем, коричневатом слое.

Наконец, под внешним склоном главного участка вала, в одной из углистых прослоек песчаной насыпи были найдены два фрагмента черной лощеной керамики из хорошо отмученной глины.

Из остальных вещей, найденных на городище, заслуживают упоминания: растиральный камень с отшлифованной в нескольких местах поверхностью (табл. XVII:*17*), фрагменты точилок (табл. XVII:*15*, *16*), обработанный кусочек кварца (табл. XVII:*13*), два маленьких осколка кремня, несколько фрагментов костей со следами обработки и фрагмент какого-то втульчатого костяного изделия (рукоятка ножа или шила, табл. XVII:*12*). Хорошая сохранность последнего и местонахождение его между камнями вала вызывают, однако, предположение, не связан ли этот предмет с поздними захоронениями. К последним относятся и фрагмент двух оловянных привесок, а также бронзовая обоймица ремня. Кроме того, в верхнем, коричневатом слое были найдены кусок железного шлака и небольшой нож X—XII вв. (табл. XVII:*14*).

Анализируя керамику с городища Койла, следует отметить, что на городищах Эстонии находки сетчатой керамики, кроме городища Койла, зафиксированы еще в Асва на о. Саарема и в нижнем горизонте городища Иру, относящихся ко второй половине I тысячелетия до н. э.[1]. Небольшое количество сетчатой керамики было обнаружено также при раскопках О. В. Саадре в нижнем горизонте городища Отепяа[2] в юго-восточной Эстонии. Повидимому, и здесь под более поздними слоями сохранились остатки слоя, синхроничного слоям в Асва и Иру.

Однако эта керамика грубее, более толстостенна и хуже обожжена, чем черепки из Койла. По общему характеру керамике из Койла наиболее близка все же керамика, находимая в каменных курганах с ящиками, в частности в Муукси, Локсаского района. Керамика из Муукси аналогична черепкам из Койла преимущественно по составу теста, смешанного с крупной дресвой; в отделке поверхности керамики из Муукси преобладает штриховка, а сетчатый узор здесь встречается сравнительно редко. Однако и на городище Койла найдено несколько фрагментов керамики со штриховкой. Как в Койла, так и в Муукси часть черепков не имеет никакого орнамента. Простая керамика подобного состава происходит и из одного каменного кургана с ящиком в Кыпу на о. Хийума[3]. Наконец, керамика такого же состава, без орнамента или со штриховкой, прослеживается еще и в ранних могильниках с оградками, как, например, в могильнике в Ийла, раскопанная часть которого относится, как мы видели, к I—II вв. н. э. В северной Латвии же сетчатая керамика найдена также в каменных курганах с ящиками, например в Буллюмуйже[4].

На территории северо-восточной Эстонии сетчатая керамика, помимо

---

[1] Muistse Eesti linnused. 1936—1938. a. uurimuste tulemused. Toimetanud H. Moora. Tartus 1939, рис. 12:4, 5; 42:3. Моора Х. А., Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики. КСИИМК XLII, М., 1952, рис. 5:2. Еще более ранняя сетчатая керамика обнаружена в Эстонии в верхних горизонтах неолитической стоянки в Акали, на побережье Чудского озера. Янитс Л. Ю., Неолитические стоянки на территории Эстонской ССР. КСИИМК 54, М. 1954, стр. 12, рис. 8:8, 9, 14.

[2] Изв. АН ЭССР 1954, 3, стр. 372, 378.

[3] ИИ 3909:3—5, 27 и др.

[4] Congr. sec., стр. 435, табл. VIII:6, Ванкина Л. В., Археологические памятники I тысячелетия до н. э. на территории Латвийской ССР. КСИИМК XLII, М., 1952, стр. 70.

городища Койла, обнаружена только в двух случаях. Один фрагмент (рис. 31:*21*) был найден в грунтовом песке под Кохтла-Ярвеским могильником I, а другой — в могильнике в Келлераугу (рис. 8:*5*, *6*). Орнамент первого из них является, однако, имитацией сетчатого орнамента, и этот черепок, таким образом, не вполне соответствует керамике из Койла. Черепок из Келлераугу ближе к последней, хотя по составу теста более мелкозернист. В южной Эстонии сетчатая керамика встречается в каменных могильниках с оградками вплоть до III—IV вв.[1], но в северной Эстонии она, повидимому, выходит из употребления значительно раньше.

Как известно, сетчатая керамика с разными локальными вариантами имеет широкое распространение на городищах лесной полосы Европейской части СССР, в том числе и в областях, непосредственно граничащих с Эстонской ССР. Эта керамика представлена на ранних городищах территории Латвийской ССР, например на городище Кландюкалнс на Западной Двине[2], примерно одновременном с городищем Асва. Далее, она была обнаружена в нижнем горизонте Псковского городища на территории кривичей[3].

В большом количестве сетчатая керамика найдена на городищах Великолукской области, обследованных в 1951—1952 гг. Торопецкой экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР под руководством Я. В. Станкевич. В материалах этой экспедиции, с которыми автор имел возможность ознакомиться в Ленинграде, представлены разные виды сетчатой керамики, среди которых имеются и черепки, довольно близкие по составу теста и по характеру сетки к черепкам из Койла. Это относится, прежде всего, к городищу Подгай, где найдено также несколько металлических вещей, указывающих на связи с Прибалтикой, а именно: железный кельт с ушком, косари и несколько железных булавок с кольцевидной (скорее петлевидной) головкой[4]. Далее можно отметить, что на тех же городищах Великолукской области, так же как и на городище Койла и в каменных курганах с ящиками северной Эстонии, рядом с сетчатой керамикой встречается и штрихованная, которая в деталях, правда, обычно несколько отличается от соответствующей керамики Эстонии, но по общему характеру все же близка к ней. На исследованных Я. В. Станкевич городищах сетчатая керамика преобладает в нижних горизонтах, датируемых последними веками до начала н. э., и как пережиточное явление — в слоях I—IV вв. н. э., в то время как ранняя штрихованная керамика наиболее распространена именно в I—IV вв.[5]. Еще восточнее, как известно, сетчатая керамика имеет широкое распространение на дьяковских городищах в районе бассейна Оки и Верхнего Поволжья[6].

Как уже было отмечено, керамика другого вида, более тонкостенная, со сглаженной поверхностью, встречалась на городище Койла как в черном слое со следами пожарища, так и в верхнем, коричневатом слое,

---

[1] Например, в больших могильниках в Яагупи и Паали, Эльваского района (в ИИ).

[2] Ванкина, указ. раб., стр. 74. Моога, Pirmatnējā kopienas iekārta, стр. 53—54.

[3] Тараканова С. А., Раскопки в Псковском Кремле. КСИИМК XXI, М., 1947, стр. 143—144.

[4] Третьяков П. Н., Восточнославянские племена. Издание второе, переработанное и расширенное. М., 1953, рис. 20.

[5] Станкевич Я. В., Итоги археологических работ 1950 года в Великолукской области. КСИИМК XLVII, М., 1952, рис. 32:1—4, 7, 9. Станкевич Я. В., Исследование памятников первого тысячелетия нашей эры в верховьях Западной Двины за 1949—1951 годы. КСИИМК 52, М., 1953, стр. 62, рис. 21:2. Автор благодарен также Я. В. Станкевич за ряд устных сообщений.

[6] Третьяков, Верхнее Поволжье, рис. 6, 10, 17, стр. 35. Бадер, Древн. городища, рис. 7, 15—17, Сизов, Дьяково городище, табл. XXIV[а].

покрывавшем все городище. Эта керамика найдена только в виде небольших черепков. Среди последних имеется все же несколько фрагментов венчиков и плечиков небольших сравнительно сосудов с округлыми профилями. По составу теста, характеру поверхности, обжигу и профилю эти черепки соответствуют обычной керамике, находимой в могильниках с оградками на северо-востоке Эстонии. Так, например, некоторые черепки из Койла (82, табл. XVII:*11*) по своему профилю очень близки к черепкам из могильника *B* в Ябара. Керамический материал из могильников с оградками, к сожалению, не допускает хронологического расчленения, так как керамика встречается в могильниках обыкновенно только в виде разрозненных небольших фрагментов. Создается впечатление, что керамика бытовала в течение продолжительного времени без существенных изменений. Во всяком случае черепки с примесью мелкозернистого песка и со сглаженной поверхностью встречаются уже и в некоторых каменных курганах I в. в Раннамыйза в западной Эстонии и т. д. Если теперь принять во внимание, что на городище Койла в перегорелом слое, проходящем под каменным валом, представлены черепки обоих основных видов керамики, т. е. более грубой, с дресвой (с сетчатым орнаментом, штриховкой или без орнамента), и более тонкой, так же, как они встречаются рядом и в поздних каменных курганах с ящиками, а изредка еще и в ранних могильниках с оградками, то кажется наиболее вероятным, что этот слой нашего городища относится по преимуществу к концу времени бытования каменных курганов с ящиками, т. е. примерно к концу I тысячелетия до н. э.

Скудность находок в верхнем, коричневом слое, покрывающем как плато, так и вал городища, не позволяет точно определить время вторичного укрепления городища каменным валом. Наличие в этом слое той же тонкостенной керамики, которая имелась уже и под валом, дает основание полагать, что вал был сооружен не позже середины I тысячелетия н. э., а возможно и значительно раньше. К первой половине I тысячелетия относятся, вероятно, и оба обломка сосуда с черной лощеной поверхностью, найденные в наружной подсыпке северной части вала (44, 58). Такая керамика встречается также иногда в могильниках с оградками, хотя и редко. Так, в Пада один обломок такого сосуда был найден в VII оградке, которую мы отнесли преимущественно ко II—III вв., и другой — в VIII оградке, инвентарь которой относится к III—IV вв. В небольшом количестве черная лощеная керамика представлена также в могильниках с оградками в южной Эстонии. Она держится долго в употреблении. Так, например, все довольно многочисленные фрагменты лощеной керамики, найденные в могильниках в Тойла, относятся, повидимому, к верхнему ярусу с трупосожжениями VII—X вв. Далее, она представлена еще на городищах X—XI вв., например в верхнем горизонте городища Иру близ Таллина и на болотном городище XI в. в Куусалу, Локсаского района.

*

Городище Клооди расположено на территории колхоза «Валгус» сельсовета Клооди, Раквереского района, в 6,5 км на северо-запад от г. Раквере, по шоссейной дороге в Хальяла. Здесь для городища использована часть южной половины оза, тянущегося среди равнинной поверхности на протяжении 1,5 км в направлении примерно с севера на юг и известного на месте под названием «Пахнимяги». С этого оза открывается широкий, прекрасный вид на окрестность. На запад от него расстилаются ровные пашни, на востоке же поверхность постепенно понижается. Здесь на расстоянии 100—150 м от подножья оза начинается

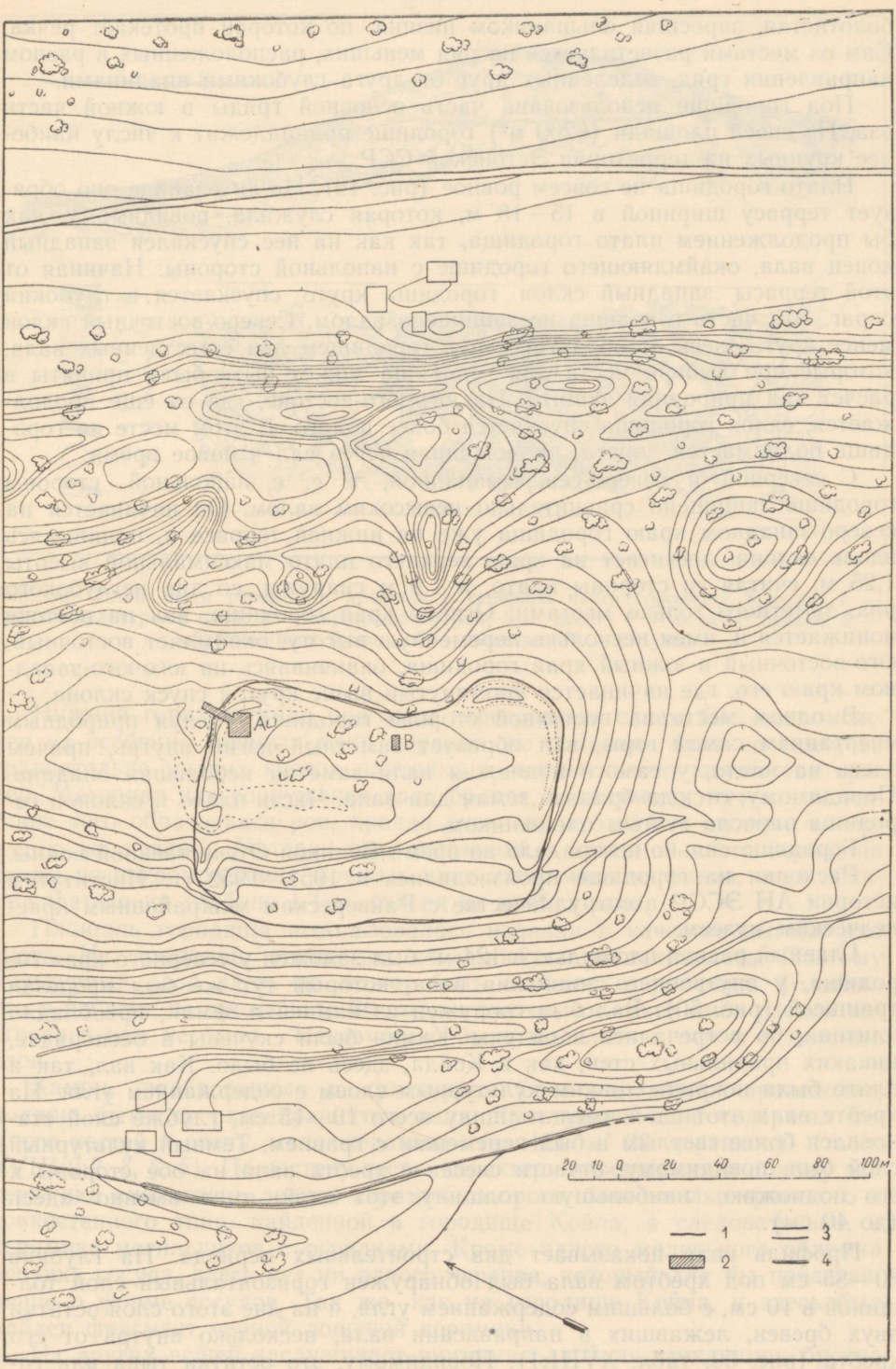


Рис. 49. Городище Клооди, Раквереского района. Общий план. *1* — граница плато городища; *2* — раскопанные площади; *3* — шоссейная дорога; *4* — проселочная дорога. Высотная разница между горизонталями 1 м.

болотистая, заросшая ольшаником низина, по которой протекает речка. Сам оз местами разветвляется на ряд меньших, расположенных в разном направлении гряд, отделенных друг от друга глубокими впадинами.

Под городище использована часть основной гряды в южной части оза. По своей площади (6200 м²) городище принадлежит к числу наиболее крупных на территории Эстонской ССР.

Плато городища не совсем ровное (рис. 49). На юго-западе оно образует террасу шириной в 15—18 м, которая служила, повидимому, как бы продолжением плато городища, так как на нее спускался западный конец вала, окаймляющего городище с напольной стороны. Начиная от этой террасы западный склон городища круто спускается в глубокий овраг. Эта часть городища не защищена валом. Северо-восточный склон менее крут. Здесь оз образует перед городищем два естественных вала, которые при выборе места для городища может быть были приняты в расчет как природная защита. На юго-юго-востоке, где оз еще продолжается, склон городища спускается более полого. В этом месте на городище поднимается дорога, проложенная через вал в новое время.

С северной и северо-северо-западной, т. е. с напольной, стороны городище защищено сравнительно невысоким валом. Он начинается на северо-западном краю городища уже на нижней террасе и, поднимаясь вдоль склона, достигает на краю верхнего плато максимальной высоты 1,25 м, считая со стороны плато, и 1,9 м снаружи, со дна неглубокого рва, заметного только местами. Огибая край городища, вал на востоке понижается и, имея несколько переменную высоту, окаймляет восточный, юго-восточный и южный края городища, оканчиваясь на юго-юго-западном краю его, где начинается упомянутый выше крутой спуск склона.

В одном месте на восточной стороне городища, следуя природным очертаниям самой горы, вал образует заметный изгиб внутрь, причем здесь на плато, у самого подножия вала заметна небольшая впадина. Повидимому, отсюда бралась земля для вала. Часть плато и склонов городища заросла густым ольшаником.

Городище сильно пострадало во время Великой Отечественной войны.

Раскопки на городище производились в 1951—1952 гг. Институтом истории АН ЭССР в сотрудничестве с Раквереским межрайонным краеведческим музеем.

Главный раскоп площадью в 124 м² был заложен у северного края городища, у внутреннего подножия вала, который тут же был прорезан траншеей (рис. 50). Вал был сооружен из камней и земли; преобладал плитняк, но встречались и валуны. Камни были скучены в беспорядке, никаких правильных стен, как в Койла, здесь не было. Как вал, так и плато были покрыты тонким культурным слоем с содержанием угля. На хребте вала этот слой имел толщину всего 10—15 см, глубже слой становился более светлым и был перемешан с гравием. Темный культурный слой был, повидимому, отчасти снесен с хребта вала на обе стороны к его подножию; наибольшую толщину этот слой имел именно здесь (до 40 см).

Профиль вала показывает два строительных периода. На глубине 80—85 см под хребтом вала был обнаружен горизонтальный слой толщиной в 10 см, с большим содержанием угля, и на дне этого слоя остатки двух бревен, лежавших в направлении вала, несколько внутрь от его хребта (рис. 50, табл. XVIII:1). Повидимому, это остатки тына или городен. Можно полагать, что тын был выстроен из горизонтально сложенных бревен, так как именно в таком случае нижние бревна, соприкасавшиеся с землей, могли сохраниться, тогда как вся верхняя часть тына сгорела.

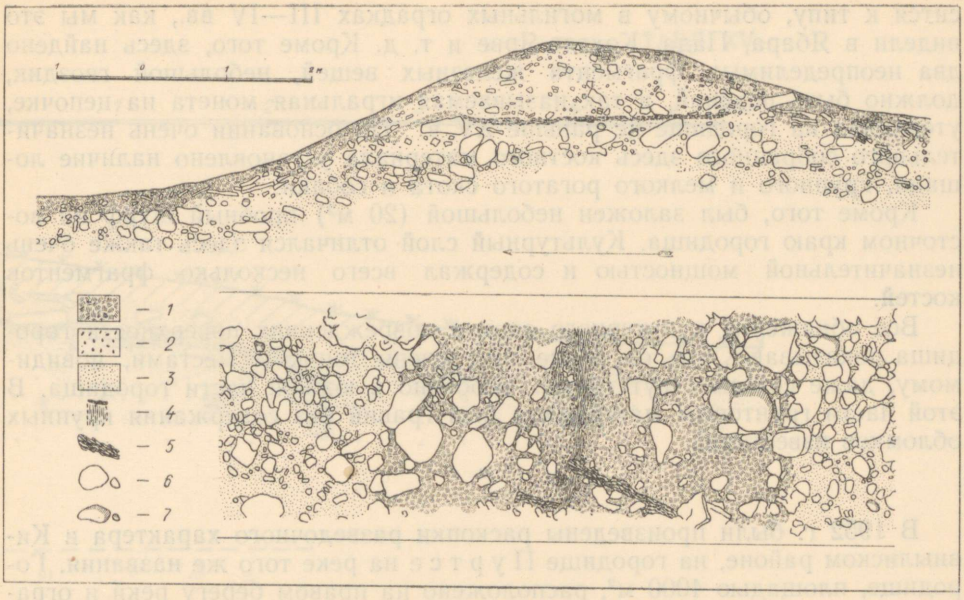


Рис. 50. План части раскопа и профиль в северной части городища Клооди. *1* — темный культурный слой; *2* — вкрапления углей; *3* — песок; *4* — остатки бревен; *5* — обугливщиеся бревна; *6* — плитняк; *7* — валуны.

Нижний горизонт вала под этим перегорелым слоем был нагроможден из особенно мощных плит, верхняя же половина вала состояла из сравнительно мелких кусков плитняка и значительного количества гравия. Материал для сооружения вала брался, повидимому, тут же, вследствие чего образовался ров, правда очень неглубокий и местами совершенно заплывший. Материк оза, состоящий в северной части городища также из нагромождения мощных плит известняка и гравия, стал обнаруживаться на глубине 1,4 м, считая от хребта вала.

Площадь городища использовалась издавна в качестве выгона для скота. Нет сведений, чтобы она когда-нибудь распахивалась. Поэтому культурный слой здесь не может быть особенно перемещен. Толщина его в раскопе не превышала 30 см; ни очагов, ни каких-либо следов построек в нем не было. Невозможно было выделить в нем и отдельные слои.

Камни, разбросанные в культурном слое городища, происходят, должно быть, от развалившегося вала. Культурный слой содержал немного костей и очень мало керамики (на 124 м² 28 черепков)[1] (табл. XVIII:2:*2*, *3*, *5*, *6*). По составу теста, характеру поверхности и обжигу эта керамика аналогична лепной керамике второго, более мелкозернистого и тонкостенного типа, найденной в городище Койла, а следовательно, и керамике могильников с оградками. Кроме одного маленького обломка венчика сосуда, здесь нет ни одного черепка, который дал бы представление о форме сосудов. Так же как на городище Койла, и здесь был найден фрагмент черной лощеной керамики.

Из других вещей заслуживает внимания двойная стеклянная бусина с позолотой, найденная на глубине 15 см в скоплении черного культурного слоя у внешнего подножия вала (табл. XVIII:2:*1*). Эта бусина отно-

[1] В МР.

сится к типу, обычному в могильных оградках III—IV вв., как мы это видели в Ябара, Пада, Кохтла-Ярве и т. д. Кроме того, здесь найдено два неопределимых фрагмента железных вещей, небольшой гвоздик, должно быть поздний, и так называемая игральная монета на цепочке, утерянная на городище не раньше XV в. На основании очень незначительного собранного здесь костного материала установлено наличие лошади, крупного и мелкого рогатого скота и собаки.

Кроме того, был заложен небольшой (20 м²) пробный шурф на восточном краю городища. Культурный слой отличался здесь также очень незначительной мощностью и содержал всего несколько фрагментов костей.

Все обнажения культурного слоя в повреждениях поверхности городища показывают, что он везде был очень тонок и местами, повидимому, даже совсем отсутствовал, особенно в южной части городища. В этой части грунтовым материалом был гравий без содержания крупных обломков известняка.

*

В 1952 г. были произведены раскопки разведочного характера в Кивиылиском районе, на городище П у р т с е на реке того же названия. Городище, площадью 4000 м², расположено на правом берегу реки и ограничено с остальных сторон оврагами. Плато городища окружено со всех сторон валом, наибольшая высота которого не превышает 1,5 м в северо-западной части городища. Вал был сильно поврежден во время войны. Разведка заключалась преимущественно в расчистке некоторых профилей окопов, причем в северо-западной части городища был прорезан и вал. Последний насыпан из кусков плитняка, редких валунов и земли. С наружной стороны имелась подсыпка из песка, как у вала на городище Клооди. Эта подсыпка подпиралась снаружи кладкой из небольших кусков плитняка. Как в Койла и Клооди, так и здесь под каменным валом, на глубине 75 см, на песке залегал черный слой мощностью до 30—35 см со значительным содержанием угля и с остатками перегорелых шестов. Этот слой, хотя и менее мощный, был обнаружен и в южной части городища. Еще несколько глубже, в песке, имелся очаг, сложенный из камней. Ниже следовал уже материковый песок.

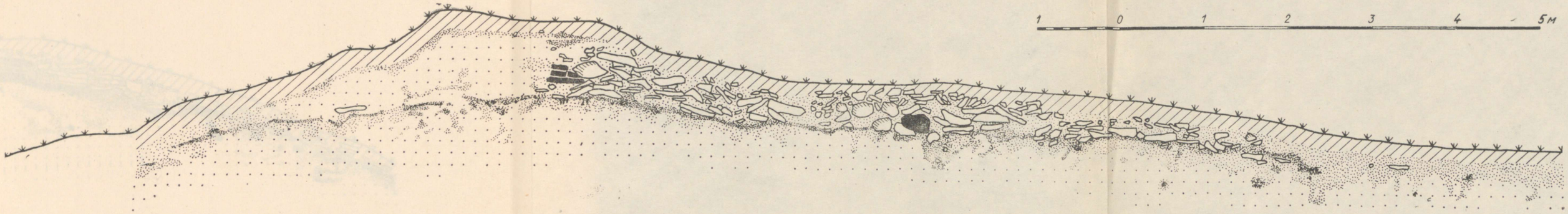
Как между камнями вала, так и в черном перегорелом слое были найдены фрагменты керамики со сглаженной поверхностью из мелкозернистого теста с примесью песка. Эта керамика соответствует черепкам с городища Клооди и более тонкостенной керамике из Койла. Имелся и черепок черной лощеной керамики. Между самыми верхними камнями вала был найден обломок тонкостенного сосуда IX—X вв.

Очень характерно, что в Пуртсе, как и на обоих других описанных выше городищах, каменный вал был выстроен после пожара, повидимому уничтожившего какое-то деревянное защитное сооружение. Создается впечатление, что городище Пуртсе по общему характеру соответствует городищам Койла и Клооди, и, судя по керамике, относится, повидимому, также к первой половине I тысячелетия н. э., тогда как очаг под валом может восходить и ко времени до начала н. э.

*

Несмотря на то, что городища северо-восточной Эстонии изучены пока еще далеко не в достаточной мере, все же попытаемся на основании этих ограниченных исследований сделать некоторые общие выводы относительно характера их использования.

В самом нижнем слое городища Койла, несмотря на наличие остат-



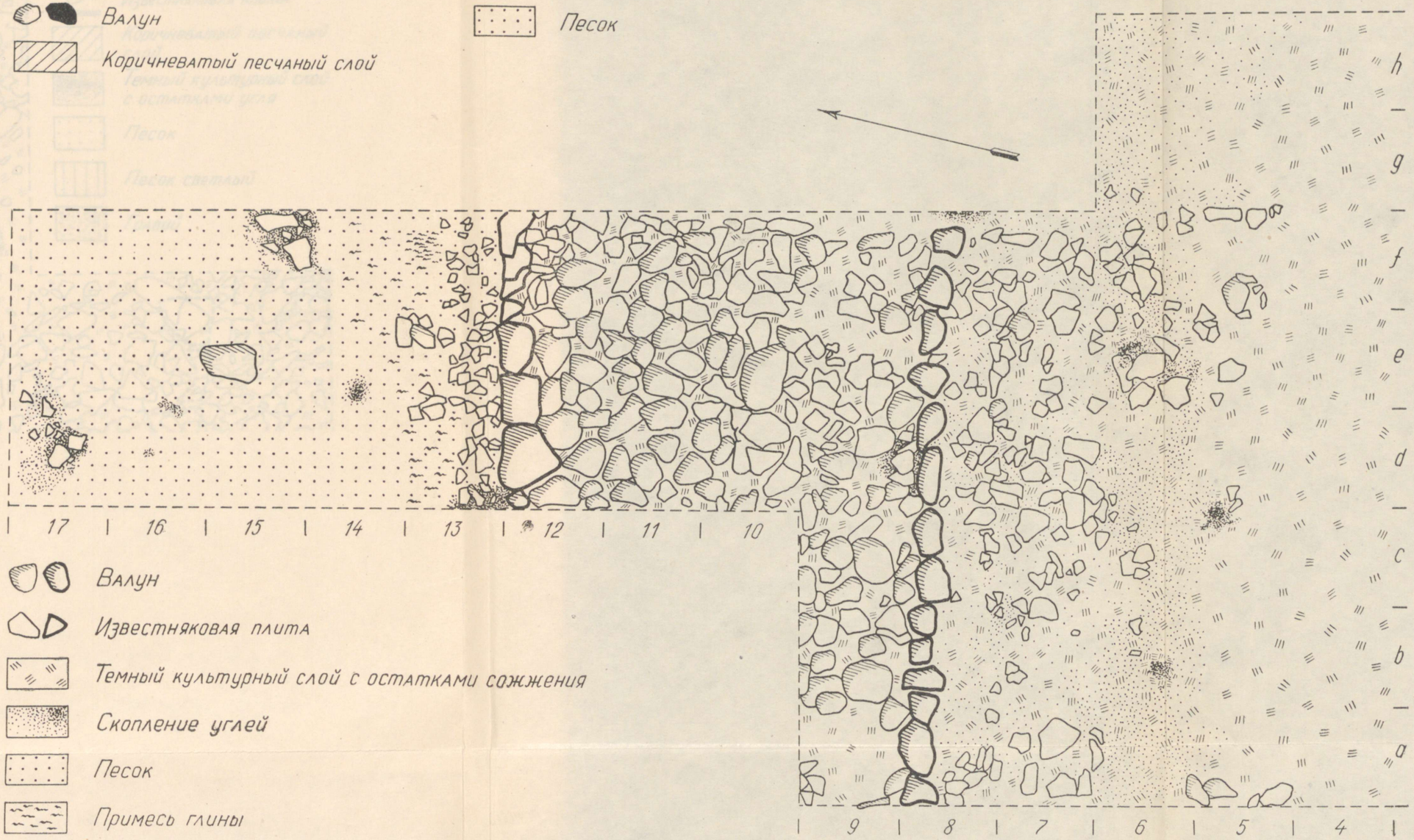
Известняковая плита

Валун

Коричневатый песчаный слой

Темный культурный слой с остатками угля

Песок



Валун

Известняковая плита

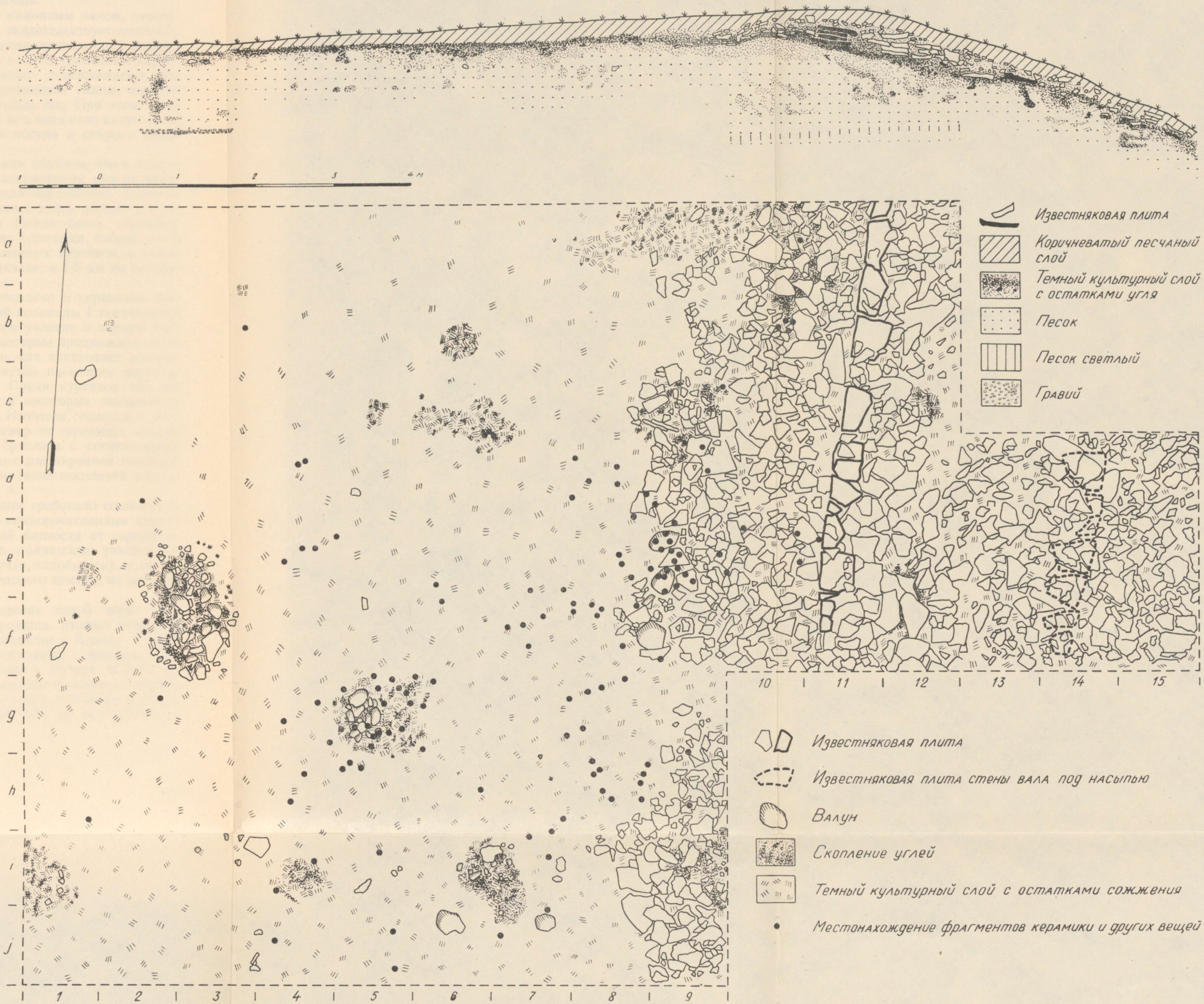
Темный культурный слой с остатками сожжения

Скопление углей

Песок

Примесь глины

Городище Койла. План и профиль северного раскопа.



Городище Койла. План и профиль раскопа на восточном краю городища.

ков какой-то срубной деревянной постройки и нескольких небольших очагов, все же совершенно отсутствуют следы продолжительного обитания, так как здесь нет обычного для поселений культурного слоя. Мы не знаем также ничего об укреплении этого городища.

Следующий за этим слой пожарища под каменным валом, относящийся примерно к концу I тысячелетия до н. э., свидетельствует наличием в нем ряда очагов о том, что в это время городище до некоторой степени было обитаемо. Однако и это поселение все же носило временный характер, судя по тонкости культурного слоя и малому содержанию в нем костей и керамики. Городище, укрепленное деревянным тыном, погибло от пожара, охватившего, повидимому, всю площадь его. При этом населению, должно быть, удалось забрать с собой все, что имело какую-либо ценность. На городище остались только битая посуда и отбросы пищи в виде костей.

Материал с городища Койла показывает, таким образом, что в начале н. э. в северо-восточной Эстонии постоянными поселениями уже не являлись городища, а что население обитало, по всей вероятности, главным образом в открытых поселениях, которых, однако, здесь до сих пор не удалось обнаружить. Строителями городища Койла были, вероятно, общины, селившиеся в ближайших окрестностях городища, скорее всего те общины, от которых сохранилась группа каменных курганов, к сожалению, неисследованных, между Койла и Мяэпяэлсе, в 1,5 км на северо-восток от городища.

Если допустить, что городище было восстановлено и укреплено значительно более мощным валом в течение первой половины I тысячелетия н. э., то можно полагать, что в этом принимали участие в первую очередь потомки тех же самых семейных общин, которые продолжали жить на прежних местах, тогда как к этому времени, как показывает распространение могильников с оградками, большинство населения расселилось уже на более широких пространствах. Среди курганов той же группы между Койла и Мяэпяэлсе имеются и некоторые могильники бóльших размеров, должно быть с оградками. Имеются сведения о распаханном каменном могильнике в 0,5 км на север от городища, откуда происходят некоторые вещи III—V вв.: два браслета с сегментарным сечением (на одном нанизан перстень), фибула с расширенной головкой и наконечник копья [1]. Все это указывает на наличие поселений вблизи городища в первой половине I тысячелетия н. э.

Однако укрепление городища каменным валом требовало совместных усилий более значительного коллектива, чем немногочисленные семейные общины, которые жили в непосредственной близости от городища. Поэтому можно думать, что в этой работе принимали участие (и, конечно, также пользовались городищем в случае надобности) и те общины, которые уже переселились из старого родового центра, но все еще поддерживали оживленные связи с последним.

Конечно, трудно сказать конкретно, в пределах какой территории население концентрировалось вокруг этого городища. Можно полагать, что сюда относилась, прежде всего, группа населения в Кальви, в 4 км на северо-восток от городища, где имеется могильник с вещами III—V вв. [2], должно быть также небольшое поселение у Нугери, в 3 км на ЮЮЗ от городища. Как далеко на юг простирались поселения, связанные с городищем, мы не можем сказать, так как здесь, по той же р. Пада, в 3 км южнее Койла, имеется другое большое, еще не исследованное

[1] ИИ 2716:1—2; 4010:1—2.
[2] Вещи в ИМ.

городище. Возможно, что это городище синхронично с городищами в Койла и Клооди; в таком случае группа населения, которая оставила рассмотренный выше большой могильник в Пада, а также, вероятно, и общины, обитавшие несколько восточнее от Пада (Раудна, Азери)[1], имели свое укрепленное городище в Пада. Этот вопрос, конечно, невозможно разрешить, пока не будет установлено время возникновения этого городища.

Мы не можем также точно определить, какие общины пользовались городищем Клооди. На расстоянии 4—6 км на восток от него расположены крупные могильники в Эссу, Аркна и Пыдрусе. По всей вероятности, эта группа населения и была, в первую очередь, связана с городищем Клооди. Пользовались ли этим городищем также населенные центры южнее г. Раквере (например Тырма), мы не знаем, так как нам неизвестно, существовало ли уже тогда городище Раквере, расположенное к ним ближе, чем городище Клооди.

Городище Пуртсе расположено в древнейшем центре распространения каменных курганов с ящиками в северо-восточной Эстонии. Найденная здесь керамика указывает, правда, на первую половину I тысячелетия н. э., однако у нас нет данных для датировки самого нижнего горизонта, в котором был обнаружен очаг. Возможно, что этот слой более или менее синхроничен с нижними слоями городища Койла и с курганами с каменными ящиками. Строителями этого городища были, очевидно, те общины, которые обитали в бассейне р. Пуртсе и в ближайших окрестностях, в том числе жившие вблизи Ябара.

Возможно, что и некоторые из остальных городищ северо-восточной Эстонии относятся к рассматриваемому нами периоду, хотя они не обследованы подробнее. Выше уже упоминалось городище Пада, расположенное на реке того же названия, недалеко от описанного выше могильника. Далее может быть учтено городище Вихула, Локсаского района, в окрестности которого найдено два железных втульчатых топора с ушком I—II вв.[2], городище Варангу, Раквереского района, может быть и само городище Раквере, на котором в XIII в. был выстроен феодальный замок. Случайные обнажения слоев на всех этих городищах показывают, что и на них культурный слой очень тонок или совершенно отсутствует.

Наконец, было сделано еще несколько небольших пробных шурфов на городище Нурксе в восточной части Раквереского района, вблизи которого также имеется несколько неисследованных каменных могильников. По своему расположению на высоком озе это городище очень напоминает городище Клооди. Однако вал этого городища значительно выше и мощнее, чем на городищах Клооди и Койла. В одном из шурфов на городище был найден фрагмент керамики VIII—X вв. с волнообразным орнаментом. Нам пока неизвестно, имеются ли на этом городище какие-нибудь более ранние слои.

*

Городища Койла, Клооди, Пуртсе и, возможно, другие указанные выше городища выделяются при сравнении их с другими ранними городищами Эстонии в особую группу. Городище Асва на острове Саарема и нижний слой городища Иру близ Таллина, датируемые второй половиной I тысячелетия до н. э., представляют собой укрепленные поселения, где в результате долгой заселенности накопился культурный слой

[1] См. карту, рис. 53.
[2] В ИМ.

толщиной до 1 м, насыщенный остатками костей, керамикой и разным другим вещевым материалом. Повидимому, общины, населявшие эти городища, отличались по своей экономике и социальному строю от общин, оставивших нам городища северо-восточной Эстонии, на чем мы ниже еще остановимся.

Зато городище Муукси, Локсаского района, расположенное также на северном побережье, имеет уже много сходных черт с городищами Койла и Клооди. Произведенные здесь в 1936 г. А. К. Вассаром раскопки [1] показали, что и здесь культурный слой был очень тонок. Он содержал небольшое количество керамики, сходной с керамикой из Койла. Здесь можно также отличить в основном два вида черепков. Одни из них со сглаженной поверхностью, с примесью песка в тесте, такого же характера, как обломки сосудов в Клооди, Пуртсе и частью в Койла. Можно отметить и здесь наличие нескольких обломков черных лощеных сосудов. Другую группу керамики составляют более грубые черепки с примесью дресвы, похожие по составу на грубую керамику с городища Койла, хотя и отличающиеся от последней обработкой поверхности. Керамика с сетчатым орнаментом на городище Муукси пока не обнаружена, но наряду с черепками без орнамента здесь имеются фрагменты, покрытые резкой штриховкой и соответствующие керамике, найденной в расположенных недалеко от городища каменных курганах с ящиками [2]. А так как в последних встречается как штриховая, так и сетчатая керамика, то отсутствию последней в небольшой раскопанной части городища Муукси нельзя придавать особого значения.

К этой же группе городищ, характерных для севера Эстонии, относится, должно быть, и расположенное еще несколько западнее городище при устье р. Ягала, Харьюского района, имеющее также вал из плитняка и тонкий культурный слой [3]. Это городище, подобно городищам Муукси, Койла и Пуртсе, расположено в районе распространения каменных курганов с ящиками.

Несмотря на поиски, ни в северо-восточной части, ни на остальной территории Эстонии до настоящего времени не удалось обнаружить ни одного открытого поселения, которое относилось бы ко времени от середины I тысячелетия до н. э. и до середины I тысячелетия н. э. Для обнаружения поселений в окрестности больших могильников был применен метод фосфатных анализов почвенных проб, который дал хорошие результаты, например, при определении границ неолитических поселений [4]. Против ожидания, почвенные пробы, взятые в окрестности наибольшей из существующих групп могильников, именно в Ябара, не содержали вовсе фосфатов, а пробные шурфы, сделанные в окрестности могильника в Пада, где почва содержала фосфаты и коллоген [5], указывали скорее на существование здесь также могильников, чем на поселение. Поселение же, обнаруженное недалеко от могильника в Тырма, относится к значительно более позднему времени.

Так как все известные нам на территории северо-восточной Эстонии могильники отстоят от существующих ныне деревень не дальше, чем на несколько сотен метров, то возникает вопрос, не расположены ли эти деревни, или по крайней мере часть их, на тех же местах, где существо-

---

[1] Отчет о них в ИИ.

[2] OES Aastar. 1937, I, стр. 355—356 и рис. 19, 20:1—5.

[3] Это городище выстроено, между прочим, на неолитическом поселении. Beitr. Estl. X, стр. 16—32.

[4] Веллесте Л., Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений. КСИИМК XLII, М., 1952, стр. 135—140.

[5] Коллоген накапливается при наличии костей в почве. См. там же, стр. 137.

вали поселения уже в первой половине I тысячелетия до н. э. и где всякие следы древних поселений давно уничтожены. С другой стороны, так как все без исключения каменные могильники расположены в северо-восточной Эстонии на пахотной земле, то, конечно, можно полагать, что по крайней мере часть поселений, которые находились недалеко от могильников, не имея защиты в виде каменной кладки, были разрушены при распашке. Отсутствие данных о поселениях рассматриваемого в настоящей работе периода является, несомненно, большим пробелом в наших материалах, и поэтому поиски древних поселений должны быть продолжены.

IX. ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВО

В предыдущих главах мы дали обзор археологических памятников северо-восточной Эстонии, относящихся ко времени от середины I тысячелетия до н. э. и до середины I тысячелетия н. э. Мы видели, что для первой половины этого периода были характерны каменные курганы с ящиками, а для второй — могильники с оградками. Кроме того, к этому времени относятся также и некоторые городища. Зато, несмотря на поиски, до сих пор не удалось обнаружить ни одного относящегося к этому времени поселения, если не считать остатков временных поселений на городищах Койла и Пуртсе. Поэтому мы вынуждены считаться с тем фактом, что главным источником исследования развития социально-экономического строя в рассматриваемый примерно тысячелетний период все же являются могильники.

На основании анализа расположения каменных курганов с ящиками (рис. 51) и их материалов мы пришли к заключению, что во второй половине I тысячелетия до н. э. в экономике древнего населения северо-восточной Эстонии животноводство имело до известной степени преобладающее значение. Представляется вероятным, что каменные курганы с ящиками служили усыпальницами патриархальных семейных общин. Каждая группа каменных курганов являлась, должно быть, могильным памятником одной, а в некоторых случаях, может быть, и нескольких семейных общин, тогда как каждый единичный курган такой курганной группы, содержавший до 10—15 погребений, мог использоваться отдельной малой семьей, входившей в состав соответствующей семейной общины. Если к тому же принять во внимание, что эти курганы использовались обыкновенно в течение весьма продолжительного времени, — иногда в течение нескольких сотен лет, — то ясно, что число членов такого семейного коллектива было не особенно велико. Ряд семейных общин составлял род. Роды, в свою очередь, объединялись в племена, на которых мы остановимся ниже.

Могильный инвентарь каменных ящиков, как мы видели, весьма беден и незатейлив и ограничивается обыкновенно костяными булавками или какими-либо простыми изделиями из бронзы и железа (булавка, шило, нож). Однако среди погребений, не содержащих могильного инвентаря или с небольшим количеством последнего, выделяются некоторые, инвентарь которых значительно богаче и разнообразнее, как, например, I погребение кургана *A* в Ябара, которое содержало шейную гривну и браслет из бронзы, а также большой железный нож-секач (рис. 5:*1*, *2* и 6:*1*). К этим вещам близок, но еще богаче и разнообразнее формами инвентарь каменного кургана в Кауниспяа на о. Саарема. Эти погребения указывают на наличие известной имущественной диф-

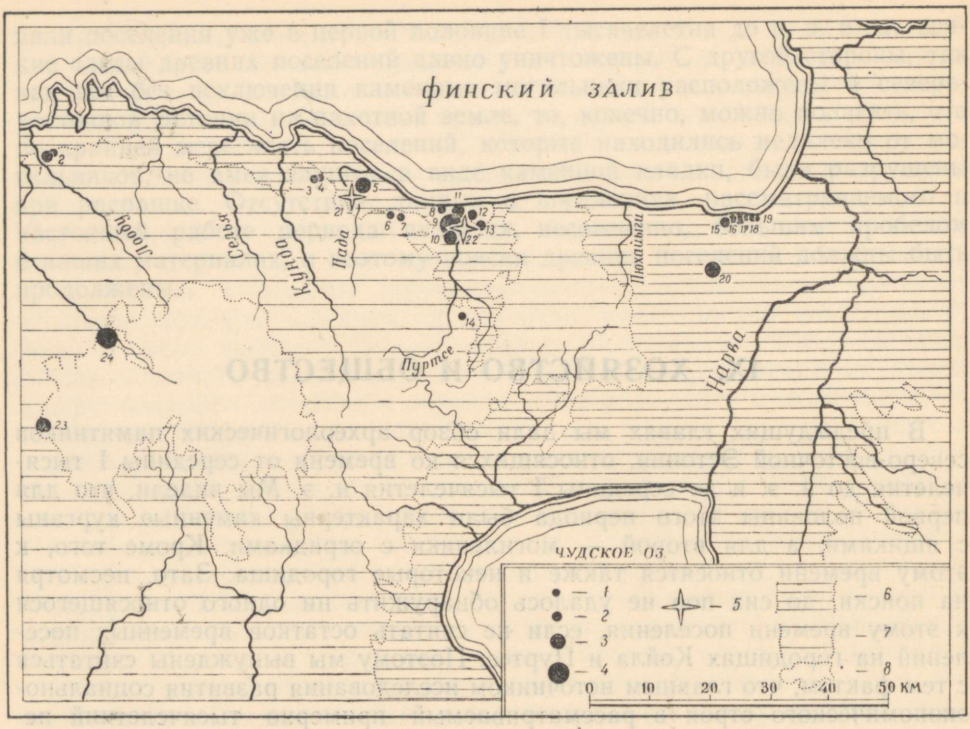


Рис. 51. Распространение памятников второй половины I тысячелетия до н. э. на северо-востоке Эстонии. Условные знаки: *1* — 1—3 каменных кургана; *2* — группа в 4—6 каменных курганов; *3* — группа в 7—8 каменных курганов; *4* — группа в 10 и больше каменных курганов; *5* — городище; *6* — высота над у. м. 0—50 м; *7* — высота над у. м. 51—100 м; *8* — высота над у. м. свыше 100 м. Номера на карте: *1* — Тыугу; *2* — Выхма; *3* — Келлераугу; *4* — Куура; *5* — Койла; *6* — Азери; *7* — Тамме; *8* — Лиймала; *9* — Напа; *10* — Люганусе; *11* — Пуртсе; *12* — Ябара; *13* — Варья; *14* — Ребу; *15—19* — группы курганов на побережье у Вайвара; *20* — Сиргала; *21* — городище Койла; *22* — городище Пуртсе; *23* — курганы в Прюмли; *24* — курганы в Моэ (*23*, *24* за пределами древней «земли» Вирума).

ференциации, которая объясняется, по всей вероятности, началом выделения родовой знати, сосредоточившей в своих руках известные богатства, в первую очередь скот, и игравшей главенствующую роль в роде.

При такой форме хозяйства, в котором преобладающее значение имело животноводство, были заселены преимущественно те места, вблизи которых имелись естественные пастбища, т. е. места, не заросшие густым лесом. Таковыми являлись некоторые речные долины и террасы или пологие спуски глинта. Конечно, было бы очень важно выяснить, находятся ли эти поселения в какой-либо преемственной связи с еще более ранними поселениями, т. е. с поселениями эпохи неолита и ранней бронзы. Однако скудность материала этого периода не дает нам пока возможности ответить на этот вопрос. Можно только отметить, что для юго-востока Эстонии удалось установить существование поселений Акали и Кулламяги от III тысячелетия до н. э. до периода раннего металла (I тысячелетия н. э.) [1].

Как показывает карта распространения курганов с ящиками (рис. 51),

[1] Янитс Л., Поселения эпохи неолита и раннего металла в районе устья р. Эмайыги (Эстонская ССР). Автореферат диссертации. Тарту, 1953, стр. 17, 20—21.

отдельные группы поселений второй половины I тысячелетия до н. э. и начала н. э. были отделены друг от друга обширными лесными массивами.

Сам материал из каменных курганов с ящиками также имеет пока еще слишком большие пробелы и не позволяет проследить историю развития каждой группы поселений в отдельности. Можно только констатировать, что наиболее древним населенным центром в северо-восточной Эстонии является нижнее течение р. Пуртсе (включая окрестности Ябара), где некоторые погребения в ящиках восходят примерно к середине последнего тысячелетия до н. э. Повидимому, в этот период наряду с погребениями в каменных курганах с ящиками покойников хоронили также и в грунтовых могилах, о которых мы, однако, знаем еще очень мало.

Хотя материал из исследованной могильной группы в Ябара не позволяет детально, из века в век, проследить развитие общества, все же нет никакого сомнения, что поселение продолжало существовать здесь также и в течение всей второй половины последнего тысячелетия до н. э. С начала нашей эры в могильном инвентаре снова появляются вещи, поддающиеся более точной датировке. На основании расположения могильников можно заключить, что в течение всего тысячелетнего периода, от середины I тысячелетия до н. э. до середины I тысячелетия н. э., группа поселений в Ябара была тесно связана с поселениями на р. Пуртсе. Поэтому создается впечатление, что население в Ябара находилось в близком родстве с некоторыми общинами, обитавшими по нижнему течению р. Пуртсе, входя в состав племени или племен, заселявших долину р. Пуртсе.

При всей скудности остеологического материала, полученного из каменных курганов с ящиками и с городища Койла, все же можно установить, что в то время разводились все характерные для лесной полосы виды домашних животных, а именно: крупный и мелкий рогатый скот, лошади и свиньи. Лошадь служила, должно быть, в первую очередь для верховой езды, на что указывают некоторые костяные принадлежности конской сбруи, обнаруженные на городище Асва, а также наличие в костном материале с городища Койла зуба очень старой (старше двадцатилетнего возраста) лошади, что было бы немыслимо, если лошади разводились бы только на мясо.

Нет никакого сомнения в том, что и примитивное земледелие было уже давно известно населению северо-восточной Эстонии, хотя оно здесь еще не стало основой хозяйства. Наиболее ранние вещественные доказательства о существовании земледелия мы имеем в Эстонии начиная с эпохи ранней бронзы. На северо-восточном берегу оз. Выртсъярв, в Кивисааре, Пыльтсамаского района, в грунтовой могиле был найден бронзовый серп, относящийся к названному периоду, а другой серп позднего периода бронзы является случайной находкой из Раасику, Харьюского района [1]. Конечно, трудно сказать, употреблялись ли эти привозные бронзовые серпы местным населением по назначению. Для земледелия, несомненно, должны были иметься и орудия из местного материала. Так, например, из западной Латвии известен ряд каменных мотыг [2], четыре экземпляра которых найдены также на территории Эстонской ССР. На широкое применение деревянных мотыг указывают на-

---

[1] ИИ 2758:12; 3243. ÕES Aastar. 1932, стр. 248, 275, рис. 1:6; 2:4a. Моора, Памятн. поздн. неол., рис. 2:5. Янитс, Поздненеол. могильники, рис. 15:6.

[2] Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta, рис. 15.

ходки из известного торфяникового поселения второй половины II тысячелетия до н. э. в Сарнате, Латвийской ССР, где деревянные изделия сохранились в исключительной полноте [1]. О существовании земледелия во второй половине I тысячелетия до н. э. свидетельствуют и находки с городища Асва, среди которых имеются зернотерка, костяные изделия для обработки льна и, наконец, сосуд, на дне которого в глине имеется отпечаток зерна пшеницы. На знакомство эстонских племен с земледелием указывает, по данным лингвистики, наличие уже во II—I тысячелетии до н. э. ряда слов, связанных с земледелием, как, например, *põld* (поле), *ader* (рало), *hernes* (горох), *oder* (ячмень), *ike* (ярмо) и пр.

Можно предполагать, что и охота, и рыболовство, а в прибрежных местах также тюлений промысел играли еще довольно значительную роль. Как уже было сказано, на городище Койла были найдены кости лисицы и зайца-беляка [2]. В окрестностях оз. Кахала, в Муукси, Локсаского района, в каменных курганах с ящиками были найдены кости рыси, зайца, тюленя и разных лесных птиц [3]. В добывании средств к жизни охота играла, конечно, значительно бóльшую роль, чем это показывает археологический материал, тем более, что у нас нет материалов из поселений. Наконец, даже и остеологический материал поселений не дает точных статистических данных о соотношении между охотой и скотоводством, так как туши не употребляемых в пищу зверей часто оставлялись в лесу [4].

Само собой разумеется, что в реках, озерах и мелких морских бухтах ловили рыбу, а зимой жители побережья выходили на тюлений промысел.

Находки из некоторых каменных могильников с ящиками, например из Напа, а также из Лагеди, Харьюского района [5], и особенно с одновременных с ними городищ Асва и Иру, показывают, что большинство орудий труда изготовлялось еще из кости и рога и отчасти из камня. Конечно, нет сомнения в том, что еще гораздо больше орудий было из дерева, как об этом свидетельствуют сохранившиеся в исключительно благоприятных условиях вещи из упомянутого уже торфяникового поселения в Сарнате на юго-западном побережье Латвийской ССР.

Могильный инвентарь некоторых каменных курганов с ящиками (курганы *А* в Ябара, в Кауниспяа и др.), а также некоторые случайные находки бронзового века на территории Эстонской ССР свидетельствуют о том, что начиная с середины II тысячелетия до н. э. производство и разделение труда все же достигли здесь такой степени развития, что давали возможность ввозить бронзу и пользоваться ею в несколько бóльших размерах, чем это показывает обычный инвентарь каменных курганов. При всем том, однако, не надо забывать, что в то время в хозяйстве привозная бронза еще существенного значения не имела, а металл вошел в общественное производство только тогда, когда была усвоена техника добывания железа из местной болотной руды.

Наиболее древние бронзовые предметы, найденные на территории

---

[1] Там же, рис. 19; Моора, Памятн. поздн. неол., рис. 5, стр. 10—11.

[2] Как известно, заяц-беляк, почти вымерший в Эстонии, является жителем чащи больших лесных массивов, что, в свою очередь, дает указания на природные условия рассматриваемого периода. (Данные получены от К. Л. Паавера.)

[3] OES Aastar. 1937, 1, стр. 332.

[4] Горюнова Е. И., К вопросу об «остеологической статистике». КСИИМК XXXV, М.—Л., 1950, стр. 62—63.

[5] Spreckelsen, Laakt, табл. III:74—77.

Эстонской ССР, а именно некоторые топоры с закраинами середины II тысячелетия до н. э.[1], принадлежат к восточнобалтийскому типу и этим показывают, что бронза ввозилась в Эстонию прежде всего с юга, при посредничестве балтийских племен.

Позже, в конце II и в первой половине I тысячелетия до н. э., появляются и бронзовые изделия иного происхождения. Именно, в северо-восточной Эстонии, в Муммусааре близ ст. Вайвара (на территории Нарвского горсовета), при земляных работах был найден втульчатый топор эпохи поздней бронзы, имеющий ряд сходных черт с бронзовыми кельтами лесной полосы Восточной Европы[2]. Небольшие раскопки разведочного характера, произведенные в Муммусааре, окончательно не выяснили характера этой находки. Возможно, что здесь была грунтовая могила, в которой скелет совершенно истлел. С другой же стороны, наличие небольшого очага недалеко от места нахождения бронзового топора указывает на то, что здесь могло быть и кратковременное поселение. Также невозможно сказать, существовала ли какая-нибудь связь между этим топором и каменными курганами на побережье около Вайвара, времени использования которых мы не знаем. Другим предметом восточного происхождения является бронзовый наконечник копья с ушком с о. Муху[3].

Шейная же гривна, найденная при I скелете в кургане *A* в Ябара, является, по всей вероятности, привозной из Скандинавии (возможно, через Финляндию). Также в других местах Эстонии — больше всего на о. Саарема, как это и естественно, — найден ряд вещей скандинавского происхождения конца эпохи бронзы[4]. Таким образом, можно предположить, что бронза проникла на территорию Эстонии с трех сторон: раньше всего с юга, с территории балтийских племен, позже еще из лесной полосы Восточной Европы, а также морским путем из Скандинавии (непосредственно или через Финляндию).

Литейные формочки, найденные на городищах Асва и Иру, показывают, что, несмотря на скудность привозной бронзы, обработка ее все же была довольно обыденным занятием. Судя по фрагментам этих формочек, видно, что по ним отливались преимущественно простые бронзовые кольца, величиной с шейную гривну[5]. Однако некоторые фрагменты литейных формочек свидетельствуют о том, что изготовлялись и более крупные и такие, более сложные бронзовые изделия, как наконечники копий, может быть и топоры. Но, в общем, бронзы было все-таки мало и обработка ее играла совершенно побочную роль в производстве.

Животноводство, требовавшее все бóльших заготовок корма на зиму, земледелие и все остальные отрасли производства достигли во второй половине I тысячелетия до н. э. такой степени развития, что примитив-

---

[1] Из Тахула и Пяхкла, Кингисеппского района (ИИ К10:1), Райдсааре, Пыльтсамаского района (ИИ 2513:89), Мыйзама, Тартуского района (ИИ 2513:90). Моора, Памятн. поздн. неол., рис. 2:6, стр. 11—12. ÖES Aastar. 1932, стр. 246—247, рис. 1:2, 3 и рис. 2:2. RK, табл. 3:4.

[2] ИИ 3379. ÖES Toim. XXX, стр. 722—723, рис. 1. Моора, Памятн. поздн. неол., рис. 7:2, стр. 22.

[3] ИИ 1047. ÖES Aastar. 1932, стр. 247—248, рис. 1:1. RK, табл. 3:1. Моора, Памятн. поздн. неол., рис. 2:1, стр. 12.

[4] Например, депозит из Техумарди, содержащий бронзовый меч и фрагменты бронзового копья, застежку шейной гривны и пр. ÖES Aastar. 1932, стр. 248—249, 258—261, рис. 6—7.

[5] Одна гривна такого типа найдена в каменном кургане с ящиками в Вайдава, Латвийской ССР, Моога, EZL I, табл. 1:4. От такой же гривны происходит, должно быть, и фрагмент толстой бронзовой проволоки из каменного кургана с ящиками в Саха, Харьюского района (в ИМ).

ные орудия труда из кости, рога, камня и дерева уже оказывались недостаточными для удовлетворения основных потребностей общества. Металлом, который в значительно большей мере, чем привозимая издалека бронза, мог обеспечить потребность в более эффективных орудиях производства, являлось железо, которое добывалось из местной железной руды. Как показали раскопки М. Е. Фосс на обнаруженном ею месте выплавки железа на Галичском озере, способ этой выплавки был в то время еще очень примитивным и непродуктивным: значительный процент металла уходил в шлаки, и сама выплавка железа в больших открытых ямах требовала для достижения необходимой температуры непомерно большого количества топлива [1].

К числу наиболее ранних железных вещей, изготовлявшихся в северо-восточной Эстонии из местной руды, принадлежат, по всей вероятности, такие малые размерами и простые по своей технике выработки изделия, как булавки с кольцеобразной головкой и небольшие серповидные ножи, находимые в каменных курганах с ящиками, например, в Куура, Азери и др. (рис. 10:*1*, *3—11*). Наличие большого количества таких булавок в ранних могильниках с оградками, как, например, в Тойла и Азери, а также в могильнике в Тамса на юге Эстонии, и сравнительно большое разнообразие этих булавок по величине и пропорциям говорят за то, что они являются изделиями местного производства, которые выделывались, должно быть, обособлено в каждой хозяйственной единице, т. е. в каждой семейной общине. Если не принимать во внимание большого привозного ножа-секача из могильника *А* в Ябара, то можно проследить, что наиболее ранние железные серповидные ножи, встречаемые в курганах с ящиками (как на рис. 8:*2*), имеют очень небольшие размеры, тогда как в ранних могильниках с оградками наряду с маленькими серповидными ножами имеются уже и крупные косари (рис. 11:*6*). Около начала н. э. и в I в. н. э. в могилы начали класть иногда и железные топоры, как узкие проушные (рис. 9:*7*), так и втульчатые (рис. 16:*4*), из которых отдельные, имеющие ушко на боку (рис. 44:*1*), еще очень напоминают бронзовые кельты. Конечно, топоры и другие железные орудия производства имели на деле значительно более широкое употребление, чем это отражается в инвентаре могильников, так как согласно традициям погребального обряда эстонских племен орудия труда в могилу обыкновенно не клались.

Карта распространения каменных могильников с ящиками (рис. 52) показывает, что и в других частях территории Эстонской ССР во второй половине I тысячелетия до н. э. при выборе мест для поселений исходили из тех же потребностей в естественных пастбищах для скота, как и на северо-востоке Эстонии. Заселены были по преимуществу морские побережья, а также бассейны некоторых рек и озер.

Несколько больших групп каменных курганов, из которых некоторые исследованы, расположено в Локсаском районе вокруг озера Кахала [2]. Далее, ряд курганных групп концентрируется на востоке от Таллина, по краям долин рек Костивере и Пирита. Здесь раскопана часть курганов в Лагеди, Саха и Роотси [3]. Расположение этих могильных памятников соответствует по своему характеру расположению каменных курганов в бассейне р. Пуртсе.

Каменные курганы с ящиками имеются также на востоке от г. Тал-

---

[1] Фосс, Галичск. экспед. 1946 г., стр. 63—66.
[2] OES Aastar. 1937, 1, стр. 304—307, рис. 1.
[3] Spreckelsen, Laakt; Beitr. Estl. VI, стр. 376—419; 420—423.

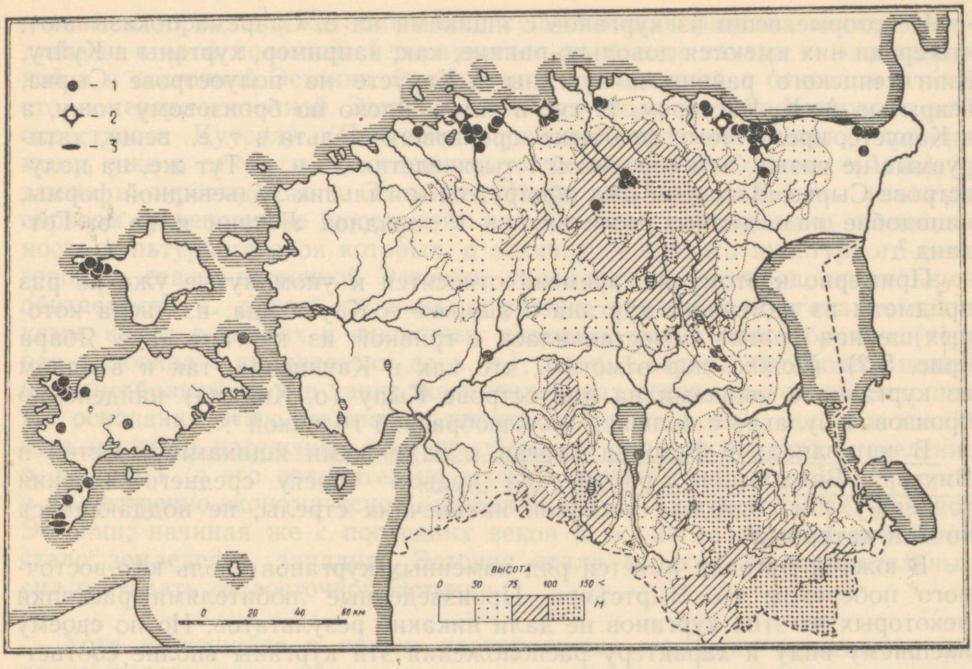


Рис. 52. Распространение памятников второй половины I тысячелетия до н. э. на территории Эстонии. *1* — группа каменных могильников с ящиками; *2* — городище; *3* — ладьевидный каменный могильник.

лина, в Раннамыйза, Кейлаского района. Эти курганы, из которых отдельные исследованы [1], расположены на краю глинта, так же как и многие курганы в северо-восточной Эстонии. В Кейласком районе имеется помимо того еще ряд неисследованных каменных курганов.

Менее понятным является возникновение нескольких крупных курганных групп вдали от побережья, близ г. Тапа, в бассейне верхнего течения р. Валгейыги, около дер. Моэ и Найстевялья. В Моэ, где были произведены небольшие любительские раскопки в 1909 г., в каменном ящике была найдена довольно ранняя вещь, а именно фрагмент бронзовой пинцетки середины I тысячелетия н. э. [2], аналогии которой известны в относящихся к этому времени погребениях большого кургана в Резнес, в Латвийской ССР, а также с острова Готланд [3]. Курганы в Моэ возникли, таким образом, не позже, чем курганные группы по нижнему течению р. Пуртсе. Другая, неисследованная группа каменных курганов имеется еще около дер. Прюмли, в 15 км на юго-восток от Моэ и Найстевялья.

Западные острова Эстонии предоставляли благодаря своему мягкому морскому климату более благоприятные условия для животноводства, чем северо-восток Эстонии. За исключением одной небольшой группы каменных курганов в Уйгу, на крутом северо-восточном берегу о. Муху, каменные курганы концентрируются здесь в южной и западной частях о. Саарема, в окрестностях Кихельконна, и на юго-западе полуострова Сырве. Много каменных курганов расположено также в западной части о. Хийума, на полуострове Кыпу.

---

[1] Beitr. Estl. XI, стр. 22—38.

[2] Sb. GEG, 1910, стр. 126—129. ÕES Aastar. 1932, стр. 250, рис. 1:10.

[3] Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta, рис. 29:1, Hansson, Gotlands bronsålder, табл. 16:82 b; 17:84 b, 85 b и др.

Некоторые вещи из курганов с ящиками на о. Саарема показывают, что среди них имеются довольно ранние, как, например, курганы в Куйгу, Кингисеппского района, и курганы в Карусте на полуострове Сырве, вскрытые А. К. Вассаром. И тут и там найдено по бронзовому ножу, а в Карусте, кроме того, фрагмент бронзового кельта [1], т. е. вещи, датируемые не позже, чем серединой I тысячелетия до н. э. Тут же, на полуострове Сырве, Вассаром был обнаружен могильник ладьевидной формы, наподобие ладьевидных могильников в западной Латвии и на о. Готланд [2].

Примерно к этому же времени относятся и упомянутые уже не раз предметы из каменного кургана с ящиком в Кауниспяа, из числа которых шейная гривна сопоставлялась с гривной из кургана *А* в Ябара (рис. 5:2). Можно еще отметить, что как в Кауниспяа, так и в одном из курганов с ящиками на полуострове Кыпу (о. Хийума) найдено по бронзовой булавке с большой кольцеобразной головкой [3].

В юго-западной Эстонии курган с каменными ящиками известен в Вихтра, Вяндраского района, на правом берегу среднего течения р. Пярну. Он содержал костяной наконечник стрелы, не поддающийся точной датировке.

В южной Эстонии имеется ряд каменных курганов вдоль юго-восточного побережья оз. Выртсъярв. Произведенные любителями раскопки некоторых из этих курганов не дали никаких результатов. Но по своему внешнему виду и характеру расположения эти курганы вполне соответствуют обычным курганам с каменными ящиками. Побережье оз. Выртсъярв могло в то время также предоставлять благоприятные условия для животноводства.

Курганы с каменными ящиками распространены и еще южнее, в северной Латвии. Здесь они концентрируются по преимуществу в окрестности оз. Вайдава и по долине р. Гауи [4]. От каменных курганов Эстонии они отличаются главным образом тем, что ящики сложены здесь обыкновенно из больших валунов и сами курганы насыпаны иногда из песка. Эта разница обусловлена, повидимому, различием природных условий и недостатком каменного материала в северной Латвии. В некоторых из этих латвийских курганов найдены двойные пуговки из янтаря [5], примерно того же типа, что и в каменном кургане в Карусте на о. Саарема.

Наконец, следует еще отметить, что и в Псковской области, в Лавровском сельсовете, С. А. Тараканової зарегистрирована группа из 7—8 каменных курганов, которые по внешнему виду и величине соответствуют курганам с ящиками в Эстонии. Эти памятники пока не исследованы [6].

Если каменные курганы с ящиками указывают на известное единство всей территории их распространения, которое, по всей вероятности, следует понимать как этническое единство в широком смысле [7], то, с другой стороны, археологический материал дает нам указания и на то, что в пределах этой территории существовали известные различия в степени общественно-экономического развития населения. В связи с иссле-

---

[1] ИИ К28:1; 3881:8, 12.
[2] Отчет А. Вассара о раскопках в Карусте 1940 г., стр. 15 (ИИ).
[3] Вещи из Кауниспяа находятся в ГИМ. Булавка из Кыпу — ИИ 3909:11.
[4] Ванкина, Археол. памятн. I тысячел. до н. э., стр. 70. Congr. sec., стр. 423—36.
[5] Из курганов в Ауциемсе и в Вайдава. Моога, EZL I, стр. 184—185.
[6] Устные сведения об этих курганах автором получены от С. А. Тараканової.
[7] Моора, Вопросы этногенеза, стр. 29—31.

дованием городищ уже отмечалась существенная разница между городищами второй половины I тысячелетия до н. э. и начала н. э. в западной и в восточной Эстонии. Эта разница заключается в основном в том, что в северо-восточной Эстонии, включая сюда и пограничную с ней окрестность Куусалу (Локсаского района), население жило, повидимому, уже в открытых поселениях, тогда как на о. Саарема (Асва), а также в окрестностях г. Таллина (Иру) нам пока известны главным образом укрепленные поселения, значительная мощность и насыщенность культурного слоя которых, в отличие от тонкого культурного слоя городищ северо-восточной Эстонии, указывает на их продолжительную обитаемость. С другой стороны, в ранних каменных курганах с ящиками, как и в кладах и единичных находках конца эпохи бронзы (первая половина I тысячелетия до н. э.), на о. Саарема бронзовых вещей найдено больше, чем в таких же могильниках северо-восточной Эстонии. На основании этого можно заключить, что в то время, когда в хозяйстве местного населения еще преобладало животноводство, население о. Саарема (с его сравнительно мягким морским климатом) опередило в общественно-экономическом развитии население остальных районов Эстонии; начиная же с последних веков н. э., когда основой хозяйства стало земледелие, западная Эстония стала в росте производительных сил отставать от восточной Эстонии.

Хотя имеющийся в нашем распоряжении материал начального периода железа пока еще очень незначителен, все же кажется, что знакомство с железом установилось прежде всего в северо-восточной Эстонии, где железные изделия встречаются в каменных курганах уже около середины I тысячелетия до н. э., как, например, в могильнике *A* в Ябара. Развитие обработки железа и применение железных орудий труда, в свою очередь, ускоряло развитие производства. Можно предполагать, что во вторую половину I тысячелетия до н. э. земледелие на северо-востоке Эстонии не только играло более значительную роль в производстве, чем в западной Эстонии, но что оно здесь уже к концу I тысячелетия до н. э. приобрело ведущее значение в экономике, в то время как в западной Эстонии, включая острова, основную роль в хозяйстве продолжало играть животноводство. Такому быстрому развитию земледелия в северо-восточной Эстонии содействовали, повидимому, благоприятные природные условия: более мощный почвенный покров и бóльшая плодородность самой почвы, чем в западной Эстонии.

То обстоятельство, что внедрение земледелия и связанное с этим постепенное освоение новых пространств еще не отражается на структуре могильных памятников конца I тысячелетия до н. э., становится понятным, если принять во внимание известное положение И. В. Сталина о взаимоотношениях базиса и надстройки: «Надстройка не связана непосредственно с производством, с производственной деятельностью человека. Она связана с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредство базиса. Поэтому надстройка отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе» [1].

Могильники относятся по своему характеру к числу надстроечных явлений. Во избежание ошибок при использовании могильников в качестве источников изучения нашей древнейшей истории, мы должны иметь в виду, что эти памятники древности могли получить свое разви-

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1954, стр. 10—11.

тие только некоторое время спустя после того, как сложился обусловливающий их базис, т. е. экономический строй общества на данном этапе его развития. Изменение же в самих производительных силах должно было произойти несколько раньше, чем изменение в базисе. Притом следует отметить, что из всех надстроечных явлений представления религиозного характера и связанные с ними обычаи являются наиболее консервативными, что, в свою очередь, замедляет отражение изменений в общественной структуре в могильниках, как памятниках, наиболее тесно связанных с религией.

Переход от способа погребения покойников в каменных курганах с ящиками к могильникам с оградками совершился, как мы видели, в течение I в. н. э. Из этого следует, что изменения в общественных отношениях должны были иметь место уже несколько раньше, а еще раньше этого — изменения в самом производстве. Так как исследование городищ северо-восточной Эстонии дает повод предполагать, что укрепленные поселения перестали существовать в конце I тысячелетия до н. э., то нужно думать, что к этому времени животноводство здесь уже не играло ведущей роли, а что главным способом добывания средств к жизни было земледелие.

Развитие земледелия дало людям возможность освоить и использовать не только ограниченные пространства вдоль долин рек и морского побережья, но и покрытые лесами возвышенности, что повлекло за собой рост населения и расселение его из прежних родовых центров на более обширные территории. Это был новый этап в процессе разложения родового строя.

Процесс выделения и расселения семейных общин приводил, естественно, к известному ослаблению родовых связей между ними. Поэтому можно думать, что этот процесс совершался не без сопротивления образовавшейся уже в предшествующий период родовой знати, значение которой теперь умалялось.

Выделение семейных общин и ослабление родовых связей происходило, конечно, постепенно, и выделившиеся уже общины сохраняли все же еще близкие связи с родовым центром. Рассматривая городища, мы уже обратили внимание на то, что в укреплении их в первые века н. э. принимали участие, по всей вероятности, и те коллективы, которые к этому времени переселились уже далеко от городищ.

Упорнее же всего родовые связи между расселившимися общинами сохранялись во всех проявлениях жизни, связанных с религией; в области религии, повидимому, родовая знать дольше всего сохраняла свое влияние. Выделение и расселение семейных коллективов должно было начаться, как мы видели, уже до начала н. э., однако археологический материал показывает, что покойников хоронили еще в течение довольно продолжительного времени — местами до I в. н. э. включительно — на старом месте и по старому обряду в каменных курганах с ящиками. Силой традиции, должно быть, объясняется и поразительное однообразие инвентаря поздних каменных курганов с ящиками и ранних могильников с оградками. На материале могильных памятников новый этап общественно-экономического развития начинает отражаться только с I в. н. э.

*

Расположение и характер большинства могильников с оградками дают основание предполагать, что они принадлежали, в общем, также как и группы каменных курганов с ящиками, семейным общинам. Если в группе каменных курганов каждый отдельный курган принадлежал малой семье, входившей в состав семейной общины, то в могильнике с оградками такую же функцию, повидимому, выполняла единичная

оградка, число похороненных в которой, судя по количеству костей (примерно не больше 10—12 человек), соответствовало количеству погребений в курганах с ящиками.

Конечно, можно думать, что семейная община не была единственной социально-экономической единицей в первой половине I тысячелетия н. э. Вероятно, наряду с большой семьей в отдельных случаях продолжали существовать, как это показывают этнографические параллели, и более древние формы общественного устройства. С другой стороны, очень возможно, что в некоторых случаях имел место и известный раздел семейных общин при сохранении коллективного землевладения и землепользования, т. е. явление, которое М. О. Косвен характеризует как патронимию [1], в которую могут входить в одно и то же время как большие, так и малые семьи. Косвен указал на то, что малые семьи, на которые в свое время распалась семейная община, в известных случаях могут снова разрастаться [2]. Возможно, что расширение могильников из одной-двух оградок в многооградочное сооружение и отражает иногда новое разрастание обособившейся семьи.

Все же, как указывалось выше, наиболее типичной общественно-хозяйственной ячейкой в период бытования каменных могильников с оградками, повидимому, была семейная община. Последняя является общественно-хозяйственной единицей, обычной для населения, занимающегося подсечно-огневым земледелием, которое, по всей вероятности, и было основной формой хозяйства на северо-востоке Эстонии в конце последнего тысячелетия до н. э. и в течение первых веков н. э. Очень возможно, что рядом с этой системой земледелия уже имелись и зачатки переложного или пашенного земледелия, на что до известной степени указывает полная оседлость населения в течение сотен лет, как об этом свидетельствуют могильники.

Превращение земледелия в основу хозяйства находит отражение в распространении каменных могильников с оградками (рис. 53). В противоположность распространению каменных курганов с ящиками, сосредоточенных вблизи природных пастбищ, могильники с оградками охватывают значительно более широкие пространства, причем они расположены обыкновенно поодиночке или не больше двух-трех в одном месте (исключение составляют только могильники в Аа и особенно в Ябара, где целый ряд отдельных могильников скучен в одну группу). В то же время распространение могильников с оградками указывает и на то, что и прежние заселенные центры, образовавшиеся в период, когда основой хозяйства было животноводство, не покидались населением, а что часть последнего продолжала обитать в них. Несмотря на то, что до сих пор, к сожалению, ни одна группа могильников не была исследована полностью, все же уже по внешнему виду последних создается впечатление, что в каждой группе каменных курганов или в непосредственной близости от такой группы имеется один или несколько могильников значительно бóльших размеров, содержащих, по всей вероятности, оградки. Можно полагать, что такой могильник служил усыпальницей какой-нибудь ветви потомков той же общины, которая существовала в данном месте уже в период бытования каменных курганов с ящиками. Исключением является, быть может, только курганная группа на морском побережье около Вайвара, где, повидимому, нет более крупных могильников. Это и понятно, так как здешняя песчанистая почва могла предоставлять пастбища для скота, но была непригодна для земледелия.

---

[1] Косвен М. О., Очерки истории первобытной культуры, М., 1953, стр. 121—123.
[2] Там же, стр. 187—188.

Наряду со старыми населенными центрами возникает теперь ряд новых, которые больше не связаны с долинами рек и уступами глинта, а проникают на покрытые лесными чащами водоразделы. Как показывает карта распространения каменных могильников с оградками (рис. 53), в I в. н. э. новые населенные места имеются уже в окрестности г. Раквере (могильники в Ама и Эссу), также в южной части возвышенности Пандивере, в окрестностях Вяйке-Марья и Симуна, где в могильнике в Роху найден ряд железных булавок с кольцеобразной головкой типа булавок из Тойла и Азери. Далее стало заселяться плато между Кохтла-Ярве и Йыхви, где, как мы видим, раскопанный Р. Гаусманом каменный могильник в Ярве сохранил еще ряд пережиточных черт каменных курганов с ящиками. В то же время население продвинулось вдоль побережья дальше на восток, о чем свидетельствует могильник в Тойла и некоторые случайные находки I в. н. э. из могильника в Утрия.

Выше уже не раз обращалось внимание на тот факт, что многие каменные могильники с оградками были заложены на местах, где уже до этого имелся некоторый культурный слой, следы которого сохранились под каменной кладкой могильников. Обычно этот слой очень тонок и выступает иногда (как, например, в могильнике *B* в Ябара) только в виде темных пятен на материке. Однако в этом слое все же встречаются вкрапления углей, кости (могильник *B* в Ябара), иногда и черепки глиняных сосудов, которые при этом не только резко отличаются от керамики самих каменных могильников, но различаются заметным образом и между собой. Так, например, подмогильный слой в Тойла содержал фрагменты сосудов с гребенчатым орнаментом, с ромбовидными ямочками, с вдавлениями перевитого шнура (табл. II:2). Из-под могильников в Кохтла-Ярве получена керамика с ложносетчатым орнаментом (рис. 31:*21*). Под каменной кладкой некоторых могильников, например под могильником в Тойла и могильником *C* в Ябара, было обнаружено несколько грунтовых могил, инвентарь которых синхроничен с инвентарем поздних каменных курганов с ящиками и ранних могильников с оградками. Некоторые аналогичные находки вне пределов северо-восточной Эстонии говорят за то, что это не простая случайность. Следы грунтовых погребений обнаружены под каменным могильником в Нава, Йыгеваского района, где при остатках одного скелета лежала бронзовая булавка с кольцеобразной головкой [1]. Погребения в Тамса, Эльваского района (на юго-востоке Эстонии), упомянутые выше в связи с могильным инвентарем из Тойла и содержавшие большое число железных булавок с кольцеобразной головкой, несколько ножей-косарей и пр., являются, повидимому, также грунтовыми. Может быть в этих грунтовых погребениях и следует усматривать могилы некоторых ранних поселенцев на новом месте, захороненных еще до сложения монументального каменного могильника. Однако вопрос о грунтовых могилах начала н. э. может быть окончательно разрешен только после получения нового, значительно большего по количеству материала. Не исключена также возможность, что в них придется усматривать пережитки сохранившихся еще местами традиций эпохи неолита и бронзы.

В I в. н. э. каменные могильники имеются не только на северо-востоке, но и в других частях территории Эстонской ССР (см. карту, рис. 54). Предметы I в. обнаружены в отдельных каменных могильниках Пайдеского и Тюриского районов, в частности, в окрестностях самого г. Тюри и местечек Анна и Ярва-Яани (Леэду, Лыола, Вирика, Кяре-

[1] ИИ 3968:185.

вере, Кардина); далее, такие могильники обнаружены к северу от г. Тарту, в окрестностях Ваймаствере и Каарепере (Нава, Кярде), а также на северо-западе Эстонии (Раннамыйза, Адила, Тынсо) и в бассейне р. Пярну (Кадьясте, Вихтра). Ранние вещи известны из ряда могильников на о. Саарема (Лябара и Карусте на полуострове Сырве, Рандвере, и, должно быть, также Танси, Ориссаареского района). Однако следует отметить, что в то время как на территории северо-восточной Эстонии, а также в окрестностях г. Пайде и Тюри оградочная конструкция могильников достигала в I в. н. э. уже своего полного развития, в остальных частях территории Эстонской ССР могильники этого времени отличаются еще малыми размерами и очень напоминают своей округлой формой и отдельными чертами конструкции (сохранение, например, иногда каменного круга у подножия) каменные курганы с ящиками. Сюда относятся, например, могильники в Нава и Кярде к северу от г. Тарту, могильник в Адила на северо-западе Эстонии. В западной Эстонии каменные могильники сохраняют такой вид еще и в последующие века. Нет сомнения, что отмечавшийся выше более быстрый ход социально-экономического развития в предыдущий период на северо-востоке Эстонии по сравнению с западной частью ее, продолжается и в I в. н. э.

Инвентарь могильников в I в. н. э., в общем, довольно единообразен по всей территории Эстонской ССР. На рис. 55 изображено схематически развитие могильного инвентаря и самих могильников. В I в. н. э. в состав этого инвентаря входят как на северо-востоке, так и в остальных районах в основном железные серповидные ножи и косари, а также железные булавки с кольцеобразной головкой, реже втульчатые или узкие проушные топоры (как на рис. 9:7). Можно только отметить, что в западной Эстонии и на островах бронза еще некоторое время преобладает над железом. Ранние булавки с кольцеобразной головкой изготовлялись, например, чаще из бронзы, причем здесь сложился и особый тип этих булавок [1]. В западной же Эстонии были в употреблении височные украшения с пластинчатыми, немного выпуклыми концами и спиралькой посередине [2]. Как уже указывалось, из восточной Эстонии известны только две спирали с поломанными концами, которые, может быть, являются фрагментами таких височных украшений, — одна из Тойла (рис. 10:2) и другая из Нава. Наконец, для могильников западной Эстонии типична керамика со шнуровым или гребенчатым орнаментом, которая в северо-восточной Эстонии, как мы видели, найдена только в виде нескольких фрагментов в подмогильном слое в Тойла и Кохтла-Ярве II.

Хотя переход от животноводства к земледелию, как основной отрасли хозяйства, и представлял собой громадный шаг вперед в развитии производительных сил и социально-экономических условий населения северо-востока Эстонии, все же человеческий труд продолжал здесь и в начале нашей эры давать еще очень мало излишков, которые могли быть использованы для обмена.

Об этом свидетельствует, например, ограниченное употребление бронзы в течение I в. н. э., на протяжении которого большинство необходимых металлических изделий изготовлялось из местной железной руды.

*

[1] ÕES Aastar. 1937, I, стр. 378—380. Одна такая булавка необыкновенно крупных размеров все же найдена и на юго-востоке Эстонии; см. там же, рис. 7.

[2] Там же, рис. 4—6.

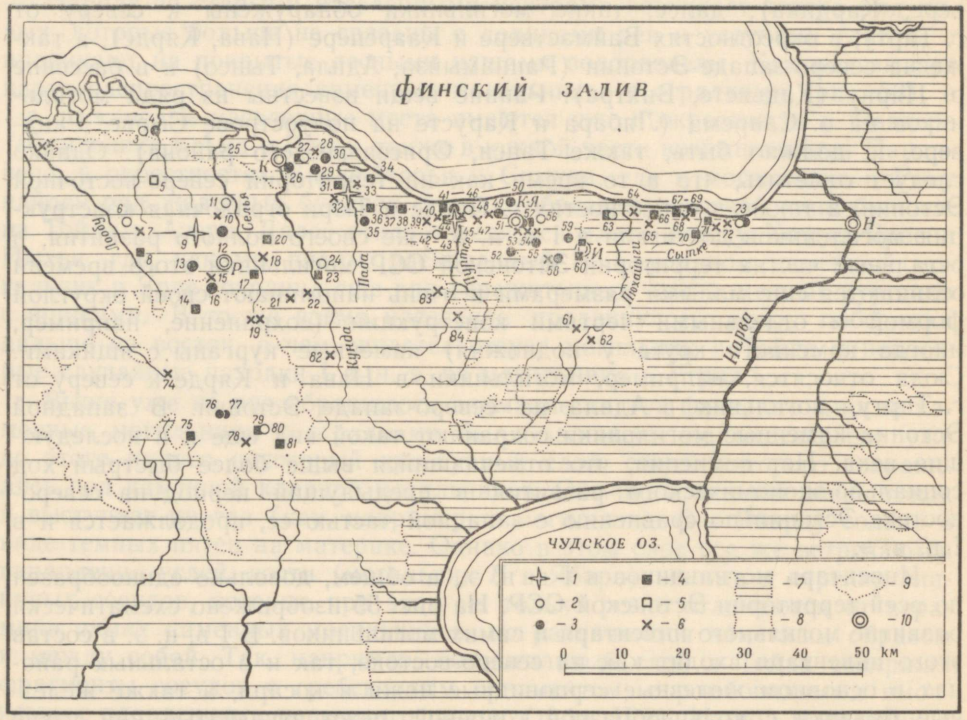


Рис. 53. Распространение памятников первой половины I тысячелетия н. э. на северо-востоке Эстонии. Условные знаки: *1* — городище; *2* — могильник, инвентарь которого восходит к I в. н. э.; *3* — то же, II в. н. э.; *4* — то же, III в. н. э.; *5* — то же, IV в. н. э.; *6* — неисследованный могильник; *7* — высота над у. м. 0—50 м; *8* — высота над у. м. 51—100 м; *9* — высота над у. м. свыше 100 м; *10* — города: Р — Раквере; К — Кунда; К-Я — Кохтла-Ярве; Й — Йыхви. Номера на карте: *1* — Тыугу; *2* — Выхма; *3—4* — Вихула; *5* — Анниквере; *6* — Ама; *7* — Выйпере; *8* — Оявески; *9* — Клооди; *10* — Пыдрусе; *11* — Эссу; *12* — Аркна; *13* — Сауксе; *14* — Ярни; *15—16* — Тырма; *17* — Мыдрику; *18* — Раудвере; *19* — Кехала; *20* — Кохала; *21* — Куйвайые; *22* — Пылула; *23* — Ульви; *24* — Аарла; *25* — Тоолсе; *26* — Кунда; *27* — Малла; *28* — Келлераугу; *29* — Кутсала; *30* — Ийла; *31* — Койла (городище и могильник); *32* — Нугери; *33* — Койла; *34* — Кальви; *35* — Пада; *36* — Раудна; *37* — Азери; *38* — Тамме; *39* — Ридакюла; *40* — Кестла-Ахо; *41* — Лиймала; *42* — Пуртсе-Матка; *43* — Люганусе; *44—45* — Пуртсе; *46* — Ябара; *47* — Варья; *48—49* — Аа; *50* — Сака; *51* — Кохтла-Ярве II; *52* — Кохтла; *53, 54* — Кохтла-Ярве; *55* — Пеэри; *56* — Ярве; *57* — Кохтла-Ярве I; *58* — Кахула; *59* — Эдисе; *60* — Йыхви; *61* — Выйде; *62* — Атсалема; *63* — Тойла; *64* — Пюхайые; *65* — Конью; *66* — Кюннапыхья; *67* — Пяйте; *68—69* — Тюрсамяэ; *70* — Ууэ-Сытке; *71—72* — Каннука; *73* — Утрия; *74* — Поркуни; *75* — Янту; *76* — Ависпяа; *77* — Трийги; *78* — Мяари; *79, 80* — Роху; *81* — Лаэквере; *82* — Таммику; *83* — Арувялья; *84* — Ребу.

В последующие века картина меняется коренным образом. Производство, в первую очередь земледелие и животноводство, достигло теперь новой ступени развития. Последствием этого был быстрый рост населения, что начиная со II в. находит отражение как в появлении целого ряда новых могильников с оградками (см. карту, рис. 53), так и в разрастании самих могильников и увеличении количества погребений в них.

К сожалению, начиная со II в. могильный инвентарь содержит чрезвычайно мало орудий производства, вследствие чего у нас нет возможности детально проследить развитие земледелия и животноводства в течение первой половины I тысячелетия н. э. Для могильного инвентаря

II в. н. э. (рис. 55), как уже было сказано, характерны большие косари (типа рис. 16:*3*, *8*), употреблявшиеся для расчистки целины при подсечном земледелии и для заготовки корма для скота. Из других орудий, связанных с земледелием, в могильниках встречаются только серповидные ножи и иногда топоры, втульчатые или со стержнем (рис. 16:*4*, 43:*4*), которые употреблялись, кроме рубки леса, также и для обработки дерева. Начиная же с III в. топоры исчезают из могильного инвентаря. Полная оседлость населения, находившая себе отражение в каменных могильниках III—IV вв., дает повод полагать, что по крайней мере к концу этого периода появились уже и зачатки пашенного земледелия. На это же самое указывают некоторые данные эстонского языка. Как уже выше отмечалось, в эстонском языке существовали уже до начала н. э. заимствованные из языков соседних племен слова, например *ike* (ярмо), *ader* (рало), *põld* (поле) и некоторые другие, указывающие на знакомство с пашенным земледелием.

Начиная с III в. заметно обогащается и материальная культура населения северо-восточной Эстонии. Если уже во II в. в могильном инвентаре появляется ряд украшений из бронзы (глазчатые и некоторые другие ранние фибулы, браслеты с шишечками на концах и плоские браслеты четырехгранного сечения и пр.), то в III—IV вв. инвентарь каменных могильников с оградками достигает на северо-востоке Эстонии такого богатства и разнообразия, как ни в одной другой части Эстонии (рис. 55). Это показывает, что основные отрасли хозяйства начиная со II в. давали продукцию, способствовавшую постепенному оживлению межплеменных меновых сношений.

Предметом обмена служил, по всей вероятности, в первую очередь скот. Подсобную роль играла, повидимому, и пушнина, добываемая в обширных лесах, примыкавших на юге и юго-востоке к заселенным участкам, тогда как ряд пристанищ в устьях рек, впадающих в Финский залив, способствовал меновым сношениям с более отдаленными племенами.

Опережение северо-восточной Эстонией остальных частей ее в общественно-экономическом развитии, отмеченное нами в предыдущих веках, бросается еще больше в глаза начиная со II в. Северо-восток Эстонии теперь не только плотнее заселен и могильники здесь крупнее и богаче инвентарем, чем в остальной Эстонии, но и в материальной культуре населения северо-восточной Эстонии можно теперь отметить целый ряд специфических черт.

Выше уже было указано, что оградочная структура могильников получила раньше всего свое развитие именно на северо-востоке Эстонии. Здесь же выработался ряд специфических видов украшений. Сюда относятся, начиная со II в., глазчатые фибулы эстонской серии (рис. 13:*4*, 14:*6*, *7*; 27:*1*, *7*), прототипом которых служили, должно быть, некоторые фибулы основной серии, привезенные сюда морским путем с устья р. Вислы, браслеты с шишечками на концах и плоские четырехгранного сечения (рис. 13:*10*, 12:*1*, *5*). В III—IV вв. здесь развились разные крупного размера желобчатые с нижней стороны фибулы, как, например, большие фибулы с расширенной головкой, поздние глазчатые фибулы, фибулы типа Тюрсамяэ (рис. 42:*1*). Параллельно с этим здесь развиваются и полые замкнутые очень широкие перстни (рис. 25:*11*, 31:*8*). Далее, для этого времени типичны большие, ажурные, изящно выработанные дискообразные фибулы (рис. 29:*3*, 30:*6*) и вещи, украшенные цветной эмалью (рис. 22:*5*, *8*; 28:*1*, *4* и др.); для IV—V вв. характерны арбалетные фибулы с обвитыми спиралькой шипами и нередко с удвоенной тетивой (рис. 22:*6*; 25:*10*; 31:*14*). Вполне естественно, что все эти

виды украшений встречаются в некоторой мере и на смежных с северо-восточной Эстонией территориях, указывая тем самым на существование взаимоотношений между племенами северо-востока Эстонии и соседними племенами. Однако относительно всех этих видов украшений можно отметить, что по мере удаления от границ северо-востока Эстонии они становятся все более редкими (рис. 56, 57).

Что же касается самой территории северо-восточной Эстонии, то и здесь можно наблюдать некоторые небольшие различия в археологическом материале между отдельными частями ее. Мы остановимся на них ниже, при рассмотрении вопроса о формировании отдельных племен. В общих же чертах материал из погребений северо-восточной части Эстонии представляет собой замкнутый круг типов предметов и резко отличается от материала могильников других районов Эстонской ССР.

Заселенные районы северо-восточной Эстонии были отделены от ближайших соседних населенных центров обширными зонами лесов и болот. Только на юго-западе, на плодородной возвышенности Пандивере, заселенные участки, занимаемые группой населения северо-восточной Эстонии, соприкасались более или менее непосредственно с территорией другой группы населения, сосредоточившейся в окрестностях теперешних городов Пайде и Тюри.

Вдоль побережья на запад от заселенной части северо-восточной Эстонии наиболее близкая группа населения располагалась на территории между г. Таллином и Локса, где каменные могильники II—V вв. сосредоточены преимущественно в восточной части Харьюского района. Эта группа была отделена от группы населения северо-востока Эстонии широкой болотистой низиной, тянувшейся от побережья Финского залива на юг вдоль нижнего и среднего течения р. Валгейыги.

Корни населения, сконцентрированного во II—V вв. между Таллином и Локса, уходили так же, как и у населения северо-востока Эстонии, в глубь I тысячелетия до н. э. Как мы уже не раз отмечали, и в этом районе имеется ряд курганных могильников второй половины I тысячелетия до н. э. Однако развитие здесь шло несколько по-иному, чем в северо-восточной части Эстонии. Рост и расселение населения, повидимому, не приняли здесь такого объема, так как могильники II—V вв. как, например, Саха, Лагеди и др., концентрируются все еще около старых населенных центров (за исключением только некоторых единичных могильников в западной части Локсаского района); здесь также не возникло таких больших могильников со значительным числом оградок, как в северо-восточной Эстонии [1]. Более скудная почва Харьюского района, повидимому, не благоприятствовала столь широкому развитию производства и межплеменного обмена во II в., как в северо-восточной Эстонии. Поэтому здесь и могильный инвентарь был в общем проще, ограничиваясь обыкновенно несколькими типами простых браслетов и перстней, тогда как фибулы, например, в этот период здесь еще отсутствуют. Некоторые глазчатые фибулы, привезенные сюда, повидимому, из северо-восточной Эстонии, представляют собой поздние типы этих фибул, как, например, большой экземпляр из Раэ, Харьюского района [2], и фраг-

---

[1] Правда, среди неисследованных могильников имеются некоторые, длина которых превышает 30 м, как, например, один могильник между Валкла и Кийу, Локсаского района (Опис. археол. памятн. Куусалу, 1925, стр. 77, в ИИ), и другой в Перила, Харьюского района (Опис. археол. памятн. Харью-Яани, 1923, стр. 22, в ИИ). Однако они являются исключением.

[2] В ИМ.

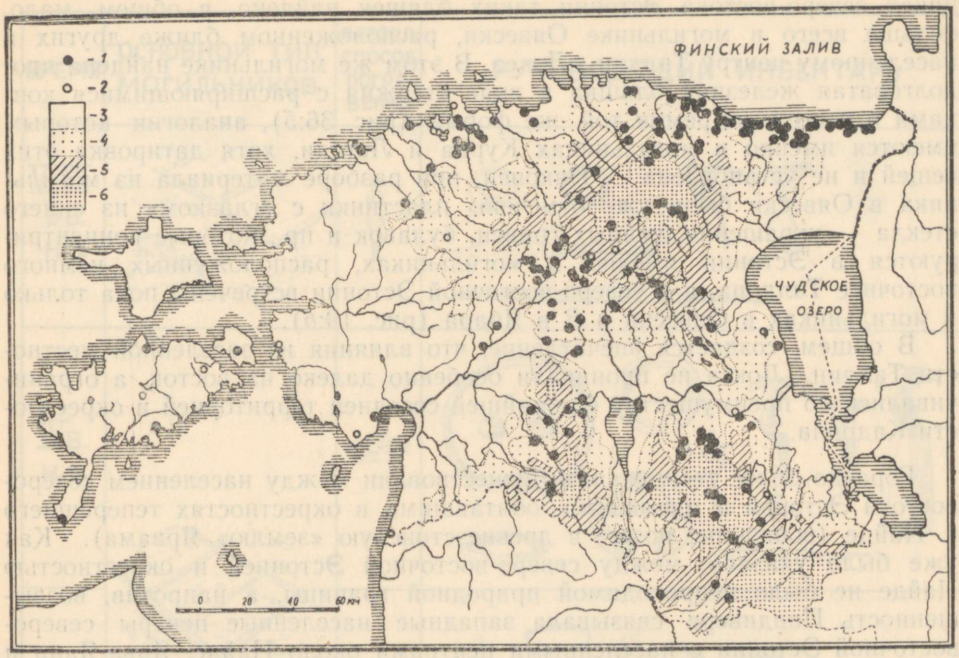


Рис. 54. Распространение памятников первой половины I тысячелетия н. э. на территории Эстонии. *1* — каменный могильник; *2* — находка римской монеты; *3* — высота над у. м. 0—50 м; *4* — высота над у. м. 50—75 м; *5* — высота над у. м. 75—100 м; *6* — высота над у. м. свыше 100 м.

менты из XIII могильника в Лагеди и I могильника в Курна [1]. Все эти фибулы относятся, повидимому, только к IV в.

Более простые украшения, как, например, браслеты с сегментарным или плоско-выпуклым сечением и спиральные перстни, носят в районе Таллин—Локса тот же характер, что и в северо-восточной, а также остальной Эстонии и в северной Латвии.

Можно полагать, что некоторые связи уже искони существовали между населением северо-востока Эстонии и населением района Таллин—Локса. Однако специфические украшения северо-восточной Эстонии — полые замкнутые перстни, упомянутые уже глазчатые фибулы и, возможно, круглая фибула из XIII могильника в Лагеди [2], а также некоторые вещи, украшенные эмалью (фрагмент подковообразной фибулы из Лагеди и привеска из Саха) и арбалетные фибулы с обвитыми спиралькой шипами — появляются в могильниках Таллин—Локса только в IV—V вв. С этого времени связи с населением северо-востока Эстонии становятся более оживленными, что подтверждается проникновением в район Таллин—Локса предметов, типичных для северо-восточной Эстонии.

Наряду с этим можно отметить и некоторые вещи, нашедшие путь из окрестностей Таллин—Локса в северо-восточную Эстонию. Могильники между Таллином и Локса сравнительно богаты разными поясными бляшками, среди которых доминируют маленькие полусферические бляшки и круглые пластинки, украшенные выпуклыми кружками [3]. В могиль-

[1] Spreckelsen, Laakt, табл. I : 2; Friedenthal, Cournal, табл. I : 1. Все в ИМ.

[2] Spreckelsen, указ. раб., табл. I : 6.

[3] Spreckelsen, указ. раб., табл. II : 49, 52—58, Friedenthal, Cournal, табл. I : 97—102.

никах северо-востока Эстонии таких бляшек найдено, в общем, мало, больше всего в могильнике Оявески, расположенном ближе других к населенному центру Таллин—Локса. В этом же могильнике найдена продолговатая железная бляшка в виде стержня с расширяющимися концами и язычок от ремня той же формы (рис. 36:*5*), аналогии которым имеются именно в могильниках Курна и Лагеди, хотя датировка этих вещей и не установлена [1]. Наконец, при разборе материала из могильника в Оявески были уже отмечены пластинки с «глазком» из синего стекла — украшения шейных гривен, булавок и пр., которые концентрируются в Эстонии именно в могильниках, расположенных немного восточнее Таллина, а в северо-восточной Эстонии встречены пока только в могильниках в Оявески и *B* в Ябара (рис. 19:*6*).

В общем, создается впечатление, что влияния из заселенной местности Таллин—Локса не проникали особенно далеко на восток, а ограничивались по преимуществу ближайшей соседней территорией в окрестности Кадрина.

Гораздо более тесные связи существовали между населением северо-востока Эстонии и племенами, обитавшими в окрестностях теперешнего г. Пайде (вошедшие позже в древнеэстонскую «землю» Ярвама). Как уже было указано, между северо-восточной Эстонией и окрестностью Пайде не было непроходимой природной границы, а напротив, возвышенность Пандивере связывала западные населенные центры северо-восточной Эстонии с населенными центрами около Пайде, Ярва-Яани и Пеэтри.

Из могильников, принадлежащих этой группе населения, в 1921—1935 гг. был систематически исследован большой могильник с оградками в Нурмси, в 8 км на восток-юго-восток от г. Пайде. Целый ряд каменных могильников был раскопан в окрестностях этого города в начале текущего столетия археологами-любителями. Некоторые могильники дали вещи, датируемые I в. н. э. Так, комплексы вещей из могильников в Кардина, Пайдеского района (4 км на восток от Ярва-Яани) и в Леэду (10 км на север от Пайде) и из некоторых других могильников аналогичны в значительной мере комплексам вещей из могильников в Тойла и Азери, северо-восточной Эстонии (железные булавки с кольцеобразной головкой типа рис. 10:*1*, *3—8*, спиральный браслет типа рис. 9:*11*). От предыдущего же периода, т. е. от конца I тысячелетия до н. э., мы пока не имеем здесь находок, хотя на этой территории имеются некоторые неисследованные каменные могильники, которые по внешнему виду и по своему расположению группами напоминают каменные курганы с ящиками, например, в Вийзу, в 9 км на северо-восток от Пайде [2].

Окрестности г. Пайде, за исключением некоторых болотистых низин, покрыты, как и возвышенные части северо-восточной Эстонии, плодородным моренным покровом. Благоприятная для земледелия почва способствовала, повидимому, и здесь ускорению социально-экономического развития. Переход к земледелию, как основному способу добывания средств к жизни, совершился здесь лишь немногим позже, чем в северо-западной Эстонии, если принять во внимание, что и здесь уже в I—II вв. возникает несколько больших каменных могильников с оградками, хотя материальная культура, поскольку она отражается в могильном инвентаре, еще несколько отстает от материальной культуры северо-востока Эсто-

[1] Ср. Beitr. Estl. XX, рис. 13 : 27—28, Friedenthal, Cournal, табл. I : 88—94. Spreckelsen, Laakt, стр. 49, № 36. Все эти вещи найдены в таких частях могильников, которые содержали помимо ранних вещей также вещи второй половины I тысячелетия н. э.

[2] Опис. арх. памятн. Пеэтри, 1926, стр. 17—18. В ИИ.

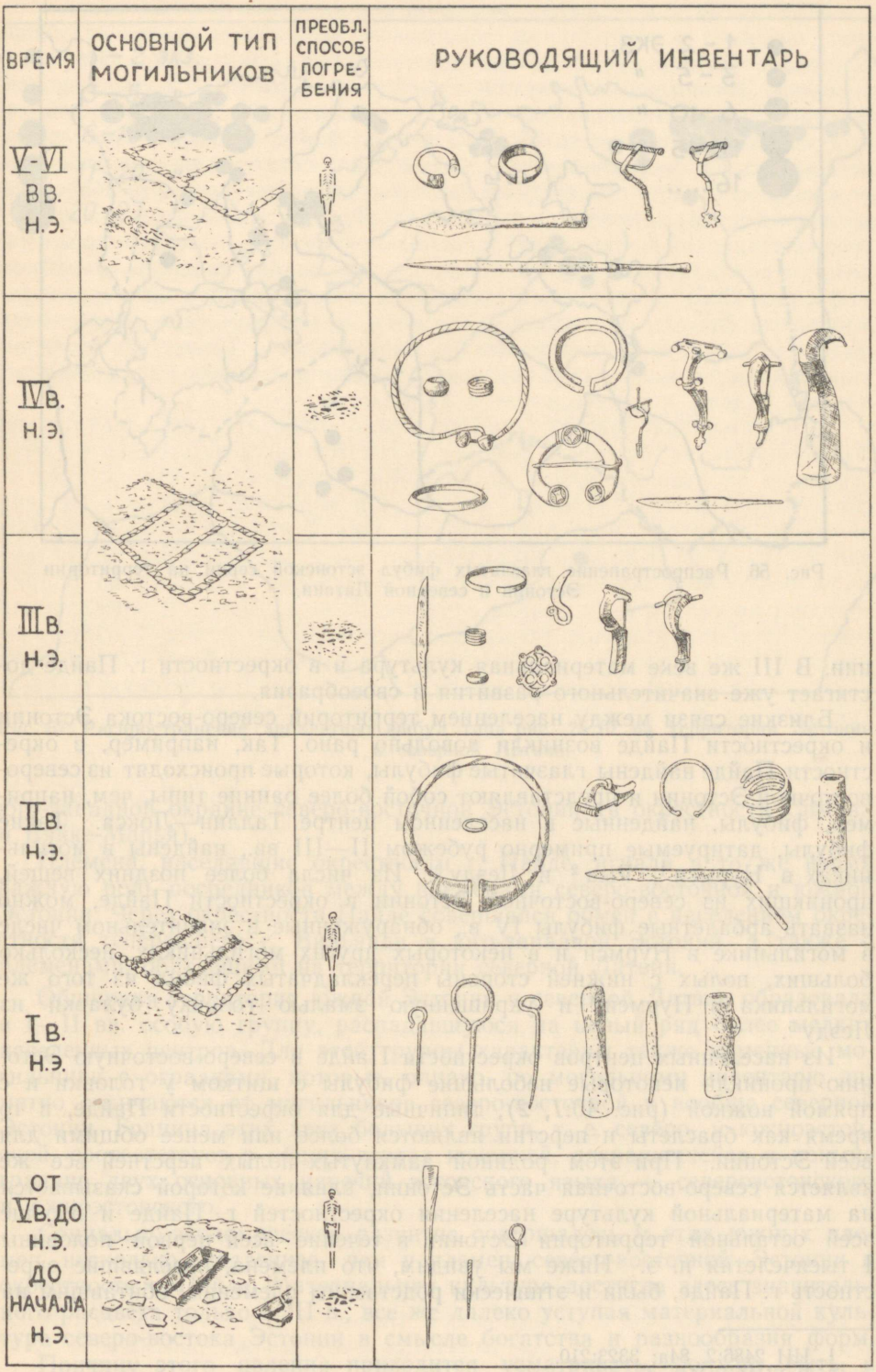


Рис. 55. Схематическая таблица развития могильных памятников и могильного инвентаря от второй половины I тысячелетия до н. э. до начала VI в. н. э. на северо-востоке Эстонии.

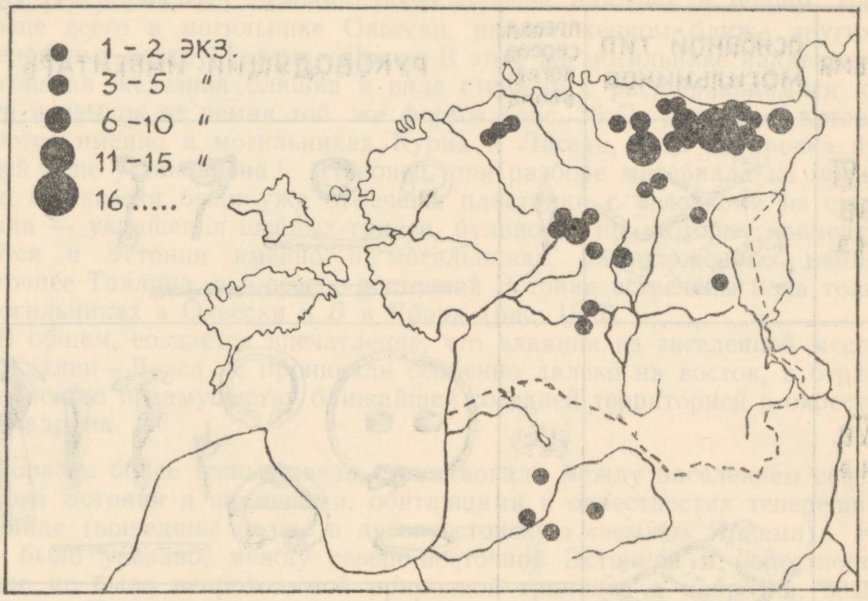


Рис. 56. Распространение глазчатых фибул эстонской серии на территории Эстонии и северной Латвии.

нии. В III же веке материальная культура и в окрестности г. Пайде достигает уже значительного развития и своеобразия.

Близкие связи между населением территорий северо-востока Эстонии и окрестности Пайде возникли довольно рано. Так, например, в окрестности Пайде найдены глазчатые фибулы, которые происходят из северо-восточной Эстонии и представляют собой более ранние типы, чем, например, фибулы, найденные в населенном центре Таллин—Локса. Такие фибулы, датируемые примерно рубежом II—III вв., найдены в могильниках в Нурмси [1], Рыа [2] и Леэду [3]. Из числа более поздних вещей, проникших из северо-восточной Эстонии в окрестности Пайде, можно назвать арбалетные фибулы IV в., обнаруженные в значительном числе в могильнике в Нурмси и в некоторых других могильниках, несколько больших, полых с нижней стороны перекладчатых фибул из того же могильника в Нурмси [4] и украшенную эмалью головку булавки из Леэду [5].

Из населенных центров окрестности Пайде в северо-восточную Эстонию проникли некоторые небольшие фибулы с щитком у головки и с прямой ножкой (рис. 40:*1*, *2*), типичные для окрестности Пайде, в то время как браслеты и перстни являются более или менее общими для всей Эстонии. При этом родиной замкнутых полых перстней все же является северо-восточная часть Эстонии, влияние которой сказывается на материальной культуре населения окрестностей г. Пайде и вообще всей остальной территории Эстонии в течение всей первой половины I тысячелетия н. э. Ниже мы увидим, что племена, населявшие окрестность г. Пайде, были и этнически родственны племенам, обитавшим на

[1] ИИ 2486:2, 84а; 3323:210.
[2] В ГИМ в Москве.
[3] В МПд.
[4] ИИ 2432:28; 2486:136.
[5] В МПд.

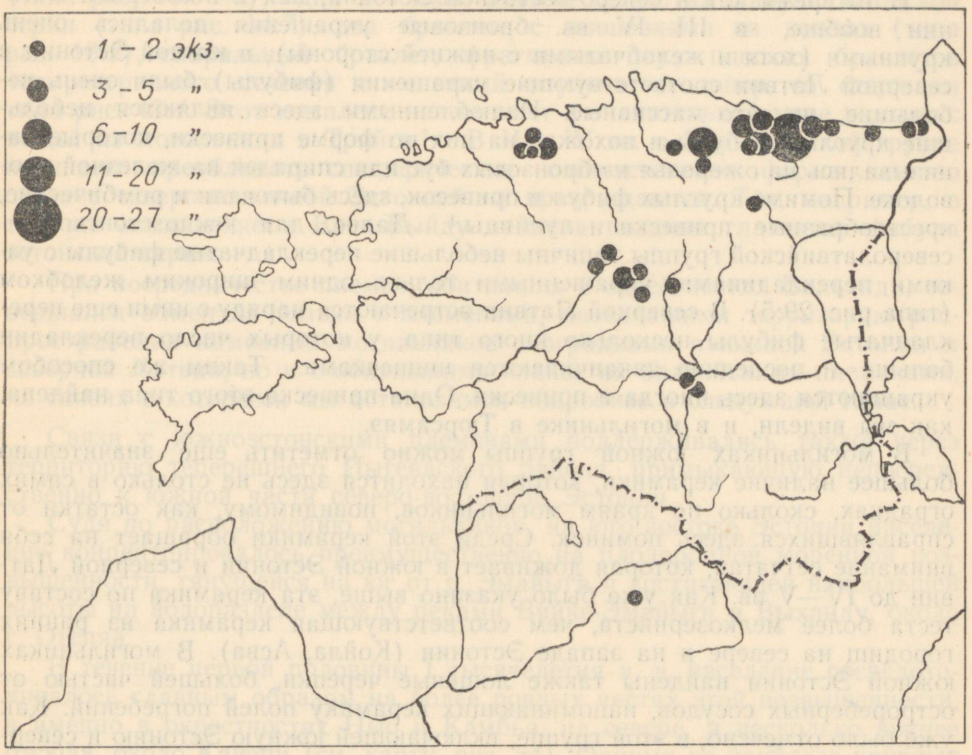


Рис. 57. Распространение арбалетных фибул типа рис. 25:*10* на территории Эстонии и северной Латвии.

юго-западной окраине северо-восточной Эстонии (в окрестности Симуна и Вяйке-Марья).

Племена, населявшие окрестности г. Пайде, играли в то же время важную роль посредников между племенами северо-восточной и южной Эстонии. Через окрестности Пайде совершался обмен с населением окрестности теперешнего г. Вильянди в юго-западной Эстонии, а также с племенами, обитавшими на территории северной Латвии.

Обширная территория южной Эстонии и северной Латвии образовала в I—II вв. особую группу, распадавшуюся на целый ряд более мелких населенных центров. Для этой группы характерны также каменные могильники с оградками, которые, однако, по могильному инвентарю заметно отличаются от могильников северо-восточной и вообще северной Эстонии. Граница этих двух больших групп, т. е. северо- и южноэстонской, соответствует в общих чертах исконной, сохранившейся и поныне границе двух основных наречий эстонского языка — североэстонского и южноэстонского.

Социально-экономическое развитие совершалось у этих южных племен несколько медленнее, чем у племен северо-восточной Эстонии и окрестности г. Пайде. Материальная культура достигла здесь значительного расцвета только в III в., все же далеко уступая материальной культуре северо-востока Эстонии в смысле богатства и разнообразия форм.

Причину этого явления приходится усматривать, должно быть, в более благоприятном географическом положении территории северных племен (близ побережья моря), что способствовало развитию межплеменного обмена.

В то время как в северо-восточной Эстонии, как и в северной Эстонии вообще, в III—IV вв. бронзовые украшения делались очень крупными (хотя и желобчатыми с нижней стороны), в южной Эстонии и северной Латвии соответствующие украшения (фибулы) были очень небольшие, но зато массивные. Излюбленными здесь являются небольшие круглые фибулы и похожие на них по форме привески, которые нанизывались на ожерелья из бронзовых бус или спиралек на железной проволоке. Помимо круглых фибул и привесок, здесь бытовали и ромбические, крестообразные привески и лунницы [1]. Далее, для южноэстонской — северолатвийской группы типичны небольшие перекладчатые фибулы с узкими перекладинами, украшенными только одним широким желобком (типа рис. 29:5). В северной Латвии встречаются наряду с ними еще перекладчатые фибулы несколько иного типа, у которых число перекладин больше и последние заканчиваются шишечками. Таким же способом украшаются здесь иногда и привески. Одна привеска этого типа найдена, как мы видели, и в могильнике в Тюрсамяэ.

В могильниках южной группы можно отметить еще значительно большее наличие керамики, которая находится здесь не столько в самих оградках, сколько по краям могильников, повидимому, как остатки от справлявшихся здесь поминок. Среди этой керамики обращает на себя внимание сетчатая, которая доживает в южной Эстонии и северной Латвии до IV—V вв. Как уже было указано выше, эта керамика по составу теста более мелкозерниста, чем соответствующая керамика из ранних городищ на севере и на западе Эстонии (Койла, Асва). В могильниках южной Эстонии найдены также лощеные черепки, большей частью от остроребериых сосудов, напоминающих керамику полей погребений. Как уже было отмечено, в этой группе, включающей южную Эстонию и северную Латвию, можно различить ряд отдельных подгрупп.

Территория одной из этих подгрупп, расположенная на плодородной возвышенности к югу от р. Тяннасильма и Раудна, в Вильяндиском и отчасти Абьяском районах, относилась к числу наиболее густо заселенных в Эстонии в первую половину I тысячелетия н. э., о чем свидетельствует большое количество имеющихся здесь каменных могильников. Несмотря на малую исследованность этих могильников, из которых часть к тому же относится к значительно более позднему времени (к рубежу I—II тысячелетий н. э.), все же беспрерывная заселенность этой территории по крайней мере начиная с I в. н. э. не подлежит сомнению. Так, например, в материале из большого каменного могильника в Кууде [2], в 10 км на восток от г. Вильянди, представлены ранние железные булавки с кольцеобразной головкой и серповидный нож, а в Уусна был случайно найден узкий проушной топор.

Материал, имеющийся из могильников племен, обитавших в окрестностях г. Вильянди, все же пока слишком незначителен, чтобы здесь можно было выделить какие-либо специфические для этой территории формы. Могильный инвентарь носит общий, южноэстонский характер.

Обмен между племенами северо-востока Эстонии и племенами, обитавшими в окрестности Вильянди, совершался, повидимому, при посредничестве племен Пайдеской группы. Эти сношения завязались довольно рано. Из могильника в Вана-Выйду (в 5 км на северо-восток от г. Вильянди) получен комплекс вещей, типичных для могильников северо-востока Эстонии II в. н. э.: две глазчатые фибулы южнобалтийской серии

---

[1] RK, табл. 8:19—22, табл. 9:1—3, 5.

[2] RK, 659—666. Jahresb. Fell. 1895, стр. 29—31; 1896—1899, стр. 9—10. Вещи в MB.

(типа рис. 13:*5—6*), одна довольно ранняя глазчатая фибула эстонской серии (типа рис. 14:*7*), два браслета с шишечками на концах (типа рис. 16:*2*), спиральный браслет, фрагменты двух плоских браслетов четырехгранного сечения и железный втульчатый топор со стержнем типа рис. 43:*4*. Этот комплекс напоминает в значительной мере комплекс вещей из могильника в Трийги [1]. В III—IV вв. в Вильяндиской группе начинают преобладать специфические южноэстонские формы, однако связи с северо-восточной Эстонией не прекращаются. Так, например, в том же могильнике в Вана-Выйду найдена поздняя глазчатая фибула эстонской серии.

При посредничестве племен, обитавших в окрестностях Вильянди, совершался обмен не только с племенами, населявшими территорию распространения каменных могильников с оградками в южной Эстонии и северной Латвии, но и с обитавшими южнее их балтийскими племенами, на связях с которыми мы остановимся подробнее в следующей главе.

Связи с южноэстонскими племенами поддерживались также через территорию теперешнего Йыгеваского района, примыкающую непосредственно к южной части северо-восточной Эстонии.

Судя по расположению могильников, на юго-востоке Эстонии население концентрировалось преимущественно на плодородной моренной возвышенности, тянущейся на юг от р. Эмайыги и достигающей наибольшей высоты на водоразделе между реками Вяйке-Эмайыги и Выханду, около г. Отепяа.

В течение первой половины I тысячелетия н. э. население сосредоточивалось главным образом на более ровных частях этой возвышенности, а именно в окрестностях Ныо и Камбья, на севере, и несколько южнее отсюда, около Канепи (см. карту, рис. 54). Одними из наиболее крупных и типичных могильников являются: могильник с оградками в Яагупи, Эльваского района, исследованный Х. А. Моора в 1933—1938 гг.; далее, большие могильники в Унипиха и Сууре-Камбья, того же района, раскопанные К. Гревингком и Р. Гаусманом в конце прошлого и в начале настоящего столетия; два могильника, расположенных параллельно друг возле друга в Паали (Эльваского района), частично раскопанных в 1933 г., и др. Здесь имеется еще и целый ряд неисследованных каменных могильников. Окрайны юго-восточной Эстонии были населены реже.

Ход заселения этих мест еще не совсем выяснен. Можно только отметить, что по крайней мере вдоль восточного побережья оз. Выртсъярв, около Вехенди (Эльваского района), тянется ряд небольших круглых каменных могильников, внешнее сходство которых с курганами с ящиками уже давно было замечено. По всей вероятности, эти каменные курганы принадлежали и здесь племенам, в экономике которых ведущую роль еще играло животноводство. Побережье оз. Выртсъярв представляло для развития животноводства хорошие возможности.

Надо полагать, что и в южной Эстонии население стало расселяться по соседним возвышенным местам с более плодородной почвой, когда основой хозяйства стало земледелие. Конечно, можно думать, что и до появления больших могильников с оградками в юго-восточной части Эстонии заселенных мест было больше, чем нам в настоящее время известно. От I в. н. э. мы знаем могильный инвентарь, в состав которого входят железные булавки с кольцеобразной головкой и косари из Тамса,

---

[1] Hausmann, Grabfunde, табл. IV. Только спиральный браслет из Вана-Выйду не поддается точной датировке. Он имеет сегментарное сечение, однако форма его цилиндрическая, а не коническая, как у ранних браслетов, и он не имеет орнамента. Такие простые спиральные браслеты бытовали до XII—XIII вв.

где, повидимому, имелся грунтовой могильник. Очень возможно, что таких грунтовых могильников было значительно больше.

Упомянутые выше большие могильники с оградками относятся к III—V вв. Включая до 9—10 оградок, они по своим размерам не уступают могильникам северо-восточной Эстонии, хотя могильный инвентарь в них более однообразен. Нет сомнения, что и эти могильники, как и могильники северо-восточной Эстонии, принадлежали довольно большим общинам, основным способом производства у которых было земледелие, главным образом подсечно-огневое. Последнее могло здесь развиваться с таким же успехом, как и на возвышенных местах северо-востока Эстонии и окрестностей г. Пайде.

Связи между северо-восточной и юго-восточной Эстонией, т. е. территориями, опередившими в своем развитии остальные районы Эстонии, были в первой половине I тысячелетия н. э. весьма оживленными. Так, в могильниках юго-восточной Эстонии найдены некоторые сравнительно ранние вещи северо-восточного происхождения, как, например, две глазчатые фибулы в Кардла, на правом берегу р. Эмайыги, немного вверх по течению от г. Тарту [1]. Особенно же оживленными стали связи в III—IV вв. К этому времени относятся, например, некоторые вещи, найденные в могильнике в Вана-Рооза, Выруского района [2]: подковообразная фибула с пластинчатыми концами и серединой, однако без эмали, аналогия которой известна из могильника в Ярве, Йыхвиского района [3], и подковообразное височное (?) украшение с концами, завитыми в плоские спиральки. Результатом связей с северо-востоком Эстонии являются и некоторые найденные в могильниках юго-восточной Эстонии арбалетные фибулы с обвитыми спиральками шипами, которые достигают здесь необычайных размеров и относятся, должно быть, уже к V в. Одна такая фибула найдена в могильнике около Вереви, на северо-восточном побережье оз. Выртсъярв [4], а другая в северной Латвии, в каменном могильнике в Странте [5].

Начиная с III в. целый ряд форм украшений, характерных для южной Эстонии (и северной Латвии), начинает проникать на территорию северо-восточной Эстонии. Выше мы видели, что в могильниках Пада, Оявески и Тюрсамяэ найдены типичные южные перекладчатые фибулы с узкими перекладинами, и во многих северо-восточных могильниках появляются фрагменты ожерелий из бронзовых бус и пронизок, нанизанных на железную проволоку, а также разные привески таких ожерелий (рис. 18:*7*; 31:*9*). Южного происхождения также фибулы с расширенной головкой и треугольной ножкой (типа рис. 40:*3*) и браслеты, как на рис. 29:*11*.

Конечно, в каждом единичном случае невозможно определить, проникла ли вещь южноэстонского и северолатвийского происхождения на территорию северо-восточной Эстонии западным путем, т. е. через территорию около Вильянди—Пайде, или восточным путем, через Йыгеваский район. Нет сомнения, что последний играл в этих связях немаловажную роль.

В Йыгеваском районе, пересеченном типичными для ландшафта этой

---

[1] ИИ 2415 с : 1—2.
[2] В МВ.
[3] RK, табл. 8 : 26; Hausmann, Grabfunde, табл. 1 : 56.
[4] ИИ 2766:47.
[5] Moora, EZL I, табл. VIII:8. Третья фибула таких же крупных размеров найдена в могильнике в Кыола, в Йыгеваском районе, промежуточном между северо-восточной и юго-восточной Эстонией (ИИ 4024:10).

части Эстонии друмлинами, крупных могильников с большим числом оградок не наблюдается. Здесь распространены небольшие курганообразные могильники, о которых дает представление могильник в Нава, раскопанный в 1945—1946 гг. Х. А. Моора, и могильник в Кярде [1], сохранившие в своей структуре еще некоторые традиции курганов с каменными ящиками, и содержавшие несложный инвентарь (булавки с кольцевидной головкой, ножи и пр.) I—II вв. Могильным инвентарем бедны и могильники в Вайдавере и Тоовере, из которых последний, судя по найденной в нем перекладчатой фибуле [2], относится к III—IV вв. Несколько богаче инвентарем другой могильник, находящийся также в Кярде, рядом с вышеупомянутым маленьким могильником, давший несколько фибул и других вещей. Довольно большой каменный могильник, однако без оградочной структуры, расположен в Кобрату, в 12 км на север от Тарту. Этот могильник заложен также в III в., но использовался еще и в XI—XII вв. и позже.

Так как сношения между наиболее плотно заселенными частями территории Эстонии, т. е. между северо-восточной и юго-восточной Эстонией, должны были проходить именно через нынешний Йыгеваский район, то вполне естественно, что здесь в археологическом материале представлены формы обеих групп, в то время как местных форм металлических вещей здесь, повидимому, не образовалось. Типичные для северо-востока вещи получены из окрестности Ваймаствере. Так, каменный могильник в Рипука содержал глазчатую фибулу южнобалтийской серии и дискообразную фибулу типа, распространенного в северо-восточной Эстонии [3], а один из могильников в Кярде — дискообразную фибулу с эмалью, браслет с шишечками на концах и большую фибулу с расширенной головкой (типа рис. 18:3) [4]. Наряду с этими вещами здесь имеется также целый ряд украшений южноэстонского типа, как, например, маленькая фибула с симметрическими концами из Рипука [5], ряд небольших перекладчатых фибул и фрагменты ожерелья из нанизанных на железную проволоку бронзовых бус из Кобрату [6].

Если, таким образом, племена северо-восточной Эстонии имели оживленные экономические связи с племенами всех тех районов территории Эстонии, где земледелие к этому времени стало основой хозяйства, то археологический материал не дает нам указаний на существование сколько-нибудь оживленных связей между племенами северо-востока Эстонии и племенами, населявшими запад и северо-запад Эстонии, т. е. территорию на запад от Таллина и острова. Уже исследование городищ показало, что население этой территории несколько отстало в своем социально-экономическом развитии от населения более плодородных районов восточной Эстонии, где земледелие стало играть ведущую роль, повидимому, уже до начала н. э. При дальнейших успехах земледелия эта разница в степени социально-экономического развития еще больше углубляется. Скудный гумусный покров западной Эстонии, на котором лес возобновляется очень медленно, предоставлял плохие возможности для повторного использования земли при подсечном земледелии. Несмотря на то, что мы имеем данные с городища Асва о том, что земле-

---

[1] RK, 380.
[2] ИИ 3979:11.
[3] ИИ 615, 618. RK, табл. 4:1; 8:10.
[4] ИИ 1918:23, 4, 1. RK, табл. 4:14.
[5] ИИ 617. RK, табл. 7:8.
[6] ИИ 3357:258, 266, 316, 246, 247, 263, 343, 345 и др.

делие на о. Саарема было известно по крайней мере уже начиная с середины I тысячелетия до н. э., все же оно еще долго играло здесь подсобную роль, ведущей же отраслью хозяйства продолжало, вероятно, быть животноводство.

К сожалению, памятники западной Эстонии изучены пока еще очень мало. Немногочисленные могильники, из которых имеются находки первых веков нашей эры, как, например, в Раннамыйза, Харьюского района [1], Адила, Раплаского района [2], и Пакре, Кейлаского района [3], сохранили еще ряд черт, характерных для каменных курганов с ящиками (округлую форму, размеры, каменный круг у подножья). Инвентарем эти могильники бедны, они содержат обыкновенно только простые браслеты, ножи, железные булавки с кольцеобразной головкой и керамику, все же более изысканные украшения, как, например фибулы, здесь отсутствуют.

В начале н. э., когда в могильниках северо-востока Эстонии доминировали железные булавки, серповидные ножи и другие примитивные вещи, в материальной культуре северо-восточной и западной Эстонии еще не наблюдается большой разницы. С конца I в. н. э. западная Эстония начинает в своем социально-экономическом развитии отставать от быстро развивающейся северо-восточной Эстонии, что сказывается и на инвентаре могильников. Медленное развитие производительных сил в западной Эстонии препятствовало возникновению сколько-нибудь оживленных меновых сношений с соседними племенами.

*

Анализ материалов, полученных из систематически исследованных могильников с оградками, показал, что в большинстве из них (*B* и *E* в Ябара, в Пада, Кохтла-Ярве I, Тырма и др.) захоронения прекращаются в конце IV или начале V в. н. э. При этом можно было установить, что после III в. новых оградок обыкновенно уже не строили, хотя коллективный способ погребения в оградках существовал еще и в течение IV в. Параллельно с этим, однако, в IV в. мертвых начинают хоронить индивидуально в краевой насыпи могильников (например, в Пада, в могильнике *E* в Ябара). Не исключена возможность, что единичные погребения в краевой насыпи имели место уже и раньше, на что как будто указывает нахождение глазчатой фибулы в южной краевой насыпи Ябараского могильника *E*. В V в. и в начале VI в. погребения в краевой насыпи становятся обычными, и в оградках в этот период хоронят уже только в исключительных случаях.

Нет сомнения, что в этом видоизменении погребального обычая, как явления надстроечного порядка, отражается новая ступень в развитии производительных сил и производственных отношений общества. Можно скорее всего полагать, что общины, хозяйство которых основывалось на коллективном, по преимуществу подсечном земледелии, сменились новыми производственными единицами — отдельными звеньями этих общин, т. е., повидимому, обособившимися малыми семьями. Причина этого явления должна была заключаться в развитии основной отрасли производства, т. е. земледелия. К этому времени, очевидно, начинает в известной мере распространяться пашенное земледелие, для которого уже не требовалось совместного труда больших коллективов, как это было характерно для подсечного. Вместе с обособлением индивидуальных семей-

[1] Beitr. Estl. XI, стр. 22—38.
[2] Tallgren, Zur Arch. Eestis I, стр. 86—87.
[3] Отчет о раскопках в ИИ.

ных хозяйств возникла и частная собственность, прежде всего на землю [1].

Конечно, пашенное земледелие появилось не сразу. Выше уже упоминалось, что в эстонском языке еще до начала н. э. существовали слова *ader* (рало), *põld* (поле), *vagu* (борозда), *ike* (ярмо) и др., которые указывают на наличие пашенного орудия и использование тягловой силы скота. Из соседних с Эстонией территорий самый ранний железный сошник найден, как известно, в слое VII в. в Старой Ладоге [2]. Однако до этого, несомненно, существовало деревянное рало, которое, в свою очередь, развилось из так называемой цапки, т. е. примитивной мотыги, состоящей из шеста, на одном конце которого был оставлен подрубленный сук (или несколько сучьев). Это орудие носило, вероятно, в финно-угорских языках название *küüs*, от которого в эстонском, как и в других финских языках, происходит слово *kündma* (пахать). Это примитивное рало, вместе с так называемой вершалиной, состоящей из верхней части ствола ели с подрезанными и заостренными сучьями [3], было в употреблении уже при подсечном земледелии. Вначале эти орудия использовались вручную, потом с помощью тягловой силы скота. Трудоемкость расчистки подсек из-под лесов вызывала необходимость применения все новых способов для продления времени использования расчищенных участков, что повело к системе лесного перелога [4], применявшейся, должно быть, уже довольно рано наряду с системой примитивного подсечно-огневого земледелия. Дальнейшее усовершенствование пахотного орудия и более тщательная расчистка отведенных под посев участков привели, наконец, к пашенному земледелию, которое, однако, приобрело основное значение в хозяйстве только тогда, когда в обиход вошел железный сошник [5]. Можно, конечно, полагать, что железные сошники были в употреблении значительно раньше, чем это показывают известные до настоящего времени археологические находки, например упомянутый выше сошник из Старой Ладоги.

Исходя из положения исторического материализма об отставании явлений надстроечного характера от развития базиса, можно думать, что переход от коллективного хозяйства семейных общин к индивидуальному хозяйству малых семей совершился несколько раньше IV—V вв., т. е. того периода, когда этот переход начинает отражаться в погребальном обряде. Представляется вероятным, что малые семьи и после хозяйственного обособления жили некоторое время еще вместе, а также хоронили своих покойников по старой традиции в коллективных оградках [6]. В лесных районах, где расширение пахотных земель производилось еще в течение долгого времени по трудоемкой подсечной системе, этот способ обработки земли влиял тормозящим образом на расселение обособившихся семей [7]. Можно также полагать, что обособление малой семьи совершалось не без сопротивления со стороны семейных общин и особенно глав больших семей, которые этим самым теряли свое влияние на членов коллек-

---

[1] Косвен, Первоб. культ., стр. 185—187.

[2] Довженок В.И., К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. Материалы по истории земледелия СССР. Сборник I, М., 1952, стр. 136—137, рис. 4.

[3] Там же, стр. 133. Третьяков, Подсечное земледелие, стр. 23—24.

[4] Слободин В. М., К вопросу о развитии и смене систем земледелия (от времени его возникновения на территории СССР до I тысячелетия н. э.). Материалы по истории земледелия СССР. Сборник I, М., 1952, стр. 53—54.

[5] Довженок, Землед. у восточн. славян, стр. 134.

[6] На стойкость известных явлений патронимии при распаде родового строя указывает Косвен, Первоб. культ., стр. 188.

[7] Довженок, указ. раб., стр. 144.

тива, а также возможность управлять коллективным имуществом общин [1].

Выделение малой семьи, как решающий этап в длительном процессе разложения родового строя и необходимая предпосылка для формирования сельской территориальной общины, снова привело производственные отношения в соответствие с производительными силами, создавая условия для дальнейшего быстрого развития последних. «Распад патриархальных родовых отношений, связывавших развитие инициативы отдельных членов рода, устранял одно из существенных общественных условий, препятствовавших широкому распространению паровой системы» [2].

Могильники с оградками в северо-восточной Эстонии свидетельствуют о том, что при обособлении малых семей некоторая часть прежней общины продолжала жить на старом месте еще и в V и в начале VI вв., хоронила своих покойников в краевой насыпи тех же могильников, которыми соответствующая община пользовалась в прежние века. В общем же мы знаем пока еще очень мало о могильниках Эстонии VI—VIII вв. Некоторые случайно обнаруженные могильные комплексы из западной Эстонии (Киримяэ, Палукюла [3]) показывают, что в это время стали хоронить покойников и в обособленных грунтовых могилах. Не исключена возможность, что такие погребения имеются и на северо-востоке Эстонии, хотя они пока еще не обнаружены.

Следует отметить, что единичные могильники с оградками в северо-восточной Эстонии использовались вплоть до IX—X вв., как, например, могильник в Оявески. В некоторых других могильниках после известного перерыва снова появляются вещи могильного инвентаря, например в VII—VIII вв. в могильнике в Тойла, в IX—XI вв. в Азери и Ийла. Возможно, конечно, что захоронения в этих могильниках не прерывались и что покойников в это промежуточное время хоронили без характерного могильного инвентаря. Во всяком случае можно полагать, что и обособившиеся малые семьи искали себе новые места для поселения вначале недалеко от прежних поселений и поддерживали с ними тесные связи. Как сами могильники, так и более поздние письменные источники, в первую очередь «Датская поземельная книга» начала XIII в., на которой мы в дальнейшем еще остановимся, показывают, что все те места, где имеются могильники с оградками первой половины I тысячелетия н. э., продолжали существовать в качестве населенных пунктов, деревень, и тогда, когда в Эстонии уже окончательно сформировались территориальные общины.

Хозяйственное обособление индивидуальных семей и возникновение частной собственности открыли дорогу быстрому процессу имущественной и социальной дифференциации общества, отражающейся в археологических памятниках последующих веков, как, например, в появлении таких богатых инвентарем индивидуальных погребений, как не раз уже упомянутое погребение в Киримяэ в западной Эстонии, а также в многочисленных кладах вещей из драгоценного металла, известных из разных частей территории Эстонии именно начиная с VI в. Таким образом создалась почва для образования классового общества, процесс формирования которого прослеживается в последующие века.

---

[1] Косвен М. О., Семейная община. СЭ 3, М.—Л., 1948, стр. 20—24. Косвен приводит ряд примеров этнографического характера относительно того, как в семейных общинах, основанных первоначально на равенстве всех членов, в конечной фазе их развития главы больших семей становятся деспотами над остальными членами и имуществом этих семей. См. также Косвен, Первоб. культ., стр. 186—187.

[2] Слободин, Развитие и смена сист. землед. до I тысячелет. н. э., стр. 55.

[3] Tallgren, Zur Arch. Eestis II, стр. 5—14.

X. СВЯЗИ ЭСТОНСКИХ ПЛЕМЕН С СОСЕДНИМИ ПЛЕМЕНАМИ

В предыдущей главе был дан беглый обзор взаимоотношений между племенами, обитавшими в северо-восточной части Эстонии, и их ближайшими соседями, населявшими остальные районы территории Эстонии и северной Латвии. Несмотря на некоторые местные отличия в степени развития социально-экономических отношений и в материальной культуре, для всех этих племен характерен единый в основном вид могильных памятников — каменные могильники, распространение которых в восточной Прибалтике и ограничивается указанной выше территорией. Это обстоятельство дает повод усматривать в этих племенах замкнутую этническую группу — западнофинские племена, предков эстов и ливов [1].

В то же время племена северо-восточной Эстонии поддерживали связи и с более отдаленными соседями, принадлежавшими к другим этническим группам, хотя эти связи и осуществлялись не всегда непосредственно, а иногда и через посредничество других племен.

Так как одного только археологического материала недостаточно для выяснения взаимосвязей между племенами, принадлежавшими к различным этническим группам, особенно в отношении более ранних периодов, от которых этого материала сохранилось мало, то нам в дальнейшем придется в значительной мере опираться и на лингвистические данные [2].

Очень давние отношения связывали эстонские племена с их соседями на юге, с балтийскими, т. е. с древними латышско-литовскими и прусскими, племенами. Вполне естественно, что при постоянном соседстве и постоянных сношениях слова балтийского происхождения проникали в эстонский язык до самого последнего времени. Древнейшие заимствования восходят ко II тысячелетию до н. э. и связаны по содержанию главным образом с разными отраслями производства. Так, к области животноводства относятся слова *härg* (вол), *oinas* (баран), *vohe* (коза), *hein* (сено); к области земледелия: *vagu* (борозда), *hernes* (горох), к которым в начале н. э. прибавилось слово *rukis* (рожь). Древним заимствованием является также слово *hõim* (племя) из области общественных отношений. Число заимствований из балтийских языков пополнялось постепенно новыми словами из области рыболовства, мореходства и разных других областей производства и быта. Латышский язык воспринял, наоборот, некоторые западнофинские слова, и на ла-

---

[1] Моора, Вопросы этногенеза, стр. 32—33.

[2] Ряд ценных указаний по вопросам лингвистического характера дал автору проф. П. А. Аристэ.

гышском языке сказываются и некоторые другие влияния западнофинских языков [1].

Появление в эстонском языке слов балтийского происхождения уже начиная со II тысячелетия до н. э. хорошо согласуется с археологическими фактами, которые также свидетельствуют о проникновении с древнейших времен на территорию Эстонии влияний из южной и юго-восточной Прибалтики. Сюда относится прежде всего распространение погребений с боевыми топорами и шнуровой керамикой в первой половине II тысячелетия до н. э. [2]. Позже, во второй половине II тысячелетия и в начале I тысячелетия до н. э., о связях эстонских племен с балтийскими говорят упомянутые уже выше бронзовые кельты южнобалтийских типов, а во второй половине I тысячелетия до н. э. некоторые предметы, найденные в каменных курганах с ящиками, как, например, двойная пуговка из янтаря из кургана в Карусте на полуострове Сырве. По своему типу с территории распространения балтийских племен происходят также височные украшения с пластинчатыми, выпуклыми концами и спиралькой посередине, представленные в Эстонии по преимуществу в ее западных районах, особенно на островах (см. стр. 58). Спиральные конические браслеты (типа рис. *43:3*) и носимые группами браслеты (как на рис. 12:*1*, *5*) восходят в основном к типам браслетов, бытовавших у балтийских племен уже в эпоху бронзы [3]. Общей для эстонско-ливских и для балтийских племен является штриховая керамика, находимая на городищах и в могильниках. В керамике с городища Асва наблюдаются черты, связывающие эту керамику через посредничество балтийских племен с керамикой лужицкой [4].

Начиная с появления у эстонских племен в I—II вв. больших, богатых инвентарем каменных могильников, связи этих племен с латышско-литовскими и древнепрусскими племенами южной Прибалтики начинают сказываться все отчетливее и на археологическом материале. У балтийских племен к этому времени возник целый ряд типичных форм украшений, которые вскоре становятся достоянием всех племен, населявших восточную Прибалтику, и проникают отчасти еще севернее, в Финляндию. У разных племен эти формы, правда, приобрели свои локальные черты, но основа у них одна — балтийская. К числу таких форм, общих для всей Прибалтики, относятся, например, разные виды перекладчатых фибул, шейные гривны с полусферическими или коническими шляпками на концах, различного типа булавки для застегивания одежды и пр. Вполне естественно, что по мере удаления от территории возникновения этих форм украшений, их распространение становится все более редким. Этим и объясняется тот факт, что перечисленные украшения встречаются сравнительно редко у племен северо-востока Эстонии, но зато очень обычны у племен южной Эстонии и северной Латвии, у которых небольшие перекладчатые фибулы, например, принадлежат к числу наиболее типичных предметов могильного инвентаря. В общем же, связи с балтийскими племенами были настолько тесны, что они вместе с основой, заложенной уже в предыдущие периоды, придавали балтийскую окраску всей материальной культуре племен, населявших территорию Эстонии.

При анализе материалов из отдельных могильников мы уже не раз указывали на наличие в них вещей, которые несомненно являются при-

---

[1] Моора Х. А., Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных. СА XXI, М.—Л., 1954, стр. 100—101.

[2] Там же, стр. 97—100. Третьяков, Восточнославянские племена, стр. 38.

[3] Гуревич Ф. Д., Древние памятники юго-восточной Прибалтики и задачи их изучения. КСИИМК XLII, М., 1952, рис. 1:3. Gaerte, Urgesch. Ostpr., рис. 72b, c.

[4] Моора, Памятн. поздн. неол., стр. 20.

возными с территорий, населенных латышско-литовскими и древнепрусскими племенами. Сюда относятся булавка с розетковидной головкой (рис. 17:*7*) из Ябара и, должно быть, найденная вместе с ней арбалетная фибула (рис. 17:*8*), происходящие из западной части Литвы. С южного или юго-восточного побережья Балтийского моря завезены янтарные бусы, правда, не особенно многочисленные в могильниках Эстонии. На территории восточной Латвии или восточной Литвы изготовлены подковообразная фибула с эмалью и булавка с конусообразной головкой (рис. 15:*1—2*) из Ябара. Из Калининградской области происходят профилированные фибулы с высокими тонкими гребешками (рис. 44:*2*), найденные в нескольких экземплярах в могильниках северо-восточной Эстонии.

Выше не раз указывалось на существование непосредственных связей морским путем между северо-восточной Эстонией и территорией по нижнему течению р. Вислы. Немецкие археологи-националисты, начиная с шовиниста Г. Коссины, пытались доказать, что земли по нижнему течению р. Вислы были в первые века н. э. готской, т. е. германской, территорией. Однако новые исследования, произведенные археологами народно-демократической Польши, показали, что приустье р. Вислы является исконной славянской территорией, в материальной культуре населения которой, правда, прослеживается некоторая примесь германских элементов [1]. Пристанища северо-восточной Эстонии на побережье Финского залива предоставляли населявшим его племенам хорошие возможности для завязывания заморских сношений. Выше уже не раз упоминалось устье р. Пуртсе, в ближайших окрестностях которого (Пуртсе-Матка, Ябара) найдены наиболее ранние вещи, указывающие на заморские связи с Привисленьем и получившие потом здесь местное развитие. Из распространенных во II в. типов украшений сюда относятся глазчатые фибулы основной серии, браслеты с шишечками на концах, некоторые принадлежности пояса (язычки от ремней, как на рис. 27:*3*). Вещами, импортированными непосредственно из Привисленья, являются выпуклая профилированная фибула из могильника в Пада (рис. 29:*6*) и фибула из одного могильника в Аа (рис. 44:*4*). Эти фибулы являются уникальными в Эстонии. На продолжение связей с Привисленьем в III—IV вв. указывают арбалетные фибулы с обмотанными спиральками шипами (рис. 25:*10*, 31:*14*), которые стали излюбленным украшением у племен северо-востока Эстонии и распространились отсюда, как и многие другие типы украшений, на юг, к ближайшим соседним племенам. Таким образом, хотя вопрос об этнической принадлежности населения низовьев р. Вислы еще окончательно не разрешен, все же имеются все основания полагать, что связи с Привисленьем не являлись связями с германскими племенами, а в основном связями с племенами западных славян.

В западноевропейской буржуазной археологической литературе, поскольку она касалась вопросов Прибалтики, а вслед за этим и в работах эстонских археологов, опубликованных во время буржуазно-националистической диктатуры в Эстонии, приписывалось непомерно большое значение «культурным влияниям» германского мира на развитие населения территории Эстонии и Латвии в первые века н. э. Для подтверждения этой «теории» о якобы почти исключительно западной ориентации культурных связей эстонских племен, которая, как уже было сказано во введении, обслуживала классовые интересы буржуазии, подыскивались доказательства как в археологическом, так и в языковом материале.

[1] Jażdżewski, K., Atlas to the prehistory of the slaves. Acta Praehistorica Universitatis Lodziensis I. Lodz, 1948, стр. 63—66. История Польши. Том I, М., 1954, стр. 24. Третьяков, Восточнославянские племена, стр. 131.

В археологическом материале главной опорой служила только что упомянутая «теория» о влияниях, исходивших от будто бы «готского» населения Нижнего Привисленья, причем эту «готскую теорию» старались подкрепить языковыми данными.

Из всех существующих в эстонском языке германских элементов, проникших сюда в различное время, нас интересует в первую очередь их древнейший слой. Датский языковед В. Томсон в 70-х годах прошлого столетия установил наличие в западнофинских языках, в том числе и в эстонском, ряда слов германского происхождения [1]. Для определения хронологии этих заимствований он привел, однако, в качестве единственного критерия то обстоятельство, что эти слова по своей звуковой форме древнее того готского языка, который дошел до нас от IV в. в переводе библии Вульфилы. К числу этих заимствований относятся, например, слова *mõõk* (меч), *raud* (железо), *kuningas* (король), *kaunis* (красивый) и ряд других.

Эти языковые явления давали повод предполагать существование близких связей между готскими и западно-финскими племенами в первые века н. э. На этом основывал свою теорию и А. Гакман, который сопоставлял с языковыми данными археологический материал и, констатируя в последнем наличие некоторых германских элементов, развил свою теорию о том, что как в западной Финляндии, так и в Эстонии в первые века нашей эры наряду с западнофинскими племенами были представлены и германские этнические элементы. Последние он представлял себе на территории Эстонии в виде готских колоний, которые потом растворились в эстонском населении [2]. Та же теория легла и в основу работ А. М. Тальгрена [3].

Что касается археологического материала, то, несмотря на наличие в нем некоторых немногочисленных германских элементов в первые века н. э., все же приходится констатировать, что такие элементы имеются в нем уже и значительно раньше и притом сравнительно в большем количестве, чем в начале н. э. Выше было отмечено, что Скандинавия была одной из территорий, откуда в начале I тысячелетия до н. э. в Эстонию поступили в некотором количестве бронзовые предметы и сама бронза. Из вещей скандинавского происхождения состоит, например, упомянутый на стр. 185 (сноска 4) клад позднего периода бронзы из Техумарди на полуострове Сырве острова Саарема. Мы видели также, что в каменных курганах с ящиками найден ряд украшений и орудий труда скандинавского типа, как, например, шейная гривна из могильника *A* в Ябара (рис. 5:2), бронзовая пинцетка из Моэ, и, должно быть, также бронзовые ножи из Куйгу и Карусте на остр. Саарема. На полуострове Сырве обнаружен ладьевидный каменный могильник, соответствующий таким же могильникам второй половины I тысячелетия до н. э. в Швеции. Кроме того, на территории Эстонской ССР найден ряд единичных вещей скандинавского происхождения конца периода бронзы [4].

В археологической литературе часто высказывалось мнение, что и первое знакомство с железом пришло в Эстонию из Скандинавии, на что намекает само название железа на эстонском языке — *raud*, заимствованное из северогерманских языков. Однако, как мы видели, вопрос о первом знакомстве с железом на территории Эстонии остается пока еще открытым.

---

[1] Thomson, W., Über den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen. Halle 1870.

[2] Hackman, Ältere Eisenz. in Finnland, стр. 338.

[3] Tallgren, Zur Arch. Eestis I, стр. 124—125, 127—129.

[4] Моора, Памятн. поздн. неол., стр. 19—20, 22.

Из всего этого явствует, что между племенами, населявшими Эстонию в первом тысячелетии до н. э., и племенами Скандинавии существовали известные связи, достаточно тесные для того, чтобы в это время в эстонский язык могли проникнуть и некоторые элементы северогерманского происхождения.

Наиболее древние германские элементы в западнофинских языках имеют форму, показывающую, что эти заимствования древнее IV в. н. э., причем, однако, окончательно не установлено, происходят ли они из какого-либо северо- или восточногерманского (готского) языка. Утверждение буржуазных исследователей, будто бы эти заимствования относятся к первым векам н. э., является простым теоретическим построением, основанным на представлении о быстром развитии языковых явлений. И. В. Сталин, напротив, в своем гениальном труде по вопросам языкознания подчеркивает необычайную устойчивость языковых явлений, особенно грамматической структуры языков[1]. Поэтому ничто не противоречит тому предположению, что самые ранние германские элементы могли проникнуть в западнофинские языки в середине, а может быть уже и в начале I тысячелетия до н. э., что согласуется, как мы видели, с археологическими фактами значительно лучше, чем предположение о существовании особенно близких связей западнофинских, в частности эстонских племен, с германскими в первые века н. э. За такое более раннее проникновение германских языковых элементов в западнофинские языки говорит, между прочим, и тот факт, что, по мнению всех языковедов, древнейший слой германских элементов появился в западнофинских языках еще до проникновения в них самых ранних заимствований из славянских языков, на которых мы остановимся ниже. Так как, по новейшим исследованиям, последние относятся уже к весьма раннему времени[2], то отсюда и вытекает, что древнейшие заимствования из германских языков должны были иметь место еще до этого.

Для выяснения же исходного пути, по которому эти германские элементы проникли в эстонский язык, мы можем, помимо археологического материала, опираться еще на следующие факты. Установлено, что из диалектов эстонского языка северные содержат больше германских элементов, чем южные. Однако в еще большем количестве таковые имеются в финском языке, причем относительно их известно, что они происходят из северогерманских языков, т. е. из Скандинавии. В финских диалектах количество германских элементов убывает по направлению с запада на восток. В карельском и вепском языках этих заимствований уже значительно меньше, чем в диалектах западной Финляндии. Из этого следует, что германские элементы проникли в западнофинские языки не с юга, а из окрестности Финского залива, главным образом с его западного побережья.

Связи между северной Эстонией и западным побережьем Балтийского моря продолжались в некоторой степени и после начала н. э. Так, например, из предметов украшений шейные гривны с пластинчатыми концами (рис. 20:7) восходят, по всей вероятности, к скандинавским прототипам с звериными головками, несколько экземпляров которых из золота найдено и в Финляндии[3]. В северной Эстонии, в Валкла, Локсаского района, на крайнем побережье Финского залива, О. В. Саадре вскрыл несколько грунтовых погребений, которые по своему характеру резко отличаются от обычных для Эстонии каменных могильников. Эти

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22—26.

[2] Ariste, P., Eesti ja vene rahva sõbralikud suhted keeleteaduse valguses, „Rahva Hääl" 1951, № 252.

[3] Hackman, Ältere Eisenz. in Finnland, Atlas, табл. 8:7. Moora, EZL II, стр. 299, 630.

погребения были обозначены большими камнями в виде надгробных стел, напоминающих известные надгробные камни (*bautastenar*) в Швеции. Инвентарь же погребений в Валкла носил обычный североэстонский характер III—IV вв. [1].

С другой стороны, в северной Швеции, на побережье Ботнического залива, найден комплекс вещей IV в., типичных для северо-восточной Эстонии (2 подковообразные фибулы с эмалью, фибула с расширенной головкой, шейная гривна с полусферическими шляпками на концах и пр.)[2]. Еще одна подковообразная фибула с эмалью была обнаружена в округе Сэдерманланд в южной Швеции. Вероятно, эти вещи попали туда через Финляндию.

Однако начиная с начала н. э. связи эстонских племен с Западом по своему масштабу значительно уступают культурно-экономическим связям эстонских племен с их восточными и южными соседями.

Исконные связи, существовавшие между эстонскими племенами и их непосредственными соседями на востоке, восточнославянскими племенами, не находят пока всестороннего отражения в археологическом материале, что объясняется как характером самих памятников, так и сравнительно малой изученностью прилегающих к границе Эстонской ССР районов РСФСР, особенно западной части Ленинградской области. Зато эти взаимоотношения оставили глубокие следы в языковом материале, свидетельствующие о давности и интенсивности этих связей.

В Псковской области, по восточному побережью Чудского озера и в бассейне р. Великой, концентрируются длинные курганы, принадлежащие восточнославянскому племени кривичей [3]. По новейшим исследованиям С. А. Таракановой, эти курганы стали использоваться начиная с III—IV вв. н. э., являясь, таким образом, отчасти одновременными с каменными могильниками с оградками эстонских племен. В социально-экономическом отношении длинные курганы принадлежали, повидимому, общинам, основой хозяйства которых также было земледелие и которые жили в открытых поселениях.

Длинные курганы заходят и в юго-восточную часть Эстонской ССР, а именно в Ряпинаский, Пыльваский, Выруский и Вастселинаский районы, где они расположены в непосредственном соседстве с каменными могильниками, свидетельствуя о существовании, повидимому, в это время на юго-востоке Эстонии смешанного населения эстонских и славянских (кривичи) племен. Уже этот факт заставляет предполагать о тесных взаимоотношениях между этими племенами. Длинные курганы, расположенные к западу от Псковского озера, исследованы пока очень мало. Последние раскопки этих курганов были произведены в 1951 г. совместной экспедицией Института истории материальной культуры Академии наук СССР и сектора археологии Института истории Академии наук Эстонской ССР в Линдора, Выруского района, где под руководством Х. А. Моора было раскопано три кургана, относящихся к V—VIII вв. н. э. [4].

Погребальный обряд, по которому покойникам клали в длинные

---

[1] ÖES Aastar. 1937, I, стр. 381—396.

[2] Fornvännen 1917, стр. 147 и сл. FM 1936, рис. 14.

[3] См. карту их распространения у Чернягина, Длинные курганы; Третьяков, Восточнославянские племена, стр. 233—236.

[4] Moora, H. Arheoloogilised väliuurimised Eesti NSV alal 1950. ja 1951. aastal, Изв. АН ЭССР, 1952, № 1, стр. 123—124, с резюме на русском языке: Моора Х. А., Археологические полевые исследования на территории Эстонской ССР в 1950 и 1951 гг. Тараканова, Длинные и удлиненные курганы, стр. 81—82. Vassar, A. Eesti maad Muistse Vene riigi koosseisus. Изв. АН ЭССР 1954, № 2, стр. 168 с резюме на русском языке: Вассар А. К., Эстонские земли в составе древнерусского государства.

курганы только очень немного вещей, затрудняет выяснение на археологическом материале связей между племенами эстонцев и кривичей. Однако некоторые общие черты между длинными курганами и каменными могильниками все же наблюдаются. Так, Н. Н. Чернягин поясняет наличие своеобразных каменных помостов в некоторых длинных курганах в бассейне р. Великой влиянием каменных могильников [1]. Круглые, выпуклые бронзовые бляшки-скобочки, типичные для длинных курганов [2], встречаются иногда и в каменных могильниках Эстонии, в частности и на северо-востоке ее, например, в могильнике *B* в Ябара (рис. 19:*1*, *7*).

Значительно больше данных о взаимосвязях между эстонскими и славянскими племенами дает нам языковый материал. Новейшие исследования показали, что целый ряд заимствований из восточнославянских языков проник в эстонский язык уже около начала н. э., причем можно установить, что многие из них усвоены именно из племенного языка кривичей, как непосредственных соседей эстонских племен.

Древнейший слой восточнославянских элементов в эстонском языке охватывает весьма разнообразные области производства и быта. Мы приведем из них только некоторые примеры. Из области земледелия такими древними заимствованиями являются, например, слова *sirp* (серп), *ike* (ярмо), *loog* (луг) и др.; из области строительства: *aken* (окно, воспринятое эстонским языком в типичной для кривичей «акающей» форме этого слова), диалектное в эстонском языке слово *hirs* (жердь), на очень раннее заимствование которого указывает замена щипящего звука звуком «*h*» — фонетическое явление в эстонском языке, имевшее место примерно на рубеже н. э. К области охоты и рыболовства относятся слова *hurt* (хорт), *und* (уда), сохранившее в эстонском языке еще следы древней назализированной формы, и др.; к области ткачества — *koonal* (кудель), к области быта — *lusikas* (ложка) и ряд других слов. Переняты и некоторые выражения общественного значения, как, например, слово *sundima* (судить), опять-таки со следами древней назализации. Можно еще отметить, что это слово, означающее в настоящее время в эстонском языке «принуждать», имело в древнеэстонском языке то же самое значение, что и в русском, т. е. «судить» (первоначально, должно быть, в смысле «наказывать»). В то же время некоторые эстонские слова проникли и в русский язык [3]. Конечно, проникновение в эстонский язык новых слов, связанных с разными отраслями производства, является следствием освоения самих этих понятий. Из этого мы можем заключить о прогрессивном влиянии, которое оказывало соседство восточнославянских племен на развитие социально-экономической жизни племен Эстонии.

Как это и естественно, влияние племенного языка кривичей сказывается прежде всего на диалектах южноэстонских племен, с которыми, судя по характеру распространения могильных памятников, некоторые племена кривичей жили в непосредственном контакте. Большинство этих языковых элементов проникло в североэстонские диалекты и стало общим достоянием эстонского языка. Конечно, эти элементы пополнялись постоянно вплоть до наших дней новыми заимствованиями из русского языка.

Связи эстонских племен с восточнославянскими племенами не ограничивались только взаимоотношениями с их ближайшими соседями, кривичами, но простирались и значительно дальше.

---

[1] Чернягин, Длинные курганы, стр. 95.

[2] Там же, табл. I:3, табл. II:3, 6.

[3] Ariste, Eesti ja vene rahva sõbralikud suhted. Ariste, P., Slaavlaste ja läänemerelaste vanimaist keelelisist kokkupuuteist. Looming 1952, стр. 701—705.

При разборе материалов из городищ северо-восточной Эстонии были уже отмечены некоторые общие черты, связывающие памятники рубежа и начала н. э. в этой части Эстонии с городищами, исследованными под руководством Я. В. Станкевич в Великолукской области (стр. 171). Сетчатая и штриховая керамика, широко распространенная на этих городищах и еще далее на юго-восток, на городищах дьяковского типа, представлена и на городищах Койла, Муукси, а также в каменных курганах с ящиками и ранних каменных курганах с оградками северной Эстонии. О взаимоотношениях между этими территориями говорят и железные предметы, найденные на городище Подгай (кельт с ушком, булавки с кольце- и петлеобразной головкой), обычные в Прибалтике. При посредничестве племен, населявших территории к востоку и юго-востоку от северо-восточной Эстонии и стоявших в близкой связи с дьяковскими племенами, в Эстонию проникли, должно быть, и те вещи, которые являются привозными из Поволжья, т. е. отмеченные выше треугольная привеска (рис. 19:*12*) и бляшка (рис. 25:*1*).

Далее нужно отметить связи с племенами, населявшими верховья и среднее течение Днепра. Выше уже было указано на общность некоторых форм предметов начала н. э., встречаемых как в юхновской культуре на Десне, так и в поздних каменных могильниках с ящиками и ранних могильниках с оградками в Эстонии. Это, прежде всего, железные булавки с кольцеобразной головкой, ранние топоры и пр. (см. стр. 58). Исследования, произведенные в 1951—1952 гг. Славянской археологической экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР под руководством П. Н. Третьякова, выяснили существование в Верхнем Приднепровье, в Могилевской и Гомельской областях Белорусской ССР, ряда городищ (Милограды, Чаплин) конца I тысячелетия до н. э. и начала н. э., где представлены такие же формы железных булавок различных размеров, как и в могильниках Эстонии (Тойла, Азери в северо-восточной Эстонии, рис. 10:*1*, *3—8*; 11:*1*, *2*, Тамса в южной Эстонии). Новейшие результаты исследования П. Н. Третьякова показали, что эта территория является одной из исконных территорий формирования восточнославянских племен[1]. Археологический материал, таким образом, свидетельствует о том, что непосредственный контакт эстонских племен со славянскими имеет начало не позже рубежа н. э.

В первой половине I тысячелетия н. э. в археологическом материале отчетливо выступают связи между племенами Прибалтики, в том числе и Эстонии, и славянскими племенами среднего Приднепровья, предшественниками антов, высокий уровень общественно-экономического и культурного развития которых находит отражение в полях погребальных урн. Наиболее ярким выражением этих взаимоотношений являются предметы с выемчатой эмалью, распространенные как в Приднепровье, так и в Прибалтике, сходство которых по технике изготовления и отчасти по формам настолько бросается в глаза, что эти взаимоотношения не могли замалчиваться даже буржуазной археологией, хотя

---

[1] Третьяков П. Н., Вопросы этногенеза северных восточнославянских племен. Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленума Института истории материальной культуры, посвященные итогам археологических исследований. М., 1953, стр. 29—30. Третьяков, Восточнославянские племена, стр. 88—90, 117—119.

эта культура в Приднепровье приписывалась буржуазными исследователями обычно готам [1].

Как мы уже могли констатировать выше, одним из центров распространения вещей с эмалью в Прибалтике является северо-восточная часть Эстонии, откуда эти вещи в некотором количестве распространялись и в соседние районы на западе, юго-западе и юге.

Связи между северо-востоком Эстонии и Приднепровьем осуществлялись, должно быть, при посредничестве балтийских племен, на территории которых также можно отметить некоторые центры распространения украшенных эмалью вещей. Один из них расположен на территории древнепрусских племен, в Мазурах, в пределах нынешней народно-демократической Польши, близ границы с Калининградской областью, другой же расположен на территории латышско-литовских племен в восточной Латвии и восточной Литве.

Эмалевая техника, применявшаяся как в Приднепровье, так и в Прибалтике, развилась на основании эмалевой техники римских провинций [2]. Повидимому, в основном оттуда же воспринята и форма некоторых украшений, как, например, подковообразные и круглые ажурные фибулы, на которых эмалевая техника нашла себе широкое применение. При этом, однако, в каждом из вышеназванных центров распространения украшенных эмалью вещей, т. е. у славянских племен Приднепровья, у латышско-литовских племен восточной Латвии и Литвы и у эстонских племен северо-восточной Эстонии, развились местные формы этих вещей. Это обстоятельство указывает на то, что несмотря на общую технику, свидетельствующую о близких взаимных связях между всеми названными центрами распространения украшенных эмалью вещей, все же в каждом из этих центров существовало собственное, местное производство этих изделий.

Для северо-востока Эстонии, как уже отмечалось, типичны, прежде всего, большие подковообразные фибулы (типа рис. 28:*1*, *4*) и изящные круглые ажурные фибулы с разными вариантами орнамента, состоящего в основном из четырех кругов, помещенных в один большой круг (рис. 22:*8*). От этих фибул несколько отличаются южноэстонские и северолатвийские фибулы с эмалью [3]. Эмаль применялась также на пуговках, украшавших фибулы типа Тюрсамяэ (рис. 42:*1*), тогда как остальные украшенные эмалью вещи из северо-восточной Эстонии, из которых некоторые изображены на рис. 58, обнаружены в единичных экземплярах. Из них особенно интересной является круглая фибула из Аркна, Раквереского района (рис. 58:*6*). Высокие гребни по ее краям чужды остальным фибулам Эстонии. Петля, с помощью которой булавка приклепана с нижней стороны к этой фибуле, а также приемник острия булавки не отлиты, как обычно, вместе с остальной фибулой, а прикреплены штифтиками. Создается впечатление, что здесь мы имеем дело с переделкой фрагмента какого-то изделия по вкусу населения северо-восточной Эстонии. По высоким боковым гребням эта фибула напоминает скорее всего среднюю часть известных широких браслетов с Мощинского городища, хотя у последних эта часть обыкновенно имеет более четырехугольную форму [4]. В таком случае мы имеем здесь дело с привозной вещью

[1] Общую характеристику этой культуры и опровержение связанной с ней «готской теории» дает Рыбаков, Ремесло, стр. 46—70. Относительно происхождения вещей с эмалью в Прибалтике см. Hackmann, A. Die Emailfibel von Wärilä im Kirchspiel Pälkäne. SMYA XXVI, Helsinki 1912, стр. 214—216, 225. Tallgren, Zur Arch. Eestis I, стр. 120—122. Moora, EZL II, стр. 112—118.

[2] Рыбаков, Ремесло, стр. 49.

[3] RK, табл. 8:11—14; Спицын, Предметы с выемч. эмалью, рис. 165, 167—169.

[4] Спицын, Предметы с выемч. эмалью, рис. 268, 270.

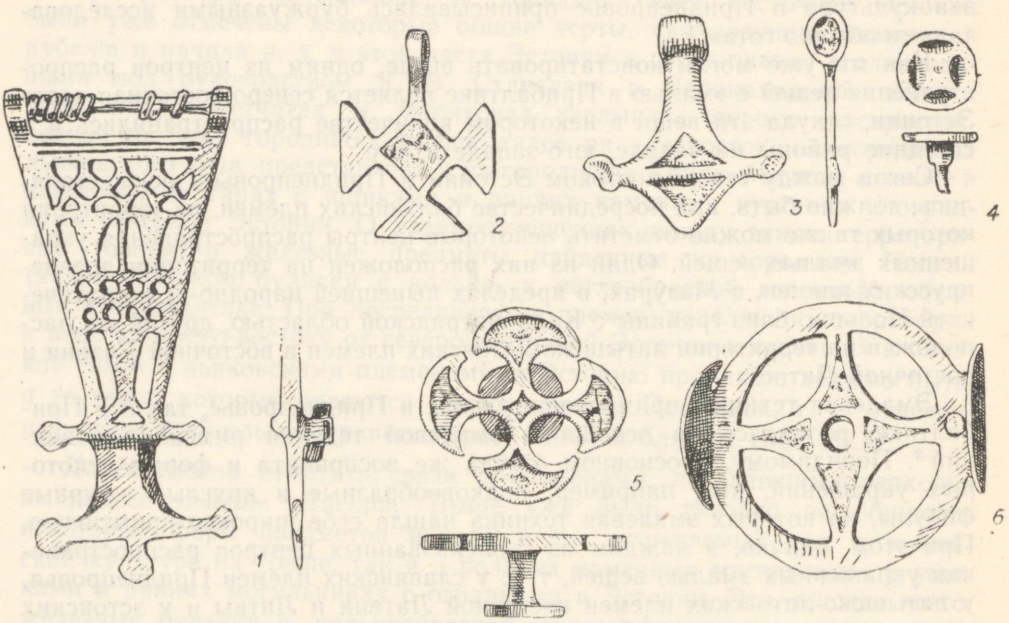


Рис. 58. Вещи, указывающие на связи эстонских племен с племенами Приднепровья. *1* — треугольная фибула из Самуэли, Отепяского района (ИИ 1993:1); *2* — привеска из Аркна, Раквереского района (ИМ); *3—4* — привеска и пуговка из Кохтла, Йыхвиского района (ИИ 3905:24, 23); *5* — бляшка из Кальви, Кивиылиского района (ИМ); *6* — дискообразная фибула из Аркна, Раквереского района (ИМ). $^3/_4$ нат. вел.

с территории славянских племен в Приднепровье или ближайших с ним окрестностей. Ввозной является также типичная антская лучевая фибула VI в., найденная на городище Ягала, Харьюского района, в северной Эстонии [1].

Одной из наиболее типичных форм украшений у племен Приднепровья являются, как известно, треугольные фибулы, прошедшие там несколько стадий развития [2]. Две фибулы этого типа проникли и на территорию древнепрусских племен [3], являясь, без сомнения, ввозными из Приднепровья. Очень показательна небольшая фибула такого же типа, хотя и без эмали, найденная в южной Эстонии, в каменном могильнике в Самуэли, Отепяского района (рис. 58:*1*). Эта фибула в обычной для южной Эстонии технике покрыта беловатым металлом (оловом?), что указывает на ее местное происхождение. По форме она, однако, вполне соответствует треугольным фибулам, характерным для Приднепровья, и является, несомненно, местным подражанием такой фибуле.

Наконец, при анализе характерных для северо-востока Эстонии арбалетных фибул с обвитым спиралькой шипом уже указывалось, что эти фибулы имеют некоторые черты (удвоение тетивы), свойственные фибулам этого типа, известным из полей погребений среднего Приднепровья и из северного Причерноморья.

Все эти явления, т. е. «подправленная» круглая фибула из Аркна, треугольная фибула из Самуэли, являющаяся подражанием фибулам При-

---

[1] ИИ 3849. Эта фибула соответствует фибуле, изображенной у Хаченко, Древности Приднепровья VI, табл. XX, № 333; ср. Рыбаков, Ремесло, стр. 60, № 7.

[2] Рыбаков, Ремесло, стр. 54—56 и рис. 6.

[3] Одна из них изображена у Спицына, Предметы с выемч. эмалью, рис. 178. См. список украшенных эмалью вещей из Калининградской обл. и северо-восточной Польши у Моога, EZL II, стр. 117—118.

днепровья, усвоение арбалетными фибулами некоторых особенностей, происходящих, повидимому, оттуда же, — не говоря уже о широком распространении самой эмалевой техники в северо-восточной Эстонии и других частях Прибалтики, — свидетельствуют о прочных и тесных взаимоотношениях, связывавших племена Прибалтики, в том числе и эстонские, с передовой культурой славянских племен среднего Приднепровья. Только что приведенные факты показывают, что эти связи имели прогрессивное влияние на культуру эстонских племен, обогащая ее новыми элементами, которые прочно осваивались и стимулировали развитие местного производства. На взаимность этих связей указывает отмеченное уже выше нахождение глазчатой фибулы эстонской серии в окрестностях Киева (стр. 65).

Слабая изученность археологических памятников территории, непосредственно граничащей с северо-восточной Эстонией на востоке, т. е. северо-западной части Ленинградской области, а также малочисленность могильного инвентаря в погребальных памятниках кривичей не дают нам, к сожалению, пока возможности конкретно выяснить те пути, по которым поддерживались связи с Приднепровьем. Несомненно, что в этих связях в значительной мере роль посредников играли балтийские племена, однако особенно глубокое отражение этих связей именно на материале северо-востока Эстонии заставляет предполагать, что здесь, может быть, существовали сношения еще и каким-нибудь другим, восточным путем.

Возможно, что при посредничестве племен, населявших Приднепровье, в Эстонию проникали и некоторые изделия ремесла римских провинций. Эти изделия довольно обычны именно в могилах полей погребальных урн. На территории Эстонии наиболее распространенными изделиями, происходившими из мастерских римских провинций, являются бусы с позолотой и некоторые другие виды стеклянных бус. Уникальными на территории Эстонии являются фибула с дужкой, инкрустированной эмалью, из Паали в южной Эстонии и круглая фибула с голубой эмалью из могильника в Кюннапыхья, Йыхвиского района, в северо-восточной Эстонии (рис. 44:*5*). Римские монеты, столь обычные в могильниках южной Прибалтики (в Калининградской области) и встречающиеся еще довольно часто в могильных памятниках Литвы и отчасти Латвии, в Эстонии в каменных могильниках пока не встречались, а известны только в качестве единичных случайных находок, сведения о которых, к тому же довольно неопределенны. Из северо-восточной Эстонии имеются сведения только об одной монете Марка Аврелия, найденной в Виру-Нигула [1].

Конечно, нужно полагать, что часть вещей из римских провинций попала в восточную Прибалтику, в том числе и на территорию Эстонии, при посредничестве западнославянских и балтийских племен с юго-запада, из римских провинций на Дунае.

Как уже отмечалось выше, мы имеем пока еще только очень скудные сведения о характере памятников рассматриваемого в настоящей работе периода времени в западной части Ленинградской области, непосредственно примыкающей к северо-востоку Эстонии за р. Нарвой. Относительно этой территории мы знаем, что несколько позже там обитали славянские племена новгородских словен и западнофинские племена води [2]. Во всяком случае, те немногие данные, которые у нас имеются

[1] Список найденных в Эстонии римских монет см. у Tallgren, Zur Arch. Eestis I, стр. 116—117.

[2] Седов В. В., Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода. КСИЭ XV, М., 1952, стр. 75—76, рис. 3.

об археологических памятниках конца последнего тысячелетия до н. э. и первой половины I тысячелетия н. э. на территории, расположенной на восток от р. Нарвы и Чудского озера, говорят за несомненное существование связей между племенами, населявшими эту территорию, и племенами Эстонии.

В 1910 г. В. В. Александровым был вскрыт каменный могильник в Солоницке, близ Старой Руссы [1]. Сохранившийся и опубликованный план этих раскопок не передает, к сожалению, никаких деталей, по которым можно было бы получить представление о внутренней конструкции этого интересного могильника. Известно только, что он состоял из сплошной кладки камней и содержал по преимуществу остатки трупосожжений, а также один скелет. По своей величине (примерно 23 × 12 м), продолговатой форме и ориентировке с северо-востока на юго-запад он сильно напоминает каменные могильники с оградками в Эстонии и северной Латвии, на родство с которыми указывают и некоторые найденные в этом могильнике вещи, как, например, поздняя глазчатая фибула эстонской серии [2] (которая, правда, судя по некоторым деталям, скорее всего могла быть изготовлена на территории распространения каменных могильников в северной Латвии). Нет сомнения, что этот каменный могильник, связанный с могильниками Эстонии и северной Латвии, отражает наличие западнофинских элементов в пределах рассматриваемой территории. Имеются сведения, правда не проверенные, о существовании еще другого каменного могильника на р. Луге [3]. По своему расположению этот могильник может быть близко связан с каменными могильниками северо-востока Эстонии.

Из западной части Ленинградской области и северо-западной части Псковской области имеются и некоторые находки вещей, свидетельствующих о связях с Прибалтикой [4]. Сюда относится арбалетная фибула V—VI вв. примерно типа рис. 32:*7*, найденная в Городне или в Люботеже, Ленинградской области [5]. Недалеко от восточной границы Эстонской ССР, между р. Нарвой и Лугой, в Коземкине, найдено каменное кресало. Как известно, кресала встречаются в значительном количестве в лесистых и болотистых местах Эстонии, где они, повидимому, были затеряны при охоте на пушного зверя [6]. Наконец, к VI в. относится инвентарь 45-го кургана, вскрытого Л. К. Ивановским в Доложеском и содержавшего железные умбон, удила и наконечник копья [7]. Из них именно умбон имеет аналогии в могильниках в Ябара и Пада северо-восточной Эстонии (рис. 26:*2*, 30:*11*, *12*).

Конечно, все приведенные данные, свидетельствующие о взаимоотношениях между племенами северо-восточной Эстонии и их непосредственными соседями на востоке, еще слишком фрагментарны для того, чтобы получить хотя бы самую общую картину развития этих связей и хода формирования смешанного славянского и вотского населения в западной части Ленинградской области и на севере Псковской области, о котором свидетельствуют многочисленные памятники этой территории начиная с X—XI вв. Разыскание и изучение памятников более ранних периодов на указанной территории могло бы в значительной мере пролить

---

[1] ESA V, стр. 101—108.
[2] Там же, рис. 6.
[3] Moora, EZL II, стр. 18.
[4] Они перечислены в ESA XII, стр. 96—98. Некоторые из них относятся к более позднему времени (VII—X вв.).
[5] В ГИМ в Москве. Сообщ. ГАИМК VI, стр. 17.
[6] Tallgren, Zur Arch. Eestis I, стр. 79—80.
[7] Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР 20, С.-Петербург, 1896, табл. XVIII:7, 16, 28.

свет как на вопросы, связанные с этногенезом племен северо-восточной Эстонии, так и на дружественные отношения, связывавшие эти племена с их ближайшими соседями на востоке и на роль последних в качестве посредников между эстонскими племенами и племенами остальной обширной лесной полосы Европейской части СССР.

Осталось еще рассмотреть связи племен северо-восточной Эстонии с племенами, обитавшими по другую сторону Финского залива, на территории Финляндии. На рубеже нашей эры и в первой половине I тысячелетия н. э. население территории Финляндии сосредоточивалось в ее западной и юго-западной частях, т. е. в южных районах округов Варсинайс-Суоми и Сатакунта, откуда оно распространялось в некоторой мере и в Хяме. Несколько обособленная группа населения концентрировалась около г. Вааза [1]. А. Гакман показал, что заселение западной Финляндии в первые века н. э. шло по преимуществу от устьев рек, впадающих в Финский залив, вверх по их течению, т. е. от юго-западного побережья внутрь страны. На основании языковых данных и археологического материала Гакман создал свою теорию, упомянутую уже во введении, о заселении Финляндии в первые века н. э. с территории Эстонии.

Этой теории противоречит то обстоятельство, что большинство могильников в заселенной в то время юго-западной части Финляндии, хотя и принадлежит к числу каменных могильников, все же существенно отличается от могильников Эстонии, представляя собой прямое развитие более древних местных форм. С другой же стороны, археологический материал указывает на существование связей между территориями Эстонии и юго-западной Финляндии уже в начале н. э. А именно, среди разнообразных могильников юго-западной Финляндии имеются и могильники с оградками, в родстве которых с соответствующими эстонскими могильниками нет никакого сомнения [2]. В могильнике в Пенттала, принадлежащем к числу таких могильников, найден ряд предметов, вполне соответствующих инвентарю каменных курганов с ящиками и ранних могильников с оградками в Эстонии, таких, как железные браслеты и булавки со спиральной и с кольцеобразной головкой, а также относящиеся ко II в. шейные гривны с большими полыми раструбами на концах и глазчатые фибулы южнобалтийской серии [3]. К этому же времени относятся и находки из могильника в Кроггордсмальмен, среди которых большие биконические спиральные браслеты и тонкие браслеты с четырехгранным сечением напоминают инвентарь могильника в Трийги, тогда как относительно найденной там бронзовой булавки с кольцеобразной головкой можно предполагать, что она ввезена из западной Эстонии [4].

Особенное оживление связей между северо-восточной Эстонией и юго-западной Финляндией наблюдается в III—IV вв. К этому времени относятся, например, две сравнительно поздние глазчатые фибулы эстонской серии, найденные в юго-западной Финляндии [5], фибула типа Тюрсамяэ, украшенная эмалью, и ряд других вещей с эмалью, в том числе несколько типичных для северо-восточной Эстонии подковообразных фибул [6].

---

[1] Hackman, Ältere Eisenz. in Finnland, стр. 292—304 и карта. Ebert, Reallexikon III, табл. 135.

[2] SMYA XLIII, стр. 34.

[3] Hackman, Ält. eisenz. Funde, рис. 34, 35, 28.

[4] SMYA XL, стр. 64, рис. 3—4; стр. 65, рис. 7; стр. 67, рис. 10.

[5] SMYA XL стр. 70, рис. 2; FM 1918, стр. 2, рис. 2.

[6] FM 1936, стр. 4, рис. 3; стр. 9, рис. 16. Украшенные эмалью вещи из Финляндии перечислены у Moora, EZL II, стр. 116.

Путем межплеменного обмена некоторые изделия, изготовленные в северо-восточной Эстонии, были занесены значительно дальше на север, как на это указывает инвентарь могильника в Вийтасааре в северной Финляндии[1] и упомянутый выше комплекс вещей, происходящий из северо-восточной Эстонии, найденный в северной Швеции. Кроме того, через территорию Эстонии распространялись в Финляндию и общебалтийские формы изделий, хотя, с другой стороны, известно, что между юго-западной Финляндией и южной Прибалтикой существовали и непосредственные связи морским путем.

Сопоставим эти археологические материалы с языковыми. Последние показывают, что хямеский диалект, один из наиболее древних в финском языке, имеет много общих черт с диалектом населения побережья северо-восточной Эстонии. Однако установлено, что хямеский диалект сложился уже ранее рассматриваемого нами времени. Хямеский же диалект, в свою очередь, является одним из субстратов диалекта юго-западной Финляндии, другим компонентом которого служит эстонский язык. Хотя, как мы видели, и нельзя согласиться с миграционной теорией А. Гакмана о массовом наплыве населения в юго-западную Финляндию в начале I тысячелетия н. э., все же как языковые, так и археологические факты, из которых особого внимания заслуживает появление в Финляндии некоторого числа характерных для эстонских племен могильников с оградками, — указывают на то, что проникновение некоторых этнических элементов из Эстонии в юго-западную Финляндию в первые века нашей эры действительно могло иметь место.

---

[1] SM 1927, стр. 25—33.

XI. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПЛЕМЕН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЭСТОНИИ

Карта распространения памятников I—V вв. на территории северо-восточной Эстонии (рис. 53) показывает, что население, занимавшее по сравнению с предыдущим периодом значительно бóльшие пространства, все же концентрировалось известными группами, отделенными друг от друга зонами лесов и болот. Эти группы дают нам некоторую основу для выяснения вопроса формирования племен северо-восточной Эстонии. Рассмотрим эти группы в отдельности.

1. Небольшая возвышенность по нижнему течению р. Лообу, где имеются каменные курганы в окрестности Тыугу и Выхма (Локаского района), осталась, повидимому, заселенной и в первой половине I тысячелетия н. э., на что указывает наличие среди курганов также некоторых более крупных каменных могильников, должно быть с оградками. Этот заселенный район был изолирован от других широкими полосами лесов и торфяников.

2. Группа памятников имеется в окрестности г. Раквере, в пределах Раквереского района, между верхним и средним течением рек Лообу и Кунда. Отсутствие в этом районе памятников времени до начала н. э. показывает, что этот водораздел, принадлежащий по своей почве к числу наиболее плодородных в северо-восточной Эстонии, был заселен только примерно на рубеже или в начале н. э. В двух местах здесь найдены вещи, относящиеся, возможно, к I в. н. э. (железные булавки с кольцеобразной головкой), а именно у дер. Ама в качестве случайных находок [1] и в большом каменном могильнике в Эссу, раскопанном в 1903—1905 гг. (см. стр. 159). Вещами II—IV вв. были довольно богаты и два могильника на левом берегу р. Аркна, притока р. Селья, разрушенные в конце прошлого столетия [2]. Поблизости от этих могильников и еще одного неисследованного могильника в Пыдрусе находится и описанное выше городище Клооди, которое, повидимому, в первую очередь обслуживало именно те общины, от которых сохранились только что упомянутые могильники. К сожалению, нам неизвестно, существовало ли тогда уже само городище Раквере.

Наиболее многочисленное население обитало несколько юго-западнее г. Раквере, в окрестности Тырма, где, кроме исследованного и описанного выше могильника с оградками на земле бывш. хутора Рейнапи, по сохранившимся сведениям, существовал когда-то еще другой каменный могильник на участке хутора Тоомарахва. Некоторые случайные находки

---

[1] В МП.
[2] В ИМ. Jahresber. Estl. 1905—1906, стр. 7.

имеются из могильника в Ярни [1], расположенного немного на юго-запад от Тырма, а также из лежащего отсюда несколько на северо-запад могильника в Сауксе. Судя по найденным в последнем глазчатым фибулам, этот могильник стал использоваться не позже конца II в. [2]. В верхнем течении р. Лообу расположен описанный выше могильник в Оявески, поблизости от которого имеется еще другой неисследованный могильник. Эти могильники находятся несколько в стороне от основного заселенного центра в окрестности Раквере. Как мы видели, могильник в Оявески стал использоваться только начиная с III в.

Пространство между низовьями рек Лообу и Селья было заселено слабо. Здесь имеется каменный могильник в Анниквере, где когда-то были найдены некоторые вещи, в том числе, повидимому, арбалетная фибула. В Вихула найдено два железных топора с ушками (типа рис. 44:*1*) I—II вв. и недалеко отсюда, в двух местах, по браслету, которые происходят, вероятно, из каменных могильников [3].

На востоке и юго-востоке от г. Раквере имеется группа могильников в окрестностях Кехала, Куйвайые, Пылула и Мыдрику, из которых некоторые случайные находки дал только последний [4]. Поблизости от этих могильников расположено и городище Нурксе, времени возникновения которого мы, однако, пока не можем определить (см. стр. 178).

3. Тесной группой тянутся каменные могильники с оградками вдоль той части глинта, которая начинается около г. Кунда, поворачивает на восток-юго-восток, пересекается рекой Пада и продолжается отсюда почти до долины р. Пуртсе. Мы уже отметили выше, что, помимо долины р. Пуртсе, эта часть глинта была наиболее густо заселена уже в период бытования каменных курганов с ящиками, по крайней мере в конце этого периода, на рубеже н. э. Эти ранние поселения сосредоточивались около Куура и Келлераугу, где, судя по внешнему виду каменных могильников, среди курганов имеются и могильники с оградками. Отсюда население распространилось в I—II вв. н. э. вдоль глинта как в восточном, так и в западном направлении.

Из окрестностей Малла получены в качестве случайных находок некоторые браслеты вогнуто-выпуклого сечения и железная булавка типа рис. 11:1, относящаяся, по всей вероятности, к I в. н. э. [5]. К началу II в. восходят наиболее ранние вещи из большого могильника в Йила, рассмотренного выше (стр. 148—151). К этому же времени относятся ранняя профилированная фибула из неисследованного могильника близ г. Кунда и глазчатая фибула эстонской серии из Кутсала [6]. Обе эти фибулы являются случайными находками.

Могильник в Малла, опубликованный Р. Гаусманом, использовался начиная с III в. [7]. К этому же времени относятся и браслет с выпукло-вогнутым сечением, и несколько перстней, найденных при земляных работах в небольшом могильнике, находившемся, должно быть, где-то поблизости от предыдущего [8].

На запад от р. Кунда обнаружено два втульчатых топора и наконечник копья близ Тоолсе [9].

В восточной части этой заселенной местности также можно наблю-

---

[1] ИИ 2519:1—33.
[2] Вещи в МП.
[3] Топоры в ИМ. RK 702.
[4] Фрагменты глазчатых фибул и несколько перстней (утеряны).
[5] В ИМ.
[6] ИИ 3409; 2485:15.
[7] Hausmann, Grabfunde, стр. 18—21.
[8] ИИ 3352:1—9.
[9] В ИМ. RK 701. Aspelin, J. R., Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Helsinki 1877—1884. Рис. 1741—1743.

дать, что, с одной стороны, население продолжало обитать в местах, заселенных уже во время существования каменных курганов с ящиками, а с другой — расширение заселенных пространств начиная с I в. Так, среди неисследованных каменных курганов близ Койла, на правом берегу р. Пада, имеется, по всей вероятности, могильник с оградками, и, кроме того, тут же, на противоположном берегу реки, имелся могильник, при распашке которого были найдены некоторые вещи III—V вв. (см. стр. 177).

В Азери большой могильник с оградками (?) непосредственно примыкал к погребению в каменном ящике. Недалеко отсюда, около Тамме, могильник с оградками был расположен в нескольких сотнях метров от каменных курганов с ящиками.

Пространства, расположенные дальше на юг от края глинта, были заселены позже. Могильник в Пада стал использоваться не раньше первой половины II в. н. э. Остальные могильники, входившие в эту же группу, дали находки начиная с III—IV вв. (Кальви, Раудна [1] и Ридакюла [2]).

К этой группе относятся городища Койла и, возможно, также Пада. Первое из них возникло, должно быть, в период использования расположенных тут же каменных курганов, тогда как время использования второго нам пока неизвестно.

Кажется, что одна группа населения продвинулась из этой заселенной местности вверх по течению р. Кунда (Сями), где уже в I—II вв. возникло несколько могильников в Аарла и Ульви [3].

4. Следующая группа поселений была отделена от предыдущей полосой лесов на водоразделе между реками Пада и Пуртсе. Эта группа занимает бассейн нижнего течения р. Пуртсе и наиболее возвышенную часть плато, тянущегося на восток отсюда.

Как мы видели, эта местность является древнейшим населенным центром в пределах северо-восточной Эстонии. Каменные курганы с ящиками, расположенные здесь несколькими группами в низовьях реки Пуртсе и в Ябара, восходят отчасти уже к середине I тысячелетия до н. э. В то же время каменные могильники продолжают здесь существовать до VI в. н. э. Так, например, среди курганов в Напа II курган оказался могильником с оградками. В Лиймала, откуда мы, правда, имеем только подъемный материал, сведения об обстоятельствах нахождения которого не вполне ясны, повидимому, имелись как курганы с ящиками, так и могильник с оградками. Последний содержал вещи III—IV вв. (перстни, подковообразную фибулу, украшенную эмалью, фибулу типа Тюрсамяэ, браслеты и пр.), а также целый ряд предметов V—VI вв. (поздние арбалетные фибулы, булавки с пластинчатой головкой и др.) [4].

Несколько могильников с оградками расположено в дер. Пуртсе-Матка. Один из них, как выше уже было отмечено, содержал вещи, из которых самые ранние восходят в I в. н. э. Кроме того, имеются вещи из снесенных могильников или по крайней мере сведения о таковых [5]. От р. Пуртсе небольшая группа населения продвинулась несколько на запад, в Кестла-Ахо, где сохранился неисследованный пока каменный

---

[1] В ИМ (круглая фибула с эмалью, фибула с расширенной головкой и пр.).

[2] ИИ 2510:1—15, 3964:1—28.

[3] Вещи в ИМ. Jahresber. Estl. 1911/12, стр. 32.

[4] ИИ 2572:1—2; 2673:1—19; 2823:1—18; 3738:1; 3740; часть находок в МП.

[5] В дер. Пуртсе на поле бывш. хутора Муру найдены глазчатые фибулы, фибула с расширенной головкой, круглая фибула, фрагмент арбалетной фибулы и браслеты (ИИ 3734:1—16; 3735:1—26). Имеются сведения о распаханном могильнике на земле бывш. хутора Лаазику, где, судя по описанию нашедшего их лица, повидимому, были найдены полые перстни и большая фибула с расширенной головкой (?).

могильник. Другой такой заселенный островок находился несколько вверх по р. Пуртсе, между ее левыми притоками, в Арувялья, где, по имеющимся сведениям, когда-то был снесен каменный могильник.

С правого берега р. Пуртсе также имеются некоторые находки, свидетельствующие о существовании здесь, помимо каменных могильников с ящиками, также могильников с оградками. Среди них можно отметить железный топор (типа рис. 44:*1*)[1] I в. или начала II в.

Окрестности Ябара, расположенные на восток от р. Пуртсе, судя по количеству могильников, представляли собой в первую половину I тысячелетия н. э. наиболее густо заселенную местность не только в северо-восточной Эстонии, но и в Эстонии вообще. Повидимому, и поселение около Варья, расположенное на той же возвышенности, что и Ябара, продолжало существовать еще после начала н. э., хотя сведения о существовавших здесь могильниках (с каменными ящиками и с оградками) довольно неопределенны.

В древнейшем населенном центре на р. Пуртсе находилось и городище (см. стр. 176, 178), в постройке и использовании которого, должно быть, принимало участие и население Ябара (и Варья?).

На восток от Ябара, на краю того же плато, ряд каменных могильников с оградками концентрируется около Аа и Сака. Одна группа могильников расположена здесь в Аа вдоль небольшой гряды, тянущейся в направлении с юго-запада на северо-восток. По расположению эти могильники очень напоминают могильники в Ябара, хотя по числу их здесь меньше, всего четыре. В нескольких сотнях метров на восток отсюда имеются остатки каменного могильника, распаханного под огород, где время от времени обнаруживаются вещи. Отсюда происходит, между прочим, уникальная на территории Эстонии фибула (рис. 44:*4*). Остатки снесенных каменных могильников имеются еще между Аа и Сака, а также немного на север от Сака, на краю глинта, где в разные времена были найдены вещи II—V вв., а также единичные предметы более позднего периода [2].

5. Следующая группа населения располагалась несколько дальше от моря, а именно на возвышенном плато между Кохтла-Ярве, Кукрусе и Йыхви. Это плато принадлежит к числу наиболее плодородных участков в пределах северо-восточной Эстонии. Бросается в глаза, что самый край глинта, достигающий здесь своей наибольшей высоты и крутизны, в этих местах был необитаем. Естественно, что он не предоставлял здесь благоприятных условий для занятия животноводством; по сравнению с внутренними частями названного плато край его отличается также значительно менее плодородной почвой; наконец, и морской берег не образует здесь удобных пристанищ.

Зато на самом плато, как мы уже видели, могильники концентрируются довольно густо между Кохтла-Ярве, Кукрусе и Йыхви, особенно около Кохтла-Ярве (стр. 128). Наиболее ранним из них является раскопанный Р. Гаусманом могильник с оградками в Ярве, в котором сохранились еще некоторые пережитки каменных курганов с ящиками; наиболее ранние находки из него восходят к I в. н. э. (см. стр. 154—156). К этой же группе могильников относятся и оба описанных выше могильника в Кохтла-Ярве, которые, как сказано, стали использоваться не раньше III века. Здесь же имеются некоторые небольшие, еще

---

[1] ИИ 2829:1.

[2] ИИ 2508:1—17; 2831, 3466, 3641. Среди этих вещей имеются профилированная фибула (типа рис. 44:*2*), арбалетная фибула с обмотанными спиралькой шипами, различные браслеты, перстни и пр.

неисследованные могильники; есть и сведения о снесенных могильниках. Несколько могильников, из которых уже в прежние времена получены вещи II—VI вв. (Пеэри, Эдисе), расположено немного восточнее от Кохтла-Ярве [1]. Могильник в Кахула (стр. 156) относится в своей древнейшей части также ко II в. На расстоянии примерно 1 км на юго-запад от этого могильника известен еще другой, неисследованный, напоминающий по размерам примерно могильники в Пада и Йила. Из ближайших окрестностей г. Йыхви получены некоторые случайные находки вещей, относящихся к первой половине I тысячелетия н. э., правда, частью без точных данных об их местонахождении [2].

На небольшой возвышенности, расположенной на юго-запад от Кохтла-Ярве, при земляных работах был обнаружен комплекс вещей II—IV вв., должно быть из снесенного каменного могильника, среди которых заслуживают внимания украшенные цветной эмалью привеска и пуговка (рис. 58:*3*, *4*), фрагмент ожерелья с оригинальной привеской (рис. 44:*3*), перекладчатая фибула и глазчатые фибулы эстонской и южнобалтийской серий, кроме того браслеты и перстни обычных форм [3].

В окрестностях Кохтла-Ярве—Йыхви население продвинулось единичными «островками» также на лесные пространства, простирающиеся отсюда на юг. Здесь известны каменные могильники в Васавере, Атсалема и Выйде, хотя из них пока нет находок.

6. Далее на восток, начиная от низовья р. Пюхайыги, населенные пункты располагались опять по краям глинта, который здесь понижается и становится более пологим. Вблизи устья указанной реки, на ее левом берегу, находится рассмотренный нами могильник в Тойла, нижний горизонт которого мы отнесли к I в. н. э. [4]. В нескольких сотнях метров на запад от этого могильника распахано два каменных могильника, причем там были найдены некоторые вещи III—IV вв. [5].

На восток отсюда могильники тянутся вплоть до Утрия. Из них П. С. Висковатовым раскопан могильник с оградками III—IV вв. в Тюрсамяэ. Дилетантски вскрыта часть могильника в Кюннапыхья, из которого происходит, между прочим, уникальная в Эстонии провинциально-римская круглая фибула с эмалью (рис. 44:*5*), тогда как остальные вещи представляют собой обычный могильный инвентарь III—IV вв. (фибула с расширенной головкой, арбалетная фибула, перстни, бусы с позолотой и из янтаря, бронзовая швейная игла и пр.)[6]. К этому же времени относятся и некоторые случайные находки из Пяйте.

К этой же группе следует, повидимому, причислить и каменный могильник на левом берегу среднего течения р. Сытке, недалеко от железнодорожной станции Вайвара. При снесении части этого могильника и

---

[1] Hausmann, Grabfunde, стр. 12—17; RK 389, 710.

[2] МП, ИИ 3846:1—6; 2643:365 (перекладчатая фибула; остальные находки состоят из перстней, браслетов, фрагментов ножей и пр.).

[3] ИИ 3905:1—51.

[4] Принимая во внимание природные условия в низовьях р. Пюхайыги, сходные во многих отношениях с природными условиям по р. Пуртсе, можно было бы и здесь ожидать уже более ранних следов заселенности. Достоверных данных о существовании здесь каменных курганов с ящиками мы, однако, не имеем. Имеются только неопределенные сведения, будто бы в пределах деревни Пюхайыги, на земле бывш. хутора Алткиви, когда-то были снесены две «груды камней» круглой формы, диаметром примерно в 2 м (?), под которыми якобы были обнаружены цельные человеческие кости. Возможно, что это были какие-нибудь ранние могильники, хотя необычайно малый размер этих «курганов» вызывает сомнения. Отчет о разведках в Тойла в ИИ.

[5] ИИ 3953:1—3 (круглая фибула, браслеты).

[6] 3854:1—6; 3791:1—33.

закладке там вслед за тем небольшого шурфа были обнаружены браслет шестигранного сечения (типа рис. 23:*13*), арбалетная фибула с длинными шипами, обмотанными спиральками, и булавка середины I тысячелетия н. э. с цепочкой и треугольной привеской (рис. 44:*6*) [1].

Наконец, имеются сведения еще о двух каменных могильниках между реками Сытке и Пюхайыги (у дер. Пюхайыги и Конью), из которых, однако, находок пока в музеи не поступило.

Как уже указывалось, группа каменных курганов на побережье у Вайвара является единственной на северо-востоке Эстонии, в районе нахождения которой поселение, повидимому, прекращает свое существование вместе с этими курганами, что объясняется, по всей вероятности, непригодностью этой прибрежной полосы для земледелия. Население этого района продвинулось, повидимому, несколько южнее, на край плато, где имеется ряд каменных могильников на восток от реки Сытке. Раскопки здесь не производились, но в музей отсюда поступили некоторые случайные находки. Довольно ранним является могильник на территории Нарвского горсовета (у дер. Утрия), откуда имеются железная булавка с кольцеобразной головкой и фрагменты железных обручей (браслетов?) I или начала II в. н. э., глазчатая фибула эстонской серии II в., браслеты и перстни III—V вв., поздняя арбалетная фибула и браслет с расширяющимися концами VI—VII вв. [2].

Из другого могильника в пределах этой же деревни получено два перстня II—III вв. [3]. Фрагмент браслета с сегментарным сечением имеется из каменного могильника в Каннука [4]. Далее, известны некоторые каменные могильники вблизи предыдущих, в дер. Сытке и Пиместику. Из этих могильников находок нет.

7. Отдельно, значительно юго-западнее от других населенных районов, расположена группа каменных могильников в окрестности Вяйке-Марья и Симуна. Здесь известна группа каменных курганов в южной части возвышенности Пандивере, между верхним течением рек Пыльтсама, Педья и Авийыги. Самые ранние находки происходят из одного из могильников около Роху, где были произведены небольшие раскопки в 1910 и 1912 гг. Отсюда получены ранние железные булавки с кольцеобразной головкой и косарь (типа рис. 11:*6*). Из другого могильника, расположенного недалеко от предыдущего, происходят арбалетная фибула IV в., спиральные перстни, бусы с позолотой и пр. Эти могильники использовались еще и в IX—XII вв. [5]. Ко II в. относятся рассмотренные выше находки из могильника в Трийги (стр. 160). Из каменного могильника около Ависпяа получены две глазчатые фибулы эстонской серии, из которых одна относится примерно к рубежу III—IV вв., а другая, совсем поздняя, должно быть, к IV в. [6]. Из Янту «при сноске старой мельницы» найдены (должно быть, также из каменного могильника) поздняя глазчатая фибула, крестовидная привеска, браслеты и другие вещи III—IV вв. [7]. К этому же времени относится и шейная гривна с полусферическими шляпками на концах, найденная при снесении каменного

---

[1] ИИ 2736:1—4; 3401:1—2, 3465:1—6; 3645, и в МП.
[2] ИИ 2558:1—5; 3642; МП.
[3] ИИ 3646:1—2.
[4] ИИ 3643.
[5] Вещи в ИМ. Jahresber. Estl. 1910/1911, стр. 12—15, 24—25; 1911/1912, стр. 33.
[6] ИИ 2643:137, 304. Ввиду неопределенности сведений о местонахождении этих фибул не исключена возможность, что они происходят из того же могильника в Трийги.
[7] ИИ 2522:1—8 и в ИМ. Jahresber. Estl. 1912/13, стр. 6.

могильника в Лаэквере[1]. Кроме того, известны некоторые неисследованные могильники в Мяари.

В описанном районе, отделенном от заселенных районов побережья, можно, таким образом, установить существование населения начиная по крайней мере с I в. н. э. У нас нет достоверных доказательств заселенности этой местности в предшествующий период. Однако в описании каменных могильников в Мяари сказано, что там (на земле бывш. хутора Вески) имеется два круглых могильника с каменным кругом у подножия[2]. Судя по внешнему виду, это могут быть или каменные курганы с ящиками, или же памятники, аналогичные небольшому каменному могильнику I—II вв. в Нава, Йыгеваского района, который сохранил еще сильные традиции каменных курганов с ящиками.

Можно полагать, что описанные выше заселенные районы, по крайней мере наиболее обширные из них, являлись племенными территориями, на что указывают и некоторые языковые данные, приводимые ниже[3]. Нет сомнения, что в свое время и в материальной культуре населения этих групп существовали известные различия (в одежде, возможно и в орнаментации разных предметов быта, как, например, изделий из дерева и пр.). Если эти различия не всегда отражаются с достаточной ясностью в археологическом материале, то главную причину этого нужно искать в неравномерной исследованности территории и в разноценности имеющихся в нашем распоряжении материалов. Как уже указывалось, из некоторых населенных местностей мы имеем многочисленные материалы из систематически раскопанных могильников, из других же — только отдельные случайные находки, что не дает возможности сравнивать их между собой и установить с определенностью особенности разных групп. Поэтому мы можем здесь отметить только некоторые общие черты, специфичные для той или иной группы населения.

Само собой разумеется, что от населенных районов побережья резче всего отличается район Вяйке-Марья—Симуна (7-я группа). Несмотря на произведенные здесь раскопки (в Роху) и на наличие некоторых случайно обнаруженных могильных комплексов (Трийги, Янту), дающих нам более или менее полную картину развития могильного инвентаря от II до V вв. н. э., отсюда до сих пор не поступило в музеи ни одной ранней глазчатой фибулы основной или эстонской серии, также ни одной фибулы с расширенной головкой. В то же время полые перстни и носимые группами браслеты с четырехгранным сечением и покатой внешней поверхностью связывают эту группу с побережьем Финского залива. С другой же стороны, ромбическая привеска из Янту указывает на сношения с племенами средней Эстонии. Хотя, как видно, население проникло сюда не позже I в. н. э., а может быть уже и раньше, все же экономика его, повидимому, несколько отличалась от экономики племен, обитавших в прибрежных районах северо-восточной Эстонии, в развитии хозяйства которых, помимо почвенных условий, имеющих значение для земледелия, известную роль играла близость моря и наличие хороших морских пристанищ.

Как уже не раз отмечалось, на побережье северо-восточной Эстонии раньше всего был заселен бассейн р. Пуртсе (включая Ябара, 4-я группа), а именно не позже середины I тысячелетия до н. э. Не только раннее появление здесь оседлого населения, но и другие факты говорят за то, что именно здесь производительные силы развивались быстрее, чем в какой бы

---

[1] ИИ 2547:1.
[2] Описание археол. памятн. Вяйке-Марья 1924, стр. 21 (ИИ).
[3] Моора, Некот. вопр. этногенеза, стр. 113—116.

то ни было другой части северо-восточной Эстонии. Если в первой половине рассматриваемого периода долина р. Пуртсе предоставляла благоприятные условия для развития примитивного животноводства, то в первую половину I тысячелетия н. э. более быстрому развитию производительных сил способствовало пристанище в устье этой реки.

Выше уже было отмечено, что могильник в Пуртсе-Матка (стр. 151—154) принадлежит к числу наиболее ранних. В инвентаре этого могильника представлены самые ранние в Эстонии глазчатые фибулы основной серии, дискообразный нож (рис. 40:*6*) и уникальная ранняя фибула с тонкой дужкой (рис. 40:*4*). Возможно, что некоторые из этих вещей восходят уже к концу I в. н. э. Из этого явствует, что здесь фибулы были в обиходе уже тогда, когда в других местах (Тойла, Азери) для застегивания одежды употреблялись только простые железные булавки. В то же время здесь же, в могильнике *A* в Ябара, найдены самые ранние из известных на территории Эстонской ССР изделий из железа. Если в первые века н. э. население на правом берегу р. Пуртсе по сравнению с предыдущим периодом стало несколько реже, то плотность населения в окрестности Ябара возросла в течение первой половины I тысячелетия н. э. в такой мере, как ни в какой другой части Эстонии.

Принимая во внимание, что в Ябара раскопками охвачена бóльшая площадь, чем в каком-либо другом месте, вполне естественно, что почти все типы вещей представлены здесь в большем количестве, чем в других местах. При всем том все же бросается в глаза особенная излюбленность некоторых типов, которые, повидимому, и являются характерными для этой местности. Выше уже отмечалось обилие браслетов с шишечками на концах (рис. 13:*10*) и браслетов четырехгранного сечения (рис. 12:*1*) в инвентаре II века могильника *C* в Ябара, причем было обращено внимание на исключительно малые размеры этих браслетов. Развившиеся из последних более массивные браслеты, обыкновенно с покатой поверхностью, представлены также в большом числе в Ябара (особенно в могильнике *E*), причем среди них имеются и совершенно замкнутые (рис. 23:*11*, 24:*6*). Такие замкнутые браслеты найдены еще по одному экземпляру в Пуртсе-Матка и в Сака, т. е. в местах, население которых составляло, повидимому, единую группу с населением в Ябара. Кроме этих браслетов, найдено только два браслета этого типа: один в Тюрсамяэ и один в Кохтла-Ярве.

Для населенного района на западе от р. Пуртсе, расположенного на краю плато между Кунда и Ридакюла, в который входит и низовье р. Пада (3-я группа), также характерны богатые инвентарем могильники, часто с большим числом оградок (Пада, Ийла). По сравнению с могильниками предыдущей группы (Ябара, Аа) они расположены обыкновенно в одиночку, редко по 2—3 могильника в одном месте.

Для населения окрестностей г. Раквере (2-я группа) невозможно установить сколько-нибудь глубоких местных корней, так как могильники появляются здесь только начиная с I в. н. э. Могильники этой группы имеют также довольно большие размеры (Тырма, Эссу) и расположены или в одиночку, или по 2—3 в одном месте, но в общем далеко не так компактно, как в прибрежных частях территории. Бросается в глаза, что в инвентаре этих могильников ранние формы, как, например, глазчатые фибулы основной серии, браслеты четырехгранного сечения или с шишечками на концах, представлены довольно редко. Создается впечатление, что по сравнению с прибрежными территориями, корни населения которых уходили в глубокое прошлое, развитие в окрестности Раквере шло вначале несколько медленно, и только начиная с III в., вследствие

успешного развития земледелия, для которого здесь имелись благоприятные почвенные условия, эта отсталость сглаживается.

Населенная территория между Кохтла-Ярве и Йыхви (5-я группа) отличается от остальных районов характером своих могильных памятников. Как уже было отмечено выше, мы имеем здесь целый ряд могильников, не особенно больших по размерам, но расположенных зато иногда на расстоянии всего нескольких сотен метров один от другого. Хотя число оградок в некоторых могильниках доходит до четырех (например, во II могильнике в Кохтла-Ярве), все же они содержат сравнительно мало костного материала и могильный инвентарь их не отличается тем разнообразием, какое наблюдается в могильниках в Ябара, Пада и др.

Возможно, это объясняется тем, что территория в окрестности Кохтла-Ярве—Йыхви была заселена позднее, чем основные населенные районы северо-востока Эстонии (ср. стр. 141).

На побережье между р. Пюхайыги и р. Сытке (6-я группа) и отсюда еще несколько на восток нам известны каменные курганы около Вайвара, точное время возникновения которых, однако, пока не установлено. Далее, население прослеживается здесь в некоторых пунктах начиная с I в. н. э. (Тойла, Утрия). Бросается в глаза, что некоторые из исследованных могильников (Тюрсамяэ, Кюннапыхья) дали довольно богатый и разнообразный материал III—IV вв., тогда как типичные вещи II в., как, например, глазчатые фибулы, в них почти отсутствуют. Поэтому создается впечатление, что здесь, как в периферийном районе, рост населения совершался несколько медленнее, чем в исконных населенных центрах. В инвентаре могильника Тюрсамяэ обращает на себя внимание сравнительно большое число (7 штук) шестигранных браслетов (типа рис. 31:*12*); один браслет этого типа был найден и в Сытке, тогда как в остальной северо-восточной Эстонии эти браслеты встречаются значительно реже. В общем же, нужно отметить, что инвентарь могильника в Тюрсамяэ имеет много общего, например, с инвентарем могильника *E* в Ябара, из чего можно заключить, что между этими двумя районами должны были существовать оживленные связи.

*

Рассмотренный археологический материал показывает нам распределение населения в северо-восточной Эстонии на двух этапах его развития: во-первых, во второй половине I тысячелетия до н. э., когда еще животноводство играло ведущую роль в хозяйстве (см. карту, рис. 51), и, во-вторых, примерно в III—IV вв. н. э., когда основой хозяйства стало земледелие (см. карту, рис. 53). Но в нашем распоряжении имеется также письменный источник, так называемая «Датская поземельная книга» (Liber Census Daniae), которая дает довольно подробные сведения относительно размещения населенных пунктов на территории северо-восточной Эстонии еще и в третий период, а именно в начале XIII в. (рис. 59). «Датская поземельная книга» содержит, как известно, список деревень, на территории древних земель Виру, Рявала и Харью с обозначением размеров их земельных угодий в «сохах» [1]. При сопоставлении данных этих списков с картой распространения могильных памятников III—IV вв. на той же территории бросается в глаза, что почти все те места, которые были заселены в первой половине I тысячелетия н. э., перечислены и в «Датской поземельной книге», притом чаще всего в

[1] Использована публикация «Датской поземельной книги» в работе Johansen P., Die Estlandliste des Liber Census Daniae, Kopenhagen-Reval 1933.

качестве деревень с довольно значительным числом «сох». Из этого можно заключить, что наиболее крупные деревни в начале XIII в. имелись именно в тех местах, которые были непрерывно заселены уже начиная с первых веков н. э., а иногда еще и значительно раньше, т. е. с середины I тысячелетия до н. э.

Не приводя здесь полного списка этих деревень, ограничимся только некоторыми примерами. Так, из населенных пунктов нашей первой группы «Датская поземельная книга» отмечает дер. Ватку (*Wataekya*, близ Выхма) с 20 сохами; из второй группы в окрестности Раквере перечислены: — Анниквере (*Antikewaerae*) — 26 сох, Аркна (*Arkenallae*) — 27 сох, Кыннасте (в непосредственном соседстве с Оявески) (*Kondos*) — 40 сох, Клооди (*Paeites*; ср. немецкое название «*Peuth*») — 30 сох и, в качестве особенно крупной деревни, Тырма (*Tormas*) — 70 сох и др. Из нашей третьей группы, охватывающей бассейны рек Кунда и Пада, в вышеупомянутом источнике отмечены: Ийла (*Idiala*) — 25 сох, Койла (*Kokael*) — 40 сох, Пада (*Padagas*) — 40 сох, Раудна (*Raudanal*) — 20 сох и др. Из четвертой группы, размещающейся в бассейне р. Пуртсе, в качестве крупного центра отмечена деревня Люганусе (*Lygenus*) — 45 сох, далее Пуртсе (*Purdus*) — 32 сохи и т. д. Можно отметить, что окрестность Ябара, заселенная наиболее густо в первой половине I тысячелетия н. э., к XIII в. почему-то потеряла свое значение. Ближайшая к могильникам в Ябара деревня Молдова (*Muldilippae*) имела по «Датской поземельной книге» всего 4 сохи, тогда как, например, деревня Аа (*Hazae*) имела 13 сох. Также из нашей пятой группы, между Кохтла-Ярве и Йыхви, в «Датской поземельной книге» приведен ряд деревень: Йыхви (*Geve*) — 20 сох, Ярве (*Jervius*) — 16 сох, Пеэри (*Pyari*) — 4 сохи и др. В районе восточнее Йыхви, т. е. в пределах нашей шестой группы, мы находим названия Пюхайые (*Pododt*) — 6 сох и Утрия (*Udrigas*) — 3 сохи. Наконец, территория седьмой группы представлена деревней Ависпяа (*Aulispae*) — 8 сох.

На карту (рис. 59) нанесены границы территориальных подразделений, так называемых «кихелькондов» (*kilegunda*), входивших, согласно «Датской поземельной книге», в начале XIII в. в состав древней «земли» Вирума, расположенной на северо-востоке Эстонии. Если мы сравним эту карту с картой распространения памятников первой половины I тысячелетия н. э., то увидим, что границы «кихелькондов» в основном совпадают с теми зонами лесов и болот, которые в только что упомянутый период отделяли друг от друга населенные районы. Согласно «Датской поземельной книге» в состав древней земли Вирума входило пять кихелькондов: Ряпяля (*Räpälä*), Маум (*Maum*), Аскэлэ (*Askaelae*), Аллентак (*Allentakh*, называемый позже Алутагусе) и Леммум (*Lemmum*).

Самый западный из этих кихелькондов — Ряпяля соответствовал территории наших первых двух групп. Центром его была, повидимому, окрестность г. Раквере (скорее, может быть, поселение Тырма). В этот кихельконд входило городище Клооди. Наша третья группа (в бассейне рек Кунда и Пада и вдоль глинта, несколько на восток отсюда) совпадает с наиболее густо заселенной частью кихельконда Маум, название которого сохранилось в названии деревни Маху (по которой называется также и само побережье в этом месте). Группа, включающая бассейн р. Пуртсе, окрестности Ябара вплоть до Аа на востоке, образует северную часть кихельконда Аскэлэ (позже Люганусе), за пределами которого остается только самая северо-восточная часть этой группы, т. е. окрестность Сака, которая относилась уже к соседнему кихельконду на востоке — Алутагусе. Этот большой кихельконд, название которого со-

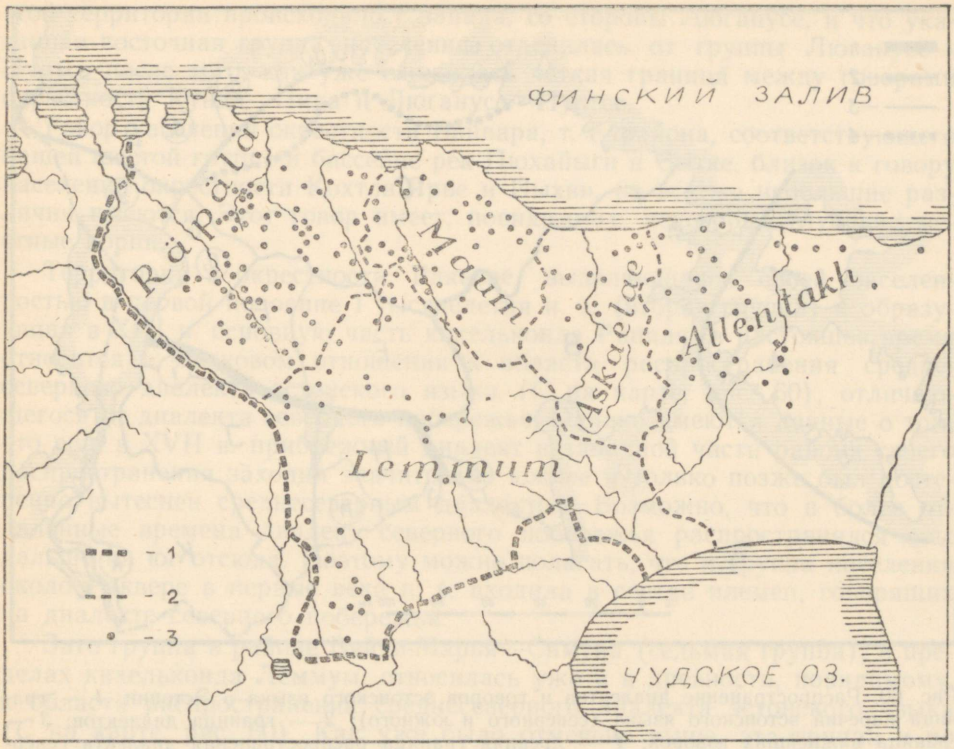


Рис. 59. Распространение населения и территориальное подразделение северо-восточной Эстонии в начале XIII в. по «Датской поземельной книге». *1* — граница мааконда («земли») Вирума; *2* — граница кихельконда; *3* — деревня.

хранилось до недавнего времени для всей местности, расположенной на север от Чудского озера, простирался до р. Нарвы и охватывал, таким образом, наши пятую и шестую группы. Кихельконд Леммум, также крупных размеров, охватывал нашу седьмую группу в окрестностях Вяйке-Марья—Симуна.

Если принять во внимание это совпадение в общих чертах распределения населения в первой половине I тысячелетия н. э. и отчасти в еще более ранний период с территориальными подразделениями в XIII в., то возникает вопрос, не сохранились ли в последних пережитки прежних племенных территорий.

Вопрос о том, насколько названные кихельконды соответствовали древним племенным территориям, может быть разрешен только при помощи лингвистического материала. Поэтому работы по исследованию этого вопроса автором производились совместно с сектором эстонского языка Института языка и литературы Академии наук ЭССР [1].

Лингвистический материал показывает, что вдоль северного побережья Эстонии, примерно от Таллина до Нарвы, распространен особый, прибрежный североэстонский диалект (*D* на карте, рис. 60). В западной части района распространения этого диалекта он в настоящее время охватывает только узкую полосу по самому побережью, особенно полу-

[1] Особенно много данных по диалектологии эстонского языка автор настоящей работы получил от работников сектора А. Х. Каск и А. Я. Универе.

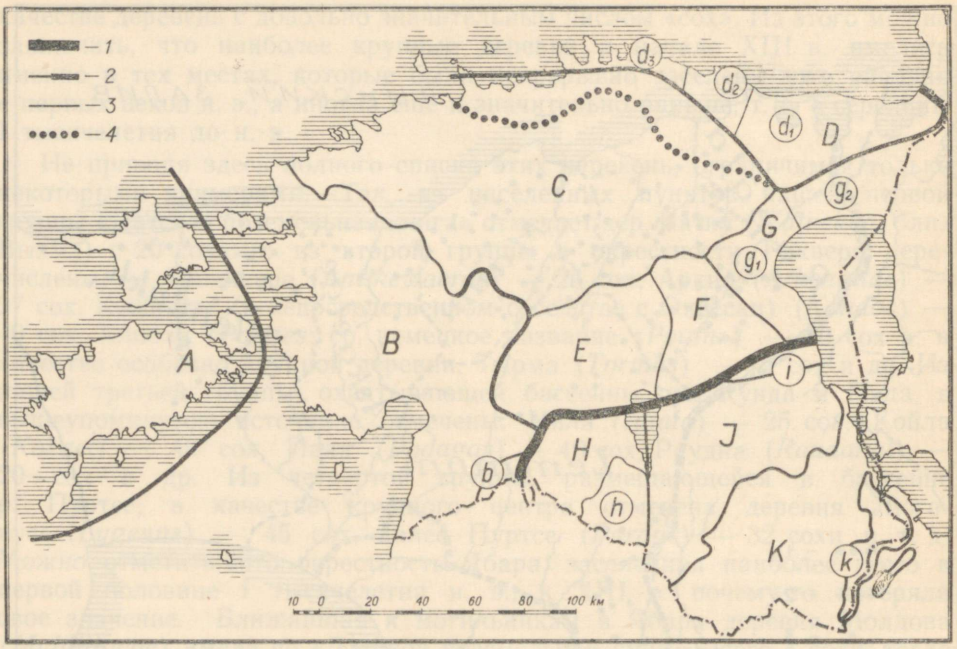


Рис. 60. Распространение диалектов и говоров эстонского языка в Эстонии. *1* — граница наречий эстонского языка (северного и южного); *2* — граница диалектов; *3* — граница важнейших говоров; *4* — древняя граница распространения диалекта северного побережья. *A* — островной диалект североэстонского наречия; *B* — западный диалект североэстонского наречия; *C* — среднесеверный диалект; *D* — диалект северного побережья, *E*, *F* — среднеэстонские переходные говоры; *G* — восточный диалект североэстонского наречия; *H* — западный диалект южноэстонского наречия; *J* — Тартуский диалект южноэстонского наречия; *K* — Выруский диалект южноэстонского наречия.

острова, вдающиеся здесь в значительном числе в Финский залив. Восточнее же южная граница распространения диалекта северного побережья отходит значительно дальше от моря, в глубь материка, так что этот диалект охватывает здесь территорию древних кихелькондов Маум, Аскэле и основную часть кихельконда Алутагусе. Этот диалект, по свидетельству лингвистов, содержит очень древние черты, допускающие его существование уже около начала н. э. Он распадается, в свою очередь, на ряд говоров. Особенно четкая граница между двумя говорами проходит по водоразделу между бассейнами рек Пада и Пуртсе (между *d*1 и *d*2, на рис. 60). Эта граница вполне совпадает с границей, которую на основании «Датской поземельной книги» можно установить между кихелькондами Маум и Аскэлэ и которая, в свою очередь, как мы видели, соответствует границе между двумя наиболее ярко выраженными местными группами памятников на северо-востоке Эстонии в первой половине I тысячелетия н. э. (т. е. между нашими группами 3 и 4). Здесь же был рубеж двух групп памятников второй половины I тысячелетия до н. э. Поэтому кажется, что эта граница действительно соответствует весьма древней племенной границе.

Говор населения территории, расположенной между нынешними городами Кохтла-Ярве и Йыхви (т. е. района распространения нашей пятой группы) отличается сравнительно мало от говора окрестности Пуртсе (Люганусе)—Ябара. Поэтому приходится полагать, что заселение

этой территории происходило с запада, со стороны Люганусе, и что указанная восточная группа населения отделилась от группы Люганусе—Пуртсе после того, как уже сложилась четкая граница между говорами окрестности Кунда—Пада и Люганусе—Пуртсе.

Говор населения окрестности Вайвара, т. е. района, соответствующего нашей шестой группе в бассейне рек Пюхайыги и Сытке, близок к говору населения окрестности Кохтла-Ярве и Йыхви, но все же небольшие различия имеются. Этот говор имеет, повидимому, некоторые глубокие местные корни.

Территория в окрестности Раквере, выделяющаяся своей заселенностью в первой половине I тысячелетия н. э. (вторая группа) и образующая в XIII в. основную часть кихельконда Рапяля, в настоящее время относится в языковом отношении к области распространения среднесеверного диалекта эстонского языка (*C* на карте, рис. 60), отличающегося от диалекта северного побережья. Однако имеются данные о том, что еще в XVII в. прибрежный диалект в западной части района своего распространения заходил значительно южнее и только позже был постепенно вытеснен среднесеверным диалектом. Возможно, что в более отдаленные времена диалект северного побережья распространялся еще дальше на юг отсюда. Поэтому можно полагать, что и группа населения около Раквере в первые века н. э. входила в состав племен, говорящих на диалекте северного побережья.

Зато группа в районе Вяйке-Марья—Симуна (седьмая группа), в пределах кихельконда Леммум, относилась уже и в древности, повидимому, к области распространения среднесеверного диалекта эстонского языка (*C* на карте, рис. 60). Как уже было отмечено выше, эта группа и по своему археологическому материалу резко отличается от остальных групп северо-востока Эстонии. Возможно, что часть этого населения проникла сюда из окрестности Моэ и Прюмли, Тапаского района, где расположено несколько больших групп каменных курганов с ящиками, однако с достоверностью мы этого сказать не можем.

Совпадение в общих чертах территории распространения разных групп памятников первой половины I тысячелетия н. э. с древними кихелькондами, засвидетельствованными в «Датской поземельной книге», и последних с районами распространения определенных диалектов и говоров эстонского языка дает основание полагать, что в границах исторических кихелькондов в северо-восточной Эстонии сохранились в основном границы древних эстонских племенных территорий.

На основании изложенного выше создается примерно следующая картина формирования племен, населявших северо-восточную часть Эстонии. Во второй половине I тысячелетия до н. э. в прибрежной полосе различались в основном две племенные территории, из которых одна, простиравшаяся по преимуществу в районе бассейнов рек Кунда и Пада, соответствует позднейшему кихельконду Маум (впоследствии Виру-Нигула), а вторая, расположенная в бассейне р. Пуртсе, — кихельконду Аскэлэ (Люганусе). Эти племена были родственными между собой, на что указывает принадлежность их территории к району распространения одного и того же прибрежного диалекта, хотя, как уже было указано, с четкой границей между двумя говорами. Часть населения, покинувшая бассейн р. Пуртсе, проникла восточнее, образуя кихельконд Алутагусе, где, однако, имелись уже и до этого некоторые более древние поселения около Вайвара.

Говор в окрестности Раквере, т. е. наиболее густо заселенной части кихельконда Ряпяля, хотя в настоящее время и относится к среднесеверному диалекту эстонского языка, все же содержит много элементов,

указывающих на древнюю связь его с прибрежным диалектом. Принимая во внимание распространение каменных курганов с ящиками в конце I тысячелетия до н. э. (рис. 51) и могильников с оградками начала н. э. (рис. 53), а также близкую связь инвентаря могильников окрестности Раквере с инвентарем могильников прибрежной полосы, можно думать, что территория около Раквере была заселена в первую очередь общинами, выделившимися с территории кихельконда Маум. Так как в окрестности Раквере каменных курганов с ящиками или родственных им ранних памятников пока не установлено, то следует полагать, что заселение этого района началось примерно на рубеже или в самом начале нашей эры.

Труднее сказать что-нибудь определенное о заселении северной и северо-западной части кихельконда Ряпяля (окрестности Кадрина и Хальяла), говор населения которых в настоящее время представляет смешение разных элементов.

В окрестности же Вяйке-Марья—Симуна, составляющей ядро кихельконда Леммум, в начале нашей эры формировалось, повидимому, племя из этнических элементов западного или юго-западного происхождения. Не исключена возможность, что и сюда проникли некоторые более северные этнические элементы, на что указывает наличие в говоре населения этого района весьма древних языковых элементов, общих с диалектом северного побережья.

В пределах каждой из установленных выше пяти племенных территорий еще четко обрисовываются те основные три части, которые выдвинуты Ф. Энгельсом [1], т. е. место жительства племени, широкая область охоты и нейтральный защитный лес, разграничивающий племенные территории. У тех племенных территорий, которые выходили к морю, районом собственно заселения являлись преимущественно прибрежные части, в то время как расположенные южнее леса и болота служили охотничьими угодиями. У племенной территории, расположенной около Раквере, охотничьи районы находились на западе и северо-западе, соприкасаясь с границей позднейшей земли Рявала, охватывавшей территорию теперешних Кейлаского, Харьюского и Локсаского районов, с центром в Таллине — древней Колывани. Населенный же центр у Вяйке-Марья—Симуна (позднейший кихельконд Леммум) был окружен лесами со всех сторон.

Племенные территории, формировавшиеся в первой половине I тысячелетия н. э., послужили, как мы видели, до некоторой степени основой для образования в последующие века территориальных объединений, засвидетельствованных письменными источниками, — древних кихелькондов — и объединения последних в «земли» (мааконды). С другой же стороны, вхождение в состав земли Вирума кихельконда Леммум, население которого принадлежало к иной этнической группе, чем население остальных, родственных между собой по этническому составу кихелькондов, показывает наглядно, что при образовании территориальных общин прежние родо-племенные отношения утратили свое значение, уступив место новым факторам, определяющим дальнейшее развитие.

---

[1] Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л. Г. Моргана. Госполитиздат, 1953, стр. 164.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ. МЕТОДИКА РАСКОПОК КАМЕННЫХ МОГИЛЬНИКОВ

Ниже приводятся перечень и краткое описание важнейших находок, полученных из тех исследованных систематическими раскопками могильников с оградками, которые выше (в главах III—VI) рассматривались более или менее подробно. Из них могильники в Ябара и Пада были исследованы в период буржуазной диктатуры в Эстонии, а могильники в Тойла и Кохтла-Ярве — при советском строе.

За почти 30-летний период исследования каменных могильников методика их раскопок, естественно, менялась и совершенствовалась. Новый подход к ним на основе марксистско-ленинского понимания истории возлагает и на исследователя каменных могильников ответственную задачу — фиксирование всех явлений, которые дают возможность использовать эти могильники в качестве исторических источников и которые при прежних раскопках часто оставались незафиксированными.

Не останавливаясь на методике раскопок, применявшейся прибалтийско-немецкими исследователями в конце прошлого и начале текущего столетий, краткая характеристика которой уже дана во введении (стр. 7, 12), отметим только, что в 20-х годах нашего столетия при вскрытии каменных могильников применялся способ так называемых профильных раскопок. Он заключался в том, разбив могильник колышками на квадраты, начинали раскопки с одного конца могильника, продвигаясь в определенном направлении. При этом раскопки велись во всю толщину культурного слоя. Валуны и более крупные плиты известняка (особенно стенки оградок) наносились на план, где фиксировались также места обнаружения находок. По мере надобности зарисовывались профили могильников. Будучи шагом вперед по сравнению с методом раскопок, практиковавшимся в конце прошлого и начале текущего столетия, этот способ раскопок все же имел тот большой недостаток, что не позволял на месте обозревать конструкцию могильника в целом, а более или менее цельная картина выяснялась только постепенно, на зарисованном плане. В частности, у могильников северной Эстонии, где стенки оградок обычно сложены из плитняка и оградки заполнены плитняковой щебенкой, стенки легко могли остаться незамеченными, если они имели плохую сохранность или если в процессе раскопок к ним подходили с их внутренней, неровной стороны, которая на первый взгляд иногда мало отличается от насыпи. Не исключена возможность, что, например, осталась незамеченной часть стенок I оградки могильника *C* в Ябара (табл. IV).

Для лучшей фиксации конструкции могильников еще при применении в основном профильного способа раскопок стали оставлять стенки

оградок нетронутыми до полной расчистки всей стенки или целой оградки (табл. V:2). Однако и в этом случае вскрываемая за один прием площадь была еще очень ограничена.

Позже, начиная примерно с 30-х годов, стал применяться способ горизонтальных раскопок. Он заключается в том, что после разделения могильника колышками на квадраты и зарисовки его общего плана, а также нивелировки его поверхности, снимается растительный слой. Затем маленькими специальными лопаточками вычищается от земли и мелкого щебня верхний ярус камней. После занесения камней, а также мест находок костей и предметов на план, камни этого яруса удаляются. Затем расчищается и зарисовывается подобным же образом следующий ярус и т. д. Нужно заметить, что при различной величине камней и различной глубине их залегания невозможно придерживаться способа раскопок каменных могильников по пластам определенной толщины, как это принято при раскопках памятников, культурный слой которых состоит преимущественно из земли.

При описанном способе раскопки насыпи могильника, состоящей обыкновенно из беспорядочного нагромождения небольших кусков плитняка, перемешанных с землей, стенки оградок обрисовываются довольно ясно. Далее ведется разборка заполнения оградок и краевой насыпи, также по возможности ярусами. Стенки же оградок остаются нетронутыми до полного выяснения конструкции могильника (табл. XIII:1) и разбираются лишь после их зарисовки и фотографирования. Затем перекапывается и подстилающий могильник слой (обычно перемешанный песок или гравий), который часто содержит еще следы очистительных огней, а иногда и немного керамики, костей и пр.

Для зарисовки профилей в некоторых местах оставляются бровки: одна продольная по главной оси могильника и несколько поперечных, в зависимости от его длины и характера различных частей.

Местонахождения металлических вещей и керамики заносятся на план, а в дневнике раскопок отмечаются глубина залегания находок и прочие наблюдения. Особое внимание уделяется теперь тщательному собиранию костного и прочего органического материала по оградкам, а в пределах последних по квадратам (размерами не больше 1 м²). Скелеты и все особенности залегания костей (скопления «гнездами» и пр.) или вещей отмечаются на плане, описываются в дневнике раскопок и, в случае надобности, зарисовываются отдельно.

Методика раскопок каменных могильников требует дальнейшего совершенствования. Задачей раскопок является не только фиксация конструкции могильников, но и также восстановление процесса возникновения могильника и прослеживание погребального обряда.

В приводимых ниже списках находок их номера соответствуют номерам, обозначенным на плане данного могильника. Керамика, представленная в могильниках северо-восточной Эстонии в виде незначительных фрагментов, обозначена на планах крестиками и не включена в списки, за исключением случаев, представляющих особый интерес. Из списков и планов исключено большинство фрагментов металлических вещей, плохо поддающихся определению (особенно остатки железных изделий). Если в описаниях материал предметов особо не отмечен, то для орудий труда и быта таковым является железо, а для предметов украшения и принадлежностей одежды — бронза.

1. ВЕЩИ ИЗ МОГИЛЬНИКА С ОГРАДКАМИ В ТОЙЛА

(ИИ 3952:1—564)

Инвентарь погребений первых веков н. э. и находки из подмогильного слоя

Из восточной краевой насыпи могильника. 23 — Фрагмент бронзовой проволоки. 41 — Фрагмент спирального перстня (?) треугольного сечения. 94 — Бронзовая трубочка из тонкого листа. 103 — Булавка жел. с кольцеобразной головкой (рис. 10:*3*). 178 — 4 пронизки.

Из II оградки. 143 — Фрагм. спирального перстня из круглой проволоки. 152 — Булавка, жел., с кольцеобразной головкой (типа рис. 10:*3*). 159 — Булавка, жел., с кольцеобразной головкой (рис. 10:*5*). 184 — Фрагм. жел. булавки с кольцеобразной головкой.

Из III оградки. 91 — Фрагм. жел. булавки. 133 — Жел. пластинка, свернутая в виде маленькой втулки. 160 — Расколотая трубчатая кость, искусственно заостренная с одного конца. 169 — Фрагм. ножа. 171 — Булавка, жел., с кольцеобразной головкой (рис. 10:*7*). 179, 180 — Серповидный нож (рис. 10:*10*) и фрагменты другого ножа. Найдены при скелете *В*. 182 — Булавка, жел. поломанная (типа рис. 11:*2*). 187 — Булавка, жел., с кольцеобразной головкой (рис. 10:*4*).

Из IV оградки. 87 — Фрагм. точила. 193 — Фрагм. бронз. трубочки. 227 — Фрагм. булавки с кольцеобразной головкой (типа рис. 11:*2*). Найден на стенке оградки. 228 — Фрагм. жел. булавки, может быть от предыдущей. Найден на стенке оградки. 231 — Черенок ножа, длинный, тонкий. 295 — Фрагм. жел. булавки с кольцеобразной головкой. 318 — Фрагм. рукоятки из рога, должно быть от ножа или шила. 379 — Жел. булавка с кольцеобразной головкой (рис. 10:*6*). 410 — Фрагм. жел. булавки с кольцеобразной головкой (типа рис. 10:*3*). 412, 421 — Фрагменты жел. колец (от головок булавок ?). 422 — 3 фрагмента спирального перстня сегментарного сечения, тонкие. 423 — Жел. кольцо, замкнутое, ромбовидного сечения, диаметр 2,7 см. 424 — Небольшой фрагментарный глиняный сосуд (рис. 10:*18*). 456 — Нож (рис. 10:*11*). 457 — Колечко от жел. пряжки, овальное (типа рис. 8:*4*, но немного толще). 488 — Булавка, жел., с большой кольцеобразной головкой (рис. 10:*1*). 489 — 2 фрагм. жел. булавки с кольцеобразной головкой. 494 — Фрагм. жел. булавки с кольцеобразной головкой (типа рис. 10:*4*). 503 — Фрагм. узкого браслета (?) четырехгранного сечения с слабо выпуклой внешней стороной. 504, 516 — Пронизки. 518 — Нож (типа рис. 10:*9*). 521 — 2 фрагмента жел. булавки (?). 533 — Нож (рис. 10:*9*).

Из западной, отчасти разрушенной части могильника. 349 — Кресало. Поверхность в одном месте не обработана (или повреждена ?) (рис. 10:*16*). 355, 378 — Фрагменты спиральных перстней сегментарного сечения. 390 — Браслет, маленький, сегментарного сечения. 400 — Фрагм. бронз. трубочки. 465 — Фрагм. жел. булавки (?). 470 — Обломок венчика глиняного сосуда с гребенчатым орнаментом (табл. II, рис. 2:*4*). Найден в грунтовом песке. 471 — Браслет сегментарного сечения (рис. 10:*12*). 476 — Фрагм. жел. браслета (рис. 10:*15*). 486 — Фрагм. жел. кольца (от головки булавки?). 501 — Бронз. проволока, согнутая подобно головке булавки на рис. 10:*5*. 538 — Обломок грубого глиняного сосуда, с линейным орнаментом (табл. II, рис. 2:*8*). Найден в грунтовом песке под северной стенкой. 539 — Фрагм. грубой керамики. Найден в грунтовом песке. 540 — Фрагм. большой жел. булавки с кольцеобразной головкой (типа рис. 10:*6*). 547 — Обломок венчика глиняного сосуда (типа табл. II, рис. 2:*6*). 552 — 3 фрагмента керамики, из них два с гребенчатым орнаментом и один с орнаментом, сделанным перевитым шнуром (табл. II, рис. 2:*2*). 553 — Два обломка глиняного сосуда; на одном орнамент как на табл. II, рис. 2:*1*. 554 — 7 фрагментов грубой керамики (самый большой из них изображен на табл. II, рис. 2:*1*). 555 —

8 фрагментов керамики, среди них обломок венчика сосуда с глубокими ромбовидными ямками (табл. II, рис. 2:*6*) и другой как на табл. II, рис. 2:*2*. 556 — Фрагм. грубой керамики. 557 — Фрагм. керамики (типа табл. II, рис. 2:*2*). 558 — Фрагменты грубой керамики, некоторые с тонким гребенчатым орнаментом, один украшен ромбовидными ямками (табл. II, рис. 2:*7*). 559—561 — Фрагменты грубой керамики, один (561) с гребенчатым орнаментом. Все перечисленные обломки глиняных сосудов (552—561) найдены в темной прослойке с вкраплением углей, залегавшей под могильником и отделенной от культурного слоя последнего прослойкой перемешанного песка толщиной в несколько сантиметров. 564 — Фрагменты жел. булавки с кольцеобразной головкой.

Из северной краевой насыпи. 340 — Фрагм. грубой керамики. Найден в грунтовом песке. 345 — Фрагм. височного (?) украшения. Сохранилась средняя часть в виде спиральки, поломанные концы которой расширяются (рис. 10:*2*). 350 — Бронз. трубочка. 462, 464, 468 — Фрагменты грубой керамики, одни из них (464) с ямочно-гребенчатым орнаментом (табл. II, рис. 2:*5*). Найдены в грунтовом песке.

Из южной краевой насыпи: 377 — Жел. булавка с кольцеобразной головкой (рис. 10:*8*).

Инвентарь погребений верхнего яруса (VI—XII вв.)

20 — Фрагм. браслета типа рис. 10:*20*. 60 — Жел. пружина от замка. 79, 84 — Крестовидная ажурная привеска (в двух частях). 106 — Спиральный перстень круглого сечения, со следами плавления. 140 — Фрагм. наконечника дротика с шипом и крученым стержнем. 167 — Фрагм. керамики (рис. 10:*14*). 168 — Фрагм. широкого браслета с продольным желобком посередине; 2 пронизки и другие фрагменты бронзовых вещей со следами плавления. 261 — Наконечник стрелы. 262 — Фрагм. бронз. бляшки со следами плавления. 270 — Заклепка, жел. 274 — Наконечник стрелы. 280 — Фрагм. жел. колокольчика и двух бронзовых бляшек. 281 — Наконечник дротика с шипом и крученым стержнем. 283 — Заклепка жел. 299 — Фрагм. булавки с треугольной головкой, деформированной в огне (рис. 10:*19*), со следами плавления. 347, 357 — Бляшки бронз. 362 — Фрагм. булавки (типа рис. 10:*19*). 373 — Бляшка бронз. 382 — Поясная пряжка, жел. 385 — Фрагм. шейной гривны с утолщенными концами, со следами плавления (рис. 10:*21*). 386 — Фрагм. булавки со следами плавления. 396 — Фрагм. широкого браслета со следами плавления. 397 — Жел. пластинчатый язычок от ремня со следами пребывания в огне. 402 — Фрагм. жел. поясной пряжки. 404 — Головка жел. заклепки. 460 — 2 фрагмента перстня с щиткообразной серединой. 477 — Фрагм. спирального браслета треугольного сечения. 479 — Бронз. бляшка. 490 — Фрагм. бляшки для подвешивания цепочек. 493 — Фрагменты браслета (рис. 10:*20*) и перстня с щиткообразной серединой. Бляшка бронз. и трубочка бронз. 497 — Фрагм. браслета со следами плавления. 523 — Фрагм. цепочки и бронз. бляшка. 544 — Фрагм. бронз. бляшки. 549 — Фрагм. цепочки. 562 — Жел. пружина от замка.

Среди керамики, обозначенной на плане могильника (табл. III) крестиками, имеется керамика более грубая, в том числе со штрихованной поверхностью (рис. 10:*13*), но большинство фрагментов принадлежит тонким лощеным сосудам, часто с черноватой поверхностью. Из орнаментов на этой керамике встречаются шнуровой (рис. 10:*17*), волнистый, зигзагообразный (рис. 10:*14*) и линейный, а также слегка рельефный пояс при переходе к плечикам. Эта керамика относится к верхнему ярусу могильника с трупосожжениями.

2. ВЕЩИ ИЗ МОГИЛЬНИКА *С* В ЯБАРА

(ИИ 2617:1—222)

Из юго-западной части могильника. 1 — Бронз. кольцо, незамкнутое, треугольного сечения, диам. 3,4 см. 5—6 — Фрагменты бронз. пронизок. 8 — 2 фрагмента костяного изделия, больший украшен «глазками» (рис. 12:*9*). 9, 12, 14 — Пронизки. 17 — Фрагм. пластинчатого спирального перстня. 18 — Фрагм. костяного изделия, как № 8. 20 — Фрагм. спирального браслета сегментарного сечения, согнутый колечком; пластинчатый конец свернут трубочкой; орнамент линейный (рис. 9:*11*). 21 — Браслет четырехгранного сечения (рис. 9:*9*), был на руке скелета М. 22—23 — Пронизки. 24 — Нож, серповидный (рис. 9:*6*). 25 — Трубочка из тонкого бронз. листа, украшенная с одной стороны мелкой насечкой. 26 — Фрагм. браслета с пластинчатой средней частью и утолщенным концом. 27 — Фрагм. браслета с шишечками на концах (типа рис. 16:*2*). 28 — Браслет с шишечками на концах. 29 — Нож, серповидный, короткий (рис. 9:*5*). 32 — Фрагм. серповидного ножа. 34 — Три фрагмента браслетов с четырехгранным сечением, два из них от одного браслета (рис. 12:*1*),

третий — профилированный конец такого же браслета. 35 — Булавка бронз., с кольцеобразной, загнутой в сторону головкой (типа рис. 9:*2*). 36 — Фрагм. браслета, свернутый колечком, с сегментарным сечением; на конце четыре поперечные линии. 37 — Фрагм. бронз. колечка. 34 и 37 найдены вместе. 38 — Фрагм. спирального браслета (?) из тонкой сегментарной в сечении проволоки. 39 — Косарь (рис. 12:*8*). 40 — Топор, узкий, проушной (рис. 9:*7*). 41 — Бронз. булавка с кольцеобразной, отогнутой в сторону головкой (рис. 9:*4*). 43, 44 — Браслеты четырехгранного сечения, тонкие (типа рис. 12:*1*), найдены вместе. 47 — Фрагм. бронз. колечка из узкой сегментарной в сечении проволоки с расширяющимся пластинчатым концом. 48 — Фрагм. спирального перстня (?) из тонкой сегментарной в сечении проволоки. 47 и 48 найдены вместе. 49, 50 — Два фрагмента шейной гривны, скрученные из двойной проволоки, с петлей на конце (рис. 12:*4*). 49, 50 найдены вместе. 51 — Фрагм. поясной бляшки с конической, разветвляющейся кверху серединой и «чашечками» по краю; на нижней стороне две петли (рис. 9:*10*). 53 — Фрагм. бронз. проволоки, круглой в сечении. 54, 55 — Пронизки. 56 — Жел. кольцо, замкнутое, ромбовидное в сечении, диам. 3,7 см. 57 — Фрагм. браслета сегментарного сечения, конец украшен желобками (рис. 12:7). 56, 57 найдены вместе. 58 — Булавка с пластинчатой, свернутой в трубочку головкой, с линейным орнаментом (рис. 9:*1*). 59 — Бронз. кольцо из треугольной в сечении проволоки, диам. 3,2 см. 60 — Булавка с узкой свернутой в трубочку головкой (рис. 9:*3*). 61 — Браслет четырехгранного сечения (рис. 12:*5*). 62 — Бронз. кольцо из круглой проволоки с насечкой на концах (рис. 9:*8*). 63 — 2 фрагмента бронз. колец из круглой проволоки. 64 — Фрагм. бронз. кольца из круглой проволоки с утончающимся концом; диам. 3,9 см. 65 — Фрагм. браслета четырехгранного сечения типа рис. 12:*1*. 66 — Шило, заостренное с обоих концов; один конец в сечении круглый, другой четырехгранный; в средней части по ребрам насечка. 67 — Фрагм. браслета четырехгранного сечения (типа рис. 12:*1*). 68 — Булавка с кольцеобразной головкой, отогнутой в сторону (рис. 9:*2*). 69—70 — Фрагменты браслетов четырехгранного сечения (типа рис. 12:*1*). 71 — Пронизка. 72 — Фрагм. от венчика небольшого глиняного сосуда, тесто с примесью песка, поверхность покрыта редкими тонкими штрихами в разных направлениях (рис. 12:*2*). 73 — Спиральный перстень (рис. 12:*6*). 74 — Фрагм. витой шейной гривны, согнутый браслетом (рис. 12:*3*). 75 — Фрагм. бронз. кольца из круглой проволоки с заостренным концом; диам. 3,2 см. 77 — Фрагм. тонкого выпукло-вогнутого браслета типа рис. 14:*3*. На поломанном конце две дырочки от заклепок, сделанные, повидимому, с целью починки. 80 — Нож (возможно, более позднего времени).

Из I оградки. 76, 78 — Пронизки. 79, 81 — Фрагм. спиральных браслетов из сегментарной в сечении проволоки шириной в 4 и 2,5 мм. 83 — Фрагм. ножа с выпуклой спинкой.

Из II оградки. 121 — Пронизка. 122 — Фрагм. спирального браслета из сегментарной в сечении проволоки шириной в 35 мм. 121, 122 найдены вместе. 124, 125 — Фрагменты ножей или косарей. 126 — Бляшка, бронз., с остатками жел. штифтиков на концах (рис. 13:*8*). 129 — Фрагм. шила с четырехгранным сечением; найден в грунтовом песке под стенкой оградки. 133 Браслет (рис. 13:*11*). 135 — Бляшка (как на рис. 13:*8*).

Из III оградки. 136 — Фрагм. ножа. 137 — Браслет с шишечками на концах, типа рис. 13:*10*. 149 — Фрагм. спирального браслета плоско-выпуклого сечения.

Из юго-западной краевой насыпи возле III оградки. 141 — Нож с выпуклой спинкой. 142 — Маленький фрагм. шейной гривны с полыми раструбчатыми концами. 144 — Браслет четырехгранного сечения (типа рис. 12:*1*).

Из IV оградки. 177, 178 — Фрагменты спирального браслета или разогнутых спиральных перстней, сегментарные в сечении, ширина 3 мм. 190 — Браслет сегментарного сечения, изогнутый.

Из юго-восточной краевой насыпи возле IV оградки. 204 — Нож с слегка выпуклой спинкой (рис. 12:*10*), найден на грунтовом песке у скелета *P*.

Из юго-западной краевой насыпи возле IV оградки. 161 — Спиральный перстень (рис. 13:*2*). 162 — Осколок кремня. Относился, может быть, к скелету *N*.

Из V оградки. 202 — Глазчатая фибула южнобалтийской серии (типа рис. 13:*6*).

Из юго-восточной краевой насыпи возле V оградки. 199 — Браслет с шишечками на концах (типа рис. 16:*2*).

Из VI оградки. 87 — Фрагм. ножа. Найден на стенке оградки. 89 — Перстень замкнутый (рис. 13:*3*). 95 — Глазчатая фибула основной серии с «закрытыми» глазками (рис. 13:*4*). 96 — 2 фрагмента шейной гривны с раструбчатыми концами (?). 98 — Глазчатая фибула южнобалтийской серии (рис. 13:*6*). 101 — Глазчатая фибула южнобалтийской серии (типа рис. 13:*6*). 103 — 9 фрагментов спирального перстня сегментарного сечения. 109 — Браслет с шишечками на концах (типа рис. 13:*10*). 111 — Глазчатая фибула южнобалтийской серии (примерно типа рис. 13:*6*). 112 — Браслет с шишечками на концах (рис. 13:*10*). 113 — Глазчатая фибула южнобал-

тийской серии (рис. 13:*5*). 114 — Бляшка бронз. (рис. 13:*9*). Найдена возле №№ 108—109. 115 — Браслет с шишечками на концах (типа рис. 16:*2*). 123 — Спиральный перстень (рис. 13:*7*).

Из юго-западной краевой насыпи возле VI оградки. 85, 86 — Фрагменты шейной гривны с раструбчатыми концами (рис. 14:*4*).

Из VII оградки. 120 — Спиральный перстень с пластинчатыми концами (рис. 14:*9*). 127 — Глазчатая фибула эстонской серии со старой починкой: к головке прикреплена спиралька, конец которой расширяется пластинкой (рис. 13:*1*). 128 — Глазчатая фибула эстонской серии (рис. 14:*6*). 130 — Спиральный перстень из тонкой пластинчатой проволоки с заостренными концами. 132 — Браслет с шишечками на концах (типа рис. 16:*2*). 138 — Фрагменты ножа. 139 — Фрагм. браслета (типа рис. 14:*3*, но без орнамента). 140 — Маленький фрагм. шейной гривны с полыми раструбчатыми концами. 143 — Шило (рис. 14:*11*). 145 — Спиральный перстень (рис. 14:*10*). 146 — Спиральный перстень из тонкой, круглой в сечении проволоки с заостренными концами. 147 — Глазчатая фибула эстонской серии (рис. 14:*7*). 148 — Булавка, должно быть от какой-нибудь фибулы. 150 — Перстень, замкнутый, узкий, почти треугольный в сечении. 151 — Браслет типа рис. 12:*1*, но еще тоньше. 152 — 2 фрагмента шейной гривны с полыми раструбчатыми концами (рис. 14:*4*), найдены на стенке оградки. 153 — Фрагм. серповидного ножа, примерно типа рис. 37:*3*.

Из VIII оградки. 160 — Фрагменты ножа или косаря. 164 — Браслет четырехгранного сечения (типа рис. 12:*5*), выпрямленный. 165, 166, 168—171 — Фрагменты керамики с примесью дресвы; из грунтового песка. 173—175, 179 — Фрагменты спиральных браслетов или развернутых перстней сегментарного сечения. 180 — Двойная бусина из темносинего стекла (рис. 14:*5*). 182, 184, 186 — Фрагменты узких спиральных браслетов или развернутых перстней сегментарного сечения. 187 — Пронизка. 189 — Трубочка из тонкого бронзового листа. 193 — Спиральный перстень (рис. 14:*1*).

Из юго-западной краевой насыпи возле VIII оградки. 154 — Фрагм. ножа. 155 — Два куска железного шлака. 156 — Подковообразная фибула, украшенная эмалью (рис. 15:*1*). 157 — 17 фрагментов керамики, с примесью дресвы в тесте, некоторые со следами штриховки. Найдены на грунтовом песке. 158 — Булавка с конической головкой (рис. 15:*2*).

Из юго-восточной краевой насыпи возле VIII оградки. 194 — Фрагм. браслета (рис. 14:*3*).

Из IX оградки. 191 — Осколок кремня. 196 — Фрагм. большого косаря. 200 — Фрагменты ножа или косаря. 201 — Глазчатая фибула основной серии с «открытыми глазками» (рис. 14:*8*). 205 — Фрагмент спирального перстня, сегментарный в сечении.

Из северо-западной краевой насыпи возле X оградки. 172 — Фрагм. спирального браслета или развернутого перстня сегментарного сечения.

Из X оградки. 197 — Нож с немного выпуклой спинкой. 207 — Перстень, замкнутый (рис. 14:*2*). 208 — Глазчатая фибула эстонской серии, с «закрытыми глазками». 215 — Спиральный перстень, сегментарный в сечении. 217 — Фрагм. наконечника копья. Найден непосредственно под дерновым покровом. 218 — Фрагм. железной пинцетки. 219 — Перстень, замкнутый (типа рис. 13:*3*). 220 — Спиральный перстень, сегментарный в сечении, тонкий. 222 — Кольцеобразная головка железной булавки (?). Найдена возле восточной стенки.

3. ВЕЩИ ИЗ МОГИЛЬНИКА *B* В ЯБАРА[1]

(ИИ 3172:1—1164)

Из юго-западной краевой насыпи могильника. 1(962) — Перстень, замкнутый (типа рис. 16:*5*). 2(963) — Фрагм. браслета выпукло-вогнутого сечения (типа рис. 14:*3*). 3(935) — Фрагм. пластинчатого браслета с суживающимся концом, украшенным насечкой. 4(960) — Фрагм. браслета (типа рис. 14:*3*). 5(941) — Фрагм. жел. предмета. 6(940) — Обломок венчика глиняного сосуда.

Из I оградки. 7(934) — Глазчатая фибула южнобалтийской серии (типа рис. 13:*6*). 8(926) — Втульчатый топор (рис. 16:*4*). 9(967) — Спиральный перстень (?), развернутый, сегментарного сечения. 10(956) — Перстень, замкнутый (типа рис. 16:*5*). 11(957) — Фрагм. спирального перстня (?) сегментарного сечения, тонкий. 12(958) — Пронизка. 14(933) — Браслет с шишечками на концах (типа рис. 13:*10*). 15(953) — Спиральный пластинчатый перстень. 16(972) — Фрагм. спираль-

[1] В скобках обозначены номера по инвентарной описи, в данном случае не соответствующие номерам плана раскопок. Вследствие густоты находок в некоторых местах не было возможно отметить все находки на плане.

ного перстня сегментарного сечения. 17(969) — 2 фрагмента спирального перстня сегментарного сечения. 18(973) — Перстень, замкнутый (рис. 16:*6*). 19(979) — 2 фрагмента выпукло-вогнутого браслета (рис. 16:*7*). 20(982) — Фрагм. косаря (рис. 16:*3*). 21(983) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 22(964) — Пронизка. 23(980) — Глазчатая фибула южнобалтийской серии (типа рис. 13:*6*). 24(922) — Браслет с шишечками на концах (рис. 16:*2*). 25(927) — Фрагм. спирального перстня или браслета сегментарного сечения. 26(987) — Перстень, замкнутый (типа рис. 33:*3*).

Из юго-восточной краевой насыпи возле I оградки. 13(918) — Шило.

Из II оградки. 27(917) — Глазчатая фибула южнобалтийской серии типа рис. 13:*6*, но с более широкой ножкой. 28(916) — Перстень, замкнутый, треугольного сечения. 31(921) — Глазчатая фибула основной серии (рис. 16:*1*). 32(985) — Фрагм. косаря (типа рис. 16:*8*). 33(915) — Спиральный перстень, пластинчатый. 34(986) — Косарь (рис. 16:*8*). 35(988) — Фрагм. ножа с прямой спинкой. 36(992) — 2 фрагмента спирального перстня сегментарного сечения. 37(912) — Бронз. колечко. 39(996) — Фрагм. бронз. булавки. 40(995) — Фрагм. шила.

Из юго-восточной краевой насыпи возле II оградки. 29(914) — Фрагм. ножки глазчатой фибулы (типа рис. 13:*1*). 30(913) — 2 фрагмента глазчатой фибулы эстонской серии (типа рис. 13:*4*).

Из III оградки. 38(993) — Спиральный перстень (?), развернутый в колечко больших размеров, сегментарного сечения; украшен насечкой. 41(998) — Фрагм. спирального перстня или браслета сегментарного сечения. 42(1001) — Жел. булавка с кольцеобразной головкой (типа рис. 10:*3*). 43(1005) — Нож с выпуклой спинкой (рис. 17:*4*). 44(1003) — Нож (рис. 17:*3*). 45(1004) — Жел. булавка с кольцеобразной головкой (рис. 17:*2*). 46(999) — Браслет (типа рис. 23:*9*). 47(994) — Жел. булавка с кольцеобразной головкой (рис. 17:*1*). 48(911) — Глазчатая фибула южнобалтийской серии (типа рис. 13:*5*). 49(1002) — Жел. булавка с кольцеобразной головкой (типа рис. 10:*4*). 50(909) — Фрагм. пластинчатого браслета, свернутый перстнем. 51(910) — Бляшка, бронз. (рис. 17:*5*). 52(1013) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения, на конце украшен насечкой. 53(1017) — Пронизка. 54(1009) — Спиральный перстень из круглой проволоки, украшенный на концах насечкой. 55(1018) — Булавка с розеткообразной головкой и жел. стержнем. Головка покрыта оловом (рис. 17:*7*). 56(1023) — Браслет (рис. 17:*6*). 57(1011) — Стеклянная бусина с позолотой. 58(1019) — Арбалетная фибула (рис. 17:*8*). 59(1014) — Пинцетка, бронз. 60(1008) — Фрагм. жел. булавки. 61(1007) — Фрагм. жел. кольца (от головки булавки?). 62(905) — Двойная стеклянная бусина с позолотой. Найдена на стенке оградки.

Из IV оградки. 69(892), 70(893), 71(1039) — Стеклянные бусины с позолотой. Найдены на стенке оградки. 73(1029, 1030) — Бронз. цилиндрическая бусина и фрагменты спирального перстня сегментарного сечения. 74(1038) — Спиральный перстень сегментарного сечения с заостренными концами, украшенными насечкой. 75(1041) — Фрагм. ножа с прямой спинкой. 76(1048) — Двойная бусина с позолотой. 77(1153) — Фрагм. ножа. 78(1035) — Двойная бусина с позолотой. 79(1150) — Спиральный перстень, с внутренней стороны выпуклый, с наружной плоский, концы заострены, украшены насечкой. 80(1146) — Спиральный перстень сегментарного, почти треугольного сечения. 81(1149) — Спиральный перстень круглого сечения. 82(1047), 83(1147) — Стеклянные бусины с позолотой. 84(1159) — Пронизка. 85(1151) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 86(1140) — Фрагм. узкого спирального браслета (или развернутого перстня) треугольного сечения, украшен елочкой. 87(1143) — Браслет четырехгранного сечения (типа рис. 18:*11*). 88(1032), 91(1158), 92(1136), 93(1052) — Двойные стеклянные бусины с позолотой. 94(1053) — Жел. проволока, обмотанная бронзовой. 95(1027) — Стеклянная бусина с позолотой. 96(1058) — Пронизка. 97(1026) — Стеклянная бусина с позолотой. 98(1055) — Спиральный перстень сегментарного сечения, концы заострены и украшены насечкой. 99(1057) — Спиральный перстень круглого сечения. 100(1042) — Стеклянная бусина с позолотой. 101(1044) — Бляшка-скобочка (типа рис. 29:*2*). 102(1056) — Двойная стеклянная бусина. 103(1043) — Спиральный перстень из тонкой, круглой в сечении проволоки. 104(1062), 105(1049), 106(1046) — Стеклянные бусины с позолотой. 107(1051) — Пронизка. 108(1045) — Бронз. цилиндрическая бусина. 102, 103, 104, 107 и 108 найдены на стенке оградки. 109(1034) — Пронизка. 110(1036) — Стеклянная бусина с позолотой. 111(1024) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 112(1021) — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 113(1015) — Стеклянная бусина с позолотой (рис. 18:*6*). 114(1020) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 116(1025) — Бляшка-скобочка (типа рис. 19:*7*). 118(901), 119(896) — Стеклянные бусины с позолотой. 120(889) — Спиральный перстень сегментарного сечения.

Из северо-западной краевой насыпи возле IV оградки. 63(886) — Спиральный перстень сегментарного (почти треугольного) сечения, концы профилированы и украшены насечкой. 64(885) — Арбалетная фибула (рис. 18:*12*). 65(884) — Бляшка, жел., прямоугольная (от пряжки?). 66(894) — Фрагм. ножа. 67(881), 68(880) — Стеклянные бусины с позолотой.

Из юго-восточной краевой насыпи возле IV оградки. 121(895) — Стеклянная бусина с позолотой. 122(904) — Нож с выпуклой спинкой (типа рис. 17:*4*). 123(888) — Перекладчатая фибула, большая. В трубочке, образующей с нижней стороны щель, видна короткая бронзовая ось (рис. 18:*5*). 124(883) — Пронизка. 125(887) — 2 браслета: один сегментарного (рис. 18:*8*), другой четырехгранного сечения, с нанизанным спиральным перстнем (рис. 18:*11*). 126(899), 127(900) — Спиральные перстни сегментарного сечения. 128(898) — Спиральный перстень треугольного сечения. 130(902) — Фибула с расширенной головкой (рис. 18:*3*).

Из V оградки. 132(1145), 133(1061) — Стеклянные бусины с позолотой. 134(1117) — Фрагм. бусины из синего стекла. 135(1111) — Пронизка. 136(1139) — Перстень, замкнутый, сегментарного сечения, с орнаментом продольными желобками и насечкой. 137(1116) — Двойная стеклянная бусина. Найдена на стенке оградки. 138(1128) — Спиральный перстень круглого сечения. 139(1137) — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*). 140(1064) — Пластинчатый перстень с заходящими один на другой концами. Найден на стенке оградки. 141(1132) — Перстень, замкнутый (типа рис. 16:*5*). 142(1131) — Тетива арбалетной фибулы из треугольной в сечении проволоки. 143(1128) — Спиральный перстень круглого сечения. 144(1124) — Перстень, замкнутый, сегментарного сечения. 145(1082), 146(1065) — Стеклянные бусины с позолотой. 147(1067) — Спиральный перстень круглого сечения. 148(1125) — Перстень, замкнутый (типа рис. 28:*5*). 149(1127) — Перстень, замкнутый (типа рис. 25:*9*). 150(1063) — Спиральный пластинчатый перстень с суживающимися концами. 151(1138) — Фрагм. ожерелья: тройная бронз. бусина и пронизка на жел. проволоке (рис. 18:*7*). 152(1126) — Тонкая бронз. пластинка. 153(1070) — Фрагм. бронз. пронизки на жел. проволоке. 154(1113) — Булавка, бронз., от какой-то фибулы. 155(1066) — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 156(1059) — Стеклянная бусина с позолотой. 157(1108), 158(1099) — Спиральные перстни сегментарного сечения. 159(1110) — Стеклянная бусина с позолотой.

Из северо-западной краевой насыпи возле V оградки. 131(877) — Стеклянная бусина с позолотой. 165(838) — Фрагм. ножа с выпуклой спинкой. 166(845) — Фрагм. ножа с выпуклым лезвием. 167(848) — Перстень, замкнутый (типа рис. 25:*11*). 168(834) — Пряжка, жел. (рис. 18:*10*).

Из юго-восточной краевой насыпи возле V оградки. 129(897) — Стеклянная бусина с позолотой. 161(878) — Браслет, пластинчатый с суживающимися концами, свернут спиралью. 162(875) — Спиральный перстень сегментарного сечения, покрыт насечкой. 163(874) — Перстень типа рис. 14:*10*. 164(873) — Фибула с расширенной головой (рис. 18:*4*).

Из VI оградки: 171—176(1069, 826, 829, 831, 830, 835) — Двойные стеклянные бусины с позолотой. 178, 179(839, 836) — Стеклянные бусины с позолотой. 180(841) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 181(833) — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 182(827) — Бусина из янтаря, биконическая. 183(1081) — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*). 184(1084) — Фрагм. спирального перстня овального сечения. 185(1080) — Фрагм. бронзовой бляшки, украшенный маленькими кружками. 187(846) — Стеклянная бусина с позолотой. 188(1104) — Пронизка. 189(1094) — Спиральный перстень выпукло-вогнутого сечения. 190(1107) — Пронизка. 191(1075) — Фрагм. жел. булавки или шила. 193(1097) — Спиральный перстень с выпуклой внешней стороной и глубоким узким желобком на внутренней стороне. 195(1109) — Спиральный перстень сегментарного сечения; концы заострены и украшены насечкой. 196(1119) — Спиральный перстень, пластинчатый, с суживающимися концами, украшенными насечкой. 197(1089) — Стеклянная бусина с позолотой. 198(1101) — Спиральный перстень (типа рис. 12:*6*) с заостренными концами, украшенными насечкой. 199(872) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 200(1095) — Фрагм. спирального перстня, пластинчатый. 201(1083) — Спиралька и булавка какой-то фибулы. 202(1072) — Фрагм. браслета, пластинчатый, украшенный кружками и насечкой, свернутый перстнем. 203(1074) — Спиральный перстень сегментарного сечения, на концах украшен насечкой. 205(1079) — Фибула с расширенной головкой (рис. 18:*2*). 206(871), 207(870) — Спиральные перстни сегментарного сечения. 208(1076) — Спиральный перстень круглого сечения. 209(1071) — Фрагм. браслета или перстня, пластинчатый, тонкий. 210(857) — Стеклянная бусина с позолотой. Найдена на стенке. 216(808) — Фрагм. браслета сегментарного сечения, свернутый перстнем, со следами какого-то штрихового орнамента.

Из северо-западной краевой насыпи возле VI оградки. 169(852) — Привеска (рис. 18:*9*). 170(821) — Каменное долото из белого кремня (типа рис. 20:*13*, но меньше).

Из юго-восточной краевой насыпи возле VI оградки. 211(869) — Перекладчатая фибула со следами покрытия беловатым металлом (оловом?) на дужке (рис. 18:*1*).

Из VII оградки. 214(687) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 215(633) — Колечко, бронз., из покрытой желобками проволоки, как у оправы стеклышка на рис. 19:*6*. Диам. 2,2 см. 217(616) — Бронз. бусина. 218, 219(684, 819) — Фрагменты спиральных перстней сегментарного сечения. Найдены на стенке оградки. 220(567) — Пронизка. 221, 222(632, 824) — Стеклянные бусины с позолотой. 223(688)

— Фрагм. браслета (?) сегментарного сечения, украшен двумя продольными желобками, свернут кольцом. 224(645) — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 225(626) — Фрагм. бронз. четырехугольной поясной пряжки (?). 226(590) — Бронз. бусина (рис. 19:*3*). 227, 228(591, 617) — Стеклянные бусины с позолотой. 229(581) — Спиральный перстень (рис. 19:*11*). 230(577) — Фрагменты спирального перстня сегментарного сечения, на концах украшены насечкой. 231(606) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 232(619) — Тройная стеклянная бусина, маленькая, с позолотой. 233(665), 234(666) — Спиральный перстень сегментарного сечения, концы суживаются и украшены насечкой (рис. 19:*17*). 235(639), 236(653), 237(652) — Бусины с позолотой. 238(565) — Пряслице, костяное, полусферическое (типа рис. 31:*19*). 239(651) — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 240(635) — Спиральный перстень сегментарного сечения с суживающимися концами, украшенными насечкой. 241(618), 242(594), 243(664) — Бусины с позолотой. 247(640), 249(654) — Бусины с позолотой. 250(655) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 251(677) — Спиральный перстень сегментарного сечения, с профилированными концами. 252(679) — Стеклянная бусина с позолотой. 253(680) — Фрагм. тонкой бронзовой бляшки с орнаментом из кружков. 254(628). 255(623) — Стеклянные бусины с позолотой. 256(791) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 257(578) — Кусок янтаря. 258(644) — Спиральный перстень треугольного сечения, на концах украшен насечкой. 259(663) — Бронз. пронизка на жел. проволоке, один конец которой загнут крючком. 260(638), 261(613) — Стеклянные бусины с позолотой. 262(813) — Пронизка. 263(814) — Перстень, замкнутый (рис. 19:*24*). 264(820) — Спиральный перстень сегментарного сечения с заостренными концами. 265(825) — Пронизка. 266(817) — Фрагм. браслета сегментарного сечения, свернут перстнем. 267(637) — Перстень, замкнутый, узкий (типа рис. 33:*3*). 268(674) — Спиральный перстень (типа рис. 12:*6*). 269(675) — Браслет с двумя нанизанными на него перстнями (рис. 20:*5*). 272(656) — Стеклянная бусина с позолотой. 275(807), 276(856) — Стеклянные бусины, двойная и тройная, с позолотой. 277(851) — Пронизка. 278(786) — Костяное пряслице (типа рис. 31:*19*). 279(779) — Браслет с четырехгранным сечением (типа рис. 23:*5*, но у́же). 280(765) — Браслет, пластинчатый, тонкий. 281(751), 282(750), 283(752) — Стеклянные бусины с позолотой. 284(759) — Бронз. бусина (рис. 19:*2*). 285(753), 286(746), 287(709) — Стеклянные бусины с позолотой. 288(715) — Пронизка. 289(707) — Колечко, плоское, из тонкого бронз. листа. 290(710) — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 291(756) — Фрагм. перстня сегментарного сечения. 292(761), 293(762), 294(777), 295(778), 296(787) — Стеклянные бусины с позолотой. 297(783) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 298(773) — Пронизка. 299(774), 300(767) — Стеклянные бусины с позолотой. 301(771) — Фрагм. пластинчатого браслета, свернутый перстнем. 302(770) — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 303(766) — Фрагм. спирали и тетивы какой то фибулы. 304(776) — Спиральный перстень сегментарного сечения, концы украшены насечкой (как на рис. 19:*17*). 305(862) — Стеклянная бусина с позолотой. 306(863) — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*). 307(865) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 308(861) — Перстень, незамкнутый, сегментарного сечения, концы украшены поперечными линиями. 309(769) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 310(740) — Бронз. бусина. 311(733) — Бронз. бляшка (типа рис. 19:*1*). 312(731) — Пронизка. 313(736) — Фрагм. перстня сегментарного сечения. 314(737) — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 315(732) — Пронизка. 316(721) — Стеклянная бусина с позолотой. 317(723) — Бронз. бусина. 318(724) — Пронизка. 319(728) — Бронз. бляшка (рис. 19:*1*). 320(730), 321(729), 322(749) — Стеклянные бусины с позолотой. 323(758) — Пронизка. 324(722) — Фрагм. спирали и тетивы арбалетной фибулы. 325(739) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 326(719) — Стеклянная бусина с позолотой. 327(716) — Спиральный перстень выпукло-вогнутого сечения (типа рис. 12:*6*). 328(853) — Спиральный перстень сегментарного сечения с заостренными концами, украшенными насечкой. Найден на стенке оградки. 329(734) — Перстень, замкнутый (типа рис. 33:*3*). 330(748), 331(727) — Стеклянные бусины с позолотой. 333(772) — Пинцетка, бронз. (рис. 19:*14*). 335(781) — Стеклянная бусина с позолотой. 337(789), 338(801), 339(803) — Стеклянные бусины с позолотой и одна темносиняя, граненая (339). 340(864), 341(712) — Стеклянные бусины с позолотой. 342(726) — Игла (типа рис. 27:*9*). 343(720) — Фрагм. жел. пинцетки. 344(790) — Игла, бронз. 351(725) — Бляшка в виде продолговатой тонкой полоски жел. листа с загнутыми концами. 383(331) — Фрагм. ножа с выпуклым лезвием (типа рис. 26:7). 384(374), 385(375) — Стеклянные бусины с позолотой.

Из северо-западной краевой насыпи возле VII оградки. 212(641) — Двойная бусина с позолотой. 213(670) — Фрагм. спирали и тетивы арбалетной фибулы.

Из юго-восточной краевой насыпи возле VII оградки. 332(760) — Фрагм. широкого браслета, в сечении как на рис. 16:*7*. 345(754) — Пронизка. 346(738) — Бронз. бляшка, украшенная выпуклинами (рис. 20:*1*). 347(850) — Стеклянная бусина с позолотой. 348(858) — Бронз. проволока. 349(804) — Булавка с профилированной головкой (рис. 20:*12*). 350(859) — Пронизка. 352(854) — Фрагм.

широкого браслета, в сечении как на рис. 16:7. 353(860) — Спиральный перстень, пластинчатый, с заостренными концами, украшенными насечкой.

Из VIII оградки. 245(598) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения, украшен группами поперечных линий. 357(212) — Бронз. трубочка. 358(178) — Жел. проволока, обмотанная бронзовой (от фибулы?). 359(218) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 360(290) — Пронизка. 361(317) — Украшение (от шейной гривны?) в виде глазка из синего стекла в бронзовой оправе (рис. 19:*6*). 362(327) — Кусок бронз. проволоки, покрытой желобками, как на оправе предыдущего номера. 363(326) — Бронз. колечко. 364(360) — Каменное долото из белого кремня (рис. 20:*13*). 365(186) — Фрагм. браслета выпукло-вогнутого сечения (типа рис. 23:*9*, но шире), конец украшен поперечными желобками. 366(232) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 368(305) — Спиральный перстень сегментарного сечения, на концах украшен насечкой. 369(333) — Пуговка от большой арбалетной фибулы, украшенной колечками, и пронизка. 370(357) — Стеклянная бусина с позолотой. 371(309) — Дужка арбалетной фибулы (рис. 19:*9*), слегка выпукло-вогнутая в сечении. 372(241) — Пронизка. 373(244) — Узкая полоска бронз. листа. 374(224). 375(201) — Фрагменты спиральных перстней сегментарного сечения. 376(142) — Шип арбалетной фибулы (типа рис. 25:*10*), обмотанный спиралькой. 377(192) — Бронз. колечко из четырехгранной проволоки. 378(210) — 2 пронизки. 379(155) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 380(249) — Шип арбалетной фибулы, как № 376. 381(298) — Пронизка. 387(358) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 388(576) — Бронз. колечко из проволоки, покрытой желобками, как оправа стеклышка на рис. 19:*6*. 389(135) — Дужка арбалетной фибулы (типа рис. 19:*9*). 390(214) — Фрагм. спирали и булавки какой-то фибулы. 391(207) — Пронизка. 392(252) — Фрагм. перстня типа рис. 19:*22*, свернутый спиралькой. 393(169) — Осколок кремня. 394(128) — Бронз. трубочка. 395(133) — Тетива арбалетной фибулы. 396(145) — Фрагм. браслета выпукло-вогнутого сечения. 397(190) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 398(136) — Пронизка. 399(147) — Бронз. колечко и стеклянная бусина с позолотой. 400(170) — 2 фрагмента жел. булавки (?). 401(171) — Пронизка. 402(179) — Спиральный перстень (типа рис. 19:*19*). 403(182) — Фрагм. спирали фибулы на жел. оси. 405(191), 406(193) — Пронизки. 407(194) — Спиральный перстень (рис. 19:*16*). 409(204) — Жел. проволока, обмотанная бронзовой. 413(231) — Колечко, бронз. 414(247) — Фрагм. какого-то крупного жел. предмета. 415(148) — Спиральный перстень (?), свернутый спиралькой меньшего диаметра; сегментарный. 424(308) — Фрагм. спирали и обмотанный проволокой шип от арбалетной фибулы. 417(203) — Спиральный перстень (рис. 19:*10*). 418(185) — Спиральный перстень (?), несколько меньшего диаметра, чем обычно. 419(153) — Пронизка. 420(794) — Бронз. проволока сегментарного сечения, покрыта желобками с выпуклой стороны. 421(242) — Обмотанный проволокой шип от арбалетной фибулы (типа рис. 25:*10*). 422(253) — 5 фрагментов бляшки (типа рис. 20:*1*). 423(240) — Игла, бронз. (рис. 19:*13*). 424(308) — Фрагм. спирали и обмотанный проволокой шип арбалетной фибулы (типа рис. 25:*10*). 425(318) — Фрагм. широкого браслета с орнаментом (рис. 19:*25*). 426(372) — Стеклянная бусина с позолотой. 427(364) — Пронизка. 428(366) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 429(363) — Двойная стеклянная бусина с позолотой (рис. 19:*5*). 430(387) — Фрагм. спирали и булавки фибулы. 431(380) — Стеклянная бусина с позолотой. 432(385) — Бронз. бусина. 433(386). 434(370), 435(391) — Фрагменты спиралек арбалетных и других фибул, 433, 434 с обвитыми спиральками шипами. 426—435 найдены на стенке оградки. 436(389), 437(343) — Фрагменты спиральных перстней сегментарного сечения. 438(302) — Дужка арбалетной фибулы (типа рис. 19:*9*, только дужка с нижней стороны плоская). 439(304) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения и пронизка. 440(268) — Фрагм. ножа с выпуклым лезвием (типа рис. 31:*17*). 441(267) — Бусина из синего стекла, кольцеобразная. 442(338), 443(352) — Фрагменты спирального перстня и такой же перстень сегментарного сечения. 444(335) — Пронизка. 445(356) — Привеска, треугольная (рис. 19:*12*). 446(275) — Фрагм. дужки арбалетной фибулы как № 450. 447(273) — Пронизка. 448(272) — Спиральный перстень сегментарного сечения, украшен на конце группами поперечных линий. 449(263) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 450(258) — Дужка арбалетной фибулы типа рис. 19:*9*; дужка в сечении сегментарная. 451(278) — Дужка арбалетной фибулы (типа рис. 22:*9*, но граненая сверху, снизу плоская). 453(202) — Фрагм. плоского бронз. колечка. 454(256) — Фрагменты железных предметов, в том числе фрагм. втулки наконечника копья. 455(257), 456(262) — Пронизки. 458(399) — Фрагм. жел. булавки. Найден на стенке. 459(402) — Бляшка с чеканными выпуклинами по краю (рис. 19:*18*). 461(795) — Пряслице, костяное (типа рис. 31:*19*). 462(300) — Фрагм. браслета (типа рис. 31:*13*). 463(311) — Фрагм. бронз. колечка. 464(314) — Спиральный перстень сегментарного сечения, концы украшены насечкой. 465(350) — Фрагм. ножа. 467(376) — Фрагм. ножа с выпуклым лезвием. 468(384) — Фрагм. браслета, в сечении как на рис. 23:*5*. 469(409), 470(433) — Фрагменты спирального перстня и такой же перстень, в сечении сегментарные. 471(436) — Фрагм. шейной гривны типа рис. 20:*3*. 472(456)

— Спиральный перстень сегментарного сечения. 473(447) — 2 фрагмента шейной гривны (рис. 20:*2, 3*). 474(442) — 2 фрагмента бронз. проволоки. 475(439) — Фрагм. бронз. колечка. 476(469) — Спиральный перстень (рис. 19:*20*). 477(453) — Стеклянная бусина с позолотой. 478(478) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 479(494), 480(523) — Пронизки. 481(499), 482(519) — Бляшки-скобочки (типа рис. 29:*2*). Найдены на стенке оградки. 483(503) — Фрагм. браслета сегментарного сечения, конец украшен поперечными линиями. 484(501), 485(537), 486(539) — Спиральные перстни и фрагменты таковых, с сегментарным сечением. 487(512) — Дужка арбалетной фибулы (типа рис. 19:*9*). 488(497) — Фрагм. тонкой бронз. бляшки, украшенной выпуклинами. 489(476), 490(492) — Пронизки. 491(488) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 492(457) — Фрагм. браслета выпукло-вогнутого сечения. 493(434) — Нож (типа рис. 9:*6*). 494(458), 495(429) — Пронизки. 496(423) — Бронз. трубочка с тремя нанизанными колечками. 497(416) — Фрагм. шейной гривны типа рис. 20:*3*. 498(406) — Фрагм. спирали фибулы. 499(403) — Спиральный перстень (рис. 19:*19*). 500(392) — Дужка арбалетной фибулы с шипом (типа рис. 19:*9*). 501(411) — Бронз. колечко. 502(414) — Стеклянная бусина темного цвета, украшена желобками. 503(420) — Пронизка. 504(427) — Браслет сегментарного сечения, концы украшены как на рис. 31:*13*. 505(424) — 2 фрагмента спирального перстня сегментарного сечения. 506(425) — Фрагм. бронз. листа. 507(531) — Браслет (рис. 20:*4*). 508(546) — Спиральный перстень круглого сечения с заостренными концами. 509(555) — Бронз. бусина. 510(557) — Пронизка. 511(560) — Стеклянная бусина с позолотой. 512(559) — Нож с выпуклым лезвием (рис. 20:*11*). 513(562) — Бронз. колечко. 514(563) — Пронизка. 515(558) — Бронз. бляшка, украшенная выпуклинами. 516(426) — Спиральный перстень (типа рис. 19:*11*). 517(417) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 518(394) — Трубочка бронз., найдена на стенке оградки. 519(450) — Жел. скобка. 520(511) — Браслет (рис. 19:*15*). 521(536) — Перстень круглого сечения с соприкасающимися концами, один конец украшен насечкой. 522(799) — Фрагм. браслета (типа рис. 19:*15*). 550(124) — Фрагм. пластинчатого браслета, украшенного на концах кружками. 610(441) — 2 пронизки. 611(445) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 613(466) — Спиральный перстень, выпуклый с внутренней стороны, с внешней почти плоский. 615(473) — Эмалевая черная бусина с двумя желтыми глазками (рис. 19:*4*). 618(483) — Фрагм. дужки арбалетной фибулы типа рис. 25:*10*. Найден рядом с предыдущим номером. 619(486) — Жел. проволока, обмотанная бронзовой. 620(490) — Спиральный перстень (типа рис. 19:*16*). 622(518) — Спиральный перстень сегментарного сечения, на концах украшен насечкой (рис. 19:*8*). 623(535) — Дужка арбалетной фибулы (типа рис. 19:*9*).

Из северо-западной краевой насыпи возле VIII оградки. 354(282) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 355(175) — Фрагм. спирального перстня из проволоки круглого сечения, сплошь покрытой желобками. 356(174) — Фрагм. спирального перстня, пластинчатый, с заостренным концом.

Из юго-восточной краевой насыпи возле VIII оградки. 460(793) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 523(526), 524(550) — Фрагменты спиральных браслетов или развернутых перстней сегментарного сечения. 525(532) — Бусина из темносинего стекла с желтыми глазками. 526(547) — Стеклянная бусина с позолотой. 527(516) — Бляшка типа рис. 19:*1*. 528(449) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 529(446) — Арбалетная фибула типа рис. 31:*14*, но с удвоенной тетивой и более длинными шипами. 530(415) — Нож, небольшой. 624(798) — Браслет сегментарного сечения (типа рис. 20:*4*).

Из северо-восточной краевой насыпи могильника. 531(464), 532(1) — Осколок кремня. 533(8) — Браслет (или развернутый спиральный перстень), пластинчатый, с заостренными концами. 534(23) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 535(36) — Височное (?) украшение со свернутыми спиралью концами (рис. 20:*6*). 536(34) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 537(19) — Браслет сегментарного сечения, с немного покатой внешней поверхностью. 538(33) — Втульчатый топор большого размера. 539(14) — Спиральный перстень, развернутый, в середине имеет круглое сечение, на концах — сегментарное. 540(9) — Нож с выпуклым лезвием (рис. 20:*10*). 541(10) — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 543(2) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 544(7) — Спиральный перстень сегментарного сечения, концы украшены насечкой. 545(22) — Фрагм. браслета сегментарного сечения с покатой внешней поверхностью как на рис. 23:*5*. 546(16) — Перстень, пластинчатый, с суживающимися концами. 547(11) — Нож (возможно, типа рис. 9:*6*). 548(15) — Пронизка. 549(27) — Костяное пряслице типа рис. 31:*19*. 551(32) — Браслет сегментарного сечения (типа рис. 23:*8*). 552(28) — Фрагм. жел. пинцетки. 553(30) — Фрагм. браслета, пластинчатый, на конце украшен кружками. 554(31) — Бронз. трубочка. 555(29) — Спиральный перстень сегментарного сечения, развернутый. 556(25) — Фрагм. жел. втулки (наконечника копья?). 557(91) — 3 фрагмента спирального браслета (?) сегментарного сечения. 558(21) — Пронизка. 559(20) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 560(3) — Развернутый спиральный перстень сегментарного сечения. 561(6) — Пронизка. 562(5) — Фрагм. широкого

браслета (типа рис. 20:*9*). 564(44) — Фрагм. браслета, пластинчатый, свернутый трубочкой. 565(46) — Фрагм. жел. втулки (наконечника копья?). 566(47) — Фрагм. приемника булавки крупной фибулы. 567(48) — Браслет (рис. 20:*9*). 568(56) — Бляшка, четырехугольная, по углам с отверстиями для штифтиков, из которых один сохранился, украшена по краям насечкой. 569(61) — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 570(77) — Арбалетная фибула со звездчатой ножкой (рис. 20:*8*). 571(99) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения, очень тонкий. 572(112) — Перстень, замкнутый (рис. 19:*23*). 573(81) — Нож, маленький. 574(82) — Пронизка. 575(122) — Спиральный перстень круглого сечения, конец суженный. 576(73) — Пронизка. 577(80) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 578(109) — Фрагм. жел. кольца. 579(76) — Бусина из темносинего стекла. 580(103) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения, очень тонкий. 581(102) — Привеска, трапециевидная, украшенная выпуклинами (повидимому более позднего времени). 582(60) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 583(83) — Игла жел. 584(62) — Бронз. трубочка. 585(106) — Бронз. колечко от большой арбалетной фибулы типа рис. 37:*7*. 586(119) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 587(121) — Фрагм. спирального перстня, со следами плавления. 588(396) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 589(74) — Спиральный перстень, пластинчатый, с продольным желобком. 590(96) — Фрагм. ножа с выпуклым лезвием. 592(101) — Фрагм. втулки (наконечника копья?). 593(120) — Фрагм. шила. 594(37) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 595(397) — 2 фрагм. спирального перстня (рис. 19:*22*). 596(118) — Фрагм. спирального пластинчатого перстня. 597(117) — Спиральный перстень (рис. 19:*21*). 598(70) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 599(65) — Спиральный перстень типа рис. 19:*22*. 600(114) — Фрагм. браслета сегментарного сечения, широкий, на концах украшен двумя поперечными линиями и насечкой. 601(110) — Нож (рис. 20:*14*). 602(123) — Шейная гривна с расширяющимися концами (рис. 32:*7*). 603(84) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 604(85) — Фрагм. жел. булавки. 605(45) — Бронз. колечко. 606(40) — Бронз. проволока. 607(87) — Фрагм. черенка ножа. 608(105) — Бронз. проволока. 609(806) — Фрагм. бляшки типа рис. 20:*1*. 628(41) — 2 фрагмента жел. булавки (от фибулы?).

Подъемный материал. 90(1157) — Перстень, замкнутый (типа рис. 33:*3*). 115(1022) — Браслет (типа рис. 23:*5*). 117(1037), 158(1099), 177(1120), 192(1088), 248(648), 271(630), 336(788), 411(223), 591(98) — Спиральные перстни. 204(1090) — Перстень, замкнутый (типа рис. 33:*3*). 625(1160) — Фрагм. перстня с концами, завитыми спиралькой (типа рис. 25:*13*). 626(1161) — Точильный камень. 627(1164) — Осколок кремня. Найден в скоплении углей на грунтовом песке. 273(702) — Бронз. бусина. 274(711) — Стеклянная двойная бусина с позолотой.

4. ВЕЩИ ИЗ МОГИЛЬНИКА *Е* В ЯБАРА

(ИИ 2604:1—523)

Из оградки. 3 — Комок сплавленной бронзы. 4 — Фрагм. браслета выпукловогнутого сечения. 5, 6, 8 — Спиральные перстни сегментарного сечения с насечкой на концах. № 8 найден на стенке оградки. 9 — Бронз. проволока, согнутая хомутообразно. 10 — Фрагм. браслета (типа рис. 31:*13*), свернутый перстнем. Найден на стенке оградки. 12 — Бронз. проволока, как № 9. Найдена возле последнего. 13 — Жел. кольцо от конца черенка ножа, прикрытое крышечкой, в которой сохранился штифт с большой плоской головкой. На внутренней стороне остатки древесины. Найдено на стенке оградки. 14 — Пронизка. Найдена на стенке оградки. 19 — Фрагм. браслета типа рис. 23:*7*. 22 — Фрагм. браслета типа рис. 23:*9*, свернут перстнем. 23 — Нож (рис. 26:*6*). 24 — Спиральный перстень сегментарного сечения, на концах украшен насечкой. 25 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 27 — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 24, 25, 27 найдены на стенке оградки. 29 — Фрагм. ножки большой глазчатой фибулы. 31 — Браслет (?), узкий, сегментарного сечения, с заходящими друг на друга концами. 32 — Два фрагмента спирального браслета сегментарного сечения. 34 — Браслет сегментарного сечения, на концах украшен поперечными линиями. 35 — Браслет (?), как № 31. 37 — Небольшая тонкая треугольная бронз. пластинка, покрытая беловатым металлом (оловом?) (от ножки какой-нибудь фибулы); найдена возле № 35. 39 — Фрагм. шейной гривны (?) в виде круглой в сечении проволоки. 40 — Булавка жел., с биконической бронз. головкой с отверстием (рис. 25:*4*). 41 — Бронз. бляшка в виде двух сходящихся вершинами треугольников, состоящих из ряда выпуклин (рис. 25:*1*). 42 — Бронз. колечко, тонкое, плоское; найдено вместе с № 41. 43 — Фрагм. подковообразной фибулы с эмалью (типа рис. 28:*4*), со следами плавления. 44 — Нож типа рис. 28:*7*. 45 — 2 сплавившихся фрагмента бронз. вещей. 43, 44, 45 найдены вместе. 46 — Дужка арбалетной фибулы (типа рис. 19:*9*). 47 — 2 фрагм. тонкого спираль-

ного браслета сегментарного сечения; конец свернут трубочкой, как на рис. 9:*11*, но без орнамента. 48 — 15 фрагментов спирального браслета выпукло-вогнутого сечения, украшенных лентой из мелкой насечки, и конец браслета, украшенного поперечными линиями. Большей частью покрыты белой известковой массой. 49 — Нож типа рис. 26:*1*, но меньших размеров. 50 — Жел. проволока, обмотанная бронзовой. 51 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 52 — Фрагм. ножа с выпуклой спинкой. 51, 52 найдены на стенке оградки. 53 — Перекладчатая фибула. У головки трубочка, открытая с нижней стороны, в трубочке спиралька. На украшенной кружками и насечкой дужке следы покрытия фибулы беловатым металлом (рис. 22:*1*). 54 — Спиральный перстень из довольно толстой, сегментарной в сечении проволоки с суживающимися концами. 55 — Спиральный перстень из довольно толстой, сегментарной в сечении проволоки, украшен на концах, как браслет на рис. 31:*13*. Найден близ № 56. 56 — Жел. пинцетка, украшенная в двух местах поперечными линиями. 57 — Нож с выпуклым лезвием (типа рис. 26:*7*). Найден возле № 56. 58 — Браслет, массивный, шестигранный, (рис. 23:*1*). 59 — Браслет, замкнутый, с покатой поверхностью (рис. 23:*11*). 60 — Фрагм. шейной гривны (?). Круглая в сечении проволока диаметром в 3 мм. 61 — Бусина из темно-синего стекла, кольцеобразная. 62 — Тетива и спиралька от арбалетной фибулы (типа рис. 25:*10*). Найдены возле № 58. 63 — Нож, большой, со следами пребывания в огне (рис. 26:*1*). 64 — Нож типа предыдущего, но меньших размеров; найден вместе с предыдущим. 66 — Нож, как предыдущий, но без кольца на черенке. 67, 68 — Браслет замкнутый, в сечении как на рис. 23:*5*, и фрагм. браслета такого же сечения, со следами плавления. 69 — Фрагм. булавки большой подковообразной фибулы. 67—69 найдены вместе. 70 — Нож, небольшой, с приплавившимся к нему фрагментом бронз. булавки. 72 — Нож типа рис. 28:*7*. 73 — Принадлежности щита: фрагм. умбона, рукоятка и 4 фрагм. оковки (рис. 26:*2*, *3*, *9*). 74 — Профилированная фибула (рис. 22:*4*). Найдена возле № 73. 75 — Спиральный перстень из толстой проволоки сегментарного сечения, концы украшены одним широким и несколькими узкими желобками. 73—75 найдены вместе. 77 — Арбалетная фибула с обернутой ножкой и обвитыми спиралькой шипами (типа рис. 25:*10*). 78 — Фрагм. перстня типа рис. 19:*23*. 79 — Пронизка. 81 — Фрагм. спирального перстня из тонкой проволоки сегментарного сечения. 86 — Спиральный перстень сегментарного сечения с профилированными концами, украшенными насечкой. 87 — 2 фрагмента черенка ножа, на одном бронз. кольцо, украшенное по краям насечкой. 89 — Фрагм. ножа. 90 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 91 — Нож со следами пребывания в огне (рис. 26:*5*). 92 — Пронизка. 94 — Дужка арбалетной фибулы с обернутой ножкой (типа рис. 25:*10*). Найдена на стенке оградки. 95 — Фрагм. пластинчатого браслета, со следами плавления. Сохранившийся конец украшен крестовидным орнаментом и поперечными линиями. 96 — Браслет выпукло-вогнутого сечения (рис. 25:*14*). 97 — Ложкарь (рис. 26:*10*). 98 — Шляпкообразный конец шейной гривны (рис. 25:*2*). 100 — Большое число фрагментов бронзовых предметов, спекшихся вместе с известковой массой, в том числе 2 фрагмента браслета с пластинчатой средней частью и тонкими, украшенными поперечными линиями концами, из них один приставший к булыжнику, и ножка фибулы с расширенной головкой (примерно типа рис. 18:*4*). 101 — 2 фрагмента ножей; на черенке одного из них остаток железного кольца. 102 — Нож с выпуклым лезвием и прямым черенком (рис. 26:*7*). 104 — Пинцетка, жел. (рис. 23:*15*). 105 — 3 фрагмента ножа. 106 — Перстень, сегментарный в сечении, тонкий, концы заходят один на другой. 107, 108 — Фрагменты браслетов типа рис. 23:*5*. 109 — Фрагм. браслета типа рис. 24:*6*, со следами плавления. 110 — Фрагм. перстня типа рис. 19:*23*, частично расплавившийся, в комке белой известковой массы. 107—110 найдены вместе. 111 — Нож с длинным черенком (типа рис. 10:*11*, но с более длинным лезвием), со следами пребывания в огне. 112 — Глазчатая фибула эстонской серии, большая (типа рис. 24:2), в комке белой известковой массы с содержанием кальцинированных костей. 113 — Спиральный перстень круглого сечения. 114 — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*). 113 и 114 пристали к комку белой массы, упомянутому под № 112. 116 — Перстень, замкнутый, со следами плавления (рис. 25:*12*). 117 — Браслет сегментарного сечения. 118 — Браслет типа рис. 24:*6*. 119 — 2 фрагмента браслета типа рис. 23:*5*. 120 — Браслет (рис. 23:*7*). 121 — Браслет типа рис. 23:*5*. 122 — Браслет типа рис. 23:*11*. 121, 122 найдены вместе. 124 — Дужка арбалетной фибулы с обернутой ножкой и шипом, обмотанным спиралькой (как у фибулы на рис. 25:*10*); дужка сегментарная в сечении. 125 — Нож с длинным черенком, на котором надето кольцо; лезвие с прямой спинкой. 126 — Фрагменты бронзовых изделий, сплавившихся с комками известковой массы и кальцинированными костями. Среди фрагментов поддаются определению: фрагм. браслета, с сечением как на рис. 23:*5* и широкий замкнутый перстень (типа рис. 19:*23*). 124—126 найдены вместе. 127 — Перстень, замкнутый (рис. 25:*9*). 128 — Фрагм., шейной гривны (должно быть, типа рис. 10:*21*) со следами какого-то орнамента. 129 — Фибула с симметрическими концами и высокими гребнями в середине (рис. 24:*3*). 130 — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*), спекшийся с кальцинированными костями и белой известковой массой. 131 — Браслет (рис. 23:*6*). 132 и 133 — Браслеты типа рис. 24:*6*. 134, 135 — Фраг-

менты браслетов типа рис. 23:*5*. 136 — 2 браслета типа рис. 23:*5*, приплавившиеся друг к другу. 137, 138 — Фрагменты шейных гривен в виде круглой в сечении проволоки толщиной в 2,5 и 4—5 мм. 133—138 найдены вместе. 139 — 3 фрагмента шейной гривны в виде круглой в сечении проволоки. Один фрагмент заканчивается сцепленными друг с другом концами гривны с коническими шляпками, как у гривны на рис. 23:*2*. 140 — Нож, большой, с длинным черенком; найден вместе с № 139. 142 — Браслет, массивный с шестигранным сечением (рис. 23:*13*). 143 — Спиральный перстень сегментарного сечения; на одном конце следы насечки. 142, 143 найдены вместе. 144 — Шейная гривна с коническими шляпками на концах, орнамент плохо виден под беловатой известковой массой, покрывающей гривну (рис. 23:*2*). 145 — Фрагм. шейной гривны в виде круглой в сечении проволоки диаметром 3 мм. 146, 147 — Браслеты, замкнутые, как на рис. 23:*11*, но с сечением как у браслета на рис. 23:*5*. 148 — Браслет (рис. 23:*5*). 149 — 3 фрагмента браслетов, из них два с сечением как на рис. 23:*5*, а третий от шестигранного браслета (типа рис. 23:*13*). 145—149 — найдены вместе. 151 — Фрагм. бронз. проволоки (от шейной гривны?) с приплавившимся фрагментом бронз. пластинки. 152 — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*). 153 — Ножка фибулы, должно быть типа фибул с расширенной головкой, как на рис. 18:*4*. 154 — Фрагм. браслета с сечением, как у браслета на рис. 23:*7*. 152—154 найдены вместе. 156 — Сплавившийся комок бронзы. 157 — Фрагм. большой фибулы; ось с остатками покрывающей ее трубочки и с булавкой. 156, 157 найдены вместе. 158 — Фибула с пластинчатой, треугольной ножкой и заключенной в трубочку спиралькой (рис. 23:*4*). 159 — Фрагм. ножки большой глазчатой фибулы (типа рис. 24:*1*). 160 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 161 — Фрагм. дискообразной фибулы с ромбическими выемками, заполненными в свое время эмалью (рис. 22:*8*). 162 — Арбалетная фибула типа рис. 25:*10*. Найдена возле фрагмента № 161. 163 — Дужка арбалетной фибулы типа рис. 19:*9*; сама дужка в сечении сегментарная. 164 — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 165 — Браслет, изогнутый и поломанный на два фрагмента; в сечении, как на рис. 23:*8*; украшен группами поперечных линий. 166 — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 164—166 найдены вместе. 167 — Спиральный перстень, сегментарный в сечении, на концах насечка. 168 — 5 комков сплавившейся бронзы. 169 — Браслет типа рис. 23:*5*, с сомкнутыми концами. 170—171 — Фрагменты трех браслетов типа рис. 23:*5* со следами плавления. 172 — Подковообразная фибула типа рис. 28:*4*, с остатками эмали; покрыта густым слоем белой известковой массы. 169—172 найдены вместе. 173 — Браслет типа рис. 23:*9*. 174 — Браслет, замкнутый, с сечением как на рис. 23:*5*. 176 — Арбалетная фибула с обернутой ножкой и шипами, обвитыми спиралькой (рис. 25:*10*). 177 — Браслет типа рис. 23:*5*. 178—179 — Браслеты типа рис. 23:*11*; найдены вместе с предыдущим номером. 180 — Фрагм. браслета выпукло-вогнутого сечения. 181 — Фрагм. фибулы типа Тюрсамяэ; покрыт толстым слоем белой массы. На пуговках, украшающих фибулу, сохранились следы эмали; в гребне — глубокий желобок, который в свое время, может быть, также был заполнен эмалью (рис. 23:*3*). 182 — Височное (?) украшение типа рис. 29:*4*. Найдено возле предыдущего номера. 183, 184 — Браслет и фрагм. браслета типа рис. 23:*5*. 185 — 2 фрагмента браслетов, должно быть типа рис. 23:*13*. 183—185 найдены вместе. 186 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 188 — Булавка какой-то фибулы вместе со спиралькой на железной оси. 189 — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения; конец суживается и украшен насечкой. 190 — Спиралька крупной (поздней глазчатой?) фибулы, частью сплавлена. 191 — Браслет (рис. 23:*8*). 192 — Фрагм. браслета типа рис. 24:*5*. 193 — Фрагм. браслета сегментарного сечения со следами плавления. 194 — Фрагм. браслета типа рис. 24:*6*. 195 — Фрагм. браслета, в сечении как на рис. 23:*8*, украшен группами поперечных линий (как на рис. 17:*6*). 194, 195 найдены вместе. 196 — Браслет типа рис. 23:*7*. 197—198 — Браслеты сегментарного сечения (типа рис. 23:*8*), покрытые известковой массой. Найдены вместе. 199 — 2 перстня, один в другом: наружный замкнутый, внутренний спиральный (рис. 25:*11*). 200 — Браслет ромбовидного сечения (рис. 23:*14*). Найден вместе с предыдущим. 202 — Спиральный перстень трехгранного сечения, один конец украшен насечкой. 203 — Спиральный перстень: проволока снаружи плоская, с внутренней стороны выпуклая, сохранившийся конец заострен. 202—203 найдены вместе. 204 — Ножка большой глазчатой фибулы (рис. 24:*1*). 205 — Фрагм. шейной гривны (?) в виде тонкой круглой проволоки. 206 — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 207 — Перстень с пластинчатыми концами, заходящими один на другой. 206, 207 найдены вместе. 208 — Бронз. бусина на жел. проволоке. 209 — Спиральный перстень, деформированный огнем. 210 — 2 фрагмента перстня типа рис. 19:*23*, со следами плавления. 211 — 3 фрагмента спирального перстня сегментарного сечения, конец одного из них украшен насечкой. 208—211 найдены вместе. 212 — Спиральный перстень треугольного сечения. 213 — Фрагм. широкого, тонкого браслета сегментарного сечения. 214 — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 215 — Фрагм. шестигранного браслета (типа рис. 23:*13*). 213—215 найдены вместе. 216 — Фрагм. браслета выпукло-вогнутого сечения, тонкий. 217 — Булавка (рис. 25:*5*). 219 — Фрагм. четырех сплавившихся

браслетов, как на рис. 23:*10*. 220 — Фрагм. ножа. 221 — Фрагм. височного (?) украшения типа рис. 29:*4*, украшен кружками. От этого же предмета происходит и фрагм. № 230. 222 — Спиральный перстень из тонкой сегментарной в сечении проволоки; концы украшены насечкой, расположенной в три группы. 223 — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 224 — Спиральный перстень выпукло-вогнутого сечения с суживающимися концами, украшенными диагональной насечкой. 225 — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*). 226 — Фрагм. сплавившейся бронзы. 227 — Спиральный перстень сегментарного сечения с суживающимися концами. 228 — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 227, 228 найдены вместе. 229 — Дужка арбалетной фибулы (рис. 22:*9*). 230 — Фрагм. височного (?) украшения (см. № 221). Найден на месте № 227, но несколько выше. 231 — Фрагм. браслета слегка выпукло-вогнутого сечения. 232 — Фрагм. бронзового наконечника рога для питья (рис. 26:*4*). 233 — Фрагм. ножа. 234 — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 235 — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*). 236 — Фрагм. браслета со следами плавления, покрытый толстым слоем белой известковой массы. 237 — Фрагм. браслета, в сечении как на рис. 23:*8*. 238 — Спиральный пластинчатый перстень с суживающимися концами, украшенными насечкой. 248 — Фрагм. браслета типа рис. 23:*9*. 249 — Браслет типа рис. 23:*5*. 250 — Браслет типа рис. 23:*8*, но несколько толще. Найден вместе с № 249. 251 — Бронзовая круглая пластинка со следами покрытия белым металлом и с отпечатками наложенного на нее плоского тонкого кольца, от которого сохранился фрагмент. 252 — Кость со следами обработки. 253 — Браслет типа рис. 23:*13*, но овальный в сечении. 255 — Фрагм. ножа. 256 — Браслет сегментарного сечения (типа рис. 23:*8*). Найден вместе с № 255. 257 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 258 — Дужка арбалетной фибулы (типа рис. 19:*9*). 259 — Спиральный перстень из тонкой пластинчатой проволоки; найден вместе с № 258. 260 — Перстень (?), незамкнутый, выпукло-вогнутого сечения. Один конец украшен поперечными линиями. 261 — Браслет пластинчатый, украшен по краям желобками; ко внутренней стороне браслета пристали остатки бересты (рис. 23:*12*). 263 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 264 — Бляшка, прямоугольная, бронз. 265 — Пронизка. 266 — Спиральный перстень сегментарного сечения, на концах украшен насечкой. 267 — 4 фрагмента спирального перстня выпукло-вогнутого сечения (типа рис. 12:*6*). 268 — Фрагм. булавки большой подковообразной фибулы, со следами плавления. 269 — Спиральный перстень, сегментарный в сечении, с заостренными концами, украшенными широкими желобками. 273 — Фрагм. браслета выпукло-вогнутого сечения. 274 — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*). 275 — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 276 — Фрагм. жел. иглы. 277 — Браслет сегментарного сечения (типа рис. 23:*8*). 278 — Пронизка. 279 — 2 фрагмента браслета сегментарного сечения и два комочка сплавленной бронзы. 280 — Фрагм. браслета с несколько покатой поверхностью (типа рис. 23:*11*). 281 — Фрагм. браслета типа рис. 23:*8*, украшенный группами поперечных линий. 282 — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 281, 282 найдены вместе. 283—285 — Фрагменты браслетов, спекшихся по два, по три и по шести (рис. 23:*10*). Ко внутренней стороне фрагментов пристали комочки сплавившейся бронзы и обломки кальцинированных костей. 286 — Большой комок сплавившихся бронзовых вещей, среди которых можно различить фрагменты двух или трех браслетов (типа рис. 23:*10*), припекшиеся к нижней челюсти человека. 287—290 — Фрагменты сплавившихся бронзовых вещей. 283—290 найдены вместе. 291 — Обвитый спиралькой шип арбалетной фибулы типа рис. 25:*10*. Найден на стенке оградки. 292 — Головка жел. заклепки, в виде четырехугольной, немного выпуклой пластинки с отверстием посередине; найдена вместе с предыдущим номером. 294 — Браслет (рис. 24:*5*). 295 — Спиральный перстень из толстой проволоки сегментарного сечения. 297 — Спиральный перстень со следами плавления и ряд фрагментов сплавившихся бронз. предметов, из которых некоторые припеклись к обломкам кальцинированных костей. 299 — Фибула с расширенной головкой, большая, деформированная огнем (типа рис. 22:*2—3*). 300 — Глазчатая фибула эстонской серии, большая (рис. 24:*2*). 301 — Зуб собаки. 302 — Фрагмент ножа. 303 — Фрагм. браслета шестигранного сечения. 304 — Подковообразная фибула с остатками эмали и со следами воздействия огня (рис. 22:*5*). 305 — Бусина из эмали кирпичного цвета с углублениями, из которых в одном сохранился глазок в виде белого кружка с черной серединой. 306 — Пронизка. 307 — Фрагм. узкого браслета прямоугольного сечения. 308 — 2 фрагмента браслета, в сечении как на рис. 23:*9*. 309—311 — Большое число фрагментов спиральных перстней сегментарного сечения со следами плавления. Вещи 307—311 найдены на площади примерно в 30 × 30 см. 312 — Фибула с расширенной головкой типа рис. 22:*2*, но несколько меньших размеров. Найдена возле фрагмента браслета № 283. 313 — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 314 — Фрагм. спирального перстня (?) сегментарного сечения. 315 — Браслет типа рис. 24:*6*. 314, 315 найдены вместе. 316 — Стеклянная бусина с позолотой, найдена при бусине № 305. 317 — Бляшка в виде тонкой пластинки с выпуклинами, свернутой в трубочку. Найдена вместе с бусиной № 316. 318 — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 320 — Стеклянная бусина с позолотой, 321 — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*). 324 — Двойная

стеклянная бусина с позолотой. 325 — Пронизка. 326 — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 329 — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 330 — Фрагм. спирального перстня (?) сегментарного сечения. 331 — Стеклянная бусина с позолотой. 332 — Пронизка. 333 — Черенок ножа с выпуклым лезвием (типа рис. 31:*18*). 335 — Пронизка. 336 — Булавка (?), бронз., в виде заостренной с обоих концов проволоки, длиной 4,2 см. 335, 336 найдены вместе. 338 — 4 фрагмента сплавившихся бронз. предметов, с припекшимися осколками костей. 339 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 340 — Тройная стеклянная бусина с позолотой. 341 — Фрагм. спирального перстня типа рис. 14:*10*. 343 — Фрагм. спирали и тетивы арбалетной фибулы типа рис. 25:*10*. 345 — Спиральный перстень сегментарного сечения, на концах украшен елочкой. 347 — Спиральный перстень из круглой в сечении проволоки. 348 — Фрагм. должно быть от дужки большой глазчатой фибулы. 349 — Фрагм. ножки большой глазчатой фибулы. 350 — Фибула с расширенной головкой (рис. 22:*3*). 351 — Трубочка из тонкого бронз. листа. 352 — Фрагм. фибулы с расширенной головкой (типа рис. 22:*2*), деформированный огнем. 353 — Перстень, замкнутый (типа рис. 25:*7*). 352, 353 найдены вместе. 355 — Ножка фибулы (типа фибул с расширенной головкой). 356 — 4 фрагмента спирального перстня сегментарного сечения. 357 — Двойная бусина с позолотой. 359 — Головка большой глазчатой фибулы. Найдена там же, где и фрагмент ножки фибулы № 349, но несколько глубже (от той же фибулы). 360 — Фрагм. браслета типа рис. 23:*5*, свернутый перстнем. 361 — Комок сплавившейся бронзы. 362— Фрагм. браслета сегментарного сечения. 363 — Комки сплавившейся бронзы. 364 — 2 фрагмента шейной гривны, скрученные из трех толстых проволок. 365 — Фрагм. замкнутого перстня, спекшийся с фрагментами спирального перстня. 366 — Перстень, замкнутый (типа рис. 25:*12*), деформированный огнем. 367—368 — Пронизки. 369 — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*). 370, 371 — Фрагменты спирального браслета или перстня сегментарного сечения, тонкие, шириной 4 мм. Найдены вместе. 374 — Фрагм. сплавившегося бронз. предмета. 375 — Фрагм. цепочки из колечек трехгранного сечения. 376 — Фрагм. браслета типа рис. 23:*5*, но несколько уже. 379 — Фрагм. сплавившегося бронз. предмета с припекшимся осколком кости. 381 — Перстень (рис. 25:*7*), деформированный огнем. 382 — Браслет типа рис. 23:*9*. 383 — Спиральный перстень сегментарного сечения с суживающимися концами. 384 — Привеска (рис. 25:*8*). 385 — Фрагм. браслета (?) как №№ 370, 371, со следами плавления. 387 — Фрагм. браслета выпукло-вогнутого сечения со следами плавления. Найден возле предыдущего номера. 388 — Фрагм. пластинчатого браслета, свернутый спиралькой. 389 — Колечко от оправы бляшки как на рис. 19:*6*. 390 — Фрагм. височного (?) украшения типа рис. 29:*4*. Найден возле браслета 382. 391 — Фрагм. перстня типа рис. 14:*10*. 393 — Нож типа рис. 28:*7* со следами воздействия огня. 395 — Спиральный перстень круглого сечения с заостренными концами. 396 — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 397 — Спиральный перстень, примерно типа рис. 19:*19*. Концы украшены широким желобком и насечкой по обеим сторонам последнего. 398 — Фрагм. перстня с концами, завитыми спиральками (рис. 25:*13*). 399 — Фрагм. спирали и тетивы арбалетной фибулы (типа рис. 25:*10*). 398—400 найдены вместе. 400 — Пронизка. 401 — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения, тонкий. 407 — Браслет сегментарного сечения со следами орнамента как на рис. 17:*6*. 408 — 2 фрагмента браслета выпукло-вогнутого сечения, тонкие, шириной 9 мм. Один из них на конце украшен поперечными линиями. Найдены возле № 377. 409 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 410 — Фрагм. плоского колечка из тонкого бронз. листа, диам. 4 см. 411 — Спиральный перстень типа рис. 19:*8*. 412 — Пронизка. 416 — Фрагм. ножки большой глазчатой фибулы. 418 — Фрагм. браслета выпукло-вогнутого сечения, свернутый перстнем. 419 — Фрагм. спирали и тетивы какой-то фибулы, со следами плавления. 420 — Фрагм. пластинчатого браслета; конец украшен поперечными линиями. 422 — Спиральный перстень (типа рис. 19:*8*). 423 — Фибула с расширенной головкой (рис. 22:*2*); найдена около предмета № 410. 425 — Фрагм. цепочки, как № 375. 426 — Пронизка. 427 — Спиральный перстень сегментарного сечения, с профилированными концами. 428 — Фрагм. цепочки, как № 375. 430 — Фрагм. браслета типа рис. 23:*7*. Составляет один браслет вместе с фрагментом № 435. Браслет был, повидимому, преднамеренно выпрямлен и поломан. 434 — Тройная стеклянная бусина с позолотой. 435 — Фрагм. браслета (см. № 430). 439 — Браслет выпукло-вогнутого сечения; один конец украшен тремя кружками. 442 — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 443 — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 447 — Пронизка. Найдена на стенке оградки. 448 — Фрагм. оправы бляшки как на рис. 19:*6*. 450, 451 — Стеклянные бусины с позолотой. 452 — Спиралька арбалетной фибулы (?). 453 — Пронизка. 451—453 найдены вместе. 455 — Спиральный перстень треугольного сечения, с профилированными концами. Найден на стенке оградки. 458 — Фибула с трехлопастной ножкой (рис. 24:*4*); на ножке следы покрытия белым металлом. Найдена на стенке оградки. 460 — Бусина из синего стекла. Найдена на стенке оградки. 461 — Спиральный перстень типа рис. 19:*19* с профилированными концами. 462 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 463 — Два куска сплетенной проволоки. 468 — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 469 —

Пронизка. 471 — 2 стеклянные бусины с позолотой. 472 — 2 фрагмента большой глазчатой фибулы эстонской серии (типа рис. 24:*2*). 473 — Булавка какой-то фибулы. 471—473 — найдены на стенке оградки. 476 — Тройная стеклянная бусина с позолотой.

Из юго-восточной краевой насыпи оградки. 457 — Пронизка. 464 — Спиральный перстень сегментарного сечения. Найден на стенке оградки. 465 — Тройная стеклянная бусина с позолотой. 466 — Колечко бронз. 468 — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 470 — Арбалетная фибула типа рис. 19:*9*, но сегментарная в сечении, с двойной тетивой из очень тонкой проволоки. 474 — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 475 — Булавка (рис. 25:*6*). 477 — Арбалетная фибула с длинными шипами на концах оси, обмотанными спиралькой. Такой же шип был, повидимому, и на головке. Тетива двойная, крученая (рис. 22:*6*). Найдена при скелете. 479 — Большая арбалетная фибула с обернутой ножкой (типа рис. 32:*7*). 480 — Браслет сегментарного сечения, на концах украшен поперечными линиями и кружками. 481 — Спиральный перстень сегментарного сечения, на концах украшен насечкой, расположенной в две группы. 483 — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 484 — Стеклянная бусина с позолотой. 485 — Спиральный перстень сегментарного сечения с заостренными концами. 486 — Фрагм. перстня выпукло-вогнутого сечения. 487 — Две пронизки. 483—487 найдены вместе. 488 — Арбалетная фибула типа рис. 31:*14*, но с более длинными шипами. 489 — Фрагм. перстня типа рис. 25:*13*. 490 — Стеклянная бусина с позолотой. Найдена вместе со следующим номером. 491 — Спиральный перстень сегментарного сечения, тонкий, с заостренными концами, украшенными насечкой. 493 — Стеклянная бусина с позолотой, плоская, овальная, на концах высокие ранты. 494 — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 495 — Спиральный перстень сегментарного сечения, на концах украшен насечкой. 496—498 — Пронизки. 499 — Стеклянная бусина с позолотой. 493—499 найдены вместе. 500 — 2 фрагмента браслета типа рис. 14:*3*. 501 — Жел. гребень (рис. 26:*8*). 502 — Браслет сегментарного сечения, на концах украшен как браслет на рис. 31:*13*. 503 — Кольцо, плоское, из тонкой бронз. пластинки. 502, 503 найдены вместе. 504 — Пронизка. 505 — Фрагм. цепочки (как № 375). 506—508 — Бусины с позолотой. 509 — Бусина из янтаря, кольцеобразная, диам. 1,8 см. 504—509 найдены вместе. 510 — Арбалетная фибула типа рис. 31:*14*, но с более длинными шипами. 512 — Браслет типа рис. 31:*7*, но без орнамента. 513 — Фрагм. спирального перстня из тонкой сегментарной в сечении проволоки. 514 — Перстень выпукло-вогнутого сечения (типа рис. 28:*5*). 515 — Швейная игла, жел. 516 — Дужка арбалетной фибулы, украшенной колечками (рис. 22:*10*). 518 — Пронизка. 520 — Дужка глазчатой фибулы южно-балтийской серии (типа рис. 13:*6*). 521 — Бляшка (рис. 25:*3*). Найдена возле внешней стенки оградки.

Из юго-западной краевой насыпи. 175 — Браслет типа рис. 23:*9*. 262 — Ажурная дискообразная фибула, на поверхности которой сохранились следы покрытия беловатым металлом (рис. 22:*7*). 254 — Фрагм. шила. 271 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 337 — Спиральный перстень сегментарного сечения, тонкий. 454 — Спиральный перстень типа рис. 12:*6*; на концах орнамент елочкой.

Из северо-западной краевой насыпи. 1, 2 — Пронизки. 17 — Арбалетная фибула типа рис. 25:*10*, но без четырехугольных профилировок на дужке. 21 — Браслет с нанизанным на него перстнем (рис. 23:*9*). Найден между нижними конечностями скелета. 28 — Спиральный перстень из толстой сегментарной в сечении проволоки шириной до 3 мм; концы суживаются и украшены насечкой. 38 — Арбалетная фибула с шипами, обвитыми спиралькой (типа рис. 25:*10*), но без четырехугольных профилировок на дужке. На ножке древняя починка: исходящая из ножки проволока поломалась и конец ножки прикреплен к дужке особой проволокой. Найдена при скелете.

Из северо-восточной краевой насыпи. 7 — Комок сплавившейся бронзы.

Подъемный материал. 243 — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 244 — Спиральный перстень из толстой проволоки сегментарного сечения, концы украшены насечкой. 246—247 — Кольца от оправы бляшки как на рис. 19:*6*; диам. внешнего кольца 2,1 см. 322 — Стеклянная бусина с позолотой. 323 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 522 — Фрагм. пластинчатого браслета.

ПОДЪЕМНЫЙ МАТЕРИАЛ ИЗ ЯБАРА

Помимо вещей, полученных при раскопках, на территории могильников в Ябара собрано еще значительное количество подъемного материала, обнаруженного при распашке края могильников и при других земляных работах. Ниже приводится перечень важнейших предметов.

Из вещей, поступивших в музей в 1925 г. (ИИ 2571:1—4). 1 — Глазчатая фибула эстонской серии. 2 — Дужка глазчатой фибулы южнобалтийской серии. 3 — Браслет типа рис. 17:*6*. 3—4 — Перстни, замкнутые, массивные, овального сечения.

Из вещей, поступивших в музей в 1932 г. (ИИ 2834:1—54). 1 — Глазчатая фибула основной серии с «открытыми глазками». 2 — Головка глазчатой фибулы эстонской серии типа рис. 29:*10*. 3—6 — Глазчатые фибулы южнобалтийской серии. 7 — Фрагм. жел. перекладчатой фибулы VIII—IX вв. с пластинчатой дужкой и накладкой из тонкого бронз. листа. 8—9 — Арбалетная фибула и фрагм. таковой типа рис. 25:*10*. 10, 18 — Фрагм. спиралек от фибул. 19 — Шейная гривна типа рис. 30:*3*. 20 — Височное (?) украшение типа рис. 29:*4*. 21 — Браслет сегментарного сечения. 22 — Браслет с шишечками на концах типа рис. 13:*10*. 23—24 — Браслеты сегментарного сечения. 26 — Спиральный перстень треугольного сечения; растянут. 27 — Перстень с соприкасающимися концами, тонкий, выпукло-вогнутого сечения. 28—30 — Перстни, замкнутые, массивные. 31—34, 36—45 — Спиральные перстни и фрагменты таковых. 46 — Спиральный перстень типа рис. 14:*10*. 47—50 — Фрагм. спиральных перстней. 51 — Бронз. поясная пряжка, овальная. 52 — Нож с выпуклым лезвием (типа рис. 31:*17*). 53 — 3 бусины из темносинего стекла, большие, призматические. 54 — Спиральный перстень.

Некоторые вещи поступили в музей в 1938 г. с пометкой, что они найдены при распашке земли на территории дер. Молдова. Так как эта деревня находится в непосредственной близости от Ябараских могильников и так как на территории самой деревни Молдова могильников не обнаружено, то можно считать достоверным, что вещи происходят именно из Ябараских могильников (ИИ 3737:1—38). Эти вещи следующие. 1—3 — Глазчатые фибулы эстонской серии. 4—5 — Глазчатые фибулы основной серии. 6 — Глазчатая фибула южно-балтийской серии. 7 — Фрагм. глазчатой фибулы. 8 — Фибула с тонкой дужкой и пластинчатой треугольной ножкой. 9—16 — Перстни, замкнутые, массивные. 17—19 — Спиральные перстни. 20 — Фрагм. браслета сегментарного сечения, свернут перстнем. 21 — Бубенчик, бронз. 22—23 — Браслеты с шишечками на концах, типа рис. 13:*10*. 24 — Фрагм. шейной гривны, скрученной из трех проволок с петлей на конце. 25 — Фрагм. пластинчатого спирального браслета. 26 — Фрагменты тонкого браслета выпукло-вогнутого сечения типа рис. 14:*3*. 27—28 — Фрагм. браслетов сегментарного сечения. 29 — Фрагм. тетивы большой арбалетной фибулы (?). 30 — Жел. браслет (?) круглого сечения с суживающимися концами, заходящими один на другой. 37 — Бляшка-скобочка типа рис. 19:*7*. 38 — 2 бусины из темносинего стекла, граненые.

5. ВЕЩИ ИЗ МОГИЛЬНИКА В ПАДА

(ИИ 2655:1—490)

Из I оградки. 470 — Комок сплавившейся бронзы. 471 — Глазчатая фибула эстонской серии с «закрытыми глазками», тонкая, с высоким, тонким гребешком. 472 — Фрагменты железных предметов. 473 — Перстень, замкнутый (типа рис. 16:*5*). 474 — Фрагм. пластинчатого браслета (позднего времени).

Из II оградки. 1—3 — Фрагменты жел. предметов. 4, 5 — Глазчатые фибулы эстонской серии (рис. 27:*7*, *1*). 7 — Перстень, замкнутый (типа рис. 16:*6*). 8 — Язычок от ремня (рис. 27:*4*). 9 — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 10 — Фибула с щитком у головки и с пластинчатой, треугольной ножкой (типа рис. 40:*3*). На булавку нанизан перстень, замкнутый, сегментарного сечения. 11 — Перстень, замкнутый (типа рис. 13:*3*). 13 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 14 — Втульчатый топор (рис. 27:*10*). Найден на стенке оградки.

Из III оградки. 16, 18 — Фрагм. ножа и нож с прямой спинкой. 19 — Фибула с щитком у головки и широкой пластинчатой дужкой. 20 — Профилированная фибула (рис. 27:*2*). 22 — Глазчатая фибула южнобалтийской серии (типа рис. 13:*6*): 24 — Поясная ажурная бляшка (рис. 27:*5*). 25 — Булавка от фибулы. 24, 25 Найдены вместе. 26 — Фрагм. жел. предмета. 27 — Поясная ажурная бляшка (рис. 27:*6*). 28 — Язычок от ремня (рис. 27:*3*). 29 — Перстень, замкнутый (типа рис. 25:*9*). 28, 29 найдены вместе. 31 — Перстень, замкнутый (типа рис. 13:*3*). 32 — Фибула с пластинчатой дужкой (рис. 27:*8*). 33 — Спиральный перстень круглого сечения. 34 — Перстень, замкнутый (типа рис. 33:*3*). 35 — Шило с четырехгранным сечением. 36 — Фрагм. замкнутого перстня (типа рис. 19:*23*). 37 — 2 фрагмента пластинчатого спирального перстня (более позднего времени). 38 — Фрагм. узкого спирального перстня выпукло-вогнутого сечения. 37, 38 найдены вместе. 39 — Перстень, замкнутый. 40 — Фрагм. довольно большого ножа с слегка выпуклой спинкой. 41 — Перстень, замкнутый (типа рис. 16:*6*). 42 — Перстень (типа рис. 16:*5*), аналогичный перстню № 39. 43 — Перстень, замкнутый (типа рис. 34:*1*). 44 — Фибула с расширенной головкой (типа рис. 22:*2*). 45 — Перстень сегментарного сечения с заходящими один за другой концами. 46 — Спиральный перстень, пластинчатый, с заостренными концами. 47 — Швейная игла, жел. (рис. 27:*9*). 48 — Фрагм. браслета четырехугольного сечения со следами плавления. 49 — Комок сплавившейся бронзы. 50 — 2 фрагмента большой глазчатой фибулы эстонской серии. Найдены на стенке оградки.

Из IV оградки. 53 — Подковообразная фибула, украшенная эмалью. Деформирована огнем (рис. 28:*1*). 54 — Браслет сегментарного сечения. 53, 54 найдены вместе. 55 — Фрагм. ножа. 56 — Фрагм. спирального перстня круглого сечения, со следами плавления. 57 — Фрагм. ножа с прямой спинкой. 59 — Спиральный перстень круглого сечения в комке белой известковой массы. 60 — Крестовидная привеска (XII—XIII вв.). 61 — Фрагм. шейной гривны (?) в виде толстой бронзовой проволоки круглого сечения, утончающейся к концу. Фрагм. перстня выпукло-вогнутого сечения. 62 — Фрагм. от того же самого перстня, указанного под № 61. 63 — Фрагм. крестовины меча (X—XI вв.), узкий, прямой. Найден на стенке оградки. 64 — Фрагм. ножки фибулы, должно быть типа больших фибул с расширенной головкой. 65 — Фрагм. височного (?) украшения типа рис. 29:*4*. 66 — Спиральный перстень из тонкой проволоки круглого сечения. 67 — Фрагм. браслета четырехгранного сечения, со следами плавления. 69 — Спиральный перстень круглого сечения. 71 — Фрагм. широкого перстня примерно типа рис. 25:*11* со следами плавления. Найден возле № 69. 72 — Спиральный перстень круглого сечения, со следами плавления. 74—75 — Сплавленные фрагменты бронзовых вещей. 76 — Фрагм. ножа. 77 — Перстень выпукло-вогнутого сечения (рис. 28:*5*). 78 — Фрагменты тонкого бронз. листа, в одном штифтик. 79 — Перстень типа рис. 28:*5*. 80 — Фрагм. шейной гривны (?) в виде бронзовой проволоки круглого сечения. 82 — Спиральный перстень треугольного сечения. 84 — Железное кольцо со свернутыми спиралью концами (рис. 28:*3*). 85 — Спиральный перстень (рис. 28:*2*). 86 — Браслет типа рис. 20:*5*. 87 — Спиральный перстень четырехгранного сечения с заостренными концами. 88 — Фрагм. пластинчатого широкого браслета (?) со следами плавления. 89 — Перстень типа рис. 28:*5*. 90, 94 — Ножи (рис. 28:*6*, 7). 95 — Фрагм. браслета сегментарного сечения, свернутый перстнем. 96 — Оковка из тонкого бронзового листа края предмета неизвестного назначения. Длина 6,3 см. 97 — Фрагм. браслета сегментарного сечения, свернутый перстнем. 98 — Спиральный перстень круглого сечения.

Из V оградки. 99 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 100 — Оковка, как № 96. 101 — Два фрагмента спирального перстня сегментарного сечения. 102 — Головка большой фибулы с расширенной головкой, со следами плавления. 104 — Дискообразная фибула (рис. 29:*3*) со следами плавления. 106 — Перстень (типа рис. 19:*23*). 109 — Спиральный пластинчатый перстень с заостренными концами. 111 — Браслет пластинчатый, с заостренными концами (рис. 29:*11*). 112 — Фрагм. ожерелья в виде железной проволоки, обмотанной бронзовой. 113 — Фрагм. жел. булавки или швейной иглы (?). 114, 115 — Браслет, в сечении как на рис. 20:*4*, с слабо заметным орнаментом (повидимому, как у браслета на рис. 17:*6*), и фрагм. браслета сегментарного сечения. Найдены возле № 112. 116 — Бронз. бусина, пронизка, фрагм. шейной гривны с утолщенными концами (типа рис. 10:*21*), фрагм. бляшки типа рис. 29:*1*, и 3 фрагмента спирального браслета сегментарного сечения. 117 — 6 сплавившихся фрагментов бронз. предметов, среди них ножка фибулы с расширенной головкой (?). 118 — Спиральный перстень пластинчатого сечения. 119 — Конец шейной гривны с полусферической шляпкой (типа рис. 37:*1*). 121 — 3 фрагмента спирального браслета сегментарного сечения, 2 бляшки типа рис. 29:*1*. 123 — 4 фрагмента бляшки типа рис. 29:*1*. 124 — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 125, 126 — Фрагменты бронз. предметов. 127 — Спиральный перстень сегментарного сечения со следами плавления. 128, 129 — Фрагменты бронз. проволоки. 130 — Фрагм. плоского браслета (типа рис. 12:*5*) и другие фрагменты бронз. предметов. 131, 132 — Перстни типа рис. 28:*5*. 133 — Бронз. бляшка (рис. 29:*1*). 134 — Пронизка. 135 — Фрагм. тонкого браслета сегментарного сечения. 136 — Фрагм. браслета, слегка выпукло-вогнутого сечения. 137 — Фрагм. браслета как № 135, со следами плавления. 131—137 найдены вместе. 138 — Фрагм. браслета типа рис. 18:*11*. Найден возле № 130. 139 — Пронизка. 141 — Перстень типа рис. 28:*5*. 142 — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*), деформированный огнем. 143 — Фрагм. бляшки типа рис. 29:*1*. 142, 143 найдены вместе. 145 — Комок сплавившейся бронзы. 148 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 149 — Комок сплавившейся бронзы. 150 — Фрагм. спирального браслета сегментарного сечения. 151 — Комок сплавившейся бронзы. 152 — Фрагм. ножа с прямой спинкой. 153 — 2 сплавившихся фрагмента браслетов (типа рис. 18:*11*). 154 — Перстень, замкнутый (типа рис. 33:*3*), со следами плавления. 155 — 2 фрагмента височного (?) украшения (рис. 29:*4*). 156 — 2 фрагмента спирального перстня из круглой в сечении проволоки. 157 — Фрагм. пластинчатого браслета. 158—159 — Сплавившиеся фрагменты бронзовых вещей. Из них № 158 найден возле № 153. 160 — Фрагм. ножки большой фибулы (должно быть, от большой перекладчатой типа рис. 18:*5*). 161 — Фрагм. пластинчатого браслета. 162 — Перстень, замкнутый (типа рис. 33:*3*). 164 — Перстень, замкнутый, в сечении как перстень на рис. 28:*5*. 165 — Язычок от ремня (рис. 29:*9*). 167 — Нож с выпуклым лезвием (типа рис. 20:*10*). Найден возле № 165. 168 — Бронзовая бусина. 172 — Булавка какой-то фибулы. 173 — Пронизка. 174 — Выпуклая фибула с широкой дужкой (рис. 29:*6*). 177—178 — Лунницы на железной проволоке, обмотанной бронзовой (рис. 29:*12*).

Из VI оградки. 179 — Дискообразная фибула, выемки которой, повидимому,

были заполнены эмалью; с нижней стороны покрыта берестой (рис. 29:*7*). 180 — Фрагм. браслета сегментарного сечения, с орнаментом, как на рис. 17:*6*. 181 — Спиральный перстень, пластинчатый. 182 — Глазчатая фибула эстонской серии (рис. 29:*10*). 183 — Спиральный перстень, снаружи плоский, изнутри немного выпуклый, с заостренными концами. 184 — Лунница типа рис. 29:*12*. 185 — 3 фрагмента ножа. 186 — Фрагм. цепочки (более позднего времени). 187 — 2 фрагмента спирального пластинчатого перстня. 188—189 — Фрагменты спирального пластинчатого перстня. 190 — Перстень, замкнутый (типа рис. 33:*3*). 191 — Браслет типа рис. 29:*11*, но у́же. 192 — Перстень, замкнутый (типа рис. 25:*7*, но у́же). 193 — Спиральный перстень сегментарного сечения, на концах украшен насечкой. 194 — Фрагм. глазчатой фибулы эстонской серии.

Из VII оградки. 195 — Фрагм. спирального пластинчатого перстня. 196 — Оковка какого-то предмета из тонкого бронзового листа, свернута кольцом. 197 — Фрагм. жел. предмета. 198 — Двойная бронз. бусина на железной проволоке. 199 — Перстень, замкнутый (типа рис. 33:*3*), по краям и по обе стороны хребта украшен рядом точечек. 200 — Бронз. бусина на железной проволоке, обмотанной бронзовой. 201—202 — Спиральные перстни сегментарного сечения. 203 — Сплавившаяся стеклянная бусина. 204 — Спиральный перстень, пластинчатый, с заостренными концами, украшенными насечкой. 205 — Пронизка. 207 — Спиральный перстень круглого сечения. 209 — Кольцеобразная головка булавки, жел., обмотанная бронзовой проволокой (рис. 29:*13*). 210, 211 — Спиральные перстни сегментарного и круглого сечения. 212 — Спиральный перстень, пластинчатый. 213 — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*). 214 — Фрагм. бронз. булавки. 215 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 216 — Фрагм. спирального перстня (?) круглого сечения, очень тонкий. 217 — Браслет, узкий, сегментарного сечения. 218 — Фрагм. лезвия ножа с прямой спинкой. 220 — Спиральный перстень, пластинчатый. 221 — Жел. проволока, обмотанная бронзовой (от ожерелья?). 224 — Спиральный перстень, пластинчатый. 226, 227 — Фрагменты больших ножей (?). 228 — Фрагм. замкнутого перстня (типа рис. 19:*23*). 229 — Фрагм. ножа. 231 — Кусок железного шлака. Найден на стенке оградки. 232 — Перекладчатая фибула, маленькая, с широкой дужкой и узкими перекладинами (рис. 29:*5*). 234 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 236 — Стеклянная бусина с позолотой. 237 — Бронз. проволока (от шейной гривны?). 238 — Фрагм. ножа с прямой спинкой и сравнительно длинным, поломанным черенком. 239 — Бронз. проволока (от шейной гривны?). 240 — Спиральный перстень круглого сечения, на концах украшен насечкой. 241 — Бляшка (рис. 29:*2*). Найдена возле № 240. 242 — Фрагм. жел. втулки. 243 — Бляшка типа рис. 29:*2*. Найдена возле № 240. 244 — Язычок от ремня (рис. 29:*8*). 245 — Бляшка типа рис. 29:*2*. 246 — Фрагм. большого ножа. 247 — Фрагм. бронз. проволоки, от булавки или шейной гривны. 249 — Пронизка. 251 — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*). 253 — Фрагм. лощеной керамики черноватого цвета. 254 — Фрагм. жел. кольца. 255 — Фрагм. браслета сегментарного сечения. Найден возле № 253. 257 — Бусина из белого стекла. 258 — Фрагменты ножа. 259 — Фрагм. перстня с концами, завитыми спиральками (типа рис. 34:*10*). 260—261 — Фрагменты спирального перстня сегментарного сечения и такой же перстень. 268 — Бусина с позолотой. 271 — Фрагм. лощеного глиняного сосуда черноватого цвета.

Из северной краевой насыпи возле VII оградки. 252 — Бляшка типа рис. 29:*2*.

Из VIII оградки. 262 — Пряжка поясная, бронз. (поздняя). 264, 266 — Бронз. проволока (от шейной гривны?). 267 — Комок сплавившейся бронзы. 268 — Стеклянная бусина с позолотой. 269 — Фрагм. пластинчатого браслета со следами плавления. 272 — Спиральный перстень из проволоки овального сечения. 276 — Фрагменты керамики (рис. 30:*9*). 277, 279, 280 — Спиральные перстни и фрагм. такого же перстня (279) из круглой в сечении проволоки. 282 — Перстень, замкнутый (типа рис. 33:*2*), украшен по краям двумя тонкими желобками. 283 — Фрагм. спирального пластинчатого перстня (?). 284 — Перстень, замкнутый (типа рис. 31:*8*). 285 — 2 фрагмента широкого замкнутого перстня (типа рис. 19:*23*). 287, 289 — Фрагменты керамики типа № 271. 291, 294, 295 — Спиральные перстни круглого сечения. 296 — Фрагм. замкнутого перстня (типа рис. 19:*23*), со следами плавления. 299 — Фрагм. браслета с утолщенными концами (рис. 30:*5*). 302 — Кусок железного шлака. 304 — Спиральный перстень треугольного сечения, на концах украшен елочкой. 305 — Перстень, замкнутый (типа рис. 33:*3*). 306 — Спиральный перстень сегментарного сечения, на концах украшен диагональной насечкой. 307—311 — Фрагменты керамики типа № 271. 312 — Фрагм. ножа. 313 — Спиральный перстень круглого сечения. 314, 315, 317 — Комки сплавившейся бронзы. 318 — Бронз. проволока. 319, 320, 323 — Комки сплавившейся бронзы. 324 — 2 фрагмента браслета сегментарного сечения. 325 — Комки сплавившейся бронзы. Найдены на стенке оградки. 328 — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*), по краям и по обеим сторонам хребта украшен желобком. Найден на стенке оградки.

Из IX оградки. 329 — Бронз. проволока. 330 — Спиральный пластинчатый

перстень. 331 — Перстень с заходящими один за другой концами, сегментарного сечения. 332 — Клык кабана. 333 — 2 сплавившихся фрагмента бронз. предметов. 334 — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 335 — Фрагм. перстня (или браслета), тонкий, сечение как на рис. 28:*5*. 336 — Фрагм. большой глазчатой фибулы эстонской серии. 338 — Фрагм. ножа с прямой спинкой. 339 — Комок сплавившейся бронзы. 340, 341 — Жел. гвозди (от поздних погребений). 343 — Фрагм. браслета сегментарного сечения; на конце украшен поперечной линией. 344 — Комок сплавившейся стеклянной массы. 345 — 3 фрагмента бронзовых вещей со следами плавления, в том числе ножка какой-то фибулы. 346—349 — Комки сплавившейся бронзы, из них №№ 348 и 349 найдены вместе. 350 — Бронз. бусина и комки сплавившейся бронзы. 351 — Фрагм. жел. кольца, должно быть от черенка ножа, и комки сплавившейся бронзы. 353 — Фрагм. спирального перстня из круглой в сечении проволоки. 354 — 2 гвоздя (от поздних погребений). 355, 356 — Комки сплавившейся бронзы. Найдены вместе. 357 — Комки сплавившейся бронзы. 358 — Дискообразная фибула (рис. 30:*6*). 359—362 — Комки сплавившейся бронзы. Найдены все почти в одном месте. 363 — Фрагм. перстня типа рис. 19:*23*. 365 — Перстень типа рис. 28:*5*. 369 — Фрагм. ножа (рис. 30:*8*). 371 — Фрагм. бронз. проволоки. 375 — Фрагм. перстня типа рис. 19:*23*, со следами плавления. 376 — Комки сплавившейся бронзы и фрагм. жел. кольца от черенка ножа (как на рис. 26:*1*). 377 — Спиральный перстень круглого сечения. 378 — Фрагм. шейной гривны: жел. проволока с нанизанной на нее бусиной из беловатой эмали. Весь фрагмент покрыт сплавившейся бронзой. 379 — Спиральный перстень с профилированными концами (рис. 30:*2*). 380 — Фрагм. втульчатого топора. 384—385 — Фрагменты жел. умбона, со следами древней починки (рис. 30:*11*, *12*). 386 — Фрагм. жел. проволоки с приставшей к ней бронзой. 388 — Фрагм. шила (?). 389 — Фрагм. бронз. проволоки. 391 — 3 бронз. бусины на жел. проволоке. 393 — Лезвие большого ножа с прямой спинкой. Найдено на стенке оградки. 394—395 — Сплавившиеся фрагменты бронзовых предметов.

Из Х оградки. 396 — Фрагм. бляшки для подвешивания цепочек. 399 — Шейная гривна с восьмеркообразными концами (рис. 30:*3*). 400—403 — Фрагменты цепочек, частью сплавившиеся. 404 — Фрагм. ножки фибулы так наз. типа Тюрсамяэ (как на рис. 42:*1*) со следами воздействия огня, и фрагм. цепочки. 405 — Спиральный перстень сегментарного сечения, с заостренными концами, украшенными насечкой. 406 — Фрагм. браслета сегментарного сечения, свернутый перстнем. 407 — Нож, небольшой, серповидный (рис. 30:*7*). 408 — Фрагменты сплавившихся бронзовых вещей, в том числе пуговка, должно быть от фибулы № 404. 409 — Фрагм. браслета, деформированный огнем. 408, 409 найдены вместе. 410—414 — Сплавившиеся фрагменты бронзовых вещей, в том числе фрагмент височного (?) украшения типа рис. 29:*4*. 415 — Пронизка. 416 — Фрагм. браслета сечения как на рис. 20:*5*. 417 — Дискообразный конец большой подковообразной фибулы с эмалью (типа рис. 28:*4*). Орнамент в виде колеса с изогнутыми спицами. Следы плавления. 418 — Спиральный перстень, пластинчатый, и фрагм. спирального перстня выпукло-вогнутого сечения. 419 — Бусина из синего стекла, приплавившаяся к фрагментам костей. 421 — Фрагм. шейной гривны (?) в виде круглой бронзовой проволоки. 423 — 2 бронз. бусины на бронзовой же проволоке. 425 — Жел. проволока, обмотанная бронзовой. 427, 429—430 — Фрагменты браслетов сегментарного сечения, со следами плавления. 431 — Спиральный перстень сегментарного сечения, на концах профилирован и украшен насечкой. 432 — Фрагм. спирального перстня (?) сегментарного сечения. 433 — Фрагм. арбалетной фибулы типа рис. 31:*14*. Найден на стенке оградки. 434 — Спиральный перстень сегментарного сечения, массивный. Найден на стенке оградки.

Из восточной краевой насыпи (на плане XI). 435 — Нож (рис. 30:*10*). 437 — Пинцетка, бронз., узкая. 438 — Нож типа рис. 28:*7*. 439 — Браслет сегментарного сечения, тонкий. 440 — Два фрагмента спирального пластинчатого перстня. 442 — Фрагм. ножа. 443 — Спиральный перстень (рис. 30:*1*). 444 — Тетива большой арбалетной фибулы (?), утолщенная в средней части. 445 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 446, 449 — 2 тетивы от больших арбалетных фибул примерно типа рис. 32:*7* с остатками спирали. 450 — Фрагм. спирали большой арбалетной фибулы. 451 — Дужка арбалетной фибулы со звездчатой ножкой (рис. 30:*4*). 453 — Фрагм. ножа. 454 — Спиральный перстень сегментарного сечения. 455 — Перстень типа рис. 28:*5*. 456 — Фрагм. перстня сегментарного сечения. 457 — Спиральный перстень сегментарного сечения с заостренными концами. 458 — Фрагм. спирального пластинчатого перстня. 459 — Бляшка, бронз., в виде тонкой прямоугольной пластинки с рядом маленьких чеканных выпуклин вдоль края. 458, 459 найдены вместе. 460 — Жел. проволока, обмотанная бронзовой. 461 — Пронизка. 462 — Спиральный перстень круглого сечения с заостренными концами. 463 — Тетива большой арбалетной фибулы (?) из круглой в сечении проволоки. 464 — Тетива арбалетной фибулы из сегментарной в сечении проволоки. 465 — Бусина из зеленого стекла. 466 — Фрагм. наконечника копья. 467 — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 468 — Пуговка от оси большой арбалетной фибулы, украшенная насаженными колечками.

Подъемный материал. 106 — Перстень, замкнутый, типа рис. 19:*23*. 176 — Спиральный перстень округлого сечения.

6. ВЕЩИ ИЗ I МОГИЛЬНИКА В КОХТЛА-ЯРВЕ [1]

(ИИ 3975:1—767)

Из юго-западной краевой насыпи. 1(514) — Пронизка. 2(436) — Тройная бронз. бусина на жел. проволоке. 3(456) — Нож с выпуклым лезвием, типа рис. 31:*17*. 4(179) — Нож. 5—6(4—3) — 2 фрагмента арбалетной фибулы с пластинчатой ножкой (рис. 32:*5*). 7(33) — Фрагм. ножа с выпуклым лезвием. 8(31) — Фрагм. спирали и тетивы арбалетной фибулы. 9(60) — Пронизка. 10(70) — Спиральный перстень, развернутый. 11(98) — Бронз. трубочка. 12(36) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 13(103) — Фрагм. пластинчатого браслета, свернутый перстнем. 14(79) — Заклепка с дискообразной головкой (рис. 31:*3*). 15(97) — Бронз. трубочка типа рис. 31:*1*. 16(465) — Бусина стеклянная, темносиняя с беловатыми и красными глазками. 17(441) — Фрагм. бронз. колечка как от оковки на рис. 19:*6*, поверхность покрыта желобками. 18(450) — Комок сплавившейся бронзы. 19(459) — Наконечник копья (рис. 32:*4*). 20(198) — Булавка от какой-то фибулы. 21(193) — Фрагм. жел. пинцетки. 22(176) — Пуговка от конца спирали арбалетной фибулы. 23(182) — Фрагм. пластинчатого браслета типа рис. 32:*9*. 24(117) — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 25(116) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 26(111) — Пронизка. 27(145) — Бронз. трубочка. 28(158), 29(165) — Спиральные перстни сегментарного сечения. 30(132) — Фрагм. ножа или косаря. 31(113) — Спиральный перстень сегментарного сечения, на конце украшен насечкой. 32(109) — Пуговка большой арбалетной фибулы с насаженными колечками. 33(129) — Фрагм. спирального перстня округлого сечения, на конце украшен насечкой. 34(93) — Пронизка. 35(91) — Бронз. трубочка со следами покрытия оловом (рис. 31:*2*). 36(147) — Нож с выпуклым лезвием типа рис. 31:*17*, но меньших размеров. 37(155) — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 38(114) — Бронз. трубочка (рис. 31:*1*). 39(115) — Развернутый спиральный перстень сегментарного сечения. 40(125) — Бронз. трубочка. 41(127) — Пронизка. 42(122) — Костяное пряслице (рис. 31:*19*). 43(148) — Фрагм. бронз. листа. 44(130) — Серповидный нож (типа рис. 31:*20*). 45(120) — Трубочка или оковка из тонкого бронз. листа неизвестного предмета. 46(123) — Спиральный перстень почти округлого сечения с заостренным концом, украшенным насечкой. 47(157) — Дужка арбалетной фибулы типа рис. 31:*14*, но плоская с нижней стороны. 48(163) — Жел. проволока, обмотанная бронзовой. 49(171) — Фрагм. развернутого спирального перстня сегментарного сечения. 50(156) — Черенок ножа как на рис. 31:*20*. 51(118) — Фрагм. браслета слегка выпукло-вогнутого сечения. 52(126) — Фрагм. браслета, изогнутый, выпукло-вогнутого сечения. 53(199) — Швейная игла типа рис. 27:*9*. 54(197) — Спиральный перстень сегментарного сечения, массивный: на концах украшен насечкой. 55(189) — Нож с выпуклым лезвием (рис. 31:*17*). 56(191) — Двойная бусина из синего стекла. 57(168) — Пронизка. 58(180) — 2 бронз. бусины на жел. проволоке. 59(167) — Спиральный перстень типа рис. 19:*8*, но тоньше. 60(177) — Фрагм. браслета выпукло-вогнутого сечения. 61(623) — Спиральный перстень сегментарного сечения с профилированными концами. 62(630) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 63(515) — Стеклянная бусина, синяя с белыми кружками. 64(474) — Фрагм. ножа. 67(442) — Нож типа рис. 32:*3*. 96(227) — Спиральный перстень типа рис. 19:*20*. 110(324) — Пронизка. 111(277) — Бронз. трубочка.

Из северо-западной краевой насыпи. 65(529) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 66(467) — 2 бронз. бусины на жел. проволоке. 68(298) — Дужка арбалетной фибулы типа рис. 19:*9*, но плоская с нижней стороны. 69(337), 70(300) — Пронизки. 71(276) — Двойная и одинарная бусины с позолотой. 72(255) — Фрагм. маленького конического предмета (колокольчика?). 146(798), 147(488) — Фрагменты спиралек арбалетных фибул. 148(792) — Растиральный камень. 149(800) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 150(794) — Привеска, треугольная (рис. 31:*5*). 151(802) — Фрагм. керамики с сетчатым орнаментом и двумя отверстиями (одно из них на изломе) (рис. 31:*21*). 153(730) — Фибула с симметрическими концами (рис. 32:*1*). 154(347) — Пронизка. 155(772) — Большая стеклянная бусина с позолотой.

Из угла I оградки. 73(291) — Спиральный перстень сегментарного сечения. Концы заострены и украшены насечкой, расположенной с промежутками. 74(234) — Спиральный перстень типа рис. 19:*19*. 75(248) — Спиралька арбалетной фибулы типа рис. 25:*10*. 76(289) — Стеклянная бусина с позолотой. 77(286) — Пронизка. 78(288) — Перстень (рис. 31:*8*). 79(343) — Жел. кольцо, должно быть от черенка ножа (ср. рис. 26:*1*). 80(333) — Фрагм. какой-то фибулы в виде выпуклой бляшки, окаймленной колечком из проволоки с насечкой. На нижней стороне спиралька арбалетной конструкции (рис. 31:*6*). 81(317) — Пронизка. 82(228) — Серпо-

[1] Номера в скобках соответствуют номерам инвентарной описи. Из списка исключены предметы инвентаря поздних захоронений.

видный нож (рис. 31:*20*). 83(266) — Пронизка. 84(284) — Фрагм. ножки арбалетной фибулы с древней починкой. 85(325) — Тройная стеклянная бусина с позолотой. 86(340) — Спиральный перстень, на концах украшен елочкой (рис. 31:*4*). 87(361) — Стеклянная бусина с позолотой. 88(362) — Пронизка. 89(346) — 2 бронз. бусины на железной проволоке (рис. 31:*9*). 90(269) — Пронизка. 91(246) — Перстень (или колечко) прямоугольного сечения. 92(245) — Тройная стеклянная бусина с позолотой. 93(345) — 2 бронз. бусины на жел. проволоке, типа рис. 31:*9*. 94(396), 95(389) — Стеклянные бусины с позолотой. 97(388) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 98(395) — Стеклянная бусина с позолотой. 99(349) — Пронизка. 100(339), 101(393) — Стеклянные бусины с позолотой. 102(404) — Колечко, пластинчатое. 103(408) — Пронизка. 104(365) — Перстень типа рис. 28:*5*. 105(409) — Пронизка. 106(401) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 108(398) — Стеклянная бусина с позолотой. 109(261) — Пронизка.

Из угла II оградки. 156(771) — Бронз. трубочка. 157(726), 158(724) — Двойные стеклянные бусины с позолотой. 159(716) — Спиральный перстень сегментарного сечения, на концах насечка. 160(711) — Спиралька арбалетной фибулы. 161(728), 162(729) — Двойные стеклянные бусины с позолотой. 163(734) — Пронизка. 164(736), 165(781) — Стеклянные бусины с позолотой. 166(718) — Язычок от ремня (рис. 31:*15*). 167(738) — Перстень замкнутый (типа рис. 31:*8*). 168(748) — Спиральный перстень типа рис. 12:*6*. 169(751) — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 170(720) — Фрагм. замкнутого перстня (типа рис. 19:*23*). 171(744) — Спиральный перстень сегментарного сечения, с заостренными концами, украшенными насечкой. 172(752), 173(753) — Стеклянные бусины с позолотой. 174(755) — Браслет выпукловогнутого сечения. 175(756) — Пронизка. 185(767) — Браслет типа рис. 31:*7*, но изнутри более плоский, концы слегка профилированы и украшены поперечными желобками. 186(754), 187(769), 188(710) — Стеклянные бусины с позолотой. 191(705) — Фрагм. спирального перстня. 192(671) — Фрагм. пластинчатого браслета типа рис. 32:*9*. 193(693) — Спиральный перстень сегментарного сечения, на концах украшен насечкой. 193а(703) — Нож с выпуклым лезвием (рис. 31:*18*). 194(714) — Фрагм. спирального перстня. 195(704) — Фрагм. пластинчатого браслета (рис. 32:*9*). 196(707) — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 197(702) — Швейная игла с продолговатым ушком. 198(698) — Фрагм. браслета сегментарного сечения. 199(673), 200(681) — Стеклянные бусины с позолотой. 201(675) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 202(685) — Сплавившийся фрагм. бронзового предмета. 203(686) — Бусина пастовая, черная с желтыми глазками с коричневой сердцевиной. 204(678) — Бронз. трубочка. 205(669) — Пронизка. 206(670) — Стеклянная бусина с позолотой. 207(682), 208(674) — Фрагм. спиральных перстней сегментарного сечения. 209(683) — Спиральный перстень сегментарного сечения, массивный, на концах украшен группами поперечных линий. 210(687) — Пронизка. 211(680) — Фрагм. браслета выпукло-вогнутого сечения; конец украшен поперечными линиями. 212(679) — Бусина из синего стекла, продолговатая, граненая. 213(665) — Браслет типа рис. 31:*13*. 214(60) — Пронизка. 215(662) — Браслет сегментарного сечения; один конец украшен поперечными линиями. 216(664) — Браслет сегментарного сечения. 217(667) — Браслет, замкнутый (типа рис. 23:*11*, но в сечении как на рис. 23:*5*). 218(691) — Пронизка. 219(648) — Фрагм. швейной иглы. 220(692) — Жел. проволока, обмотанная бронзовой.

Из юго-восточной краевой насыпи. 112(270) — Фрагм. браслета выпукло-вогнутого сечения с линейным орнаментом на концах. 113(275) — Браслет типа рис. 31:*13*, но украшенный на концах тонкими поперечными линиями. 114(272) — Браслет выпукло-вогнутого сечения (рис. 31:*13*). 115(282) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 116(332) — Бронз. колечко. 117(329) — Спиральный перстень сегментарного сечения. 118(371) — Бронз. колечко. 119(354) — Фрагм. браслета, слегка выпукло-вогнутого сечения. 120(373), 121(374) — Пронизки. 122(390) — Фрагм. спирали и тетивы арбалетной фибулы типа рис. 25:*10*. 123(387) — Браслет шестигранного сечения (рис. 31:*12*). 124(379) — Браслет, замкнутый, с покатой поверхностью (рис. 31:*11*). 125(392) — Пронизка. 126(418) — Нож (рис. 32:*3*). 127(391) — Спиральный перстень сегментарного сечения, массивный. 128(429) — Бусина с позолотой. 129(417) — Браслет с утолщенными концами (рис. 32:*8*). 130(422), 131(423) — Пронизки. 132(420) — Фрагм. замкнутого перстня (типа рис. 19:*23*) со следами плавления. 133(428) — Спиральный перстень круглого сечения с заостренным концом, украшенным насечкой. 134(426) — Спиральный перстень типа рис. 31:*4*. 135(430) — Пронизка. 136(427) — Нож с выпуклым лезвием (типа рис. 31:*17*). 138(412) — Большая арбалетная фибула, украшенная колечками (рис. 32:*7*). 139(385) — Стеклянная бусина с позолотой. 140(413) — Дужка арбалетной фибулы типа рис. 31:*14*, но плоская с нижней стороны. 141(414) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения, тонкий. 142(419) — Браслет (рис. 31:*7*). Найден возле № 126. 143(432) — Браслет выпукловогнутого сечения, на концах орнамент как на браслете на рис. 25:*14*. Браслет, повидимому, был преднамеренно разломан на две части. 144(433), 145(421) — Арбалетные фибулы с литым приемником булавки (рис. 32:*6*, *2*). 176(760) — Фрагм. спирального

перстня сегментарного сечения. 177(764), 178(757) — Спиральные перстни сегментарного сечения, украшенные на концах насечкой. 179(761) — Арбалетная фибула с обмотанными спиральками шипами (рис. 31:*14*). 180(763) — Фрагм. браслета, пластинчатый, широкий, свернут перстнем. 181(758) — Спиральный перстень сегментарного сечения, конец украшен насечкой. 182(762) — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 183(766) — Пронизка. 184(743) — Стеклянная бусина с позолотой. 189(701) — Бронз. бляшка, прямоугольная, украшенная чеканными выпуклинами. 190(699) — Пронизка. 221(649) — Стеклянная бусина с позолотой.

Подъемный материал. 107(411) — Фрагм. бусины из темносинего стекла с беловатыми кружками. 137(416) — Пронизка. 152(833) — Нож, маленький (рис. 31:*16*). 222(750) — Спиральный перстень сегментарного сечения, на конце украшен насечкой, расположенной группами.

7. ВЕЩИ ИЗ II МОГИЛЬНИКА В КОХТЛА-ЯРВЕ

(ИИ 3982:1—227)

Из восточной краевой насыпи. 3 — Заклепка, жел., с круглой головкой. 5 — Бусина, пастовая, черная. 7 — Перстень, замкнутый (рис. 33:*3*). 8 — Фрагм. пластинчатого браслета. 13 — Фрагм. пластинчатого перстня.

Из I оградки. 26 — Перстень, замкнутый (рис. 33:*2*). 36 — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*, по краям желобок). 38 — Конусообразная бронз. бляшка с остатком железного штифта (рис. 33:*1*). 49 — Спиральный перстень выпукло-вогнутого сечения. 51 — Фрагм. браслета (?) выпукло-вогнутого сечения. 53 — Колечко, бронз. 54 — Фрагм. спирального перстня сегментарного сечения. 55 — Фрагм. пластинчатого спирального перстня (?), свернутый колечком.

Из южной краевой насыпи возле I оградки. 27 — Осколок кремня. 40 — Нож (рис. 33:*6*). 58 — Растиральный камень.

Из II оградки. 43 — Фрагм. ножа. 62 — Фрагм. пластинчатого браслета. 67 — Фрагм. бронз. трубочки. 68 — Жел. проволока, обмотанная бронзовой. 70 — Привеска, треугольная (рис. 33:*5*). 71 — Спиральный пластинчатый перстень с заостренными концами. 72 — Жел. проволока, обмотанная бронзовой. Найдена на стенке оградки. 74 — Фрагм. спирального перстня типа рис. 12:*6*. 75 — Бронз. проволока (от шейной гривны?). 76 — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*). 80 — Фрагм. перстня сегментарного сечения. 82 — Бляшка, с чеканным орнаментом (рис. 33:*4*). 83 — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*). 84 — Тетива и фрагм. спирали арбалетной фибулы. 86—87 — Перстни, замкнутые (типа рис. 19:*23*).

Из южной краевой насыпи возле II оградки. 59 — Перстень (?) с соприкасающимися концами, пластинчатый. 69 — Обломок глиняного сосуда с шнуровым орнаментом (рис. 33:*8*). Найден в грунтовом песке. 94 — Обломок глиняного сосуда с гребенчатым орнаментом (рис. 33:*9*). Найден в грунтовом песке.

Из III оградки. 103 — Стеклянная бусина с позолотой. 104 — Язычок от ремня (рис. 34:*13*). 106 — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 107 — Фрагм. браслета сегментарного сечения с суживающимся концом, свернутый колечком. 108 — Стеклянная бусина с позолотой. 109 — Перстень, замкнутый (рис. 34:*3*). 110, 111 — Стеклянные бусины с позолотой. 113 — Бусина из янтаря, кольцеобразная. 114 — Фрагм. дискообразной фибулы (?) с петелькой на краю (как, например, у фибулы рис. 30:*6*). 115 — Тройная бусина с позолотой. 116 — Перстень, замкнутый (типа рис. 31:*8*), с насечкой по краям и на хребте. 117 — Бусина из янтаря, кольцеобразная. 118 — Ажурная бляшка со следами покрытия оловом (рис. 34:*9*). 120 — Бронзовая трубочка. 121 — 3 бляшки-скобочки: 2 бронзовые (рис. 34:*7*, 8) и одна оловянная, круглая, с выпуклиной посередине (более позднего времени). 122 — Стеклянная бусина, синяя. 123 — Перстень, замкнутый (типа рис. 33:*3*, но шире), по краям желобок, состоящий из ряда точечек. Бляшка-скобочка как рис. 34:*7*. 126 — Спиральный перстень круглого сечения. 127 — 2 фрагмента спиральных перстней: один в сечении круглый, другой выпукло-вогнутый (как на рис. 12:*6*). Жел. проволока, обмотанная бронзовой. Фрагм. бусины из многоцветной эмали. Можно отличить красный, зеленый, желтый и черный цвета. 128 — Фрагм. эмалевой бусины, должно быть от предыдущей. 129 — Фрагменты двух пронизок. 130 — Фрагм. спирального перстня круглого сечения, с заостренным концом. 131 — Фрагм. пластинчатого браслета, свернутый кольцом. 3 фрагмента янтарной бусины, должно быть, цилиндрической формы. 132 — Фрагм. спирального перстня (?) сегментарного сечения; с наружной, выпуклой стороны покрыт мелкими желобками. 133 — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*). 134 — Жел. проволока, обмотанная бронзовой. 135 — Бронз. стержень прямоугольного сечения с суживающимся и утончающимся концом. Свернут перстнем. 136 — Фрагм. бусины из цветной эмали, расположенной полосками: желтая, беловатая, зеленая, черноватая. 137 — 2 замкнутых перстня (один типа рис. 19:*23*, другой

рис. 34:*2*). 139 — Подковообразная фибула (XIV—XV вв.). 140 — Перстень, замкнутый, сегментарного сечения (рис. 34:*1*). 141 — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 142 — Фрагм. перстня с концами, завитыми спиральками (рис. 34:*10*). 143 — Фрагм. цепочки (рис. 34:*12*). Двойная стеклянная бусина с позолотой. 144 — Бляшка-скобочка (типа рис. 34:*7*). 146 — Спиральный перстень круглого сечения. 148 — 2 фрагм. спирального перстня; бляшка (рис. 34:*6*). 149 — Фрагм. янтарной бусины. 150 — Бляшка-скобочка (типа рис. 34:*7*). Двойная стеклянная бусина с позолотой. 151, 154 — Двойные стеклянные бусины с позолотой; бусины маленькие. 155 — Спиральный перстень прямоугольного сечения. 157 — Фрагм. пластинчатого браслета, свернутый перстнем. 158 — Жел. проволока, обмотанная бронзовой. 159 — Перстень, замкнутый (типа рис. 25:*11*). 160 — Язычок от ремня (рис. 34:*15*). 162 — Четверная стеклянная бусина с позолотой, маленькая. 163 — Тройная стеклянная бусина с позолотой. 166 — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 167 — Бляшка, прямоугольная, украшенная выпуклинами (рис. 34:*5*). 170, 171 — Перстни, замкнутые, полые. 172 — Стеклянная бусина с позолотой. 173 — Фрагм. спирального перстня круглого сечения. 176 — Спиральный перстень четырехгранного сечения. Фрагм. перстня выпукло-вогнутого сечения (типа рис. 12:*6*). 178 — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 181 — 2 фрагмента пластинчатого браслета (?). 182 — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*). 183 — Стеклянная бусина с позолотой. 184 — Жел. проволока, обмотанная бронзовой. 187 — Подковообразная фибула с завернутыми трубочками концами (более позднего времени). 189 — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 190 — Язычок от ремня (рис. 34:*14*). 191 — Фрагм. бусины с позолотой. 192 — Фрагм. широкого, пластинчатого браслета, свернутый перстнем. 193 — Фрагм. ножа с широким кольцом на черенке. 203 — Фрагм. широкого пластинчатого браслета, свернутого перстнем (рис. 34:*11*). 213 — Перстень выпукло-вогнутого сечения (типа рис. 28:*5*). 214 — Стеклянная бусина с позолотой. 215 — Фрагм. керамики с штрихованной поверхностью (рис. 34:*4*). 218 — Двойная стеклянная бусина с позолотой. 219 — Бляшка-скобочка (типа рис. 34:*7*). 223 — Фрагм. спирального браслета трехгранного сечения. 224 — Перстень, замкнутый (типа рис. 19:*23*). 223, 224 найдены вместе. 225 — Колечко из полоски тонкого бронзового листа.

Из южной краевой насыпи возле III оградки. 79 — Фрагм. пластинчатого браслета, свернутый перстнем. 122 — Бусина из синего стекла. 124 — Осколок кремня. 226 — Тройная стеклянная бусина с позолотой.

Из IV оградки. 197 — Растиральный камень (рис. 33:*7*). 202 — Фрагм. какой-то железной оковки (от ножен ножа?) более позднего времени.

БИБЛИОГРАФИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л. Г. Моргана. Госполитиздат, 1953.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Госполитиздат, 1954.

И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1954.

Анфимов Н. В., Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Под редакцией Е. И. Крупнова. МИА 23, М.—Л., 1951, стр. 155—207.

Бадер, Древн. городища = Бадер О. Н., Древние городища на Верхней Волге. Материалы по археологии Верхнего Поволжья. Под редакцией П. Н. Третьякова. МИА 13, М.—Л., 1950, стр. 90—132.

Балтийский сборник исследований по археологии и истории. Труды Балтийского предварительного комитета по устройству XVI Археологического съезда во Пскове 1914 г. Берлин, 1914.

Ванкина, Археол. памятн. I тысячел. до н. э. = Ванкина Л. В., Археологические памятники I тысячелетия до нашей эры на территории Латвийской ССР. КСИИМК XLII, М., 1952, стр. 66—75.

Веллесте Л., Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений. КСИИМК XLII, М., 1952, стр. 135—140.

Городцов В. А., Старшее Каширское городище. Известия ГАИМК 85, Л., 1934.

Горюнова, Городище Торфель = Горюнова Е. И., Городище Торфель. КСИИМК XXXI, М.—Л., 1950, стр. 148—156.

Горюнова Е. И., Итоги работ Муромской экспедиции. КСИИМК XXXIII, М.—Л., 1950, стр. 39—47.

Горюнова Е. И., К вопросу об «остеологической статистике». КСИИМК XXXV, М.—Л., 1950, стр. 60—65.

Греков Б. Д., Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Книга I. М., 1952.

Гуревич Ф. Д., Древние памятники юго-восточной Прибалтики и задачи их изучения. КСИИМК XLII, М., 1952, стр. 13—23.

Довженок, Землед. у восточн. славян = Довженок В. И., К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. Материалы по истории земледелия СССР. Сборник I, М., 1952, стр. 115—159.

Ефименко П., Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. Материалы по этнографии, том III, вып. I., Л., 1926, стр. 59—84.

Зутис, Очерки историогр. Латвии = Зутис Я., Очерки по историографии Латвии. Часть I. Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949.

Изв. АН ЭССР = Известия Академии наук Эстонской ССР, Таллин, 1952—.

Ивановский, Курганы С.-Петербургской губ. = Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. Обработал и издал А. Спицын. МАР 20, СПБ, 1896.

Известия ГАИМК = Известия Государственной Академии истории материальной культуры.

История культуры древней Руси. Под общей редакцией академика Б. Д. Грекова и проф. М. И. Артамонова. I, М.—Л., 1948.

История Польши в трех томах. Том I под редакцией В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова. М., 1954.

История Эстонской ССР = История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Под редакцией Г. И. Наана. Таллин, 1952.

Косвен, Первоб. культ. = Косвен М. О., Очерки истории первобытной культуры. М., 1953.

Косвен М. О., Семейная община. СЭ 1948, 3. М.—Л., 1948, стр. 3—32.
КСИИМК = Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.—Л., 1939.—
КСИЭ = Краткие сообщения Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. М.—Л., 1946—.
МАР = Материалы по археологии России 4—37. СПБ, 1890—1918.
МИА = Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л., 1940—.
Моора, Арх. памятн. I—IV вв. = Моора Х. А., Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике. КСИИМК 53, М., 1954, стр. 3—22.
Моора, Вопросы этногенеза = Моора Х. А., Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. КСИЭ XII, М.—Л., 1950, стр. 29—37.
Моора Х. А., Некоторые вопросы археологического исследования Прибалтики. КСИИМК XLII, М., 1952, стр. 24—39.
Моора, Некот. вопр. этногенеза = Моора Х. А., Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных. СА XXI, М.—Л., 1954, стр. 95—118.
Моора, Памятн. позд. неол. = Моора Х. А., Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. КСИИМК XLVIII, М., 1952, стр. 3—24.
ОАК = Отчет Императорской Археологической Комиссии 1859—1915. СПБ, 1862—1918.
Рыбаков, Ремесло = Рыбаков Б. А., Ремесло древней Руси. Изд. АН СССР, 1948.
СА = Советская Археология. М.—Л., 1936—.
Седов В. В., Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода. КСИЭ XV, М., 1952, стр. 72—79.
Сизов, Дьяково городище = Сизов В. И., Дьяково городище близ Москвы. Труды IX Археологического съезда в Вильне 1893 г. Под редакцией графини Уваровой и С. С. Слуцкого, том II, М., 1897, стр. 256—267.
Слободин, Развитие и смена сист. землед. до I тысячелет. н. э. = Слободин В. М., К вопросу о развитии и смене систем земледелия (от времени его возникновения на территории СССР до I тысячелетия н. э.). Материалы по истории земледелия СССР. Сборник I, М., 1952, стр. 9—65.
Сообщ. ГАИМК = Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры.
Спицын, Древн. басс. р. Оки и Камы = Древности бассейнов рек Оки и Камы. В обработке А. А. Спицына. Выпуск I, МАР 25, СПБ, 1901.
Спицын А. А., Поля погребальных урн. СА X, М.—Л., 1948, стр. 53—72.
Спицын, Предметы с выемч. эмалью = Спицын А., Предметы с выемчатой эмалью. Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества, т. V, вып. I. СПБ, 1903, стр. 149—192.
Станкевич Я. В., Исследование памятников первого тысячелетия нашей эры в верховьях Западной Двины за 1949—1951 годы. КСИИМК 52, М., 1953, стр. 60—67.
Станкевич Я. В., Итоги археологических работ 1950 года в Великолукской области. КСИИМК XLVII, М., 1952, стр. 86—92.
СЭ = Советская этнография. М., 1945—.
Тараканова, Длинные и удлиненные курганы = Тараканова С. А., Длинные и удлиненные курганы. СА XIX, М., 1954, стр. 77—110.
Тараканова С. А., Раскопки в Псковском Кремле. КСИИМК XXI, М.—Л., 1947, стр. 140—147.
Третьяков, Верхнее Поволжье = Третьяков П. Н., К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. МИА 5, М.—Л., 1941.
Третьяков П. Н., Вопросы этногенеза северных восточнославянских племен. Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленума Института истории материальной культуры, посвященные итогам археологических исследований. М., 1953.
Третьяков, Восточнославянские племена = Третьяков П. Н., Восточнославянские племена. Издание второе, переработанное и расширенное. М., 1953.
Третьяков, Подсечное земледелие = Третьяков П. Н., Подсечное земледелие в Восточной Европе, Известия ГАИМК XIV, I, Л., 1932.
Труды VII Археолог. съезда = Труды VII Археологического съезда в Ярославле 1887. Под редакцией графини Уваровой. II, М., 1891.
Труды Московского предварительного комитета X Археологического съезда в Риге. М., 1896.
Фосс М. Е., Итоги Галичской экспедиции. КСИИМК XXVI, М.—Л., 1949, стр. 34—39.
Фосс, Галичск. Экспед. = Фосс М. Е., Результаты Галичской экспедиции 1946 г. КСИИМК XX, М.—Л., 1948, стр. 58—66.
Ханенко, Древности Приднепровья = Собрание Б. Н. и Б. И. Ханенко, Древности Приднепровья, I—VI, Киев, 1899—1907.
Харузин Н. Н., Обзор доисторической археологии в Эстляндской, а также в Лифляндской и Курляндской губерниях по трудам местных исследователей. Временник Эстляндской губернии 1893. I кн., Ревель, 1894.

Чернягин, Длинные курганы = Чернягин Н. Н., Длинные курганы и сопки. МИА 6, М.—Л., 1941, стр. 93—134.
Янитс, Поздненеол. могильники = Янитс Л., Поздненеолитические могильники в Эстонской ССР. КСИИМК XLII, М., 1952, стр. 53—65.
Янитс, Л. Ю. Неолитические стоянки на территории Эстонской ССР. КСИИМК 54, М. 1954, стр. 3—23.
Янитс Л. Поселения эпохи неолита и раннего металла в районе устья р. Эмайыги (Эстонская ССР). Автореферат диссертации. Тарту, 1953.
Ястребов В. Н., Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. МАР 10, СПБ, 1893.
Almgren, Fibelformen = Almgren, O., Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Stockholm 1897.
Almgren, Gotland = Almgren, O., Die ältere Eisenzeit Gotlands I. Stockholm 1914.
Anger, Rondsen = Anger, S., Das Gräberfeld zu Rondsen im Kreise Graudenz. Graudenz 1890.
Ariste, Eesti ja vene rahva sõbralikud suhted = Ariste, P., Eesti ja vene rahva sõbralikud suhted keeleteaduse valguses. „Rahva Hääl" 1951, Nr. 252, стр. 3.
Ariste, P. Slaavlaste ja läänemerelaste vanimaist keelelisist kokkupuuteist. „Looming", 1952, nr. 6, стр. 698—706.
Aspelin, J. R., Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Helsinki 1877—1884.
Beitr. Estl. = Beiträge zur Kunde Est-, Liv- und Kurlands I—VIII. Reval 1873—1915. Beiträge zur Kunde Estlands IX—XXI. Tallinn (Reval) 1923—1938.
Bezzenberger, A., Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreussens. Königsberg i. Pr. 1904.
Blume, German. Stämme = Blume, E., Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit. I Teil. Mannus-Bibliothek Nr. 8, Würzburg 1912.
Boulitchov, N. de, Fouilles de la Russie Centrale. Kourgans et gorodietz. Recherches archéologiques sur la ligne de partage des eaux de la Volga et du Dniéper. M., 1900.
Congr. sec. = Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae, 19.—23. VIII. 1930. Rigae 1931.
Ebert, Reallexikon = Reallexikon der Vorgeschichte. Unter Mitwirkung zahlreicher Fachgelehrten herausgegeben von Max Ebert. I—XV, Berlin 1924—1932.
ERM Aastar. = Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat I—XIV. Tartu 1925—1939.
ESA = Eurasia Septentrionalis Antiqua I—XII. Helsinki 1926—1938.
FM = Finskt Museum. Helsingfors 1894—.
Fornvännen. Meddelanden från K. Vitterhets, Historie och Antiquitets Akademien. Stockholm 1906—.
Friedenthal, Cournal = Friedenthal, A., Das Gräberfeld Cournal, Kirchspiel St. Jürgens, Harrien, Estland. Reval 1911.
Gaerte, Urgesch. Ostpr. = Gaerte, W., Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg i. Pr. 1929.
Grewingk, Aschenfriedhof b. Türsel = Grewingk, C., Der schiffförmige Aschenfriedhof bei Türsel in Estland. Verh. GEG XIII, Dorpat 1888, стр. 5—68.
Grewingk, C., Das Steinalter der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland und einiger angrenzenden Landstriche. Schriften der Gelehrten Estnischen Gesellschaft IV. Dorpat 1865.
Grewingk, C., Die Steinschiffe von Musching und die Wella-Laiwe oder Teufelsböte Kurlands überhaupt. Verh GEG IX, Dorpat 1879, стр. 1—48.
Hackman, A., Die Emailfibel von Wärilä im Kirchspiel Pälkäne. SMYA XXVI, Helsinki 1912, стр. 205—225.
Hackman, Ältere Eisenz. in Finnland = Hackman, A., Die ältere Eisenzeit in Finnland. Helsingfors 1905.
Hackman, Ält. eisenz. Funde = Hackman, A., Die ältesten eisenzeitlichen Funde in Finnland. Mannus V. Würzburg 1913, стр. 279—299.
Hansson, Gotlands bronsålder = Hansson, H., Gotlands bronsålder. Stockholm 1927.
Hausmann, Grabfunde = Hausmann, R., Grabfunde aus Estland. Reval 1896.
Hausmann, Steinhügelgräber von Waiwara = Hausmann, R., Steinhügelgräber von Waiwara. Sb. GEG 1895, Dorpat 1896, стр. 88—100.
Hausmann, R., Übersicht über die archäologische Forschung in den Ostseeprovinzen im letzten Jahrzehnt. Arbeiten des Ersten Baltischen Historikertages zu Riga 1908. Riga 1909, стр. 1—52.
Jahresber. Estl. = Jahresbericht der Estländischen Literarischen Gesellschaft. Reval 1906—1913.
Jahresb. Fell. = Jahresbericht der Felliner Litterarischen Gesellschaft 1882—1917. Fellin 1883—1918.

Jażdżewski, K., Atlas to the prehistory of the slavs. Acta Praehistorica Universitatis Lodziensis I. Łódź, 1948.
Johansen, P., Die Estlandliste des Liber Census Daniae. Kopenhagen—Reval 1933.
Jung, J., Muinasaja teadus Eestlaste maalt. II. Kohalised muinasaja kirjeldused Liivimaalt, Pernu ja Viljandi maakonnast. Jurjew 1898. III. Kohalised muinasaja kirjeldused Tallinnamaalt. Tallinn 1910.
Kostrzewski, J., Gród prasłowiański w Biskupine w powiecie Żnińskim. Poznań 1938.
Kostrzewski, J., Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit I. Mannus-Bibliothek 18, Leipzig 1919.
Kostrzewski, J., Wielkopolska w czasach przedhistorycznych. Poznań 1923.
Kulikauskas, Pr., Emaliuotieji dirbiniai Lietuvoje. Оттиск из Vytauto Didžiojo Kultūros Muziejaus Metraštis 1941, Kaunas 1941.
Körber, B., Steinhügelgräber in Waiwara. Sb. GEG 1897, Jurjew 1898, стр. 49—68.
Maamägi, V. ja Vassar, A., Kümme aastat ajalooteadust Nõukogude Eestis. Nõukogude teaduse arengust Eesti NSV-s 1940—1950, Резюме: Маамяги В. А., Вассар А. К., Десять лет исторических наук в Советской Эстонии. О развитии советской науки в Эстонской ССР 1940—1950, Таллин, 1950, стр. 11—51.
Muistse Eesti linnused. 1936—1938. a. uurimuste tulemused. Toimetanud H. Moora, Tartus 1939.
Montelius, O., Minnen från vår forntid. I. Stenåldern och bronsåldern. Stockholm 1917.
Montelius, O., Svenska fornsaker. II Jernåldern. Stockholm 1872.
Moora, H., Arheoloogilised väliuurimised Eesti NSV alal 1950. ja 1951. aastal. Резюме: Моора Х. А., Археологические полевые исследования на территории Эстонской ССР в 1950 и 1951 гг. Изв. АН ЭССР, 1952, 1, стр. 117—130.
Moora, EZL = Moora, H., Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. I—II. ÕES Toim. XXV, XXIX, Tartu 1929, 1938.
Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta = Moora, H., Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodalā sabiedrība Latvijas PSR territorijā. Rīgā 1952.
Pič, J. L., Le hradischt de Stradonitz en Bohême. Leipzig 1906.
Praeh. Ztschr. = Praehistorische Zeitschrift. Berlin 1909—.
RK = Katalog der Ausstellung zum X. archälogischen Kongress in Riga 1896. Riga 1896.
RK 1930 = Katalog der Ausstellung zur Konferenz Baltischer Archäologen in Riga 1930. Riga 1930.
Rygh, O., Norske Oldsager. Christiania 1885.
Sb. GEG = Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. См. ÕES Aastar.
Sb. Prussia = Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia zu Königsberg in Pr. 1—25. Königsberg i. Pr. 1875—1924.
Senatne un Māksla = Senatne un Māksla. Rīga 1936—1940.
SM = Suomen Museo. Helsinki 1894—.
SMYA = Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki 1874—.
Spreckelsen, A., Ausgrabungen in Saage, Kirchspiel Jegelecht, Estland. Beitr. Estl. VI, Reval 1907.
Spreckelsen, Laakt = Spreckelsen, A., Das Gräberfeld Laakt (Lagedi), Kirchspiel St. Jürgens, Harrien, Estland. ÕES Toim. Verh. GEG XXIV. Dorpat 1927.
Tallgren, Zur Arch. Eestis I, II = Tallgren, A. M., Zur Archäologie Eestis I. Vom Anfang der Besiedelung bis etwa 500 n. Chr. Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis B III 6, Dorpat 1922. II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. Там же. B VIII 1. Dorpat 1925.
Thomson, W., Über den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen. Halle 1870.
Tischler-Kemke, Ostpreuss. Altertümer = Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Zusammengestellt von Dr. O. Tischler. Herausgegeben von H. Kemke. Königsberg i. Pr. 1902.
Vassar, A., Eesti maad Muistse Vene riigi koosseisus. Резюме: Эстонские земли в составе древнерусского государства. Изв. АН ЭССР, 1954, 2, стр. 167—181.
Verh. GEG см. ÕES Toim.
Wiskowatow, P., Nachtrag zum Berichte über die Aufdeckung der Steinsetzung zu Türsel. Verh. GEG XIII, Dorpat 1888, стр. 71—79.
Wiskowatow, P., Bericht über die Aufdeckung einer schiffförmigen Steinsetzung bei Türsel in Estland. Verh. GEG XIII, Dorpat 1888, стр. 1—4.
Ztschr. f. Ethn. = Zeitschrift für Ethnologie. Berlin 1869—.
ÕES Aastar. = Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 1924—1938. Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1861—1923. Tartu (Dorpat) 1861—1940.
ÕES Toim. = Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused XXIV—XXXIV. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft I—XXIII, Tartu (Dorpat) 1840—1943.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ В КНИГЕ СОКРАЩЕНИЙ МУЗЕЙНЫХ ФОНДОВ И РУКОПИСНЫХ МАТЕРИАЛОВ

ГИМ — Государственный исторический музей в Москве.
ИИ — Институт истории Академии наук Эстонской ССР (сектор археологии) в Таллине.
ИМ — Исторический музей Академии наук Эстонской ССР в Таллине.
МВ — Межрайонный краеведческий музей в г. Вильянди.
МП — Межрайонный краеведческий музей в г. Пярну.
МПд. — Межрайонный краеведческий музей в г. Пайде.
МР — Межрайонный краеведческий музей в г. Раквере.
Опис. арх. памятн. (Хальяла, Люганусе...) — рукописные описания археологических памятников соответствующих местностей, хранящиеся в секторе археологии Института истории Академии наук Эстонской ССР.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Бляшка в виде сходящихся вершинами треугольников (рис. 25:*1*) — 102, 216.
Бляшка для прикрепления цепочек — 124.
Бляшка, конусообразная (рис. 33:*1*) — 139.
Бляшка с глазком из синего стекла — **86**, 87, 145, **198**.
Бляшка-скобочка — 81, 121—122, 138, 153, 215.
Боевой топор; см. топор, боевой.
Бронза (ввоз, обработка) — 184—185.
Браслет, витой из трех проволок — 148, 157.
Браслет выпукло-вогнутого сечения — 83, **86, 98,** 102, 105, 119, 122, 123, 146, 152, 197, 224.
Браслет, железный — 24, **34—35, 58,** 221, 228.
Браслет, ножной (типа рис. 14:*3*) — **41,** 56, 70, 75, 92, 106.
Браслет, пластинчатый (рис. 23:*12*) — **96—98**.
Браслет, пластинчатый с низкими ребрами (типа рис. 20:*9*) — 88, 133, 134, 135.
Браслет, пластинчатый с цилиндрическими концами (типа рис. 29:*11*) — **86, 118, 120,** 204.
Браслет, плоский, с загнутыми краями (типа рис. 24:*5, 6*) — **96—98**.
Браслет плоско-выпуклого сечения (рис. 5:*1*) — 26, **34**, 181.
Браслет сегментарного сечения — 42, 59, 68, 77, **81—82**, 83, **85,** 88, **98,** 111, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 133, 137, 146, 149, 151, 177, 197, 228.
Браслет с змеиными головками (рис. 40:*8*) — 153.
Браслет с покатой внешней поверхностью — **83,** 88, **96,** 119, **132,** 229, 230.
Браслет с расширяющимися концами (типа рис. 10:*20*) — 60, 228.
Браслет, спиральный — 28, **38,** 40, 67, 68, 71, 149, 150, 151, 160, 198, 203, 221.
Браслет с утолщенными концами (типа рис. 30:*5*) — 122, 133, 134.
Браслет с четырехгранными утолщенными концами (рис. 43:*1*) — 160.
Браслет с шишечками на концах — 42, 62, **65—67, 68,** 70, **73,** 75, 82, 108, 111, 146, 149, 150, 155, 160, 195, 203, 205, 211, 230.
Браслет трехгранного сечения — 68.
Браслет трехгранного сечения с профилированными ребрами — 144, 153.
Браслет четырехгранного сечения (и близких к нему типов) — 28, **37—38,** 40, 42, 62, **67—68,** 70, 71, **73,** 79, 82, 96, 98, 108, 118, 119, **132,** 133, 149, 151, 152, 153, 158, 160, 195, 203, 210, 221, 229, 230.
Браслет шестигранного сечения — **98,** 132, 133, 151, 158, 228, 231.
Булавка, костяная — 20, 22, 23, 28, **43,** 57.
Булавка с кольцеобразной головкой с завитком — 29, 34, 38, 39, 40, **44,** 45, 47, **54—57,** 58, 59, 77, 108, **157,** 159, 171, **186,** 188, 193, 198, 202, 203, 205, 206, 216, 221, 223, 224, 228.
Булавка с кольцеобразной головкой, отогнутой в сторону (типа рис. 9:*2, 4*) — 38—40.
Булавка с профилированной головкой — 72, **73,** 79, 105, **106,** 134, 211, **228**.
Булавка с розетковидной головкой — **77—79,** 86, 211.
Булавка со свернутой в трубочку головкой (рис. 9:*1, 3*) — **38—40.**
Булавка с трехугольной головкой — 60, 134, 144, 159.
Булавки, разные — 34, 103 (рис. 25:*4*), 144 (рис. 36:*2, 3*), 146, 148, 152, **153—154** (рис. 40:*5*), 200, 221.
Бусина, бронзовая — **81,** 83, 121, 123. См. также ожерелье.
Бусина, стеклянная с позолотой — 77, **81,** 82, 83, 87, 129, 132, 133, **137,** 153, 155, **175—176,** 219, 227, **228**.
Бусина, янтарная — 103, 129, 137, 153, **154,** 227.
Бусины, разные — 71, **73,** 83, 129, 137, 139, 149, 153, 211, 219.

Височное кольцо; см. кольцо, височное.
Височное украшение; см. украшение, височное.

Гребень, железный — 105, **106**.
Гривна, шейная, из каменных курганов с ящиками (рис. 5:*2* и др.) — 25, **34,** 107, 181, 185, 188, 212.
Гривна, шейная, витая из проволок — 161, 162, **163, 164.**

Гривна, шейная, с восьмеркообразными концами (рис. 30:*3*) — **87**, 90, **124**.
Гривна, шейная, с конусообразными или полусферическими шляпками на концах — **95—96**, 119, 143, 146, 158, **161**, **163**, **164**, 210, 214, 228.
Гривна, шейная, с пластинчатыми концами (рис. 20:7) — 88, **213**.
Гривна, шейная с раструбчатыми концами — 68, 70, 108, 158, 160, **161**, **163—164**, 221.
Гривна, шейная с утолщенными концами — 60, 143.

Железо (знакомство с железом, обработка железа) — 34, 59, 184, 186, **189**, 212. См. также шлак, железный.

Зернотерка (с городища Асва) — 184.

Игла, швейная — 118, 227.

Камень, растиральный — 31, **45**, 139, 170.
Кварц — 167, 170.
Керамика — 19, 21, 25, 26, 31, 33, 34, **37**, 46, 51, 68, 71, 111, 122, 139, 149, 156, 176, 202.
Керамика, гребенчатая (и с отпечатками перевитого шнура) — 52—53, 137, 169, **170—171**, 172, 179, 192, 193.
Керамика, лощеная — 60, 122, 170, **172**, 175, 176, 202.
Керамика, сетчатая — 31, **45**, 130, 132, **169**, **170—171**, **172**, **179**, 192, **202**, 216.
Керамика с линейным орнаментом — 52—53.
Керамика со сглаженной поверхностью — 169—170, **171—172**, **175**, **176**, 179.
Керамика с шнуровым орнаментом — 137, 192, 193, 210.
Керамика, штрихованная — 31, **36**, **45**, 54, 149, 156, **169**, **170—171**, **172**, **179**, 210, 216.
Кинжал (или меч, рис. 6:*2*) — 24, **35**.
Кольцо, бронзовое — 26, 155.
Кольцо, височное — 41—42, 157.
Кольцо, железное (рис. 28:*3*) — 120.
Копье (наконечник копья), бронзовое — 185.
Копье (наконечник копья), железное — 71, 103, 125, 133, 134, 155, 159, 177, 220, **224**.
Косарь — 45, 57—58, **62—63**, **73**, 75, 77, 108, 122, 125—126, 149, 155, 171, 186, 192, 193, 195, 203, 228.
Кости животных, определенные — 31, 33, 46, 169, 176, 183, 184.
Кость со следами обработки — **33**, 170.
Костяные изделия — 170, 184.
Кремень (изделия и осколки) — 20, **42**, **62**, 71, 170.
Кресало, каменное — 29, **44**, 220.

Ложкарь — 103.
Лунница — **119**, **120**, 144, 152, **154**, 202.

Меч — 159; см. также кинжал.
Монета, римская — 219.
Мотыга — 183—184.

Нож, железный — 29, 44, 51, 54, 68, 70, 71, **103**, **118**, **119**, **122**, 124, 125, 139, 146, 149, 151, 170.
Нож, боевой — **103**, 125, 159.
Нож, бронзовый — 188, 212.
Нож, дисковидный (типа рис. 40:*6*) — **82**, **151**, **154**, 155, 230.
Нож-косарь, см. косарь.
Нож с выпуклой спинкой; см. нож серповидный.
Нож с выпуклым лезвием (типа рис. 31:*17*, *18*) — **132**, 133, 143.
Нож-секач; см. секач.
Нож, серповидный (и с выпуклой спинкой) — 26, 29, 37, **41**, 44, 47, 56, **57—58**, 59, 62, 67, **68**, 70, 71, **73**, 77, 103, 108, 122, 124, 133, 146, 149, 150, 156, **186**, **193**, 195, 202, 205.

Ожерелье из нанизанных на железную проволоку бронзовых бус, пронизок и привесок — 119, 121, 122, 152, 202, 204. См. также бусина бронзовая.
Орудия эпохи бронзы — 210.

Перстень, замкнутый, узкий (типа рис. 16:*5*, *6*) — 70, **71**, **73**, 75, **77**, 79, **81**, 83, **95**, 108, 116, 120, 137, 139, 146, 151, 153, 156, **200**.
Перстень, замкнутый, широкий, полый — 71, **79**, 81, 82, 83, 87, 88, **95**, 111, 118, 120, 122, 132, 135, 137, 139, 146, 151, 153, 158, 159, 195, 197, 225.
Перстень, спиральный — 29, 59, 70, 71, 75, 82, 83, 85, 87, 88, 95, 109, 118, 119, 120, 122, 123, **124**, 129, 132, 133, 137, 139, 144, 146, 149, 151, 153, 156, 228.
Перстни, разные — 24, 73, 83, 102, 105, 124, 137, 144.
Пинцетка — 43—44, 77, 153, 187, 212.
Привеска, треугольная — 86—87, 134, 139, 228.
Привески, разные — 157, 158, 169, 170, 202, 227, 228, 229.
Пряжка, коническая (рис. 9:*10*) — 40, 70.
Пряжка, поясная (типа рис. 8:*4*) — 31, 45, 149.
Пуговка, украшенная эмалью (рис. 58:*4*) — 227.
Пуговка, янтарная, двойная — 40, 188, 210.

Растиральный камень, см. камень, растиральный.

Секач — 25, 26, **34**, 186.
Серп, бронзовый — 183.
Серп, железный — 159.
Серповидный нож; см. нож, серповидный.
Сошник — 207.
Стекло; см. бляшка с глазком из синего стекла, бусина, стеклянная с позолотой; бусины, разные.
Стрела, костяная (наконечник) — 188.

Топор, боевой — 18, 210.
Топор, бронзовый — 185, 188.

Топор, железный, втульчатый — 24, **75—77**, 88, 108, 116, 122, 125—126, 146, 155, 171, **186**, 193, **195**, 203, 216, **224**, 226.
Топор, проушной — 38, **40—41**, 58, **77**, 186, 193, 202, 216.
Топор, со стержнем (типа рис. 43:*4*) — 77, 160, **195**.
Точилка — 170.
Трубочка, бронзовая — 71.

Удила — 220.
Украшение, височное, наподобие очков — 34, **58**, **193**, 210.
Украшение, височное, подковообразное (типа рис. 29:*4*) — 88, **119**, 123, 158, 204.
Украшение, височное, спиралькой (рис. 2:*3*, *6*) — 20, 22, **48**.
Умбон; см. щит.

Фибула, арбалетная — 227.
Фибула, арбалетная, простая — **95**, 155.
Фибула, арбалетная (разные поздние типы) — 124, 133, 159, 225, 228.
Фибула, арбалетная с обмотанными спиралькой шипами — 81, 82, **83**, **85—86**, **87**, **88**, **102**, 105, 106, 107, 109, 124, 132, 133, 135, 139, 144, 148, 149, 151, 153, 155, 159, 195, 197, 200, **204**, 211, **218**, 226, **228**.
Фибула, арбалетная с треугольной ножкой — **133**, 134, 148, 155.
Фибула, арбалетная, украшенная колечками — **77—79**, 87, **88**, 90, **95**, **105**, **106**, 133, 134, 143, 144, 148, 153, 158, 159, 211, 221.
Фибула, арбалетная с цельнолитым приемником для булавки — 133, 134, 144.
Фибула, глазчатая — 62, **64—65**, 66, 68, 70, **71**, **73**, 75, 77, 82, 87, **92**, 98, 106, 107, 108, **109**, 111, 115, 116, **120**, 122, 124, 143, **146**, 149, 151, 153, 154, 155, 156, 158, 159, 163, 195, **196**, 197, **200**, 203, 204, 205, 206, 211, **219**, **220**, 221, 224, 227, 228, 229, 230, 231.
Фибула, дискообразная — 59—60, **100**, **118—119**, 122, 146, **153**, 154, 155, 158, 160 (конусообразная), 195, 197, **202**, 205, 225, 227.
Фибула, дискообразная с эмалью — 98, **100**, 116, 118, **120**, 123, 205, **217**.
Фибула, лучевая — 218.
Фибула, перекладчатая — **82**, **92**, 108, 119, **120**, 144, **148**, 200, **202**, 204, 205, 210, 227.
Фибула, подковообразная, украшенная эмалью — **72**, **73**, 79, **98—100**, 111, 116, **119—120**, 155 (без эмали), 159, 197, 204 (без эмали), 211, 214, **217**, 221, 225.
Фибула провинциально-римская — **115—116**, 219, 227.
Фибула, профилированная (разные) — **92—93**, **94**, 105, 115, 211, 224, 226.
Фибула со звездчатой ножкой — **88**, 124, 144.
Фибула с расширенной головкой (типа рис. 22:2, *3*) — 82, 87, 94, 109, 110, **116**, 119, 124, 146, 153, 158, 177, 195, 205, 214, 225, 227, 229.
Фибула с расширенной головкой (типа рис. 18:2) — **80—81**, 108.
Фибула с симметрическими концами (типа рис. 32:*1*) — **133—134**, 143—144, 156.
Фибула с трехлопастной ножкой (рис. 24:*4*) — **105**, **106**.
Фибула с щитком у головки — **116**, 153, 155, 200, **204**.
Фибула типа Тюрсамяэ (типа рис. 42:*1*) — **94—95**, 98, 109, 123, 143, 144, 146, **158**, **195**, 217, 221, 225.
Фибула, треугольная (антского типа, рис. 58:*1*) — 218.
Фибулы, разные, уникальные — **116**, (рис. 27:*8*); **119** (рис. 29:*6*), 148 (рис. 37:*8*), **151**, **154** (рис. 40:*4*), 211, 226, (рис. 44:*4*), 230 (рис. 40:*4*).
Формочка, литейная — 185.

Цепочка — 105, 228.

Швейная игла; см. игла, швейная.
Шило, бронзовое — 20, **43—44**.
Шило, железное — 25, **35—36**, 59, 70, 122, 149, 153.
Шлак, железный — 70, 122, 149, 170.

Щит (умбон, рукоятка, окаймление щита) — 104—105, 123.

Эмаль — 94—95, **98—100**, 109, 120, 143, 158, 195, **216—217**, **217—219**. См. также: булавка — 144, 200; привеска — 227; фибула, дискообразная — 98, **100**, 116, 118, **120**, 123, 205, **217**; фибула, подковообразная — 72, 73, 79, **98—100**, 111, 116, **119—120**, 155, 159, 197, 204, 214, **217**.

Язычок от ремня — **116**, **117**, **118**, 119, **120**, 132, 137, 145, 146, 159, 211.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

Введение 5

Историографический обзор: общие замечания (5); исследования до Великой Октябрьской революции (6); исследования в буржуазной Эстонии (11); исследования после восстановления советской власти в Эстонии (13).

I. Природная среда 15

II. Каменные курганы с ящиками 18

Памятники позднего неолита на северо-востоке Эстонии (18). Каменные курганы в Напа (19), Люганусе (22), Лиймала (23), Пуртсе (23), Ябара (24), Варья (28), Ранну (28), Куура (28), Малла (Келлераугу, 30), Койла (31), Выхма, Тыугу и Ватка (31), Вайвара (31). Анализ материала (33).

III. Могильник с оградками в Тойла 49

IV. Могильники с оградками в Ябара 61

Могильник *C* (61). Могильник *B* (74). Могильник *E* (90).

V. Могильник с оградками в Пада 111

VI. Могильники в Кохтла-Ярве 128

I могильник (129). II могильник (135).

VII. Другие могильники и клады 142

Могильники в Оявески (142), Тырма (146), Ийла (148), Пуртсе-Матка (151), Ярве (154), Кахула (156), Тюрсамяэ (156), Эссу (159), Малла (159), Пеэри (160), Трийги (160). Клады из Мустмятта и Лиймала (161).

VIII. Городища и поселения 166

Городища Койла (166), Клооди (172), Пуртсе (176). Некоторые другие городища и вопрос о поселениях (178).

IX. Хозяйство и общество 181

Вторая половина I тысячелетия до н. э. (181). I в. н. э. (190). II—IV вв. н. э. (194). Распад семейных общин начиная с IV в. н. э. (206).

X. Связи эстонских племен с соседними племенами 209

Связи с балтийскими (209), германскими (211), славянскими (214) племенами и с древним населением Финляндии (221).

XI. Некоторые вопросы этногенеза племен северо-восточной Эстонии 223

Распределение населения на территории северо-восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия до н. э. и первой половине I тысячелетия н. э. (223). Распределение населения в XIII в. н. э. по «Датской поземельной книге» (231). Данные диалектологии эстонского языка и древние эстонские племена (233).

Приложения 237

Общие замечания. Методика раскопок каменных могильников 237

1. Вещи из могильника с оградками в Тойла 239
2. Вещи из могильника *C* в Ябара 240
3. Вещи из могильника *B* в Ябара 242
4. Вещи из могильника *E* в Ябара 248

Подъемный материал из Ябара 253

5. Вещи из могильника в Пада 254
6. Вещи из I могильника в Кохтла-Ярве 258
7. Вещи из II могильника в Кохтла-Ярве 260

Библиография и сокращения 262

Список принятых в книге сокращений музейных фондов и рукописных материалов 266

Предметный указатель 267

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Эстонской ССР

*

РИСО № 163

Марта Хансовна Шмидехельм

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПЕРИОДА РАЗЛОЖЕНИЯ РОДОВОГО СТРОЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЭСТОНИИ

Эстонское государственное издательство
Таллин, Пярну маантеэ 10

*

Редактор Х. Моора
Технический редактор Х. Коху
Корректор С. Пальм

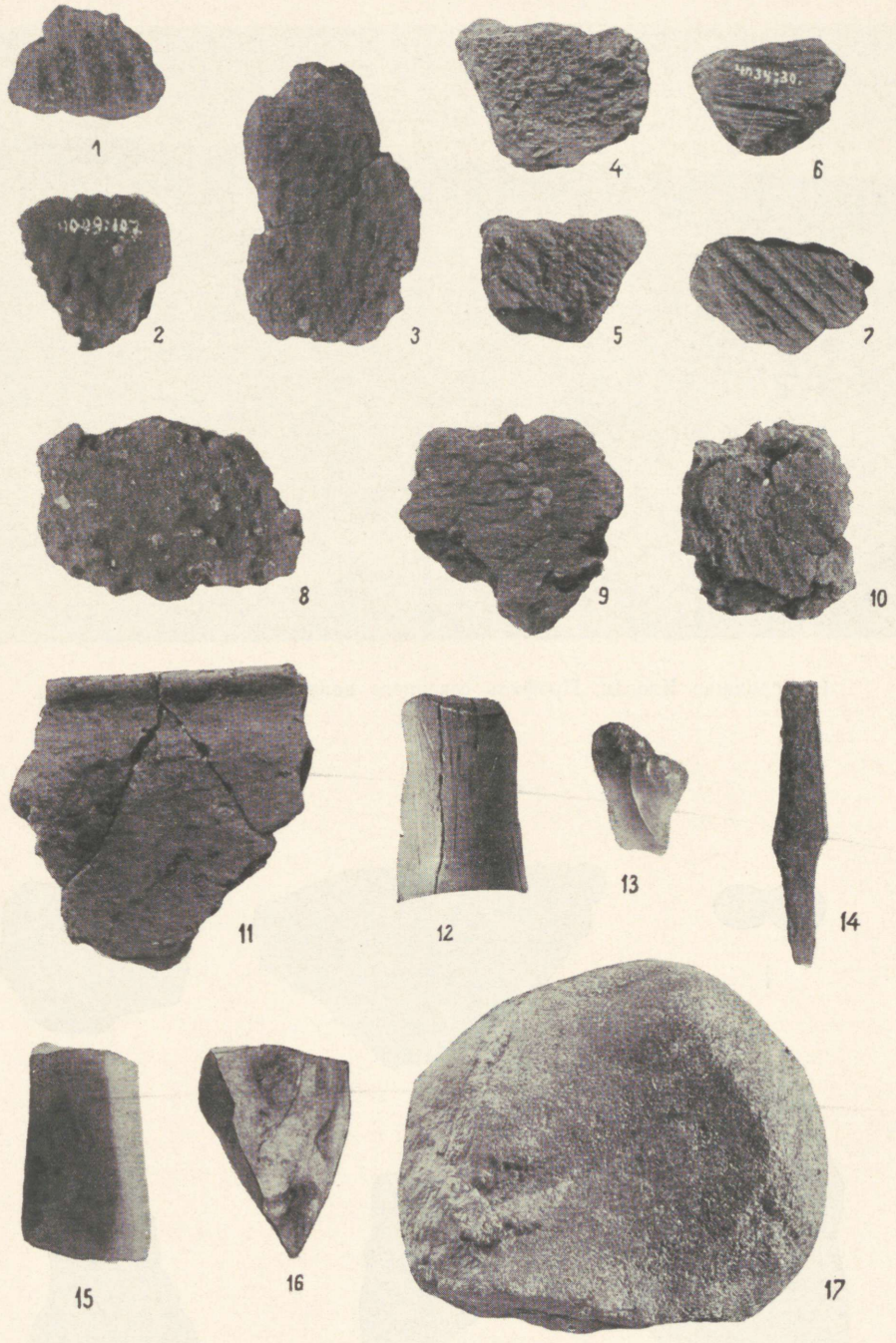
Сдано в набор 10 IX 1954. Подписано к печати 25 II 1955. Бумага 70×108, 1/16. Печатных листов 17+13 вклеек. По формату 60×92 печатных листов 26,71. Учетно-издательских листов 26,1. Тираж 1000. МВ-06050. Заказ № 2938. Типография имени Ханса Хейдеманна, г. Тарту, ул. Валликраави, 4.

Цена 15 руб. 35 коп.

ОПЕЧАТКИ

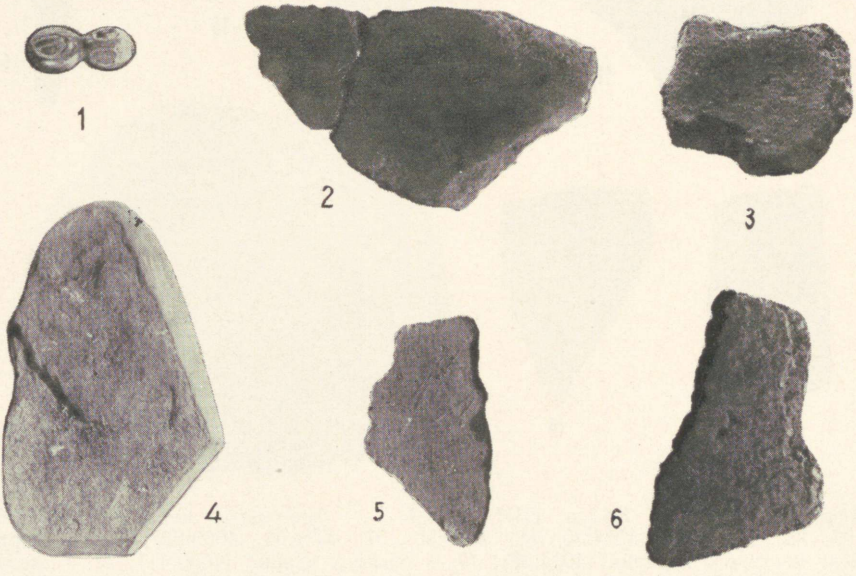
Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
27	2 снизу	(4)	(15)
34	6 снизу	станции	станицы
64	11 снизу	christlichen	nachchristlichen
64	10 снизу	Fibeln	Formen
123	6 сверху	5—9	5,9

Зак. № 2938.



Вещи с городища Қойла (ИИ). *1—11* — фрагменты керамики (4009:65, 107, 31, 136, 130, 4034:30, 89, 4009:32, 97, 4034:92, 4009:82); *12* — фрагмент костяного изделия (4034:28); *13* — осколок кварца (4009:41); *14* — железный нож (4034:41); *15* — точильный камень (4034:43); *16* — кусок кремня (4034:24); *17* — растиральный камень (4034:1). *1—5, 8, 9, 11, 13* — из восточного раскопа; *6, 7, 10, 12, 14—17* — из северного раскопа. Примерно $^2/_3$ нат. вел.

1. Городище Клооди. Профиль северного вала. Виден слой пожарища.



2. Вещи с городища Клооди: *1* — бусина с позолотой; *2, 3* — фрагменты керамики; *4* — фрагмент точильного камня; *5, 6* — фрагменты керамики (МР). Почти $^1/_1$ нат. вел.

15 р. 35 к.

B-108

TARTU ÜLIKOOLI RAAMATUKOGU
1 0300 00123561 5